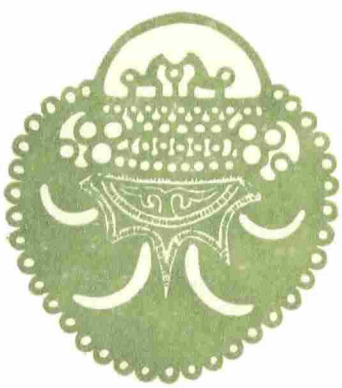
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



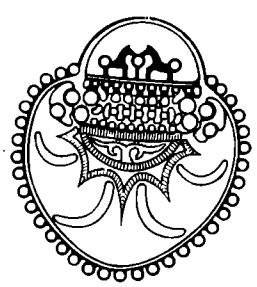
3

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

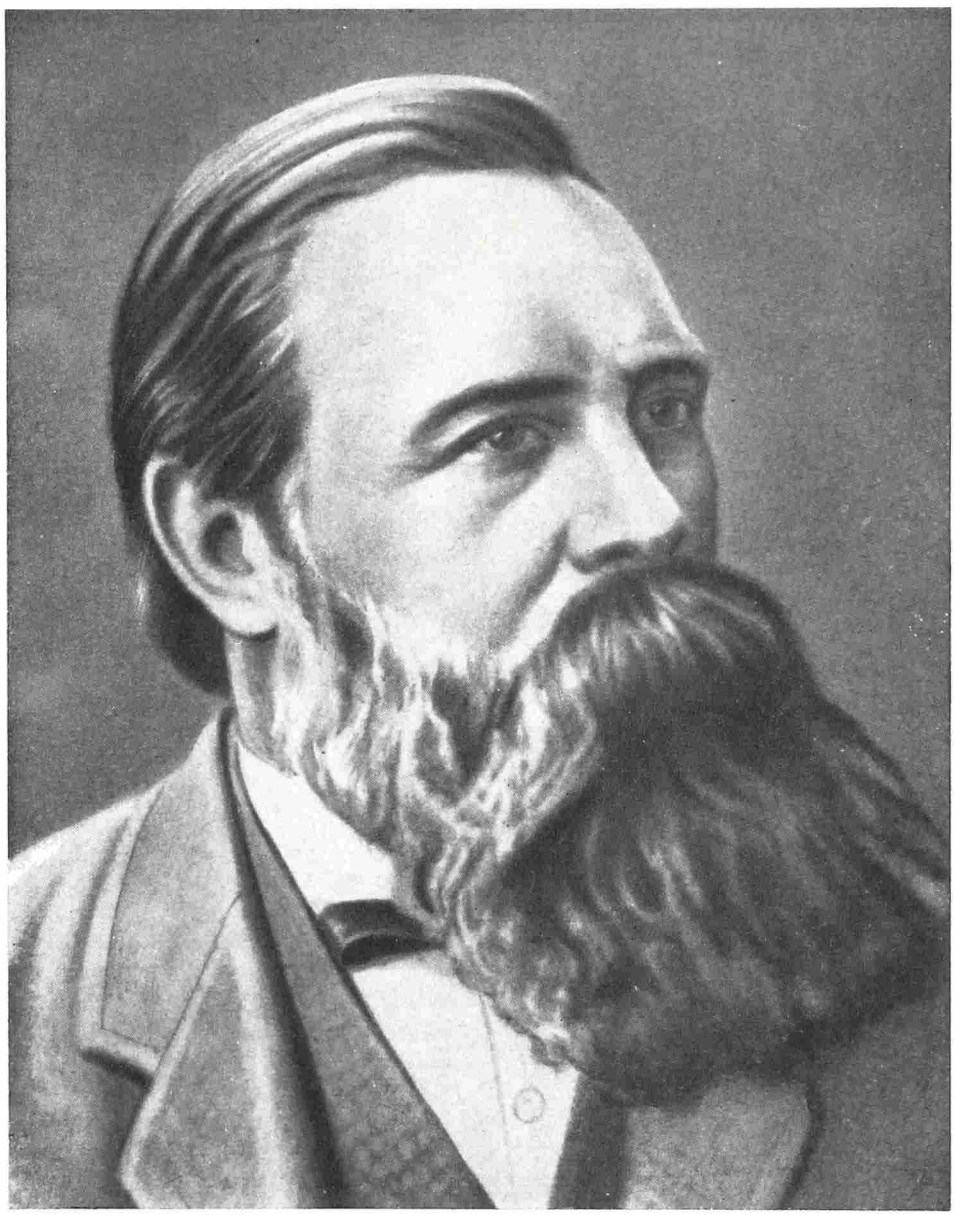
№ 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,
Е. И. Крупнов, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий*

Адрес редакции:
Москва, Ж-127, ул. Осипенко, д. 52



ПАМЯТИ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

В 1970 г. наша страна и все прогрессивное человечество отмечают 75 лет со дня смерти и 150 лет со дня рождения ближайшего друга и соратника Карла Маркса, великого вождя пролетариата Фридриха Энгельса. Вместе с К. Марксом Ф. Энгельс внес неоценимый вклад в развитие мировой науки и культуры. Материалистическое понимание истории, теория исторического материализма, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом, открыли путь для превращения истории и всех ее разделов, в том числе и археологии, в подлинную научную дисциплину, изучающую объективные закономерности и потому способную не только разъяснить прошлое и настоящее, но и предвидеть будущее.

Для произведений К. Маркса и Ф. Энгельса характерна насыщенность фактами, конкретность. Общая методология исторического исследования вырабатывалась К. Марксом и Ф. Энгельсом в процессе изучения конкретных исторических фактов. Было бы ошибкой, рассматривая работы К. Маркса и Ф. Энгельса, разделять непроходимой стеной разработанную ими методологию исторического материализма и конкретные образцы применения ими этой методологии. И то и другое было связано между собой.

Фридрих Энгельс уделял пристальное внимание самым различным областям древней истории и археологии. В произведениях Ф. Энгельса трактуются и древний палеолит Франции, и происхождение христианства, и история древних германцев. Но не будет преувеличением сказать, что вопросы происхождения и истории первобытного общества всегда были у него объектом особого интереса. Вплоть до самых последних лет своей жизни Ф. Энгельс очень много занимался исследованием этих проблем, защитой марксистской их трактовки, борьбой против попыток их антинаучного извращения. Ф. Энгельс придавал проблемам первобытности большое принципиальное, политическое значение. Недаром В. И. Ленин говорит о книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» не просто как об историческом труде, а как об одном из основных сочинений современного социализма [1]. Можно полагать, что пристальный интерес Ф. Энгельса к первобытности, неразрывно связанный с пристальным интересом К. Маркса к этим же вопросам, был обусловлен не только общим значением истории первобытного общества как начала всех начал для понимания всемирного исторического процесса, но и тем, что в середине и во второй половине XIX в. изучение происхождения человека и ранних этапов истории человеческого общества было тесно связано с успехами естествознания, с передовым дарвинизмом. Это был один из форпостов острой идеологической борьбы передовой материалистической науки против идеализма и религии.

В советской исторической литературе в 30-е годы, в период наибольшего распространения начетничества и догматизма, высказывалась мысль, что основные положения марксистского учения о первобытнообщинном строе были сформулированы К. Марксом и Ф. Энгельсом уже в 40-х годах XIX в., а затем подвергались только конкретизации и уточнениям. Это находится в кричащем противоречии с живым, творческим характером марксистско-ленинской теории. Концепция первобытного общества, кото-

[1] В. И. Ленин. О государстве. Полн. соб. соч., т. 39, стр. 67.

рую мы находим в книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», не может быть сведена к концепции, которую мы находим в работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», и, разумеется, не может рассматриваться только как конкретизация последней. Детальный же текстологический анализ книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» показывает, какой существенной доработке подверг ее Ф. Энгельс к четвертому изданию.

Широко используя новые материалы, меняя в соответствии с ними те или иные из своих взглядов, Ф. Энгельс тем не менее решительно и последовательно отстаивал ряд основных своих положений, касающихся развития первобытного общества. Свидетельством этого является энергичная, можно сказать, воинствующая переписка Ф. Энгельса с П. Л. Лавровым, К. Каутским, Э. Бернштейном и другими лицами в 70-х — 90-х годах. Свидетельством этого являются и предисловие Ф. Энгельса к четвертому изданию книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1891 г.), а также его статья «Вновь открытый случай группового брака» (1892 г.). Какие же положения особенно энергично отстаивал Ф. Энгельс в спорах со своими противниками?

Прежде всего тезис об общем труде и общей собственности на средства и на продукты производства, характеризующих начало человеческой истории. Это положение неизменно и непримиримо отстаивалось Ф. Энгельсом. С этим положением Ф. Энгельс в ряде случаев неразрывно связывал другое — о групповом браке, об общности жен, также характеризующей начало человеческой истории. Не следует забывать, что это второе положение Ф. Энгельс развивал и отстаивал так же последовательно и энергично, как и тезис об общем труде и общей собственности. «С такой же достоверностью, как там, где земля при принудительном переделе периодически вновь возвращается в общее владение, можно сделать заключение о прежней полной общности земли, — с такой же достоверностью можно, по моему мнению, заключать о первобытной общности женщин повсюду, где женщины периодически возвращаются — реально или символически — в состояние общности» [2]. «Где существует общность, — будь то общность земли или жен, или чего бы то ни было,— там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира. Все дальнейшее развитие заключается в постепенном *отмирании* этой первобытной общности; никогда и нигде мы не находим такого случая, чтобы из первоначального частного владения развивалась в качестве вторичного явления общность. Это положение я считаю настолько неопровержимым и общезначимым, что если бы Вы даже указали мне на исключения, то, как бы они на первый взгляд ни были разительны, я бы видел в них не аргумент против этого положения, а лишь еще один требующий разрешения вопрос» [3].

С вопросом о положениях, которые Ф. Энгельс считал основными и неопровержимыми в марксистской концепции истории первобытного общества, тесно связан и вопрос об отношении Ф. Энгельса к Л. Моргану, об оценке Ф. Энгельсом научной долговечности и принципиальной значимости тех или иных утверждений, содержащихся в книге Л. Моргана «Древнее общество». Общеизвестно, что Ф. Энгельс дал книге Л. Моргана наивысшую оценку, какую только может получить научный труд. Он сравнил значение открытий Л. Моргана для первобытной истории со значением открытий Ч. Дарвина для биологии и со значением открытий К. Маркса для политической экономии. Сравнение Моргана с Дарвином повторяется у Ф. Энгельса дважды [4]. А сравнение роли открытий Дарвина в области естественных наук со значением открытий К. Маркса в области общест-

[2] Ф. Энгельс — Карлу Каутскому в Вену. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, М., 1964, стр. 363.

[3] Там же, стр. 376.

[4] Ф. Энгельс. К истории первобытной семьи. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, М., 1962, стр. 223; его же. Карлу Каутскому в Цюрих. Там же, т. 36, М., 1964, стр. 97.

венных наук является одним из основных положений марксистско-ленинской теории. В этом отношении очень показательно определение В. И. Ленина. «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними,— так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» [5]. Это чеканная ленинская формулировка является, надо думать, ключом и к пониманию значения труда Л. Моргана для марксистской концепции первобытности. Главное не в тех или иных синхронизациях, предлагаемых Л. Морганом, а в том, что Морган, подобно Дарвину, впервые стал рассматривать развитие первобытного общества и всех его институтов как закономерный процесс, впервые тем самым превратил историю первобытного общества в науку. И главное одновременно в том, что Морган, подобно Дарвину, создал свои построения на основе огромного фактического материала. Он не внес априорные схемы в фактический материал, а, подобно Дарвину, открыл закономерности в развитии фактов и сумел сам фактический материал сделать источником своих обобщающих построений. Поэтому для советских историков первобытного общества, критически оценивающих в свете современной науки вклад Моргана в изучение первобытности, есть только один путь: вперед от Моргана, по пути выявления новых, ранее неизвестных закономерностей, создания новых обобщающих исторических построений, если прежние построения устарели, но не назад, в доморгановское состояние науки.

Советская наука о первобытном обществе успешно развивается в оживленных спорах исследователей, стоящих на позициях марксизма-ленинизма. Такой процесс развития науки, отбрасывающей устаревшее и ведущей горячие дискуссии по спорным проблемам, является естественным и здоровым. Но он естествен и здоров только в том случае, если при этом не делается попыток отказаться от основного — от понятия о закономерности развития первобытного общества и его институтов. Показательны известные слова К. Маркса, приводимые Ф. Энгельсом в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Однако и сквозь греческий род явственно проглядывает дикарь (например, ирокез)» [6]. Действительно, казалось бы, что общего между древними греками I тысячелетия до н. э. и американскими ирокезами XVIII—XIX вв.?! Они принадлежали к совершенно разным историческим эпохам, обладали разной культурой, имели разное происхождение. Но исторический материализм видит в них два последовательных закономерно сменяющих друг друга этапа развития первобытного общества. И различие их исторических судеб не должно заслонять от нас этого основного. Попытки же забыть об этом и подменить сложный, многообразный, но закономерный процесс развития первобытного общества пестрой, бессистемной мозаикой разных племен и культур, разных форм хозяйства, разных форм семейных отношений тянут назад. Задача археолога и этнографа, разрабатывающего проблемы первобытности, как, впрочем, задача каждого исследователя,— не забывать за частным, особенным — общее, уметь увидеть, как в многообразии форм проявляется единый, закономерный исторический процесс развития человеческого общества.

П. И. Борисковский

---

[5] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» . . . . Полн. соб. соч., т. 1, М., 1958, стр. 139.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, стр. 101.

Статьи

А. А. ФОРМОЗОВ

О ТЕРМИНЕ «МЕЗОЛИТ» И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТАХ

За последние годы в советской литературе по первобытной археологии наблюдаются, с одной стороны, все увеличивающийся терминологический разнобой, а с другой (к сожалению, в меньшей степени) — стремление выработать новую четкую и общепринятую терминологию. И то и другое отнюдь не случайно. Раскопки послевоенных лет чрезвычайно обогатили наши представления о древнейших этапах истории человечества. Многие важнейшие проблемы — например, о времени овладения земледелием и скотоводством — приходится рассматривать совершенно иначе, чем раньше. Исследования в разных частях света показали, что развитие культуры в отдельных областях шло далеко не равномерно, весьма своеобразными путями, так что старую схему, созданную на материалах Западной Европы, нельзя применять к другим районам без существенных поправок. Немалую роль в терминологической разноголосице сыграло и расширение контактов советской науки с зарубежной за последние 10—15 лет. Выявились значительные несоответствия периодизации каменного века, сложившейся у нас в 30—40-х годах, в период относительной изоляции нашей археологии, со схемой, принятой теперь на Западе.

Новая, удовлетворяющая всех археологов терминология установится, конечно, не сразу. Публикуя эту статью, автор ни в коей мере не претендует на создание обязательной для всех терминологии и периодизации. Он хочет лишь поделиться своими соображениями по этому вопросу, в частности и потому, что применявшаяся им терминология подверглась недавно ожесточенной критике.

Разнобой в терминологии касается определения ряда важных эпох в истории общества и культуры. Так, вызывают споры необходимость выделения «среднего палеолита», сущность и хронологические границы «неолита» и «энеолита». Но наибольшие расхождения наметились в наименовании периода, переходного от палеолита к неолиту. В советской литературе его называют «мезолитом», «эпипалеолитом», «голоценовым палеолитом» и «докерамическим неолитом». Такое разнообразие объясняется тем, что в интересующее нас время сохранялись многие особенности палеолитической культуры, складывались новые формы, получившие дальнейшее развитие в неолите, и проявлялись специфические черты, характерные именно для данного отрезка истории. Исследователи обращали внимание порой на одно, порой на другое и усматривали в этой эпохе либо всего-навсего финал палеолита, либо начало неолита, а иногда и самостоятельный этап каменного века.

В 1962 г. в Ленинграде состоялось совещание по проблемам мезолита. Итоги его подведены в сборнике ценных статей «У истоков древних культур (эпоха мезолита)» [1].

---

[1] МИА, 126, 1966.

В большинстве работ сборника характеризуются мезолит того или иного района и отдельные памятники этого времени. Но есть и обобщающие статьи. Такова, прежде всего, статья А. Н. Рогачева «Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы», открывающая сборник. Как видно уже из заглавия, автор не приемлет термин «мезолит». Доказательству ошибочности и даже порочности этого термина и посвящена его статья. С мнением одного из виднейших специалистов по верхнему палеолиту СССР нельзя не считаться. Придется подробно рассмотреть его аргументацию.

А. Н. Рогачев начинает с утверждения, что термин «мезолит» «вошел в советскую археологическую литературу внезапно, в связи с появлением его в работе М. В. Воеводского» в 1950 г., а распространение этого термина «связано с выдвижением ошибочной в этом плане исторической концепции, развитой и аргументированной А. А. Формозовым» в 1959 г.[2] Все это чистейшее недоразумение. Еще в 1928 г. писал о мезолите Украины М. Я. Рудинский[3]. В вышедшем в 1939 г. в Ленинграде учебнике по истории первобытного общества В. И. Равдоникаса мы найдем специальный раздел «Понятие о мезолите»[4]. В 1941 г. в сборнике «Палеолит и неолит СССР», подготовленном сектором палеолита ИИМК (где работал и А. Н. Рогачев), опубликована статья М. З. Паничкиной «Мезолитическая стоянка Борки»[5]. Наконец, в 18 из 23 статей, помещенных в сборнике, передовицей к которому служит статья А. Н. Рогачева, термин «мезолит» фигурирует даже в заглавии. Смею уверить А. Н. Рогачева, что авторы этих статей не принадлежат к «школе Формозова».

Не убеждает и ссылка на авторитет Г. А. Бонч-Осмоловского, рассматривавшего в 1934 г. крымский «тарденуаз как последний этап длительного пути, пройденного человечеством в палеолитическое время»[6]. В общей форме это, может быть, и так, но сейчас ни у кого не вызывает сомнения, что девять десятых стоянок, отнесенных Г. А. Бонч-Осмоловским к тарденуазу, в действительности принадлежат неолитическим скотоводам[7]. Таким образом, этот вывод Г. А. Бонч-Осмоловского требует пересмотра.

Историографический экскурс А. Н. Рогачева свидетельствует лишь о слабой осведомленности автора в литературе о мезолите. Но дело, разумеется, не в историографии. Что представляет собой культурный комплекс мезолитического времени, к чему он ближе — к палеолиту или к неолиту, или же он достаточно самобытен? А. Н. Рогачев настаивает на почти полном тождестве мезолитической индустрии с палеолитической. Вспомним, однако, микролитический характер кремневого инвентаря мезолита, господство в нем в северной полосе Европы наконечников стрел из ножевидных пластинок, а на юге Европы и Азии и в Африке — геометрических орудий: сегментов, трапеций и других видов вкладышей. Можно возразить, что и мелкие наконечники из пластинок, и геометрические орудия известны еще в палеолите. Это верно. Но в позднем палеолите спорадически появляются чуть ли не все типы изделий, свойственные не только мезолиту, но и неолиту: полированные каменные орудия (Костенки IV), двусторонеобработанные наконечники из кремня — листовидные и треугольные с выемкой в основании (памятники селетского, солютрейского, стрелецкого типов), керамика (Павлов в Чехословакии), зернотерки (Рабочий ров на

[2] А. Н. Рогачев. Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы. МИА, 126, стр. 10.

[3] М. Я. Рудинський. До питання про культуру мезолітичної доби на Вкраїні. «Антропологія», I. Київ, 1928, стр. 73—91.

[4] В. И. Равдоникас. История первобытного общества. I, Л., 1939, стр. 249.

[5] М. З. Паничкина. Мезолитическая стоянка Борки. МИА, 2, 1941, стр. 149—157.

[6] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. «Труды II Международной конференции АИЧПЕ», V, М.— Л., 1934, стр. 166.

[7] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, 1960, стр. 99; А. А. Щепинский. О неолите и энеолите Крыма. СА, 1968, 1, стр. 121—133.

Десне) и т. д. Существенно поэтому не раннее возникновение того или иного типа изделия, а господство этих типов в индустрии. Ни мелкие наконечники стрел из пластинок, ни геометрические орудия не характерны в целом для палеолита, но весьма обычны для неолитических комплексов. То же можно сказать о рубящих орудиях, обильно представленных в мезолите Северной Европы.

На ряде стоянок отмечена бесспорная синхронность геометрических орудий с наконечниками стрел из ножевидных пластинок. Такова хотя бы пещера Сюрень II в Крыму [8]. Следовательно, изменение облика кремневого инвентаря и на севере, и на юге произошло примерно в одно время.

Так обстоит дело с материальной культурой. Что же можно сказать о хозяйстве? И здесь мы видим принципиальные отличия от палеолита. В Передней Азии производящее хозяйство сложилось задолго до появления керамики, полированных каменных орудий и других типично неолитических черт культуры, т. е. еще в мезолите. Судя по раскопкам на Днестре, та же картина наблюдается и на юго-западе СССР [9]. В северных областях Европы в хозяйстве мезолитических людей рыболовство играло не менее, а может быть и более важную роль, чем охота. В палеолите мы этого нигде не найдем.

Если обратиться к условиям расположения поселений, связанным с особенностями природного окружения человека, мы снова должны будем признать бóльшую близость мезолитической эпохи к неолиту, чем к палеолиту. Показательно, что значительная часть мезолитических стоянок расположена на дюнах и в торфяниках, тогда как палеолитические приурочены обычно к лёссам. Очевидно, в мезолите в природном окружении человека произошли крупные изменения по сравнению с палеолитом. Между тем неолитические стоянки тоже в основном находятся на дюнах и торфяниках.

Из изложенного видно, что и типы орудий, и хозяйство, и палеогеография мезолита гораздо ближе к неолиту, чем к палеолиту. Поэтому термин «эпипалеолит» нельзя считать удачным. Перед нами не конец предшествующей эпохи, а время поисков новых основ культуры, время сложения рыболовства, скотоводства, земледелия, время развития своеобразного микролитического кремневого инвентаря. Думается, что мы вправе говорить о самостоятельной эпохе каменного века — мезолите. Большинство авторов сборника «У истоков древних культур» придерживается, видимо, тех же взглядов.

Сложнее вопрос о грани мезолита с палеолитом. А. Н. Рогачев склонен присоединиться к зарубежным ученым, приняв за эту грань IX—VIII тысячелетия до н. э., когда появилась голоценовая фауна и установились климатические условия, близкие к современным. Часть авторов сборника «У истоков древних культур» соглашается с этим. Встав на такие позиции, А. Н. Рогачев, Н. Н. Гурина, В. Д. Будько, назвали ошибочной распространенную ранее в советской литературе оценку памятников свидерского круга как мезолитических и присоединились к выводам польских ученых о палеолитическом возрасте этих стоянок [10]. Но ведь ни М. В. Воеводский, ни П. П. Ефименко, ни А. А. Формозов, ни кто-либо другой,

---

[8] А. А. Формозов. Открытие свидерской стоянки в Румынии и проблема южных связей и даты свидерской культуры. СА, 1961, 2, стр. 268—270; Е. А. Векилова. К вопросу о связях населения на территории Крыма в эпоху мезолита. МИА, 126, стр. 144—148.

[9] В. И. Маркевич. Исследования неолита на Среднем Днестре. КСИА АН СССР, 105, 1965, стр. 89; Т. С. Пассек и Е. К. Черныш. Неолит Северного Причерноморья. Сб. «Каменный век на территории СССР», М., 1970, стр. 119—134.

[10] А. Н. Рогачев. Ук. соч., стр. 11, 13; Н. Н. Гурина. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и о возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии. МИА, 126, стр. 31; В. Д. Будько. Памятники свидеро-гренской культуры на территории Белоруссии. Там же, стр. 46.

писавший о свидерской культуре, не относил ее к периоду после VIII тысячелетия до н. э. Даты приводились те же, что и в западноевропейской науке [11]. Речь должна идти не об ошибке в хронологическом определении, а об иных представлениях о рубеже палеолита и мезолита.

Как ни желательно взаимопонимание советских археологов с иностранными, есть все же вопросы, по которым нам следовало бы отстаивать свою точку зрения. Грань, принятая в западноевропейской литературе, как отмечает и А. Н. Рогачев, чисто условна и определяется только по геологическим, палеозоологическим и палеоботаническим признакам. Вне сомнений важное значение природной обстановки для первобытного человека. Тем не менее, ни для одной из эпох каменного века мы не берем за основу периодизации изменения в природной среде. Периодизация палеолита строится не по оледенениям, а по изменениям облика кремневого инвентаря. Почему же здесь мы руководствуемся другим принципом? Надо ли нам отказаться от исторической периодизации ради сугубо условного деления по палеогеографическим данным? Распространение наконечников стрел из пластинок на севере и геометрических орудий на юге дает достаточно четкую грань для отделения мезолита от палеолита.

Любопытно, что в сводной статье о верхнем палеолите СССР Г. П. Григорьев, разделяющий взгляды А. Н. Рогачева, вслед за порайонным обзором верхнепалеолитических стоянок помещает специальный раздел о «памятниках конца палеолита», резко отличных от более ранних. Это — стоянки «мазовшанского цикла» (т. е. тот же свидер) на севере и «так называемый крымский азиль» — на юге [12], иными словами, мезолит в понимании М. В. Воеводского и А. А. Формозова. Анализ конкретного материала заставил автора признать четкий рубеж, отделяющий культуру свидерского и азильского типов от собственно палеолитических памятников. Стоило ли в таком случае осуждать советских археологов за неверное понимание мезолита?

Итак, есть веские аргументы не только за право существования термина «мезолит», но и за грань палеолита и мезолита, принятую ранее в советской археологической науке.

Наряду с понятием «эпипалеолит» А. Н. Рогачев предложил и термин «голоценовый палеолит». Пропагандистом его в нашей литературе стал Ю. А. Мочанов, писавший о «голоценовом палеолите Алдана» [13]. Зачем нужен этот термин — совершенно непонятно. Стоянка Белькачи, описанная Ю. А. Мочановым,— поселение рыболовов. В нижних слоях ее найдены такие изделия, как долота, скребки с ушками, полированный топор, грузила для сетей. Выше докерамических слоев IX—XI залегают связанные с ними генетически неолитические слои со сходными типами орудий. Таким образом, интересующий нас комплекс не содержит ничего специфически палеолитического и, напротив, характеризуется появлением уже неолитических черт культуры. Это — поздний мезолит. Палеолит тут ни при чем.

Термин «голоценовый палеолит» имел бы право на существование, если бы в каком-то районе была открыта культура палеолитического облика, но датирующаяся геологически очень поздно. Между тем, раскопки даже в таком глухом углу Сибири, как бассейн Алдана, показывают, что и здесь совершался переход к рыболовству, и здесь возникали новые формы орудий. То же прослеживается и в Приангарье. Исследователь это-

---

[11] «Всемирная история», I, М., 1955, стр. 50, 89 (А. П. Окладников); А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 67.

[12] Г. П. Григорьев. Верхний палеолит. Сб. «Каменный век на территории СССР». М., 1970, стр. 56—59.

[13] Ю. А. Мочанов. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969, стр. 125—129.

го района Г. И. Медведев вполне резонно говорит о «мезолите» [14]. Следовательно, ничего кроме путаницы термин «голоценовый палеолит» нам не приносит.

Термин «докерамический» или «бескерамический неолит» применяется шире. Особенно часто стали им пользоваться после открытия ранних земледельческих и скотоводческих стоянок без керамики. Принимая производящее хозяйство за основной признак неолита, подобные поселения зачисляют в «докерамический неолит» [15]. Если быть последовательным, придется называть «мезолитическими» культурами с керамикой и полированными каменными орудиями, но без признаков земледелия и скотоводства — например окские, карельские, сибирские культуры III—II тысячелетий до н. э. В западноевропейской литературе нередко так и делают. Думается, что это неверно.

Археологическая периодизация — палеолит, мезолит, неолит — была выработана в итоге анализа многочисленных коллекций из раскопок, на основании наблюдений за изменениями типов орудий и другого инвентаря поселений и могильников. Позднее, в частности при исследованиях советских археологов, было установлено, что эта периодизация отражает не только типологическую эволюцию орудий или утвари, но и изменения в формах хозяйства, социального строя и т. д. Значит, это — периодизация историческая, а не формально-типологическая. Однако полного соответствия типологических и социологических изменений нет и быть не может. Материальная культура отражает эволюцию хозяйства и общества с некоторым запозданием. Поэтому вводить как основной элемент археологической периодизации социологические характеристики вряд ли стоит. В Египте и Передней Азии государство возникло в бронзовом веке, в Америке — у народов майя — в каменном, а в большинстве стран — в железном, притом не в самом его начале. То же — и с земледением и скотоводством. Археологам будет проще разобраться в своем материале, если мы будем говорить, что в Передней Азии и на Балканах производящее хозяйство сложилось рано — в мезолите, на Кавказе и в Средней Азии несколько позже — в неолите, в лесной зоне Европы и Азии еще позже — в конце бронзового и начале железного века, а на Крайнем Севере не привилось до сих пор. Неизмеримо сложнее все станет, когда мы начнем именовать культуры III—II тысячелетий до н. э. в лесной полосе Евразии «мезолитическими», а ранние поселения земледельцев и скотоводов на юге — «докерамическим неолитом», когда «мезолит», «неолит» и даже государства бронзового и железного веков окажутся одновременными явлениями. Историю и социологию не нужно упускать из вида, но в основе археологической классификации и периодизации должны лежать все же вещи, а не тип хозяйства и социального строя.

Термин «бескерамический (не «докерамический») неолит», вероятно, правомерен, но не как хронологическое определение, а как описательный термин для тех неолитических памятников, где в силу каких-то специфических причин нет глиняной посуды. Из этнографии известно, что ее нет у полинезийцев, потому что на их островах нет глины. Культура полинезийцев очень развитая — у них есть искусно полированные каменные топоры и боевые палицы, великолепные дома и лодки. Полинезийцы — земледельцы и скотоводы, стоящие на грани возникновения государства. Назвать такое общество «мезолитическим» может только самый закоренелый формальный типологист. Это неолит, из-за случайных обстоятельств оказавшийся бескерамическим (предки полинезийцев знали керамику). О неолитическом характере культуры свидетельствуют типы каменных орудий, высоко совершенные лодки и т. д. Несомненно, такие же

---

[14] Г. И. Медведев. Мезолит Приангарья. Автореф. канд. дис. М., 1968.

[15] В. И. Маркевич. Ук. соч., стр. 89; Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Ук. соч.; В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969. стр. 7.

случаи бывали и в других частях света. Нужно учитывать и разрушение ранней плохообожженной керамики на поверхности земли и в почвах определенного типа. Стоянки без керамики следует поэтому называть «мезолитическими» только при полной уверенности, что керамики здесь и не могло быть. Если найденные здесь типы каменных орудий в мезолите неизвестны, а в других местах встречались вместе с керамикой, если есть вероятность разрушения глиняной посуды, лучше писать о неолите [16]. Это касается недавно выделенного «мезолита Карелии», многих дюнных поселений Казахстана и Средней Азии. Появление керамики — верхняя граница мезолита, но иногда мы можем опираться и на другие признаки — прежде всего на облик каменного инвентаря.

Изложенные соображения позволяют отстаивать терминологию, применявшуюся в моих работах и в работах многих советских археологов, и отдавать предпочтение термину «мезолит» перед всеми другими его эквивалентами.

A. A. Formosov

A PROPOS DU TERME «LE MÉSOLITHIQUE» ET DE SES ÉQUIVALENTS

Résumé

En 1966, A. N. Rogatchev (voir «Matérialy i isslédovaniya Institouta arkhéologii» (Documents et études de l'Institut d'archéologie, N° 126) a proposé de renoncer au terme «le mésolithique» et de le remplacer par «l'épipaléolithique» ou «le paléolithique holecène». Tout en analysant ces deux termes, ainsi que celui du néolithique précéramique, «l'auteur tient à démontrer que le terme» «mésolithique» reflète le mieux le caractère spécifique de l'époque, qui était intermédiaire entre le paléolithique et le néolithique. Mas en même temps, le mésolithique diffère à un tel point de l'un et de l'autre que nous pouvons parler d'une étape particulière de l'histoire de la culture.

---

[16] Таковы, например, бескерамические стоянки Карелии; Г. А. Панкрушев. Докерамические стоянки Карелии и вопрос о ее заселении. «Скандинавский сборник», VII, Таллин, 1963, стр. 155—180.

В. П. АЛЕКСЕЕВ

ПОПУЛЯЦИОННАЯ СТРУКТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ *

В советской антропологической литературе давно наметилось деление антропологической науки на три раздела: антропогенез, расоведение и морфологию. Расоведение, в свою очередь, в соответствии с традицией делится на две ветви — изучение древнего населения, т. е. палеоантропологию, и изучение современного населения, т. е. этническую антропологию. Иногда последний термин употребляется как синоним расоведения, что лишено смысла, так как в расоведение входят многие проблемы, в основном биологического характера, выходящие за пределы этнической антропологии в узком смысле слова (т. е. науки об антропологическом составе народов земли). Такое разграничение расоведения на две составные части создает трудности, так как в западноевропейской и американской литературе под палеоантропологией понимается вообще изучение древнего населения вне зависимости от того, относится ли оно к виду современного человека или к ископаемым формам. Но помимо этой чисто формальной трудности мы сталкиваемся в этом случае и с трудностью теоретической, а именно с неоправданным противопоставлением методов изучения скелетов, скажем, неолитического и нижнепалеолитического времени, чего на самом деле нет: изучение их различается только программой измерений. С другой стороны, этническая антропология, под которой подразумевается антропология современных народов, немыслима без анализа их прошлого, т. е. палеоантропологии.

При такой их классификации для исторической антропологии вообще нет места в системе антропологических знаний. Она не соотносится полностью с расоведением, так как исторические вопросы решаются с помощью антропологических данных и тогда, когда речь идет о древних гоминидах. Почти 40 лет назад С. П. Толстов предсказал, что непосредственные предки человека были мясоядными существами и, следовательно, занимались охотой [1]. Изучение морфологии и образа жизни австралопитеков подтвердило эту гипотезу [2]. Безразличен ли тот факт, что австралопитеки занимались охотой, для понимания начальных этапов развития хозяйства, т. е. для чисто исторической проблемы? Видимо, нет. Имеет ли значение для историков палеолита уровень развития населения, восстанавливаемый с помощью слепков внутренней полости черепной коробки — эндокранов? Видимо, имеет, если принять во внимание то, какой интерес

* Доклад на сессии Отделения истории Академии наук СССР, посвященной 50-летию ленинского декрета о создании РАИМК — Института археологии АН СССР и итогам полевых археологических исследований в 1968 г.

[1] С. П. Толстов. Проблемы дородового общества. «Сов. антропология», 1931, 3—4.

[2] Обзор исследований см: В. П. Якимов. Австралопитековые (Australopithecinae). Сб. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека». Тр. ИЭ, нов. сер., 92 М., 1966.

вызвали работы В. И. Кочетковой, развивающей и пропагандирующей у нас эту специальную область антропологической науки. Как можно судить о продолжительности жизни древних гоминид, уровне детской смертности в нижнем палеолите или о соотношении полов в первобытном стаде? Только с помощью антропологических данных. Таким образом, исторические сведения можно извлечь из антропологического материала не только в том случае, когда мы имеем дело с современным человеком, но и тогда, когда исследуются его предки. Следовательно, историческая антропология,— а под ней целесообразно подразумевать всю совокупность антропологических наблюдений, из которых можно извлечь историческую информацию (термин «историческая антропология» особенно широко употребляется в немецкой литературе, правда, с другим смыслом — под ним подразумевалось изучение антропологического состава современных и древних народов в связи с этнической историей, т. е. часть расоведения),— хронологически шире расоведения, охватывая и расоведение, и антропогенез. Но в то же время она не включает биологическую проблематику, входящую в эти два раздела, или, точнее говоря, включает лишь те биологические вопросы, которые неразрывно связаны с решением исторических задач.

Каким материалом располагает историческая антропология? Этот материал разнообразен и, что самое главное, отражает такие структуры человеческого организма, которые наследуются независимо. Это означает, что генетический вывод, опирающийся в основном на антропометрическое исследование, может быть проверен с помощью данных о группах крови, дерматоглифики, одонтологии, изучения физиологических реакций. Совпадение результатов исследования разных систем в значительной мере увеличивает достоверность вывода о генетическом родстве исследуемых этнических групп. Поэтому антропологи и стремятся сейчас ко всемерному расширению программы полевых обследований, включая в нее все новые и новые признаки.

Не останавливаясь специально, ввиду их широкой известности, на значении полученных при измерении древних скелетов и современного населения антропометрических данных, следует сказать несколько слов о тех новых системах признаков, которые все шире входят в практику антропологической работы. К ним наблюдается двоякое отношение. С одной стороны, безграничная вера, надежда получить с их помощью недостающие археологам и историкам древнего мира возможности выделять семейные группы на палеоантропологическом материале и определять их структуру, извлечь из антропологического материала недостающие этнографам крайне нужные сведения о взаимной генетической близости, например, отдельных родов. С другой — недоверие и даже боязнь этих данных, недооценка их роли в историко-антропологическом исследовании. Несколько лет назад я закончил сравнительно-краниологическое исследование западных и восточных латышей. Основной вывод этой работы — проявление монголоидной примеси у восточных латышей по сравнению с западными. А. А. Зубов пришел к тому же выводу на основании изучения одонтологических особенностей серии из Восточной Латвии. Обе работы были направлены для публикации в Латвию. Моя статья давно вышла из печати, статья А. А. Зубова не опубликована до сих пор.

Не разделяя крайностей обоих этих взглядов, стоит привести примеры, иллюстрирующие действительную роль неантропометрических признаков в решении исторических проблем, границы и возможности их использования.

Народы Приуралья и Западной Сибири объединяются в антропологических классификациях в уральскую группу антропологических типов, занимающую промежуточное положение между европеоидами и монголоидами. Среди антропологов давно идет спор, каково происхождение этой промежуточности: является ли она следствием давнего смешения между

европеоидами и монголоидами или в окрестностях Уральского хребта издавна формировалась промежуточная комбинация признаков, сохранившая недифференцированность по отношению к обеим расам. Недифференцированные группы обычно занимают среднее положение между крайними формами лишь по отдельным признакам, выходя по другим за пределы изменчивости в этих крайних группах. Изучение узора пальцевых и ладонных линий у народов Поволжья показало, что они занимают по нему, так же как и по строению лица, промежуточное место между монголоидами и европеоидами [3]. Этим наблюдением были серьезно укреплены позиции сторонников смешанного происхождения представителей уральской расы, а следовательно, историко-этнологические выводы о формировании народов Приуралья и Западной Сибири в процессе смешения этнических элементов западного и восточного происхождения.

Предметом страстных споров на протяжении многих лет было происхождение населения Канарских островов. С кем только не связывались его генетические истоки! Еще и теперь, в частности, встречаются попытки преувеличить трудности, с которыми сталкивается исследователь этногенеза гуанчей, и представить последних как остатки древнего населения мифической Атлантиды [4]. Между тем, морфологически гуанчи очень сходны с древними формами Северной Африки — высокорослыми и массивными. Эти особенности заставили некоторых исследователей этногенеза и физического типа населения Канарских островов видеть в нем потомков кроманьонцев Европы. Наметилось противоречие между результатами антропологических, историко-этнологических и лингвистических исследований, которые обнаружили генетические связи между гуанчами и населением Северной Африки. После того как в Северной Африке удалось найти у древнего населения аналогичные антропологические особенности, противоречие это отпало. Но последним и очень веским антропологическим доказательством североафриканского происхождения гуанчей послужили результаты определения групп крови системы АВО на мумиях из пещерных погребений Канарских островов. Распределение этих групп крови оказалось почти тождественным аналогичному распределению в Северной Африке [5].

В связи с оригинальными гипотезами Хейердала оживился интерес к путям заселения Полинезии. Против заселения Полинезии в направлении с востока на запад были приведены самые разнообразные, в том числе и антропологические, аргументы [6]. Изучение одонтологических особенностей разных островных групп полинезийцев показало, что частота лопатообразных резцов уменьшается по направлению с запада на восток, т. е. одонтологические данные находятся в большем соответствии с гипотезой заселения Полинезии из Юго-Восточной Азии, чем с противоположной стороны [7].

За этими примерами угадываются контуры проблем, решаемых исторической антропологией, и пути использования антропологических данных для исторических реконструкций.

Периодизация истории первобытного общества. Отнесение к гоминидам новых ископаемых находок, сделанных Лики в Восточной Африке, и распространяющаяся тенденция включать австралопитеков в семейство

---

[3] Т. Д. Гладкова. Особенности дерматоглифики некоторых народностей СССР. «Сов. антропология», 1957, 1.

[4] Н. Ф. Жиров. Атлантида. Основные проблемы атлантологии. М., 1964.

[5] I. Schwidetzky. Die vorspanische Bevölkerung der Kanarischen Inseln. Anthropologische Untersuchungen. Göttingen — Berlin — Frankfurt, 1963.

[6] Я. Я. Рогинский. О первоначальном заселении Полинезии. СЭ, 1966, 5; его же. О происхождении полинезийцев, ПАИЭА, М., 1968.

[7] A. Riesenfeld. Shovel — Shaped Incisors and a Few other Dental Features among the Native Peoples of the Pacific. «American Journal of Physical Anthropology». New ser., 14, 1956, 3.

гоминид отодвигают начало человеческой истории вглубь почти в два раза по сравнению со старыми датами [8]. Существенны результаты антропологических исследований и для выяснения хронологических границ отдельных этапов, выделяемых внутри истории первобытного общества. Новые находки и внимательное изучение морфологии старых стерли резкую грань между людьми неандертальского и современного видов, что находится в полном согласии с выявившимся богатством мустьерской культуры, наличием территориальной дифференциации, наличием жилищ в мустьерское время [9]. Для выделения эпохи среднего палеолита в истории древнекаменного века антропологические данные поэтому не менее значимы, чем археологические.

Происхождение мышления и речи. Изучение каменного инвентаря древнепалеолитических стоянок и какие-либо косвенные соображения не могут дать сколько-нибудь полных сведений об этапах развития мышления и времени возникновения звуковой речи. Даже несомненный факт передачи технических навыков от поколения к поколению, на что обратили внимание генетик Морган и позднее археолог Чайлд (а передача технических традиций в нижнем палеолите несомненна, коль скоро фиксируется повторяемость инвентаря), не помогает установить время появления звуковой речи, так как обучение могло в принципе осуществляться и без звуковой речи, только с помощью показа, как это имеет место у большинства животных. Единственный прямой метод — изучение морфологии древнейших и древних людей и функциональное истолкование отмеченных различий. На эндокранах синантропа наблюдается резкое вздутие в области соединения лобной, височной и теменной долей, отсутствовавшее у питекантропа. Именно в этой области сосредоточены артикуляционные центры речи и слуховые центры [10]. Указанное вздутие трудно истолковывать иначе, как свидетельство возникновения именно на этой стадии звуковой речи.

Реконструкция трудовой и социальной жизни древнейших гоминид. Археологические данные важны при изучении ископаемых гоминид во многих отношениях. В первую очередь я имею в виду археологические свидетельства функциональной неравноценности рук палеоантропа и преимущественного пользования им правой рукой [11]. Разнообразие форм каменной индустрии в гроте Киик-Коба в сочетании с морфологической примитивностью кинк-кобинца вызвало к жизни, по-видимому, вполне справедливую гипотезу функционального восполнения этой примитивности за счет дополнительного развития мышц, приводящих в движение большой палец [12]. Но, с другой стороны, развитие тех или иных морфологических структур в процессе антропогенеза, особенно кисти руки и мозга, помогает оценить возможности любой ископаемой формы в изготовлении орудий труда и тем самым позволяет понять причины перехода к более высокой технике обработки камня. Что касается реконструкции социальной организации первобытного стада, то неоценимый материал для этого дало изучение структуры половых групп человекообразных обезьян. В конечном итоге могут быть сделаны два вывода: а) взаимоотношения между членами первобытного стада были гибки и подвижны, стадо легко реагировало на увеличение и уменьшение численности, положение любо-

---

[8] Сводку дат см.: И. К. Иванова. Геологический возраст ископаемого человека. М., 1965.

[9] Проблема обсуждалась на симпозиуме, специально организованном Институтом археологии АН СССР зимой 1968 г. Большинство участников дискуссии высказались в пользу сближения мустьерской культуры с верхнепалеолитической.

[10] Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Основы антропологии, М., 1955.

[11] С. А. Семенов. Следы работы на орудиях и доказательства работы неандертальцев правой рукой. КСИА АН СССР, 84, 1961.

[12] С. А. Семенов. О противопоставлении большего пальца руки неандертальского человека. КСИЭ, XI, 1950.

го члена стада, особенно на первых порах, не было строго определенным; б) взаимоотношения между членами стада были не беспорядочны, а регламентированы. Этот последний вывод заставляет с сомнением отнестись к представлению о периоде беспорядочных половых контактов, предшествовавшем стаду,— представлению, еще бытующему подчас на страницах этнографической литературы.

Палеодемография. В отдельных особо благоприятных случаях можно использовать сугубо историческую информацию для восстановления демографических показателей в древние эпохи. Например, надписи надгробий неоднократно исследовались как предмет палеодемографических расчетов. Но для восстановления динамики палеодемографических показателей от эпохи к эпохе, если речь идет о бесписьменных периодах истории человечества, пригоден только палеоантропологический материал. Определение индивидуального биологического возраста отдельных ископаемых находок позволило показать, что средняя продолжительность жизни древнейших и древних людей была значительно ниже современной и не превышала 20 лет [13]. Иными словами, человек в подавляющем большинстве случаев, едва став пригодным для продолжения рода, умирал. В верхнем палеолите продолжительность жизни увеличилась на несколько лет, но все равно продолжала оставаться чрезвычайно низкой. Переходя для сравнения к данным более поздних эпох, мы сталкиваемся с любопытным фактом: средняя продолжительность жизни в неолите, в эпоху бронзы и железа остается более или менее постоянной — около 30 лет. Отдельные случаи увеличения средней продолжительности жизни по сравнению с более ранним временем не меняют общей картины [14]. И только при приближении к современности продолжительность жизни резко возросла. Итак, на протяжении истории человечества наблюдается отчетливое нарастание длительности жизни, но темп этого нарастания неравномерен.

Очаги развития цивилизации. Широко распространенное и в общей форме правильное утверждение о независимом формировании рас и этнических общностей должно быть смягчено по отношению к ранним эпохам, так как разные темпы развития тех и других еще не успели нарушить географического совпадения, проистекавшего за счет формирования и этнических общностей, и расовых типов в определенных условиях географической среды. Намечающиеся археологически различия между западом и востоком Евразии в эпоху нижнего палеолита находят веское подтверждение в анализе морфологии ископаемых находок. Многообразие археологических культур в эпоху верхнего палеолита, выявляющееся в основном в разных традициях обработки кремня, совпадает с морфологическими различиями верхнепалеолитических людей [15]. Для эпохи неолита и бронзы мы отмечаем для многих областей эйкумены наличие своеобразных антропологических типов, сближающихся в основных признаках с современными. Для этих областей по антропологическим данным намечается преемственность от эпохи бронзы до современности. Это Закавказье, Южная Туркмения, Прибайкалье (называю только районы СССР). Таким образом, антропологический материал частично позволяет подтвердить историко-этнологические выводы, а частично дает новую информацию об очагах развития человечества.

Родство древних народов. Трудно увидеть сколько-нибудь заметное сходство между памятниками ямной и катакомбной культур Северного Кавказа и древними погребениями эпохи бронзы Самтаврского могиль-

---

[13] H. Vallois. La durée de la vie chez l'Homme fossile. «L'anthropologie», 47, 1937, 5—6.

[14] Э. Россет. Процесс старения населения. М., 1968.

[15] В. П. Алексеев. О первичной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования. СЭ, 1969, 1; его же. О первичной дифференциации человечества на расы. Вторичные очаги расообразования. СЭ, 1969, 5.

ника. Между тем антропологическое сходство групп населения, оставившего эти памятники, несомненно, и обе они противопоставляются этническим группам эпохи бронзы, проживавшим на территории Русской равнины. С другой стороны, население, оставившее Балановский могильник, четко отличается от соседних групп и сближается с населением Северного Кавказа и Закавказья. Трудно увидеть общее в афанасьевской и тагарской культурах Минусинской котловины, но родство населения, оставившего ту и другую культуры, в свете антропологических исследований несомненно. Такие примеры можно было бы умножать до бесконечности. Общий вывод из них тот, что для выяснения генетического родства древних народов антропологический материал часто важнее исторических наблюдений и не может быть исключен, как это иногда делается до сих пор, из комплекса дисциплин, изучающих этногенез древних народов.

Миграции в истории первобытного общества. О роли антропологических материалов в восстановлении миграций в первобытном обществе писалось очень много и убедительно [16]. Мне остается только привести примеры, отражающие новые исследования и не фигурировавшие до сих пор в этой связи. К их числу относятся: проникновение европеоидов в Западную Монголию на рубеже эпохи бронзы и железа [17], проникновение европеоидов в Прибайкалье и Туву в эпоху средневековья [18], проникновение австралоидов в долину Хуанхэ в неолите [19] и т. д.

Автохтонное происхождение современных народов. Использовать историко-этнографические, археологические и тем более лингвистические данные для поисков происхождения народов и доказательства их автохтонного формирования на той или иной территории очень трудно. Возможности лингвистического исследования ограничены в этом отношении наличием письменных памятников; культура же часто и быстро меняет свой облик в силу социально-экономических причин. Между тем антропологические признаки в ряде случаев оказываются весьма устойчивыми. Можно последовательно проследить отчетливую преемственность антропологических особенностей, во всяком случае от энеолита до современности, в Грузии и Армении, на территории Китая и Египта [20]. Между тем культурная преемственность далеко не бесспорна, а в Египте кажется даже и невероятной — слишком много исторических бурь пронеслось над долиной Нила за пять тысячелетий. При изучении этногенеза арабоязычного населения современного Египта данное обстоятельство следует учитывать и видеть в этом населении не переселенцев из Передней Азии, а потомков местного населения эпохи неолита, Древнего, Среднего и Нового царства.

Родство современных народов. Исследование этногенеза и антропологического состава современных народов показало, что культурное и лингвистическое родство людей не всегда соответствует их действительному родству по происхождению, их общему генофонду. Хакасы говорят на тюркском языке, между тем антропологически они обнаруживают наибольшее сходство с представителями уральской группы антропологических типов, т. е. с западносибирскими народами, говорящими на угорских и самодийских языках. Балкарцы и карачаевцы также говорят по-тюркски, но морфологически сближаются с горными грузинами, ингуша-

---

[16] Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. СЭ, 1952, 1.

[17] Неопубликованные материалы автора.

[18] И. И. Гохман. Среднеазиатская колония в Прибайкалье. ПАИЭА, М., 1968; В. П. Алексеев. Черепа из мусульманских погребений в Туве. Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, VIII, 1960.

[19] Yen Yin. Neolitic Human Skeletons Unearthed at Hua-Hsien, Shensi. «Vertebrata palcasiatica», 1962, 2.

[20] В. П. Алексеев. Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта. «Антропологический сборник», IV. Тр. ИЭ, нов. сер., 82, М., 1963.

ми, чеченцами, этническими группами Западного Дагестана, т. е. с центральнокавказскими народами, говорящими на кавказских языках. То же можно повторить и про ираноязычных осетин. Финноязычная мордва гораздо больше сходна с соседними территориальными группами русского народа, чем с другими финноязычными народами. Роль антропологических данных, следовательно, велика даже в том случае, когда налицо, как это имеет место при изучении современных народов, полная и неограниченно увеличивающаяся историко-этнографическая информация.

Что же отличает современные антропологические исследования и придает им исключительное своеобразие? Своеобразие это лежит в популяционном подходе к расам и народам. Последний означает учет тех родственных взаимоотношений, которые создаются внутри территориальных групп, народов, расовых групп системой брачных связей и образующимися на ее основе брачными кругами. Эти брачные круги ограничивают одну от другой популяции — небольшие группы людей, связанных между собой определенной степенью родства.

Популяция — сложное явление и, видимо, поэтому оно вызывает много споров и даже недоуменных вопросов. Понятие популяции содержит много скрытых тонкостей, о которых следует хотя бы упомянуть. Степень родства внутри популяции можно точно фиксировать с помощью так называемого коэффициента инбридинга, т. е. процентного соотношения браков между двоюродными братьями и сестрами по отношению к общему числу заключенных браков. Таким образом, для сравнения популяций между собой существует точная мера, но такой меры нет при сравнении народов. Я совершенно согласен с Ю. В. Бромлеем: та или иная степень эндогамии представляет собою один из этнических определителей [21], но удовлетворительная мера степени эндогамии внутри обширных групп популяций, которые и составляют народы, пока отсутствует. И предложить ее не так просто, ведь средний коэффициент для народа будет представлять собой фикцию, так как отдельные совокупности популяций внутри народов заведомо характеризуются разной степенью брачной автономии. По этой же причине нельзя пока сравнивать между собой не только отдельные народы по степени характеризующего их брачного родства, но и народ в целом с любой входящей в его состав популяцией или группой популяций. Уже сейчас можно предполагать, что среднеэтническая мера брачного родства найдет выражение в какой-то системе нелинейных уравнений со многими переменными, но конкретная форма такой системы остается неясной.

Каковы размеры и характер популяций? Они различны в разных областях эйкумены в зависимости от двух противоположно направленных, но взаимно связанных в действии причин — степени инбридинга и интенсивности смешения. Инбридинг возникает автоматически, так как вероятность родственных браков, естественно, увеличивается с падением численности популяции. Усилению инбридинга всегда способствует и социальная изоляция, имеющая место внутри подавляющего большинства популяций. Что касается численности популяций, то вопрос этот не исследован по всему земному шару сколько-нибудь подробно. В. В. Бунак предложил на основании изучения численности популяций у русского старожильческого населения Сибири три категории для популяционной численности: до 1500 человек — изолят, от 1500 до 4000 человек — дем и свыше 4000 человек — группа демов [22]. Сама терминология свидетельствует о том, что этим популяциям разной численности придается иерархическое значение. Между тем такая иерархия популяций если и оправдана на деле, то далеко не всегда. В Дагестане, например, при господстве эндо-

---

[21] Ю. В. Бромлей. Этнос и эндогамия. СЭ, 1969, 6.

[22] В. В. Бунак. Изучение малых популяций в антропологии. Вопросы антропологии, 21, М., 1965.

гамии внутри селений все они должны рассматриваться как изоляты. Но среди селений есть и такие, численность которых заметно превышает 1500 человек, хотя эндогамия все равно сохраняет за ними положение замкнутых изолятов. С другой стороны, они не объединяются в более крупные группы брачными кругами. На Русской равнине полные изоляты редки, и популяционная структура состоит из более крупных групп, которые В. В. Бунак называет вслед за американскими исследователями демами и группами демов.

Сказанное не означает, что я отрицаю иерархию в популяционной структуре. Наличие ее представляется совершенно очевидным даже теоретически, так как неравноценность разных генетических барьеров не вызывает сомнений так же, как и их разная проницаемость. Одно дело — диалектные различия и культурно-историческая традиция, которые, хотя и составляют генетический барьер, всегда проницаемы, и совсем другое дело — непреодолимые или трудно преодолимые физико-географические барьеры или обычай эндогамии, которые создают генетический барьер огромной мощности. Соответственно и популяции, отделяемые от других разными генетическими барьерами, различаются по проценту включаемых в свой состав инородных лиц, степени инбридинга, длительности изоляции и, наконец, численности. Возможности построения иерархии популяций, исходя из этих принципов, пока мало исследованы, но только они, очевидно, и положат основу классификации популяций, которая отразит их соподчинение, реально существующее в действительности.

Каков исторический эффект изучения антропологического состава человечества именно на популяционном уровне? Что нового вносит этот популяционный уровень, например, в изучение проблемы этногенеза по сравнению с классическим подходом старой антропологии? Есть ли смысл тратить силы на трудоемкие популяционные исследования, имея в виде конечной цели освещение исторической проблематики? Среди большего числа структурных и функциональных признаков человеческого организма к настоящему времени выделено немало монофакториальных, т. е. управляемых в наследственной передаче одним или двумя генами. В замкнутой популяции концентрация таких генов автоматически увеличивается или уменьшается, что было многократно показано на разных материалах и получило в американской генетической литературе наименование генного дрейфа, в советской — генетико-автоматических процессов. В соответствии с увеличением или уменьшением концентрации генов увеличивается или уменьшается, конечно, и выраженность тех или иных признаков. Антропологическое исследование на популяционном уровне как бы повторяет этот путь, но в обратном порядке: изучение вариаций признаков в популяциях позволяет составить представление об их генной концентрации и ее изменении во времени, а она, в свою очередь, служит для восстановления их конкретной истории.

В. В. Гинзбург, изучая распределение групп крови системы АВО в отдельных селениях горного Таджикистана, получил цифры, почти соответствующие амплитуде колебаний в концентрации генов системы АВО по всему земному шару [23]. Им и другими исследователями это справедливо рассматривалось в связи с эффектом изоляции, что подтверждается и диалектным членением таджикского языка в горных районах, и значительной дифференциацией памирских языков. Но сам по себе данный вывод маловажен в историческом отношении, так как исторически значим не сам факт установления изолированности исторического процесса в том или ином районе, а сравнительная оценка силы действия изоляции в этом и соседних районах. Позже было показано, что изоляция на Памире имеет более позднее происхождение по сравнению с очень древней изоляцией от-

[23] В. В. Гинзбург. Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза. М.—Л., 1937; его же. Изогемоагглютинация у горных таджиков. АЖ, 1934, 1—2.

дельных популяций в пределах Дагестана [24]. Этот вывод был получен не только с помощью изучения монофакториальных признаков, но и при рассмотрении изменчивости полифакториальных признаков, которые также реагируют на условия изоляции. Заключение о большей дифференциации дагестанских популяций по сравнению с памирскими находится в полном согласии с исключительной языковой дробностью горного Дагестана и поэтому получает дополнительное подтверждение со стороны лингвистических данных. Если же таких дополнительных данных нет, то антропологические наблюдения служат единственным источником информации о времени обособления той или иной этнической группы. В антропологии есть несколько классических популяционных моделей, на которых изучены сила действия изоляции и ее влияние на изменчивость признаков [25]. Результаты изучения таких моделей и полученные при этом стандартные параметры связи между внутрипопуляционными эффектами и конкретной историей соответствующих популяций могут быть использованы и используются как основа для дальнейших исследований в этом направлении.

Существенно и другое: популяционное исследование антропологических особенностей в связи с демографической структурой бросает свет на оценку дифференцированной плодовитости разных популяций. А это, в свою очередь, ведет за собой возможность проникновения в самую интимную сторону расообразования: последовательность и скорость распространения разных признаков в популяциях. Историческая значимость данных такого рода велика при объяснении численности представителей различных рас. Что касается дифференцированной плодовитости популяции, пока нет сколько-нибудь убедительных данных об изначально неодинаковой плодовитости представителей разных расовых типов. Она сильно колеблется в различных социально-экономических условиях и зависит от многих социальных и психологических причин. Колебания показателей плодовитости могут бросить свет на эти причины [26].

Воспринимаемое уже как аксиома привычное утверждение о формировании антропологического состава народа на базе различных расовых типов впервые приобретает при учете популяционного фактора конкретный смысл. Только он позволяет взвесить удельный вес того или иного комплекса расовых признаков в отдельных территориальных и этнографических группах того или иного народа. Так составлены детальные карты антропологических признаков для территории расселения русского народа, украинцев, финноязычных народов, народов Кавказа и Прибалтики. Однако степень генерализации их такова, что народы рассматривались как состоящие из стандартных, равномерно расселенных в пространстве популяций, как равноплотные в отношении брачного родства. Фактор иерархии популяций при предшествующих сборах антропологических материалов либо совсем не учитывался, либо учитывался лишь в малой степени. Теоретический отход от понимания народа как совокупности однородных и равномерно распределенных в пространстве популяций уже произошел, но практические шаги по претворению новой концепции в жизнь и сбору соответствующих ей эмпирических данных только начинаются.

Изучая современное население на популяционном уровне, антрополог зависит сам от себя и организует свои исследования в соответствии с новыми принципами. Не то в палеоантропологии, где материал собирается до сих пор в общем-то случайно, при археологических раскопках могильников. Археологические же раскопки, целью которых был бы специально

---

[24] Ю. Г. Рычков. Антропологическое исследование процесса изоляции на Памире и Кавказе. Тр. VII МКАЭН, I, М., 1968.

[25] Первая из таких работ, ставшая в полном смысле слова классической: B. Glass, M. Saeks, E. Jahn. Ch. Hess. Genetic Drift in a Religious Isolate: an Analysis of the Causes of Variation in Blood group and other Gene Frequencies in a Small Population. Yearbook of physical anthropology 1952, 8, New York, 1954.

[26] I. Schwidetzky. Grundzüge der Völkerbiologie. Stuttgart, 1950.

сбор палеоантропологических коллекций, чрезвычайно редки. Это обстоятельство объясняется малочисленностью кадров палеоантропологов, владеющих методикой самостоятельных раскопок, и отсутствием заинтересованности археологов в раскопках могильников, дающих преимущественно палеоантропологический материал и малую археологическую информацию. Однако понимание психологических и объективных причин возникновения такого положения само по себе не исправляет его. Между тем исследование палеоантропологического материала на популяционном уровне также позволяет получить ряд дополнительных данных, без которых сейчас уже невозможно представить себе антропологическую реконструкцию древнего населения.

Прежде всего, каково понятие популяции применительно к палеоантропологическому материалу? Прямых методов определения численности и структуры древних популяций, естественно, нет. В общем можно рассматривать как популяцию погребенных на одном кладбище, но при этом нужно принимать во внимание продолжительность времени его функционирования. Если она значительна, то мы сталкиваемся с явлением, практически новым, не встречающимся при изучении современного населения,— популяцией, как бы продолженной, развернутой во времени, причем в нее входит значительно большее число генераций, чем в современную. При оценке продолжительности жизни, особенно если нет данных об ее резком изменении, это обстоятельство не имеет значения. Однако, при оценке численности древних популяций на основе количества погребений на кладбищах, особенно больших, нужно постоянно помнить об этом, чтобы не получить завышенные цифры. Однако точные археологические методы определения длительности использования тех или иных кладбищ пока не разработаны, и потому, если нет противопоказаний (обычай отдельного от взрослых погребения детей, специфическая мужская или женская выборки и т. д.), за популяцию можно условно принять совокупность людей, похороненных в отдельном небольшом могильнике, состоящем из нескольких десятков погребений. Могильник, естественно, должен быть раскопан полностью, а палеоантропологический материал из него собран самым тщательным образом, включая скелеты из детских и младенческих захоронений. Это, конечно, будут не популяции в полном смысле слова, а суб- или микропопуляции, но именно они и составляли, надо думать, низшую ступень популяционной дифференциации на ранних стадиях развития человечества.

Первый этап популяционного исследования в палеоантропологии начинается с уточнения границ этнических общностей и выделения как можно более мелких и гомогенных групп на палеоантропологическом материале. Например, древляне на протяжении многих лет считались представителями широколицего массивного и длинноголового типа и противопоставлялись в этом отношении другим восточнославянским племенам. Разбивка по характеру погребений позволила выделить группу волынян. И оказалось, что описанный тип характерен именно для них. Что же касается собственно древлян, то они на самом деле были более широкоголовы, чем мы думали до сих пор, и сближались с тиверцами [27]. После раскопок могильника у Окунева улуса С. А. Теплоуховым, могильников у с. Бельтыры и погребения у с. Аскиз А. Н Липским был сделан вывод о наличии в составе населения афанасьевской культуры монголоидной примеси. Вывод этот получил дополнительное подтверждение после изучения черепов из раскопанного А. Н. Липским могильника Тас-Хазаа. Однако после раскопок Красноярской археологической экспедицией под руководством М. П. Грязнова могильника Черновая-VIII и выделения окуневской культуры удалось осуществить более четкую атрибуцию погребений, из кото-

[27] Т. И. Алексеева. Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения. Автореф. докторск. дис. М., 1969.

рых происходят черепа с монголоидной примесью, и показать, что все они представляют не афанасьевское, а окуневское население[28]. Подсчет внутригрупповых корреляций в серии из средневекового могильника Ур-Бедари на Алтае, раскопанного М. Г. Елькиным, позволил выявить два антропологических компонента, принявших участие в формировании местного населения,— центральноазиатский, проникавший, очевидно, из Тувы и Монголии в эпоху средневековья, и местный, восходящий к населению предгорного Алтая скифо-сарматского времени[29]. Эти три примера показывают, как важно перевести палеоантропологические исследования на популяционной уровень и от сопоставления суммарных палеоантропологических данных по населению археологических культур перейти к сравнению отдельных могильников, а то и более мелких групп, выделяемых по культурным особенностям внутри могильников, т. е. в конечном итоге к сопоставлению антропологических особенностей отдельных популяций.

Не менее велика роль популяционного уровня и в палеодемографических исследованиях. В принципе можно производить палеодемографические расчеты и на основании определения индивидуального биологического возраста в суммарных палеоантропологических сериях. Так поступил Г. Д. Бердышев с данными Н. С. Розова и моими по Алтае-Саянскому нагорью, использовав содержавшиеся в наших работах определения возраста на скелетах взрослых людей[30]. Если перевести его расчеты процентного соотношения лиц разных возрастных категорий в года, то окажется, что средний возраст населения отдельных культур в Минусинской котловине был следующий:

Афанасьевская культура	33,3	(24)
Андроновская »	35,7	(21)
Карасукская »	32,7	(28)
Тагарская »	37,2	(241)
Таштыкская »	43,3	(21)
Население XVIII—XIX вв.	38,2	(181)

Эти данные, очевидно, завышены из-за отсутствия в них сведений о детской смертности. Но даже в таком виде они выявляют некоторую тенденцию к изменению продолжительности жизни при сравнении поздних эпох с более ранними. Однако такие суммарные данные менее ценны, чем сведения по отдельным могильникам. В качестве примера приведу расчеты продолжительности жизни для трех могильников афанасьевской культуры, раскопанных полностью или почти полностью:

Подсуханиха	18,7	(9)
Карасук III	24,1	(39)
Афанасьева гора	33,1	(23)

Видны отчетливые различия в возрасте захороненных в отдельных могильниках. Эти различия ставят ряд исторических и этнографических вопросов: возможность разного обычая захоронения, в частности раздельного погребения детей и взрослых (особенно в связи с могильником в Подсуханихе, состоявшим в основном из детских погребений)[32], разный социальный уровень захороненных, различные условия жизни и, в част-

---

[28] Г. А. Максименков. Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах. СА, 1965, 4; Л. А. Иванова. О происхождении брахикранного компонента в составе населения афанасьевской культуры. СЭ, 1966, 3.

[29] В. П. Алексеев. Поздние кочевники Кузнецкой котловины по данным палеоантропологии. КСИЭ, XXXV, 1960.

[30] Г. Д. Бердышев. Эколого-генетические факторы старения и долголетие. Л., 1968.

[31] В скобках — число наблюдений.

[32] Интересна в этой связи гипотеза М. П. Грязнова об особых детских кладбищах у древнего населения Сибири. М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая ревка. МИА, 48, 1956.

кости, питания в связи с преобладанием скотоводства или земледелия в хозяйстве. Дифференцированные данные гораздо более информативны, чем суммарные по всей культуре в целом.

К настоящему времени опубликовано несколько работ, специально посвященных палеодемографической характеристике отдельных, полностью или почти полностью раскопанных могильников. Это средневековые могильники Птуж и Блед в Югославии[33], Керпуста, Халимба-Череш и Фоньод в Венгрии[34], Рекан в Германской Демократической Республике[35], Микульчице в Чехословакии[36] и др. К сожалению, в советской литературе такие данные единичны. Например, приведенные цифры среднего возраста погребенных в афанасьевских могильниках можно сравнить только со средним возрастом захороненных в неполностью раскопанном Выхватинском могильнике трипольской культуры. Он равен 20,5 года[37]. Проистекает этот недостаток сведений о палеодемографии древнего населения СССР из-за отсутствия полностью раскопанных могильников на территории СССР, при раскопках которых был бы собран весь палеоантропологический материал, пригодный для палеодемографических реконструкций. Если положение не изменится и палеоантропологический материал будет по-прежнему собираться более или менее случайно, трудно ожидать от него какой-либо новой исторической информации. История антропологических типов СССР в принципиальных чертах выявлена предшествующими исследованиями. Накопление новых материалов на прежнем уровне может лишь что-то добавить к уже известной картине. Между тем планомерный сбор палеоантропологических данных в полном виде и обработка их под разными углами зрения позволят увязать результаты их изучения с археологически восстанавливаемыми условиями жизни древнего населения, уровнем хозяйства, социальной структурой общества, т. е. со всеми теми проблемами, исследование которых так углубляет историческую картину.

Итак, антропология перешла сейчас на популяционный уровень исследования. Популяционный подход к изучению современного населения позволил наметить контуры новых тем, в пределах которых антрополог может прийти на помощь историку и этнографу, например в оценке роли изоляции в формировании тех или иных этнических общностей. Но для того чтобы перенести популяционный подход на изучение древнего населения, антрополог, в свою очередь, нуждается в помощи археолога. Полное исследование древних могильников в процессе раскопок и тщательный сбор всех без исключения костных остатков из погребений были бы хорошим ответом на призыв о такой помощи.

Выводы

1. Термин «историческая антропология» непривычен для советской антропологической литературы, в которой изучение древнего населения называется палеоантропологией, а современного — этнической антропологией. В зарубежной антропологической литературе термин «палеоантро-

---

[33] F. Ivanišek. Staroslavenska necropola u Ptuju. Ljublana, 1951; J. Kastelie, B. Skerlj. Slavanska necropola na Bledu. Ljublana, 1950.

[34] I. Nemeskeri, Gy. Acsadi. Törteneti demografiai vizsgalatok a Kerpusztai XI cz-i temeto anyagaboi. AE, 1952, 2; их же. Palaodemografische Probleme am Beispiel des frühmittelalterlischen Gräberfeldes von Halinba-Cseres Kom. Veszprem (Ungarn). «Homo», VIII, 1957, 3; Die spätmittelalterlische Bevölkerung von Fonyód. «Anthropologia Hungarica», VI, 1963, 1—2.

[35] L. Schott. Zur Paläodemographie der hochmittelalterlischen Siedlung von Reckahn. Отдельный оттиск, б/г.

[36] M. Shloukal. Heidnische Elemente im Leben ler Bevölkerung des großmährischen Mikulčice auf Grund der Befunde an Begräbnisstätten. «Homo», 13, 1962, 3.

[37] М. С. Великанова. Антропологический материал Выхватинского могильника. МИА, 84, 1961.

пология» распространяется только на исследование костных остатков предков человека современного вида. Чтобы снять это противоречие, целесообразно использовать старый термин «историческая антропология». Автор понимает под ним всю совокупность антропологических знаний, из которых можно извлечь историческую информацию, вне зависимости от того, к какому периоду истории человечества эта информация относится.

2. На протяжении последних 20—30 лет антропологи ввели в свои исследования популяционный фактор, что кардинально изменило и методику, и методологию антропологической науки. Значение популяционного уровня в антропологических исследованиях особенно подчеркивается тем обстоятельством, что с развитием генетики оказалось возможным выявить у человека признаки с монофакториальным исследованием, т. е. детерминированные в своей наследственной передаче одним или двумя генами. Они подвержены внутрипопуляционным эффектам, по результатам которых можно судить о конкретной истории популяций и составленных из них этнических групп, времени формирования, этапах дифференциации, генетических контактах с другими группами и т. д.

3. Человеческие популяции отделены одна от другой генетическими барьерами. Понятие генетического барьера имеет в человеческом обществе особый смысл, так как в качестве барьеров помимо географических рубежей (реки, горные хребты, разные ландшафтные зоны) выступают социальные факторы: этнический, языковый, этнокультурный, религиозный, социально-экономический и др. С другой стороны, биологические факторы теряют у человека значение генетических барьеров, так как речь идет о едином панойкуменном виде, внутри которого нет биологических препятствий к скрещиванию (отсутствие избирательности в межрасовых браках). Таким образом, популяции отличаются одна от другой границами, ставящими препятствия к распространению тех или иных генов. Внутри популяции свободное скрещивание между ее членами равновероятно во всех направлениях. В зависимости от неодинаковой интенсивности действия разных генетических барьеров существует иерархия популяций (микропопуляции, субпопуляции, большие популяции, демы, разные этнические и другие социальные общности). Различия между этажами этой иерархии неодинаковы на разных территориях и, кроме того, выражены не очень отчетливо, отражая неабсолютный характер генетических барьеров как дифференцирующих границ.

4. Антропологическое изучение современного населения антрополог осуществляет сам и потому организует его в соответствии с популяционными принципами. Так как популяции представляют собой низший уровень расовой классификации человечества, то и антропологическое исследование любой территории опирается именно на них. Затем в качестве следующих ступеней расовой классификации выделяются антропологические типы или группы популяций, группы антропологических типов, малые и большие расы. Все они являются выражением разной интенсивности смешения генов внутри различных территориальных групп и потому могут быть использованы для восстановления истории этнических общностей, входящих в состав этих групп.

5. В антропологическом изучении древнего населения антрополог зависит от археолога, представляющего ему палеоантропологический материал. Последний чаще всего собирается случайно в процессе археологических раскопок и потому непригоден для популяционной реконструкции (под ней следует понимать не только восстановление антропологических особенностей данной популяции, но и ее демографической структуры: удельного веса разных поколений, продолжительности жизни, уровня детской смертности, фертильности и т. д.). Необходима полная раскопка древних кладбищ со сбором всего палеоантропологического материала, включая скелеты людей детского и младенческого возрастов. Отдельные опыты

таких раскопок и соответствующей антропологической обработки палеоантропологических материалов из них уже дали хорошие результаты (исследования антропологов Венгрии, Германской Демократической Республики и других стран). Полностью раскопанные могильники древнего населения на территории СССР, при которых был бы собран весь антропологический материал, пока единичны, что создает значительные трудности в использовании результатов изучения палеоантропологии СССР для исторических реконструкций.

V. P. Alexéev

STRUCTURE DE POPULATIONS DE L'HUMANITÉ ET ANTHROPOLOGIE HISTORIQUE

Résumé

Par le terme «Anthropologie historique», l'auteur comprend l'ensemble des connaissances anthropologiques qui peuvent servir de source d'information historique, quelle que soit la période de l'histoire de l'humanité à laquelle se raporte cette information.

Ces dernières vingt à trente années, les anthropologistes tiennent compte, dans leurs recherches, du facteur de population. Cela a entièrement modifié les méthodes et la méthodologie de la science anthropologique. En anthropologie, l'importance du niveau de population est conditionnée par le fait que l'évolution de la génétique a permis de dégager chez l'homme des indices relevant, dans leur translation héréditaire, d'un ou de deux gènes. Ces. indices sont soumis aux effets qui ont une population pour siège et dont les résultats permettent de juger des faits historiques concrets se rapportant aux populations et aux groupes ethniques qu'elles composent, tels que époques de formation, étapes de différenciation, contacts génétiques avec d'autres groupes etc. Les populations se différent les unes des autres par des barrières qui empêchent la diffusion de tels ou tels gènes.

En fonction de diverses intensités des effets que produisent différentes barrières génétiques, il existe toute une hiérarchie de populations (micropopulations, subpopulations, grandes populations, dèmes, différentes communautés ethniques et autres). Les différences entre les niveaux de cette hiérarchie varient d'un territoire à l'autre et, de plus, ne sont pas assez nettes, ce qui est dû au caractère non-absolu des barrières génétiques en tant que limites de différenciation.

В. Б. КОВАЛЕВСКАЯ, И. Б. ПОГОЖЕВ, А. П. ПОГОЖЕВА (КУСУРГАШЕВА)

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ БЛИЗОСТИ ПАМЯТНИКОВ ПО ПРОЦЕНТНОМУ СОДЕРЖАНИЮ МАССОВОГО МАТЕРИАЛА

I

Проблема точного выражения сходства комплексов по процентному соотношению тех или иных типов вещей может быть решена различными методами. В американской археологической литературе особенное развитие получил метод Д. Брейнерда—В. Робинсона [1], заслуженно названный Г. Драйвером [2] «наиболее изящным». Эта статистическая процедура носит название «серпация» или «стратификация».

Предложенный метод исходит из допущения, что интуитивно выбранные (или же выделенные на основании каких-то объективных закономерностей) типы правильны. Как пишет Д. Брейнерд, «основной рабочий инструмент археолога в формулировке изменений во времени и пространстве — типология» [3]. Далее предполагается, что выделенные типы изменяются во времени: в какой-то промежуток времени они возникают, развиваются, достигают максимума и затем исчезают. Если в нашем распоряжении имеется ряд комплексов, где представлено распределение процентов определенных типов вещей, мы вправе полагать, что наиболее близкими между собой по времени будут те комплексы, в которых наиболее сходными окажутся процентные соотношения. Задача, поставленная археологом Д. Брейнердом перед социологом-статистиком В. Робинсоном, заключалась в нахождении математической меры оценки близости между коллекциями, зависящей от сравниваемых частот (процентов) значительного числа типов, общих для обеих коллекций, и хронологического упорядочения коллекций на основании этой вычисленной меры сходства (coefficient of agrement).

Покажем на простом примере, как вычисляется коэффициент сходства для пары комплексов [4]. Мы имеем два комплекса (А и Б), в которых высчитано распределение процентов по восьми группам бус. Высчитывается абсолютная разность (знак для нас не имеет значения) между показателями процентов в двух коллекциях и полученные данные суммируются.

Если бы коллекции были полностью идентичны, то сумма равнялась бы нулю. В том случае, если бы мы имели дело с полностью не совпа-

---

[1] W. S. Robinson. A Method for Chronologically Ordering Archaeological Deposits. «American Antiquity». XVI. 4, 1961, стр. 293—301; George W. Brainerd. The Place of Chronological Ordering in Archaeological Analysis. Там же, стр. 301—313.

[2] Harold E. Driver. Survey of Numerical Classification in Anthropology. The Use of Computers in Anthropology. 1965, стр. 302—322.

[3] George W. Brainerd. Ук. соч., стр. 302.

[4] В. Б. Деопик (Ковалевская). Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, 3, стр. 204, табл. I.

	A	B	| A — B |
I	4,8	0,8	4,0
II	44,8	61,3	16,5
III	1,5	1,0	0,5
IV	29,7	25,9	3,8
V	9,1	0,3	8,8
VI	5,2	5,6	0,4
VII	4,2	4,9	0,7
VIII	0,5	0,2	0,3
	100,0%	100,0%	35,0%

дающими комплексами, она равнялась бы 200%. Все остальные коэффициенты сходства, которыми мы располагаем при сравнении исследуемого материала, будут располагаться между этими значениями — нулем и 200%. В этом виде критерий должен быть записан так:

$$\rho_{lm} = \sum_{n=1}^{N} |\alpha_n^{(l)} - \alpha_n^{(m)}|.$$

Но поскольку полученная сумма отличающихся процентов отражает не сходство, а различие, то коэффициент сходства, принятый Брейнердом — Робинсоном, выражается в форме 200% (максимальное отличие) минус фактическая величина суммы отличий. Т. е. в нашем примере 200% — — 35% = 165%.

$$\rho_{lm} = 200 - \sum_{n=1}^{N} |\alpha_n^{(l)} - \alpha_n^{(m)}|.$$

В случае, если сопоставляются несколько комплексов, после вычисления коэффициентов сходства для каждой пары результаты заносятся в матрицу, число столбцов которой равно числу сравниваемых комплексов, и производится упорядочение матрицы. В своих статьях 1951 г. Д. Брейнерд и В. Робинсон показывают на примере, как происходит упорядочение матрицы.

В таблице по вертикали и горизонтали располагаются сравниваемые комплексы. На пересечении столбца и строки помещаются подсчитанные коэффициенты сходства. В неупорядоченной матрице, как мы видим на таблице 1, не наблюдается никакого определенного порядка в расположении коэффициентов. Задачей исследователей является такое расположение сравниваемых комплексов, чтобы наиболее близкие (хронологически — если процентное соотношение типов керамики отражает дату памятников, географически или по культурной принадлежности) комплексы оказались рядом. Для этого коэффициенты сходства с наибольшим значением должны располагаться по диагонали и уменьшаться по мере удаления от нее, так как комплексы, расположенные в конце и начале таблицы, должны быть максимально удаленными друг от друга (см. табл. 2). Следует, к сожалению, отметить, что авторы не дают какой-либо определенной процедуры для превращения неупорядоченной матрицы в упорядоченную, и поэтому наибольшая трудность при использовании этого метода вытекает из трудности упорядочения матрицы, что приводит к невозможности хронологически упорядочить материал. Появившиеся в более позднее время работы М. и Р. Эшеров, Д. Кларка и т. д. как раз и пошли по пути решения этих вопросов с помощью применения электронно-вычислительных машин.

Но прежде чем говорить об использовании этого метода для решения подобных задач, рассмотрим внесенную в том же 1951 г. поправку. Д. Ле-

мера[5]. Д. Лемер справедливо заметил, что каждая коллекция керамики представляет собой выборку из генеральной совокупности, которая отражает ее с тем большей ошибкой, чем меньше величина этой выборки. Применяя коэффициент сходства без поправки, мы воспринимаем как одинаково представительные выборки с большим и малым количеством об-

Таблица 1

	III A	III B	II C	I B	I a	II B	III c	I A
III A		101	1	4	50	3	27	66
III B	101		26	30	82	29	66	69
II C	1	26		196	107	196	115	1
I B	4	30	196		110	195	119	4
I A	50	82	107	110		108	172	39
II B	3	29	196	195	108		114	5
III C	27	66	115	119	172	114		11
II A	66	69	1	4	39	5	11	
	252	403	642	658	668	650	624	195

Таблица 2

	II A	III A	III B	I A	III C	I B	II B	II C
II A		66	69	39	11	4	5	1
III A	66		101	50	27	4	3	1
III B	69	101		82	66	30	29	26
I A	39	50	82		172	110	108	107
III C	11	27	66	172		119	114	115
I B	4	4	30	110	119		195	196
II B	5	3	29	108	114	195		196
II C	1	1	26	107	115	196	196	
	195	252	403	668	624	658	650	642

разцов (в материалах Брейнерда выборки колеблются от 75 до 210 образцов). Д. Лемер предлагает учитывать стандартную ошибку для каждого типа в обеих сравниваемых коллекциях.

$$S \pm \sqrt{\frac{p(1-p)N}{n_1 n_2}},$$

где $p = p_1 + p_2$, т. е. сумма частот (имеют значения от 0 до 1) в обеих коллекциях, N — число экземпляров в обеих коллекциях, при n_1 — числе экземпляров в первой коллекции и n_2 — во второй.

Для облегчения подсчетов следует сказать, что это выражение можно рассматривать как произведение $\sqrt{p(1-p)}$ (значение которого колеблется от 0,099 при $p = 0{,}1$ до 0,50 при $p = 0{,}50$ и для вычисления которого существуют специальные таблицы) на $\sqrt{\frac{n_1 + n_2}{n_1 n_2}}$, которое убывает при увеличении n_1 и n_2 так, что при n_1 и n_2, превышающих 200, мы практически можем эту поправку Д. Лемера не принимать во внимание[6].

[5] Donald J. Lehmer. Robinson's Coefficient of Agreement — a Critique. «American Antiquity», XVII, 2, 1951, стр. 151.

[6] Интересно, что уже Д. Форд предложил выборку объемом в 200 черепков считать достаточной для подсчетов. См. I. I. H. Rowe. Archaeological Dating and Cultural Process. «Southwestern Journal of Anthropology», XV, 4, 1959, стр. 319.

Некоторые пояснения к методу Брейнерда — Робинсона мы имеем в работе Б. И. Маршака [7].

Соглашаясь с поправкой, предложенной Д. Лемером, Б. И. Маршак показывает, что, применяя последнюю, мы ставим и решаем две задачи 1) определяем значимость различия двух комплексов, для чего можно было бы применить критерий χ^2 [8]; 2) определяем значимость различия двух показателей разностей, для чего можно применять критерий Стьюдента или непараметрические методы [9].

Еще больший интерес для применения метода Брейнерда — Робинсона представляет статья М. и Р. Эшеров [10], посвященная выработке алгоритма превращения неупорядоченной матрицы в упорядоченную. Поскольку желательная окончательная форма матрицы содержит элементы, которые в каждом столбце и строчке постепенно увеличиваются по диагонали, началом процедуры является отбор первых двух столбцов и строчек в качестве отправной точки. Каждая следующая строчка располагается до, после или между двумя первыми строчками. Процедура запрограммирована для электронно-вычислительной машины Burroughs 220 EDPS на Алголе и включает 18 преобразований, приведенных авторами в приложении к статье. В работе приводятся таблицы упорядочения матриц по материалам Драйвера и Флэндерса, причем Эшеры подчеркивают, что результаты в обоих случаях совпадают с окончательным упорядочением названных авторов, но времени затрачивается неизмеримо меньше.

Аналогичная работа для упорядочения матриц произведена Р. Куцарой, Дж. Мидом и К. Диксоном [11], которые подготовили программу на языке Фортран (И-2) и Фортран IV для электронных вычислительных машин IBM 1620 и IBM 7094 [12].

ЭВМ EDSAK 11 применялась Д. Кларком [13] для упорядочения матрицы. В отличие от Брейнерда и Робинсона, перед исследователем стояла задача не хронологического упорядочения некоторого материала, а определения устойчивого сочетания признаков при типологизации материала. Было отобрано 39 количественных признаков, выражающих форму, декоративные мотивы, позиции орнамента, характер обжига и обработки поверхности. Упорядоченная с помощью EDSAK 11 матрица взаимосочетаний всех рассмотренных признаков позволяет выделить три керамические группы. Как справедливо пишет Д. Кларк, «матричный анализ является единственным методом для анализа массового материала, в котором варьируют многочисленные характеристики. Задача состоит в том, чтобы материал каждой археологической культуры представить рядом таких диаграмм» [14].

---

[7] Б. И. Маршак, К разработке критериев сходства и различия керамических комплексов. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 308—309.

[8] В. Б. Деопик (Ковалевская). Классификация бус Юго-Восточной Европы, стр. 209.

[9] Б. И. Маршак. Ук. соч., стр. 310; В. Б. Ковалевская. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала. Сб. «Археология и естественные науки», стр. 295, 296.

[10] Marcia Ascher and Robert Ascher. Chronological Ordering by Computer. «American Anthropologist», 1963, 65, 5, стр. 1045—1047.

[11] R. S. Kuzara, D. R. Mead, K. A. Dixon. Seriation of Anthropological Data, a Computer Program for Matrix Ordering. «American Anthropologist», 68, 6, 1966, стр. 1442—1456.

[12] Подготовка программы для IBM 7094 объясняется тем, что уже к 1962 г. эти ЭВМ стали наиболее популярными в США и существуют в университетах Гарварда, Индианы, Мичигана, Нью-Йорка, Торонто, Калифорнии и других 17 городах в целях обработки материалов гуманитарных наук. В Европе к тому времени они были в Парижском центре, Безансоне, Милане, Варезе, Франкфурте-на-Майне и Кембридже.

[13] D. Z. Clark. Matrix Analysis and Archaeology with Particular Reference to British Beaker Pottery. PPS. New Series, XXVIII, 1962, стр. 371—383; D. Z. Clark. Matrix Analysis and Archaeology. «Nature», 1963, 199, стр. 790.

[14] D. Z. Clark. Matrix Analysis and Archaeology with Particular Reference, стр. 280.

Положительной стороной европейских и североамериканских работ является то, что матричный анализ на деле становится новым орудием исследователей, дополняющим, но не заменяющим традиционные исследования.

II

Широкое распространение различных показателей, используемых для количественной оценки степени «близости» памятников, делает целесообразной попытку аксиоматического подхода к обоснованию выбора меры этой «близости». Основой такого подхода является замена интуитивных соображений, используемых при количественной оценке, системой общих условий (аксиом), из которых основные свойства выбираемой меры получаются уже как математические следствия. Отметим, что аксиоматический подход к обоснованию выбора мер используется весьма часто в различных математических приложениях.

Классическими примерами такого подхода могут служить аксиоматика, предложенная А. Н. Колмогоровым [15] для определения понятия вероятности случайного события, или система аксиом, предложенных А. Я. Хинчиным [16] для обоснования меры количества информации, которая была введена К. Шенноном [17].

Есть также примеры удачных аксиоматических построений для обоснования выбора показателей в теории игр, математической экономике и других областях.

Рассмотрим возможность подобного подхода к обоснованию выбора меры «близости» археологических объектов (памятников), которые сравниваются по содержанию массового материала.

Проведенные рассуждения могут оказаться полезными также при оценке «близости» объектов иной природы, если основные свойства последних характеризуются известными распределениями.

Будем считать, что свойства каждого из M сравниваемых между собой объектов характеризуются соответствующим набором из N неотрицательных чисел:

$$\{\alpha_1^{(m)}, \alpha_2^{(m)}, \ldots, \alpha_n^{(m)}, \ldots \alpha_N^{(m)}\}, \qquad (1)$$

где верхний индекс m обозначает порядковый номер данного объекта ($m = 1, 2, \ldots M$).

Числа $\alpha_n^{(m)}$ (1) в задаче оценки степени «близости» памятников могут, например, обозначать процент находок в m-ом памятнике, отнесенных к n-му классу.

Отметим, что при этом сама классификация находок считается заданной, а числа $\alpha_n^{(m)}$ (1) предполагаются известными достаточно точно. Последнее означает, что для количественной оценки степени «близости» используются такие объекты, для которых различия в соответствующих наборах величин (1) можно считать статистически достоверными и не рассматривать возможных ошибок в значениях последних.

Построение рациональной классификации и статистический анализ достоверности различий в полученном массовом материале являются важными самостоятельными задачами исследования и здесь они рассматриваться не будут.

Введем следующие обозначения и понятия. Систему величин (1) назовем распределением, характерным для m-го объекта.

---

[15] А. Н. Колмогоров. Основные понятия теории вероятностей, Москва, 1934.

[16] А. Я. Хинчин. Понятие энтропии в теории вероятностей. Успехи математических наук, т. 8, вып. 3, 1953.

[17] К. Шеннон. Математическая теория связи (в сборнике «Работы по теории информации и кибернетике»), Москва, 1963.

Будем считать, что для всех сравниваемых объектов

$$\sum_{n=1}^{N} \alpha_n^{(m)} = A = \text{const} \qquad (2)$$

$$(m = 1; 2, \ldots M).$$

Так, например, если числа $\alpha_n^{(m)}$ (1) обозначают процент находок в m-м памятнике, относящихся к n-му классу, то

$$A = 100\%. \qquad (3)$$

Сравниваемые объекты назовем полностью совпадающими, если характерные для них распределения (1) совершенно одинаковы. Это означает, что сравниваемые l-й и m-й объекты являются полностью совпадающими, если имеют место равенства:

$$\alpha_n^{(l)} = \alpha_n^{(m)} \text{ для всех } n = 1; 2, \ldots N. \qquad (4)$$

Сравниваемые l-й и m-й объекты назовем полностью различными, если для них выполняются следующие соотношения:

$$\alpha_n^{(l)} \alpha_n^{(n)} = 0 \text{ для всех } n = 1; 2, \ldots N. \qquad (5)$$

Согласно этим соотношениям, если $\alpha_n^{(l)} > 0$, то $\alpha_n^{(m)} = 0$, а если $\alpha_n^{(m)} > 0$, то $\alpha_n^{(l)} = 0$. Это означает, что полностью различными называются такие объекты (памятники), которые не содержат образцов (находок) одинаковых классов.

Меру «близости» сравниваемых l-го и m-го объектов обозначим символом ρ_{lm} и назовем расстоянием между этими объектами.

Две меры ρ_{lm} и ρ'_{lm} будем называть эквивалентными, если для любых пар объектов выполняются соотношения:

$$\text{когда } \rho_{lm} > \rho_{ij}, \text{ тогда } \rho'_{lm} > \rho'_{ij}, \qquad (6)$$

$$\text{когда } \rho_{lm} = \rho_{ij}, \text{ тогда } \rho'_{lm} = \rho'_{ij}. \qquad (7)$$

Согласно этому определению, при замене одной меры другой, эквивалентной ей, результаты оценки относительной «близости» объектов всегда останутся качественно теми же: более «близкие» объекты останутся более «близкими», а более «удаленные» — более «удаленными».

Потребуем, чтобы расстояние как мера «близости» сравниваемых объектов удовлетворяло бы следующим трем общим условиям.

Условие 1°. Расстояние должно быть строго монотонно возрастающей функцией от абсолютных величин разностей чисел (1), соответствующих сравниваемым объектам. Это условие можно записать так:

$$\rho_{lm} = f(|\Delta_1^{(lm)}|, |\Delta_2^{(lm)}|, \ldots |\Delta_n^{(lm)}|), \qquad (8)$$

где

$$\Delta_n^{(lm)} = \alpha_n^{(l)} - \alpha_n^{(m)} \; (n = 1, \ldots N); \qquad (9)$$

f — строго монотонно возрастающая функция своих аргументов. Сделанное предположение приемлемо по следующим соображениям:

разности (9) действительно характеризуют степень отличия распределений (1) у сравниваемых объектов;

естественно считать, что чем больше абсолютные величины этих разностей, тем «сильнее» отличаются друг от друга сравниваемые объекты, тем больше должно быть и расстояние между ними;

знак у разностей (9) не должен играть существенной роли, так как можно, очевидно, потребовать, чтобы расстояние между двумя объектами не зависело от того, какой из них считать первым, а какой — вторым.

Условие 2°. Расстояние $\rho_{lm}^{(0)}$ между полностью совпадающими объектами должно быть равно нулю.

Так как для полностью совпадающих объектов, согласно равенствам (4) и (9), должны выполняться соотношения

$$\Delta_1^{(lm)} = \Delta_2^{(lm)} = \ldots \Delta_N^{(lm)} = 0, \tag{10}$$

то условие 2 можно записать так:

$$\rho_{lm}^{(0)} = f(0, 0, \ldots 0) = 0. \tag{11}$$

Это условие соответствует известной общей аксиоме функционального анализа [18] и в данном случае не является принципиально важным: здесь оно определяет, по существу, только выбор «начала отсчета» для расстояний между сравниваемыми объектами.

Условие 3°. Расстояние $\rho_{lm}^{(1)}$ между полностью различными объектами должно быть равно единице, т. е.

$$\rho_{lm}^{(1)} = f(|\alpha_1^{(l)} - \alpha_1^{(m)}|, \ldots |\alpha_N^{(l)} - \alpha_N^{(m)}|) = 1, \tag{12}$$

если

$$\alpha_n^{(l)}\alpha_n^{(m)} = 0, \quad n = 1, \ldots N.$$

Это условие является наиболее существенным, так как отражает специфику рассматриваемых здесь задач количественной оценки степени «близости» объектов.

Из сформулированных условий в качестве следствий нетрудно получить следующие основные свойства расстояния.

Следствие 1. Расстояние ρ_{lm} между любыми двумя объектами удовлетворяет условию:

$$0 \leqslant \rho_{lm} \leqslant 1. \tag{13}$$

При этом равенстве $\rho_{lm} = 0$ достигается только для полностью совпадающих объектов, а равенство $\rho_{lm} = 1$ — только для полностью различных объектов.

Для доказательства этого свойства заметим, что, согласно условию 1, расстояние между объектами является строго монотонно возрастающей функцией своих аргументов (9); последние достигают своих наименьших (нулевых) значений для полностью совпадающих объектов; если же объекты не являются полностью различными, то всегда можно найти такие величины (9), абсолютные значения которых могут быть увеличены при сохранении условия (2).

Согласно следствию 1, полностью совпадающие и полностью различные объекты можно рассматривать при оценке близости как два «крайних» случая: полностью совпадающие объекты являются «наиболее близкими», расстояние между ними равно нулю и является наименьшим; полностью различные объекты являются «наиболее удаленными» и расстояние между ними достигает своего наибольшего значения, равного единице. Эти выводы соответствуют нашим интуитивным представлениям о необходимых свойствах меры степени близости объектов, что говорит в пользу принятых выше условий 1°—3°.

Следствие 2. Расстояние полностью определяется величиной суммы абсолютных значений разностей (9), т. е.

$$\rho_{lm} = \varphi(S_{lm}), \tag{14}$$

где

$$S_{lm} = \sum_{n=1}^{N} |\alpha_n^{(l)} - \alpha_n^{(m)}|, \tag{15}$$

φ — строго монотонно возрастающая функция одного аргумента S, удовлетворяющая условиям

$$\varphi(0) = 0; \qquad \varphi(2A) = 1. \tag{16}$$

Для доказательства рассмотрим три объекта, для которых соответствующие распределения (1) определены следующим образом:

$$1 \text{ объект } \{\alpha_1^{(1)}, \ldots \alpha_k^{(1)}, \quad \alpha_{k+1}^{(1)}, \ldots \alpha_\nu^{(1)}, \quad 0, \ldots 0\}, \tag{17}$$

$$2 \text{ объект: } \{\alpha_1^{(1)}, \ldots \alpha_k^{(1)} + \alpha_{k+1}^{(1)}, 0, \ldots \alpha_\nu^{(1)}, \quad 0, \ldots \quad 0\}, \tag{18}$$

$$3 \text{ объект: } \{0, \quad \ldots 0, \quad 0, \ldots \quad 0, \quad \alpha_{\nu+1}^{(3)}, \ldots \alpha_N^{(3)}\}. \tag{19}$$

При этом, в соответствии с условием (2),

$$\sum_{n=1}^{\nu} \alpha_n^{(1)} = \sum_{n=\nu+1}^{N} \alpha_n^{(3)} = A.$$

Из соотношений (17)—(20) следует, что объекты 1 и 3, а также 2 и 3 являются полностью различными; при этом от объекта 1 объект 2 отличается только объединением k-го и $k+1$-го классов в один k-й класс.

Для этих объектов разности (9) равны:

$$|\Delta_n^{(13)}| = |\Delta_n^{(23)}| = \begin{cases} \alpha_n^{(1)}, & \text{если } n \leqslant \nu,\ n \neq k,\ n \neq k+1 \\ \alpha_n^{(3)}, & \text{если } n > \nu, \end{cases} \tag{20}$$

$$|\Delta_k^{(13)}| = \alpha_k^{(1)}, \ |\Delta_{k+1}^{(13)}| = \alpha_{k+1}^{(1)}, \ |\Delta_k^{(23)}| = \alpha_k^{(1)} + \alpha_{k+1}^{(1)}, \ |\Delta_{k+1}^{(23)}| = 0.$$

Согласно общему условию 3°,

$$\rho_{13} = \rho_{23} = 1. \tag{21}$$

Из соотношений (8), (20) и (21) находим:

$$f(|\Delta_1^{(13)}|, \ldots |\Delta_k^{(13)}|, |\Delta_{k+1}^{(13)}|, \ldots |\Delta_N^{(13)}|) = f(|\Delta_1^{(13)}|, \ldots |\Delta_k^{(13)}| + |\Delta_{k+1}^{(13)}|, 0, |\Delta_N^{(13)}|). \tag{22}$$

Отсюда, ввиду произвольности выделенного k-го класса, получаем:

$$\rho_{lm} = f(|\Delta_1^{(lm)}| \ldots |\Delta_N^{(lm)}|) = f\left(\sum_{n=1}^{N} |\Delta^{(lm)}|, 0, \ldots 0\right) = \varphi(S_{lm}), \tag{23}$$

где $\varphi(s_{lm})$ — строго монотонно возрастающая функция;
S_{lm} — величина, определяемая равенством (15).

Условия (16) вытекают из общих соотношений (11) и (12).

Следствие 3. Все меры «близости» объектов, удовлетворяющие принятым условиям 1° — 3°, эквивалентны.

Справедливость этого положения вытекает из того, что все указанные меры, согласно (14), должны быть строго монотонно возрастающими функциями одного аргумента (15) и потому для любых двух мер должны всегда выполняться соотношения (6), (7).

Отсюда следует, что результаты оценки относительной «близости» сравниваемых объектов качественно будут одинаковыми при любом выборе расстояния, если только выполнены общие условия 1°—3°.

Это позволяет при выборе расстояния отдать предпочтение наиболее простому выражению, которое согласуется с соотношениями (14)—(16):

$$\rho_{lm} = \frac{1}{2A} \sum_{n=1}^{N} |\alpha_n^{(l)} - \alpha_n^{(m)}|, \tag{24}$$

где, согласно (2),

$$A = \sum_{n=1}^{N} \alpha_n^{(l)} = \sum_{n=1}^{N} \alpha_n^{(m)}. \qquad (25)$$

Нетрудно проверить, что расстояние (24) удовлетворяет общим условиям 1° — 3°.

Действительно, для полностью совпадающих объектов, полагая в (24) $\alpha_n^{l} = \alpha_n^{(m)}$, получим $\rho_{lm}^{(1)} = 0$; для полностью различных объектов, подставляя в (24) условия (5), получим:

$$\rho_{lm}^{(1)} = \frac{1}{2A}\left[\sum_{n=1}^{N} \alpha_n^{(l)} + \sum_{n=1}^{N} \alpha_n^{(m)}\right] = \frac{1}{2A}(A + A) = 1.$$

Расстояние между любыми двумя объектами, определенное по формуле (24), можно рассматривать как «долю» от максимально возможного расстояния, которое соответствует случаю, когда сравниваемые объекты являются полностью различными.

Из проведенного анализа следует, что при оценке степени «близости» объектов во всех случаях, когда необходимость выполнения общих условий 1°—3° не вызывает сомнений, можно обоснованно пользоваться расстоянием, определяемым по формуле (24).

Полученные при этом результаты оценки относительной «близости» сравниваемых объектов, согласно доказанным положениям, всегда останутся качественно т е м и ж е, если выбрать л ю б у ю другую меру «близости», удовлетворяющую условиям 1°—3°.

III

Мера различия, рассмотренная выше аксиоматически, была использована при анализе коллекций антропоморфной глиняной пластики с раннетрипольских поселений. При ее классификации выделяется пять типов

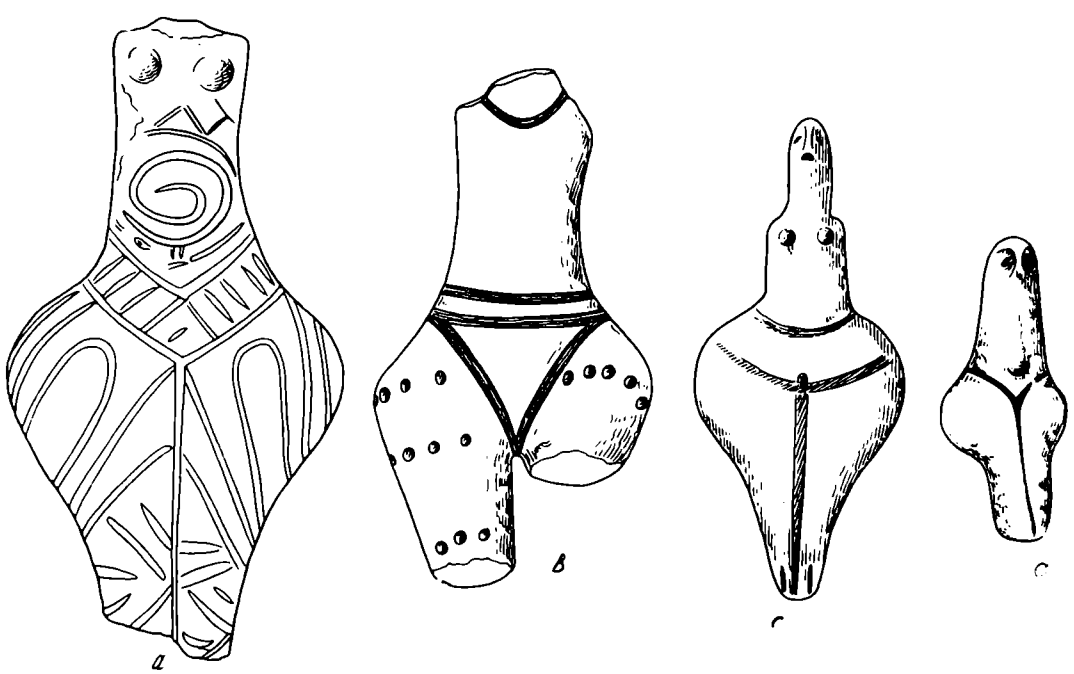


Рис. 1. Типы глиняной раннетрипольской антропоморфной пластики

женских изображений, составляющих 90% всего состава коллекций (рис. 1).

Тип *a* — статуэтки с сомкнутыми ногами, сплошь покрытые линейным углубленным орнаментом. Тип *b* — статуэтки с разомкнутыми нога-

Таблица 3

№ п п	Индекс памятника	a	b	c	c_1	d	Всего классифицировано, шт.	Всего в коллекции, шт.	% классифицированных
		штуки							
1	Б. Л. *	31	7	11	6	4	59	64	92
2	Ал.	8	7	64	3	2	84	89	95
3	Саб. II	6	1	35	0	3	45	53	85
4	Гай.	0	0	8	0	0	8	12	67
5	Гр.	1	0	0	1	0	2	2	100
6	Печ.	1	0	0	4	0	5	5	100
7	Сол. II н.	1	1	2	0	0	4	4	100
8	Гол.	3	0	8	0	2	13	13	100
9	Сол. I	2	0	0	0	0	2	2	100
10	Лен.	29	13	15	17	2	76	85	90
11	Н. Р. н.	38	8	3	13	0	62	64	97
12	Н. Р. в.	23	2	3	19	0	47	51	92
13	Кар.	10	0	0	0	0	10	11	91
14	Л. В.	96	29	2	63	5	195	216	90
15	Кр.	3	0	0	0	0	3	3	100
16	Фл.	0	1	16	0	1	18	36	50
					Итого:		633	710	90

* Обозначения: Б. Л. — Берково Лука; Ал. — Александровка; Саб. II — Сабатиновка II; Гай.— Гайворон; Гр.— Греновка; Печ. — Печоры; Сол. II н. — Солончены II (нижний горизонт); Гол. — Голерканы; Сол. I — Солончены I; Лен. — Ленковцы; Н. Р. н. — Новые Русешты (нижний горизонт); Н. Р. в. — Новые Русешты (верхний горизонт); Кар. — Карбуна; Л. В. — Лука Врублевецкая; Кр. — Красноставка; Фл. — Флорешты.

ми и локальным орнаментом в виде штрихов и оттисков зерен на бедрах и в нижней части тулова; на спине прорезана косая линия со «свисающими» короткими штрихами. Тип *c* — массивные статуэтки укороченных пропорций, с сильной стеатопигией, прямыми плечами и плоской спиной; голова на длинной шее моделирована защипом и проколами; в нижней части живота рельефно выступает жировая складка, подчеркнутая углубленной линией. Такая же линия проходит углом в низу живота и разделяет ноги. Тип c_1 — статуэтки близкие типу *c*, но более стройные, намечаются выступы, трактующие руки; моделирована талия, отсутствует складка в нижней части живота, нет орнамента, ноги не разделены. Статуэтки этого типа несмотря на значительную стеатопигию приближаются к естественным пропорциям тела. Этот тип не указан на рисунке. Тип *d* — статуэтки с сомкнутыми ногами и деформированным туловом, без плечей.

Количественное соотношение этих типов на каждом памятнике лежит в основе характеристики пластики каждого поселения. Эта количественная характеристика позволяет объективно объединять памятники в некоторые группы, близкие по времени и знаменующие собой близость круга идей и пантеона божеств.

Исходные данные для количественной оценки степени близости памятников по материалам пластики приводятся в табл. 3.

Таким образом, в среднем 90% всей пластики раннего Триполья поддаются класси-

Таблица 4

Распределение пластики по типам, %

Индекс памятника	a	b	c	c_1	d	Всего
Фл.	0	6	88	0	6	100
Саб. II	13	2	78	0	7	100
Ал.	10	9	75	4	2	100
Б. Л.	53	12	19	9	7	100
Л. В.	49	15	1	32	3	100
Лен.	38	17	20	22	3	100
Н. Р. н.	61	13	5	21	0	100
Н. Р. в.	49	4	6	41	0	100

фикации. Оставшиеся 10% составляют мелкие неопределимые фрагменты и единичные уникальные фигурки, которые целесообразно рассматривать особо.

Количественный состав коллекций памятников, включенных в табл. 3, неравномерен (от 2 до 216). При дальнейших расчетах будут приниматься во внимание только крупные коллекции пластики (свыше 20 шт.). Для памятников, представленных единичными фрагментами пластики, количественное соотношение типов может быть в значительной степени случайным. Эти памятники могут быть отнесены по общему облику материала к той или иной группе, выявленной по окончании расчетов (см. ниже).

Таблица 5

Количественная оценка степени близости памятников

(значения расстояния по формуле (24))

Индекс памятников	Фл.	Саб. II	Ал.	Б. П.	Л. В.	Лен.	Н. Р. н.	Н. Р. в.
Фл.	0	0,14	0,17	0,68	0,90	0,71	0,89	0,90
Саб. II	0,14	0	0,11	0,59	0,81	0,62	0,80	0,79
Ал.	0,17	0,11	0	0,56	0,74	0,55	0,72	0,76
Б. Л.	0,68	0,59	0,56	0	0,26	0,19	0,21	0,32
Л. В.	0,90	0,81	0,74	0,26	0	0,21	0,16	0,14
Лен.	0,71	0,62	0,55	0,19	0,21	0	0,23	0,30
Н. Р. н	0,89	0,80	0,72	0,21	0,16	0,23	0	0,21
Н. Р. в	0,90	0,79	0,76	0,32	0,14	0,30	0,21	0

Для каждой выбранной пары памятников по данным табл. 4 находятся разности относительных количеств образцов в процентах по каждому из пяти типов: a, b, c, c_1, d. Затем расстояние (ρ) для каждой пары памятников определяются по формуле (24).

Результаты расчетов приводятся в табл. 5.

В табл. 5 число, находящееся на пересечении строки и столбца, обозначает расстояние (ρ) между соответствующей парой памятников [18]. Нулевые значения расстояний по «главной диагонали» таблицы соответствуют совпадающим памятникам. Таблица симметрична относительно этой главной диагонали, так как расстояние между памятниками не зависит от того, какой из них считать первым.

При анализе табл. 5 можно выделить две группы близких друг к другу памятников, расстояние между которыми относительно мало. В первую группу входят Флорешты, Сабатиновка II и Александровка ($\rho<0{,}17$); вторая группа объединяет Луку Врублевецкую, Ленковцы и нижний горизонт Новых Русешт ($\rho < 0{,}23$). Близко к этой группе стоит памятник Берново Лука ($\rho < 0{,}26$), а также верхний горизонт Новых Русешт ($\rho < < 0{,}30$). Расстояние же между памятниками первой и второй группы очень значительно, оно вдвое превышает расстояние между памятниками внутри каждой из групп.

Выделенные группы указывают на близость памятников по составу коллекций пластики.

На основе исследования всего материала из многослойного поселения Флорешты известно, что этот памятник предшествует появлению трипольских поселений на Днестре [19]. Пластика Флорешты аналогична статуэткам

[18] В дальнейшем мы для удобства изложения оперируем словом «памятник», имея в виду только состав пластики на памятнике.

[19] Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. СА, 1959, 1, стр. 28, сл.; ее же. Раннеземледельческие племена Поднестровья. МИА, 84, 1961, стр. 193—203; ее же. Результаты археологических раскопок у с. Флорешты, в Молдавии. МИА, Ю.-З. СССР и РНР, 1960, Кишинев, стр. 56, рис. 5,*5*, *7*.

из Извоаре I, 1[20]. Ларга Жижия[21], Зэнешты[22]. В коллекции пластики этого поселения статуэтки типа *c* составляют 88%, их сопровождают статуэтки типа *b* и *d*. Таким образом, устанавливаются наиболее ранние типы дотрипольской пластики *b*, *c*, *d*, из них тип *c* количественно господствует.

Очень близко к Флорештам по составу пластики стоит поселение Сабатиновка II, где статуэтки типа *c* составляют 78%, им опять сопутствуют статуэтки типа *b* и *d*. Однако в Сабатиновке II появляются орнаментированные фигурки. По пропорциям и моделировке их можно отнести к типу — *c* —, но на ягодичных частях двух фигурок нанесен углубленный спиральный орнамент, плохо прослеживаемый, на фрагменте торса одной из статуэток видны углубленные линии, на трех фигурках орнамент нанесен красной краской по белому ангобу. Несмотря на наличие краски на статуэтках, пластика из Сабатиновки II очень архаична и может быть сопоставлена с пластикой из Влэдень[23], из Тырпешть[24] и Траян Дялул Фынтынилор[25].

Коллекции статуэток из Сабатиновки II и Александровки очень близки между собой. В Александровке ведущий для ранних памятников тип *c* составляет 75%, его сопровождают статуэтки типов *b* и *d*. Орнаментированные статуэтки типа *a*, найденные здесь в небольшом количестве (8 шт.), имеют особый облик. Это женские фигурки со стеатопигией, вытянутые, стройных пропорций с четко проработанным углубленным орнаментом по черной лощеной поверхности. При сравнении этих орнаментированных статуэток с архаическими фигурками типа *c* на этом же памятнике возникает предположение об их импортном происхождении. Возможно, на памятниках типа Александровки впервые появляются привозные орнаментированные фигурки, которые послужили моделью для местных орнаментированных статуэток типа *a* ставших самыми распространенными на более поздних памятниках раннего Триполья. Очевидно, по времени бытования Александровка близка к Сабатиновке II.

Таким образом, анализ пластики первой группы памятников дает возможность говорить о хронологической близости между ними, выделяя Флорешты как наиболее ранний.

Большая коллекция пластики из поселения Берново Лука стоит ближе ко второй группе памятников, выделенной на табл. 5 ($\sigma<0{,}26$). Ведущий здесь тип пластики *a* (53%), статуэтки со стеатопигией, вытянутых пропорций, тулово их сплошь покрыто углубленным орнаментом, формируются плечевые выступы и талия, однако головка подтреугольной формы, с лицом, переданным легким защипом и наколами, напоминает подобные головки фигурок из Сабатиновки II и Александровки. Статуэтки типа *c* занимают в количественном отношении второстепенное место, но облик их по-прежнему очень архаичен. Выделяется несколько статуэток типа c_1, формирующихся из типа *c*, но с более стройными пропорциями, проработанной талией и выступами плечей. Здесь, как и на памятниках первой группы, присутствуют фигурки типов *b* и *d*, последний представлен особенно хорошо моделированными статуэтками с ромбом в нижней части живота. Архаические черты пластики типа *c*, с одной стороны, появление большого числа орнаментированных статуэток и формирование статуэток типа c_1, с другой стороны, позволяют считать этот памятник промежуточ-

---

[20] R. Vulpe. Izvoare. 1957, рис. 77—80.

[21] Şantierul Valea Jijiei. SCIV, III, 1952, стр. 41, рис. 9, *5—6* (пункт Грэдина).

[22] Şantierul archeologie Traian. SCIV, I—1. 1954, стр. 59, табл. I. *14—15*; табл. III, *6*.

[23] Şantierul Valea Jijiei, стр. 41, рис. 9, *7* (пункт Гэтул-Лупулуй).

[24] Silvia Marinescu-Bîlcu. Sondajul de la Tirpesti. MCA, VIII, 1962, стр. 239, рис. 5, *1—3*.

[25] Şantierul Traian. SCIV, 1952, III, стр. 135, рис. 4, *1—2*; H. Dumitrescu şi V. Dumitrescu. Şapaturile de la Traian — Dealul Fîntînilor, MCA, VI, 1959, рис. 8, *1—2*; H. Dumitrescu. Şantierul archeologic Traian, MCA, VII, стр. 96, рис. 5, *4*.

ным между памятниками двух основных групп. В табл. 5 количественной оценки степени близости памятников он также занимает промежуточное положение, примыкая ближе всех к Александровке из первой группы ($\rho = 0{,}56$) и к Ленковцам из второй группы ($\rho = 0{,}19$).

Памятники второй группы по количественному соотношению типов пластики резко отличаются от памятников первой группы. Здесь преобладают орнаментированные статуэтки типа *a*, значительное количество статуэток типа c_1, незначительно — типа *c*. Эти последние видоизменяются, сохраняя лишь некоторые формальные черты — жировую складку в нижней части живота, переданную только графически, а не моделированную рельефно, как в памятниках первой группы. Прямые плечи все более вытягиваются в плечевые выступы, голова передана просто коническим столбиком, лицо, как правило, не моделировано совсем. По-прежнему присутствуют фигурки типов *b* и *d*, но в более поздних памятниках (Новые Русешты) заметна тенденция к их исчезновению.

Наиболее близко к переходному памятнику Берново Лука по составу пластики стоят Ленковцы. Здесь еще значительно количество статуэток типа *c*, хотя и несколько видоизмененных (20%).

Близко к Ленковцам стоит памятник Лука Врублевецкая ($\rho = 0{,}21$), хотя очень большой состав коллекции пластики этого поселения существенно отличается от состава коллекции из Ленковцев почти полным исчезновением статуэток типа *c* (1%) и резким возрастанием количества статуэток типа c_1 (32%).

Многослойный памятник Новые Русешты, в котором два трипольских горизонта тесно смыкаются,— один из самых поздних в системе раннего Триполья. Верхний горизонт его с расписной керамикой можно с полным основанием отнести к Триполью В I, однако, пластика обоих горизонтов однотипна и отличается только количественным соотношением типов. В Новых Русештах полностью исчезает тип статуэток *d*, но присутствует тип *b*, который имеет тенденцию к сокращению от нижнего к верхнему горизонту параллельно и пропорционально сокращению типа *a* [26]. Тип *c* присутствует в обоих горизонтах Новых Русешт, но в небольшом количестве (5—6%) и в очень пережиточных формах, зато у типа c_1 явно намечается тенденция к возрастанию. Состав коллекции пластики из Новых Русешт близко смыкается с составом коллекции из Луки Врублевецкой ($\rho < 0{,}16$). Но поскольку в Луке Врублевецкой отсутствует расписная керамика, целесообразно сравнить пластику с этого поселения с нижним горизонтом Новых Русешт, предоставляя верхнему горизонту несколько более позднее время.

Памятники второй группы по массовому материалу исследователи обычно синхронизируют со слоем Извоаре I, 2, однако орнаментированные статуэтки из этого слоя неизвестны. В Извоаре они появляются в слое II, 1*a* в сопровождении бихромной керамики, поэтому пластику второй группы памятников можно сравнивать с пластикой из слоя Извоаре II,1*a* [27] и статуэтками из поселения Андриешени [28].

Памятники с небольшими коллекциями пластики (до 20 шт.) можно по общему облику статуэток соотнести с рассмотренными группами следующим образом. К памятникам первой группы по составу пластики (преобладают архаические статуэтки типа C_1) следует отнести Гайворон, Солочены II, 1 и Голерканы.

К памятникам второй группы следует отнести Печоры, Красноставку, Греновку, Солончены I, Карбуну, где присутствуют только статуэтки типов *a* и c_1.

---

[26] А. П. Кусургашева. Антропоморфная пластика раннетрипольского поселения Новые Рутешты. КСИА, вып. 123, 1970.

[27] R. Vulpe. Ук. соч., стр. 227, рис. 228, *1*.

[28] Adrian C. Florescu. Sapaturile de salvare de Andrieseni, MCA. V, 1959. стр. 332, рис. 4.

Таким образом, на основании анализа 15 коллекций раннетрипольских статуэток возникает следующая схема эволюции пластики по памятникам [29]:

1 группа
- Флорешты
- Сабатиновка II
- Александровка
- Гайворон
- Солончены II, 1 } малые коллекции
- Голерканы
- Берново Лука

2 группа
- Ленковцы
- Лука Врублевецкая
- Новые Русешты (нижний гор.)
- Печоры
- Красноставка
- Греновка } малые коллекции
- Солончены I
- Карбуна
- Новые Русешты (верхний гор.)

Эта схема, сложившаяся на основе анализа только одного и притом специфичного материала пластики, возможно, нуждается в доработке. В дальнейшем предстоит выделить внутри этой схемы отдельные локальные варианты.

V. B. Kovalevskaia, I. B. Pogojev, A. P. Pogojéva
(Koussourgachèva)

MÉTHODES QUANTITATIVES DE L'ESTIMATION DU DEGRÉ D'AFFINITÉ DES MONUMENTS D'APRÈS LE POURCENTAGE DE MATÉRIAUX EN MASSE

Résumé

L'article est composé de trois parties.

La première est un aperçu des différentes méthodes qui permettent d'estimer quantitativement les degrés d'affinité ou de différence des ensembles comparés d'après le pourcentage de tels ou tels types d'objets.

La seconde porte sur les résultats de la tentative d'appliquer une mesure d'affinité à l'aide de suppositions (axiomes) déterminées et strictement formulées concernant les propriétés que doit posséder ladite mesure. Les auteurs démontrent qu'à un systéme d'axiomes choisi correspond une mesure d'affinité déterminée. Cette mesure est définie par la somme des valeurs absolues de la différence des pourcentages respectifs se rapportant aux ensembles que l'on compare.

La troisième partie de l'article est consacrée à l'utilisation d'une mesure d'affinité déterminée à l'aide des axiomes en vue d'analyser certaines collections de l'ancien Tripolié réunissant les plastiques d'argile anthropomorphes. En partant de l'estimation effectuée, les trois groupes de documents archéologiques «proches» ont été mis en évidence:

1) Alexandrovka et Sabatinovka II;

2) Louka Vroublevétzkaya et Bernovo Louka, le niveau inférieur du village Novyié-Roussechty;

3) Le niveau supérieur des villages Novyié-Rossechty et Lénkovtzy.

[29] Коллекции пластики даны в эволюционной последовательности, за исключением малых коллекций.

И. М. ТЮРИНА

НЕОЛИТ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Под Верхним Поднепровьем здесь подразумевается участок бассейна Днепра, от его верховий до Киева. Данный район включает современную территорию Смоленской и часть Брянской областей РСФСР, Могилевскую, Гомельскую и восточную часть Минской областей БССР, а также северные районы Киевской и Черниговской областей УССР.

Изучение этой территории представляет особый интерес, поскольку Верхнее Поднепровье в эпоху неолита служило промежуточной областью между большими этнокультурными общностями: днепро-донецкой, волго-окской и прибалтийской. Это обстоятельство обусловило своеобразие местных неолитических памятников и вызвало к ним интерес со стороны археологов, занимающихся данной эпохой. Первые работы по неолиту относятся здесь к концу XIX в. и связаны с именами А. Лоначевского, Н. Ф. Белубешевского, Е. Р. Романова и др.[1] Систематические же исследования начались с 20-х годов, в связи с созданием археологической комиссии при Институте Белорусской культуры[2].

В результате многолетних разведок К. М. Поликарповича, А. Д. Коваленя, А. Н. Лявданского, В. Р. Тарасенко, И. Х. Ющенко на территории Верхнего Поднепровья обнаружено значительное число памятников и собран большой вещественный материал. Особенно большой интерес представляют работы А. Н. Лявданского и К. М. Поликарповича, явившиеся серьезным вкладом в археологическое изучение Верхнего Поднепровья и не потерявшие своего научного значения до настоящего времени.

Но это были, главным образом, разведки, раскопок же поселений почти не производилось.

Именно этим и объясняется то обстоятельство, что до сих пор в археологической литературе нет единого мнения о культурной принадлежности упомянутых памятников. Так, М. Е. Фосс включала Верхнее Поднепровье в область распространения культур с гребенчато-ямочной керамикой[3], Х. А. Моора — в область распространения культур с ямочно-гребенчатой керамикой[4], А. Гардавский — в область распространения днепро-эльбской

---

[1] А. Лоначевский. Археологические находки в Гомельском уезде. Могилевской губернии. «Киевская старина», 1885, март, XI, стр. 573—577; Н. Ф. Беляшевский. Несколько новых стоянок каменного века «Киевская старина», 1891, XXXII, стр. 433—444; Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда. Записки северо-западного отдела РГО, Вильно, I, 1910, стр. 97—128.

[2] В 1929 г. Институт Белорусской культуры был преобразован в Академию наук БССР.

[3] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, МИА, 29, 1952, стр. 65.

[4] Х. А. Моора. О расселении балтийских племен. СА, 1958, 2, стр. 20.

культуры [5] и, наконец, Д. Я. Телегин — в область культур с гребенчато-накольчатой керамикой [6].

Сколько-нибудь широкие раскопки начались, по сути дела, только с 1956 г., в связи с организацией Белорусского отряда Приднепровской экспедиции. За 10 лет было исследовано несколько десятков неолитических поселений и произведены раскопки на 17 из них. В целом можно отметить две относительно хорошо исследованных области распространения неолитических памятников — нижнее и среднее течение Сожа и Могилевское Поднепровье, где удалось выделить ранние и поздние поселения [7].

В настоящее время мы можем говорить о наличии в Верхнем Поднепровье неолитических памятников, обладающих общими чертами материальной культуры. Памятники этого типа можно условно объединить в понятие верхнеднепровской неолитической культуры. Критерием для ее выделения служит керамика, имеющая на всей территории сходные формы, одинаковые элементы орнамента, а также близкую технологию изготовления.

Культура неолитических племен Верхнего Поднепровья существовала довольно продолжительное время. Уже сейчас типологический анализ инвентаря позволяет выделить два этапа в ее развитии: ранний и поздний.

Поселений раннего типа известно более 10, но с чистым вещевым комплексом — только два (Залесье и Шепотовичи) [8]. На остальных ранний материал перемешан с поздненеолитическим (рис. 1). Поселения располагались в пойме рек на невысоких песчаных возвышенностях — останцах боровых террас.

Наиболее характерны для поселений этой группы следующие типы орудий (рис. 2).

1. Скребки на округлых отщепах, обработанные мелкой ретушью. Размеры их небольшие, некоторые чуть больше сантиметра. Скребки на конце небольших ножевидных пластин трапециевидной и треугольной в сечении формы, с прямым или округлым рабочим краем.

2. Резцы встречаются трех типов: срединные, боковые и на углах ножевидных пластин. Наиболее характерен последний тип. Пластины довольно массивны, иногда с двумя резцовыми сколами.

3. Наконечники стрел встречаются двух форм: а) наконечники из тонких ножевидных пластин «свидероидного» типа, с обработанным ретушью черешком и острием пера; б) наконечники стрел листовидной формы, с двухсторонней обработкой поверхности.

4. Ножевидные пластины удлиненных пропорций, небольших размеров. У некоторых экземпляров одна сторона брюшка обработана ретушью.

5. Топоры для поселений этого типа характерны овальной или подтреугольной формы, небольших размеров, лезвие их оформлено одним или несколькими поперечными сколами. Керамика раннего этапа представлена толстостенными сосудами (толщина стенок 1,2—1,3 *см*), с прямым венчиком; острие днища чрезвычайно толстое (до 4 *см* толщиной). В тесте преобладают растительные примеси (иногда до 80—85%), но встречается и примесь толченого кварца. Обжиг слабый, тесто рыхлое, цвет черепков желтый и красновато-коричневый. Поверхность сосудов, как правило, покрыта орнаментом, но иногда орнаментирована только верхняя часть сосуда. Зо-

---

[5] A. Gardawski. Zagadnienie kultury «ceramiki grzebijkowej» w Polsce. WA, XXV, 1958, стр. 311—312.

[6] Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, 1961, 4, стр. 26—40.

[7] И. М. Тюрина. Неолитические памятники Посожья. КСИА АН СССР, 111, 1967, стр. 108—115.

[8] На поселении Залесье в 1965 г. были произведены раскопки на площади в 65 $м^2$. Получен небольшой, но очень выразительный материал, анализ которого позволяет считать стоянки данного типа наиболее ранними неолитическими памятниками в Верхнем Поднепровье.

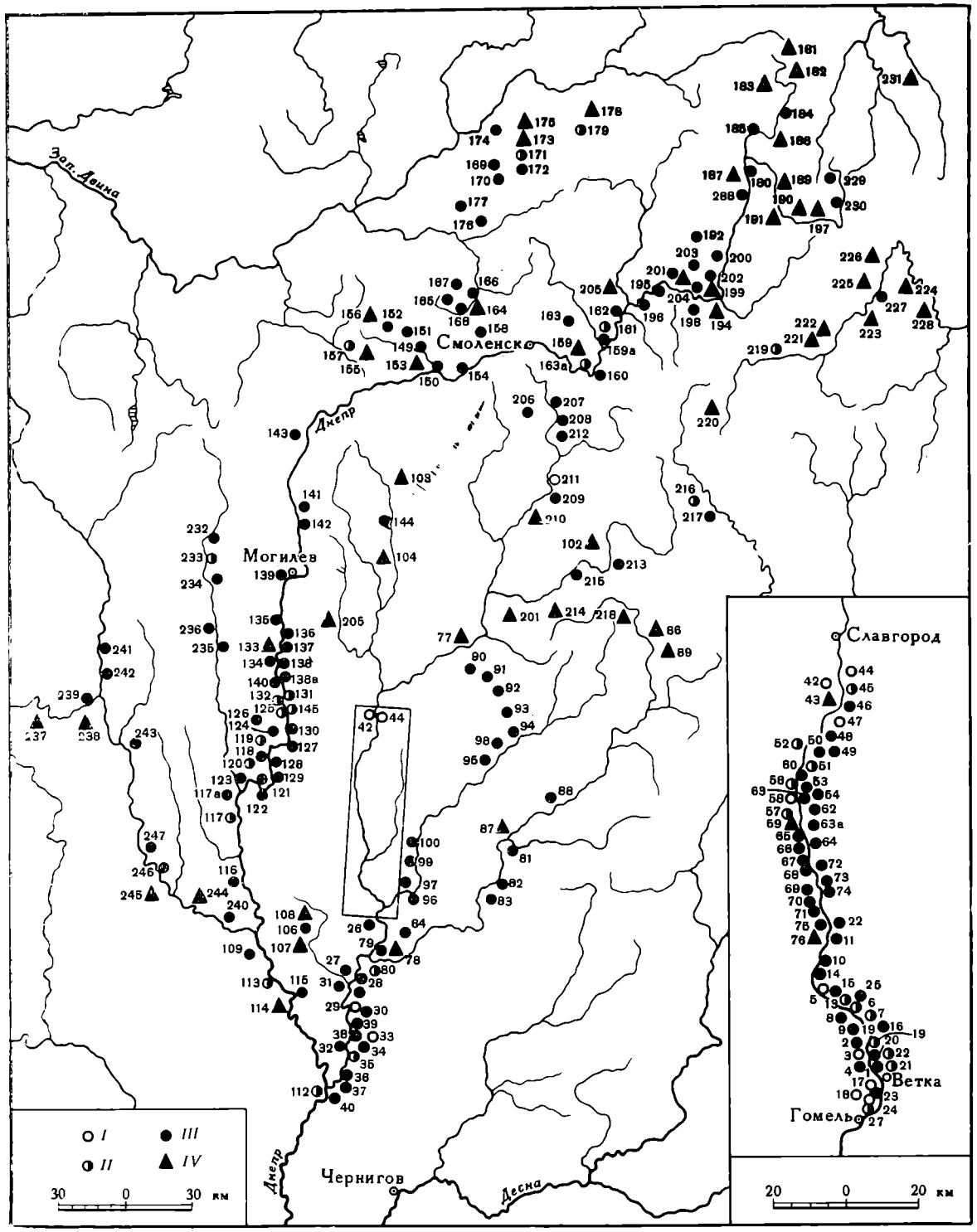


Рис. 1. Карта распространения памятников верхнеднепровской неолитической культуры:

I — ранние памятники; *II* — памятники со смешанным инвентарем; *III* — поздние памятники; *IV* — случайные находки
1 — Стрелица, 2 — Липовый Брод, 3 — Шепотовичи, 4 — Остров, 5 — Залесье, 6 — Цыганский бугор, 7 — Неготень, 8 — Печище, 9 — Шоховка, 10 — Нешин, 11 — Хилитава, 12 — Поганое болото, 13 — Бурьяка, 14 — Оношки, 15 — Выгон, 16 — Подутоня, 17 — Шерстин, 18 — Пуня, 19 — Курган, 20 — Гуски, 21 — Попово, 22 — Чечуровка, 23 — Великое, 24 — Наддача, 25 — Павожбор, 26 — Низкий бор, 27 — Глушец, 28 — Скиток, 29 — Федоровка, 30 — Новые Терешковичи, 31 — Шарпиловка, 32 — Абакумы, 33 — Старая Паперня, 34 — Лесная гора, 35 — Клубовка, 36 — Глехтеевка, 37 — Сусловка, 38 — Троян, 39 — Горбажа, 40 — Лоев, 41 — Каменка, 42 — Гайшин, 43 — Семеновка, 44 — Дубна, 45 — Бышарино поле, 46 — Подмуглевье, 47 — Старая Каменка, 48 — Сосновая грива, 49 — Казаковка, 50 — Попаратки, 51 — Прудок, 52 — Костюковка, 53 — Жавуница, 54 — Студенец, 55 — Волынцы, 56—57 — Литвиновичи, 58 — Выношевка, 59 — Новая Зеньковина, 60—63 — Струмень, 63а — Донизовка, 64 — Васильевка, 65 — Островница, 66—68 — Сапожки, 69—71 — Верхи, 72—74 — Жавынец, 75 — Старая Беляевка, 76 — Ипполитовка, 77 — Поклазы, 78 — Рудня Споницкая,

нальность в орнаменте отсутствует. Сосуды украшались глубокими оттисками крупной гребенки или продолговатыми ямками. В целом керамика довольно архаична, своеобразна и не находит себе прямых аналогий, что в общеисторическом плане можно отнести к числу определенных специфических показателей ранней группы. Она лишь отдаленно напоминает керамику ранних поселений днепро-донецкой культуры. Для керамики той и другой культур характерен яйцевидный горшок с коническим дном, слегка выпуклыми стенками, прямым венчиком и растительной примесью в тесте. Однако такая форма горшка распространена довольно широко и не может считаться решающим фактором при определении культуры. Характер же орнамента совершенно иной. Сосуды верхнеднепровских поселений украшены по всей поверхности оттисками гребенки или ямочными вдавливаниями. Основные же элементы орнамента на керамике ранних днепро-донецких поселений — редкие оттиски гребенки или прочерченные линии, образующие косую штриховку или угловые композиции.

На Десне также нет подобной орнаментации. Во всяком случае, наиболее ранние из известных там поселений датируются только концом III тысячелетия до н. э. К тому же для местной керамики характерен ромбический штамп [9]. На верхнеднепровских поселениях орнамент из ромбических ямок встречается в незначительном количестве и обязательно с другим орнаментом — «лапчатым», «отступающей лопаточкой» и т. п., т. е. элементами, характерными уже для поздних поселений.

Что же касается западной Белоруссии и юго-восточной Прибалтики, то здесь известны ранненеолитические поселения типа Дубичай, для которых типичны сосуды с растительной и ракушечной примесью в тесте, с отогнутыми наружу или сведенными внутрь венчиками со слабой штриховкой поверхности и редким орнаментом [10], т. е. керамика, не типичная для Верхнего Поднепровья.

Большой интерес представляют для нас ранние памятники Волго-Окского междуречья. Наиболее ранними здесь считаются памятники льяловско-

---

[9] И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетия до н. э. КСИИМК, 75, 1959.

[10] Р. К. Римантене. Стоянки раннего неолита в юго-восточной Литве. «Древности Белоруссии», Минск, 1966, стр. 54—62.

---

79 — Щубин, 80 — Романовичи, 80а — Березок, 81 — Антоновка, 82 — Купорейкин бугор, 83 — Орел, 84 — Улукавье, 85 — Марьино, 86 — Кочева, 87 — Ущерное, 88 — Косичи, 89 — Доброносичи, 90 — Чайковка, 91 — Рачище, 92 — Устье, 93 — Белая Дубрава, 94 — Заборье, 95 — Каменная гора, 96 — Столбун, 97 — Беседь, 98 — Хотимск, 99 — Хлусы, 100 — Хизы, 101 — Печкуры, 102 — Пранички, 103 — Дрибин, 104 — Кузьминичи, 105 — Грозивец, 106 — Буда, 107 — Уза, 108 — Бобовичи, 109 — Заспа, 110 — Комарин, 110а — Асаревичи, 111 — Крупейки, 112 — г/п Лоев, 113 — Грушевица, 114 — Черное, 115 — Стрешин, 116 — Озерщина, 117 — Малые Рога, 117а — Закутье, 118 — Соседка, 119 — Борок Семиновский, 120 — Завалье, 121 — Борок, 122 — Красная гора, 123 — Кистени, 124 — Озерище, 125 — Курганье, 126 — Костюшово, 127 — Хорошово, 128 — Палик, 129 — Мошка, 130 — Ледное, 131 — Селец Холопеев, 132, 133 — Новый Выхов, 134 — Попова Грива, 135 — Жаворонок, 136 — Гута, 137, 138 — Веть, 139 — Костромин, 140 — Закрылье, 141 — Ржавцы, 142 — Новые Стайки, 143 — Орша, 144 — Петуховка, 145 — Быхов, 146 — Страхолесье, 147 — Сорокопичи, 148 — Навозы, 149—153 — Катынь, 154 — Борки, 155 — Будково, 156 — Лодыжицы, 157 — Куприно, 158 — Гнездово, 159 — Бельчавищы, 160 — Нижние Немыкари, 161 — Верхние Немыкари, 162 — Ломейково, 163 — Заборье Смол. обл., 164 — Пилички, 165—168 — Прудники, 169—170 — Слобода, 171—172— Мочуры, 173 — Кутино, 174, 175 — Берково, 176 — Шугайлово, 177 — Побоище, 178 — Никольское, 179 — Добрино, 180 — Василенки, 181 — Аксенино, 182 — Ильюшка, 183 — Вотанка, 184 — Покров-кураши, 185 — Вышегор, 186 — Глубина, 187 — Булашово, 188 — Гараськино, 189 — Шаблыкино, 190 — Кошкино, 191 — Сельцо, 192 — Верхнее Мыслово, 193 — Федино, 194 — Орешково, 195 — Пестреньки, 196 — Хролапово, 197 — Боровица, 198 — Заборье, 199 — Бизюково, 200 — Алексейково, 201 — Бабоедово, 202, 203 — Дорогобуж, 204 — Хотычки, 205 — Гололобово, 206—208 — Потемкино, 209 — Мошевое, 210 — Холм, 211 — Устье № 1, 212 — Устье № 2, 213 — Дубовицы, 214 — Старый Дедин, 215 — Курганово, 216 — Екимовичи, 217 — Софиевское, 218 — Доброносичи, 219 — Городок, 220 — Красная Нива, 221 — Вороня, 222 — Пищево, 223 — Судаки, 224 — Вознесенье, 225 — Русачево, 226 — Федурино, 227 — Мухино, 228 — Федотково, 229 — Артемовское, 230 — Вязьма, 231 — Важное, 232 — Лубяны, 233 — Заречье, 234 — Белыничи, 235 — Друцк, 236 — Городище, 237 — Горожка, 238 — Устеж, 239 — Банцеровщина, 240 — Василевичи, 241 — Лешница, 242 — Гореничи, 243 — Любоничи, 244 — Змеевка, 245 — Мурово, 246 — Староселье, 247—Горки

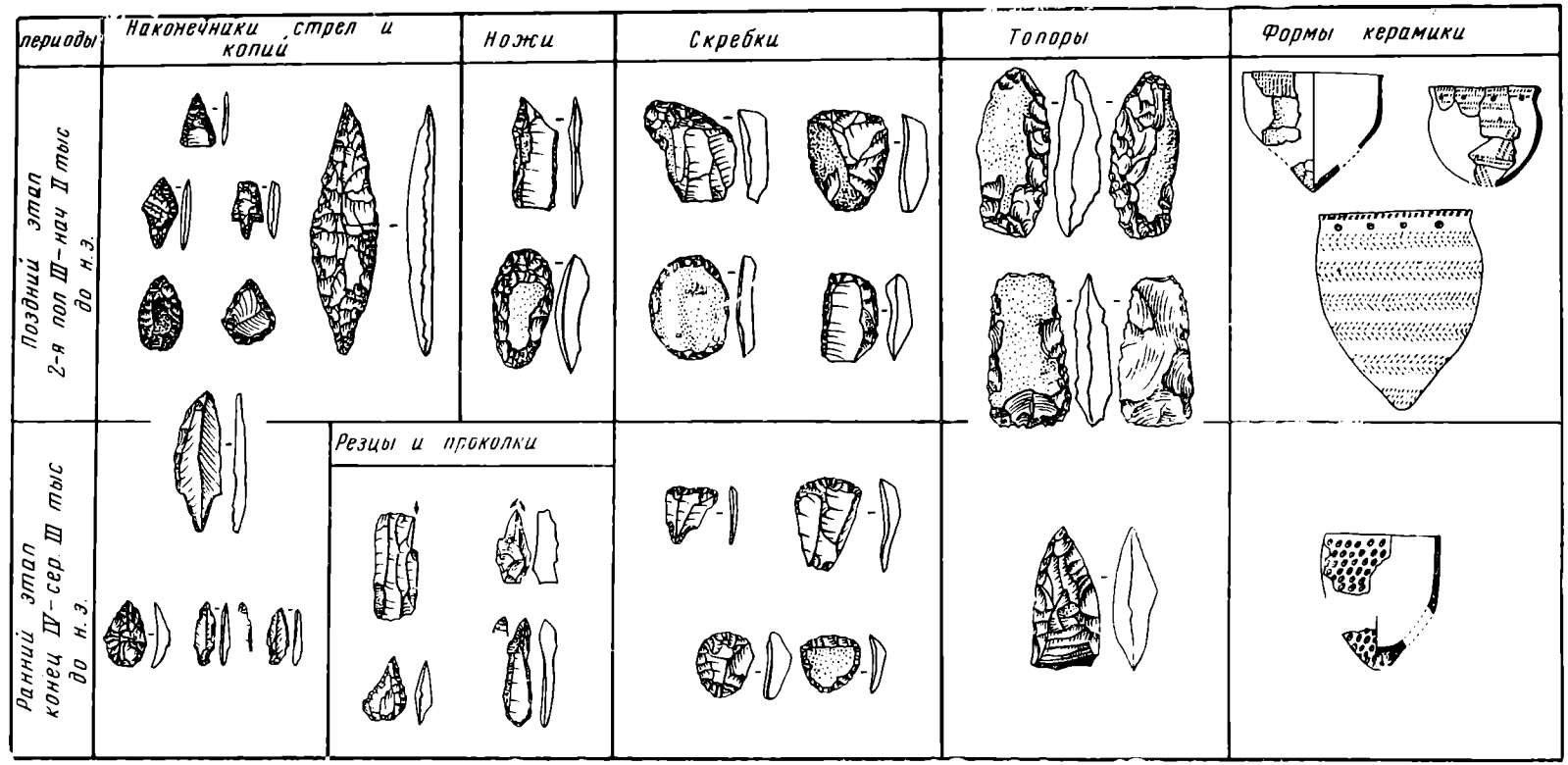


Рис. 2. Основные формы орудий и керамики неолитических поселений Верхнего Поднепровья.

го типа. Мы видим на них близкие нашим сосуды — в форме полуконуса, с острым дном и прямым венчиком, украшенные сплошь по всей поверхности ямками и оттисками гребенки [11]. Но, в отличие от верхнеднепровских, в орнаментации льяловских сосудов преобладают ямочные вдавления, а оттиски гребенки служат лишь дополнением к ямочным узорам. Кроме того, верхнеднепровским поселением не свойствен «шахматный» узор, столь характерный для льяловских сосудов. Таким образом, и здесь различие в керамике проявляется отчетливо, но в целом по ряду признаков (форма сосудов, элементы орнамента, композиции) керамика верхнеднепровских ранних поселений довольно близка льяловской керамике. Памятники льяловского типа большинство исследователей датирует серединой — второй половиной III тысячелетия до н. э. [12]. Но наиболее вероятной и обоснованной представляется нам точка зрения В. П. Третьякова, который относит памятники этого типа к IV — началу III тысячелетия до н. э.[13]. Этим же временем мы считаем возможным датировать и памятники раннего этапа верхнеднепровской культуры.

* * *

На позднем этапе неолитические памятники Верхнего Поднепровья также представлены только поселениями, расположенными на краю надпойменных террас или в пойме рек, на отдельных песчаных останцах. Они занимали довольно большую площадь, иногда более 10 000 $м^2$.

Жилища были наземными и, судя по остаткам жилища на поселении Сосонка, слегка углубленными в землю, имели овальную форму и достигали по размерам 3,4×3 $м$ [14].

Поселений позднего типа известно более 100 (рис. 1), 15 из них подверглись раскопкам. Наиболее интересно поселение в урочище Стрелица на Соже, где за четыре полевых сезона раскопана основная его часть (1939 $м^2$) [15]. Культурный слой представляет собой скопление плотного черного углистого песка толщиной 45—55 *см*. В основании культурного слоя зафиксированы остатки более 20 открытых наземных кострищ и 15 очажных ям, заполненных золой, мелкими камнями и фрагментами неолитической керамики.

На исследованной площади найдено более 1000 каменных орудий. Это, прежде всего, скребки средних размеров (702 экз.), ножевидные пластины небольших размеров (552 экз.), часть из них с ретушью по краю; топоры и тесловидные орудия (192 экз.); наконечники стрел (100 экз.) и т. п.

Типологически кремневый инвентарь Стрелицы довольно выдержан и однообразен.

Керамика представлена на поселении 12 тысячами фрагментов сосудов, имеющих в глиняном тесте примесь песка, дресвы или растительных волокон. Выделяется небольшая группа (25 фр.) фрагментов из двух сосудов с пористым тестом и редким орнаментом.

Большинство же сосудов орнаментировалось по всей поверхности. Преобладают оттиски гребенки и ямки, но встречаются и другие элементы

---

[11] В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы. Тр. ГИМ, М., 1953.

[12] Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялова Московского уезда. РАЖ, 1925, 1; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 46—50, В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки...

[13] В. П. Третьяков. К вопросу о памятниках льяловского типа в Волго-Окском междуречье. КСИА АН СССР, 106, 1966.

[14] И. И. Артеменко. Неолитическое поселение в урочище Сосонка. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 115.

[15] В 1954 г. Е. Г. Красковской раскопана площадь 173 $м^2$, в 1963—1965 гг. Белорусским отрядом Приднепровской археологической экспедиции АН БССР — 1717 $м^2$.

орнамента: гребенчатый — 36,5%, ямочный — 25,6%, «лапчатый» — 9,7%, короткие насечки — 1,5%, по типу отступающей лопаточки — 3%, прочие типы орнамента — 2%, неорнаментированных фрагментов — 22%.

В целом керамический комплекс и кремневый инвентарь поселения Стрелица однороден и характерен для большинства поздненеолитических поселений Верхнего Поднепровья.

Инвентарь неолитических поселений Верхнего Поднепровья на позднем этапе представлен почти исключительно кремневыми орудиями и керамикой. Для изготовления орудий использовался кремень серого и черного цветов, выходы которого имеются на Соже, Ипути, Беседи и Днепре. Орудия в подавляющем большинстве из отщепов (от 70 до 90%). В инвентаре всех поселений преобладают скребки (на Стрелице они составляют 58% от общего числа орудий, на Сосонке — 44, в Липовом Броде — 38% и т. п.). Наиболее характерны скребки на коротких массивных отщепах разной формы и размеров, часто с остатками меловой корки. Преобладают орудия средних размеров — 4 × 3,5 *см*. Дугообразный рабочий край обычно обработан мелкой ретушью, но есть скребки и с высокой крупной ретушью.

Значительно реже встречаются изделия на удлиненных пластинах подтреугольной формы. Ретушью у них обработан не только рабочий край, но часто и один из продольных.

Не менее характерны ножи и ножевидные пластины. Пластины тонкие с параллельными гранями, треугольной и трапециевидной в сечении формы. Иногда они имеют по краю ретушь. Ножи в основном двух форм — на удлиненных пластинах, довольно правильных очертаний, края которых, как правило, обработаны ретушью, и на овальных отщепах, с ретушью и следами сработанности на двух удлиненных гранях и конце. Рубящие орудия представлены топорами. Наиболее распространены два типа топоров: 1) клиновидные небольшие топорики (длина 4—6 *см*, ширина лезвия — 2,5—3 *см*), оббитые со всех сторон продольными сколами; они имеют суженный обушок и овальное сечение; этот тип известен на Десне, Киевщине, Валдае[16]; 2) топоры овально-подпрямоугольных очертаний, ширина лезвия и тыльной части почти одинаковы, сечение овальное, лезвие иногда с обеих сторон имеет следы пришлифовки, полная шлифовка встречается редко.

Наконечники стрел представлены несколькими формами: 1) наиболее характерны наконечники стрел ромбической формы и вытянутых очертаний; 2) листовидные с двухсторонней обработкой; 3) черешковые тщательно обработанные наконечники; 4) наконечники стрел треугольной формы, обработанные, как правило, только по краю; 5) наконечники стрел «свидероидного» типа, изготовленные из ножевидных пластин, с обработанными ретушью черешком и острием. Этот тип наконечников бытует очень долго и встречается на поздненеолитических поселениях вместе с наконечниками треугольной и ромбической форм. Наконечники копий имеют обычную листовидную форму, тщательно обработаны ретушью с обеих сторон (рис. 2).

Керамика поздненеолитических поселений Верхнего Поднепровья представлена широкогорлыми сосудами средней величины. По форме сосуды делятся на несколько типов.

1. Остродонные сосуды удлиненных пропорций со слегка выпуклыми боками и отогнутым наружу венчикам. Сосуды этого типа довольно высоки, от 28 до 52 *см*. Диаметр горла колеблется от 24 до 36 *см* (рис. 2).

---

[16] В. П. Левенок. Неолит верхнего участка бассейна средней Десны. КСИИМК XXIII, 1948, рис. 28, *11*; М. К. Якимович. Дюнные стоянки неолитической эпохи в Родомысльском у. Киевской губ. «Археологическая летопись южной России», 19[illegible], 3—4; Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура. СА, 1958, 3, рис. 3, 7, 8.

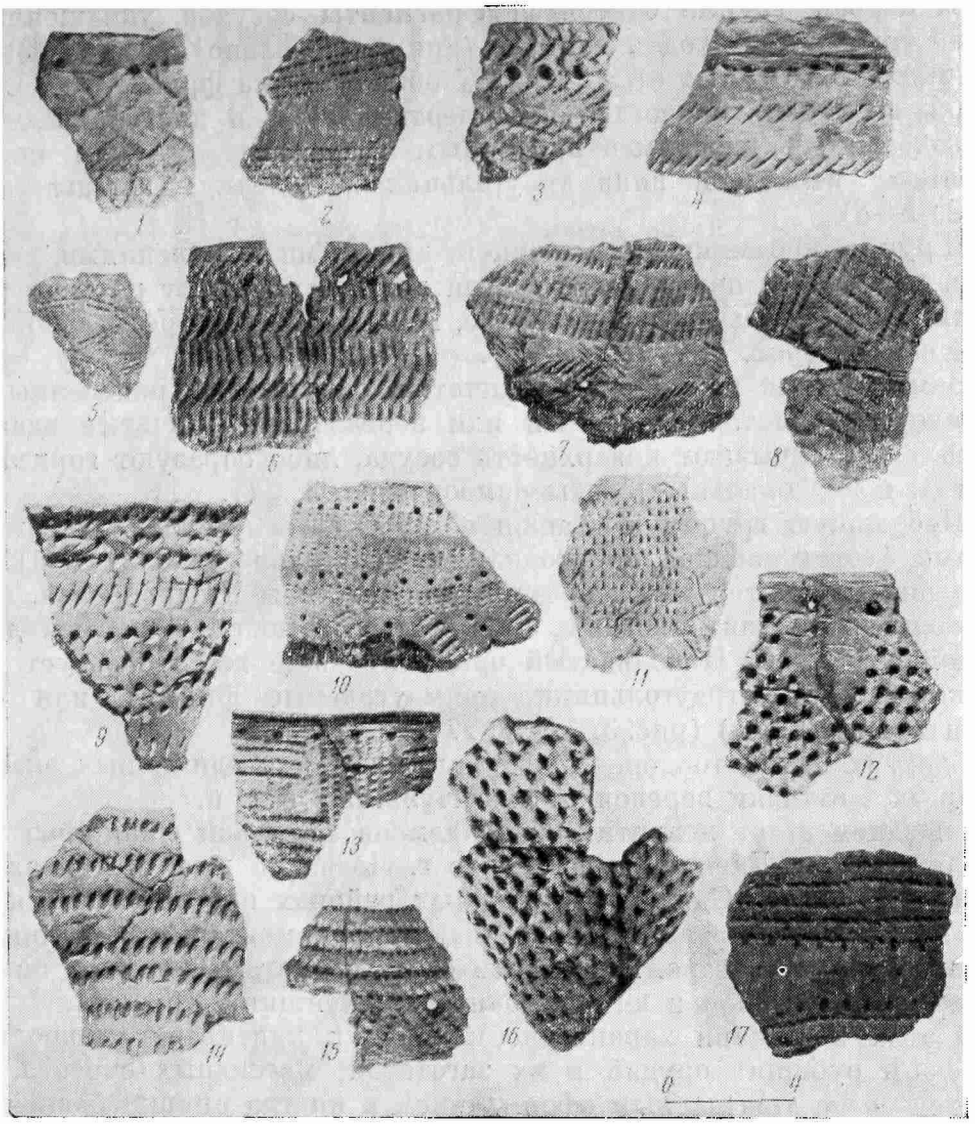


Рис. 3. Керамика поздненеолитических поселений Верхнего Поднепровья
1, 8—10 — Липовый Брод; *2, 7, 11, 14* — Стрелица; *12* — Неготень; *13—17* — Лучин

2. Небольшие сосуды с прямыми стенками в верхней части, но сужающимися к острому дну.

3. Невысокие круглодонные сосуды с отогнутым наружу венчиком. У этих сосудов диаметр горла больше высоты. Наиболее часто встречается первая форма, которая известна практически на всех поздненеолитических поселениях Верхнего Поднепровья. Второй тип тоже имеет довольно широкое распространение. Что же касается сосудов третьего типа, то они характерны только для самых поздних поселений данной территории и напоминают небольшие круглодонные горшки, типичные для среднеднепровской культуры.

В качестве примеси к тесту применялся песок или мелкий кварц (60—70%) и, реже, растительные волокна. Почти на всех сосудах на внутренней стороне видны следы от заглаживания зубчатым штампом. Под венчиком расположен горизонтальный ряд глубоких круглых ямок. Иногда ряд ямок или наклонных линий из оттисков гребенки располагается и на внутренней стороне венчика. В большинстве случаев орнамент покрывает всю поверхность сосуда. Иногда — только верхнюю его часть. По типу орнамента керамика поздненеолитических поселений Верхнего Поднепровья делится на несколько групп.

1. К первой группе относятся фрагменты сосудов, украшенные оттисками гребенки. Находки данного типа значительно преобладают среди остальных и составляют от 35 до 70% общего числа фрагментов. Оттиски гребенки образуют горизонтальные, вертикальные и диагональные полосы, разделенные неорнаментированным пространством, или пояса из опущенных вершиной вниз треугольников, «елочку», зигзаги и т. п. (рис. 3, *1—8*)

2. Группа керамики, украшенной ямочными вдавлениями, которые сплошь покрывают поверхность сосуда или же образуют различные композиции. В основном ямки небольшие, поверхностные, треугольной, луновидной формы (рис. 3, *9*, *12*, *15*, *16*).

Керамика с так называемым лапчатым орнаментом, нанесенным концом палочки, обмотанной ниткой или веревочкой. Лапчатые вдавления либо сплошь покрывают поверхность сосуда, либо образуют горизонтальные ряды и вертикальные ленты ромбов (рис. 3, *14*).

3. Небольшую группу составляют фрагменты сосудов, украшенных наколами («отступающая лопаточка» и треугольно-накольчатый). Форма сосудов и характер теста типичны для Верхнего Поднепровья, но элементы орнамента заимствованы, по всей вероятности, у племен днепродонецкой культуры. Накольчатый орнамент чаще всего образует какие-либо композиции (треугольники, прямоугольные фигуры, или просто горизонтальные ряды) (рис. 3, *11*, *13*, *17*).

Из других элементов орнамента встречаются в единичных экземплярах нарезки, оттиски веревочки, «жемчужины» и т. п.

На позднем этапе неолитические племена занимали обширную территорию от истоков Днепра на севере до г. Лоева на юге. Материал везде довольно однороден. Однако в различных районах прослеживаются некоторые особенности, проявляющиеся как в орнаментации керамики, так и в кремневом инвентаре. Некоторым своеобразием отличаются памятники северной, восточной и юго-восточной Смоленщины (рис. 4).

Для этих поселений характерно наличие в инвентаре «макролитических» форм рубящих орудий и их заготовок; массивных скребел, отличающихся более тщательным оформлением и иногда пришлифовкой рабочего края; ножей из крупных отщепов или ножевидных пластин, размеры которых достигают 10—13 *см*; сравнительно широкое применение тесловидных орудий. Остальные орудия (скребки, наконечники стрел, топоры и т. п.) типичны для всего Верхнего Поднепровья. Подобная каменная индустрия известна племенам валдайской и волго-окских культур и объясняется, с одной стороны, наличием богатых источников сырья, а с другой, возможно, также спецификой инвентаря определенной племенной группы [17]. В керамике смоленских поселений господствует та же форма остродонного горшка с выпуклыми стенками и прямым венчиком, но есть и сосуды с характерным наружным утолщением венчика, так называемым воротничком. В орнаментации сосудов по-прежнему преобладают оттиски гребенки, но теперь в значительно большем количестве применяются ямочные вдавления. Появляется ромбическая ямка, оттиски которой сплошь покрывают поверхность сосуда или же образуют различные композиции.

Верхнеднепровские племена, жившие в северных районах, испытали, по-видимому, сильное влияние со стороны волго-окских племен, что и привело к возникновению тех специфических особенностей, которые характерны для смоленского варианта верхнеднепровской культуры.

Определение абсолютного возраста памятников позднего этапа верхнеднепровской культуры возможно лишь при сопоставлении их с неоли-

---

[17] А. Х. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 19.

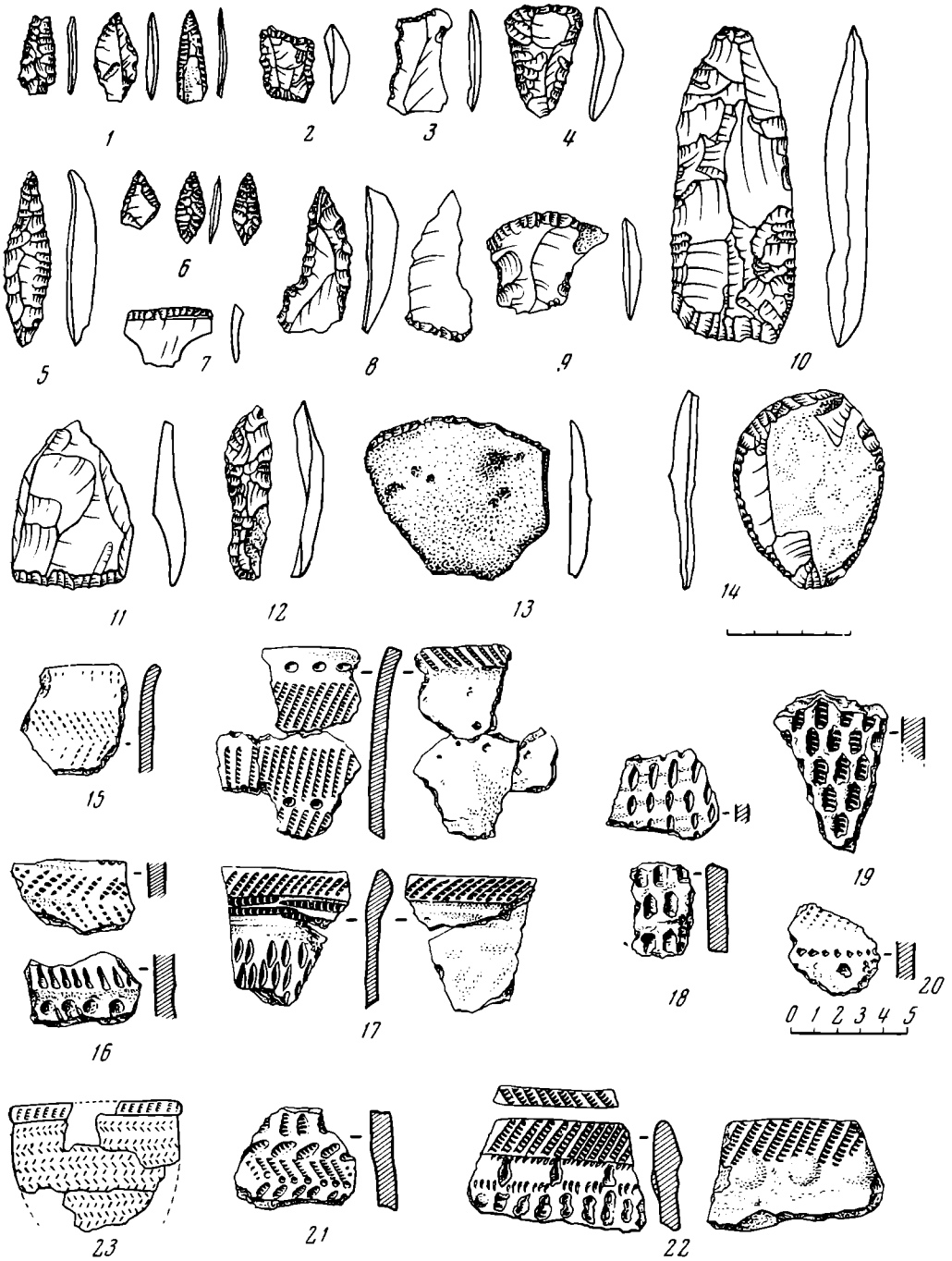


Рис. 4. Инвентарь неолитических поселений Смоленщины

1—4, 10—12, 15—17, 22, 23 — Катынь; *5—9, 16, 18* — Борок; *13, 14, 20, 21* — Большая Карута; *19* — Устье

тическими памятниками соседних областей, поскольку прямые данные для их датировки отсутствуют.

В керамике поздних поселений наблюдаются две линии развития: с одной стороны, местная традиция (форма сосудов, характер теста, преобладание гребенчатого орнамента), а с другой — линия, связанная с влиянием соседних культур, и в первую очередь днепро-донецкой и волго-окской. Влияние днепро-донецкой культуры проявляется в накольчатом, а также «жемчужном» орнаменте, характерном для керамики поздних поселений днепро-донецкой культуры [18]. Сходство наблюдается и в некоторых формах сосудов — остродонные сосуды с прямым или отогнутым

[18] Д. Я. Телегин. История племен днепро-донецкой культуры. Киев, 1967, стр. 28.

наружу венчиком и выпуклыми боками (хотя верхнеднепровские сосуды имеют несколько иные пропорции).

Большой интерес представляет сосуд с позднего поселения днепро-донецкой культуры у с. Пустынка на Черниговщине. Поверхность его украшена вертикальными лентами ромбов, заполненных «лапчатыми» отпечатками. Такой мотив довольно широко распространен в Верхнем Поднепровье. Пустынку и ряд других поздних поселений днепро-донецкой культуры (Грини, Вита Литовская и др.) исследователи датируют по наличию там трипольской керамики средним — началом позднего этапа Триполья. В абсолютных датах — это конец III — начало II тысячелетия до н. э.[19].

Появление на некоторых поздних сосудах из Верхнего Поднепровья наружного утолщения, так называемого воротничка, а также треугольников из оттисков гребенки — результат контактов с волго-окскими племенами. Такой же орнамент отмечен на рязанских поселениях Дубровичи, Черная гора и др., которые датируются концом III — началом II тысячелетия до н. э.[20].

Наконец, обращает на себя внимание еще одна особенность. Почти все известные в Верхнем Поднепровье поселения и могильники среднеднепровской культуры расположены на неолитических поселениях[21]. Повсюду совершенно отчетливо устанавливается последовательность во времени существования неолитических стоянок, а затем, по оставлении их, поселений и захоронений племен среднеднепровской культуры. Появление же среднеднепровских племен на территории Верхнего Поднепровья относят к началу II тысячелетия до н. э.[22]. Следовательно, неолитические поселения не могли быть моложе начала II тысячелетия до н. э.

Таким образом, на основании приведенных выше данных, мы можем датировать поздние неолитические памятники Верхнего Поднепровья второй половиной III — началом II тысячелетия до н. э.

На востоке район распространения верхнеднепровских неолитических поселений непосредственно смыкается с территорией Волго-Окского междуречья, занятой памятниками с ямочно-гребенчатой керамикой, на юге — племена верхнеднепровской культуры граничили с носителями днепро-донецкой культуры, на западе — с неманской культурой.

Отличаясь в достаточной степени от соседних, верхнеднепровская культура тяготеет, тем не менее, к северному кругу культур и является составной частью большой «западной» области культур с гребенчато-ямочной керамикой, выделенной в лесной полосе Восточной Европы М. Е. Фосс[23].

Заканчивая рассмотрение материалов верхнеднепровской культуры, мы должны остановиться на вопросе о ее происхождении. Как известно, в последнее время получила распространение точка зрения Д. Я. Телегина о принадлежности значительной части территории Верхнего Поднепровья к области распространения днепро-донецкой культуры[24]. Однако анализ инвентаря как неолитических, так и мезолитических поселений приводит нас к иным выводам.

Материалы, обнаруженные на мезолитических поселениях Верхнего Поднепровья, характеризуются наличием краевых отщепов, ножевидных пластин (иногда с подретушовкой краев), наконечников стрел из пластин

[19] Д. Я. Телегин. Ук. соч., стр. 29—33; В. И. Митрофанова. Позднеолитическое поселение в урочище Лес близ с. Мнёва на Черниговщине. «Древности Белоруссии», стр. 68—78.

[20] И. К. Цветкова. Стоянка Черная гора. КСИИМК, 75, стр. 114—122.

[21] И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967. МИА, 148, стр. 110.

[22] И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964, стр. 73.

[23] М. Е. Фосс. Древнейшая история..., стр. 173.

[24] Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре...; его же. История племен днепро-донецкой культуры.

(с оформленным ретушью черешком и острием пера), округлых на небольших отщепах скребков и скребков на концах пластин. Имеющийся в нашем распоряжении материал подтверждает высказанную ранее точку зрения о том, что Верхнее Поднепровье смыкается с территорией распространения свидерской культуры в Польше [25]. В конце мезолита в Польше стоянки с наконечниками из пластинок сменяются стоянками с геометрическими орудиями, при сохранении наконечников стрел. Та же последовательность наблюдается и на нашей территории, где наряду с наконечниками появляются геометрические орудия западного происхождения в виде высоких треугольников и трапеции [26].

В неолите прослеживаются связи с поздними мезолитическими памятниками свидеро-тарденуазского типа. На ряде неолитических поселений раннего этапа (Залесье, Романовичи, Шепотовичи, Липовый Брод и др.), наряду с двухсторонне обработанными орудиями, обнаружены небольшие скребки на округлых отщепах, скребки на концах пластин, ножевидные пластинки с частичной подретушовкой края, односторонние нуклеусы и т. п., т. е. комплекс мезолитических орудий. Особенно показательны находки вместе с ранней керамикой наконечников стрел мезолитического типа.

Что же касается происхождения днепро-донецкой культуры, то основная роль в ее сложении принадлежит местным мезолитическим племенам, известным по поселениям лесостепной группы Южнорусской области [27], инвентарь которых в значительной степени отличается от инвентаря мезолитических поселений Верхнего Поднепровья.

Все эти данные дают нам возможность отрицать генетические связи верхнеднепровской культуры с днепро-донецкой и предполагать местное происхождение неолитического населения Верхнего Поднепровья, его генетическую связь с предшествующим населением.

* * *

Верхнеднепровская культура существовала до начала II тысячелетия до н. э. В начале II тысячелетия до н. э. на территорию Верхнего Поднепровья проникают с юга племена среднеднепровской культуры эпохи бронзы.

Под их натиском часть местного неолитического населения была вытеснена на северо-восток, в область Валдайской возвышенности, и на запад, в бассейн Немана, где были обнаружены поселения, кремневый инвентарь и керамика которых близки верхнеднепровским [28]. Оставшаяся часть неолитического населения, по-видимому, какое-то время сосуществовала со среднеднепровскими племенами (о чем свидетельствуют взаимные влияния, нашедшие свое отражение в кремневом инвентаре и керамике поселений), а затем была ассимилирована пришельцами.

Но племена верхнеднепровской культуры не исчезли бесследно. Они сыграли определенную роль в развитии среднеднепровской культуры на ее позднем этапе. Об этом свидетельствуют некоторые близкие неолитические формы сосудов из поздних могильников среднеднепровской культуры [29].

[25] М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы КСИИМК, XXXI, 1950; А. А. Формозов. Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР. Автореф. канд. дис., М., 1954.

[26] А. А. Формозов. Древние историко-этнографические области Европейской части СССР, СЭ, 1958, 5, стр. 19.

[27] П. П. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранненеолитического возраста. РАЖ, 3—4, 1924; Д. Я. Телегин. Мезолит левобережной Украины и его место в сложении днепро-донецкой неолитической культуры. МИА, 126, 1966, стр. 99—107.

[28] Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура, стр. 31—45; ее же. Неолитическая стоянка Щепочник. КСИА АН СССР, 82, 1961, стр. 150—157.

[29] И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы, стр. 93, рис. 58.

I. M. Turina

LE NÉOLITHIQUE DU COURS SUPÉRIEUR DU DNIEPR

Résumé

A l'époque du Néolithique, le cours supérieur du Dniepr était région intermédiaire entre les vastes communautés ethnoculturelles, notamment celles de Dniepr — Donetz, de Volga — Oka et littoral de la Mer Baltique. D'ou le caractère original des matériaux locaux qui remontent au Néolithique.

L'analyse de l'outillage perment de distinguer deux étapes dans l'évolution de la culture néolithique sur ledit territoire: supérieure et tardive. La première est datée du IV-e et début du III-e millénnaire avant notre ère, la seconde de la deuxième moitié de III-e — du début du II-e millénaire avant notre ère.

Dans l'ensemble d'artfacts des sites de la première étape on observe des rapports avec les documents mésolithiques tardifs du même territorie (type svidersko-tardenois), ce qui indique l'origine locale de la population néolithique des régions du cours supérieur du Dniepr.

Le mobilier des sites tardifs accuse deux tendances de developpement liées, d'une part, à l'évolution des traditiont locates et, d'une autre, à l'influence des coltures voisines (celles de Dniepr — Donetz et de Volga — Oka). Sous la pression des tribus du Dniepr moyen, une partie de la population néolithique locate a été repoussée dans la région du Plateau de Valdaï et dans le bassin du Niémen au début du II-e millénaire avant notre ère. L'autre partie o probablement coexiste, pentant un certain temps avec la population du cours moyen du Dniepr, puis a été assimmilée par cette dernière.

Г. Н. ЛИСИЦЫНА

КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ЮГА СРЕДНЕЙ АЗИИ В VIII—V ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э.

Н. И. Вавилову, выдающемуся советскому биологу, принадлежит заслуга создания науки о мировых центрах происхождения культурных растений. Эта проблема изучалась и развивалась Н. И. Вавиловым в течение всей жизни, о чем свидетельствует список его работ [1]. В то же время Николай Иванович большое внимание в своих трудах уделял вопросам истории земледелия, происхождения основных зерновых культур, связи областей происхождения культурных растений с мировыми цивилизациями.

В его работе «Ботанико-географические основы селекции», опубликованной в 1935 г. [2], дано наиболее исчерпывающее описание основных центров происхождения важнейших культурных растений (рис.1), среди которых для археологов Средней Азии и Ближнего Востока особенно важны два — Передне- и Среднеазиатский очаги. Первоначально Н. И. Вавилов рассматривал оба этих очага вместе как область Юго-Западной Азии. Позднее же счел возможным разделить ее на два обособленных центра, различающиеся рядом специфических черт. Переднеазиатский очаг Н. И. Вавилова охватывает всю Переднюю Азию, включая Малую Азию, Закавказье, Иран и Горный Туркменистан. В Среднеазиатский очаг входят Таджикистан, Узбекистан, Западный Тянь-Шань, Афганистан и Северо-Западная Индия. Следует сразу оговориться, что Н. И. Вавилов никогда не отождествлял свои центры с древнейшими очагами возникновения мирового земледелия. Он писал о них лишь как «о самостоятельных областях введения в культуру различных растений»[3].

Переднеазиатский очаг, связанный с областью возникновения и развития древнейших земледельческих культур Ближнего Востока, представляет для науки огромный интерес [4].

Весьма существенно то обстоятельство, что в область Переднеазиатского очага не входит собственно Месопотамская низменность и Палестино-Иорданское побережье Средиземного моря. Что касается Месопотамии,

---

[1] См. Библиографический указатель печатных работ академика Н. И. Вавилова, Л., 1967.

[2] Н. И. Вавилов. Ботанико-географические основы селекции. Избр. тр., II, М.— Л., 1960. В этой статье Н. И. Вавилов на основании анализа обширных ботанических коллекций культурных растений Старого и Нового Света выделил восемь основных и три второстепенных мировых очага происхождения важнейших культурных растений. Эти очаги следующие: I — Китайский; II — Индийский и дополнительно к нему IIа — Индо-Малайский; III — Среднеазиатский; IV — Переднеазиатский; V — Средиземноморский; VI — Абиссинский; VII — Южномексиканский и Центральноамериканский (включая Антильские острова) и VIII — Южноамериканский (Перуано-Эквадоро-Боливийский), дополнительно к нему выделены VIIIа — Чилийский очаг и VIIIб — Бразильско-Парагвайский.

[3] Н. И. Вавилов. Ботанико-географические основы..., стр. 29.

[4] Там же, стр. 46.

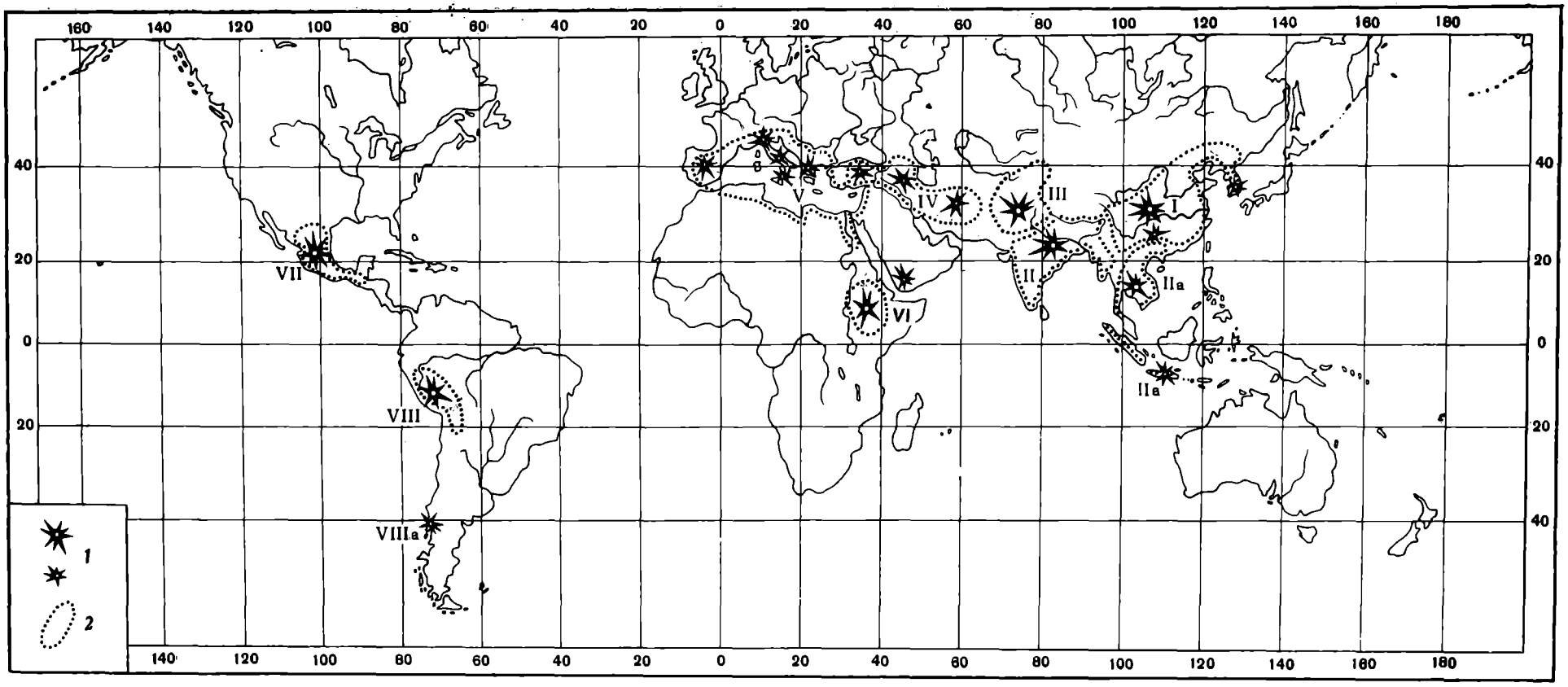


Рис. 1. Карта мировых очагов происхождения важнейших культурных растений по Н. И. Вавилову

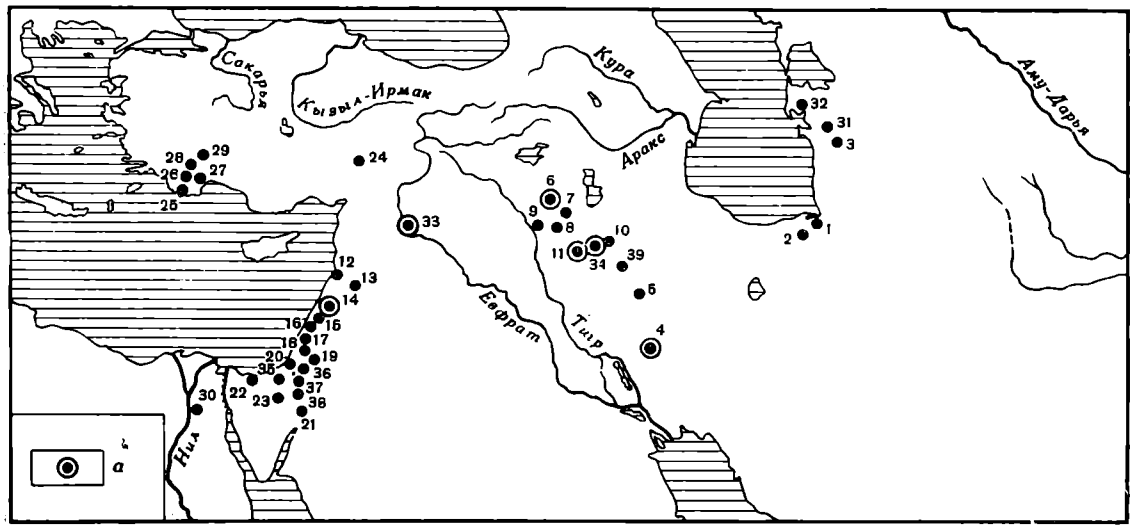


Рис. 2. Карта распространения мезолитических памятников на юге Средней Азии и Ближнем Востоке. а — памятники, на которых были сделаны палеоботанические находки

1 — Белт; 2 — Хоту; 3 — Дам-Дам-Чешме; 4 — Али-Кош (слои Бас-Мордех); 5 — Асиаб; 6 — Зави-Чеми-Шанидар; 7 — пещера Шанидар; 8 — Гирд Хай; 9 — Мелафаат; 10 — Зарзи; 11 — Карим-Шахир; 12 — Ксаракил; 13 — Джабруд; 14 — Ейнан; 15 — Вади Фалла; 16 — Ельвад; 17 — Кебара; 18 — Вади Натуф; 19 — Иерихон; 20 — Ум-ес-Севайтин; 21 — Бейда; 22 — Ель-Ариш; 23 — Вади Рамон; 24 — Дирекли; 25 — Белбази; 26 — Белдеби; 27 — Каракин; 28 — Окюзлю; 29 — Караин; 30 — Хелван; 31 — Джебел; 32 — Кайлю; 33 — Марейбит; 34 — Палегавра; 35 — Шукра; 36 — Тор-абу-Сиф; 37 — Эрк-эль-Ахмар; 38 — Ель-Хиам; 39 — Гари-Хар

то именно здесь, в долинах Тигра и Евфрата, где развивалась блестящая шумеро-вавилонская цивилизация, земледелие, которое составляло основу древнего хозяйства, базировалось не на аборигенных растениях долины, а на интродуцированных из сопредельных районов культурах.

Область Палестино-Иорданского побережья — район древнейшего заселения. Она входила в так называемый Средиземноморский очаг Н. И. Вавилова, для которого характерна большая группа зерновых, кормовых, масличных и прядильных растений, послуживших самостоятельной базой для возникновения здесь земледелия в VIII—VI тысячелетиях до н. э. Хотя этот район и не входит в область Переднеазиатского очага, он с глубокой древности связан тесными узами с другими областями Ближнего Востока и в историко-археологическом плане неотделим от них. В настоящее время в истории становления земледелия как производящей отрасли хозяйства намечаются два периода, которые условно можно обозначить как: а) мезолитический период — время зарождения элементов земледелия в недрах присваивающего типа хозяйства и б) раннеземледельческий период — время интенсивного развития земледелия от примитивных богарных форм в горных и предгорных районах до простейшего орошаемого на аллювиальных равнинах. Ниже мы рассмотрим конкретный материал по этих двум периодам.

Мезолитический период. Памятники мезолита (X—VII тысячелетий до н. э.) на территории юга Средней Азии и Ближнем Востоке группируются в трех различных областях (рис. 2). Первая из них — область юго-восточного побережья Каспийского моря, где известны пещерные стоянки типа Джебел [5]. Вторая область — горы и предгорья Загроса, где наряду с пещерными (Шанидар) имеются уже и открытые поселения типа

[5] А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1953; его же. Пещера Джебел — памятник культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956; его же. Изучение памятников каменного века в Туркмении. ИАН ТуркмССР, 2, 1953; П. И. Борисковский. К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана.. Тезисы доклада на 5-й научно-исслед. конф. АГПИ. Тр. АГПИ, I, Ашхабад,

Карим-Шахира [6]. И, наконец, третья область охватывает все восточные побережье Средиземного моря. Здесь также встречаются как пещерные, так и открытые поселения, основную массу которых составляют памятники так называемой «натуфийской культуры» [7]. В общей сложности для данного отрезка времени раскопано не так много памятников, но даже сравнительно немногочисленные материалы, полученные там, позволяют составить общее представление о характере хозяйственной деятельности племен, населявших рассматриваемые районы в мезолитическую эпоху. Для нас наибольший интерес представляют палеоботанические находки, так как они позволяют сделать самую общую реконструкцию древней растительности и восстановить природную растительную базу, послужившую основой для зарождения и становления производящего земледельческого хозяйства.

На памятниках юго-восточного побережья Каспийского моря палеоботанические находки отсутствуют. Для палеогеографических реконструкций могут быть использованы лишь археологические и палеозоологические материалы. Обнаруженные здесь остеологические остатки не выходят за рамки животного мира аридного климата современного Прикаспия, позволяя предполагать, что в 10 000—7000 гг. до н. э. климат этой области в целом мало чем отличался от ныне существующего. По-видимому, районы юго-восточного Прикаспия были заселены бродячими племенами охотников. Естественные растительные богатства горных долин и предгорий позволяют думать, что собирательство также играло определенную роль в экономике местного населения, хотя среди кремневого инвентаря имеются лишь единичные экземпляры пластин, которые могли служить вкладышами для орудий типа серпов или жатвенных ножей.

В свое время Д. Д. Букинич [8] писал, что первые земледельцы должны были селиться в богатых растительной пищей и особенно злаками горных долинах Туркмено-Хорасанских гор. К сожалению, это высказывание Д. Д. Букинича пока не имеет еще фактического подтверждения, и здесь до сих пор неизвестны памятники мезолита и раннего неолита.

Более богат археологическими памятниками второй район — горы и предгорья Загроса. Его обычно рассматривают как часть бассейна Шатт-эль-Араба и делят на две области (Ассирийских степей и дубово-фисташковую лесопарковую зону [9]), различные по своим природным условиям, но одинаково пригодные для заселения. Область Ассирийских степей по Р. Хетту [10] представляет собой серию холмов у подножья Загросских гор,

---

1947; C. Coon. Cave Explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951; его же. Seven Caves. London, 1957; его же. Excavations in Hotu Cave. Proc. of the Amer. Philosoph. Soc., 96, 3, 1952.

[6] R. J. Braidwood and B. Howe. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. SAOC, 31, Chicago, 1960; R. J. Braidwood. Summary of Prehistoric Investigations in Kurdistan in Relation to Climatic Change. AZR, 20, Paris, 1964.

[7] F. Turville-Petre. Excavations in the Migharat el-Kebarach. JRAI. LXII, 1932; D. Garrod. A New mesolithic industry. The Natufian of Palestine. JRAI. LXII, 1932; его же. The Natufian Culture. The Life and Economy of a Mesolithic People in the Near East. Proc. of the British Acad. London, 1958; R. Neuville. Le paleolithique et le mésolithique du Desart de Iudeé. Archives de l'Institut de Paleontologie Humanie. 24, Paris, 1951; D. Garrod. Excavations at the Cave of Shakbah. Proc. of the Prehistoric Society. нов. сер., VIII, 1942; J. Perrot. Excavations at Eynan (Ain Mallaha). Preliminary report on the 1959 season. IEJ. 10, 1, 1960; M. Stekelis. Oren Nahal (Wadi Fallah). IEJ, 10, 2, 1960; D. Garrod, D. Bate. The Stone Age of Mount Garmel. Oxford, 1937; Ph. Smith. Vue d'ensemble sur le Natonfien. «L'Anthropologie», 62, 5—6, 1959; В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964, стр. 65—81.

[8] Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 3—4, 1924.

[9] K. Flannery. The Ecology of Early Food Production in Mesopotamia. «Science», 147, 3663, 1965.

[10] R. T. Hatt. The Mammals of Iraq. Miscellaneous Publications of the Museum of Zoology. University of Michigan, 106, Ann Arbor, 1959.

поднимающихся над уровнем моря на высоту 150—300 *м*, количество осадков здесь около 300 *мм* в год. В настоящее время они представляют собой хорошо обеспеченные влагой районы с плодородными коричневыми почвами и прекрасными зимними пастбищами. Это обстоятельство, в сочетании с богатой фауной, сделало область Ассирийских степей весьма благоприятной для заселения человеком с самых отдаленных времен. Пока единственным здесь мезолитическим памятником является Али-Кош в Хузистане (Дех-Луран), а точнее, его нижние слои, относящиеся к этапу Бас-Мордех [11].

Материальная культура нижних слоев Али-Коша близка к хорошо известному комплексу Карим-Шахира. Во время раскопок на полах домов и в очагах были найдены карбонизированные зерна диких бобовых растений, принадлежащих местным и поныне произрастающим здесь видам трав, а также, в небольшом количестве, зерна уже доместицированных пшеницы-эммера и двурядного ячменя, близкого к дикому виду Hordeum spontaneum. Дикие злаки и сейчас входят в состав естественного травяного покрова, и их доместикация проходила непосредственно в зоне произрастания. Полученные палеоботанические данные, а также фаунистические остатки принадлежат растениям и животным, типичным для этой зоны, свидетельствуя о том, что природные условия равнины Дех-Луран в мезолитическое время мало чем отличались от современных.

Очень интересные результаты получены для лесопарковой дубово-фисташковой зоны. Из семи хорошо известных там доземледельческих памятников только на трех были проведены специальные палеоботанические исследования — в Карим-Шахире, Палегавре и Зави-Чеми-Шанидаре [12]. Полученные растительные остатки принадлежат исключительно дикорастущим видам. Среди них — дуб (жолуди), тополь, хвойные, типа можжевельника, тамариск, деревья из семейства вязовых. Среди травянистых — злаки, дикие бобовые и нут. Доместицированных растений встречено не было, что может объясняться чистой случайностью, так как в ранних слоях Джармо, относимых к более позднему времени, имеются уже многочисленные зерна ячменя и пшеницы, которые, по мнению Г. Хельбека, принадлежат культурным видам [13]. Все обнаруженные растения характерны для современной флоры.

Для третьего района — Средиземноморского побережья, так же как и для юго-западного Прикаспия, палеоботанических данных очень мало. Исключение составляют Ейнан, где была найдена пыльца злаковых растений, и Марейбит в Северной Сирии, где были обнаружены карбонизированные зерна дикой однозернянки и дикого ячменя [14]. По мнению Цейста и Каспаре, изучавших эти зерна, экономика древних жителей Марейбита скорее всего основывалась на охоте и сборе дикорастущих злаков, хотя предварительное изучение остеологического материала свидетельствует о наличии костей доместицированных животных. Исходя из современных климатических и ботанических условий, исследователи предполагают, что дикий ячмень мог расти в непосредственной близости от поселения, дикие однозернянки же росли на удалении 100—150 *км*, в сопредельных районах Турции. При отсутствии детальных палеоклиматических периодизаций для отдельных районов Ближнего Востока этот

---

[11] F. Hole. K. Flannery and J. Neely. Early Agriculture and Animal Husbandry in Deh Luran, Iran. «Current Anthropology», 6, I, 1965, стр. 106; F. Hole and K. Flannery. Excavations at Ali Kosh. Iran, 1961. «Iranica Antiqua». II, 1962.

[12] R. J. Braidwood and B. Howe. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan.

[13] H. Helbaek. The Paleoethnobotany of The Near East and Europe. В кн. R. J. Braidwood and Howe. Prehistoric...

[14] M. N. van Loon. Mureybat: An Early Village in Inland Siria. «Archaeology», 19, 3, 1966; стр. 214—215; W. van Zeist and W. A. Casparie. Wild Einkorn Wheat and Barley from Tell Mureybit in Northern Syria. Acta bot. neerl., 17 (1), 1968.

вопрос пока остается неясным. Не исключено, что для сбора растительной пищи осуществлялись сезонные передвижки на значительные расстояния.

Почти на всех памятниках Восточного Средиземноморья найдены костяные рукоятки от составных жатвенных орудий и кремневые вкладыши к ним, ступки, зернотерки и другие предметы, указывающие на важную роль собирательства и, возможно, зарождение земледелия.

Комплекс археологических находок, в сочетании с палеоботаническими и палеозоологическими данными, позволяет считать, что хозяйство у мезолитических племен было весьма разнообразным и достаточно сложным. Судя по некоторым археологическим находкам, уже в это время начинается первичная доместикация мелкого рогатого скота [15]. Богатейший по разнообразию видов растительный покров этих трех областей, сочетающий в себе зерновые и бобовые травянистые растения с плодовыми и орехоплодными древесными и кустарниковыми видами, с одной стороны, обеспечивал надежную естественную кормовую базу, с другой — способствовал развитию начальных форм земледелия.

На стадии присвоения продуктов природы люди не только детально знакомились с растениями, непосредственно произрастающими близ мест их стоянок, но использовали и растительные ресурсы более отдаленных районов. В последнее время Р. Адамс, К. Фланнери и другие авторы с полным основанием считают, что мезолитические племена широко эксплуатировали сезонные растительные богатства, и в частности в горах Загроса. Р. Адамс прямо пишет, что ошибочно считать высокогорные участки зоной обитания, отличной от плоскогорий и долин. Они составляют, бесспорно, единую экосистему, где сезонные чередования растительных ресурсов обеспечивали весьма благоприятные условия для жизни [16]. Сбор растений в разных зонах неизбежно влек за собой и перенос их из одной зоны в другую, что приводило к расширению естественных границ их распространения уже при вмешательстве человека.

Неолитический период. Более наглядную и полную картину дает распространение первых оседло-земледельческих поселений (VII—IV тысячелетия до н. э.). Особенно благоприятными для земледельцев были некоторые районы Иранского плато; области предгорий и горных долин Загроса с ежегодным количеством осадков не менее 300 *мм*; северные предгорья Копет-Дага; побережье Средиземного моря и южные районы Анатолийского плато. Практически это те же районы, где обитали прежде мезолитические охотники и собиратели, но рамки их уже значительно шире (рис. 3).

Наиболее важные группы палеоботанических находок с данной территории представляют хлебные злаки — ячмень и пшеница.

Ячмень. Многочисленные палеоботанические находки культурных растений, сделанные на древнейших оседло-земледельческих поселениях рассматриваемой области, позволяют считать, что одним из важнейших хлебных злаков был в древности ячмень. Работами последних лет в СССР и за рубежом установлено, что родоначальником культурных видов ячменя, как двурядных, так и шестирядных, был Hordeum spontaneum C. Koch [17]. Это обстоятельство позволяет с особым вниманием отнестись к современному географическому распространению H. spontaneum и его экологическим особенностям. Учитывая, что климат аридной зоны

---

[15] D. Perkins. Prehistoric Fauna from Shanidar. Iraq. «Science», 144, 3626, June 26, 1964, стр. 1566.

[16] R. Adams. Agriculture and Urban Life in Early South-Western Iran. «Science», 136, 3511, 1962; K. Flannery. The Ecology...

[17] Ф. Х. Бахтеев. Дальнейшее осуществление научных идей Н. И. Вавилова в изучении зерновых злаков. Сб. «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов», М.— Л., 1966, стр. 19, 20.

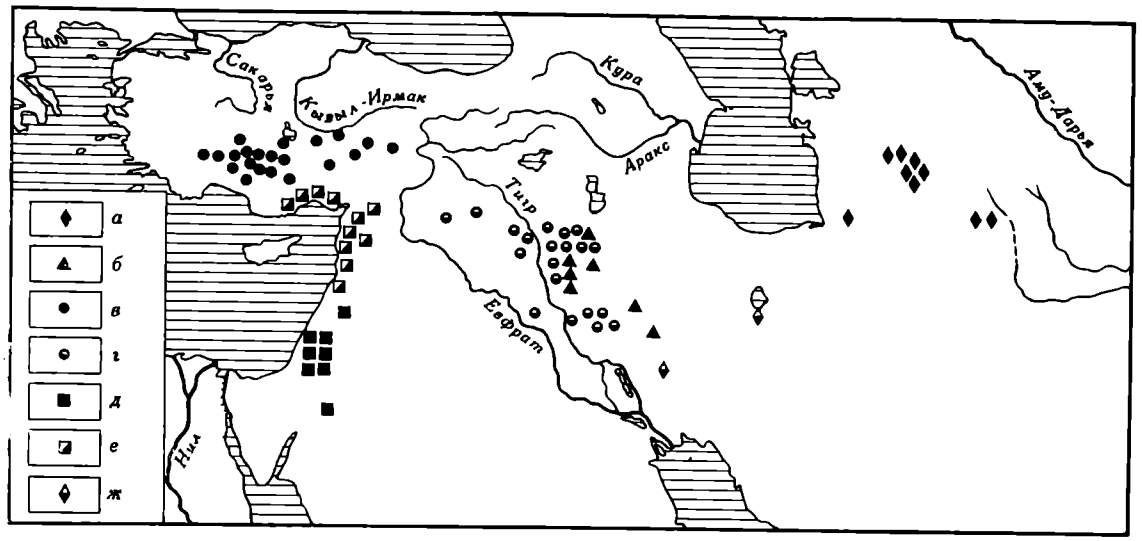


Рис. 3. Карта распространения раннеземледельческих — неолитических памятников на юге Средней Азии и Ближнем Востоке

а — памятники типа Джейтуна, *б* — памятники типа Иерихона, *в* — памятники типа Чатал-Гуюка, *г* — памятники типа Хассуны, *д* — памятники типа Иерихона, *е* — памятники типа Сиро-Киликийского неолита, *ж* — прочие памятники

в X—VII тысячелетиях до н. э. мало чем отличался от современного [18], можно путем изучения ареала дикого ячменя выявить районы его первичной доместикации.

Ареал дикого ячменя, по Н. И. Вавилову, охватывает север Африки, Марокко, Абиссинию, Малую Азию, Туркестан, Бухару, Персию, Северный Афганистан, Закавказье [19] (рис. 4). Несколько иначе выглядят границы ареала H. spontaneum у Г. Хельбека [20] (рис. 5). Большую работу провели Харлан и Зохари. Тщательно изучив коллекционный материал из разных стран, они установили точные пункты произрастания дикорастущего ячменя на территории Ближнего Востока и на юге СССР [21] (рис. 4, 5).

В области Переднеазиатского очага Н. И. Вавилова, включая северные предгорья Туркмено-Хорасанских гор и Палестино-Иорданское побережье Средиземного моря, дикий ячмень практически растет повсюду и имеет, благодаря множеству морфологических и экологических разновидностей, достаточно широкий географический диапазон.

Он встречается обычно как однолетнее растение травяных покровов холмов и предгорий, но в отдельных случаях поднимается до высоты 1500—2000 *м*. Харлан и Зохари, просматривая коллекционные сборы из разных районов, считают, что среди ячменей встречаются как типично дикие виды, так и сорные ячмени, одичавшие вследствие беспорядочного земледельческого процесса. Именно последние разновидности обильны в Юго-Восточной Турции, в холмистых районах Ирака, у подножья Загроса, на высотах от 500 до 1500 *м*. В Иране они растут вдоль дорожных канав, по окраинам полей, в садах и даже на крышах и стенах глинобит-

---

[18] K. W. Buhzer. Climatic Changt in Arid Regions since the Pliocene. AZR, XXVII, 1961, Paris, стр. 31—56; его же. Physical Conditions in Eastern Europe, Western Asia and Egypt before the Period of Agricultural and Urban Settlement. Cambridge, 1965, стр. 3—14; 17—30.

[19] Н. И. Вавилов. Центры происхождения культурных растений. Избр. тр., V, 1965, стр. 32, карта между стр. 32—33.

[20] H. Helbaek. Now Farming Began in the Old World. «Archaeology», 12, 3. 1959, New York.

[21] J. R. Harlan and D. Zahary. Distribution of Wild Wheat and Barley. «Science», 153, 3740, 1966.

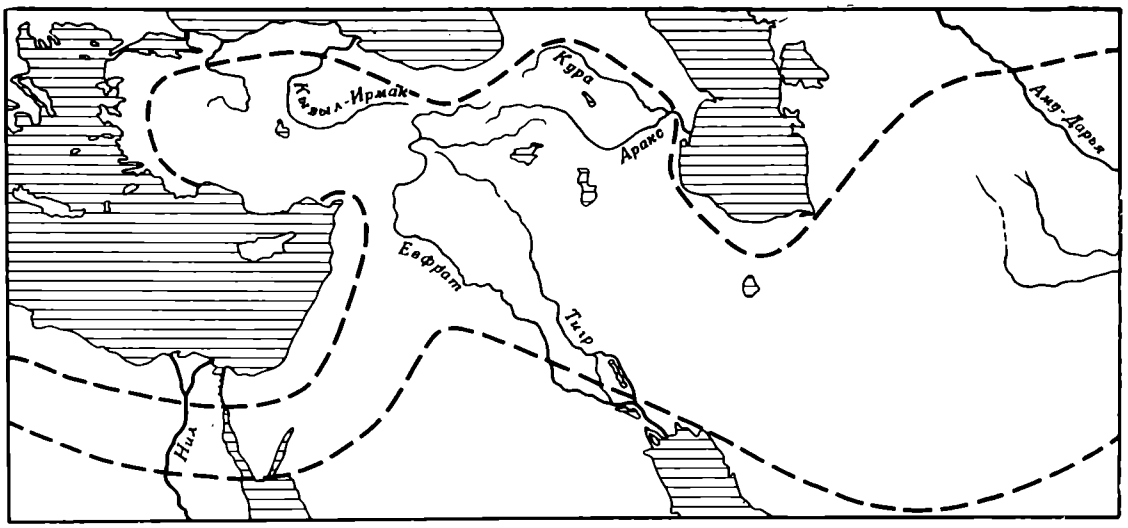


Рис. 4. Ареал Hordeum spontaneum по Н. И. Вавилову

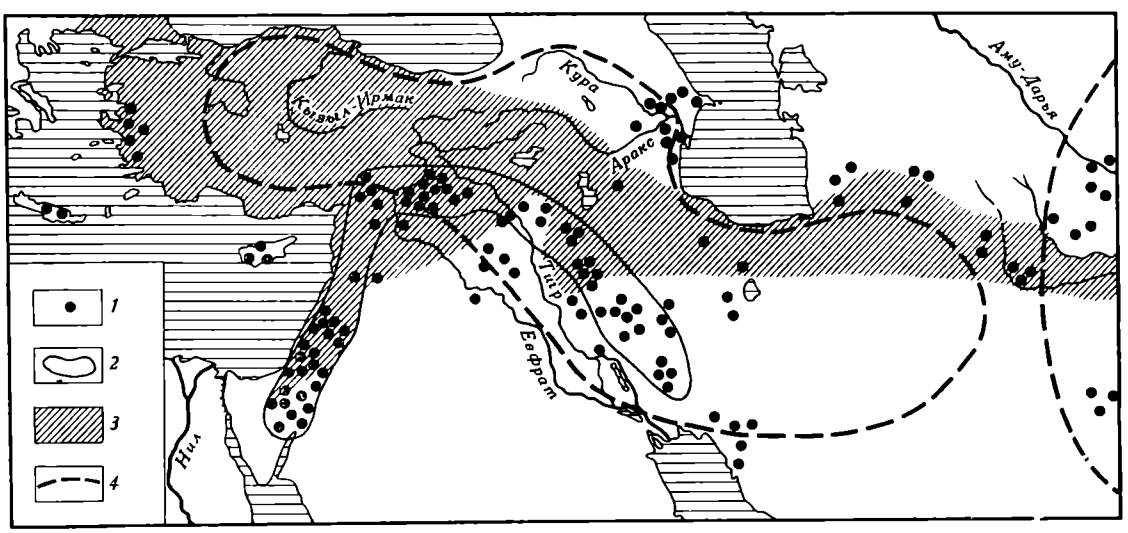


Рис. 5

1 — пункты, где были сделаны коллекционные сборы. H. spontaneum по Харлану и Зохари; *2* — ареал наиболее частых сборов H. spontaneum по Харлану и Зохари; *3* — ареал H. spontaneum по Г. Хельбеку; *4* — Переднеазиатский и Среднеазиатский очаги по Н. И. Вавилову

ных построек. Эти одичавшие ячмени постепенно становятся естественными компонентами в составе однолетней травянистой флоры и по своему распространению не выходят за рамки ареала дикого ячменя.

Судя по современному распространению дикого ячменя, он наиболее характерен для районов Туркмено-Хорасанских гор, Закавказья (Азербайджана), Тавро-Загроской области и Палестины. В этой связи чрезвычайно интересно и распределение древнейших оседло-земледельческих памятников (VII—V тысячелетия до н. э.), на которых были найдены обугленные и карбонизированные зерна, а также отпечатки на глине колосьев и зерен ячменя. На юге Средней Азии, в северных предгорьях Копет-Дага — это памятники джейтунской культуры; Джейтун, Бами, Чагыллы-Тепе, Чопан-Тепе [22]. В Загроской области — Али-Кош и тепе Сабз, расположен-

[22] М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. Материалы по истории земледелия СССР. II. М.— Л., 1956; О. К. Бердыев. Стратиграфия Бамийского поселения. СА, 1963, 4, стр. 189; его же. Чагыллы-Тепе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. В кн. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966, стр. 26; С. А. Ершов. Холм Чопан-Тепе. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, II, Ашхабад, 1956, стр. 19.

ные на равнине Дех-Луран[23]; Джармо, тепе Гуран, Матарра[24]. В северной и Центральной Месопотамии — тепе Хараф, Арпачия, Телль-Ес-Севан[25]; В Турции — Чатал-Гуюк[26]; в районах Средиземноморья — Мерсии, Амук, Бейда[27] и др.; в нашем Закавказье — Шому-Тепе, Тойре-Тепе, Дихи-Гудзубе[28].

Вышеприведенный перечень памятников наглядно свидетельствует о том, что ранняя доместикация ячменя происходила в зоне широкого произрастания дикого H. spontaneum. Различия между культурными и дикими формами заключаются в том, что дикие ячмени имеют очень хрупкий колосовой стержень — приспособление к самообсеменению. Этот стержень легко ломается, и естественно, что древним земледельцам приходилось сталкиваться с этим обстоятельством и испытывать большие сложности при уборке урожая[29]. Как предполагают Харлан и Зохари, по-видимому, уже на самых ранних этапах земледельческой культуры в процессе уборки урожая почти автоматически отбирались жесткостержневые разновидности, которые не являются чем-то исключительным в составе вида H. spontaneum[30]. Последующий посев семян этой разновидности от поколения к поколению укреплял жесткостержневую индивидуальность. Параллельно шел, вероятно, и отбор голозерных форм и тех форм, у которых зерно могло легко отделяться от пленки, так как плотная шелуха также была серьезным препятствием при обмолоте и обработке зерен перед употреблением их в пищу.

Палеоботанические находки ячменей на оседлых древнеземледельческих памятниках неоднородны: на таких поселениях, как Джармо, Джейтун, Чагыллы-Тепе, Чопан-Тепе, Матарра, Мерсин, Али-Кош, Бейда — обнаружены двурядные пленчатые формы, причем для Джейтуна, Джармо и Чопан-Тепе прямо указывалось на их близость к дикому виду H. spontaneum[31]. На тепе Сабз, Чатал-Гуюке и Арпачии обнаружен шестирядный голозерный ячмень, в Телль-Ес-Севан — двурядный и шестирядный, пленчатый и голозерный ячмень и т. д.

Совершенно очевидно, что на заре земледелия, начиная еще с мезолита, идет естественный отбор ячменей, а позднее, с переносом зерен из одних экологических условий в другие, начинается активный процесс эволюционной изменчивости и формообразования[32].

При изучении палеоботанических коллекций почти всегда отмечается то обстоятельство, что зерна ячменя абсолютно преобладают в количест-

---

[23] F. Hole, K. Flannery and J. Neely. Early Agriculture...; F. Hole and K. Flannery. Excavations at Ali Kosh...

[24] H. Helbaek. The Paleoethnobotany of the Near East and Europe. В кн. R. J. Braidwood and B. Howe. Prehistoric Investigations..., J. Meldgard, P. Mortensen, H. Thrano. Excavations at Tepe Guran, Luristan. Preliminary Report of the Danish Archaeological Expedition to Iran, 1963, Copenhagen, 1964, стр. 112.

[25] H. Helbaek. Ecological Effect of Irrigation in Ancient Mesopotamia. «Iraq», XXII, 1960, London; его же. Early Hassunan Vegetable of Es-Sawwan near Samarra. «Sumer», XX, 1—2, 1964.

[26] H. Helbaek. First Impressions of the Catal Hüyük Plant Husbandry. AS, XIV, 1964.

[27] J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953; H. Helbaek. Prepottery Neolithic Farming at Beidha. A preliminary report. PEQ, Jan-June, 1966.

[28] М. Д. Мустафаев. К истории возделывания зерновых культур в Азербайджане. Тр. Ин-та земледелия АН АзССР, III, 1955; Н. З. Бердзенишвили (Киладзе). Первобытное земледелие в Грузии. Тр. Ин-та истории АН ГрузССР, II, 1956; Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении, СА, XI, 1949; Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 59; Г. Н. Чубинишвили и К. Х. Кушнарева. Новые материалы по энеолиту южного Кавказа. «Мацне» (вестник), 6 (39), Тбилиси, 1967, стр. 336—362.

[29] K. Flannery. The Ecology...; J. R. Harlan and D. Zochary. Distribution of Wild Wheat...

[30] Н. И. Вавилов. Центры происхождения..., стр. 32.

[31] H. Helbaek. The Paleoethnobotany...

[32] H. Helbaek. Ecological effect...; М. Т. Туманян. Основные этапы эволюции ячменей в Армении. Изв. АН АрмССР, I, 1948, стр. 88.

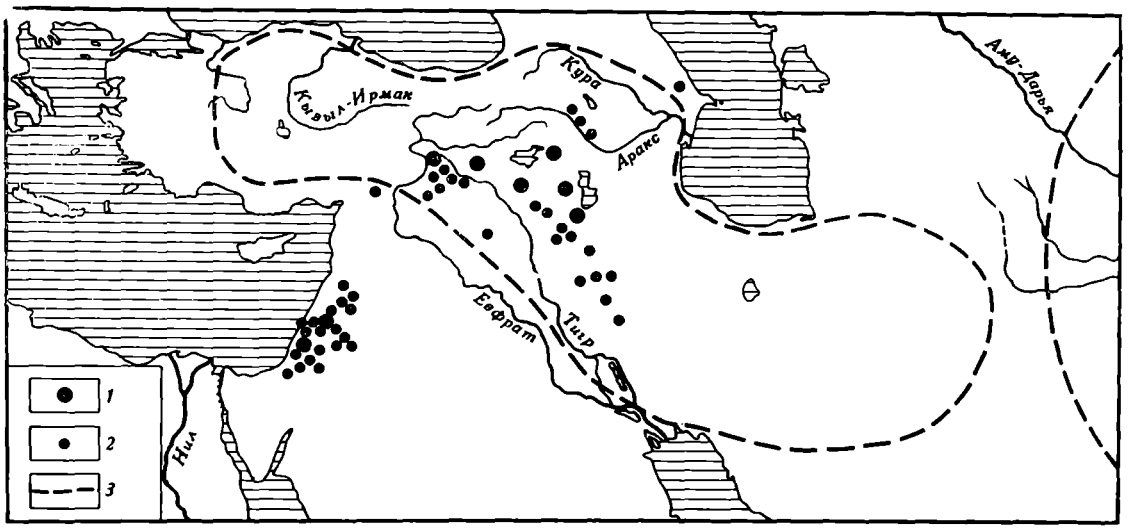


Рис. 6

1 — пункты современного произрастания Triticum dicoccoides по Г. Хельбеку; *2* — пункты, где были сделаны коллекционные сборы Tr. dicoccoides по Харлану и Зохари; *3* — Переднеазиатский и Среднеазиатский очаги по Н. И. Вавилову

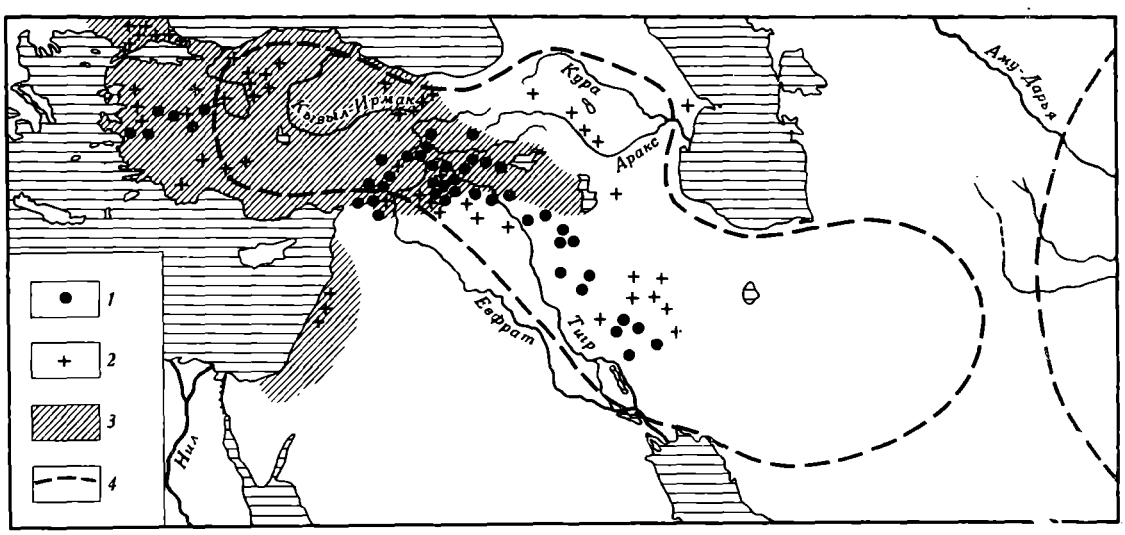


Рис. 7

1 — пункты, где были сделаны коллекционные сборы Triticum monococcum по Харлану и Зохари; *2* — пункты, где зафиксировано произрастание Tr. monococcum по Харлану и Зохари; *3* — ареал Tr. monococcum по Г. Хельбеку; *4* — Переднеазиатский и Среднеазиатский очаги по Н. И. Вавилову

венном отношении над зернами пшеницы и, скорее всего, происходят из смешанных пшенично-ячменных посевов. Г. Хельбеком было высказано мнение, что пшеница культивировалась первой, а ячмень на ранних этапах являлся сорняком пшеничных полей и лишь позднее подвергся доместикации [33]. Это предположение о наличии смешанных посевов вполне логично, так как именно в рассматриваемой нами области Ближнего Востока в пределах географического ареала дикого ячменя по этнографическим сведениям до сих пор известны смешанные посевы пшеницы и ячменя, например у туркмен, живущих в районе Кушки. Однако вопрос о приоритете доместикации пшеницы перед ячменем пока не может считаться окончательно решенным.

[33] H. Helbaek. Now Farming Began...

П ш е н и ц ы. Почти на всех памятниках, где сделаны древнейшие находки зерен ячменя, встречены и остатки двух видов пшениц: Triticum monicoccum — культурной однозернянки и Triticum dicoccum — эммера, полбы или двузернянки.

По данным Г. Хельбека, Харлана и Зохари, И. Д. Мустафаева и др., дикие пшеницы двузернянки (Tr. dicoccoides) имеют довольно ограниченный ареал распространения (рис. 6): они характерны для Палестино-Иорданского побережья Средиземного моря, гор Антитавра и Северного Загроса, для Армяно-Иранского нагорья и нашего Закавказья (Армения, Азербайджан). Двузернянки очень близки культурному эммеру и являются малым компонентом однолетней травянистой растительности, часто встречаясь в сочетании с дикими однозернянками и диким ячменем: в Тавро-Загроской области — преимущественно в нижних районах дубово-фисташковой зоны, в Палестинской области — на твердых известняковых и базальтовых склонах.

Ареал диких однозернянок более широк (рис. 7), но также приурочен к Тавро-Загроской области, Анатолии и Палестинскому побережью.

Дикие и доместицированные одно- и двузернянки найдены на целом ряде памятников рассматриваемой области — Джармо, Али-Кош, тепе Сабз, Арпачие, Халаф, Матарра, Чатал-Гуюк, Телль-Ес-Севан, Бейде. Все находки сделаны в пределах их современных географических ареалов. Таким образом, доместикация происходила непосредственно в зоне произрастания. Особый интерес представляют находки на древнейших оседлоземледельческих памятниках мягкой пшеницы — Triticum vulgare (Triticum aestivum). Она была обнаружена в Чатал-Гуюке [34], Телль-Ес-Севане [35], среди ранних доместицированных злаков на энеолитических памятниках нашего Закавказья [36] и на памятниках джейтунской культуры в Южной Туркмении [37].

Многолетние работы советских и зарубежных ученых по вопросам происхождения, географии и систематике пшениц позволяют в настоящее время достаточно определенно решать вопрос о происхождении мягкой пшеницы [38].

Было установлено, что дикорастущего предка у мягкой пшеницы не было. Она представляет собой синтетический вид, получаемый при гибридизации Tr. dicoccoides и Tr. aegilopoides с диплоидными видами рода Aegilops (A. speltoides A. squarrosa). Формирование мягких пшениц должно было происходить в зоне совпадения ареалов указанных исходных видов. Н. И. Вавилов писал: «Главным центром разнообразия мягких пшениц в настоящее время, и по всей вероятности, и ближайшим к нам по времени первоисточником формообразования этого вида является Юго-Западная Азия» [39]. Предполагаемыми районами формообразования и древнейшей доместикации мягкой пшеницы в пределах Переднеазиатского оча-

---

[34] H. H e l b a e k. First Impressions...

[35] H. H e l b a e k. Early Hassunan...; в статье F. H o l e, K. F l a n n e r y and J. N e e l y. «Early Agriculture» (среди палеоботанических находок на тепе Сабз отмечены гибридные формы пшеницы, но была ли это мягкая пшеница — остается неясным до более полных публикаций).

[36] Н. Н. Ч у б и н и ш в и л и, К. Х. К у ш н а р е в а. Новые материалы..., стр. 357.

[37] М. М. Я к у б ц и н е р. К истории культуры пшеницы...

[38] Н. И. В а в и л о в. К познанию мягких пшениц. Избр. тр., II; П. М. Ж у к о в с к и й. Культурные растения и их сородичи. М., 1950; Сб. «Пшеница в СССР», М.—Л., 1957; В. Е. П и с а р е в. История мягкой пшеницы. Вестник с.-х. науки, 4, 1961; Ф. Х. Б а х т е е в. Дальнейшее осуществление..., стр. 17; H. K i h a r a; K. J a m a s h i t a and M. T a n a k a. Morphological, Physiological, Genetical and Citological Studies in Aegilops and Triticum Collected from Pakistan, Afghanistan and Iran. Results of the Kioto University Scientific Expedition to the Karakorum and Hindukush 1955. I, 1965, Kioto.

[39] Н. И. В а в и л о в. К познаниям мягких пшениц..., стр. 405.

та могут быть: Юго-Восточная Турция, Закавказье, Северный и Западный Иран. В этой связи чрезвычайно интересны рекогносцировочные работы Р. Брейдвуда в районах Юго-Восточной Турции, проведенные в 1963—1964 гг.,[40] в результате которых был выявлен ряд древнеземледельческих поселений, концентрировавшихся к западу от Евфрата, а также вдоль восточного побережья Средиземного моря и у подножья Загросса. Наиболее полно обследованные поселения такие, как Чейюню, дали материал, близкий к находкам из Джармо. По-видимому, Юго-Восточная Турция — одна из самых малоисследованных областей древнейшего заселения и развития земледельческого хозяйства, где еще в древности в культуру могла быть введена мягкая пшеница.

Отсюда она, по всей вероятности, распространилась в западные районы и в частности, на Чатал-Гуюк.

В Закавказье находки мягкой пшеницы хронологически более поздние, чем на других ближневосточных памятниках, но здесь пока почти не известны памятники мезолита и неолита, а следовательно, и факты, которые бы подтверждали более раннюю доместикацию мягкой пшеницы. Палеоботанические находки из неолитического поселения Дихи-Гудзубе относятся к древнеколхидским слоям памятника судя по комплексу материальной культуры, земледелие в эпоху неолита здесь существовало [41].

В Южной Туркмении все находки пшениц из самых ранних неолитических памятников принадлежат мягкой пшенице. Здесь же появляется еще один вид, чрезвычайно близкий к мягким пшеницам,— карликовая пшеница (Triticum compactum). Н. И. Вавилов, писал, что наиболее богатый район по количеству разновидностей мягких пшениц — Иран, а затем Афганистан, Бухара и Белуджистан. Почти то же самое характерно и для карликовых пшениц. «Главная масса карликовых пшениц группируется в районах Туркестана, Афганистана, Бухары, Кавказа. При этом в Туркестане, насколько это удалось установить, главным образом карликовые пшеницы распространены в Закаспийской области, в районах смежных с Афганистаном» [42].

Характеризуя Среднеазиатский очаг, Н. И. Вавилов отметил, что именно здесь «установлен колоссальный потенциал сортового разнообразия мягкой пшеницы — главного хлеба земли. Здесь родина карликовой пшеницы, круглозерной пшеницы...» [43].

Южная Туркмения территориально занимает как бы промежуточное положение между Переднеазиатским и Среднеазиатским очагами и обнаруживает в ботанико-географическом и культурно-историческом плане большую близость с Северным Ираном. К сожалению, отсутствие палеоботанических находок на североиранских памятниках не дает возможности проводить пока конкретные сопоставления.

Безусловно, что земледелие в своих истоках связано с горными районами, с плодородными межгорными долинами, где еще в условиях присваивающей экономики охотничье-собирательского хозяйства шел процесс естественного отбора наиболее употребительных в пищу растений, сбор зерен от наименее ломких особей, искусственный посев их близ мест поселений и обмен продуктами собирательства, что приводило к искусственному переносу растений из одного района в другой. В результате такого

---

[40] R. Braidwood. The Paleo-Environments of Southwestern Asia and Appearance of Food-Production. A Report to the National Science Foundation. On the Termination of Grant GS-50. June 30. 1966.

[41] Н. З. Бердзенишвили (Киладзе). Первобытное земледелие...; В. А. Меснабде. Ботанико-систематические данные о хлебных злаках Древней Колхиды. Сообщ. Груз. ФАН СССР. I 9. 1940.

[42] Н. И. Вавилов. К познанию мягких пшениц..., стр. 349, 405.

[43] Н. И. Вавилов. Ботанико-географические основы..., стр. 42.

переноса под влиянием изменения экологических условий даже при самом примитивном высеве растений более интенсивно идет и процесс формообразования. Однако эти первые шаги в области искусственного возделывания растений нельзя называть земледелием в полном смысле слова. Как нам кажется, даже появление оседлых поселений в горных районах еще не знаменует собой начала новой земледельческой эпохи, хотя возделывание растений здесь играет уже весьма существенную роль. Если взять для примера широко известный в литературе памятник Джармо, где была собрана палеоботаническая коллекция в комплексе с орудиями земледелия — жатвенными серпами, зернотерками, пестами и т. д., то бросается в глаза следующее. В составе обугленных и карбонизированных зерен пшеницы однозернянки и двузернянки встречаются двурядный ячмень, близкий к H. spontaneum, желуди, полевой горох, фисташки, миндаль [44]. Собственно, как указывает Г. Хельбек, только эммер и ячмень имеют признаки доместикации, остальные растения принадлежат дикорастущим видам. Совершенно очевидно, и не только из этой коллекции зерен, но и из палеозоологического материала [45], что в хозяйстве жителей Джармо охота и собирательство играли еще огромную роль, хотя уже были сделаны серьезные шаги в области одомашнивания животных и земледелия. Тем не менее, эти развивающиеся отрасли вряд ли могли полностью обеспечить нужды поселка. Исходя из всего комплекса археологических данных, следует предполагать, что хозяйство здесь было сложным, многообразным, а земледелие было еще весьма примитивным. Это и понятно, так как прекрасная собирательская база и низкая урожайность посевов в условиях богары не способствовали интенсивному развитию этой отрасли хозяйства. В то же время носители культуры типа Джармо, вышедшие из горных долин в зону предгорий и собственно в долине Тигра и Евфрата, столкнулись с совершенно иными условиями. Принесенные ими с гор зерна пшеницы и ячменя при посевах сначала в условиях неполивного земледелия, а затем по мере продвижения на юг с применением простейшего орошения, основанного на паводковых разливах, приобретали новые свойства, шла выработка новых форм, укрепление нужных человеку качеств. В Тель-Ес-Севан уже встречены формы, существенно отличающиеся от растений, культивировавшихся в Джармо, хотя хронологический разрыв между двумя этими памятниками сравнительно невелик. То же относится и к Чатал-Гююку. Аналогичные данные получены и для памятников долины Дех-Луран (Али-Кош и тепе Сабз).

Таким образом, зарождение земледелия происходит в недрах мезолитического общества. Но только с переселением людей с гор на равнины, с привнесением активной ирригации начинается настоящая культивация растений, которая требует перестройки всего уклада жизни и приводит к сложению новых производственных отношений. Происходит тот революционный скачок, который знаменует начало земледелия как производящей отрасли хозяйства, послужившей базой для создания древнейших цивилизаций мира.

Палеоботанические находки на мезолитических и неолитических памятниках юга Средней Азии и Ближнего Востока являются важным материалом, подтверждающим основные идеи Н. И. Вавилова о мировых центрах происхождения культурных растений. Именно здесь, в пределах Переднеазиатского очага, характеризующегося чрезвычайным богатством и обилием растительных ресурсов, шло зарождение земледелия как важнейшей производящей отрасли хозяйства еще в VIII—VII тысячелетиях до н. э.

---

[44] H. Helbaek. The Paleoethnobotany...
[45] R. J. Braidwood and B. Howe. Prehistoric Investigations...

G. N. Lissitsina

PLANTES SATIVES DU PROCHE-ORIENT ET DU SUD DE L'ASIE CENTRALE AUX VIIIe — Ve MILLÉNAIRES AVANT NOTRE ÈRE

Résumé

L'agriculture est liée, dès sa naissance, aux régions des montagnes et aux vallées aux sols fertiles situées entre les montagnes. Cependant, déjà pendant la période du devenir de l'économie productive les populations sédentaires occupent des aires plus considérable envahissant les vallées alluviales des grands fleuves.

Dans l'histoire de l'évolution de l'agriculture, deux étapes se distinguent aux premiers stades: 1) la périole mésolithique qui connaît la naissance des éléments de l'agriculture au sein de l'economie de type accapareur; 2) la première période agricole, période de développement intense de l'agriculture depuis les formes primitives sans irrigation dans les régions montagneuses et prémontagneuses jusqu'à l'agriculture d'irrigation la plus simple dans les vallées alluviales. De nombreuses trouvailles paléobotaniques de plantes sativ découvertes dans les sites du sud de l'Asie Centrale et du Proche-Orient (VIIIe — Ve s. s. avant notre ère) permettent de constater que les cultures les plus importantes des temps anciens étaient: orge (Hordeum spontaneum), engrain (Triticum monocuccum), amidonnier (Tr. dicoccum), blé tendre (Tr. vulgare-aestivum) et blé compact (Tr. compactum).

L'analyse de ces trouvailles confirme entièrement les idés essentielles de N. I. Vavilov sur l'existence des foyers mondiaux de l'origine des plantes sativ et permettent de parler d'un foyer indépendant du Turkménistan méridional occupant la position intermédiaire entre les foyers de l'Asie Antérieure et ceux le l'Asie Centrale.

И. Л. СТАНКЕВИЧ

СОПОСТАВЛЕНИЕ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ИРАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ III—II ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО Н.Э.

Вторая четверть XX в. в ближневосточной археологии ознаменовалась открытием рода иранских памятников III—II тысячелетий до н. э. Наибольшее внимание при исследовании этих богатых и разнообразных комплексов уделялось керамике. Тем не менее до сих пор не проведен всесторонний анализ иранского керамического материала, не прослежена эволюция керамики и соотношение ее типов на различных памятниках.

Предлагаемая статья посвящена анализу керамики пяти памятников, расположенных в Северо-Восточном (Гисар, Шах-Тепе), Северном (Хурвин), Центральном (Сиалк) и Западном (Гиян) Иране и относящихся к бронзовому веку [1]: Гиян IV — I [2], Гисар IIIA — IIIC, Шах-Тепе II, Сиалк V (некрополь A), а также частично керамика Хурвина (этот могильник, наряду с материалом конца бронзового века, содержит и более поздние комплексы).

Для выяснения генезиса керамических комплексов эпохи бронзы здесь использована керамика предшествующих позднехалколитических слоев Гисара (IC — IIB) и Шах-Тепе III — тех памятников, где халколит без сколько-нибудь заметного хронологического перерыва сменяется бронзовым веком, а также материал Сиалка IV [2].

Прежде чем приступить к сравнительному анализу керамики, необходимо было выработать ее общую классификацию, основанную на единых принципах. Существующие в настоящее время классификации керамики отдельных памятников не отвечают этому требованию.

Обозначив определенными символами (цифрами и буквами) такие признаки глиняных сосудов, как общая конфигурация, пропорции и размеры, уточненная форма стенок, низа сосуда (дна, поддона или ножки), верха (горла или венчика), ручек (ушек), носика (слива), а также цвет теста и ангоба и технику нанесения орнамента, мы получили определенную формулу для каждого сосуда. Сосуды, в формулах которых совпадают или незначительно отличаются символы, обозначающие форму и про-

---

[1] Вопрос о бронзовом веке Ирана спорен. Т. Янг, предложивший деление Гияна I на четыре фазы, относит Гиян I^4 — I^2, Спалк V, Хурвин и некоторые другие памятники к Первому периоду железного века, хотя следы использования железа в них почти отсутствуют. T. C. Young. A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500—500 B. C. «Iran», III, London, 1965; Его же. The Iranian Migration into the Zagros. «Iran», V, London, 1967.

[2] Материал взят из следующих публикаций: E. F. Schmidt. Tepe Hissar Excavations, 1931. «Museum Journal», XXIII, 1933; Его же. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937; G. Contenau, R. Ghirshman. Fouilles du Tépé Giyan, près de Néhavend. Paris, 1935; R. Ghirshman. Fouilles de Sialk. I—II, Paris, 1938—1939; T. J. Arne. Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm, 1945; L. Vanden Berghe. La Nécropole de Khurvin. Istanbul. 1964.

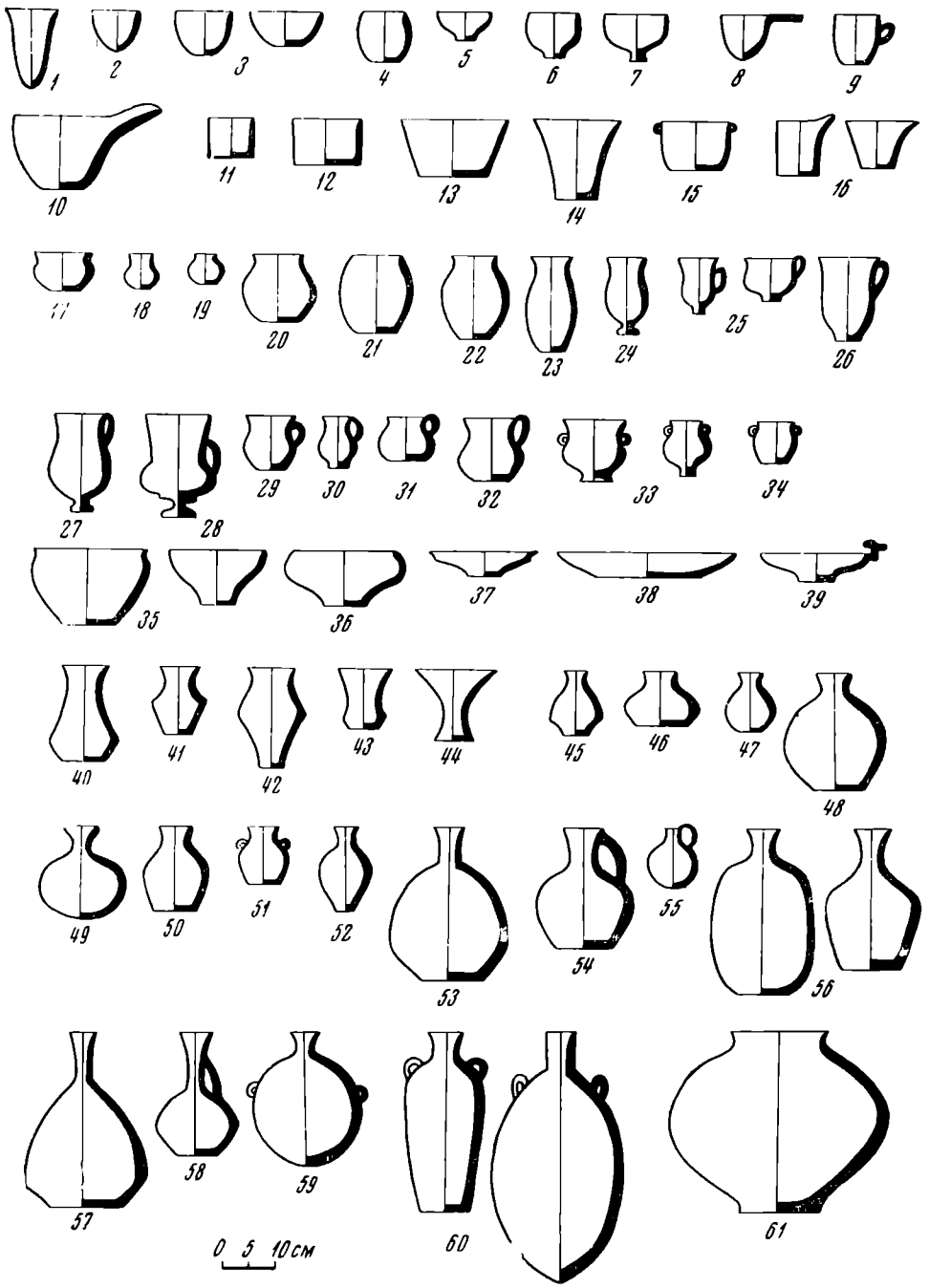


Рис. 1. Типы керамики (№№ 1—61)

порции, выделены нами в особые типы. Для упрощения изложения рассматриваемые в данной статье типы получили порядковые номера от 1 до 82. Формулы их здесь не приводятся, так как достаточное представление о формах и пропорциях дают прилагаемые таблицы иллюстраций. Буква латинского алфавита, стоящая после номера типа, указывает на примерный размер сосудов: A — миниатюрные, B — маленькие, C — средней величины, D — большие, E — очень большие, буква F обозначает те сосуды, размеры которых в публикациях не указаны. Подтипы выделены в зависимости от цвета теста сосуда: 1 — тесто черного или серого цвета различных оттенков; 2 — тесто различных оттенков красного цвета (в том числе розового и красно-коричневого); 3 — тесто различных оттенков коричневого (за исключением красно-коричневого) и темно-желтого цветов; 4 — тесто желтого, светло-желтого и кремового цвета; 5 — тесто любых других цветов (в каждом конкретном случае цвет указывается); 6 — цвет теста не известен (не указан в публикации).

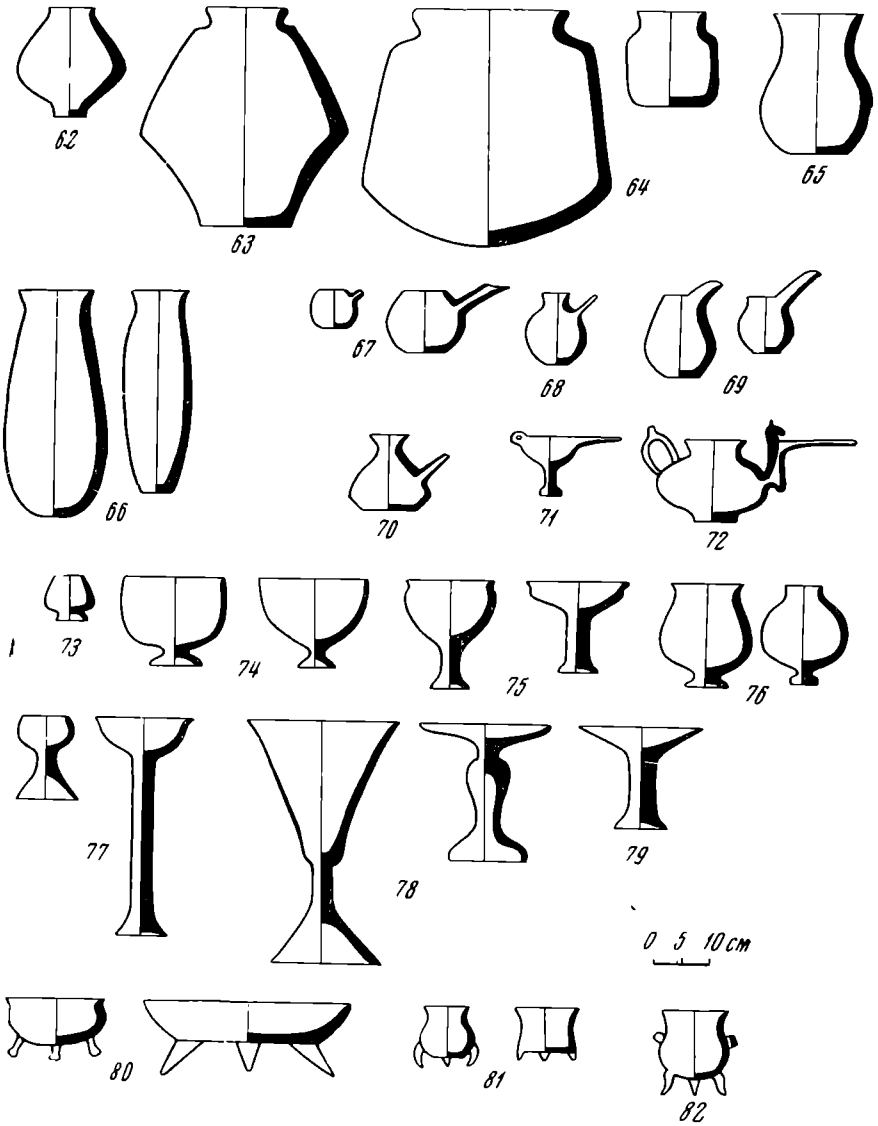


Рис. 2. Типы керамики (№№ 62—82)

Наиболее дробным подразделением данной классификации является вариант. Нами выделены пять основных вариантов по способу обработки поверхности сосудов: 1 — без орнамента; 2 — орнамент расписной; 3 — орнамент лощеный; 4 — орнамент резной, 5 — орнамент рельефный, обычно лепной.

Добавочное буквенное обозначение после номера варианта дает некоторые конкретные указания: 1А обозначает, что поверхность сосуда целиком залощена; 2А — черный цвет росписи, 2В — красный цвет, 2С — серый, 2D — темно-коричневый, 2Е — желтый.

В случае сочетания на одном сосуде нескольких способов орнаментации обозначение варианта смешанное: например, вариант 2А + 4 — сочетание черной росписи и резного орнамента.

Нам пришлось отказаться от словесного наименования типов, так как существующая керамическая терминология далека от однозначности и потому может служить источником недоразумений, да и количество терминов недостаточно для многообразия охваченных классификацией форм сосудов.

Несмотря на некоторую громоздкость, эта классификация значительно облегчает учет нового материала и может быть в дальнейшем применена для работы с перфокартами. На ее основе нами проведен анализ керамических параллелей (этим термином мы обозначаем совпадение типа, подтипа и варианта), существовавших между различными слоями каждого

Тип	Подтип	Вар.	IV	III	II	II—I	I⁴	I³	I²
13B	2	1A	8,6	1,2					
23C	1	1				2,5	1,3		
24B	1	1				5,0	6,4		
24B	4	1				2,5	1,3		
24B	4	2A				10,0	2,5		
24C	4	1				7,5	3,8		6,5
25C	2	1					3,8	12,5	12,9
28C	2	1					1,3	4,2	
30A	1	2A			5,9	5,0			
30A	2	1					6,4		3,2
33B	2	2A			1,9	2,5			
33B	3	2A			1,9	2,5			
33B	4	2A			7,8	17,5			
36C	1	1					5,0		3,2
36C	2	1						8,4	6,5
36C	3	1			1,9	2,5	1,3		
36C	4	1		1,2			1,3		
37B	2	1				5,0	1,3		
37C	3	1			1,9			4,2	
38D	1	1		1,2	1,9				
43C	4	1				2,5	2,5		
47A	1	2A			1,9			4,2	
62B	2	5						12,5	6,5
62B	3	5					5,0	4,2	6,5
62B	3	1					1,3	4,2	
64A	4	2A	5,7	2,5					
65C	2	2A	1,4	1,2					

исследуемого памятника. Количество экземпляров каждого типа выражено в процентах ко всем опубликованным экземплярам данного слоя.

Кроме того, мы выделили наиболее характерные для каждого слоя типа керамики (в %):

Гиян IV. Тип 13B — 8,6
Тип 13C — 4,3
Тип 64A — 20,7
Тип 64D — 12,8
Тип 64F — 8,6

Гиян III. Тип 31A — 8,7
Тип 13B — 5
Тип 17B—9,8
Тип 32B — 3,8
Тип 37C — 8,7
Тип 43C — 5,0
Тип 81C — 12,4

Гиян II. Тип 6B — 5,9
Тип 26B — 11,9
Тип 27B — 9,8
Тип 30A — 5,9
Тип 33B — 13,6
Тип 37B — 3,9
Тип 40B — 3,9
Тип 41B — 3,9

Гиян II—I. Тип 24B — 25,0
Тип 24C — 7,5
Тип 26C — 7,5
Тип 30A — 5,0
Тип 33B — 22,5
Тип 37B — 5,0

Гиян I⁴. Тип 24B — 12,7
Тип 24C — 12,6
Тип 30A — 7,7
Тип 34A — 6,8
Тип 36C — 7,6
Тип 62B — 6,3

Гиян I³. Тип 25C — 12,5
Тип 36C — 8,3
Тип 62B — 25,1

Гиян I². Тип 24C — 6,5
Тип 25C — 12,9
Тип 36C — 9,7
Тип 52C — 6,5
Тип 62B — 16,1

Как видно из таблицы, между Гияном IV и III существуют три параллели, между Гияном III и II — одна, между Гияном II и II—I — пять; Гиян II—I и I^4 имеют восемь параллелей, Гиян I^4 и I^3 — четыре, Гиян I^3 и I^2 — четыре. Принимая во внимание появление новых характерных типов, мы можем говорить о значительных изменениях в керамической традиции, происходивших между IV и III и особенно между III и II слоями Гияна. А начиная с Гияна II, керамическая традиция развивается без перерыва вплоть до Гияна I^1 (последний слой имеет лишь одну керамическую параллель с периодом I^2, причем процентное содержание этого типа сильно возрастает в Гияне I^1).

Количество сероглиняной керамики в Гияне следующее (в %): Гиян IV — 25,6, Гиян III — 19,8, Гиян II — 55,5, Гиян II—I — 15, Гиян I^4 — 28, Гиян I^3 — 16,8, Гиян I^2 — 12,7. Таким образом, количество сероглиняной керамики резко возрастает во II слое, а затем понижается и составляет менее $^1/_4$ всей керамики.

Наиболее характерны для Гисара следующие типы керамики (в %):

II. Гисар

Тип	Подтип	Вар.	IC	IIA	IIB	IIIA	IIIB	IIIC
1C	3	2D		1,8		3,5		
2A	1	2D	2,5		1,7		1,7	
2A	2	2D	1,2	5,4				
2A	3	2D	7,5	1,8	3,5			
2B	3	2D	1,2	1,8	1,7			
3B	1	1A			3,5	10,7	3,4	1,4
3B	2	2D	1,2	3,6				
3C	1	1A			3,5	3,5	6,8	4,1
3C	3	2D		1,8	1,8			
8B	1	1					1,7	1,4
10B	1	1					1,7	1,4
12C	1	1A					1,7	1,4
13B	1	1A				3,5	3,4	
13C	1	1A			1,7			1,4
13D	1	1A					3,4	1,4
16B	1	1A					1,7	1,4
20C	1	1		1,8	1,7		1,6	
40F	1	1A—4					1,7	1,4
48C	1	1A					1,7	1,4
50C	1	1A			1,8			1,4
52 ?	1	1A					1,7	1,4
57C	1	1A				3,5	5,1	1,4
61B	1	1A			1,8		5,1	1,4
61B	1	3			1,8			1,4
69F	1	1A					1,7	1,4
73B	1	1A		3,6	7,0	3,5		
73B	1	1	1,2	1,8	1,8			
74B	1	1A	6,3	5,4	5,3	10,7		
74B	1	2D	12,5	18,2	1,7			
74B	3	2D	7,5	5,4		3,5		
75B	1	2D	8,7	5,4				
75B	1	1A		1,8	14,0			
75C	1	1A		7,3	3,5			
76C	1	1A	2,5	1,8				
76C	1	2D	1,3	1,8				
76C	3	2D	6,3	1,8				
77D	1	1A		3,6	5,3			

Гисар IC. Тип 2A — 15
Тип 73B — 5
Тип 74B — 35
Тип 75B — 12,5
Тип 76C — 12,5

Гисар IIA. Тип 2A — 7,2
Тип 74B — 32,6
Тип 75B — 7,2
Тип 75C — 7,3
Тип 76C — 5,4

Гисар IIB. Тип 2A — 8,7
Тип 3B — 7,0
Тип 3C — 5,2
Тип 61B — 5,2
Тип 73B — 8,7
Тип 74B — 7
Тип 75B — 14
Тип 77D — 5,2

Гисар IIIA. Тип 3B — 14,2
Тип 53C — 7,1
Тип 74B — 14,2

Гисар IIIB. Тип 3C — 10,1
Тип 21C — 5,1
Тип 44B — 5,1
Тип 57C — 10,2
Тип 61B — 5,1

Гисар IIIC. Тип 1A — 8,2
Тип 1B — 5,5
Тип 3C — 4,1
Тип 60C — 4,1
Тип 60D — 4,4

Между Гисаром IC и IIA существует 12 керамических параллелей, между Гисаром IIA и IIB — 11, между IIB и IIIA — 4, между IIIA и IIIB — 4; между IIIB и IIIC — 13. Таким образом, несмотря на некоторые изменения в керамической традиции, происходившие в период IIIA и IIIB, все же нельзя говорить о ее резкой смене. Процентное соотношение сероглиняной керамики в слоях Гисара следующее: Гисар IC—35, Гисар IIA — 56, Гисар IIB — 77, Гисар IIIA — 67, Гисар IIIB — 87, Гисар IIIC — 61. Увеличение количества сероглиняной керамики происходит постепенно в течение периодов IIA — IIB, не совпадая с периодом наиболее сильных изменений керамических форм (IIIA — IIIB).

III. Шах-Тепе

Тип	Подтип	Вар.	III	II	Тип	Подтип	Вар.	III	II
3F	1	1A	15,2	2,7	49B	1	1A	0,9	1,3
4A	1	1A	2,8	0,9	51B	1	1A	0,9	4,5
13D	6	1	0,9	0,5	52C	1A	1A	0,9	4,0
15B	1	1A	1,9	1,4	52C	1	3	1,9	5,0
18B	1	3	0,9	0,5	61B	1	1A	15,2	3,1
19A	1	1A	0,9	0,5	61E	6	1A	0,9	0,9
22C	1	1A	1,9	3,1	70B	1	3	0,9	0,5
48B	1	1A	0,9	6,3	79C	1	1A	1,9	0,5
48C	1	1A	0,9	0,5					

Наиболее характерны для Шах-Тепе следующие типы керамики (в %):

Шах-Тепе III. Тип 3B — 6,6
Тип 3F — 19
Тип 36B — 3,8
Тип 46A — 4,7
Тип 61B — 19

Шах-Тепе II. Тип 12C — 4
Тип 45C — 4
Тип 48B — 7
Тип 51B — 4,5
Тип 52C — 10,3
Тип 61B — 5,4
Тип 68B — 5,4

III и II слои Шах-Тепе отличаются своими характерными типами, однако между керамическими комплексами этих слоев существует 17 керамических параллелей. Процент сероглиняной керамики составляет в III слое 83,8, а во II слое—88,5. Таким образом, вряд ли можно сомневаться в том, что керамика II слоя продолжала традиции III слоя.

IV. Сиалк

Подсчет процентного содержания типов глиняной посуды в Сиалке IV не проводился, так как опубликованы лишь наиболее характерные экземпляры керамики. Сиалк IV имеет лишь две керамические параллели с Сиалком V (тип 14B, подтип 1, вариант 1A и тип 43C, подтип 1, вариант 1). Это и не удивительно, так как, судя по стратиграфии, между Сиалком IV и V существовал значительный хронологический разрыв.

Наиболее характерными типами для Сиалка V являются (в %):

Тип 7B — 5,8
Тип 13D — 5
Тип 25C — 14,7
Тип 35D — 7,4
Тип 63D — 5
Тип 80B — 4,1

Сероглиняная керамика составляла в Сиалке V примерно 82%.

V. Хурвин

Самые характерные типы керамики (в %):

Тип 28C — 5,5
Тип 29A — 6,4
Тип 55B — 3,6
Тип 55C — 4,5
Тип 72C — 6,8

Сероглиняная керамика в Хурвине составляет примерно 90%.

Рассмотрим керамические параллели, существовавшие между памятниками.

В результате проведенного анализа нами обнаружены параллели между Сиалком V и Хурвином (11), Сиалком V и Гияном I^4 (6), Сиалком V и Гияном I^2 (3), Хурвином и Гияном I^2 (2), Хурвином и Гияном I^4 (4). Такая тесная взаимосвязь керамики указанных памятников свидетельствует в пользу выдвинутого Т. Янгом предположения о принадлежности их к одному культурному горизонту и об их синхронности [3]. Прослеживается также связь комплексов Гисара IIIB — IIIC и Шах-Тепе II (насчитываются 22 керамические параллели, объединяющие эти памятники) с памятниками типа Сиалк V — Хурвин: Сиалк V имеет четыре керамические параллели с Шах-Тепе II и три с Гисаром IIIC; Хурвин имеет две параллели с Гисаром III и четыре с Шах-Тепе II. Такая связь, вероятно, указывает на генетическое родство обширной культурно-исторической области, в которую входили Сиалк V, Хурвин, Гиян I^4—I^2, и памятников Северо-Восточного Ирана — Гисар и Шах-Тепе. Возможно, Шах-Тепе II прекратил существование несколько позже, чем Гисар IIIC, так как он теснее связан с Сиалком V и Хурвином, чем Гисар.

Кроме того, на наш взгляд, нельзя говорить о резком изменении керамических традиций при переходе от Гисара IC — IIA — IIB к IIIA. Появление новой керамики не привело здесь к тотальному уничтожению старых традиций. Поэтому не исключено, что население Гисара IC — II послужило одним из компонентов при формировании населения Гисара III, а позднее потомки его вошли в состав населения культурно-исторической области, образовавшейся на территории Ирана в конце бронзового века. Хронологический разрыв, существующий сейчас между памятниками типа Гисара III (закончился по последним данным примерно в 1800 г. до н. э.)

---

[3] T. C. Young. A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran.

Тип	Подтип	Вар.	Гиян		Гисар		Шах-Тепе		Сиалк		Хурвин
			слой	%	слой	%	слой	%	слой	%	%
3B	1	1A			IIB	3,5			V	0,8	
					IIIA	10,7					
					IIIB	3,4					
					IIIC	1,4					
3F	2	1A	II—I	2,5			III	2			
4B	3	1A			IIIC	1,4	II	0,5			
5B	1	1							V	2,5	0,5
5B	2	1							V	0,9	0,5
9B	2	1	II—I	2,5					V	0,8	0,5
			I^4	1,3							
10C	1	1A			IIIB	1,7	II	2,3			
10C	2	1A			IIIC	1,4	II	0,5			
11B	1	1A			IIIA	3,5	II	0,5			
12C	1	1A			IIIB	1,7	II	0,9			
					IIIC	1,4					
12C	1	3			IIIC	1,4	III	1,9			
							II	3,1			
13B	1	1A			IIIA	3,5			V	0,8	
					IIIB	3,4					
13B	2	1A	IV	8,6	IIA	1,8					
			III	1,2							
13D	1	1A			IIIB	3,4	II	0,5	V	4,5	
					IIIC	1,4					
14B	1	1A							IV	+	1,4
									V	0,8	
16B	1	1A			IIIB	1,7	II	0,9	IV	+	
					IIIC	1,4					
19A	1	1A					III	0,9	V	2,5	0,9
							II	0,5			
19A	1	2A	II	1,9	IIA	1,8			IV	+	
23C	2	1	II—I	2,5	IIIA	3,5					
25C	2	1	I^4	3,8					V	2,5	
			I^3	12,5							
25C	2	1	I^2	12,9							
26C	4	1	I^4	1,3					V	0,8	
28B	1	1							V	0,8	2,7
28C	1	1A	I^4	2,5					V	1,6	4,5
31B	2	1			IIIC	1,4	II	2,7			
34A	3	1	I^4	5,0					V	0,8	
36C	1	1	I^4	5,0							0,5
			I^2	3,2							
39C	1	1	I^4	1,3					V	1,6	0,5
42C	1	1A			IIIB	1,7	II	0,5			
43C	1	1	I^4	2,5	IIIB	3,4			IV	+	
									V	0,8	
48A	1	3			IIIC	1,4	II	0,5			
48A	1	1A			IIIC	1,4	II	1,8			
48B	1	1A			IIB	1,8	III	2,9	IV	+	
					IIIC	1,4	II	6,3			
48B	1	3			IIIC	1,4	II	0,9			
48C	1	1A			IIIB	1,7	III	0,9			
					IIIC	1,4	II	0,5			
50C	1	1A	I^4	1,3	IIB	1,8			V	0,8	
					IIIC	1,4					
51B	1	1A					III	0,9			2,3
							II	4,5			
52C	1	1A			IIIB	1,7	III	0,9			
					IIIC	1,4	II	4,0			
52C	1	3			IIIC	2,8	III	1,9			
							II	5			

Тип	Подтип	Вар.	Гиян		Гисар		Шах-Тепе		Сиалк :		Хурвин
			слой	%	слой	%	слой	%	слой	%	%
54B	2	1A					II	0,9	V	0,8	
54C	1	1A	I^2	3,2			II	0,5	V	0,8	
55B	1	1A					III	0,9			3,2
55C	1	1A			IIIC	1,4			V	1,7	4,6
56C	1	1A	I^2	3,2					V	1,7	
58C	1	1A					II	0,5			0,5
59B	1	1A			IIIC	2,8			V	0,8	
59C	1	1A					III	0,9			0,5
60D	1	3			IIIC	1,4	II	0,5			
61A	2	2A	III	2,5			III	2,9			
61B	1	1A	I^4	1,3	IIB	1,8	III	15,2			
					IIIB	5,1	II	3,1			
					IIIC	1,4					
61B	1	3			IIB	1,8	II	0,5			
					IIIC	1,4					
61B	2	2A	III	1,2			III	1,9			
61B	3	2A	III	1,2	IIB	1,8					
66D	1	1			IIIC	1,4			IV	+	
67B	1	1			IIIB	1,7	II	0,5			
68B	1	3			IIIC	1,4	II	0,5			
71B	1	1A							V	0,8	0,9
73B	2	1	I^4	1,3					IV	+	
74B	1	1A			IC	6,3	II	0,9			0,5
					IIA	5,4					
					IIB	5,3					
					IIIA	10,7					
75B	1	1A			IIA	1,8					0,9
					IIB	14,0					
76B	1	1A			IIIA	3,5					0,5
77C	1	1A			IIB	3,5	III	0,9			
78C	1	1A			IIB	1,8	II	0,9			
80C	1	1A							V	4,1	1,4
82C	1	1							V	0,8	0,5

и этой культурно-исторической областью (Сиалк V датируется приблизительно 1200—1000 гг. до н. э.), по-видимому, будет заполнен после дальнейших исследований памятников Северо-Восточного Ирана.

I. L. Stankévitch

CARACTÉRISTIQUE COMPARATIVE DES ENSEMBLES CÉRAMIQUES DE CERTAINS MONUMENTS IRANIENS DE IIIe—IIe MILLÉNAIRES AVANT NOTRÉ ÈRE

Résumé

L'article est consacré à l'analyse de la céramique des couches datant de l'Age du bronze provenant des cinq monuments de l'Iran tels que Hissar, Shah-Tepé, Khurvin, Sialk et Gian. Les types de récipients dégagés à la base d'une classification unique ont permis de comparer les monuments étudiés et de suivre les parallèles «céramiques» des couches se rapportant à un monument isolé aussi que les paralleles entre les monuments eux-mêmes. Le travail effectué confirme la supposition de T. Young sur l'existence des traits communs entre Sialk V, Khurvin et Giyan I^4—I^2 et aussi sur les rapports génétiques-possibles entre ces monuments et ceux plus anciens de l'Iran nord-est (Hissar, Shah-Tepé).

ЯН ДОМБРОВСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНЫХ СВЯЗЕЙ ЛУЖИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопрос о связях лужицкой культуры с восточными соседями обсуждается в специальной литературе уже несколько десятилетий. По понятным причинам занимает он главным образом археологов, работающих над проблемами эпохи бронзы и раннего железа Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. На раннем этапе дисскуссии преобладала тенденция к переоценке роли лужицких воздействий на Восток. По мере накопления материалов стала очевидной неосновательность концепции о значительном влиянии этой культуры на древнее население многих областей Европейской части СССР. Сейчас у некоторых исследователей появилась другая крайность — отрицание вообще каких бы то ни было лужицких воздействий на Восток (за исключением небольшого количества бронзовых импортов). Пока почти полностью отсутствует анализ обратных воздействий, т. е. рассмотрение восточных элементов в лужицкой культуре. А ведь только анализ связей и влияний, идущих в обоих направлениях, позволит понять взаимоотношения культур эпохи бронзы на указанных территориях. Правда, на современном уровне наших знаний нельзя надеяться на окончательное решение многих возникающих в этой связи вопросов. Тем не менее существующие (хотя и не всегда еще опубликованные) данные дают возможность рассмотреть эти вопросы по крайней мере частично. Наиболее отрывочны сведения для Литвы и Белоруссии. В то же время заметный рост исследований и публикаций материалов из восточной Польши и Украины значительно увеличил за последние годы нашу источниковедческую базу для данной территории. Автор ставит перед собой задачу вновь начать дискуссию по некоторым вопросам, опираясь на известные сегодня новые факты. Даже частичное их решение будет полезно для установления хронологии и родства рассматриваемых культур. В дальнейшем такие исследования могут иметь значение при рассмотрении археологического аспекта этногенеза славян, который обычно связывается именно с данной территорией и с данным периодом.

Переходя к рассмотрению самой темы, следует указать на слабую изученность шести восточных групп лужицкой культуры. Эти группы в целом, несомненно, отличаются от западных, что вызывает споры по поводу характера упомянутых различий и их причин. Говорят даже о возможности разделения лужицкой культуры на какие-то более мелкие единицы [1]. К восточным группам лужицкой культуры в последнее время часто причисляют также и высоцкую культуру [2]. Однако если учесть своеобразие погребального обряда последней и (несмотря на заметные лужицкие влия-

[1] A. Cardawski. Zagadnienie ciaglości osadniczej, kulturowej i etnicznej w międzyrzeczu Odry-Dniepru od II okrekiepoki-brązu do VI/VII wieku n. e. I Międzynarodowy Kongres Archeologii Stowiańskiej, I, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, стр. 224, табл. II, III.

[2] Z. Bukowski. W sprawie genezy i rozwoju grupy wysockiej kultury łużyckiej. AP, XI, 1966, стр. 28.

ния) своеобразие всего археологического материала, то такая классификация вызывает серьезные возражения. Поэтому по методическим причинам высоцкую культуру следует рассматривать как особую единицу, имеющую интенсивные связи с западными соседями. Автор считает, что лужицкая культура распространяется на Востоке до следующих территорий: мазурско-вармийская группа занимает Самбию и часть примыкающей области до самого устья Лыны и до Преголы [3]. В северной части Белостоцкого воеводства признаков лужицкой культуры не обнаружено: возможно, что там в это время существовала культура штрихованной керамики [4]. Стоянки мазовецко-подлясской группы в принципе не переходят через Буг; далее же к Востоку лужицкая керамика спорадически встречается на территории Полесья [5]. Вопрос о восточной границе лужицкой культуры всегда вызывает больше всего сомнений. Минимальное количество исследованных стоянок вызывает необходимость использовать в основном материалы случайных находок. В результате принадлежность этих памятников к лужицкой культуре установлена далеко не полностью (особенно в силу явного сходства этой керамики с керамикой соседних культур). Даже там, где культурная принадлежность объекта несомненна, трудно решить, представлена ли на этой территории группа постоянных поселений этой культуры или же мы имеем дело с разбросанными по периферии одиночными стоянками. Новейшие опубликованные до сих пор карты [6] этих сомнений не рассеивают. По существу количество бесспорных лужицких стоянок на Волыни и в Подолии составляет всего лишь около тридцати, тогда как по меньшей мере столько же местных стоянок — это памятники неопределенной культурной принадлежности [7]. Лужицкие памятники встречаются по верхнему Бугу вплоть до самых его истоков, и наиболее восточными следует сейчас признать несколько стоянок, расположенных по Стоходу, Стыру и Икве [8]. Пока трудно говорить о временных изменениях области распространения этой группы, поскольку отсутствует достаточное количество хорошо датированных материалов.

Необходимо обратить внимание и на хронологическую схему, которой пользуются обычно при рассмотрении этого материала. Достоверность применявшейся до сих пор схемы Монтелиуса (с поправками Костшевского) в последнее время поставлена под сомнение именно в отношении материалов из южной Польши, Волыни и Подолии [9]. В действительности здесь сле-

---

[3] J. Dąbrowski. Zabytki metalowe epoki brązu między dolną Wisłą a Niemnem. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, карта 7, стр. 156.

[4] Informator Archeologiczny. Badania 1967 r. Warszawa, 1968, стр. 13 сл.

[5] J. Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Jażdżewski. Pradzieje Polski. wyd. II, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, карта, рис. 76; Ю. В. Кухаренко. Полесье и его место в процессе этногенеза славян. I Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowiańskiej, I, стр. 244.

[6] Нариси стародавньої історії Української РСР. Киев, 1959, карта 5; M. Gedl. Uwagi o kulturze łużyckiej w dorzeczu Sanu, Wieprza i górnego Bugu. SprA, XIV, 1962, рис. 1—2; Z. Bukowski. Ук. соч., карта 2.

[7] Тут опущены стоянки, ошибочно относимые к лужицкой культуре, такие, как Звеногород (L. Kozłowski. Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939, стр. 57, табл. XXII, 5) и Луцк (найденные там сосуды принадлежат культуре шаровидных амфор; І. К. Свешніков. Мегалітичні поховання на західному Поділлі. Львів, 1957, стр. 22, табл. III, *2*).

[8] T. Sulimirski. Zagadnienie ekspansji kultury łużyckiej na Ukraine. WA. XIV, 1936, стр. 44, табл. XII, *6, 7;* ZOW, XI, 1936, стр. 161; J. Głosik. Wołyńsko-podolskie materiały z epoki kamiennej i wczesnej epoki brązu w Państwowym Muzeum Archeologicznym w Warszawie. MS, VIII, 1962, стр. 151; В. И. Канивец. Памятники лужицкой культуры на территории западных областей Украины. КСИА, 2, 1953, стр. 44; Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д1-29, М., 1961, стр. 66.

[9] Z. Bukowski. Ук. соч., стр. 29 сл. Автор предлагает ввести сюда схему. Довольно похожую, но, пожалуй, слишком общую схему применяет M. Gimbutas. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris-the Hague — London, 1965, стр. 32 сл.; ко времени окончания написания этой статьи (март 1969 г.) не вышел еще из печати текст реферата, разработанного коллективом авторов на VII Между-

довало бы использовать совсем другую схему как из-за преобладания бронз, явно происходящих с юга (а следовательно, не подлежащих классификации по системе Монтелиуса — Костшевского), так и из-за своеобразия керамического материала. Наличие в Поднестровье и южной Польше металлических предметов, генетически выводимых из-за Карпат, уже давно предполагавшееся археологами, подтвердилось теперь и результатами анализа металла [10]. Недавно была сделана попытка выделить на этих территориях комплексы типа Косидер и Римавска Собота [11], что имеет большое значение для установления точной хронологии комаровской и ранних фаз лужицкой культуры. Это тем более существенно, что как в комаровской, так и в тшинецкой культуре сильные влияния закарпатских центров выступают не только в металлургии, но и в керамике [12]. Следует также принять во внимание и возможность использования для построения хронологии предметов, близких по облику изделиям с территории Молдавии. В настоящей работе автор оперирует абсолютными датами, а не дефиницией этапов относительной хронологии. Однако продолжающаяся дискуссия относительно достоверности этих дат, значительно расходящихся у разных исследователей, заставляет поставить вопрос, не являются ли эти определения преждевременными. Появившиеся за последнее время в литературе попытки абсолютной датировки только целых фаз и горизонтов (а не отдельных стоянок) являются, пожалуй, наиболее правильным решением вопроса.

В свете вышеизложенного становится ясно, что определение хронологических рамок и принципов хронологического разделения для восточных групп лужицкой культуры сталкивается еще со значительными трудностями. В Самбии и на соседних территориях мазурско-вармийская группа появляется в IV периоде эпохи бронзы, т. е. в X в. до н. э., и продолжает существовать в гальштате-Д, т. е. в VI и V вв. до н. э. [13] Ее керамика с самого начала имеет определенные местные черты; например, значительная роль ногтевого орнамента (рис. 1, *6*). Металлические предметы можно в принципе датировать по схеме Монтелиуса. Несколько иначе обстоит дело для районов, расположенных на юге. На всей этой территории в III периоде эпохи бронзы и, видимо, во второй его половине, т. е. в XII в. до н. э., на базе тшинецкой культуры возникают локальные группы лужицкой культуры (северомазовецкая, мазовецко-подлясская, ульвовецкая, а возможно, и тарнобжегская). Среди этих наиболее ранних стоянок следует указать также Ульвовек, район Сокаль, относящуюся, наверное, к рубежу III и IV периодов эпохи бронзы, а также наиболее ранние материалы из

народном конгрессе доисториков и протоисториков (Прага, 1966), в котором авторы предлагают другую хронологическую схему, между прочим, и для рассматриваемых материалов.

[10] Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии восточной Европы. МИА, 132, 1966, стр. 86 сл.

[11] T. Sulimirski. Barrow Grave 6 at Komarów. «University of London Institute of Archaeology Bulletin», 4, 1964, стр. 183 сл.; I. Bona. Chronologie der Hortfunde vom Koszider Typus. AAASH, IX. 1958, стр. 236 сл.; T. Kemenczei. Die Chronologie der Hortfunde vom Typ Rimaszombat. AHOME, V, 1965, стр. 129 сл.; A. Mozsolics. Bronzefunde des Karpathenbeckens — Depotfundhorizonte von Hajdusamson und Kosziderpadlas. Budapest, 1967.

[12] A. Gardawski. Niektóre zagadnienia kultury trzcinieckiej w świetle wykopalisk w miégscowości Łubna, pow. Sieradz. WA, XVIII, 1951, стр. 43, рис. 33; T. Sulimirski. Corded Ware and Globular Amphorae North-East of the Carpathians. London, 1968, стр. 97 сл., рис. 29, *5, 7*.

[13] Данные о наиболее поздних стоянках ср., напр., A. Brinkmann. Begräbnisplatz bei Adl. Damerau. Sitz P., XXII, 1909, стр. 258 сл., рис. 173; W. Gaerte. Die «Lausitzischen» Flachgräberfelder Ostpreussens. «Prussia», XXIX, 1931, стр. 109, рис. 6; C. Engel. Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. I, Königsberg. 1935, стр. 251; Dane o stanowiskach najpóźniejszych por. np. O. Tischler. «Ostpreussische Grabhügel». I, SPOG, XXVII, 1887, стр. 123 сл., табл. I, II, IV.

могильника в Млынисках, Владимиро-Волынский район [14]. Конечный этап существования этих памятников следует отнести к латенскому периоду, а для Волыни и Подолья — к периоду гальштата-С [15], т. е. к VII в. до н. э. Следует, однако, подчеркнуть, что последняя датировка базируется в основном на типологическом анализе некоторых форм керамики (рис. 1, *1*, *3*) и, следовательно, недостаточно твердо установлена.

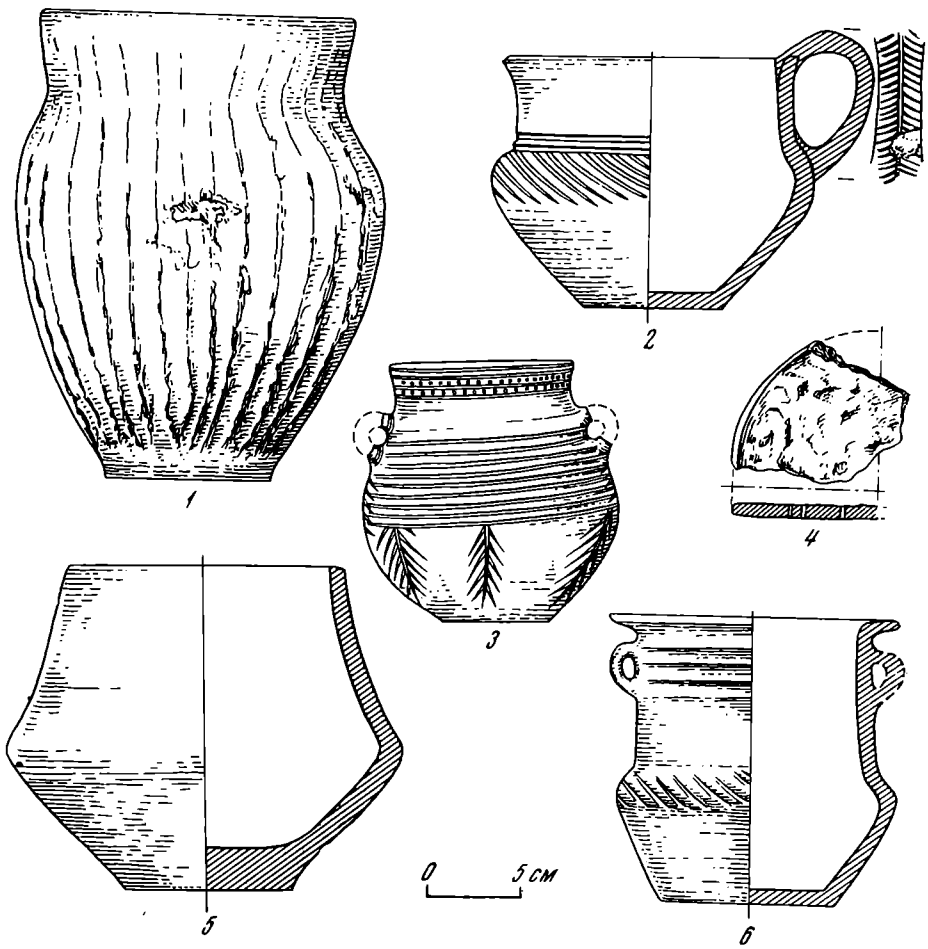


Рис. 1. Ранние (*2*, *4*) и поздние (*1*, *3*, *6*) лужицкие сосуды с территории СССР и керамика соседних групп (*5*, *7*)

1, *3* — Скважава; *2*, *4* — Ульвовек; *5* — Могиляны; *6* — бывш. Ильникен; *7* — Малые Викнины
(по А. Цынкаловскому, З. Дурчевскому, Т. Сулимирскому, М. Ю. Смишко и О. Тышлеру)

Не исключена и возможность существования еще одной наиболее восточной группы лужицкой культуры: так как насколько материалы из Ульвовека (рис. 1, *2*, *4*) проявляют отчетливую связь с керамикой и формами погребений Люблинщины [16], настолько керамика из Млыниск [17] (рис. 2) отличается явным своеобразием. Это единственный опубликованный более или менее крупный памятник из данного района, и в материа-

[14] A. Gardawski. Wyniki prac wykopaliskowych przeprowadzonych w 1952 roku w mie jscowości Trzciniec, pow. Puławy. WA, XX, 1954, стр. 391 сл.; M. Gedl. Uwagi... стр. 335; T. Węgrzynowicz. Cmentarzysko kultury łużyckiej w Młyniskach, dawniej pow. Włodzimierz Wołynski. WA, XXIX, 1963, стр. 21 сл.

[15] J. Kostrzewski. Zogadnienit ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach. Poznań, 1961, стр. 113.

[16] M. Gedl. Szkieletowy obrządek pogrzebowy w kulturze łużyckiej. Kraków, 1964, стр. 34, карта 1.

[17] A. Cunkałowski. Materiały do pradzitijów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961, стр. 94 сл., табл. X и XI; T. Węgrzynowicz. Cmentarzysko..., стр. 9 сл.; Ю. М. Захарук. Дослідження памяток доби бронзи та раннего заліза на Волини в 1950 р. АП, VI, 1956, стр. 21, табл. 1.

лах его с самого начала проявляются несомненно характерные местные черты (рис. 2, *3*, *6*). Аналогичные или близкие находки известны и на других памятниках (рис. 2, *1*, *2*, *4*, *5*). Формы керамики и ее орнаментика указывают на более тесные связи этого материала с ульвовецкой группой Любельщины, чем с тарнобжегской из Жешовщины. Поэтому дальнейшие исследования стоянок могут, видимо, подтвердить предположение о существовании волынской (волынско-подольской?) группы лужицкой культуры.

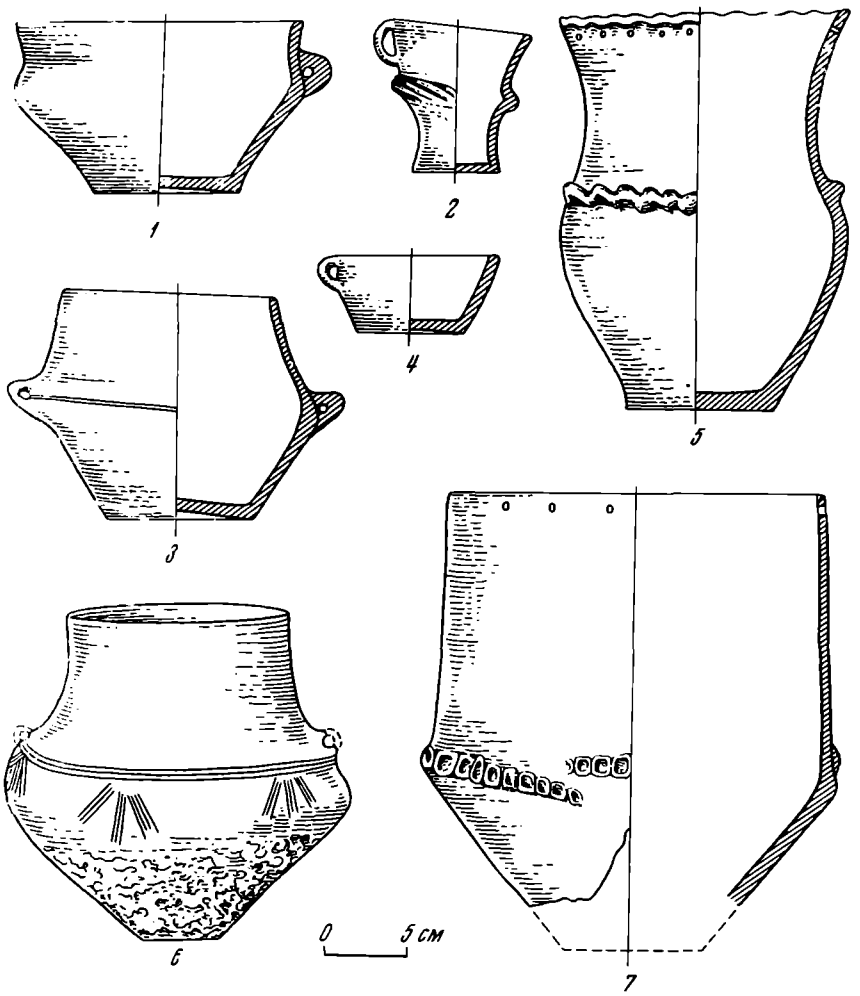


Рис. 2. Керамика из Млыниск (по Т. Венгриновичу и А. Цынкаловскому)

Интересное исключение представляет собой объект из Скважавы, район Жулкев (рис. 1, *1*, *3*). Его рассматривают обычно как результат влияний верхнесилезско-малопольской группы в раннежелезном веке [18]. Наличие этой посуды в окрестностях Львова непосредственно связано с проблемой лужицких воздействий на высоцкую культуру. Материалы из Скважавы довольно резко отличаются от форм ульвовецкой и предполагаемой волынской групп. Сходство с тшинецкой и комаровской керамикой, заметное в указанном материале [19], говорит скорее о местном происхождении обеих групп. Наконец, вопрос о связях комаровской культуры на разных этапах ее существования с лужицкой культурой требует еще дальнейшего исследования хотя бы из-за того факта, что территории распространения обеих культур частично перекрывают друг друга [20].

[18] Z. Durczewski. Grupa górnośląski-małopolska kultury łużyckiej w Polsce. I. Kraków. 1939—1946, стр. 153, рис. 8; II, Kraków, 1948, табл. LV, *39*; LVII, *21*; XLVII, *10*.

[19] A. Gardawski. Wyniki prac..., стр. 391, табл. XLVII; T. Sulimirski. Corded Ware.., стр. 98.

[20] I. K. Swieszników. Kultura komarowska. AP, XII. 1967, рис. 1.

Иначе выглядит вопрос о бронзовых изделиях. Они распространялись на большие расстояния и известны в областях, весьма отдаленных от лужицкой культуры (рис. 3, *1, 8*). Существенно и то обстоятельство, что на этих далеких территориях появляются подражания им и возникают местные формы [21], осложненные внешними влияниями (рис. 3, *4, 9*). Подобные явления имеют на территории Европы повсеместное распространение. В пределах всей лужицкой культуры они отмечаются доминантой влияний

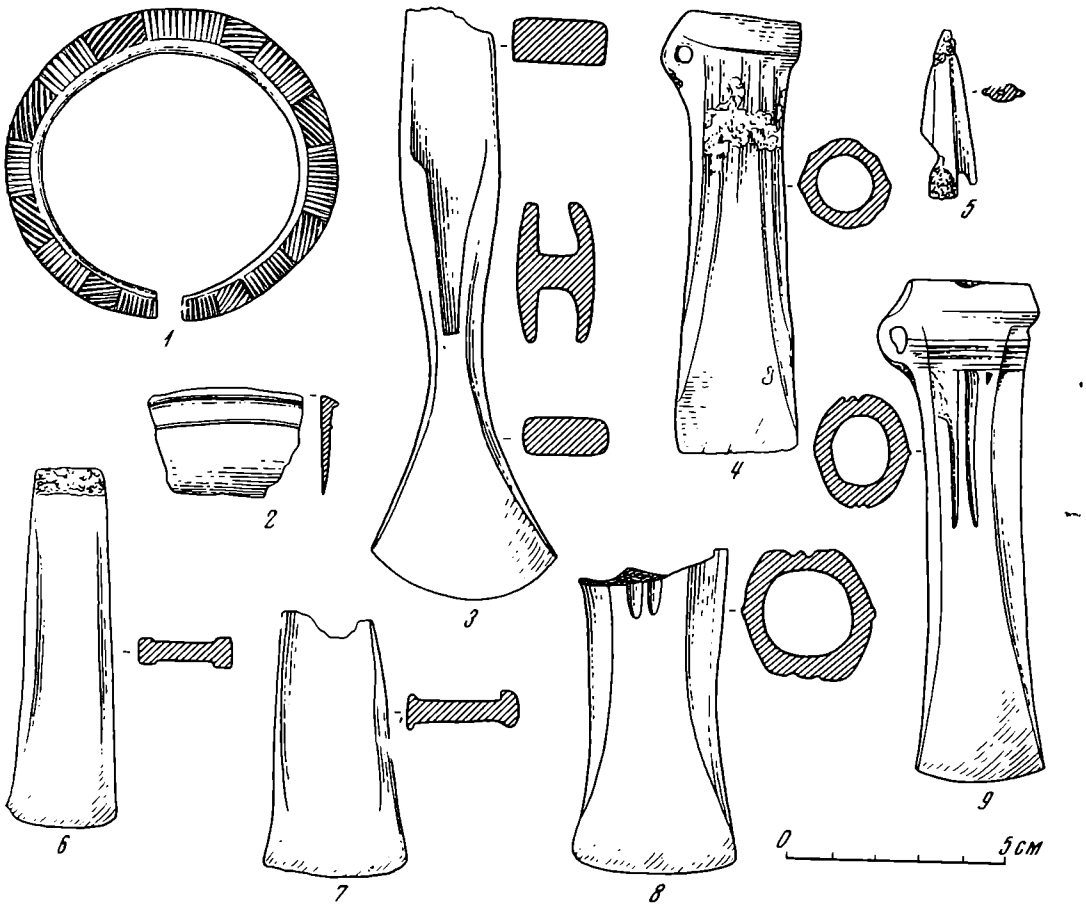


Рис. 3. Избранные бронзовые предметы

1 — Минск, браслет; *2, 7* — Липлява, фрагмент серпа и топор с низкими закраинами; *3* — окрестности Канева, топорик с пяткой; *4* — Бондюха, локальный вариант лужицкого кельта; *5, 9* — Пены, фрагмент наконечника копья и местный вариант лужицкого кельта; *6* — Сандраки, топорик с низкими закраинами; *8* — Медведовка, обломок лужицкого кельта
(по О. Ф. Лагодовской, А. Лиссауру, А. И. Тереножкину и К. Журовскому)

скандинавских центров на ее северную часть и придунайских на южную [22]. О влияниях семиградских и молдавских на поднестровский металл речь шла уже выше. Можно с уверенностью сказать, что на Волыни и в Подолии встречаются характерные лужицкие изделия из металла [23], а также некоторые местные их варианты (рис. 3, *4*). В противоположность этому

[21] T. Sulimirski. Zagadnienie ekspansji... стр. 47 сл.; А. И. Тереножкин (Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 130) резонно ставит под сомнение название «Топоры лужицко-украинского типа», однако влияние лужицких кельтов на формирование ряда вариантов одноушковых кельтов Украины — бесспорный факт. Примером этого может служить топор из Пены (ОАК за 1913 г., стр. 189). За разрешение на его публикацию приношу благодарность дирекции Гос. Эрмитажа.

[22] J. Kostrzewski, W. Chmielewski, K. Jażdżewski. Pradzieje..., стр. 120.

[23] K. Zurowski. Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. PA, VIII, 1949, стр. 207 сл., карты II и III; T. Sulimirski. Corded Ware.... стр. 95. Из этого списка следует исключить клад из Хеба, Чехословакия (І. К. Свешніков. Два бронзові скарби з станіславської області. МДАПВ, 3, 1961, стр. 57).

в течение всего времени существования мазурско-вармийской группы [24] в Самбии действует центр, который производит бронзовые предметы, имеющие местные черты и копирующие общие лужицкие формы. В продукции этого центра заметны северные влияния. На территории других восточных групп лужицкой культуры металлургическое производство еще надлежащим образом не исследовано. Пока выделено небольшое количество местных типов. Очень мало имеется остатков литейных форм и орудий для обработки бронзы. Частично это результат недостаточности археологических исследований, частично это связано, несомненно, с более редкой встречаемостью здесь бронзовых изделий (это особенно касается групп мазовецко-подласской и ульвовецкой). Кремневые и каменные изделия были, без сомнения, более распространены в восточной, чем в западной Польше. Кремневое производство лужицкой культуры еще слишком слабо изучено, чтобы можно было дать здесь его детальную характеристику. Поэтому скажем только, что на многих стоянках имеются отчетливые признаки применения кремневых изделий носителями лужицкой культуры. Это, несомненно, одна из черт, связывающих лужицкую культуру с ее восточными соседями. Особенно нужно принять во внимание параллели с территорией Белоруссии, где так редко встречаются бронзовые вещи [25].

Несколько слов следует уделить и раннему железному веку, а точнее, проблематике поморско-подклошовой культуры на территории Полесья, Волыни и Подолии [26]. Тема эта в последнее время рассматривалась многими авторами, но для настоящей работы наиболее важен вопрос о степени присутствия лужицких элементов в местных материалах. Общая их связь с лужицкой культурой несомненна. Вызывает споры только характер этих связей [27]. Равным образом дискуссионным является вопрос об участии местных лужицких элементов в демонстрирующей известное своеобразие восточной группе поморско-подклошовой культуры. О существовании подобного рода связей наводят на мысль некоторые опубликованные раньше образцы керамики [28]. Дальнейшее исследование материалов обеих культур позволит выяснить возможность образования на той территории хотя бы некоторых черт местной группы поморско-подклошовой культуры.

Что же касается более дальних связей лужицкой керамики, то прежде всего обращает на себя внимание спорадическое появление на широкой территории керамики с шероховатой поверхностью [29]. Эта техника обработки сосудов (рис. 2, *1* и 2, *6*) считается характерной для лужицкой керамики и была здесь воспринята от нее (или от поморско-подклошовой культуры). В области форм, таких, как кубки, тюльпановидные сосуды,

---

[24] J. Dąbrowski. Z problematyki wytwórczości metalurgicznej epoki brązu w północno-wschodniej Polsce i na terenach sąsiednich. AP, XIII, 1968, стр. 170 сл.

[25] Э. М. Загорульский. Археология Белоруссии. Минск, 1966, стр. 36 сл. Типично лужицкие топорики из камня встречаются и на восточной периферии этой культуры. ZOW, XIV, 1939, стр. 70.

[26] T. Dąbrowska. Stan i perspektywy badań późnego okresu lateńskiego na terenie Lubelszczyzny. «Zagalnienia okresu lateńskiego w Polsce». Kraków, 1968, карта 1.

[27] Изложение этой дискуссии см. у Z. Bukowski. Wschodni zasięg form kloszowych i pomorskich. AP, XIII, 1967, стр. 358 сл.

[28] Ю. В. Кухаренко. Памятники..., стр. 9 сл., табл. 5, 6, 7; Z. Bukowski (Wschodni zasięg..., стр. 374) высказывается за существование связей, которые отрицает В. Б. Никитина (Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине. СА, 1965, 1, стр. 205).

[29] Данные об этом можно найти: P. Kulikauskas. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961. AB-S, 2, 1965, стр. 219 сл., рис. 7; А. Н. Москаленко. Некоторые итоги работ на Архангельском городище Воронежской области в 1952—1953 гг. «Из истории Воронежской области». Воронеж, 1954, стр. 63; С. С. Березанська. Кераміка білогрудівської культури. «Археологія. XI, 1964, рис. 2, *2*; Е. Ф. Покровська, Е. О. Петровська. Поселення кінца эпохи бронзи біля с. Велика Андрусівка. «Археологія», XIII, 1961, стр. 137, рис. 5, *7* и 6; К. П. Шут. Городища эпохи раннего железа на северо-западе Белоруссии. «Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР». Минск, 1967, рис. 5, *1, 2, 8*.

ситовидные сосуды, миски и кувшинчики, существует, без сомнения, ряд отчетливых сходств между культурами белогрудовско-чернолесской и лужицкой. Однако против трактовки этого как доказательства влияний одной из упомянутых культур на другую свидетельствуют по крайней мере два факта: во-первых, возможность случайного совпадения в результате одинаковой функции данных сосудов (например, мисок); во-вторых, керамические параллели легче улавливаются археологически. Обе вышеуказанные культуры выводят из явлений очень между собой схожих, а может, даже и идентичных. В последнее время в литературе появляется все больше высказываний о «восточной и западной группе тшинецкой культуры», о «культуре восточнотшинецкой» или же о «тшинецко-комаровско-сосницком круге» [30]. Они свидетельствуют о том, что исследователи обратили внимание на сходство культурного развития на территории Повисленья и части Поднепровья в средний период эпохи бронзы. Следствием этого действительно может быть большое сходство культур, развивающихся на базе тшинецко-комаровско-сосницкого комплекса. В области керамики сходство это может проявиться как в формах сосудов, так и в их орнаментации. Независимо от этих факторов на территории Украины мы наблюдаем известные лужицкие влияния в области форм и украшения сосудов, хотя они, несомненно, слабее, чем южные влияния [31]. Наличие одиночных форм керамики, таких, как биконические сосуды, нисколько не удивительно и хорошо увязывается с тем, что говорилось об области распространения керамики с шероховатой поверхностью (chropowaconej). Возможно, что лужицкое влияние сказывается и в спорадическом появлении глиняных птичек, хотя вопрос о генезисе погремушек, которые известны и с территорий, удаленных от области распространения лужицкой или высоцкой культур, неясен [32].

Значительная часть лужицких бронзовых предметов, найденных восточнее границ этой культуры, попала туда с территории Польши. О значительной части этих находок уже не раз говорилось в литературе. Однако здесь требуется сделать одно предупреждение. Многие из этих вещей происходят из частных коллекций XIX в. и поэтому требуют сугубой осторожности при определении мест их находок. В некоторых из таких коллекций удивительно много металлических предметов среднеевропейского производства, обозначенных как происходящие из неизвестных мест: эти предметы можно принимать во внимание лишь после тщательного критического рассмотрения [33].

Необходимо остановиться и на вопросе о датировке самых поздних топоров с закраинами с восточных территорий (рис. 3, *6*, *7*). В восточной Польше и в Литве они продолжают бытовать даже до IV периода эпохи

---

[30] Z. Bieriezanska. Osada kultury wschodniotrzcinieckiej nad Dnieprem. ZOW, XXXIII, 1967, стр. 205; J. Gurba. Z zagadnień kontaktów między kulturami w początkach epoki brazu na obszarze Europy środkowej. MRAS, I, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, стр. 205; A. Gardawski. Zagadnienie ciągłości..., стр. 228 и карта на табл. V (требующая, однако, дополнений, особенно для северных областей). Часть этих стоянок рассматривает M. Gimbutas (Bronze Age..., стр. 409 сл.), однако никак нельзя согласиться с ее выводами относительно области распространения и этнической принадлежности этой культуры.

[31] В. Д. Рыбалова. К вопросу о хронологии некоторых групп памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине. «Археологический сборник», II, 1961, стр. 14; А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 198 сл.

[32] С. С. Березаньска. Кераміка..., стр. 165 сл., рис. 18, *6*; В. И. Левенок. Юхновская культура..., СА, 1963, 3, стр. 91, рис. 1. *21*; Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 223, рис. 83, *19*.

[33] Это касается, например, коллекции Хойновского (J. Choynowski. Słowianie w czasach przedhistorycznych. II, Warszawa, 1904, стр. 22 сл.); следует также напомнить, что лишь совсем недавно было установлено, что лужицкий кельт в состав клада из Коблева не входит (И. Т. Черепов. Из истории бронзолитейного производства в Северном Причерноморье, ЗОАО, II, 1967, стр. 23 сл.).

бронзы [34]. Для датировки экземпляров с низкими и высокими закраинами, найденных на Украине, пока нет достаточных данных. Однако и здесь они продолжают существовать так долго [35], что часть их вполне могла попасть туда через посредство лужицкой культуры. Несомненно, что именно от лужицких племен попало на территорию СССР большинство топоров с пяткой (рис. 3, *3*) и с крылышками, хотя некоторые их варианты изготовлялись и в прибалтийских странах [36]. О влиянии так называемых «лужицких кельтов» на местную продукцию (рис. 3, *4*, *7*) говорилось выше. Их локальные варианты или явно привозные формы (рис. 3, *8*) встречаются на обширной территории. Имел место и прямой импорт лужицких копий и серпов (рис. 3, *2*) [37]. Несомненно и проникновение на восток типичных для лужицкой культуры украшений (рис. 3, *1*) начиная со среднего периода эпохи бронзы [38]. Обычно к лужицким импортам относят булавки со спиральной головкой, крупные браслеты с такими же концами, желобчатые (tordowane) браслеты и гривны. Булавки со спиральной головкой могли появиться уже на ранних этапах эпохи бронзы [39], а затем перейти в инвентарь более поздних культур. Что же касается крупных браслетов со спиральными концами, то бо́льшая часть находок с территории СССР имеет концы из проволоки округлого или овального сечения. В то же время почти все аналогичные вещи из восточной и средней Польши имеют концы из четырехгранной проволоки [40]. Следовательно, экземпляры с Волыни, Подолии и более удаленных территорий являются местными формами, восходящими к закарпатским. Бронзовые желобчатые гривны появляются не только в культурах, в которых несомненно чувствуются лужицкие влияния, но и там, где такие влияния минимальны и существуют доказательства производства их именно в этих отдаленных центрах [41]. В этих же районах изготовляли кельты меларского типа, встречавшиеся с такими же гривнами даже в Поволжье [42]. Оставляя пока в стороне вопрос о связи этих гривен с Кавказом, следует указать на наличие подобных украшений в скандинавских странах [43].

---

[34] J. Kostrzewski. Skarby i luźne zsaleziska metalowe od eneolitu do wczesnego okresu zelaza z górnego i środkowego dorzecza Wisły i górnego dorzecza Warty. PA, XV, 1964, стр. 13; J. Puzinas. Naujausiu proistoriniu tyrinejimu duomenys. «Sanove», IV, 1938, стр. 200 сл., рис. 15, *2* и 17, *1*.

[35] О ранней их дате свидетельствует синхронный комплекс из Новопавловки (A. M. Tallgren. La Pontide prescythique aprés l'introduction des métaux. ESA, II, 1926, стр. 178, рис. 81; T. Sulimirski. Barrow Grave..., стр. 186), тогда как со временем лужицкой культуры совпадает клад из Абрамовки (К. Мельник. Каталог коллекции древностей А. Н. Поль в Екатеринославе. Киев, 1893, стр. 34; T. Sulimirski. Corded Ware..., стр. 95).

[36] T. Sulimirski. Corded Ware..., стр. 95, рис. 35; C. F. Meinander. Die Bronzezeit in Finnland. SMYA, 54, 1954, стр. 21 сл., рис. 5—6, табл. 7*f*.

[37] А. И. Тереножкин. Предскифский период.., стр. 128 сл., рис. 87, 92 и 95; Я. Граудонис. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига, 1967, стр. 94 сл., табл. XXIII, *2*, *3*; T. Sulimirski. Barrow Grave..., стр. 183 сл., рис. 5; P. Kulikauskas, R. Kulikauskiene, A. Tautavičius. Lietuvos Archeologijos Bruožai. Vilnius, 1961, стр. 102 сл., рис. 63, 64.

[38] В. Д. Рыбалова. О связях правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа. Сб. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 82 сл.; A. Lissauer. Althertümer der Bronzezeit in der Provinz Westpreussen und den angrenzenden Gebieten. Danzig, 1891. стр. 12, табл. IV, *9*.

[39] I. K. Swiesznikow. Kultura komarowska..., стр. 68, табл. XVI.

[40] A. Gardawski, K. Wesołowski. Zagadnienia metalurgii kultury trzciniec-kiej w świetle «skarbów» brązowych z Dratowa, pow. Puławy i Rawy Mazowieckiej. MS. I, 1956, стр. 81, табл. XXXVIII, XXXIX.

[41] О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 78; Е. А. Шмидт. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий в железном веке. Автореф. дис. М., 1963, стр. 17.

[42] А. Х. Халиков. Очерки истории населения марийского края в эпоху железа. Тр. МАЭ, Йошкар-Ола, 1962, стр. 34 сл., табл. I, *1*, *2*, *4*, *5*; XI, *2*, *3*, *7*.

[43] E. Baudou. Die regionale und chronologische Einteilung der jüngeren Bronzezeit im Nordischen Kreis. Stockholm, 1960, стр. 55 сл., табл. XI, карты 35, 36.

В эпоху бронзы на периферии больших культурных единиц возникают, как правило, меньшие культуры или группы, материалы которых имеют ярко выраженный переходный характер по отношению к более дальним культурным единицам. То же было и на восточной периферии лужицкой культуры. Первой такой единицей может быть высоцкая культура. Многочисленные находки кремневых наконечников, иногда даже вместе с железными предметами [44], подтверждают значительную роль кремня в местном инвентаре. Наличие металлических предметов лужицкого происхождения в комплексах высоцкой культуры общеизвестно. Однако в ее инвентаре существуют и характерные местные металлические изделия. Известна здесь и мастерская литейщика-металлурга [45]. В специальной литературе считается также общепринятым положение о лужицких влияниях на высоцкую керамику. В керамике этой тем не менее намечаются многочисленные южные и восточные влияния, хотя анализ генезиса всего этого материала в целом ждет еще своей разработки. Отметим лишь три момента, существенные для оценки лужицких воздействий на высоцкую керамику. Во-первых, обилие узора «елочки» на высоцкой керамике: этот орнамент может считаться одной из характерных черт лужицких материалов (рис. 2, *3*) [46]. Во-вторых, факт очень редкого появления в высоцких могильниках керамики с шероховатой поверхностью, что находится в явном противоречии с памятниками лужицкой культуры [47]. Интересным дополнительным обстоятельством является то, что именно на сосуде с шероховатой поверхностью из Высоцка был зафиксирован типично белогрудовский орнамент, в силу чего форма эта уподобляется сосудам из Могилян (рис. 1, *5*). Третья черта — наличие в инвентаре захоронений высоцкой культуры большого количества миниатюрных крутопрофилированных биконических сосудов, часто богато украшенных орнаментом. Такие формы неизвестны у соседних групп лужицкой культуры. Мы встречаем их только в материалах верхнесилезско-малопольской группы [48]. Следует напомнить и об упоминавшейся выше стоянке с материалами этой группы из Скважавы (рис. 1, *1*, *3*). Таким образом, даже эти отрывочные наблюдения указывают на разнородность лужицких элементов в высоцкой керамике и на то, что с самого начала своего существования она проявляет своеобразные черты. Детальное рассмотрение данной проблемы невозможно до тех пор, пока для высоцкой культуры не будет разработана новая хронологическая схема [49].

Кроме высоцкой культуры на соседних территориях имеются и другие пока малоизвестные локальные группы, материалы которых демонстрируют лужицкие и восточные, а иногда и южные влияния на местную основу. Прежде всего назовем несколько стоянок, разбросанных между истоками Буга и Стира; часть их В. И. Канивец назвал группой Жуличи [50].

---

[44] T. Sulimirski. Kultura wysocka. Kraków, 1931, стр. 33 сл.

[45] Там же, стр. 98 сл.

[46] T. Węgrzynowicz. Cmentarzysko..., рис. 5*n*; T. Sulimirski. Kultura..., табл. XIII, *8*; XIV, *2* сл.

[47] Так, например, в инвентаре погребений 1—100 из Высоцка (T. Sulimirski. Kultura..., стр. 11 сл.) только один раз обнаружен сосуд с шероховатой поверхностью, что составляет 0,4% всех отмеченных в таких погребениях сосудов. В Млынских процент керамики этого типа составляет около 10 (T. Węgrzynowicz. Cmentarzysko..., стр. 20). В могильнике Топорницы аналогичные сосуды составляют 20% (J. Głosik. Gmentarzysko ciałopalne kultury łużyckiej z IV okresu epoki brazu w Toporncy, pow. Zamość. MS, III, стр. 158 сл.).

[48] Z. Durczewski. Grupa..., II, табл. LVI, *13*, *15*, *17*, *20*, *25*.

[49] Теперь общепринятой считается дата, предложенная В. И. Канивцем (В. И. Канивец. Вопросы хронологии высоцкой культуры. КСИА, 4, 1955, стр. 94 сл); сравни T. Sulimirski. Corded Ware..., стр. 96.

[50] В. И. Канивец. Памятники высоцкого типа как исторический источник. Киев, 1953 (архив ИА АН УССР); М. Смишко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. «Археологія», I, 1947, стр. 120 сл., табл. I, *2*; І. Д. Старчук. Розкоп-

Они относятся ко времени не ранее эпохи поздней бронзы. Ведущей формой керамики данной группы памятников являются биконические сосуды, украшенные рядом отверстий под венчиком, и на перегибе — налепным валиком с оттисками пальца. Это, без сомнения, местная адаптация формы, очень распространенной в восточных группах лужицкой культуры (рис. 2, *5*) и в белогрудовской культуре. О металле этой группы сказать пока ничего нельзя. Ее погребальный обряд сходен с лужицким (трупосожжение).

Вторую группу на территории юго-восточной части Волынского Полесья выделил М. Ю. Смишко после исследований в Могилянах [51]. Некоторые формы местной керамики отчетливо напоминают лужицкие сосуды, несмотря на отличающуюся от них орнаментацию (рис. 1, *5*). Несомненно, заимствована из лужицкой культуры и техника шероховатой обработки поверхности сосудов. В погребальном обряде здесь также господствует трупосожжение. Время появления этой группы сейчас можно определить концом эпохи бронзы или началом раннего железного века.

Наконец, весьма дискуссионным является вопрос о стоянке в Гончаровке, в особенности о материалах из той ее части, которую копал в 1952 г. В. И. Канивец [52]. В. Д. Рыбалова вполне справедливо указала на заметную связь этих материалов с лужицкой культурой. Однако действительно ли мы имеем здесь дело с могильником переходного этапа от лужицкой к высоцкой культуре? Не исключено, что это намек на существование еще одной, пока не изученной локальной группы, синхронной с ранним этапом лужицкой культуры.

Эти замечания, по необходимости краткие и дискуссионные, позволяют тем не менее прийти к выводу, что вдоль части восточной границы лужицкой культуры возникают небольшие культуры или локальные группы, носящие на себе отчетливый отпечаток воздействия лужицкой культуры, но, несмотря на это, вполне самостоятельные. Наилучшим (в силу более полной изученности) примером служит здесь высоцкая культура. По мере дальнейших исследований более полно будет освещен вопрос о группах Жуличи, Могиляны и, наверное, о Гончаровке. Такой же характер имеет культура среднего периода эпохи бронзы в Самбии и в части Литвы [53]. Для лужицкой культуры появление групп переходного характера подтверждено как для южной периферии, так и для западной. В меньшей степени это свидетельствует о миграциях [54] и в большей — о контактах параллельно развивающихся культур. Представленные на стоянках лужицкой культуры восточные элементы [55] указывают, что в данном случае речь идет о двустороннем воздействии.

К сожалению, именно эти вопросы изучены как раз гораздо хуже. Это связано с тем, что результаты исследований на Украине фактически начали публиковаться лишь после 1945 г., а в Белоруссии такие публика-

---

ки городища Пліснеська в 1947—1948 рр. АП, III, 1952, стр. 385, табл. I, *3*; Z. Bukowski. Wschodni zasięg..., стр. 353 сл., рис. 2 (автор, однако, относит ее к поморской культуре).

[51] М. Ю. Смишко. Погребения раннежелезного века в с. Могиляны Ровенской области. КСИА, 7, 1957, стр. 54; R. Rogozińska. Cmentarzysko kultury komarowskiej w Bukównie. «Materiały Archeologiczne», I, 1959, стр. 104, табл. VIII, *2*, *4*, *6*.

[52] T. Sulimirski. Kultura..., стр. 95 сл., табл. XIV, *25*, *30*; XVII *5*, *6*; XIX, *11*, *26*; XXV, *21*; В. И. Канивец. Вопросы хронологии..., стр. 94; В. Д. Рыбалова. К вопросу..., стр. 20 сл., рис. 8.

[53] S. De Laet. Archeologia i jej problemy. Warszawa, 1960, стр. 102.

[54] P. Laviosa-Zambotti. Ursprung und Ausbreitung der Kultur. Baden-Baden, 1950, стр. 54.

[55] J. Dabrowski. Materiały ze Strzyzowa. pow. Hrubiszow, a niektóre powiazania ziem Polski wschodniej i Ukrainy w późnej epoce brazu. MS, VIII, 1962, стр. 7 сл.; J. Głosik. O Surażu nad Narwią i o regionalnym miłośniku starożytności. ZOW, XXXIV, 1968, стр. 129 сл.

ции появляются только сейчас. Отсутствие сравнительных материалов и приводило, на наш взгляд, к тому, что восточные элементы в лужицкой культуре не замечались. Собственно говоря, более или менее полно изучены только скифские памятники, имеющиеся в Польше [56]. Однако скифские влияния служат предметом оживленных дискуссий, да и хронологически они выходят за рамки настоящей статьи. Нас интересует более раннее время.

Восточные влияния проявляются уже в тшинецкой культуре (главным образом в глиняных изделиях) [57]. Уже тогда намечается роль Приднестровья как одного из главных районов, через который шли в Польшу металлические изделия и сырье. С этой же территории проникали в Польшу и некоторые формы керамики, заметные уже в ранних лужицких материалах из Жешовского воеводства [58].

Несколько позднее в материалах восточных групп лужицкой культуры появляются элементы, воспринятые с Украины (Стшыжов) или из Прибалтики (Сураж). Наиболее часто ссылаются на два сосуда из центральной Польши, украшенные налепными валиками [59]. Однако нельзя согласиться с тем, что орнамент в виде отверстий под венчиком сосудов является элементом, воспринятым с Востока. В Польше (главным образом в восточной части страны) он встречается уже со времени тшинецкой культуры. Известен подобный орнамент в то же время и с территории Белоруссии [60]. Сходство проявляется и в воздействиях на керамику разных синхронных культур одних и тех же форм или орнаментов, происходящих из Подунавья. Этот процесс заметно усиливается в раннем железном веке, что в конце концов является результатом каких-то более общих тенденций культурного развития. Кроме того, типологическое развитие керамики на очень широкой территории проходило почти одинаково. Выше упоминалось о заимствовании фигурок птичек; могли ли быть выражением обратных заимствований редкие в лужицкой культуре фигурки животных [61], сказать трудно.

Несколько больше мы знаем о металлических импортах. Отчетливо сказывавшиеся в комаровской культуре влияния далеких восточных центров [62] на территории Польши того же времени почти незаметны. Подобные импорты появляются здесь значительно позднее. На ранних этапах лужицкой культуры чувствуется большая роль металлов, привезенных из-за Карпат. В этой связи крайне важным было бы исследование некоторых вариантов кельтов трансильванского типа, производившихся также на Украине, которые спорадически встречаются и на территории Польши [63]. Обращает на себя внимание распространение некоторых типов бронзовых

---

[56] Z. Bukowski. Nowe znaleziska «scytyjskie» z Polski. AP, IV, 1960, стр. 257 сл., карта на рис. 11—12.

[57] A. Gardawski. Plemiona kultury trzcinieckiej w Polsce. MS, V, 1959, стр. 132 сл.; С. С. Березанская. Рец.: A. Cardawski. КСИА, 11, 1961, стр. 96.

[58] M. Gedl. Sprawozdasie z drobnych prac archeologicznych na terenie województwa rzeszowskiego. SprA, IX, 1960, стр. 87, рис. 4, 5.

[59] S. Nosek. Zagadnienie Prasłowiańszczyzny w świetle prehistorii. «Swiatowit», XIX, 1947, стр. 68, табл. XLI.

[60] А. И. Тереножкин. Лужицкая культура и культура Среднего Поднепровья. КСИИМК, 67, 1957, стр. 14; A. Gardawski. Plemiona..., стр. 124 сл., табл. XII, *8*; XXI, *4*; XXIX, *3*; В. Ф. Исаенко, М. М. Чернявский. Новые данные по спорным вопросам бронзового века Белоруссии. «Белорусские Древности». Минск, 1967, стр. 156 сл., рис. 18, 25 и 73.

[61] R. Miklaszewska-Balcer, J. Miśkiewicz. Cmentarzysko kultury łużyckiej z miejscowości Podule, pow. Łask, stanowisko I. WA, XXXIII, 1968, стр. 103, табл. IX, *3*.

[62] I. K. Swiesznikow. Kultura komarowska..., стр. 64 сл., табл. V, *1*, *5*.

[63] M. Russu. Depozitul de bronzuri de la Balsa. «Sargetia», IV, 1966, стр. 17 сл., рис. 4; K. Zurowski. Zabytki brązowe.., стр. 180, табл. VIII, *5—7*; W. Szafrański. Skarby brązowe z epoki wspólnoty pierwotnej (IV i V okres epoki brązowej) w Wielkopolsce. Warszawa — Wrocław, 1955, стр. 110 сл., рис. 427, 431.

мечей, а также позднее появление булавок «кипрского» типа в культуре Ноа, на некоторых памятниках Закарпатской Руси и Польши [64]. Усиление воздействий металлургии приднепровских и более далеких центров наблюдается на территории Польши лишь с IX в. до н. э. Интересно, что проявляется оно в наплыве мечей и кинжалов, хотя часть их представляет собой, вероятно, местные изделия, изготовленные по чужим образцам [65]. Таким образом, это соответствует аналогичным процессам, происходившим при заимствовании лужицких образцов металлургами иных культур, о чем уже говорилось выше. Одновременно это означает, что скифские предметы, встречающиеся на польской территории, проникли туда по уже проторенным путям. С VII в. до н. э. на территории мазурско-варминской группы [66] возрастает число северо-восточных импортов. Происхождение некоторых бронзовых предметов из Польши является еще дискуссионным. Восточные импорты наверняка найдутся среди псалий, булавок и топоров. Неразрешен вопрос и о тех путях, какими доходили до Польши железные плоские топорики с боковыми выступами. Наконец, ждет решения вопрос о границах распространения кавказского влияния, которое, согласно литературе, чувствуется даже в Скандинавии [67]. Для выяснения вопроса, достигала ли кавказская медь столь удаленных территорий, большую помощь могли бы оказать большие серии металлургических анализов. Не подлежит сомнению, что изучение влияний, шедших в эпоху бронзы из Восточной Европы в Центральную, пока находится в начальной стадии и полная картина может быть получена лишь при значительном расширении таких исследований.

Значительная роль кремневых орудий, распространенность бронзовых изделий, заимствование и адаптация орудий труда, совпадение некоторых центров, воздействующих на местную металлургию,— все это элементы, указывающие на сходства некоторых аспектов хозяйственного развития культур Украины, Белоруссии и Литвы, с одной стороны, и Польши, особенно восточной,— с другой. О некоторых совпадениях в верованиях могут свидетельствовать погремушки, фигурки птичек и зверей, а также глиняные колесики от повозок [68], выступающие как материальное проявление культа. Богатые курганы тшинецкой культуры в Польше и комаровской на Украине указывают, по-видимому, на сходство в развитии социальной дифференциации. Равным образом можно было бы указать и на ряд различий. В конце концов при столь значительных климатических, почвенных и геоморфологических различиях, какие существуют и существовали на рассматриваемой громадной территории, проявление значительных локальных особенностей в хозяйстве не подлежит сомнению. В целом же налицо отчетливое совпадение в уровне развития рассматриваемых культур.

Параллели эти лучше всего, пожалуй, заметны в Польше в период существования тшинецкой культуры. После ее упадка похожие явления еще довольно долго имели место в Белоруссии и на Украине. Большинство же лужицких связей с Востоком выражается в существовании культур

[64] B. Kostrzewski. Znaczenie Odry w pradziejach. PA, VIII, 1949, карта XIV; R. Mikłaszewska-Balcer, J. Miśkiewicz. Cmentarzysko..., стр. 104, табл. XIX, *21*; XX, *22*; K. Beň a k o v i č. Hromadne nalezy z doby bronzovrej z uzemia na pravom brehu hornej Tisy. «Studijne Zvesti AU SAV». 4, 1961, стр. 26, табл. XIII, *13*.

[65] K. Zurowski. Zabytki brązowe..., стр. 171 сл.; табл. XXXII, *10*; A. Kunysz w ZOW, XXXII, 1966, стр. 57, рис. 10; H. Wiklak. Skarb brązowy z Podrybnic, pow. Sieradz, PMMAEŁ 9, 1963, стр. 123 сл., табл. 1, 5; V. Podborsky. Štramberska dyka s křižovym jilcem a otazka rozšiřeni, puvodu a datovani techto dyk v Evoropě. AR, 19, 1967, стр. 194 сл.

[66] J. Dabrowski. Zabytki metalowe..., стр. 43 сл., карта 15, табл. XIV, *8*; XXI, *9*.

[67] M. Gimbutas. Bronzt Age..., стр. 47 сл.; E. Nylen. Spiraltutuli, «Tor», 1961, стр. 53 сл.

[68] С. С. Березанська. Кераміка..., стр. 62; B. Mikłaszewska-Balcer, J. Miśkiewicz. Cmentarzysko..., стр. 38 сл., табл. IX, *3*, *20*, *21*.

или групп с отчетливым участием лужицкого компонента, которые возникли вдоль восточной границы лужицкой культуры. Несколько позднее усиливаются более далекие двусторонние воздействия, выразившиеся как в импорте бронзовых изделий, так и во влияниях на керамику. Они охватывают и лужицкую и поморско-подклошовую культуры. Интересна одна деталь относительно продолжительности связей этих территорий: керамика милоградской культуры демонстрирует отчетливые общие черты с керамикой западнобалтийской культуры раннего железного века.

Дальнейшие полевые работы, побликация уже полученных данных и более детальные типологические и хронологические исследования, без сомнения, осветят ряд неясных сегодня вопросов и позволят увидеть рассматриваемые связи в правильном свете.

Jan Dombrowsky

PROBLÈMES DES RELATIONS ORIENTALES DE LA CULTURE DE LUZYCE

Résumé

Bien que la discussion sur les relations entre les tribus appartenant à la culture de Zuzyce et leurs voisins orientaux dure depuis plusieurs dizaines d'années, ces relations restent toujours peu étudiées. Le cause essentielle en est l'étude insuffisante des groupes orientaux de la culture de Luzyce et l'absence presque totale des recherches consacrées à l'influence que la culture de leurs voisins orientaux excerce sur l'évolution de cette première. Cette dernière question est considérée dans l'article, partant de toutes les sources obtenues par les archéologues durant les dernières années au cours des recherches des documents archéologiques relatifs aux régions orientales de la Pologne et de celles limitrophes de l'Union Soviétique. Une attention particulière est attachée au problème de la chronologie et des rapports génétiques.

Д. С. РАЕВСКИЙ

СКИФСКИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В ИСКУССТВЕ И ИДЕОЛОГИИ ЦАРСТВА АТЕЯ

I

Существование у скифов развитой мифологии и эпоса не вызывает сомнений [1]. Но отсутствие собственно скифской письменности чрезвычайно сузило круг дошедших до нас образцов скифского фольклора. Фрагменты, известные нам в передаче античных авторов, бесспорно, ничтожная часть того богатства, какое некогда представлял этот фольклор.

Поэтому реконструкция самих преданий, их сравнительно-мифологический анализ, историческая интерпретация и т. д. возможны лишь при введении в оборот самых разнообразных источников. В этом плане весьма важными представляются труды исследователей, вскрывающих древние пласты дошедших до наших дней эпических циклов, например Нартского эпоса, в частности, работы В. И. Абаева [2]. Нельзя обойти вниманием и другой не менее важный источник — памятники искусства Северного Причерноморья скифского времени. Б. Н. Граков в свое время убедительно показал, что многие так называемые сцены из жизни скифов, украшающие знаменитые изделия торевтики из скифских курганов, — не что иное, как иллюстрация к скифским мифам и эпическим сказаниям [3]. В последние годы к подобному толкованию этих сцен склонился и М. И. Артамонов [4]. Указанный источник тем более ценен при изучении скифского фольклора, что позволяет иногда не только реконструировать утерянные мифы, но и проследить их эволюцию на разных этапах развития скифского общества.

Настоящая работа представляет собой попытку объяснить некоторые изображения названного круга как иллюстрации к одному из скифских мифов, а также проследить судьбу этого мифа в державе Атея [5].

Из всех дошедших до нас скифских преданий, пожалуй, лучше всего известна нам этногоническая легенда. Она сохранена древними авторами в разных редакциях и неоднократно служила предметом исследования Б. Н. Гракова, М. И. Артамонова, С. П. Толстова и других ученых. Нас интересует тот вариант, который Геродот приписывает припонтийским

---

[1] Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 7 сл.; В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада., М., 1956, стр. 82 сл.

[2] В. И. Абаев. Указ. соч.; его же. Сармато-боспорские отношения в отражении нартских сказаний. СА, XXVIII, 1958, стр. 54 сл.; см. также другие работы этого автора, посвященные Нартскому эпосу.

[3] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 7, 8.

[4] М. И. Артамонов. Антропоморфные божества в религии скифов, АСГЭ, II, Л., 1961, стр. 59 сл.; Сокровища скифских курганов. Текст М. И. Артамонова. Л.— Прага, 1966, стр. 61.

[5] Последняя задача была поставлена Б. Н. Граковым в названной статье. Настоящая работа, как мне представляется, подтверждает и дополняет сделанные им выводы.

грекам. В настоящее время общепризнано, что все известные нам редакции исконно скифские, но возникли в разной племенной среде [6].

Напомню содержание интересующего нас варианта легенды, местами дословно приводя текст Геродота, так как это необходимо для дальнейшего изложения.

Перегоняя быков Гериона, Геракл приходит в припонтийские области и в поисках пропавших лошадей попадает к местной богине — полудеве, полуехидне. От их союза рождаются три сына. При прощании с Гераклом богиня спрашивает его:

«9...„Расскажи мне, что делать с ними (сыновьями.— *Д. Р.*), когда они вырастут: поселить ли здесь (я одна владею этой страной) или отослать к тебе?" Так спросила она, и Геракл, говорят, сказал ей в ответ: „Когда ты увидишь сыновей возмужавшими, поступи лучше всего так: посмотри, который из них натянет вот так этот лук и опояшется по-моему этим поясом, и тому предоставь для жительства эту землю; а который не в состоянии будет выполнить предлагаемой мной задачи, того вышли из страны. Поступая так, ты и сама останешься довольна и исполнишь мое желание".

10. При этом Геракл натянул один из луков (до тех пор он носил два), показал способ опоясывания и передал ей лук и пояс с золотой чашей на конце пряжки, а затем удалился. Она же, когда родившиеся у нее сыновья возмужали, дала им имена, одному — Агафирс, следующему — Гелон, младшему — Скиф, а потом, помня завет Геракла, исполнила его поручение. Двое из его сыновей, Агафирс и Гелон, оказавшись неспособными исполнить предложенный подвиг, были изгнаны родительницею и удалились из страны, а самый младший — Скиф, исполнив задачу, остался в стране. От этого-то Гераклова сына и произошли-де всегдашние скифские цари, а от чаши Геракла — существующий до сих пор у скифов обычай носить чаши на поясах. Так рассказывают живущие у Понта эллины» [7].

Неоднократно указывалось, что наименование у Геродота героя этой легенды Гераклом есть лишь греческая подстановка, не затронувшая сущности образа исконного скифского героя — родоначальника Таргитая [8]. Справедливым представляется и мнение Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой, что именно греческая обработка превратила три неродственных народа — скифов, гелонов и агафирсов — в потомков одного божественного родоначальника [9]. Вероятно, в первоначальном варианте легенды речь шла о трех племенах одного народа.

Если отбросить указанные элементы эллинизации, то мы получим чисто местное предание. Это типичный образец древнего сказания, где мифологические мотивы (змееногая богиня) сливаются с этногонической легендой о первопредке и элементами подлинных исторических воспоминаний создавшего легенду народа (доказанное Граковым отражение в этой легенде исторического факта слияния пришлых и автохтонных племен).

По определению Е. М. Мелетинского, «первым героем в фольклоре доклассового общества был так называемый культурный герой-первопредок, генетически связанный с этиологическим мифом. Этот персонаж рано стал центром широкой эпической цивилизации... Сказания о культурных героях в мифологических и сказочных образах обобщали трудовой опыт племени и его исторические воспоминания, спроецированные в доисторическую мифологическую эпоху первотворения» [10].

---

[6] М. И. Артамонов. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. Уч. зап. ЛГУ, сер. истор., 15, Л., 1947, стр. 4—5; Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 8.

[7] Геродот, IV, 9—10. Перевод Е. А. Бессмертного. См. SC, I, стр. 12—14.

[8] В. Клингер. Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев, 1903, стр. 100; Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 12.

[9] Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. ВССА, стр. 43.

[10] Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963, стр. 93.

Сплав всех этих черт мы и находим в скифском этногоническом предании, что лишний раз подчеркивает достоверность передачи Геродотом скифской легенды.

Очень многие элементы разбираемого сказания крайне типичны для фольклора, на что обратил внимание еще И. И. Толстой [11]. Напрасно лишь, на наш взгляд, автор домысливает существование в скифском предании линии борьбы отца-Геракла с незнакомым ему сыном — Скифом по аналогии с Рустемом и Зорабом «Шах-Наме». Ни в письменной традиции, ни в памятниках искусства Северного Причерноморья мы не находим даже намека на этот мотив. Сходство скифской легенды с «Шах-Наме», а через нее вообще с иранским эпосом скорее проявляется в мотиве соперничества трех братьев, завершающегося триумфом младшего. В «Шах-Наме» этот мотив находит отражение в описании победы Феридуна над братьями [12], испытания сыновей Феридуна и раздела мира между ними [13].

Уже И. И. Толстой отметил в разбираемом варианте скифской легенды черты глубокой древности. Действительно, здесь очень четко прослеживаются следы матриархата: богиня, «одна владеющая страной», матрилокальный брак, наследование по материнской линии.

Б. Н. Граков указал на связь некоторых антропоморфных изображений в скифском искусстве с циклом мифов о Таргитае. Выбранные им изображения иллюстрируют неизвестные нам сказания этого цикла, посвященные различным подвигам Таргитая. Некоторые данные позволяют предполагать, что памятники скифской культуры дают изображения и на сюжет мифа о Таргитае из приведенной выше этногонической легенды.

Обратимся к так называемым сценам из жизни скифов на знаменитых культовых сосудах из Куль-Обы и Частых Курганов. Наиболее распространено мнение о том, что на этих сосудах представлены какие-то бытовые сцены [14]. Такая трактовка этих изображений представляется в корне неверной, так как на культовых предметах сцены бытового жанра вряд ли мыслимы. М. И. Ростовцев признавал связь указанных изображений со скифским культом, но отрицал за ними какой-либо сюжет. По его мнению, на воронежском сосуде показаны скифы перед боем, на куль-обском — после боя [15]. Только в выборе темы (военный быт, столь характерный для скифской знати) видел М. И. Ростовцев связь этих изображений с культом. Однако действия всех персонажей этих сцен слишком конкретны, чтобы трактовать их как обобщение.

Наиболее убедительной представляется точка зрения Б. Н. Гракова, согласно которой мы имеем здесь иллюстрации к скифскому эпосу или, точнее, к скифской мифологии. Выбор сюжета для каждой сцены, последовательность расположения самих сцен указывают на повествовательный характер этих изображений, заставляют предполагать за ними какую-то фабулу. Попробуем восстановить это повествование, исходя из нашего скудного знания скифской мифологии.

Начнем с воронежского сосуда (рис. 1, *1*). Согласно М. И. Ростовцеву, «все группы в композиции равноправны и ничем не связаны одна с другой» [16]. Между тем внимательное изучение изображения показывает, что такая связь есть и проявляется она, прежде всего, в наличии во всех трех сценах одного общего персонажа. Один и тот же длинноволосый бородатый герой протягивает руку с двумя загнутыми пальцами стоящему на коле-

[11] И. И. Толстой. Черноморская легенда о Геракле и змееногой деве. Статьи о фольклоре. М., 1966, стр. 232 сл.

[12] Шах-Наме, I., М., 1957, стр. 67, 68.

[13] Там же, стр. 96—100. Этот эпизод близок к нашей легенде не только по сюжету, но и многими важными деталями. Поэтому их сопоставление заслуживает специального анализа.

[14] Всеобщая история искусств, I. М., 1956, стр. 357, 358; В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947, стр. 71.

[15] М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. МАР, 34, Пг., 1914, стр. 84.

[16] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 85.

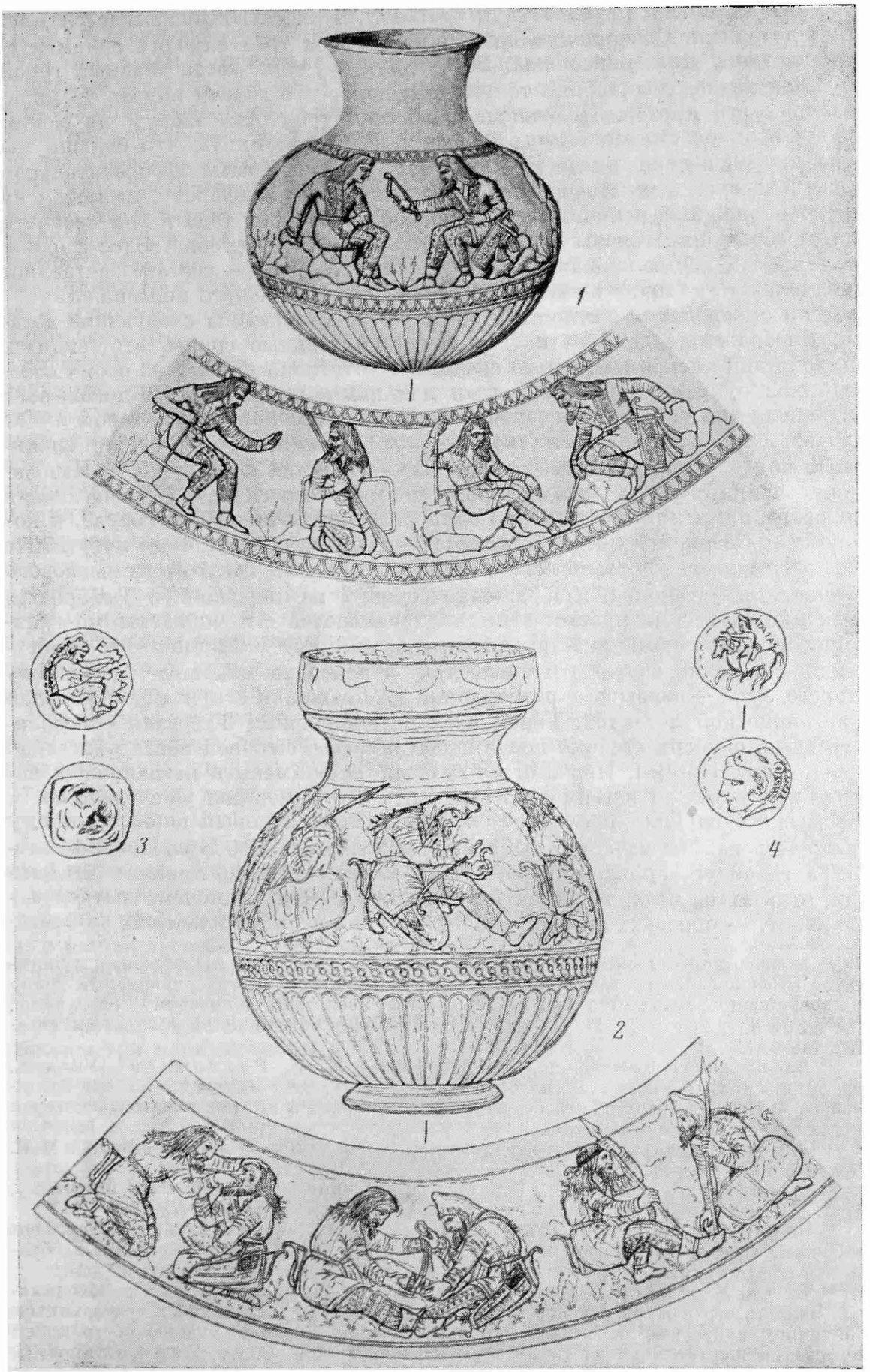


Рис. 1

1 — воронежский сосуд; *2* — куль-обский сосуд; *3* — монета Эминака (по П. О. Карышковскому); *4* — монета Атея (по В. А. Анохину)

нях спиной к нему скифу, убеждает в чем-то, держа в руках плетку, другого собеседника и передает лук третьему. Тождество доказывается многими деталями. Совершенно идентична во всех трех случаях орнаментация костюма этого персонажа. В тех двух случаях, когда главный герой обращен влево, совершенно тождествен декор его горита вплоть до украшающих его кистей. Несколько различная трактовка кистей не может служить опровержением этого тезиса [17], если вспомнить, что больше мы этих кистей вообще нигде не находим [18]. Наконец, сама изобразительная трактовка трех этих фигур, выполненных как по трафарету, несмотря на противоположный в одном случае поворот (разворот тела в три четверти при изображении головы в профиль, одинаковая трактовка волос с одной отдельной и двумя сливающимися прядями и т. д.),— все это заставляет предполагать наличие во всех трех сценах одного общего персонажа.

Для определения личности этого героя немаловажны следующие детали. Изображение делится на три последовательные сцены, что, видимо, объясняется членением самого сюжета. Протягивая одному из своих собеседников руку с двумя загнутыми пальцами, герой как бы показывает ему число три [19]. Далее, передавая другому собеседнику лук, герой имеет при этом на поясе еще один *такой же лук*. Вспомним, что Геродот специально подчеркивает наличие у Геракла — Таргитая *двух* луков [20]. Изображение воина с двумя луками, кроме упомянутого случая, встречается на скифских памятниках лишь еще один раз — на куль-обском сосуде, к которому мы вернемся ниже. Эти случаи дублирования луков не могут быть объяснены небрежностью исполнителя и требуют какого-то смыслового объяснения. Наконец, изображение одного из персонажей безбородым объясняется весьма просто: этим подчеркивается его молодость по сравнению с остальными действующими лицами. Все сказанное — и тройственное членение сюжета, и число три, и передача младшему персонажу второго лука — связывает разбираемое изображение с приведенной выше этногонической легендой. Герой ее — родоначальник Таргитай — изображен здесь непосредственно после испытания его сыновей последовательно беседующим с ними. Первого, не сумевшего применить названные в легенде атрибуты, он изгоняет из страны [21]. Его напарник, уже удаляясь [22], обернулся и слушает последние слова Таргитая, который показывает ему число три, как бы узаконивая тройное деление страны. В следующей сцене Таргитай уговаривает второго сына, также не выдержавшего испытания, отказаться от притязаний на скифскую землю. Наконец, третьему — младшему — передает он свой второй лук как атрибут власти [23].

---

[17] В греческой вазописи известны случаи, когда один и тот же персонаж присутствует в нескольких последовательных сценах. При этом иногда одинаковый декор его вооружения трактуется на изображениях несколько по-разному (см. напр., A. Furtwängler и K. Reschhold. Griechische Vasenmalerei. München, 1900—1932, табл. 141).

[18] Единственное исключение, как указывает М. И. Ростовцев (Ук. соч., стр. 88, прим. 1), представляет пластина из Сахновки. Этот памятник требует специального анализа, если оставить без внимания вопрос о его подлинности, которая иногда ставится под сомнение.

[19] «Он как бы считает что-то»,— пишет М. И. Ростовцев об этом персонаже; М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 86.

[20] О том, что это замечание у Геродота не случайно, а восходит к его источнику, см. А. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.

[21] Подтверждением этого служит и то обстоятельство, что напарник Таргитая изображен здесь с двумя копьями. В греческой вазописи с двумя копьями изображались обычно воины, отправляющиеся в далекий поход, например аргонавты.

[22] То, что воин изображен стоящим на коленях, объясняется лишь необходимостью вписать его фигуру в узкое поле фриза,— прием, не единично встречающихся в античном искусстве. Вспомним, например, фигуру Геракла, укрощающего коней Диомеда на жертвеннике из Страбонова Херсонеса (см. С. Ф. Стрželецкий. Жертвенник Гераклу из так называемого Страбоновского Херсонеса. Х. С. IV. Симферополь, 1948, стр. 100).

[23] Необъяснимым, возможно из-за краткости геродотовского изложения, остается для нас наличие у Таргитая в разных сценах различных атрибутов — клевца и плет-

Имеется лишь одно принципиальное расхождение между текстом Геродота и сценами на сосуде. В последнем случае вручение атрибута власти, а следовательно и само испытание, производит не богиня-мать, как у Геродота, а сам Таргитай. Но такое расхождение вполне объяснимо, если судить по основным законам развития мифологии. Выше уже указывалось, что большая роль богини-матери в приводимой Геродотом легенде объясняется древностью этой версии. Развитие скифского общества неизбежно должно было отразиться и в мифологии, способствуя сложению новых вариантов древнего предания. При этом более ранние варианты, как известно, не исчезают, а лишь отходят на задний план, уступая ведущее место в культе тем, которые соответствуют достигнутому этапу общественного развития. Победа патриархальных традиций в Скифии должна была привести к тому, что центральная роль в этногоническом мифе перешла к мужскому предку — прародителю. Такое предположение тем более обосновано, что, как показал уже Б. Н. Граков, миф о Таргитае служил в Скифии IV в. до н. э. для идеологического обоснования власти царя, наследуемой «прочно по отцовской линии» [24]. При таком положении дел на культовом сосуде должна найти отражение более поздняя из существующих редакций мифа. Данный случай прекрасно иллюстрирует один из основных законов развития религии: «Развитие ... религиозной системы предполагает ... переработку ее установлений в плане идеологического отражения в ней развивающегося общественного бытия» [25].

Приведенные соображения базируются не только на логических построениях, но и на аналогиях с развитием мифов многих народов. Можно привести пример из мифа, наиболее близкого к скифскому кругу фольклорных памятников. В «Нартах» один и тот же миф о рождении Сослана в более древних вариантах подчеркивает его божественное происхождение по материнской линии, а в более поздних переносит акцент на божественную сущность его отца [26].

Сказанное заставляет рассматривать изображение на воронежском сосуде как стройное повествование на сюжет приведенной легенды, но в несколько более поздней, чем геродотовская, редакции.

Перейдем ко второму из рассматриваемых памятников — электровому сосуду из Куль-Обы (рис. 1, *2*). Изображение здесь воина с двумя луками сразу заставляет сопоставить представленные на сосуде сцены с разбираемой легендой. Значение этой детали подчеркивается и тем, что с двумя луками изображен знаменитый скиф, натягивающий тетиву на лук, т. е. выполняющий именно то действие, которое является основным испытанием в нашей легенде [27]. Вряд ли можно видеть здесь случайное совпадение. Попробуем «прочитать» куль-обский фриз как иллюстрацию к интересующему нас преданию.

С какой группы фигур следует начинать это чтение? На сосуде изображены три парные сцены и одна одиночная. Примем ее за условное на-

ки, но сам выбор предметов может, пожалуй, рассматриваться как доказательство сакрального характера изображения, так как следы культа боевого топора в Скифии донесены до нас Геродотом в первой версии легенды, а магическая роль, приписываемая в древности плетке, неоднократно засвидетельствована хотя бы в «Нартах» (см. Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957, стр. 79, 87, 107, 108, 198).

[24] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 12.

[25] А. Ф. Анисимов. Этапы развития первобытной религии. М.—Л., 1967, стр. 72.

[26] Е. М. Мелетинский. Ук. соч., стр. 167, прим. 1.

[27] На то, что испытание, данное Гераклом — Таргитаем своим сыновьям, состояло именно в надевании тетивы на лук, а не в натягивании лука как первом акте стрельбы, в литературе уже указывалось (П. О. Карышковский. О монетах с надписью EMINAKO. СА, 1960, 1, стр. 192, 193. Автор анализирует не только содержание легенды, но и терминологию Геродота). Действительно, сложный лук хранится обычно в ослабленном состоянии и натягивается лишь при приведении в боевую готовность, причем акт этот требует немалой физической силы и навыка (Д. Н. Анучин. О древнем луке и стрелах. Тр. V АС. М., 1887, стр. 358 сл.). О трудности этого акта см., например, в XXI песне «Одиссеи».

чало повествования. Одиночная фигура — скиф, натягивающий тетиву,— показывает нам сущность испытания и поэтому может служить как бы прологом ко всему действию. Тогда остальные сцены должны последовательно показывать, как выполнил испытание каждый из сыновей. Две группы, следующие за одиночной фигурой,— это знаменитые сцены «лечения», причем для нас наиболее важно то, что лечатся как раз такие травмы, получение которых неизбежно при активных, но безуспешных попытках натянуть лук тем способом, который показан в первой сцене: при чересчур сильном нажиме на верхний конец лука нижний его конец срывается с правого бедра, древко лука моментально изгибается в обратном направлении и одновременно совершает вращательное движение вокруг точки опоры о левую ногу. Направление вращения зависит от направления нажима в момент срыва. Со всей силой отпущенной тугой пружины лук ударяет, в зависимости от направления вращения, или верхним концом по левой части нижней челюсти, или нижним концом по левой голени [28]. При этом получение таких травм возможно лишь при длине лука не более 60—80 *см*, что соответствует размерам скифского лука [29]. Излишне напоминать, что именно такие травмы (скорее всего выбитый левый нижний зуб и ранение левой голени) и имеют герои описываемых сцен.

Содержание сцен слишком конкретно. И хотя в тексте Геродота нет прямого описания изображенных событий, это, думается, не противоречит нашей трактовке сцен на сосуде. Их исполнитель, поставленный перед задачей изобразить неудачу старших братьев, неизбежно должен был конкретизировать ее. Его задача облегчалась хорошим знакомством с механикой натягивания скифского лука и с возможными последствиями тщетных попыток выполнить этот акт.

При такой трактовке в первой парной сцене фриза мы должны видеть лечение старшего сына средним, а во второй — наоборот.

То, что в отличие от воронежского сосуда, здесь у повторяющихся персонажей не повторяется декор одежды, объясняется разной художественной манерой исполнителей этих сосудов. Автор куль-обской вазы воспринимал узор одежды героев как чисто декоративный элемент, что подтверждается внимательным изучением самого сосуда. Узором, выполненным ограниченным числом приемов (косая штриховка, точечный и циркульный орнамент), художник с разной степенью тщательности заполняет всю поверхность, подлежащую орнаментации, причем выбор узора определяется удобством нанесения его на ту или иную часть изображения (на большую плоскость наносится систематический продольный или поперечный орнамент, на небольшую — бессистемный). О том, что орнамент одежды персонажей часто воспринимался греческими художниками как чисто декоративный элемент и не может служить опровержением тождества героев, говорит и другое обстоятельство. В греческой вазописи при повторении в разных сценах на одном сосуде одного персонажа декор его одежды зачастую не повторяется [30].

Изображение во второй парной сцене старшего сына в башлыке, которого он не имеет в первой сцене,— бытовая деталь, вполне уместная в столь реалистическом изображении: при лечении зуба башлык «пациента» является помехой для лечащего, и художник его убирает. Такой же башлык надет на голову скифа, натягивающего тетиву, что позволяет видеть в нем скорее старшего из братьев, первым пытающегося осуществить испытание. В то же время, как уже говорилось, эта фигура как бы служит прологом ко всему последующему действию. Такая же фигура могла бы

[28] Автор провел испытание, аналогичное описанному в легенде, на подлинном сложном луке из фондов ГИМ и избежал получения описанных травм лишь из-за слабости лука и из-за бережного к нему отношения. О слабости лука Геракла — Таргитая говорить не приходится, а важность испытания делала героев легенды настойчивыми, но никак не осторожными.

[29] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. М., 1964, стр. 14.

[30] См., например, A. Furtwängler. Ук. соч., табл. 85.

располагаться перед каждой парной сценой, но во избежание повторов она во фриз не включается.

Нам осталось рассмотреть последнюю парную сцену. Как отмечал уже М. И. Ростовцев [31], главенство этой сцены во всем сюжете определяется наличием здесь фигуры царя с повязкой — диадемой на голове [32]. Трактуя все изображение как иллюстрацию к этногонической легенде, мы имеем все основания видеть в этом царе Таргитая — Геракла. Теперь следует персонифицировать его собеседника. Если наше определение личностей всех прочих персонажей верно, то в этом последнем герое логически следует видеть младшего сына — Скифа. Он, как выдержавший испытание, один удостаивается чести быть изображенным рядом с Таргитаем в момент передачи ему власти. В отличие от воронежского сосуда здесь ничем не подчеркивается молодость Скифа по сравнению с братьями: он изображен таким же длинноволосым и бородатым [33]. Но зато его внешность наиболее соответствует представлению греков о типичном скифском облике. Скорее всего, здесь выбран обобщенный типаж скифа, наиболее уместный на греческом изделии, особенно если вспомнить имя этого персонажа — Скиф. Такая персонификация заполняет последний пробел в повествовании: мы видим три последовательные сцены с изображением результата испытания для всех трех братьев: увечье двух старших и триумф младшего, представшего перед отцом после своей победы. В то же время размещение изображения по кругу влечет за собой и вторую нагрузку на последнюю сцену. Являясь эпилогом повествования, она при дальнейшем обращении сосуда становится и зачином. Мы видим Таргитая в тот момент, когда он излагает одному из сыновей сущность предстоящего им испытания. Далее вновь развертывается все повествование, завершаясь той же сценой. Это наиболее логичное размещение сюжетного повествования при круговой композиции, когда любая сцена лишь условно может быть принята за начало рассказа. Пример аналогичного принципа композиции дают цилиндрические печати, где одна и та же фигура или сцена и начинает и завершает изображение.

Сказанное заставляет и в композиции на куль-обском сосуде видеть иллюстрацию к скифской этногонической легенде, несмотря на отсутствие «текстуального» совпадения с тем ее вариантом, который приведен у Геродота. Мы получаем, таким образом, два памятника IV в. до н. э., сходные не только по назначению и манере исполнения, что было известно давно, но и по сюжету украшающего их изображения.

II

Появление в IV в. до н. э. в скифском искусстве сцен, иллюстрирующих древнее этногоническое предание, было, как показал Б. Н. Граков, отражением определенных процессов, происходящих в это время в скифском обществе. Подобные процессы вообще характерны для всех раннеклассовых обществ. Советский исследователь истории религии С. А. Токарев пишет:

«Новая деспотическая власть вождя-короля, не опирающаяся на традиционное уважение, на моральный авторитет и дедовские обычаи, нуждалась в поддержке более постоянной и глубокой, чем голое насилие,— в поддержке идеологической. Такую и дала религия, освятившая сверхъестественной санкцией растущую власть вождей» [34].

---

[31] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 85.

[32] И. Толстой и Н. Кондаков также расценивают эту диадему как символ царского достоинства (И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, II, СПб, 1889, стр. 141).

[33] Ожидать, что на разных памятниках один и тот же образ будет трактован сходно, значило бы считать, что в Скифии IV в. до н. э. сложилась каноническая иконография мифологических персонажей, о чем говорить, разумеется, не приходится.

[34] С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, стр. 336.

Именно такое «освящение», доказательство богоданности царской власти и призвано было выполнить рассмотренное предание в молодой державе Атея [35]. При этом иллюстрация к подобному мифу нигде не была более уместна, чем на сосудах, являвшихся, как показал еще М. И. Ростовцев [36], атрибутом царской власти [37]. Это обстоятельство — лишнее подтверждение нашей трактовки упомянутых изображений.

Чрезвычайно интересно, что оба рассмотренных памятника представляют собой образцы уже прекрасно разработанной иконографии. Здесь воплощены не условные варвары, а люди достоверного скифского облика. В Атеевой державе эта сторона дела должна была играть не последнюю роль. Нельзя забывать, что данные предметы скифского культа вышли из мастерской иноземного художника. При этом условии они могли стать действенным идеологическим оружием, превратиться в истинно скифскую святыню в сознании рядовых скифов лишь при условии этнографической достоверности изображения, при точном воспроизведении бытовых деталей. Эта задача, на службу которой были поставлены высшие достижения греческого искусства, была, как мы видим, с блеском выполнена греческими мастерами.

Но миф о Таргитае — Геракле должен был выполнить в Атеевой державе, кроме того, еще одну задачу — внешнеполитическую. Не менее важным, чем предстать богоданным царем Скифии перед своими подданными, было для Атея стремление явиться суверенным правителем перед лицом своих соседей, в первую очередь перед греческими городами Северного Причерноморья. Выполнение этой политической задачи также требовало идеологической базы, и здесь древнего скифского мифа было недостаточно. Если в Скифии Атей считался потомком первого скифа Таргитая, то для внешнего мира его божественный предок должен был предстать в ином облике, более близком эллинским представлениям. В то же время Атей не мог порывать со скифской мифологией и религией, чтобы не оказаться в положении Геродотова Скила. Требовался сложный сплав скифского и греческого элемента. И здесь на помощь Атею пришли сами причерноморские греки. Они, как видно хотя бы из текста Геродота, уже обработали то самое скифское предание, которое служило идеологической базой власти Атея, на свой лад, превратив его божественного предка в Геракла. Таким образом был создан некий греко-скифский герой. Лучшего Атею и не требовалось. Геракл, являвшийся, согласно традиции, родоначальником не одной греческой династии, освящал и власть своего «приемного скифского потомка», делая его в глазах греческого мира полноправным правителем.

Как бы специально в подтверждение этой гипотезы археологический материал представляет нам монеты Атея (рис. 1, *4*). Исследователь этих монет В. А. Анохин пишет: «Чеканка монеты Атеем являлась для скифского государства прежде всего и в основном политическим актом» [38]. А коль скоро это так, то особое внимание Атей должен был обратить на выбор соответствующего изображения.

На аверсе монет представлен конный скиф, стреляющий из лука. Перед нами еще один образец той сложившейся иконографии, которая была охарактеризована выше. Этот факт сам по себе достаточно важен, так как впервые образ скифа выходил, так сказать, на международную арену. На реверсе монет мы видим типичную для греческой нумизматики голову Геракла в львиноголовом шлеме.

---

[35] Б. Н. Граков. Ук. соч.

[36] М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, 49, СПб, 1913, стр. 10, 138; его же. Воронежский серебряный сосуд, стр. 83.

[37] М. И. Артамонов полагает, что нашивные бляхи из Куль-Обы в виде фигуры скифа с круглым сосудом в руке есть изображения Таргитая (М. И. Артамонов. Антропоморфные божества..., стр. 79). В таком случае рассмотренные сосуды мы могли бы прямо считать принадлежностью культа первопредка Таргитая.

[38] В. А. Анохин. Монеты скифского царя Атея. НС, 2, Киев, 1965, стр. 14.

Атей не мог бы сделать более удачного выбора. Соответствуя и греческим, и — через посредство параллели Таргитай — Геракл — скифским представлениям, эта монета блестяще выполняла возложенную на нее задачу как во внутренне-, так и во внешнеполитической сфере, представляя власть скифского царя богоданной и суверенной и для скифского и для эллинского мира.

Изображение Геракла на монете в обычном для греческого героя львиноголовом шлеме, видимо, не противоречило и чисто скифской мифологии, поскольку, как показал уже Б. Н. Граков, цикл преданий о Таргитае включал и легенду о подвиге, сюжетно сходном с победой Геракла над львом, немейским или киферонским [39]. Поэтому даже львиноголовый шлем эллинского Геракла вполне «подошел» скифскому Таргитаю. Отсюда следует, что сходство изображения Геракла на монетах Атея и Гераклеи Понтийской еще не может служить доказательством гераклейского происхождения Атеевых монет, на котором настаивает В. А. Анохин [40]. Столь ранняя попытка чеканки собственной монеты скифским царем неизбежно должна была опираться на заимствования из античной нумизматики, да и роль этой чеканки как политического акта в греко-скифских отношениях требовала, чтобы скифская монета была выполнена в традиционной греческой манере. Перед Атеем был большой выбор в лице всех монетных типов античного мира. Он остановился на том, который более всего соответствовал его политическим задачам и одновременно скифским идеологическим представлениям. Поэтому сходство гераклейских и Атеевых монет может свидетельствовать скорее не о чеканке этих последних в Гераклее, сношения которой со скифской державой ничем пока не подтверждены [41], а о заимствовании Атеем гераклейского монетного типа.

Был ли Атей первым правителем Скифии, попытавшимся осуществить указанные внутри- и внешнеполитические задачи? Письменные источники не дают никаких оснований предполагать, что у него были предшественники. Привлечение археологических материалов позволяет в качестве гипотезы предложить несколько иной ответ на этот вопрос. Обратимся к известным ольвийским монетам с надписью EMINAKO (рис. 1, *3*). На реверсе этих монет изображено, по мнению специалистов, сакральное колесо — солярный символ. Для нас представляет интерес изображение и надпись на аверсе. Здесь представлен Геракл с львиной шкурой на плечах, стоящий на правом колене и натягивающий тетиву на лук. Этим монетам посвящены специальные исследования П. О. Карышковского [42] и А. Г. Сальникова [43]. Датируя данные монеты временем около 410 г. до н. э., П. О. Карышковский, сопоставив необычный для ионийского города этого времени выбор изображения, художественную трактовку фигуры, весьма сходную с той, которую мы видели на куль-обском сосуде, и негреческое, скорее всего иранское, имя EMINAKOΣ [44], убедительно связал изображение на монете все с той же скифской легендой. Он предлагает «видеть в Эминаке скифского царя, возводившего свой род к Таргитаю — Гераклу, или ольвийского гражданина негреческого происхождения» [45].

[39] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 13. Некоторое подтверждение этой гипотезы дает и следующее обстоятельство. Распространенность мотива борьбы царя со львом в ахеменидском искусстве позволяет предполагать, что сюжет этот восходит к древнейшей мифологии ираноязычных племен. В ахеменидской державе он встретился с древневосточными мифами и облекся в месопотамскую иконографическую схему, в Скифии — с эллинским мифом о Геракле и в некоторых памятниках получил типичное для греческого мира художественное воплощение. Но нам знакома и скифо-сарматская трактовка этого сюжета (см. Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 17, рис. 4).

[40] В. А. Анохин. Ук. соч., стр. 7—13.

[41] Д. Б. Шелов. Царь Атей. НС, 2, Киев, 1965, стр. 36.

[42] П. О. Карышковский. Ук. соч.

[43] А. Г. Сальников. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии. ЗОАО, I. Одесса, 1960, стр. 85—87.

[44] Об этом см. также В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I, М.— Л., 1949, стр. 221 сл.

[45] П. О. Карышковский. Ук. соч., стр. 194.

Второе предположение кажется маловероятным, особенно в свете исследования Т. Н. Книпович, показавшей, как мало лиц негреческого происхождения было в среде ольвийской знати вплоть до I в. до н. э. Да и те немногие негреческие имена, которые нам здесь известны, относятся ко времени не ранее IV в. до н. э.[46]. Тем более маловероятно помещение такого имени в V в. до н. э. на ольвийской монете. Совсем иная картина рисуется, если принять первую версию П. О. Карышковского. Тогда монета Эминака попадает в один ряд с другими памятниками серии «скифского Геракла», причем в этом ряду она становится наиболее ранним, доатеевским памятником. Знаменательно, что на этой монете из обычных атрибутов эллинского Геракла сохранена лишь львиная шкура, соответствующая, как говорилось выше, скифскому мифологическому образу. Палица же, иногда присутствующая на сходных по сюжету беотийских монетах, здесь не изображена как ненужная.

Естественно, что в конце V в. до н. э. новое осмысление древнего мифа лишь начиналось. Поэтому на монете Эминака нашло отражение лишь основное ядро легенды — главный герой, выполняющий основное в сюжете действие. Но показательно, что здесь мы уже видим зарождение той художественной трактовки этого действия, которая получила свое завершение в куль-обском фризе. Данное обстоятельство подтверждат правомочность сопоставления этих памятников.

При такой трактовке монета Эминака становится ценнейшим источником по истории сложения скифской государственности. Она показывает, что возникновение в IV в. до н. э. огромной и сильной державы Атея было закономерным завершением более ранних аналогичных попыток. Она дает нам имя предшественника Атея, возможно, судя по хронологии, даже непосредственного предшественника, ставившего перед собой ту же внешнеполитическую задачу (выход скифского государства на международную арену) и пытавшегося осуществить ее теми же методами (чеканка собственной монеты в одном из припонтийских полисов), опираясь на ту же идеологическую базу (легенда о Таргитае — Геракле), что и Атей [47].

Не противоречит ли столь ранняя датировка первого скифского государственного образования общеисторической картине? Здесь неуместно входить в детальный разбор истории формирования скифской государственности. Но обращаясь к письменным и археологическим материалам, мы не видим качественного различия между Скифией конца V в. до н. э. (время Эминака) и Скифией времени Атея. Более того, формирование некоторых основных предпосылок сложения скифского государства завершилось именно к концу V в. до н. э. Поэтому беру на себя смелость высказать следующее предположение. Если атрибуция и датировка монет с надписью EMINAKO верна, то предшественницей державы Атея в Северном Причерноморье было государство Эминака. Мы ничего не знаем ни о размерах, ни об его истории. Но сам факт его возникновения служит доказательством закономерности сложения в IV в. до н. э. державы Атея и того, насколько соответствовала задачам самой державы политика ее создателя.

В заключение коснемся еще одного вопроса. Б. Н. Граков доказал, что Атей в укреплении своей власти опирался на древнее этногоническое предание. Если предложенная здесь трактовка названных изображений верна, этот вывод можно уточнить: идеологической базой для Атея была имен-

---

[46] Т. Н. Книпович. Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. МИА, 50, 1956, стр. 131.

[47] Не могу согласиться с мнением (А. Г. Сальников. Ук. соч., стр. 86), что «Эминак был скифским царем, осуществлявшим в той или иной форме власть над Ольвией». Представляется более вероятным, что Эминак лишь пользовался ольвийским монетным двором. Тот факт, что разбираемые монеты едва ли не древнейшие образцы ольвийского чекана, сменяющего более ранние литые монеты (А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, стр. 125—127), заслуживает внимания как свидетельство той роли, какую играли порой греко-скифские контакты в той или иной области жизни припонтийских полисов.

но та версия предания, которую Геродот приписывает эллинам и которая явно возникла у кочевых скифов. Учитывая, что господствующим слоем скифского общества были скифы царские и что из их среды, видимо, вышел и Атей, мы можем заключить, что разбираемая версия предания принадлежала именно царским скифам. Помпоний Мела указывает, что «Басилиды ведут свое происхождение от Геркулеса и Ехидны» [48]. Теперь делается понятным, почему именно этот вариант легенды о происхождении скифов Геродот приписывает эллинам. С одной стороны, данный вариант, как принадлежащий господствующей части скифского общества, должен был активнее проникать в среду причерноморских греков, подвергаясь при этом некоторой обработке. С другой стороны, ввиду удаленности кочевий царских скифов в V в. до н. э. от Ольвии, которую, как известно, посетил Геродот, его непосредственное общение с ними маловероятно. Их этногоническая легенда стала известна историку через греков-ольвиополитов. Первая же версия предания, бытовавшая у земледельческих племен, непосредственных соседей Ольвии, была почерпнута им непосредственно из скифской среды. Так слияние различных факторов способствовало появлению на свет непонятной на первый взгляд атрибуции одной версии легенды как скифской, а другой как эллинской. В действительности же господствующей в Скифии в V в. и особенно в IV в. до н. э. была именно «эллинская» версия, а точнее версия скифов царских. На ее базе и сложилось то течение в идеологии Скифии, которое стало предметом анализа в настоящей статье.

Было бы очень заманчиво проследить и дальнейшую судьбу этого течения, в частности в Позднескифском крымском царстве. Но для этого мы пока не располагаем соответствующими источниками [49].

D. S. Raievsky

THÈME MYTHOLOGIQUE SCYTHE DANS L'ART ET L'IDÉOLOGIE DU ROYAUME D'ATÉAS

Résumé

Parmi les scènes de genre qui décorent les objets de toreutique trouvés dans les tumulus scythes, il y a ceux lont les thèmes peuvent être inttrprétés en parlant des fragments de mythologie scythe conservés par les auteurs antiques.

Dans l'article sont étudiés les représentations qui décorent les récipients du kourgane de Voronej N° 3 et de celui de Koul — Oba. Plusieurs détails montrent dans ces scènes l'illustration d'une légende scythe ethnogonique (de sa seconde version dite hellénique citée par Hérodote). Le récipient de Voronej porte la figuration de Targhitaï — Héracle, ancétre de scythes, conversant, à tour de rôle, avec ses trois fils et remettant l'arc, cymbole du pouvoir, à son cadet. Sur le récipient de Koul — Oba sont représentées les tentatives des fils de Targhitaï de bander l'arc du père, ce qui était une épreuve rituelle: les deux fils aînés échount, le cadet l'emport. Ce thème fut très répandu dans l'art scythe du IVe siècle avant notre ère. Cela s'explique par la situation politique. Cette légende argumentait idéologiquement le pouvoir tsariste d'Atéas qui avait réuni la Scythie. Le même sujet, mais représenté par des images inhérentes à l'art hellénique, figure sur les pièces de monnaie d'Atéas et d'Olbia qui sont munies de l'inscription EMINAKO. Cela permet de supposer que la structure de l'Etat scythe a commencé a se former déjà à la fin du Ve siècle avant notre ère.

[48] Помпоний Мела. II, 11. SC, II, стр. 122. В свете изложенного приходится не согласиться с Б. Н. Граковым, который, основываясь на упоминании в этом предании Гилеи, считает, что оно «территориально ближе связано со скифами-кочевниками в узком смысле, чем со скифами царскими» (Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 8).

[49] Настоящая статья была уже сдана в печать, когда В. И. Бидзиля обнаружил в кургане Гайманова могила еще один сосуд скифского времени с сюжетным изображением. Представляется, что это изображение близко по сюжету памятникам, анализированным выше. Это, на наш взгляд, служит еще одним подтверждением изложенной версии. Новая находка в свою очередь позволяет обратиться к интерпретации сюжетов некоторых других «сцен из скифской жизни» на известных памятниках. Автор надеется вернуться к этой теме в ближайшее время.

Е. А. ШМИДТ

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ГНЕЗДОВА

Вопрос об этническом составе населения Гнездова конца IX—X вв. рассматривался до сего времени только под углом зрения славяно-варяжских взаимоотношений. Причем одни исследователи считали Гнездово варяжской колонией [1], а другие видели здесь смешанное норманно-славянское поселение [2]. После раскопок, проведенных в Гнездове Ф. М. Кусцинским, В. И. Сизовым, С. И. Сергеевым и др., А. А. Спицын, являвшийся сторонником норманнской теории, высказал мнение, что в культуре Гнездова норманны сыграли ведущую роль [3].

На основе этих же материалов Д. А. Авдусин пришел к выводу, что в Гнездове абсолютно доминируют курганы славянские [4]. После новых раскопок в Гнездове он уточнил соотношение славянских и норманнских погребений, заявив, что из 800 раскопанных курганов «менее двадцати, т. е. 2,5%, содержат погребения скандинавов»; проведя затем сравнение с данными ярославских дружинных курганов, Д. А. Авдусин делает общий вывод, что материалы из Гнездовских курганов «отнюдь не подтверждают мнения о скандинавских колониях на Руси» [5].

Видимо, все эти вопросы нельзя считать окончательно решенными, и, скорее всего, они не будут решены до тех пор, пока не удастся произвести полную публикацию всего гнездовского комплекса и пока ученые не выработают общепринятых твердых критериев определения этнической принадлежности погребенных по курганному инвентарю. Поэтому вопрос о славяно-варяжских взаимоотношениях в данной статье специально разбираться не будет. Автор считает, что основную массу гнездовского населения составляли славяне, но одновременно в Гнездове в какой-то отрезок времени находились и норманны, оказавшие некоторое влияние на культуру Гнездова (в археологическом понятии). Однако это влияние нет никаких оснований считать сколько-нибудь глубоким и значительным, так как в последующий период, начиная с XI в., каких-либо заметных скандинавских элементов в местных курганах не встречается.

В Гнездове добыт обширный археологический материал, значительно отличающийся от других памятников IX—XI вв. сельского населения Смоленского Поднепровья. Уже в первой сводной публикации гнездов-

---

[1] А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, 15, СПб., 1905, стр. 7; Б. А. Рыбаков. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. ВИ, 1962, 4, стр. 37.

[2] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні. Працы, II, Менск, 1930, стр. 238 (карта).

[3] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 7.

[4] Д. А. Авдусин. Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК АН СССР, XXX, 1949, стр. 11, 12; его же. Отчет о раскопках гнездовских курганов. Материалы по изучению Смоленской области. 2, Смоленск, 1957, стр. 183.

Автор благодарит Д. А. Авдусина за помощь в работе и доброжелательное отношение к опубликованию данной статьи по гнездовской тематике.

[5] Д. А. Авдусин. Археология СССР. М., 1967, стр. 239.

ского материала обращалось внимание на наличие большого количества весьма эффектных изделий, видимо, не местного происхождения [6]. По некоторым особенностям орнаментации одни вещи считались скандинавскими, другие — восточными. Они-то и привлекали основное внимание всех исследователей, анализировавших материалы Гнездова. Поэтому наиболее изученными оказались погребения с богатыми комплексами вещей. Погребения рядовые, с бедным инвентарем такому детальному анализу не подвергались, а разного рода незначительные отклонения в их погребальной обрядности, видимо, вообще не учитывались. Этому в какой-то степени способствовало и представление о том, что славянское население Гнездова состояло только из кривичей, т. е. из какой-то части чисто славянского союза родственных племен. В их среде никаких процессов этногенеза не происходило, и, следовательно, они как единое целое противостояли скандинавам.

В настоящей статье поставлен вопрос об этническом составе населения Гнездова на основе некоторых отклонений в погребальном обряде и особенностей сопровождающего инвентаря.

Такая попытка в последнее время предпринималась, хотя при этом ставились более узкие цели. В. В. Седов, изучая следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси, обратился к материалу Гнездова. Им был проанализирован погребальный обряд, и в частности ориентировка умерших на погребальном костре. Во всех случаях, когда это удавалось установить, ориентировка оказалась западной. Это позволило В. В. Седову высказать мнение, что в курганах с трупосожжением из Гнездова погребения были совершены по общеславянской погребальной обрядности [7].

Уже В. И. Сизов, рассматривая обряд погребения в Гнездове, заметил большие отличия между отдельными курганами. Он писал: «Вообще, указанные нами различия в обрядах погребения мы ставим в зависимость не только от времени, которое во всяком могильнике иногда может выразиться в постепенном изменении погребальных обрядов, но еще в большую зависимость от состава самого населения этой местности, который мог сложиться из многих пришлых элементов» [8]. В. И. Сизов не детализирует своего тезиса о пришлых элементах, но, судя по отдельным его замечаниям, здесь, кроме прилива или новой колонизации, имеются в виду и местные элементы погребальных обычаев и культуры, восходящие к периоду переселения народов, т. е. ведущие свое начало из более ранних курганов: длинных, удлиненных и круглых, раскопанных им в различных местах Смоленской губернии [9]. К сожалению, материалы из курганов других мест Смоленщины так и не были обработаны и опубликованы В. И. Сизовым [10].

Погребальный обряд, характерный для основной массы гнездовских курганов, был уточнен и в деталях описан Д. А. Авдусиным [11]. В самых общих чертах он дает следующую картину: «Для сооружения погребального костра выбиралось ровное место. Обычно же в Гнездове костер сооружали непосредственно на уровне окружающей земли. После сооружения костра на него клали покойника, иногда в лодке. Вместе с умершим,

---

[6] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. 1, МАР, 28, СПб., 1902, стр. 117, 125.

[7] В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, 2, стр. 105, примеч. 13.

[8] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 34.

[9] Там же, стр. 21, 28, 53, 57.

[10] Вещевые комплексы из погребений, раскопанных В. И. Сизовым в разных местах Смоленской губернии, частью разрозненные и беспаспортные, хранятся в Государственном историческом музее в Москве; дневники, полевые чертежи и другая документация сохранились не полностью.

[11] Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году. Материалы по изучению Смоленской области, I, 1952, стр. 314—317.

одетым в лучшие одежды, клали все наиболее дорогие для него вещи и все, что, по мнению его современников, могло ему пригодиться в загробном мире: оружие, украшения, утварь, пищу. Если покойный был знатен и богат,— убивали его любимую рабыню и клали ее труп на костер рядом с трупом господина. После этого часто убивали различных животных — коня, быка, барана, собаку, петуха. После того, как костер прогорал, кости сожженного человека обычно собирали в глиняный горшок и ставили в центре кострища, а затем к горшку сгребали остатки костра. Затем над остатками сожжения насыпали курган, причем землю для насыпи брали тут же, около остатков костра, так что вокруг кургана образовывались канавки-ровики, которые можно наблюдать и сейчас» [12].

Можно полагать, что все основные черты этого погребального обряда в большей или меньшей степени были присущи славянскому населению еще до сооружения курганов в Гнездове, т. е. до конца IX в. Но это вовсе не означает, что погребальный обряд начиная с конца IX в. не приобрел отдельных новых черт, а некоторые его элементы не видоизменились в результате влияния других этнических групп, обитавших в Гнездове вместе со славянским населением. Рассмотрение этих новых черт погребального обряда и отдельных находок может в какой-то степени осветить те процессы этногенеза, которые уже почти закончились в период появления гнездовских курганов.

Одной из таких отличительных черт, изредка встречаемой в Гнездове, является установка урны в перевернутом положении (вверх дном). Д. А. Авдусин отмечает три случая в 42 раскопанных курганах (№ 16, 20, 25), когда урны ставились перевернутыми вверх дном [13]. Отступление от типичного положения урн описывает и В. И. Сизов: «Другой прием для прикрытия горшка, встреченный всего несколько раз, состоял в том, что горшок, наполненный костями, прикрывался сверху другим горшком с отбитыми краями и обращенным дном кверху, или один горшок малого размера вставлялся отверстием книзу в другой большего размера, пустой... Вообще такого рода прикрытия горшков представляют, быть может, пережитки времен более отдаленных» [14]. В этой же работе В. И. Сизова на рис. 4 рядом с сосудом, накрытым другим, изображена урна, перевернутая вверх дном прямо на кострище. Предположение В. И. Сизова, что эта особенность погребального обряда — пережиток более отдаленного времени, в принципе правильно. Если рассмотреть, где встречается этот элемент погребального обряда, то ближайшие аналогии как территориально, так и хронологически мы найдем в древностях Смоленского Поднепровья второй половины I тысячелетия. Перевертывание урн вверх дном и накрытие их другим сосудом прослежено в грунтовом могильнике у дер. Акатово, в 50 *км* от Смоленска. Этот могильник датируется V — VII вв. и по своей культуре относится к кругу балтских памятников [15]. Перевертывание урн — весьма частое явление в длинных курганах VIII—IX вв. Подобная особенность отмечена нами в курганах у деревень Слобода-Глушица, Цурковка, Арефино, Колодня, Василевщина, Акатово, Дроково, Заозерье и Шугайлово [16]. Таким образом, если эта особенность ведет свое начало от грунтовых могильников местных племен третьей четверти I тысячелетия, то сохранение ее в длинных курганах вплоть до конца IX в. говорит, скорее всего, о том, что носители указанной традиции не были

---

[12] Д. А. Авдусин. Гнездовские курганы. Смоленск, 1952, стр. 28.

[13] Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году, стр. 316.

[14] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 17.

[15] Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н.э. МИА, 108, 1963, стр. 58 сл.

[16] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 180 сл.; Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. Материалы по изучению Смоленской области. V, Смоленск, 1963, стр. 94, 100.

вытеснены с данной территории. К концу IX в., т. е. в период возникновения Гнездова, эта черта быстро исчезает, видимо, вместе с ассимиляцией местного населения.

Грунтовым могильникам и длинным курганам была свойственна и другая особенность погребального обряда, заключающаяся в выкапывании в материке особой круглой ямки, куда помещалась часть остатков сожжения; причем в могильниках такие ямки являются правилом [17], а в длинных курганах тоже встречаются довольно часто [18]. Наличие в погребениях ямок вовсе не исключает использования сосудов в качестве урн. Последние иногда бывают и в перевернутом положении, сверху над остатками сожжения, заполняющими ямку [19].

Выкапывание специальных ямок для остатков сожжения встречается и в Гнездове, хотя и очень редко. Так, В. И. Сизов пишет: «В весьма редких случаях горшок заменялся простой ямкой» [20]. В наших раскопках 1962 г. [21] в кургане 106 лесной группы после снятия кострища под его центральной частью в материке было обнаружено углубление — специально выкопанная ямка округлой формы глубиной 0,2, а в поперечнике 0,7 *м*. Яма была заполнена пережженными костями, углем и золой. Сверху же над кострищем, собранным в кучу, находился разбитый лепной сосуд. Д. А. Авдусин, подводя итоги раскопкам курганов в Гнездове в 1950—1955 гг., также отмечает, что «в нескольких курганах под кострищем встречены ямки глубиной 0,2—0,8 *м*, причем в двух таких ямках найдены вещи» [22]. Таким образом, и в этом отклонении от обычного обряда мы видим отзвуки традиций, исчезнувших вместе с теми, кто оставил длинные курганы.

В некоторых погребениях Гнездова кроме пережженных человеческих костей встречены слегка обгоревшие и даже совсем не побывавшие в огне кости лошади. В. И. Сизов отмечает единичные случаи находок целых скелетов коней, отдельных черепов или костей [23]. Кости лошади были обнаружены и С. И. Сергеевым в кургане № 74 [24]. Д. А. Авдусин указывает, что им несколько раз встречены кости лошади, положенные на потухшее кострище; иногда в кострище находились одиночные зубы лошади, имевшие, видимо, символическое значение [25].

Исходя из того, что в целом для славянских племен не характерно погребение умершего с конем, приходится считать наличие скелетов лошадей или отдельных костей в погребениях Гнездова либо заимствованным, либо пережитком, сохранившимся в процессе ассимиляции другой этнической группы.

Среди племен лесной полосы, находившихся в соседстве со славянами-кривичами, погребения с конями было твердо соблюдаемым обычаем только у древних литовцев. Погребения с конями известны здесь начиная со II—I вв. до н. э. Особенно широкое распространение этот обычай получил в VIII—XII вв. Исчезает же он в начале XIII в. в связи с изменением

---

[17] Е. А. Шмидт. Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области. СА, 1962, 4, стр. 191 сл.

[18] Его же. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области, стр. 100.

[19] Его же. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н.э., стр. 66, погребение 23.

[20] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 15.

[21] Е. А. Шмидт. Отчет о раскопках, проведенных в 1962 году в Смоленском районе. Архив ИА АН СССР, д. Р-I, 2724.

[22] Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов. Материалы по изучению Смоленской области, 2, стр. 177.

[23] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 11, 12.

[24] А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, стр. 11.

[25] Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году, стр. 315, 318.

погребального обряда [26]. В междуречье Днепра и Западной Двины этот обычай мог попасть, скорее всего, из балтской (древнелитовской) среды. Поскольку прямые контакты смоленских кривичей, обитавших в Гнездове, с древними литовцами маловероятны, то и прямое заимствование этой обрядности от литовцев, видимо, исключается. Обычай погребать умершего с конем попадает в Гнездово как балтский элемент, через население, обитавшее в Днепро-Двинском междуречье до конца IX в. и оставившее длинные курганы. В длинных курганах VIII—IX вв. во многих погребениях встречены пережженные кости с металлическими частями узды, слегка обожженные кости и зубы, кости лошади, не побывавшие в огне [27]. В славянских курганах Смоленщины XI—XII вв. погребения с конями не обнаружены.

Все вышеуказанные особенности погребального обряда Гнездова подкрепляют предположение, что здесь прослеживаются старые традиции, присущие местному населению середины I тысячелетия и перешедшие через культуру длинных курганов (которой еще были свойственны многие балтские черты) к древнерусским памятникам.

Громадное количество вещей, найденных во время раскопок Гнездова, не оставляют никакого сомнения в том, что основная масса населения уже не имеет ничего общего по своей культуре с тем населением Смоленского Поднепровья VIII—IX вв., которое оставило длинные курганы. Однако в инвентаре некоторых погребений улавливаются отдельные черты, либо существовавшие в предшествующую пору, либо типологически возникшие из них.

Так, в мужских погребениях Гнездова есть железные пряжки с вогнутыми во внутрь боками [28], аналогии которым известны прежде всего в длинных курганах [29]. Но не исключается и иное их происхождение, так как такие пряжки были широко распространены в Европе VI—VIII вв.

Круг распространения железных трубочек с ушком (обоймицы для трута?) не так широк: они встречаются преимущественно в лесной полосе и исчезают на рубеже X и XI вв. В Гнездове они найдены несколько раз [30]. Однако такие железные трубочки — весьма частая находка в мужских погребениях длинных курганов [31].

Металлические украшения женского убора балтского типа, характерные для смоленских длинных курганов, в гнездовских погребениях не найдены, хотя отдельные предметы подобного облика все же известны. При раскопках гнездовского городища в 1940 г. Н. В. Андреевым и Н. П. Милоновым были найдены в погребении бронзовые трапециевидные тонкие подвески [32]. Орнамент одной из них состоял из элементов, совершенно аналогичных орнаменту подвесок из длинных курганов [33]. С. И. Сергеевым обнаружена медная из тонкой проволоки спиралька. В этом же кургане находился обрывок медной цепочки из парных колечек [34]. Некоторые типы пуговиц, встреченные В. И. Сизовым и С. И. Сергеевым [35], очень

[26] Р. К. Куликаускене. Погребения с конями у древних литовцев. СА, XVII, 1953, стр. 212 сл.

[27] Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области, стр. 103 и 113.

[28] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, табл. VII, рис. 13.

[29] Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, 6, 1941, табл. IV, *5*; табл. V, *5*.

[30] А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, стр. 13, рис. 27, курганы, 43, 50, 80.

[31] Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки, табл. VI, *1*; Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области, стр. 109, рис. 15, *2*.

[32] Н. П. Милонов. Дневник раскопок Гнездовского городища Смоленской области в 1940 году. Архив ЛОИА АН СССР, фонд 35, оп. 1, 1940, № 32, листы 20 и 58.

[33] Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки, табл. VI, *4* и др.

[34] А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, стр. 17.

[35] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, табл. III, *52*, *54*, *56*, *57*; А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, рис. 23, 25.

близки находкам из длинных курганов [36]. То же можно сказать и о синих стеклянных бусах, имеющих форму куба со срезанными вершинами (14-гранные), найденных как в Гнездове, так и в длинных курганах [37].

Лепная глиняная посуда из гнездовских курганов сравнительно однообразна. Она представлена горшками, которые по особенностям их формы можно разделить на три группы. Первая группа (рис. 1, *3*) имеет резкий изгиб плечика и укороченный венчик, что сближает ее с керамикой из длинных курганов [38]. Таких сосудов сравнительно мало. Вторая группа (более многочисленная) (рис. 1, *5*) ближе стоит к роменской керамике. Это высокие горшки с массивными стенками и отогнутым наружу венчиком, при хорошо выраженном плечике. Третья группа сосудов (рис. 1, *4*) очень своеобразна. Они почти не имеют округлого плечика, а венчик у них мягко отогнут наружу. Такая посуда в какой-то степени сближается по форме с сосудами из могильников и городищ-убежищ Смоленщины [39]. Посуда второй и третьей групп, видимо, послужила исходной формой для основных групп гнездовской гончарной керамики, тогда как первая группа, скорее всего, прямых продолжений в гнездовской гончарной традиции не имеет. Орнамент в виде ложногребенчатых вдавливаний, нанесенных концом круглой палочки, обмотанной веревочкой, встречен только на сосудах двух первых групп (рис. 1, *1*, *2*). По своему характеру он совершенно аналогичен орнаментам сосудов из длинных курганов и керамики роменской культуры. Таким образом, и лепная глиняная посуда несет на себе некоторое влияние керамики тех культур, которые предшествовали гнездовским курганам в Смоленском Поднепровье.

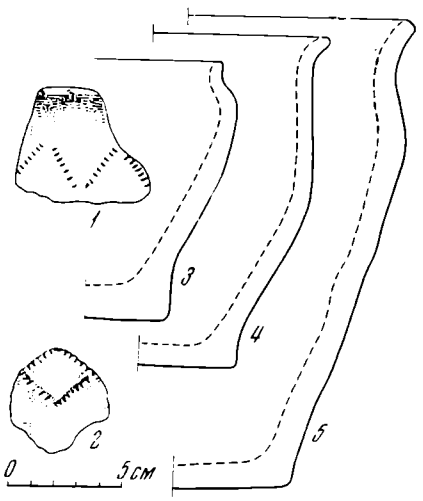


Рис. 1. Некоторые типы сосудов ручной работы из Гнездова

1, *2* — фрагменты сосудов с ложногребенчатым орнаментом, нанесенным концом палочки, обмотанной веревочкой (подъемный материал); *3*—*5* — профили сосудов (раскопки Д. А. Авдусина; *3* — из кургана 41, *4* — из кургана 22, *5* — из кургана 5)

Объяснить находку которых перечисленных выше предметов торговлей с другими племенами, пожалуй, невозможно, так как вещи именно такого облика у других племен X в. вышли из употребления. Наличие же их в Гнездове подтверждает те наблюдения, о которых говорилось выше, при рассмотрении отклонений в элементах погребального обряда. Таким образом, и эти вещи надо считать свидетельством проявления балтских элементов у ассимилированного местного населения, попавшего в Гнездово. Этим, видимо, и объясняется, их немногочисленность в курганных погребениях.

Если каждый отдельно взятый элемент сам по себе еще не является вполне убедительным доводом, то наличие в Гнездове целой группы таких признаков, генетически увязывающихся с одними и теми же исходными культурами данной территории, позволяет считать наши выводы сравнительно обоснованными. Кроме того, в Гнездове есть отдельные погребения, выделяющиеся из общей массы инородным характером костюма и украшений. Таков один курган, раскопанный В. И. Сизовым. Здесь среди

---

[36] Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки, табл. VI, *4*—*8*, табл. VIII, *19*.

[37] А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, рис. 12; В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 53; Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области, стр. 104, рис. 7, *18*.

[38] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 184, рис. 4, *5*, *6*.

[39] Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э., стр. 90, рис. 6, *1*.

остатков женского трупосожжения были встречены фрагменты украшений, предположительно рассматриваемые как бронзовый венчик или височные серьги, а также обломок бронзовой шпильки с эсовидным концом (а может быть, разогнувшееся от огня височное колечко), обломок треугольной бляшки с орнаментом, бронзовая пуговица и стеклянные бусы темного цвета [40]. В данном случае есть известные основания считать это женское погребение балтским, причем с целым набором характерных украшений. Погребенная, видимо, была выходцем из летто-литовской среды.

Совершенно другой характер имеет набор украшений из кургана с трупосожжением, раскопанного Ф. М. Кусцинским. Здесь украшения представлены тремя бронзовыми шумящими подвесками. В. И. Сизов обратил особое внимание на этот комплекс и отметил его особое сходство с погребальным обрядом финнов (Борковский могильник и др.). Он высказал мнение, что рассмотренный курган «представляет единичный случай женского инородного, а именно финского, погребения». Это положение он дополнительно подкрепляет и анализом характера вещей, «из которых три женских ажурных украшения несомненно могут быть отнесены не только по стилю, но и по технике к характерным мерянским украшениям» [41]. Это мнение в данном случае целиком разделяет и Е. И. Горюнова [42]. Видимо, женщина, погребенная в кургане, попала в Гнездово непосредственно из Западного Поволжья, сохранив при этом все особенности своего костюма.

Рассмотрение даже той части гнездовского материала, которая была опубликована до сих пор, подтверждает факт неоднородности происхождения славянского населения Гнездова. Видимо, к X в. процесс этногенеза кривичей полностью еще не был закончен. Главными компонентами в формировании гнездовской группы кривичей были большая масса продвинувшихся на север славян и остатки местного ассимилируемого балтского населения. Можно предполагать, что ассимиляция местного балтского населения началась еще до возникновения гнездовских курганов X в, так что в них археологически прослеживаются только отзвуки этого интенсивного процесса, протекавшего накануне X в. Поскольку Гнездово отражает жизнь торгово-ремесленного поселения, совершенно закономерно нахождение в нем отдельных представителей и других этнических групп, обитавших в соседних областях и поддерживавших с кривичами экономические, торговые и культурные связи.

E. A. Schmidt

SUR LA COMPOSITION ETHNIQUE DE LA POPULATION DE GNEZDOVO

Résumé

La question de la composition ethnique de la population de Gnezdovo, un des centres les plus importants du tribu slave oeirntal de krivitches de la fin des IXe—X^{e} de notre ère, n'était considérée auparavant que du point de vue des relations de Slaves et de Varègues. Or, l'analyse de tous les documents publiés provenant des kourganes de Gnezdovo montre que le rite funéraire et le mobilier correspondant comprennent aussi d'autres éléments étrangers à la population slave, et remontant aux cérémonies funéraires propres aux cultures baltiques orientales du milieu du Ier mill. de notre ère. A titre d'exemple, on peut citer les rites de renverser les urnes, de fouiller les fosses funéraires particulières, consumer le cheval et le guerrier, etc. Cela permet de supposer que la population slave de Gnezdovo n'était pas homogène par son origine et le processus de la génése ethnique des krivitsches de Gnezdovo n'était pas entièrement achevé vers le Xe siècle. Dans la formation des slaves-krivitches les composantes essentielles étaient la masse des slaves avancés au nord et les restes de la population locale baltique orientale.

[40] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 22.

[41] Там же, стр. 79—81, рис. 26.

[42] Е. И. Горюнова. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища. КСИИМК, 65, 1956, стр. 24, 25.

Публикации

К. И. ЗАЙЦЕВА

РАСПИСНАЯ КУРИЛЬНИЦА-УРНА ИЗ ОЛЬВИИ

Среди местных керамических изделий Ольвии одним из интереснейших памятников является курильница-урна, хранящаяся в Государственном музее зарубежного искусства г. Риги. Яркая полихромная роспись, когда-то покрывавшая всю поверхность курильницы и довольно хорошо сохранившаяся, мотивы росписи выделяют этот сосуд не только среди местных ольвийских, но и среди всех полихромных сосудов Причерноморья.

Курильница-урна издана дважды [1], однако после публикаций она не вошла в научный обиход, а оба эти издания в настоящее время являются библиографической редкостью. Между тем, эта урна должна занять достойное место среди полихромных сосудов, давно назрела потребность в новом издании ее и переосмыслении замечательной росписи [2].

Урна была найдена в Ольвии в первой половине XIX в. [3] Э. Р. Штерн неправильно отнес ее к изделиям боспорских мастеров [4]. На самом деле курильница-урна сделана в Ольвии: типично ольвийской является желтовато-коричневая глина с примесями мелких песчинок и извести, форма сосуда. Отличаясь большими размерами, по форме она относится к курильницам, которые в свое время выделены нами в первую группу (рис. 1). [5]

Поверхность урны была покрыта яркой полихромной росписью по предварительной грунтовке, нанесенной дважды. Первый раз вся поверхность сосуда была покрыта желтовато-белым составом неодинаковой толщины, нанесенным в технике, подобной темпере. Второй раз грунтовка была нанесена только по венчику, конусовидной части тулова и подставке, она сделана чисто белым известковым или гипсовым составом. На белом фоне по венчику выделялись овы, исполненные синей краской, а полоски, обрамляющие их,— темно-красной. Над ручками — узкий желтый пояс, под ним, в наиболее широкой части тулова,—остатки темно-красной

---

[1] E. Stern. Eine hellenistische Aschenurne aus Olbia. Балтийский Сборник исследований по археологии и истории. Берлин, 1914, стр. 48—56, табл. VIII; O. Rudovska. Antikās mākslas piemineklī Latvijā. «Senatne un maksla», 1939, 6, стр. 116.

[2] Приношу большую благодарность дирекции художественных музеев и выставок Латвийской ССР за разрешение вновь перездать урну, главному хранителю фондов Гос. музея зарубежного искусства В. С. Спрогис и реставратору дирекции выставок Латвийской ССР Н. Я. Петухову, оказавшим мне большую помощь при изучении курильницы-урны в г. Риге.

[3] E. Stern. Ук. соч., стр. 52, 53.

[4] Там же, стр. 52, 54.

[5] К. И. Зайцева. Местная керамика Ольвии эллинистического времени (Курильницы и амфоры). Тр. ГЭ, VII, Л., 1962, стр. 185, рис. 1; стр. 186, рис. 2. Высота курильницы-урны 26,5 *см*, а наиболее близких к ней курильниц первой группы (стр. 186, № 2 и 5) — 18,1 и 17,5 *см*. Сохранность урны: в двух местах недостает обломков края с венчиком, приклеено несколько обломков подставки, часть ее добавлена гипсом, выбоинки. Роспись сохранилась не полностью.

росписи. Конусовидная часть тулова сосуда украшена четырьмя широкими трапециевидными полосами, суживающимися книзу и разделенными четырьмя черными узкими линиями. По незначительным остаткам краски можно предполагать, что одна широкая полоса была сплошь расписана черной или синей краской, вторая — красной, третья и четвертая — черной или коричневой. Вероятно, такой же рисунок повторялся по верху подставки, а под ним — два узких горизонтальных пояска (черный и красный), между которыми на вогнутой нижней части подставки сохранилась небольшая часть пояса из ов, исполненного в такой же технике, как по венчику.

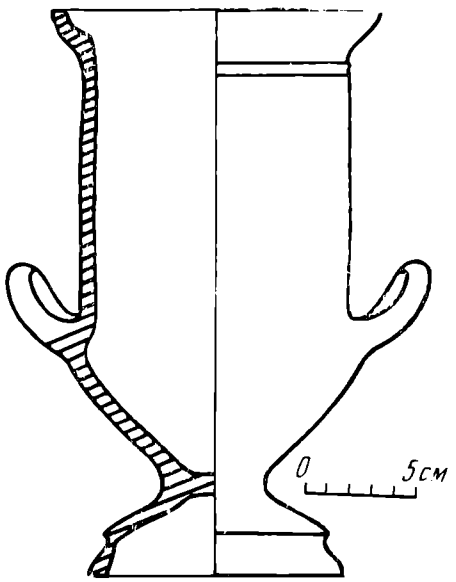


Рис. 1. Форма курильницы-урны из Ольвии

Главная роспись располагается по цилиндрической верхней части курильницы на широкой полосе высотою около 10,5—11 *см*, общим протяжением вокруг сосуда 39—39,5 *см* (рис. 2, цветная вклейка). На этой полосе нанесены контуры рисунка, исполненные коричневато-серой краской. Пространство, свободное от росписи, было покрыто черной краской, после чего расписывались сами изображения.

По определению Э. Р. Штерна, на урне изображен «натюрморт», состоящий из двух белых стеклянных флаконов, тыквы или арбуза, двух «корзиночек» или чаш в форме цветка с лежащими на них фруктами, и цветка арацеи [6]. Однако далеко не со всеми определениями Э. Р. Штерна можно согласиться.

Рассмотрение росписи на курильнице-урне мы начнем с наиболее ясных изображений, и прежде всего с предмета, обозначенного цифрой 2 (рис. 2, *2*). Здесь изображен большой, округлый, слегка сплющенный плод, разделенный на дольки пурпурными и серовато-коричневыми линиями, веерообразно расходящимися от его сердцевины. Э. Р. Штерн назвал это изображение тыквой или арбузом. Его определение необоснованно, так как тыква в античное время в Средиземноморье не была известна, а для определения древнего ареала арбуза, по мнению акад. П. М. Жуковского, нет никаких данных [7].

Вероятнее всего, на ольвийской курильнице изображена дыня, которая была известна с древнейших времен и культивировалась в странах Средней и Малой Азии и в Иране. Малая Азия была родиной дынь многих сортов [8], оттуда дыни вполне могли быть завезены в Ольвию. В пользу нашего определения свидетельствует и то, что на поверхности плода в нескольких местах сохранились светло-коричневые пятна. По всей вероятности, плод был светло-коричневым, с более темными линиями, делящими его на продолговатые дольки, и с белыми бликами, придававшими объемность этому изображению. Дыня лежит на каком-то плоском предмете, коричневый контур которого удается рассмотреть с большим трудом.

Необходимо отметить, что такое довольно реалистическое изображение дыни мы встречаем впервые. В. Д. Блаватский пишет, что о бахчеводстве на Северном Понте древние авторы ничего не говорят, а изображение дыни или тыквы он видит среди фруктов на столике перед пирующим

---

[6] E. Stern. Ук. соч., стр. 53, 54.

[7] П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. Л., 1964, стр. 50, 51. 660, 661, 667.

[8] БСЭ, 15, М., 1952, стр. 330; П. М. Жуковский. Ук. соч., стр. 29, 32, 33, 650. 654; Ботанический атлас, М.— Л., 1963, табл. 63, *1б*.

Гераклом только на одном рельефе III в. до н. э., найденном недалеко от Евпатории [9].

Изображение, обозначенное на нашем рисунке под цифрой 4, представляет собой большой лист с четырьмя зубцами с каждой стороны и одним сверху, с гладкой, овальной сердцевиной (рис. 2, *4*). Одни ученые называют это цветком арацеи, другие — цветком каллы. По мнению Э. Якобсталя, в основу этого орнамента были положены растения из семейства арацеевых или ароидных, в состав которых входит много растений [10]. Многим из этих растений свойственны изрезанные, зубчатые листья, а самое главное — наличие колосовидного соцветия или початка (spadix), окруженного прицветным листом (цветолистом) или покрывалом (spatha) [11]. Мелкие цветочки на початке и прицветный лист растений из семейства арацеевых бывают ярко окрашены в различные цвета: белый, желтый, розовый, красный, зеленый и др. Растения с такой яркой раскраской безусловно обратили на себя внимание греческих художников. Э. Якобсталь считал, что из всех арацеевых внимание художников прежде всего привлек Arum dracunculus — растение огромных размеров с пестрым стеблем и цветолистом, внутренняя поверхность которого окрашена в темно-пурпурный цвет [12].

Обычно прицветный лист у растений семейства арацеевых бывает гладким. Однако гладкий лист не давал художнику возможности для живописного изображения и оживления плоскостей, на которых он помещался, потому такой лист был заменен зубчатым, изрезанным листом того же семейства арацеевых или листом аканфа, столь излюбленного в греческих орнаментах начиная с VI в. до н. э. Получился орнамент, соединивший в себе естественные формы разных растений и в своем дальнейшем развитии освободившийся от связи с первоначальной растительной формой. Э. Якобсталь такое образование назвал Araceenformen [13]. Не вызывает сомнений, что из-за собирательного, обобщенного характера таких изображений следует называть их цветком арацеевых растений или условно цветком арацеи.

На урне из Ольвии изображено именно такое сочетание гладкого соцветия, обозначенного розовой краской, с зубчатым листом растений из семейства арацеевых или листом аканфа. Этот лист расписан желтой краской, а края зубцов — пурпурной. Такой пурпурный цвет характерен для листьев аканфа [14].

Изображения цветков арацеи встречаются на многих памятниках греческого искусства IV—II вв. до н. э. В виде этого цветка изготовлялись глиняные антефиксы, вместе с побегами аканфа и другими растительными орнаментами он украшает архитектурные детали, надгробные стелы [15], такие деревянные саркофаги, как Анапский и Абусирский [16]. Мы видим

---

[9] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 84, М. А. Наливкина этот предмет на рельефе рассматривает как изображение круглого, плоского хлеба. М. А. Наливкина. О некоторых памятниках античной эпохи северо-западного Крыма. СА, VI, 1940, стр. 108, рис. 1.

[10] E. Jacobsthal. Araceenformen in der Flora des Ornaments. Kaiserslautern, 1889, стр. 7—9.

[11] M. Meurer. Vergleichende Fromenlehre des Ornamentes und der Pflanze. Dresden, 1909, стр. 294, 295, Abt. XII, табл. 11.

[12] E. Jacobsthal. Ук. соч., стр. 10, 11; табл. 4; H. Meurer. Ук. соч., стр. 296.

[13] E. Jacobsthal. Ук. соч., стр. 6, 8.

[14] M. Meurer. Das Griechische Akanthusornament und seine Natürlichen Vorbilder. JDAI, 1896, стр. 135.

[15] G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, стр. 17, рис. 4; табл. VI, 108—110; M. Möbius. Die Ornamente der Griechischen Grabstelen Klassischer und Nachklassischer Zeit. Berlin — Wilmersdorf. 1929, табл. 58, *a*.

[16] ОАК за 1882—1888 гг. Приложения, табл. между стр. 72 и 73; А. П. Иванова. Анапский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма. Тр. ГЭ, II, Л.— М., 1958, стр. 106, рис. 13, 14; C. Watzinger. Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen. Leipzig, 1905, стр. 36, рис. 64; табл. III.

цветок арацеп в росписи склепа Деметры или Коры в кургане Большая Близница, на многих золотых изделиях: например, на головном уборе из кургана Ак-Бурун, на обивках горитов, подобных найденному в Чертомлыцком кургане [17].

Даже краткого перечня памятников, украшенных цветами арацеп, достаточно, чтобы убедиться, как широко греческие мастера использовали эту своеобразную орнаментальную форму [18].

Детали росписи, обозначенные на нашем рисунке под № 1 и 5, 3 и 6,— это двойные, почти одинаковые изображения, отличающиеся только деталями исполнения (рис. 2).

Э. Р. Штерн изображения, обозначенные под № 1 и 5, определил как стеклянные флаконы в форме «слезинки», обрамленные красными ланцетовидными листьями. С такими определениями никак нельзя согласиться, во-первых, потому, что стеклянные флаконы в форме «слезинки» стали изготовляться только в первые века нашей эры и поэтому не могли быть изображены на курильнице раннеэллинистического времени; во-вторых, такому определению противоречит наличие «ланцетовидных листьев», которые как раз свидетельствуют о том, что они обрамляют какую-то растительную форму, а никак не сосуды или флаконы. Близкие к ним изображения встречаются вместе с другими растительными мотивами на многих памятниках, уже упоминавшихся выше.

Нам кажется, что здесь мы также имеем дело с сильно стилизованным изображением растений семейства арацеевых или ароидных. Колбообразной формы сердцевину, определенную Э. Р. Штерном как стеклянный флакон, на наш взгляд, надо рассматривать, как изображение еще не раскрывшегося прицветного листа арацеевых с заключенным в нем соцветием или початком. В правильности сказанного убеждает одно очень близкое рельефное изображение на обломке ножки мраморного треножника, найденного в Пергаме, которое названо арацееобразным цветочным початком [19].

Изображение прицветного листа помещено на фоне листьев с заостренными, зубчатообразными краями. По форме своей они напоминают опорные листья аканфа [20]. Листья расписаны розовой краской, прожилки — серовато-коричневыми линиями, тени — красной краской. На сердцевине первого изображения сохранились незначительные остатки голубой краски, вероятнее всего, она была сплошь покрыта голубой краской. Лучше сохранилась роспись сердцевины пятого изображения. Она по вертикали украшена зигзагообразной коричневой линией, а по сторонам ее — двумя более бледными такими же линиями, ярко выделявшимися на чисто белом фоне. Не стремился ли художник этими зигзагообразными линиями показать волнистые края раскрывающегося цветолиста? Во всяком случае, эти линии, а также желтые пятна, сохранившиеся во многих местах, создавали впечатление объема, округлости сердцевины. На маленьких полукруглых лепестках внизу пятого изображения сохранились остатки голубой краски.

Третье и шестое изображения Э. Р. Штерн именовал так: третье —

---

[17] Б. В. Фармаковский. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в М. Ильинцах. «Сб. статей в честь А. А. Бобринского», СПб., 1911, табл. I, II.

[18] Различные изображения цветов арацеп на античных памятниках приведены также у Э. Якобсталя и М. Меурера, которые указывали что этот цветок применялся в качестве украшений не только в античное время, но в Средние века и даже в эпоху Возрождения. E. Jacobsthal. Ук. соч., стр. 7, 11—16, табл. 1—3, 5—8; M. Meurer. Vergleichende Formenlehre des Ornamentes..., стр. 21, 297, XII, табл. 12.

[19] Altertümer von Pergamon, VII, 2, Berlin, 1908, стр. 349, рис. 443. Другое близкое изображение, правда римского времени, имеется у Э. Якобсталя. E. Jacobsthal. Ук. соч., табл. 2, рис. 11.

[20] M. Meurer. Das Griechische Akanthusornament..., стр. 117, рис. 1; стр. 140, рис. 31, 32.

Рис. 2. Роспись курильницы из Ольвии, частично реконструированная автором (к статье К. И. Зайцевой «Расписная курильница-урна из Ольвии»)

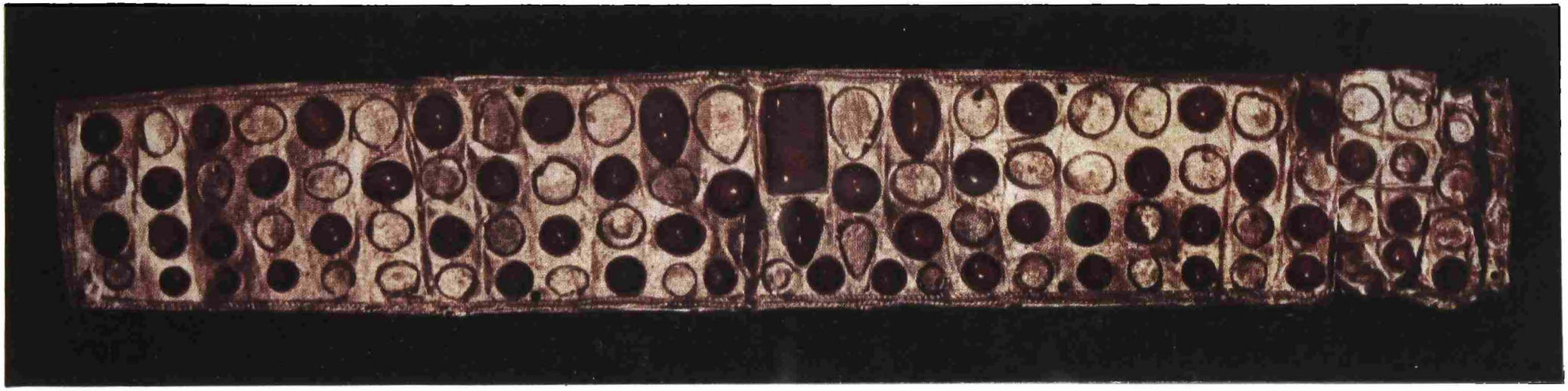


Рис. 2. Диадема из погребения у с. Антоновка (к статье М. А. Тихановой, Н. Т. Черпякова «Новая находка погребения с диадемой в Северо-Западном Причерноморье»)

овальной чашей в форме цветка, на которой лежит «белый, яйцевидный фрукт», и шестое — «корзиночкой» в форме цветка каллы, на которой лежит «желтый, обтянутый красной сеткой фрукт». С этими определениями Э. Р. Штерна можно частично согласиться. Действительно, в третьем и шестом изображениях наблюдается больше всего сходства с цветком каллы или вообще арацеевых растений в момент созревания плода. В сильно стилизованной и обобщенной манере, придав прицветному листу вид колокольчика с горизонтально расположенным овальным верхом, художник передал тот момент, когда увядающий прицветный лист полностью раскрылся и обнажил созревающий початок-плод [21]. «Фрукты», по определению Э. Р. Штерна, могут быть изображениями именно таких созревающих арацеевых початков. Один из них в настоящее время является гладким, «красную сетку» на другом следует рассматривать как обозначение мелких плодиков-ягодок, сидящих на початке.

К третьему и шестому изображениям добавлены остроконечные листочки. Это сделано для заполнения свободного пространства или для того, чтобы указать на растительные мотивы, лежащие в их основе [22].

Краски на третьем и шестом изображениях, сохранились значительно хуже. Овальный верх прицветного листа (рис. 2, *3*) расписан розовой краской, остатки такой же краски сохранились в вершинках остроконечных листьев. По-видимому, весь прицветный лист и остроконечные листочки были розовыми с тенями, обозначенными красной краской, початок же, вероятнее всего, был ярко-голубым.

Судя по незначительным остаткам краски, сохранившимся на шестом изображении, его овальный верх и остроконечные листочки, очевидно, были расписаны ярко-голубой, небесно-лазуревой краской, а расширяющаяся кверху ножка цветолиста — ярко-красной или розовой краской. На плоде-початке этого изображения довольно хорошо сохранилась роспись желтой краской, плодики обведены пурпурной краской.

Таким образом, роспись на оливийской курильнице-урне нам представляется возможным рассматривать как изображение различных периодов цветения и созревания плода растений из семейства арацеевых, взятых в соединении с листьями аканфа. Первое и пятое изображения — наиболее ранняя стадия, когда прицветный лист еще свернут в колбообразное образование и полностью закрывает собою соцветие или початок; четвертое изображение — период цветения, когда початок виден на фоне цветолиста или заменяющего его листа аканфа; третье и шестое изображения — последняя стадия, когда увядающий прицветный лист раскрыт полностью, обнаружив початок — плод. Хотя изображения стилизованы и трактованы в обобщенной манере, тем не менее чувствуется знакомство художника с самими растениями, лежащими в основе росписи.

Роспись исполнена яркими красками белого, ярко-голубого, синего, желтого, розового, красного, пурпурного, коричневого, черного цветов. Эти цвета оттенялись и казались еще более глубокими благодаря белой грунтовке сосуда, а в основном фризе — черному фону, заполнявшему пространство между изображениями. Ольвийский вазописец контрастно сопоставляет цвета — синий с ярко-красным, розовый с голубым или желтым, белый с пурпурным — и определенным образом чередует их, в целом создавая яркий, красочный рисунок. Как два слоя грунтовки, так и вся роспись нанесены на поверхность курильницы после ее обжига красками естественного происхождения, в состав которых определенно входят клеящие вещества.

---

[21] Ср. третье и шестое изображения на курильнице-урне с воспроизведениями: M. Meurer. Vergleichende Formenlehre des Ornamentes..., стр. 295, XII, табл. 11, верхний рисунок; Ботанический атлас, М.— Л., 1963, табл. 125, *2*.

[22] Изображение цветка в виде колокольчика с початком-плодом на нем имеется на Анапском саркофаге. ОАК за 1882—1888, СПб., 1891, табл. V, *14*. Ср. роспись на курильнице со здесь же помещенными рисунками № 2 и 16.

Интересными представляются вопросы, в каком соотношении с полихромными вазами Ольвии и других центров находится рассматриваемая курильница, в чем своеобразие ее росписи и имеется ли связь этой росписи с погребальным назначением урны?

Известно, что в эпоху эллинизма во многих центрах античного мира изготовлялись сосуды с яркой полихромной росписью. Ольвия была одним из таких центров по производству «акварельных» ваз разнообразных форм, основное место среди которых занимали курильницы и амфоры. К сожалению, роспись сохранилась на немногих из них. Так, из семи изданных нами ранее курильниц первой группы роспись почти полностью сохранилась только на одной. Она состоит из пояса ов по венчику и такого же орнамента из трепециевидных полос, разделенных узкими линиями, как на урне из Рижского музея. Верхняя же, цилиндрическая часть курильницы расписана иначе: на ней слабо виден голубой растительный орнамент в виде ветки с продолговатыми листьями [23]. Роспись на курильнице-урне из Риги можно сравнить с кувшином и кратером из Одесского музея [24], с фрагментом ойнохои, изданном В. Д. Блаватским, где в изображениях растительных мотивов и пальметок чувствуется гораздо большая стилизация [25], с росписью вазы с изображением Харона. Последняя ваза выделяется среди всех полихромных сосудов Северного Причерноморья фигурными композициями, исполненными с большим мастерством; на ней изображено прощание матери с умершим ребенком и увод его служанкой в лодке Харона. Как правильно считает Т. Н. Книпович, эта ваза относится к числу выдающихся памятников искусства [26].

Отличаясь от вазы с изображением Харона росписью, уступая ей мастерством исполнения, тем не менее курильница-урна из Риги выделяется не только среди ольвийских, но и среди всех известных полихромных сосудов. Художник, расписавший курильницу, безусловно был хорошо знаком с произведениями греческого искусства, но он по-своему, своеобразно, переработал некоторые растительные мотивы, широко распространенные в греческих орнаментах, создав роспись, какой нет ни на одном из изданных полихромных сосудов.

Растительные мотивы, украшающие полихромные вазы, как правило, бывают сплетены в орнаментальные гирлянды из побегов, плодов, завитков, стеблей или веток [27]. Одной из основных особенностей курильницы является то, что на ней такой гирлянды нет. Вместо этого ольвийский художник свободно расположил вокруг сосуда отдельные изображения растений и плодов, тем самым подчеркнув значение каждого из них. Этому впечатлению способствуют также преувеличенно большие размеры растений, если сопоставить их с изображением дыни. Отличается урна и тем, что растения, украшающие ее, показаны в их последовательном, временно́м развитии. Необычно в росписи изображение ов по нижнему краю подставки курильницы.

Ольвийские курильницы изготовлялись специально для погребальных целей, они служили для воскурений в честь различных богов. Курильни-

---

[23] К. И. Зайцева. Ук. соч. рис. 1, *2*, стр. 186, 187.

[24] Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья. СА, VII, 1941. стр. 141, рис. 3, стр. 145, рис. 8.

[25] В. Блаватський. Поліхромна ойнохоя з Ольвії. «Археологія», I Київ, 1947, стр. 153—160, рис. 1, 2.

[26] Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах северного Причерноморья. АГСП, М.— Л., 1955, стр. 382, 385, рис. 21.

[27] См. боспорские пелики — Т. Н. Книпович. Художественная керамика..., стр. 386, рис. 24, сосуды из Александрии — Э. Р. Штерн. К вопросу об эллинистической керамике. ЗООИД, XXVIII. Одесса, 1910, табл. III, *5*; К. В. Тревер. Ольвийская полихромная амфора 1901 года. Пг., 1918, табл. I—IV; кувшины, найденные около Карфагена — M. E. Pottier. Vases hellenistiques a fond blanc. Mon. Piot. XX, Paris, 1913, стр. 172—174, рис. 1—4; табл. XII; аски из Канозы в Италии — M. Jatta. Le tombe canosine del museo provinciale di Bari. RM, 29, 1914, табл. IX, *1*; табл. X, 2, *a*, *b*.

ца из Рижского музея почти до половины заполнена прахом умершего человека, следовательно, она была использована в качестве погребальной урны. Сам собою напрашивается вопрос: существует ли какая-либо связь между мотивами росписи и культом мертвых? М. Меурер в своей работе, посвященной аканфовому орнаменту, писал, что Acanthus mollis, ставший прообразом многих орнаментальных форм, употреблялся не только как декоративное растение, но что его специально сажали на некрополях, что вначале он был включен в орнамент в его символическом значении и раньше всего появился на надгробных стелах и белых лекифах, имевших погребальный характер. На связь аканфа с культом мертвых, как писал М. Меурер, указывают приведенные Диодором сведения, что погребальная колесница Александра Великого была украшена завесами из золотого аканфа, и приведенное Афинеем сообщение Гелланика, согласно которому сельские жители Мемноса на его могилу в Абидосе вешали венки из цветов аканфа [28].

Интересны наблюдения ученых, что в орнамент прежде всего были введены те растения, которые полезны для человека, что многие арацеевые растения использовались для целей питания и лечения [29].

Вероятно, о «полезности» изображенных на курильнице-урне растений свидетельствует объединение их с явно полезным плодом — дыней. Такое объединение, по-видимому, не является случайным. Можно высказать предположение, что преувеличенно большими по сравнению с дыней изображениями арацеевых растений художник стремился подчеркнуть именно их полезные для человека свойства. Вместе с тем, такие мотивы росписи, как листья аканфа, свидетельствуют о погребальном характере вазы, о предназначении ее в дар умершему человеку. По-видимому, яркая полихромная роспись сосуда, говорящая не о мрачном, а о радостном восприятии мира, должна была напоминать о полезности изображенных растений не только при жизни человека, но и в загробном мире.

Несколько слов о датировке. Э. Р. Штерн датировал урну началом III в. до н. э. [30]. Курильница первой группы, в которую входит эта урна, датированы нами более широким временем: концом IV — первой половиной III в. до н. э. [31]. При уникальности росписи курильницы-урны в целом мы приводили близкие аналогии к цветку арацеи (рис. 2, *4*) и некоторым отдельным частям других изображений, неоднократно упоминали Анапский саркофаг, на ножках которого среди растительного орнамента имеется много изображений, близких к курильнице [32]. Большинство приведенных памятников относится к IV в. до н. э. Анапский саркофаг относится к началу III в. до н. э. [33]. На основании этого временем изготовления курильницы-урны следует считать конец IV — начало III в. до н. э.

---

[28] M. Meurer. Das Griechische Akanthusornament..., стр. 126, 158; Его же. Vergleichende Formenlehre des Ornamentes..., стр. 20, 21.

[29] Феофраст. Исследование о растениях. Перевод с древнегреческого и примечания М. Е. Сергеенко. М., 1951, стр. 236, 2 (VII.12.2), стр. 308, 3 (IV.20.3); E. Jacobsthal. Ук. соч., стр. 9, 10, 14; M. Meurer. Vergleichende Formenlehre des Ornamentes..., стр. 11, 12, 296.

[30] E. Stern. Eine hellenistische Aschenurne..., стр. 54.

[31] К. И. Зайцева. Ук. соч., стр. 188.

[32] См. примечания 16 и 22.

[33] А. П. Иванова. Анапский саркофаг..., стр. 94.

K. I. Zaitseva

UNE CASSOLETTE-URNE COUVERTE DE PEUINTURE DE PROVENANCE D'OLBIA

Résumé

La cassolette-urne qui se trouve au Musée d'Etat de l'art étranger à Riga est un des plus intéressants matériaux parmi les objets en céramique locaux provenant l'Olbia. Toute la surface de l'urne a été couverte de peinture polychrome se déstingant nettement sur un fond noir et blanc. La peinture s'étalait sur la partie cylindrique de la cassolette à la surface du récipient. L'auteur suppose que la péinture représente les images stylisées et généralisées des plantes de la fomille de Aroïdacees à divers stades de leur developpement. Elles forment un ensemble avec des feuilles d'acanthe; on peut y voir egalement la representation d'un melon. Dans les régions voisines du Nord de la Mer Baltique ce récipient est l'unique qui soil convert de telles figurations. Quant à sa forme et aux motifs de son ornement, il se range parmi les cassolettes d'Olbia du premier groupe qui ont fut objet de publications antérieures. La cassolette conservée au Musée de Riga a été faite à Olbia fin IV-e — début III-e siècle avant notre ère, et a servi d'urne funéraire.

М. А. ТИХАНОВА, И. Т. ЧЕРНЯКОВ

НОВАЯ НАХОДКА ПОГРЕБЕНИЯ С ДИАДЕМОЙ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Весной 1965 г. во время земляных работ в песчаном карьере у с. Антоновка Березовского района Одесской области, на правобережье нижнего течения р. Тилигул, было случайно открыто погребение с золотой диадемой (рис. 1) Для обследования места находки выехал один из авторов настоящей публикации, И. Т. Черняков [1].

Как показало обследование, карьер для добычи песка расположен в 2 *км* северо-восточнее села, на краю плато левого склона балки, впадающей в долину р. Тилигул. По словам находчика, рабочего совхоза «Красный партизан» М. С. Рошкова, погребение залегало на глубине 2,5 *м* в слое песка. Погребальная яма не прослеживалась. Костяк лежал в вытянутом положении на спине головой на север, с небольшим отклонением на восток, руки вытянуты вдоль туловища. На лбу черепа находилась украшенная вставками из драгоценных камней золотая диадема, под которой прослеживались остатки войлока. Справа от костяка у ступни стоял небольшой железный предмет, первоначально определенный как сосуд; никаких других вещей при костяке обнаружено не было, равно как не было никаких других погребений в его окружении [2]. Находки переданы в Одесский археологический музей.

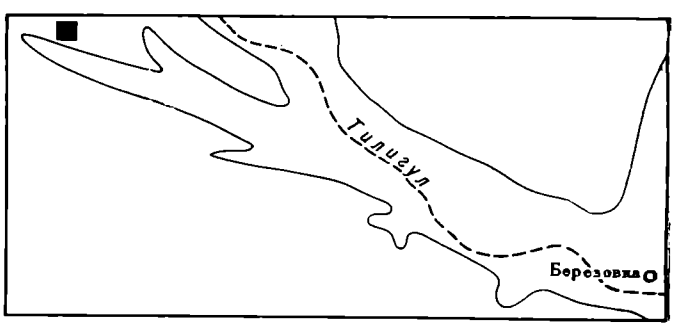


Рис. 1. Место находки

Как показало изучение сильно разрушенных костей черепа профессором Одесского университета И. Я. Яцко, череп принадлежал молодой женщине; следов искусственной деформации на черепе нет.

Диадема представляет собой тонкую прямоугольную золотую пластинку длиной 26, шириной 4,0—4,2, толщиной 0,3 см, закрепленную загнутыми краями на бронзовой основе. Золотая пластинка окаймлена со всех сторон напаянными на нее двумя золотыми ленточками (каждая шириной 0,8 мм), на которых выбит орнамент, вопроизводящий перевитые веревочки или «елочный» узор. Она украшена четырьмя рядами напаянных гнезд-ячеек со вставленными в них различной формы камня-

[1] И. Т. Черняков. Отчет об археологической разведке у с. Антоновка. Фонды ОГАМ.

[2] В окрестностях с. Антоновки до сих пор не был отмечен ни один археологический памятник. И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, Киев, 1951.

ми красновато-желтоватого цвета (половина из которых утрачена). В углах диадемы и по краю ее длинных сторон симметрично расположены 8 отверстий диаметром около 1 *мм*, видимо предназначенные для крепления диадемы на войлочный головной убор (рис. 2 см. вклейку на стр. 112).

Бронзовая основа диадемы разрушена почти полностью, сохранились лишь несколько ее обломков и налет зеленого окисла на оборотной стороне золотой пластины. С лицевой и оборотной стороны диадемы цвет металла различен: снаружи ярко-желтый, даже желто-красноватый, на обороте — белесоватый.

Диадема одночастная, но с отчетливо выделенной центральной частью, где расположены наиболее крупные камни: один большой, в виде удлиненного прямоугольника, по его бокам в верхнем ряду помещено по два больших камня каплевидной формы, ниже — четыре округлых, в третьем ряду сверху снова три каплевидных, но уже меньших размеров, наконец, еще ниже — четыре округлых камня. По бокам этой центральной части размещены равномерно и симметрично в четыре горизонтальных ряда, как бы в 12 столбцах, почти исключительно округлые камни. Более крупные камни помещены в верхнем ряду, более мелкие — в нижнем. Камни прекрасно обработаны, хорошо отшлифованы. На всей поверхности диадемы напаяны 100 гнезд, в которых сохранилось лишь 52 камня; два из них, по словам находчиков, ими утеряны.

Нет никаких сомнений, что часть камней была вынута преднамеренно, притом очень грубым способом. Об этом говорят как бы надрезанные и покоробленные «стенки» гнезд[3]. Хотя мы все время называли диадему золотой, в действительности материал, из которого она сделана, не золото, даже низкопробное[4], а, как показал качественный спектральный анализ, а затем и количественный химический анализ, электр[5], притом, возможно, самородный. То, что диадема электровая, можно было предполагать и на основании белесоватого цвета оборотной стороны золотой пластины; ярко-желтый и даже желто-красноватый цвет ее лицевой стороны, покрытой вставками с камнями, может объясняться тем, что поверхность диадемы была специально позолочена[6].

Украшающие диадему красновато-желтые камни являются разновидностью гранатов, но не рубины, как ошибочно определило все эти камни Бюро товарных экспертиз Одесского отделения Всесоюзной торговой палаты[7]. Один из камней, присланный в Ленинград, был определен специалистами как разновидность известняковых гранатов, видимо гессонит[8]. Как известно, гессонит, крайне редкий в изделиях полихромного стиля, был встречен во втором кладе Силадь-Шомлио (Шимлеул Сильваней)[9].

---

[3] Нередко встречается нарочитое выламывание камней из изделий полихромного стиля; см., например, H. Rupp. Die Herkunft der Zelleneinlage und die Almandin-Scheibenfibeln im Rheinlande. Bonn, 1937, стр. 15. Выпадение и выборка камней наблюдаются почти на всех диадемах (см. таблицу).

[4] Первоначально Одесская инспекция пробирного надзора определила материал диадемы как золото 700-й пробы. См. Акт № 179 от 9 апреля 1965 г. Фонды ОГАМ.

[5] Анализы проводились Лабораторией археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Качественный спектральный анализ показал много золота, серебра и меди; химический (количественный) анализ — до 40% серебра, точно 53,42% золота, 39,67% серебра, 3,18% меди и 3,31% железа.

[6] Такой прием был применен при обработке поверхности серебряной (или электровой) диадемы, происходящей из женского погребения в м. Герасень, район Плоешти в Румынии. Находка еще не опубликована (см. табл. 1, *20*). Сведения почерпнуты из письма проф. И. Вернера (Мюнхен) к М. А. Тихановой от 1 ноября 1966 г. Дополнительные сведения и фотография диадемы получены от Г. Дьякону (Бухарест). Пользуемся случаем принести проф. И. Вернеру и д-ру Г. Дьякону глубокую благодарность.

[7] Акт № 6164 от 25 мая 1965 г. Фонды ОГАМ.

[8] Определение заведующей лабораторией музея Ленинградского горного института В. Г. Кузнецовой и сотрудников кафедры кристаллографии того же института.

[9] N. Fettich. Der zweite Schatz von Szilagy-Somlyo. АН, 1932, стр. 71.

Среди многих тысяч изделий с цветными инкрустациями, синхронных с нашей диадемой и более поздних, до сих пор не известно ни одного достоверного случая применения рубина [10] — камня, ценившегося в древности выше бриллиантов. Это всегда полудрагоценные камни — разновидности гранатов, чаще всего альмандины, реже сердолики и янтарь.

Обнаруженный в погребении железный предмет имеет прямоугольную, приближающуюся к пирамидальной форму со скругленными ребрами (рис. 3). Высота его 18, размеры вверху 4,0×10, внизу 10×12 *см*, толщина стенок 2,5—3,0 *мм*. Он выкован из двух полос железа, соединенных на боковых стенках. Изнутри он окован тонким медным листом. Железо сильно разрушено коррозией и представляет собой расслоившуюся рыхлую массу. Спектральный анализ пробы, взятой в нижней части, показал в качестве основы железо и лишь следы некоторых других металлов: меди, олова, свинца, цинка, никеля, кобальта, марганца, кремния, кальция, магния и алюминия.

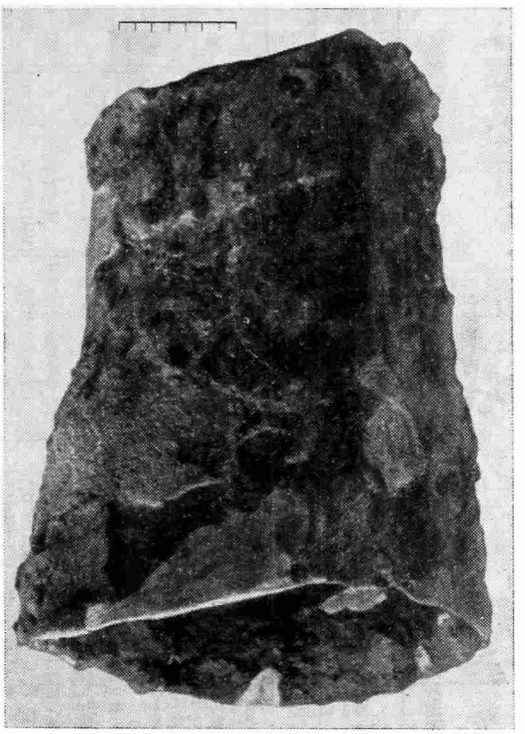


Рис. 3. Железное ботало из погребения

Предмет этот первоначально определили, как уже говорилось, как железный сосуд; таковым он значится и в отчете одного из авторов настоящей статьи, заведующего Одесским археологическим музеем И. Т. Чернякова. Однако никаких аналогий к нему как к сосуду найти не удалось. Между тем самая форма предмета и то, что он изнутри окован медным листом, наводили на мысль, не может ли он быть колокольцем, боталом, хотя следов петли и прикрепления язычка первоначально обнаружить не удалось. Железные ботала известны на некоторых черняховских поселениях, например в Леськах на правобережье Днепра [11] и в Кобуска-Веке (Молдавия) [12], но они значительно меньших размеров (высотой около 8 *см*). Широко распространены такие tintinnabula в римское время, в частности в римских пограничных лагерях и в римских городах Паннонии, притом в качестве не только ботал, надеваемых на шею скоту, но и в качестве предметов культового назначения (например, культ Юпитера Долихена) [13]: Но обычно как те, так и другие небольших размеров:

---

[10] Единственное указание на определение камней как рубинов встречено у V i o l l i e r. Le cimetière de Beringen. Anzeigor für Schweizerische Altertümerkunde, нов. сер., 13, 1911, стр. 23 (пример этот приводится в вышеупомянутой работе H. R u p p. Ук. соч., стр. 12); минералогического определения, видимо, не производилось. Таким же плодом явного недоразумения является упоминание о том, что в мелитопольской диадеме (см. табл. 1, *12*) «по верхнему ее краю расположены стилизованные фигурки, орнаментированные вставками рубина (в центре) и янтаря» (И. С. К а м е н е ц к и й, В. В. К р о п о т к и н. Погребение гуннского времени близ Танаиса. СА, 1962, 3, стр. 235, сн. 2; в публикации этого памятника речь идет о гранате. См. В. Ф. П е ш а н о в. Мелитопольская диадема. КСИА, 11, Киев, 1961, стр. 72).

[11] А. Т. С м и л е н к о, М. Ю. Б р а й ч е в с к и й. Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы. МИА, 139, 1967, стр. 58 и рис. 17, *10* на стр. 57.

[12] Э. А. Р и к м а н и Г. П. С е р г е е в. Селище первых веков нашей эры у села Кобуска-Веке (Молдавия). Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, стр. 232 и рис. 3, *1*.

[13] PWR, VI, 1937, стр. 1406—1410; DAGR, V, стр. 341—347; L. J a c o b i. Das Römerkastell Saalburg bei Homburg vor der Höhe. Homburg vor der Höhe, 1897, стр. 534,

Таблица 1

Диадемы *

№ п/п	Место находки	Условия находки	Сопровождающий инвентарь	Материал	Камни	Сохранность	Тип	Размер	Литература
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1	Канаттас. Карагандинской обл., КазССР	Погребение в кургане женское + + 2 детских	Нож железный (обломок), обоймочка бронзовая, бляшка серебряная, пряслице глиняное, скелет ягненка, кости барана	Золото с примесями на бронзовой основе	Разновидности гранатов: альмандин (12), спессартин (3), пироп (2), янтарь (3)	Фрагментирована; отсутствует часть камней	Трехчастная с зернью	Длина сохранившейся части 12 *см*	М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ, 7; Археология. Алма-Ата, 1959, стр. 193, 195, 196, рис. 24.
2	Кокталь у пос. Чулак-Тау Джамбульской обл КазССР	Погребение в кургане (мужское?)	Удила, наконечники стрел (2) трехперые, наконечник копья, сосуд глиняный (обломок)	Золото, бронзовая основа не сохранилась	Альмандин (5), пироп (2), халцедон (1), топаз (1)	Фрагмент, камней сохранилось только 35% (5 из 14)	Трехчастная без зерни	Длина 6,7, ширина 2,5 *см*	М. К. Кадырбаев. Исследование курганов с каменными грядами в Джамбульской области. Вестник АН КазССР, 1959, 7, стр. 91—93, рис. 5 на стр. 92
3	Кара-Агач Карагандинской обл. КазССР	Погребение в кургане женское, сопровожденное погребением коня	Золотые подвески (2), серьги (2), колпачок, ожерелье из янтарных бус, кубок стеклянный	Золото? (электр) на бронзовой основе	—	Целая	Особого типа с имитацией зерни	Длина 49, ширина 4 *см*	А. А. Козырев. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда. ИАК, 16, СПб., 1905, стр. 27—38; J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, стр. 63. табл. 31, *2*
4	Оз. Батыр, Мангышлакский п-ов КазССР	Клад (?) в пещере	—	Холст, обтянутый шелковой китайской тканью с нашивными золотыми бляшками	—	Целая (отсутствует одна бляшка)	Особого типа	Длина 46, ширина максимум 3 *см*	К. М. Скалон. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время. АСГЭ, 2, Л., 1951, стр. 114—126 и рис. 4, *3* и 6.
5	Шипово Оренбургской обл.	Погребение в кургане женское с деформированным черепом	Гривна бронзовая, обтянутая золотым листком. серьга золотая, серьга бронзовая, пряжка бронзовая, пряслице глиняное, кусок кожи	Бронза	Стекло	Целая	Трехчастная с навершием	Длина около 26, ширина 3,6—3,8, с навершием 6,6 *см*	T. M. Minajeva. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo. ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 196—205; J. Werner. Ук. соч., стр. 62, табл. 6, *8*

* В число находок диадем не включен погребальный комплекс в Концештах, на левом берегу р. Прут в Молдавии, несмотря на то что в литературе, как в советской, так и зарубежной, высказывались суждения в пользу истолкования одного из входящих в него предметов (золотого листка с инкрустацией) как фрагмента диадемы. См К. М. Скалон. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время. АСГЭ, 2, Л., 1951, стр. 122 и Z. Vinski. Okov Teodorikova vretena s ostrva Sapaja na Dunaju. Зборник Народного Музеја, IV, Белград, 1961, стр. 165. В таблицу не включена золотая диадема из женского погребения у г. Ленинска, на левобережье Нижней Волги. Она была опубликована (уже после сдачи нашей статьи в печать) в работе И. П. Засецкой: «Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья, АСГЭ, 10, Л., 1968, рис. 2, *1*.

Таблица 1 (продолжение)

№ п п	Место находки	Условия находки	Сопровождающий инвентарь	Материал	Камни	Сохранность	Тип	Размер	Литература
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
6	Верхне-Погромное Волгоградской обл.	Погребение в кургане, впускное, женское	Погребение коня (череп и кости ног), пряжки бронзовые (2), кольцо от узды, серьга золотая	Электр на бронзовой основе	Альмандины	Целая, отсутствует часть камней	Трехчастная без зерни	Длина 21,5, ширина максимальная 3, минимальная 2,4 *см*	И. Засецкая. Электровая диадема из погребения у с. Верхне-Погромное в Нижнем Поволжье. СГЭ XXVII, Л., 1936, стр. 54—59, рис. на стр. 55
7	Березовка Саратовской обл.	Погребение, видимо, женское	Зеркало с петелькой типа X (Хазанов), бусы янтарные	Золото (?) (электр?) на бронзовой основе	»	Целая, отсутствуют 3 самых крупных камня в центре и 2 ординарных	Одночастная без зерни	?	T. M. Minajeva. Ук. соч., стр. 206, 207; J. Werner, Ук. соч., стр. 62, 63, табл. 13, *3*
8	Верхне-Яблочное Ростовской обл.	Случайная находка из женского погребения (по вещам)	Колты золотые (2)	Золото на бронзовой основе	»	Целая	Одночастная с навершием	Длина 23,5, ширина 3,6 *см*	ОАК за 1902 г., стр. 126, рис. 211
9	На берегу р. Корушак у г. Осипенко (Бердянск)	Погребение разрушенное	Золотые колт и гривна, фибула (?), бусы янтарные	То же	Сердолики, альмандины	Целая (утеряна)	С навершием	?	И. Ф. Ковалева. Погребение у с. Старая Игрень, стр. 235
10	Г. Керчь	Случайная находка	?	»	Гранаты, зеленое стекло	Целая, камни сохранились полностью	Трехчастная с навершием без зерни	Длина около 25, ширина около 4 *см*	Goetze. Amtliche Berichte aus den kon. Preuss. Kunstsammlungen, Jahrgang XXIX, 3, Berlin, 1907, 44; A. Alföldi, Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. AH, IX, Budapest, 1932, стр. 59 и 76, табл. VII (в середине); J. Werner. Ук. соч., стр. 62, табл. 29, 9; К. М. Скалон. Ук. соч., рис. 4, *1*

Таблица 1 (продолжение)

№ п/п	Место находки	Условия находки	Сопровождающий инвентарь	Материал	Камни	Сохранность	Тип	Размер	Литература
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
11	Марфовка близ Керчи	Погребение в поле кургана, в каменной гробнице женское	Золотые подвески и и колты (2), пряжка, листки с орнаментом	Золото на бронзовой основе	Сердолики	Целая (утрачена)	Одночастная с зернью	?	Ю. Ю. Марти. Сто лет Керченского музея. Исторический очерк. Керчь, 1926, стр. 48 и рис. 25. Все вещи утрачены
12	Мелитополь	Погребение мужское (?)	Удила, зеркальце с боковой ручкой, котелок	Золото, бронзовая основа не сохранилась	Янтарь, сердолик, гранаты	Целая, часть камней отсутствует	Одночастная с навершием, с зернью	Длина 23,7, ширина 1,5 *см*—2,7 *см*—в центре 3,5 *см*	В. Ф. Пешанов. Мелитопольская диадема. КСИА, 11, Киев, 1961, стр. 70—74, рис. 1
13 а, б	Совхоз им. Калинина Красногвардейского р-на Крымской обл.	Погребение впускное в кургане, мужское, на глубине 1,0 *м*	Гривна (2 обломка), украшения конской сбруи, накладки на седло с чешуйчатым орнаментом, обломки двух железных мечей — двулезвийного и однолезвийного, зубы коня	Золото	Альмандин	Обломки двух диадем вторичного использования	1) С ободками зерни, 2) без зерни	1) Длина 6,0, ширина 3,0 *см*, 2) Длина 6,1, ширина 3,5 *см*	Т. Н. Высоцкая, Е. Н. Черепанова. Находки из погребения IV—V вв. в Крыму. СА, 1966. 3, стр. 187—196, рис. 2, 1, 2, 2
14	Старая Игрень Днепропетровской обл.	Погребение разрушенное	Бляшки золотые (29), зубы коня, бусы (40) — янтарные и халцедоновые	Золото, на бронзовой основе	Янтарь, темнобурый, почти красный	Целая, часть янтарных вставок отсутствует	Одночастная с навершием, с зернью	Длина 20, ширина 2 *см*	И. Ф. Ковалева. Ук. соч. стр. 233—238 и рис. 1 на стр. 234
15	Пролетарская Цурюпинского района Херсонской обл.	Погребение женское разрушенное	Цепь нашейная с подвесками, серьги (2), пряжки обувные, листочки с тисненым орнаментом (10), бусы янтарные, пряслице глиняное	То же	Янтарь, гранаты (3)	Целая, но надломана, один из гранатов отсутствует	Трехчастная без зерни	Длина 21, ширина 2,9—3 *см*	Не опубликована. Хранится в Херсонском обл. краеведческом музее. Информация зав. археологическим отделом музея И. Д. Ратнера и ознакомление с находкой в музее (М. А. Тиханова)
16	Тилигульская I, правый берег Тилигульского лимана	Случайная находка из разрушенного погребения (?)	?	Золото, бронзовая основа не сохранилась	Альмандины	Целая, отсутствуют самые крупные в центре	Одночастная без зерни	Длина около 46, ширина максимальная 3,2 *см*	Goetze-Amtliche Berichte, 1907, 2, стр. 39; А. Alföldi. Ук. соч., табл. VII, внизу; стр. 63, табл. 26, *1*; 29, *8*; К. М. Скалон. Ук. соч., стр. 122 и рис. 4, *2* (в перевернутом виде)

Таблица 1 (продолжение)

№ п/п	Место находки	Условия находки	Сопровождающий инвентарь	Материал	Камни	Сохранность	Тип	Размер	Литература
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
17	Антоновка Тереховского р-на Одесской обл. (Тилигульская II)	Погребение женское на глубине 2,50 *м*	Ботало железное	Электр на бронзовой основе, последняя разрушена	Разновидность граната — гессонит	Целая, отсутствует 48 камней	Одночастная без зерни	Длина 26, ширина 4—4,2 *см*	См. настоящую публикацию и рис. 3; хранится в Одесском археологическом музее
18	Из собрания Ганс место? («Южная Россия»)	Случайная находка	?	Золото на бронзовой основе	Стекло	Фрагмент — центральная часть	Тречастная с зернью	?	Amtliche Berichte aus den kön. Kunstsammlungen, XXXV, Jahrgang, 1913, 3, стр. 126, рис. 164; J. Werner, Ук. соч., стр. 63, табл. 29, *7*
19	Бухэени близ г. Яссы, Румыния	Погребение (?) женское (?) на глубине 2,50—2,00 *м*	Несколько предметов из золота и бронзы (утрачены)	Золото (?) светлое, следы бронзовой основы	Альмандины	Почти целая, кусочек обломан; часть камней отсутствует	Одночастная без зерни	Длина сохранившейся части 27,7 *см*; первоначальная длина предположительно 29,3, ширина 4,2 *см*	Адриан К. Флореску. Диадема из золотой пластинки эпохи переселения народов, найденная в Бухэени. Dacia, нов. сер., IV, Bucuresti, 1960, стр. 561—568, рис. 1, *a*; 6, *2*
20	Герасень р-на Бузэу, окрестности Плоешти, Румыния	Погребение женское с деформированным черепом	Зеркальце с петелькой типа Бричецко, железная пряжка	Серебро или электр, позолоченное на бронзовой основе	Янтарь и гранаты	Целая (?)	Без зерни	?	Не опубликована. Упоминание: Ion T. Dragomir. Descoperiri hunice la Balteni in Nord-Estul Cimpiei Romane. SCIV, I7, 1966, стр. 185 и сл. 10, стр. 187
21	Дульчанка, р-н Бухареста, Румыния	Погребение мужское с деформированным черепом на глубине 2,00 *м*	?	Золото	Альмандины	Обломок вторичного использования	»	3,2×2,0 *см*, предположительно начальная длина 25—30 *см*	Vl. Dumitrescu. O noua masturie a prezente-Hunilor in Muntenia. Fragmentul de diadema de aur de la Dulceanca. SDIV, XII, 1961, 1, стр. 55—61, рис. 1
22	Чорна, Шопронский комитет, Венгрия	Погребение женское на глубине 1,80 *м*	Около головы сосуд; видимо и другие вещи	Золото на бронзовой основе, полностью разрушено	Гранаты, стекло зеленое (5), сердолик (1), янтарь (1)	Одночастная, разломана на 8 кусков, отсутствуют единичные камни	»	Длина первоначальная около 29 *см*, длина сохранившейся части 25, ширина 4 *см*	J. Hampel. Die Altertumer des frühen Mittelalter-sin Ungarn, II, 1905, стр. 12, сл; III, табл. 13; Alföldi. Ук. соч., VIII, J. Werner. Ук. соч., стр. 62, табл. 65, *1*
23	Хёкрихт (Эндшиховице), Силезия Польша	Погребение женское (?)	Наконечники ремешков от обуви (2), обувная пряжечка, накладка на пояс. Пряжки поясные бронзовые (2), чаша бронзовая, котел литой бронзовый	Золото	Гранаты	Обломки вторичного использования	»	Ширина 4 *см*	A. Alföldi. Ук. соч., 34, 59 и 77 и табл. 19; J. Werner. Ук. соч., стр. 61—62, табл. 27, *4*, *5* и 64.

максимальная их высота 11—12, в среднем же 8—9 *см*. Встречаются однако, единичные находки и больших размеров. Так, в Далмации (Югославия) известны ботала высотой 18 и 25 *см*. В римском Горсиуме (Gorsium) современный Таць (Тас), в 15 *км* от Секешфехервала (Венгрия), был обнаружен в 1959 г. при раскопках клад из четырех больших железных tintinnabula (высота около 18 *см*), три из них целые, четвертый

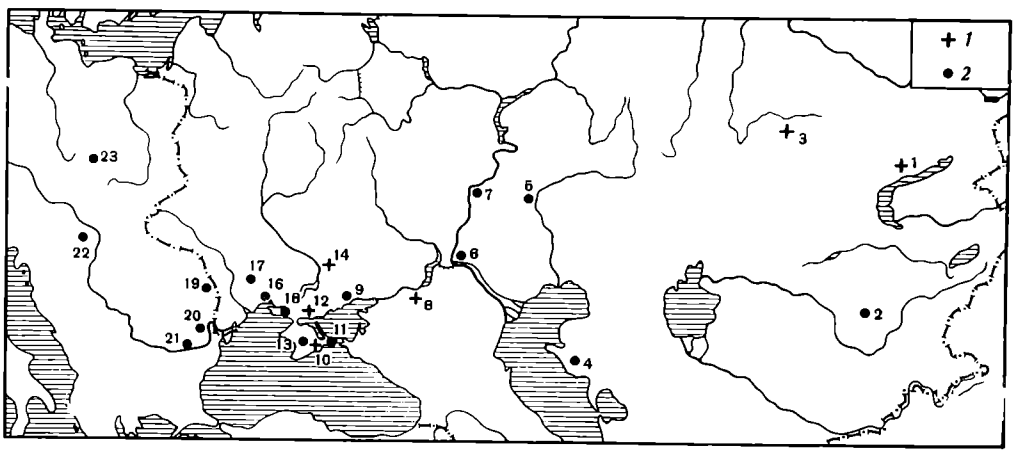


Рис. 4. Карта распространения диадем (крестик — с зернью, кружок — без зерни)

1 — Канаттас; *2* — Кокталь; *3* — Кара-Агач; *4* — Батыр; *5* — Шипово; *6* — Верхне-Погромное; *7* — Березовка; *8* — Верхне-Яблочное; *9* — у г. Осипенко; *10* — Керчь; *11* — Марфовка; *12* — Мелитополь; *13* — совхоз им. Калинина; *14* — Старая Игрень; *15* — Пролетарская; *16* — Тилигуль I; *17* — Тилигуль II (Антоновка); *18* — из собрания Ганса, место неизвестно; *19* — Бухэени; *20* — Герасень; *21* — Дульчанка; *22* — Чорна; *23* — Эндшиховице (Хёкрихт)

поврежден; вместе с ними найден жертвенный нож. Находка не опубликована. Автор раскопок И. Фиц «не считает невозможным, чтобы все эти предметы принадлежали святилищу Долихена» [14]. Возобновление святилища датируется временем пребывания императора Септимия Севера в Паннонии (202 г.), клад же был зарыт позднее [15].

Чем был найденный в погребении у с. Антоновка железный предмет — простым боталом, оберегом, надеваемым на шею коню, или культовым предметом,— сказать трудно: находка его в составе богатого женского одиночного погребения остается пока уникальной, погребение же в целом и сама диадема, в частности, входят в широкий, круг памятников самого конца IV, в основном первой половины V в., известных на обширнейшей территории от Казахстана до Западной Венгрии и Юго-Западной Польши.

Одна из таких случайно найденных диадем, технически и стилистически однотипная и очень близкая рассматриваемой нами, была найдена почти в непосредственной близости от последней. Это так называемая тилигульская диадема (табл. 1, *16*) [12] (условно мы называем ее тилигульской 1-й; соответственно найденную в погребении у с. Антоновка — тилигульской 2-й).

Первая тилигульская диадема была приобретена одесским торговцем древностями Маврокордато еще в начале века и продана немецкому коллекционеру Диргарду. Не исключено, однако, что первая тилигульская диадема также происходит из разрушенного погребения [16].

табл. XXXVI, *1—7*; A. Salamon. Gebrauchsgegenstände und Werkzeuge aus Eisen. Intercisa. II. AH, нов. сер., XXXVI. Budapest, 1957, стр. 373, 374, 376, 378, 379, 380, табл. XXXII, *1—5*. Один из них был найден в позднеримском погребении. T. Láng. Das Dolichenum in Brigetio Laurae Acquincenses. II. Dissertationes Pannonicae, сер. 2, 11, стр. 179, табл. XXXII, *3*, *2*.

[14] Fitz Jenö. Gorsium. A Taci Római kori Asatasok. Szekesfehervar, 1964, стр. 121; Az István Király Muzeum állando Kiallitásanak. Veretoje. Szekesfehervar, 1966, стр. 15 (описание 10-й витрины).

[15] Fitz Jenö. Ук. соч., стр. 121.

[16] См. Goetze. Vorgeschichtliche Ableilung. I. Ostgotische Funde aus Südrussland. Amtliche Berichte aus den Königlichen Kunstsammlungen. XXIX Jahrgang. 2. Berlin, 1907, стлб. 39. Дополнительно использованы сведения, почерпнутые проф. И. Вер-

И. Вернер в работе, посвященной археологическим памятникам времен гуннской державы Атиллы [17], собрал и рассмотрел все известные ему тогда находки диадем. Их оказалось всего 9, в том числе 2 на территории Центральной Европы (Венгрия и Силезия) и 7 на территории СССР в Северном Причерноморье, Поволжье и Казахстане (табл. 1) [18]. В настоящее время таких диадем насчитывается уже 23, в их числе 3 найдено на территории Румынии, 2 (ранее известный): в Центральной Европе и 18 на территории СССР (рис. 4). За исключением двух диадем — батырской, являющейся настоящей налобной повязкой (табл. 1; *4*), и золотого «венца» из Кара-Ачагского погребения (табл. 1, *3*),— все остальные в общем близки между собой по технике выполнения, и по стилю, хотя ни одна из них не повторяет другие.

Ряд диадем, как и тилигульская 2-я, сделаны не из полноценного чистопробного золота (диадемы из Герасен, Бухэени, Чорна, Березовки). Что касается тилигульской 1-й, то, к сожалению, в настоящее время мы не располагаем никакими данными для определения ее материала. Из электра выполнены и некоторые другие диадемы: из Верхне-Погромного (табл. 1, *6*), украшенные зернью диадемы из погребений в Канаттас (табл. 1,*1*) и Кара-Агач (табл. 1, *3*). Вот почему вряд ли можно согласиться с категорическим утверждением И. Вернера, что материалом для изготовления диадем, как и многих других украшений времен Аттилы [19], служило в основном получавшееся в качестве военной дани или захваченное в грабительских походах имперское золото в монетах, затем переплавленное [20]. Отметим попутно, что не вполне убедительно и то, что все полудрагоценные камни, в основном альмандины, индийского происхождения (И. Вернер), а весь янтарь — балтийский. Напомним, что, как показало определение, янтарь, украшавший диадему из Старой Игрени (другой янтарь, к сожалению, не исследован), местный днепровский [21]. Возможно, не индийскими были и гранаты, поскольку на Дунае известны местные залежи гранатов различных разновидностей [22].

Где же могла быть изготовлена вторая тилигульская диадема? Большинство советских исследователей (К. Ф. Смирнов, К. М. Скалон, И. Т. Засецкая, В. Ф. Высотская и др.), а также зарубежных (Н. Феттих, З. Вински, К. Флореску и др.) утверждают северочерноморское происхождение не только диадем, но и всех изделий полихромного стиля. В то же время М. К. Кадырбаев предполагает возможность существования наряду с боспорским какого-то среднеазиатского центра. Наконец, И. Вернер подчеркивает, что вещи, украшенные треугольниками из зерни,— произведения восточных (северочерноморских) ювелиров, следующих традициям боспорских мастеров позднеримского времени, в то время как среди западных дунайских изделий украшенные зернью до сих пор неизвестны [23]. Наблюдение, несомненно, правильное. Однако считать на этом основании все лишенные зерни украшения, в частности диадемы, произведениями дунайских мастеров вряд ли правомерно. Вспомним на примере тех же диадем, что

нером из архивных материалов и сообщенные М. А. Тихановой в письме от 30 ноября 1965 г. В настоящее время диадема находится в собрании Диргарда в Римско-Германском музее в Кельне (Römisch-Germanisches Museum, Köln).

[17] Joachim Werner. Beiträge zur Archäologie des Attlia-Reiches, München, 1956, Textband, стр. 61—68, Tafelband, табл. 71, *6* (карта распространения диадем).

[18] Карта с указанием мест находок диадем воспроизводит (для сопоставления) карту в работе И. Вернера с соответственным увеличением их числа и указанием их типа.

[19] Например, электровые колты из Феодосии (Goetze. Amtliche Berichte... XXIX Jahrgang. 3, 1907, стлб. 64 и рис. 47), сосуды и отдельные украшения из мужского гуннского погребения в Сегед-Надьшекпош (N. Fettich. La trouvaille de tombe princière à Szeged-Nagyseksos. AH, XXXII, Budapest, 1953, стр. 101 сл.

[20] J. Werner. Ук. соч., стр. 81, 85—86, и 89.

[21] И. Ковалева. Погребение у с. Старая Игрень. СА, 1962, 4.

[22] H. Rupp. Ук. соч.

[23] J. Werner. Ук. соч., стр. 63, 64.

«беззерневые» диадемы встречаются не только на западной окраине Причерноморья, но и в Поволжье (Верхне-Погромное, Березовка), на Южном Урале (Шипово) и даже в Казахстане (Кокталь), причем в последнем районе наряду с диадемами, покрытыми зернью (Кара-Агач и Канаттас). Да и в самой Керчи, если все же признать керченским происхождение так называемой керченской диадемы, не говоря уже о целом ряде других предметов с инкрустацией, ювелиры работали в разном стиле. Дело, очевидно, заключается в различных приемах мастерских и даже мастеров, которые могли работать на территории обширной гуннской державы, в том числе и на Дунае. Поэтому указать точно место изготовления обеих тилигульских диадем в настоящее время невозможно, хотя и вполне вероятно их западное, дунайское происхождение.

Каково же было назначение диадемы? Как известно, в этом вопросе существуют две точки зрения. Наиболее отчетливо они сформулированы К. Ф. Смирновым и И. Вернером. Первый видит в диадемах знаки отличия особо знатных и богатых представителей сарматского общества, возможно даже царский венец [24]; второй — украшение женского головного убора представительниц кочевнической знати. Как показали находки последних лет и проверка всех ранее известных, прав И. Вернер. Все достоверные погребальные комплексы, в которых были найдены диадемы в их изначальном положении, женские [25], лишь во вторичном использовании обломки диадем встречаются в мужских погребениях [26] или в таких, точное определение которых невозможно [27].

Единственным исключением, казалось бы, могла быть так называемая керченская диадема, будто бы найденная на горе Митридата в Керчи в мужском погребении (табл. 1, *10*). В действительности это случайная находка [28].

Нет достаточных оснований безоговорочно считать и мелитопольскую диадему (табл. 1, *13*) связанной с мужским погребением. Находка эта случайная, вместе с ней были найдены зеркальце и бронзовый котелок [29]. Полагать, что все находки, случайно обнаруженные в карьере и принесенные в музей, в том числе и череп и отдельные кости, принадлежат одному погребению [30], по меньшей мере неосторожно. Установить этническую принадлежность большинства погребений с диадемами не представляется возможным, они могут быть и сармато-аланскими, и гуннскими, но все же о некоторых из них можно, как нам думается, говорить с несколько большей определенностью. Так, видимо, гуннским было погребение женщины с деформированным черепом, украшенным диадемой и сопровожденное зеркальцем типа Бригеццо и железной пряжкой в Герасень (табл. 1, *20*) [31]. Возможно, гуннским было и рассмотренное нами захоронение, совершенное в первые десятилетия V в. на правобережье р. Тилигул. Войлочный головной убор молодой женщины, украшенный диадемой, и необычный для сармато-аланских погребений железный «колоколец» позволяют скорее видеть в ней представительницу гуннской знати, хотя утверждать это с полной уверенностью, разумеется, нельзя.

[24] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА, М., 1954, стр. 215.

[25] Канаттас (табл. 1, *1*), Кара-Агач (табл. 1, *3*), Шипово (табл. 1, *5*), Верхне-Погромное (табл. 1, *6*), Березовка (табл. 1, *7*), Верхне-Яблочное (табл. 1, *8*), Марфовка (табл. 1, *11*), Херсонская (табл. 1, *15*), Антоновка (Тилигуль II, табл. 1, *17*). Герасень (табл. 1, *20*), Чорна (табл. 1, *22*).

[26] Кокталь (табл. 1, *2*) на территории совхоза им. Калинина (табл. 1, *13*), Дульчанка (табл. 1, *21*).

[27] Хёкрихт (табл. 1, *23*) (Эндшиховице).

[28] Amtliche Berichte... XXIX Jahrgang, 3, Berlin, Dezember 1907, стлб. 61 и рис. 44. стлб. 64.

[29] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 216.

[30] Ср. В. Ф. Пешанов. Мелитопольская диадема, стр. 70—74.

[31] Согласно устному сообщению Г. Дьякону, на расстоянии 250 *м* от женского погребения в Герасень было обнаружено мужское погребение с монголоидным черепом. Оба погребения прорезали поселение культуры Сынтанна-де-Муреш-Черняхов.

M. A. Tikhanova, I. T. Tcherniakov

TROUVAILLIE D'UN DIADEME DANS UNE SEPULTURE (REGION NORD-OUEST DE LA MER NOIRE)

Résumé

Les auteurs publient une trouvaille imprévue faite dans les environs du village d'Antonovka (région d'Odessa, district de Bérésovsky). Au Musée archéologique d'Odessa on a apporté un diamème d'or incrusté de grenats trouvé dans une sépulture. Un objet de fer rappelant vaguement les socs de la gorodichtché de Ivolghino (Transbaïkalie) a été trouvé avec le diademe. La trouvaille est datée fin IV-e — première moitié du V-e siècle de notre ère.

Analysant les trouvailles antérieures de diadèmes, les auteurs ont conclu qu'il s'agit d'un type de parure spécifiquement féminin.

З. А. БИЛИМОВИЧ

ДВА БРОНЗОВЫХ ТАЗА ИЗ СЕМИБРАТНИХ КУРГАНОВ

При раскопках Семибратних курганов в 1875 и 1876 гг. в числе разнообразных бронзовых изделий были обнаружены части двух больших бронзовых тазов, поступивших на хранение в Эрмитаж.

Во втором кургане было найдено семь фрагментов края таза, его треножное основание и две горизонтальные ручки [1].

От сосуда из четвертого кургана сохранились лишь массивные гладкие ручки и подставка в виде профилированного круга.

Подобные ножные тазы (ποδανιπτὴρ) были распространены в быту древних греков, имевших обыкновение перед едой мыть ноги [2].

Изображения на памятниках искусства показывают, что некоторые из них использовались также для мытья тела [3], головы [4] и других целей [5].

Несмотря на то, что ножные тазы в Греции имели широкое распространение, до нашего времени в целом виде их сохранилось не так много, так как тазы, выкованные из тонкой листовой бронзы, быстро подвергались разрушению. Литые же части — ручки, подставки — сохранились лучше и представлены гораздо в большем количестве.

Изучение сохранившихся экземпляров и сравнение их с изображениями тазов на различных произведениях греческого искусства позволили М. Милн [6] дать обобщающие сведения об этой интересной группе памятни-

[1] Инв. Сбр. II. 46. Треножное основание и одна из ручек сохранились довольно хорошо. Концы второй ручки утрачены. Все детали сильно потерты. Конец одной из ручек спаян из двух частей, на другом конце — следы древней починки. Ручка и треножник покрыты темно-коричневой патиной. Патина же на поверхности фрагментов таза значительно светлее и имеет коричневато-золотистый тон. Таз выкован из листа бронзы, треножник и ручка литые. Небольшие различия между ножками подставки и ручками указывают на то, что каждая деталь была отлита отдельно с утратой восковой модели. ОАК за 1875 г., стр. VI, VII. Подставка изображена: Сокровища скифских курганов. Текст М. И. Артамонова, Прага — Ленинград, 1966, стр. 31, рис. 54.

[2] Plato. Symposium. 175a; Herodotus, II, 172, 173; Plutarch. Phokion, XX, а также и изображения на вазах, как например, на краснофигурном скифосе мастера Пенелопы (ок. середины V в. до н. э.) FR, табл. 142; J. Beazlej, ARV², стр. 1300, № 2

[3] См., например, Финейскую чашу (ок. 520 г. до н.э.) с изображением моющихся нимф. A. Rumpf. Chalkidische Vasen. Brl. u. Lpz, 1927, табл. XLI и килик мастера Онесима в Брюсселе (ок. 480 г. до н. э.) с изображением женщины, приготовившейся мыться; J. Beazley. ARV², стр. 329, № 130.

[4] См., например, гравированное изображение на крышке зеркала, хранящегося в Берлине: W. Züchner. Griechische Klappspiegel, Jdai. Berlin, 1942, 14 Ergänzungsheft, табл. 24. Третьей четверти IV в. до н. э. Коринф. Например, на краснофигурном арибалле мастера Клиники (ок. 470 г. до н. э.) (Mon. Piot, XIII, 1906, табл. XIII, XIV; J. Beazley. ARV², стр. 813, № 96) таз используется для нужд хирурга.

[5] В 1961 г. в торфянике на р. Супой Черкасской обл. в числе других хорошо сохранившихся сосудов были обнаружены и ножные тазы (О. Ганина называет их лутериями). К сожалению, до сих пор они не нашли должного освещения в научной литературе. Краткая справка об этой находке и групповая фотография лишает возможности привлекать их для сравнения. О. Ганіна. Античні посудини з торфовища на р. Супой. «Археологія», XVI, Київ; Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э. САИ, Д 1—27, стр. 30, табл. 75, 77.

[6] M. Milne. A Greek Footbath in the Metropolitan Museum of Art. AJA, 1944, XLVIII; 1, стр. 26 сл.

ков и представить себе их развитие в хронологической последовательности. М. Милн классифицирует поданиптеры по форме основания, по форме края чаши, по числу и форме ручек. Время бытования этих предметов охватывает период от архаики до раннего эллинизма [7].

Тазы из Семибратних курганов до сих пор не исследованы. Задачей настоящей работы является сопоставление памятников эрмитажной коллекции с другими произведениями этого типа, выявление особенностей ленинградских бронз, определение даты и места их изготовления.

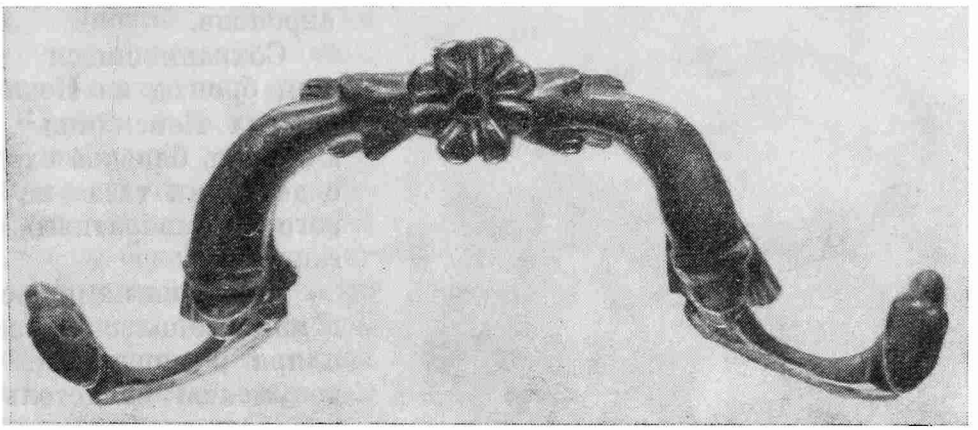


Рис. 1. Ручки таза из второго Семибратнего кургана

Наиболее интересен таз из второго кургана. Для более полной его характеристики следует остановиться на каждой сохранившейся детали в отдельности.

Фрагменты края таза, представляющие, как мы полагаем, полную его окружность, дают возможность определить, что диаметр его составлял приблизительно 33—34 *см*. Высота же сосуда по сохранившимся частям определению не поддается [8].

Стенки таза в верхней части слегка утолщены и имеют небольшой горизонтальный венчик с отогнутым вниз краем с орнаментом из ов. Над ним по ребру проходит поясок жемчужника [9]. Ближайшей аналогией к фрагменту края семибратнего таза является обломок подобного сосуда, найденный Б. Филовым в Требенище [10].

Горизонтальные ручки [11] ленинградского памятника (рис. 1) образованы парой лежащих львов, обращенных в разные стороны. Между ними возвышается восьмилепестковая розетка [12]. Фигурки змей, изогнутые в виде латинской буквы «U», служат местом прикрепления ручек к сосуду [13]. Головки змей возвышались над краем и были обращены вовнутрь. Львы, моделпрованные в архаической традиции, имеют чисто декоративный ха-

---

[7] Поданиптеры позднеэллинистического времени отсутствуют. О бронзовых тазах римского времени см. H. Eggers. Der romische Import im freien Germanien. I, Hamburg, 1951, табл. 8, 9, карта 30.

[8] Размеры фрагментов от 0,072 до 0,223 *м*.

[9] Такой орнамент, как это уже было замечено К. Нейгебауэром, характерен для многих бронзовых сосудов, начиная с архаического периода. K. Heugebauer. Gnomon. 1926, стр. 470. Рецензия на работу Е. Пернис: E. Pernis. Hellenistische Kunst in Pompei. Brl. u. Lpz., IV, 1926.

[10] B. Filow. Die archaische Necropole von Trebenischte am Ochrida-See. Berlin — Leipzig, 1927, рис. 86 на стр. 74, № 88. Комплекс находок датируется концом VI в. до н. э. (там же, стр. 45).

[11] Размеры ручек: длина 0,125 и 0,185 *м*, высота 0,10 *м*.

[12] В средней части в настоящее время углубление. Как можно судить по аналогичным изображениям, в них не сохранилась сердцевина.

[13] Подобное окончание ручек увеличивало площадь их прикрепления к стенкам таза и делало ручки более прочными.

рактер и исполнены в соответствии с назначением этой детали [14]. Несмотря на то, что ручки сильно потерты, все же при внимательном рассмотрении можно еще заметить следы гравировки на головах львов [15].

Нам известен целый ряд ручек тазов с подобной схемой построения [16]. Ручки же таза из Руво [17] и ручки, найденные в Олимпии [18] и на Афинском акрополе [19], имеют почти полное тождество с эрмитажным экземпляром.

Как можно полагать по сохранившимся следам резьбы, на семибратнем памятнике грива львов была трактована так же, как и на ручках, найденных на Афинском акрополе.

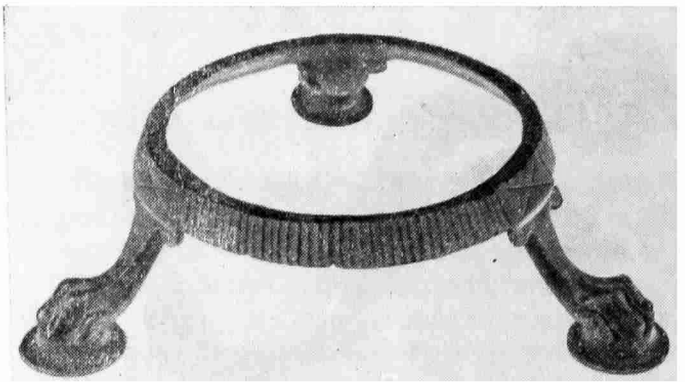


Рис. 2. Треножное основание таза из второго Семибратнего кургана

Сохранившиеся целиком бронзы из Неаполя [20] и Сала Консилина [21] имеют очень близкое сходство с деталями таза из второго Семибратнего кургана.

Указания на происхождение неапольского экземпляра разноречивы. Одни документы свидетельствуют, что он был найден в Геркулануме, другие — в Помпеях, а в некоторых инвентарях его происхождение вовсе не указано. А. Фуртвенглер [22] отнес его к архаической группе памятников. Датировка Е. Перниса IV в. до н. э. была отвергнута почти сразу же К. Нейгебауэром [23], который датирует его также архаическим периодом.

Наиболее же близким к эрмитажному тазу является экземпляр, найденный в Сала Консилина, относящийся к концу VI в. Сходен, вероятно, и диаметр таза, и, как можно предполагать по закруглению на сохранившихся фрагментах стенок ленинградского памятника, эти две чаши имели, вероятно, одну и ту же небольшую высоту.

Обратим внимание еще на одну деталь в орнаментации семибратних ручек. Это поясок резных зигзагов, отделяющий фигурки львов от центральной розетки. Подобное выделение различных деталей можно видеть и на ручке ойнохои в виде архаической фигуры юноши, относящейся к

---

[14] Об изображениях львов в архаическую эпоху см., например, B. Schröder. Fünf Löwen. Denkmäler grichischer und romischer Sculptur. München, 1912, No. 641—645.

[15] Группу аналогичных ручек см. по каталогу М. Милн. M. Milne. Ук. соч., № 17—27.

[16] Смотри, например, ручку из музея на Афинском акрополе (A. de Ridder. Catologue des bronzes sur l'Acropole l'Athenes. Paris, 1896, № 206), образованную ящерицами с выступающими розетками. Местом прикрепления ручек служат две пластинки с изображением Горгон. Отметим, что розетки на этом памятнике аналогичны розеткам на ручках из Семибратнего кургана; см. также ручку, находящуюся в Британском музее (H. B. Walters. Catalogue Bronzes Greek, Roman and Etruscan, London, 1899, № 562, стр. 81), на которой изображены мужчина и женщина архаического типа. Местом прикрепления ручек к чаше служат фигурки змей. Памятник не воспроизведен.

[17] Воспроизведения таза нет. См. описание его у M. Milne. Ук. соч., список A, № 19.

[18] A. Furtwängler. Olympia. IV, стр. 146, № 918, табл. 55.

[19] A. de Ridder. Ук. соч., № 207.

[20] Museo Borbonico. Napoli, 1830, VI, табл. 62; E. Pernice. Ук. соч., табл. III, стр. 11; M. Milne. Ук. соч., список A, № 18.

[21] Notizie degli Scavi di Antichita. Roma. 1896, стр. 164, рис. 10; M. Milne. Ук. соч., список A, № 17.

[22] A. Furtwängler. Ук. соч., стр. 147.

[23] K. Neugebauer. Ук. соч., стр. 470.

последней четверти VI в. до н. э. и являющейся, как можно предполагать, изделием аттической мастерской[24]. Разница в изображении этой детали заключается только в том, что на ручках ойнохои зигзаги расположены между двумя параллельными линиями.

Треножное основание таза из второго Семибратнего кургана[25] представляет собою круг, орнаментированный с внешней стороны вертикальными желобами (рис. 2). В нижней части кольца — рельефные зигзагообразные линии. Опорой подставки служат три львиные лапы, стоящие на круглых основаниях. Лапы льва трехгранные с внешней стороны и гладкие с внутренней, слегка расширяются в верхней части, а по бокам переходят в небольшие волютообразные завитки, отмеченные резьбой. На круге, над лапами, в гладких прямоугольниках резные косые кресты.

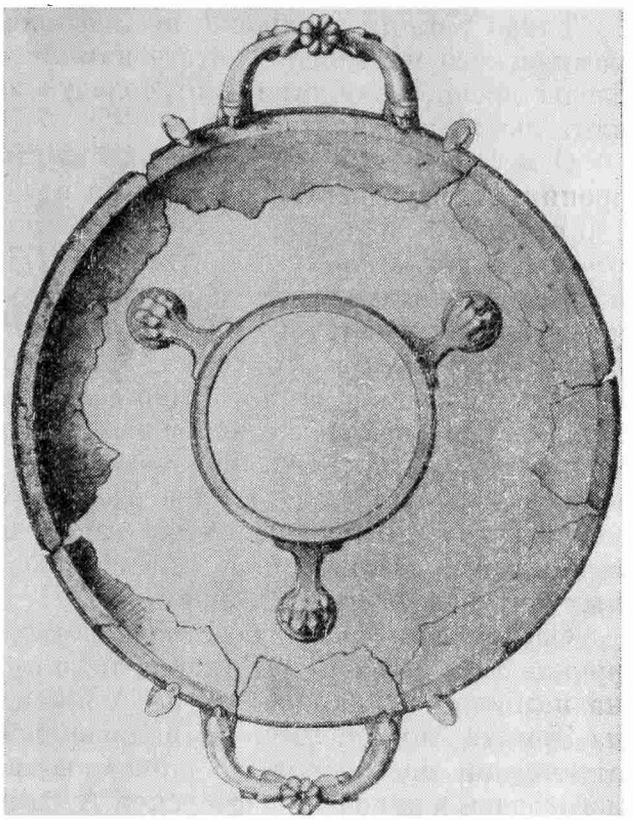


Рис. 3. Реконструкция таза из второго Семибратнего кургана, предложенная Ф. Гроссом

Как показывают рисунки на вазах[26], тазы припаивались к треножнику. Об этом свидетельствуют и следы припоя, сохранившиеся на треножнике и на самой чаше поданиптера из Метрополитанского музея[27].

Низкие треножники в виде кольца на львиных лапах характерны для архаического времени[28]. Аналогичные изделия были найдены в Олимпии[29], в Додоне[30], на Афинском Акрополе[31], в Дельфах[32], в аргивском герейоне[33]. Несколько

---

[24] Эрмитаж. Инв. № В2048. Высота 11,6 *см*. З. А. Билимович. Три архаические бронзы из античной коллекции Эрмитажа. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. Октябрь, 1964, Л., стр. 25, № 3.

[25] Высота треножника 0,052 *м*, диаметр круга 13,8 *см*. Треножник изображен: Сокровища скифских курганов, стр. 31, рис. 54.

[26] См., например, килик в Британском музее мастера Гермайоса (кон. VI в. до н. э.): J. Beazley. ARV², стр. 110, № 8; он же изображен у K. Sudhoff. Aus dem antiken Badewesen. Berlin, 1910, рис. 16, а также и килик с изображением Тезея и Скирона мастера Панайтия, находящийся в Лувре; J. Beazley. ARV², стр. 318, № 1 (480 г. до н. э.); K. Sudhoff. Ук. соч., рис. 7.

[27] M. Milne. Ук. соч., стр. 26.

[28] На это в свое время указал и А. Фуртвенглер (A. Furtwängler. Ук. соч., стр. 147, № 918), так их определил и К. Швендеманн (K. Schwendemann. Der Dreifuss, JDAI, 36, 1921, стр. 99). К. Швендеманн в своей работе пришел к неправильному общему выводу о времени бытования треножников, так как он смешал основания ножных тазов с основаниями предметов другого рода: с круглыми блюдами на ножках и др.

[29] A. Furtwängler. Ук. соч., табл. 51, № 853, стр. 136.

[30] C. Carapanos. Dodone et ses Ruines. Paris, 1878, табл. XLI, *1*, *2*, *7*; табл. XXIII, *2* и *2 bis*.

[31] A. de Ridder. Ук. соч., № 63—70, 80—108.

[32] M. Perdrizet. Fouilles de Delphes, V. Paris, 1908, рис. 229.

[33] C. Waldstein. The Argive Heraeum. Boston and New York, 1905, II, № 2227, 2228, табл. CXXIV; табл. CXXV, 2230.

тазов на подобных треножных основаниях было обнаружено в Требенище [34].

Наиболее близкой аналогией, как можно судить по воспроизведению, к эрмитажной бронзе является треножник таза из Сала Консилина.

Таким образом, основываясь на приведенных аналогиях, можно сказать, что таз из второго Семибратнего кургана является греческим и может быть датирован последней четвертью VI в. (рис. 3).

Такая ранняя датировка не противоречит более поздней датировке керамического материала [35] этого комплекса. Стертая гравировка на ручках, следы древней починки свидетельствуют о том, что этот предмет был в длительном употреблении.

О месте производства тазов этого типа имеются противоречивые точки зрения. А. Фуртвенглер [36] видит в этих произведениях ионийский характер стиля, Е. Пернис [37] считает их южноиталийскими. К этому же мнению примыкает и К. Н. Нейгебауэр [38]. М. Милн, говоря о происхождении таза из Метрополитанского музея, относящегося к тому же кругу памятников, что и бронза из второго Семибратнего кургана, воздерживается от определения его места изготовления. Милн присоединяется к мнению Г. Рихтер [39] и указывает, что в отношении бронзовых изделий данные о происхождении не являются надежным критерием для определения их места производства, так как бронзовые тазы в большом количестве импортировались в разные места. Бронзовые предметы, имеющие сходные элементы, не обязательно происходят из одного и того же центра. Одни и те же приемы в орнаментации бронзовых сосудов могли иметь место в различных центрах древней Греции.

Однако, учитывая то обстоятельство, что элементы ручной обработки на ручках таза из второго Семибратнего кургана совпадают с тем же приемом на памятниках, найденных на Афинском Акрополе и на ручках ойнохои из Эрмитажной коллекции, являющейся, по всей вероятности, изделием аттической мастерской, то вполне возможно, что и семибратний таз был изготовлен в какой-то мастерской Аттики.

Части второго таза были найдены в 1876 г. в IV Семибратнем кургане. Сохранились подставка и две массивные ручки [40]. Обломки самой чаши в настоящее время не обнаружены [41].

Ручки таза (рис. 4) имеют дугообразную форму с круглыми пластинками на концах. В верхней части ручка переходит в продолговатый плоский прямоугольник, полый внутри. Длинная сторона прямоугольника, примыкавшая к краю сосуда, изогнута и часть ее вырезана по форме края сосуда [42].

Низкая подставка представляет собою литой профилированный круг, верхняя поверхность которого имеет небольшой наклон внутрь.

---

[34] B. Filow. Ук. соч., № 81, рис. 72, 73; № 82, рис. 74, 75; рис. 76, 77; № 84, рис. 78, 80; № 85, рис. 81, 82; № 86, рис. 83, 84; № 88, рис. 85, 87; № 89, рис. 88.

[35] О чернолаковой керамике из Семибратних курганов был сделан доклад К. И. Зайцевой в Античном отделе Эрмитажа. Чернолаковую керамику из второго кургана она относит к третьей четверти V в. до н. э.

[36] A. Furtwängler. Ук. соч., стр. 147.

[37] E. Pernice. Ук. соч., стр. 11.

[38] K. Neugebauer. Gnomon, стр. 470.

[39] G. M. A. Richter. Greek Bronzes Recently Acquired by the Metropolitan Museum of Art. AJA, 1939, XLIII, 1, стр. 192, 194.

[40] Инв. № Сбр. IV, 26. Длина ручек 0,45. Диам. подставки 0,238, выс. подставки 0,027.

Поверхность ручек и подставки слегка потерты. В двух местах выбоины по краю круглых пластин ручек. Патина темно-коричневая. Сохранившиеся части таза литые. ОАК за 1877 г., стр. 12, № 12.

[41] В альбоме Ф. Гросса «Планы и рисунки к археологическим раскопкам 1875—1878 гг.» (Архив ИИМК, № 567) изображены фрагменты самой чаши с горизонтальным, отогнутым вниз венчиком.

[42] Благодаря изогнутости внутренней стороны ручки можно вычислить и диаметр таза. Он равнялся, по определению М. П. Ваулиной, предложившей и реконструкцию таза, приблизительно, 47 *см*.

Отсутствие пластических украшений на ручках затрудняет датировку памятника. Определение времени изготовления таза может быть установлено по совместным находкам и путем сравнения его с подобными предметами, найденными в погребальных комплексах.

В настоящее время известен целый ряд тазов этого типа, объединенных М. Милн в группу памятников с ручками типа ручек кратеров a colonettê [43]. Эти сосуды М. Милн датирует концом V — началом IV в. на основании экземпляра из кургана Башова могила в Болгарии [44].

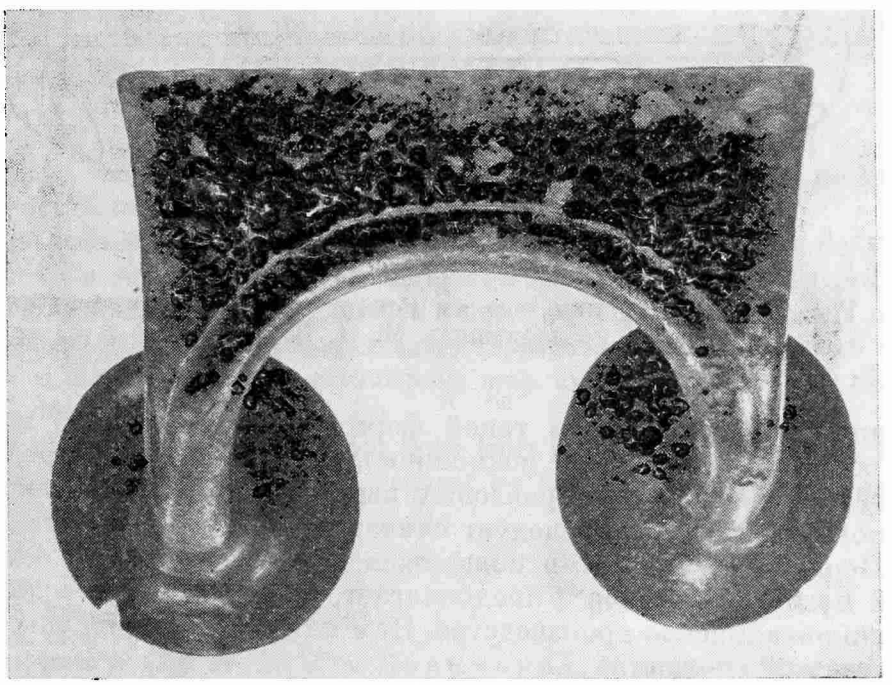


Рис. 4. Ручки таза из четвертого Семибратнего кургана

Прямыми аналогиями к сосуду из IV Семибратнего кургана являются тазы из кургана Солоха [45], детали тазов, найденные в курганах Бабы [46] и Раскопана могила [47], и ручка, найденная в Олимпии [48].

В эрмитажной коллекции хранятся еще две отдельно сохранившиеся ручки этого типа [49].

Таз из кургана Солоха А. П. Манцевич датирует второй половиной V в. [50] Ко времени около середины века можно отнести, вероятно, и ручки из кургана Бабы, судя по найденной вместе бронзовой гидрии, на вертикальной ручке которой изображена фигурка сирены [51].

---

[43] M. Milne. Ук. соч., стр. 57 сл., класс III.

[44] B. Filow, I. Welkow u. V. Mikow. Die Grabhügelnekropole bei Duvanlij in Sudbulgarien. Sofia, 1934, стр. 60, № 10, рис. 90.

[45] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 124, 125, рис. 20.

[46] ОАК за 1897 г., стр. 135, рис. 257. Сохранились подставка и две ручки. Высота подставки 0,28 *см*, диаметр 0,183. Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э., стр. 18; хранится в Эрмитаже.

[47] ОАК за 1897 г., стр. 137. Н. Онайко. Ук. соч., стр. 18; хранится в Эрмитаже.

[48] A. Furtwängler. Ук. соч., стр. 147, № 922.

[49] Инв. № В165 из коллекции Пиццати, дл. 0,14 *см*; инв. № В1630 — неизвестного происхождения.

[50] А. П. Манцевич. Курган Солоха. Рукопись.

[51] ОАК за 1897 г., стр. 135, рис. 264—266; Н. П. Сорокина. Навершье боспорского надгробия с фигурой сирены из собрания Государственного Исторического музея. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 94, № 9; Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э., стр. 18, табл. XV; табл. XXV, *75*.

Таз из IV кургана мы склонны отнести ко времени не позже середины V в. на основании того, что здесь была найдена чернолаковая керамика, которая, по определению К. Зайцевой [52], относится к этому же периоду.

На основании сохранившихся целых экземпляров можно представить себе и форму эрмитажного таза. Это, по всей вероятности, был сосуд с неглубоким вместилищем, со слегка округлым дном, покоящимся на низкой кольцеобразной подставке [53]. Ручки непосредственно примыкали к горизонтально отогнутому краю и были расположены в одной с ним плоскости. Эта форма таза засвидетельствована и в вазовых рисунках [54] (рис. 5).

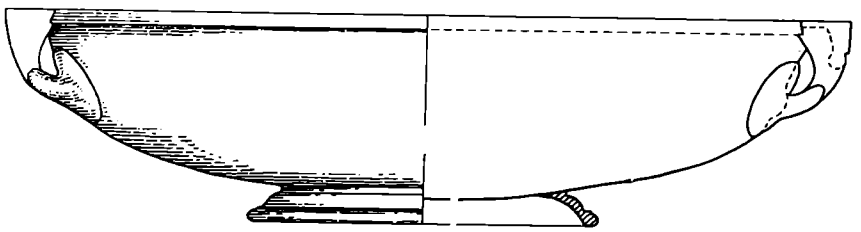


Рис. 5. Реконструкция таза из четвертого Семибратнего кургана, предложенная М. П. Ваулиной

В южной Италии сосуды такой формы изготавливались из глины [55]. Это обстоятельство дало возможность Е. Пернису [56] предположить, что и местом производства бронзовых изделий такого типа, послуживших прототипом для глиняных, следует считать также южную Италию. Точку зрения Перниса в свое время поддержал и К. Нейгебауэр [57]. Для таза из Башовой могилы Б. Филов [58] предполагает, на основании выводов Перниса, также южноиталийское производство. Нам кажется, что для таких выводов нет серьезных оснований.

В заключение можно сказать, что рассмотренные тазы, найденные в Семибратних курганах, находят себе прямые аналогии среди произведений греческого искусства конца VI и V вв. до н. э.

Трудно себе представить, что эти предметы греческого импорта, высоко ценившиеся местными племенами Боспорского царства, употреблялись в прямом их назначении. Против этого говорит и тот факт, что в погребениях правящей верхушки местного общества тазы встречаются вместе с культовыми сосудами или с набором предметов для пиршества. На культовый характер таза из кургана Жирный указал Н. В. Анфимов [59]. А. П. Манцевич считает, что таз из кургана Солоха был связан с трапезами [60]. Л. Галанина [61] обратила внимание на то, что в Курджипском кургане таз был найден вместе с кувшином для вина и ситечком. Из этого Л. Галанина делает вывод, что у местных племен тазы употреблялись при пиршествах или торжественных трапезах. Выводы исследователей подтвер-

---

[52] См. примечание на стр. 9, прим. № 1.

[53] Ф. Гросс (ук. соч.) предложил неверную реконструкцию таза: диаметр таза слишком большой и не совпадает с изогнутостью внутренней стороны ручек, которые должны примыкать к краю. Гросс поместил ручки слишком высоко, и они оказались выше края таза. Кроме того, пропорции самих ручек им даны неправильно.

[54] См. рисунок на чаше мастера Кодроса (ок. 440—430 гг. н. э.). E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923, рис. 573.

[55] E. Pernice. Ук. соч., рис. 16. В эрмитажном собрании см. чаши: инв. № Б246, Б395, Б396.

[56] E. Pernice. Ук. соч., стр. 12.

[57] K. Neugebauer. Ук. соч., стр. 470.

[58] B. Filow, I. Welkow u. V. Mikow. Ук. соч., стр. 220.

[59] Н. В. Анфимов. Комплекс бронзовых предметов из кургана близ ст. Темижбекской. Сб. «Культура Античного мира», М., 1966, стр. 22.

[60] А. П. Манцевич. Курган Солоха. Рукопись.

[61] Л. Галанина. Бронзовый античный таз из Курджипского кургана. XI Археологический сборник. 1969, стр. 103.

ждаются и на примере комплексных находок в Семибратних курганах. Во втором кургане совместно с тазом были найдены два черепка [62], ситечко [63], фрагменты ритона [64]. Значительная потертость сохранившихся частей таза свидетельствует о длительном и частом его употреблении, что может служить также аргументом в пользу нашего предположения.

В четвертом кургане был найден кувшин [65] для вина и ручка патеры в виде фигуры обнаженного юноши [66].

Z. A. Bilimovitch

DEUX CUVETTES DE BRONZE DE PROVENANCE DES TUMULUS DITS SÉMIBRATNIYÉ

Résumé

Sont publiées deux cuvettes de bronze fragmentées provenant des tumulus dits Sémibratniyé qui se trouvent dans la collection de l'Ermitage.

La cuvette trouvée dans le tumulus N° 2 est datée du dernier quart du VIe siècle avant notre ère. On suppose qu'elle fut fabriquée dans un atelier de l'Attique.

La cuvette du tumulus N° 4 est rattachée à une époque non postérieure au milieu du Ve siècle avant notre ère. Plusieurs chercheurs rapportent les cuvettes de ce type aux objets sortis des ateliers de l'Italie méridionale, mais une telle conclusion n'est pas sérieusement fondée.

Les Grecs utilisaient les cuvettes pour laver leurs pieds. Les tribus peuplant le littorol nord de la mer Noire les utilisaient pendant les festins et les repas solennels.

---

[62] Эрмитаж. Инв. № Сбр. II, 48, 50.
[63] Эрмитаж. Инв. № Сбр. II, 49.
[64] Там же, инв. № Сбр. II, 33.
[65] Там же, инв. № Сбр. IV, 28.
[66] Там же, инв. № Сбр. IV, 27; З. А. Билимович. Антропоморфные ручки бронзовых патер из собрания Эрмитажа. СА, 1966, 4, стр. 121, рис. 4, *1*, *2*.

В. Ю. ЛЕЩЕНКО

БЛЯХИ С ОХОТНИЧЬИМИ СЦЕНАМИ ИЗ ПОВОЛЖЬЯ

Еще Я. И. Смирнов воспроизвел в атласе «Восточного серебра» несколько серебряных и бронзовых круглых блях со сценами охоты [1]. С тех пор они почти не привлекали внимание исследователей, не были в целом датированы и локализованы, хотя, несомненно, представляют интерес по сюжету, технике и манере исполнения. Число интересующих нас изделий пополнила бронзовая матрица с городища Великие Болгары, опубликованная А. П. Смирновым [2]. Находки в последние годы в Верхнем Прикамье и Западной Сибири нескольких новых блях с охотничьими сценами позволили выделить вместе с прежними группу из 12 изделий (рис. 1—12, табл. I). При выделении блях из числа прочих за основу были приняты следующие основные признаки: наличие охотничьей сцены; круглая форма и относительно небольшие размеры (табл. I); стилистическая близость изображений образам верхнекамского искусства конца I — начала II тысячелетия н. э.

Распределение находок на огромной территории от Волги до Оби неравномерно. Одна находка сделана на Нижней Каме (табл. I, № 9), четыре — в Верхнем Прикамье на территории современной Пермской области (табл. I, № 1, 4, 11, 12), пять — на территории бывшей Пермской губернии (табл. I, № 2, 3, 7, 8, 10), две — в Западной Сибири (табл. I, № 5, 6). Бляхи № 1—6 [3] выполнены плоской чеканкой, нанесенные на серебряную пластинку изображения прочеканены по контуру. Фон углублен насечкой. Детали изображений: лица персонажей и их одежда, гривы и сбруя коней, оперение птиц и шерсть животных моделированы неглубокими линиями и точками. По краю лицевой части напаяна серебряная рубчатая проволока (катушечная филигрань) (рис. 1—4, 6). Все изображения позолочены, фон покрыт чернью, которая хорошо сохранилась на бляхе № 4. Бляхи № 8, 9, 10 выполнены отливкой в форме. Изображения на бляхах № 8 и 10 даны в невысоком рельефе, фон не очищен от литейных наплывов, а утолщенный край покрыт насечкой, имитирующей, вероятно, рубчатую проволоку. Сцена на бляхе № 11 выполнена филигранью из скрученной проволоки, такая же проволока напаяна по краю. На бляхе № 7 изображения, судя по рисунку в атласе «Восточно-

---

[1] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XC, *22*, *23*; табл. XCI, *24*, *25*, *26*.

[2] А. П. Смирнов. К вопросу о месте производства шаманских привесок. КСИА, АН СССР, 99, 1964, рис. 24.

[3] Номера блях здесь и дальше в тексте соответствуют номерам рисунков и номерам блях в таблицах.

Таблица I

№ п.п.	Предмет	Диаметр, *см*	Место находки	Условия находки	Место хранения	Публикация или воспроизведение
1	Бляха серебряная	5,8	с. Искор Чердынского р-на Пермской обл.	При вспашке поля 40—50 лет тому назад, восточнее с. Искор у т. н. «Русского островка» на распаханном родановском могильнике	Чердынский музей. Доставлена в музей Г. Н. Чагиным в 1966 г.	
2	»	5,8	Пермская губерния *	Куплена А. А. Бобринским в Петербурге из частных рук и передана в 1905 г. в Археологическую Комиссию вместе с № 10	Передана в Эрмитаж в 1908 г. ОВ, инв. № УЗ—865	ОАК за 1905 г., СПб., 1908, рис. 146
3	»	5,0	Пермская губерния		Румянцевский музей в Москве	J. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Helsinfors, 1877—1884, № 641. Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XCI, *25*
4	»	4,4	дер. Большое Поле, Чердынского р-на Пермской обл.	При копке овощей в урочище «Шунья», в 1950—1955 гг.	Чердынский музей. Инв. № 2940. Доставил в музей И. А. Лунегов	
5	»	5,4	Из Березовского округа (Западная Сибирь)	Куплена у «остяков» Тобольской губернии	Эрмитаж. Инв. № УЗ—864	Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. XCI, *24*, стр. 16
6	»		Западная Сибирь	При раскопках	До 1941 г. в Тобольском музее **	

* В таблице приводится административное деление, которое существовало в период находки вещей.

** Размер бляхи мне неизвестен. В фотоальбоме Ф. М. Морозова о командировке в 1941 г. на Урал и в Западную Сибирь имеется фотографин без масштаба и запись: «Тобольский краеведческий музей, инв. № 3079. Серебряная пластинка, найденная при раскопках». Фотоальбом хранится в архиве Отдела Востока Эрмитажа. Директор Тобольского музея в письме от 20.V.1967 г. любезно сообщил мне, что по № 3079 значится другая запись и бляхи в музее нет.

Таблица I (продолжение)

№ п.п.	Предмет	Диаметр, см	Место находки	Условия находки	Место хранения	Публикация или воспроизведение
7	Бляха серебряная	5,0	Из Пермской губ. раньше 1859 г.		Место нахождения неизвестно	Я. И. Смирнов, Ук. соч., табл. XC, *23*
8	Бляха бронзовая	5,5	Пермская губ.		Пермский музей, коллекция Теплоуховых, инв. № 11405/34	
9	Матрица бронзовая	6,0	Городище Великие Болгары (Татарская АССР)	Случайная находка	Собрание ГИМ	А. П. Смирнов. К вопросу о месте производства шаманских привесок. КСИА АН СССР, 99, 1964, стр. 63—64, рис. 24
10	Бляха медная	5,0	Пермская губ.	Приобретена вместе с № 2 (см. № 2)	Передана в Эрмитаж в 1908 г.	ОАК за 1905 г., СПб., 1908, рис. 147
11	Бляха бронзовая	4,5	Кудымкар (Пермская обл.)	Находка на городище	Пермский музей, коллекция Теплоуховых, инв. № 11376/79	А. А. Спицын. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, 26, СПб., 1902, табл. VIII, *3*; Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. XCI, *26*
12	Бляха серебряная	Около 5,8	дер. Сечище, Верх-Нердвинской вол. Пермской губ.		Пермский музей, коллекция Теплоуховых, инв. № 11296/1	А. А. Спицын. Ук. соч., табл. II, *9*; Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. XC, *22*

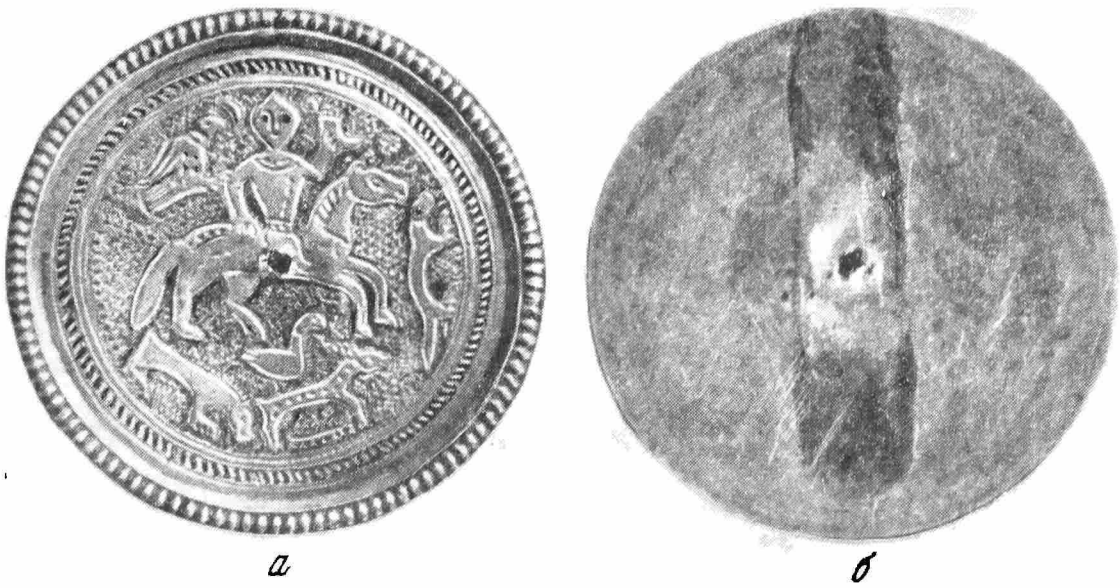


Рис. 1. Бляха серебряная, *а* — лицевая сторона, *б* — оборотная сторона

Рис. 2. Бляха серебряная. По ОАК за 1905 г. (см. ОАК за 1905 г. СПб., 1908, рис. 146)

Рис. 3. Бляха серебряная. По Я. И. Смирнову (см.: «Восточное серебро». СПб., 1909, табл. XCI, рис. 25).

Рис. 4. Бляха серебряная

Рис. 5. Бляха серебряная

го серебра»[4], выполнены гравировкой. Сцена на бляхе № 12 выполнена гравировкой, глубокими врезанными линиями. Изображения и полоска бордюра позолочены. Судя по незаполненным позолотой контурам, гравировка производилась после золочения.

На бляхах изображена охотничья сцена. Наиболее полно она представлена на № 1, 2, 3. Остроголовый всадник сидит на идущем вправо

Рис. 6. Бляха серебряная. По фотографии Ф. Н. Морозова, уменьшено в два раза

Рис. 7. Бляха серебряная. По Я. И. Смирнову (см.: ВС, табл. XC, рис. 23)

(от зрителя) коне и от пояса повернут в фас. В поднятой вверх левой руке он держит рог, согнутая в локте правая рука опущена на круп коня. На правом локте всадника сидит птица с характерными для хищника признаками — острым загнутым клювом и когтистыми лапами. Слева расположен полумесяц, справа — солнце. Ниже фигуры коня, между его ногами, помещена водоплавающая птица (судя по вытянутой шее, гусь). Крайнее левое животное, изображенное ниже задних ног коня, по характерно опущенной голове и мощному загривку аналогично медведеобразным пронизкам из Прикамья[5] и Западной Сибири[6]. Справа от медведя лось, который по трактовке близок лосиным фигуркам на шумящих подвесках из Верхнего Прикамья[7]. Животное, бегущее перед мордой коня, своим стройным телом и пушистым хвостом аналогично литой фигурке, изображающей соболя[8]. На бляхе № 1 имеется изображение звезды в форме крестика, расположенной справа от рога.

Рис. 8. Бляха бронзовая

На следующих бляхах композиция изменяется, сохраняя, однако, основную идею — изображение охотящегося всадника. Изменение композиции на бляшке № 4 объясняется неумением мастера разместить сцену в кру-

---

[4] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. XC. *23.*

[5] А. А. Спицын. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, 26, СПб., 1902, табл. XXXV, *1, 3, 4.*

[6] J. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Helsinfors, 1877—1884, N 553, 554, 558.

[7] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. XIV, *1.*

[8] Там же, табл. VI, *21.*

ге. Изображение коня заняло почти всю плоскость бляшки, поэтому соболь оказался неестественно втиснутым под головой коня, а лось совсем исключен из сцены. Ниже задних ног коня помещен медведь, на локте всадника — ловчая птица.

Указанной выше причиной объясняется изменение композиции на бляшке № 5. У всадника срезан верх головы, а в его правой руке отсутствует рог, на правом локте сидит ловчая птица. Ниже коня помещен только один медведь.

Рис. 9. Матрица бронзовая. По А. П. Смирнову (см.: К вопросу о месте производства шаманских привесок. КСИА, 99, 1964, рис. 24)

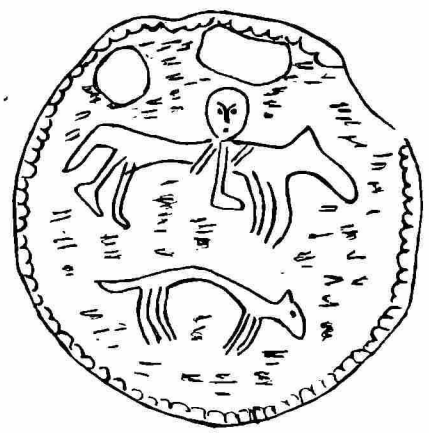


Рис. 10. Бляха медная. По ОАК за 1905 г. (см.: ОАК за 1905 г., рис. 147)

Рис. 11. Бляха бронзовая

Рис. 12. Бляха серебряная

Половина бляшки № 6 выломана. Из животных, расположенных ниже коня, легко определяется голова лося или оленя с ветвистыми рогами. Фигурка правее лося, судя по продолговатому телу и опущенному вниз хвосту, как и на бляшках 1, 2, 3, 4, изображает соболя. Животное, расположенное ниже головы коня, возможно, изображает собаку из породы лаек, судя по характерно поднятому вверх хвосту. На локте всадника сидит ловчая птица.

Несмотря на отмеченные отличия, одинаковая техника исполнения блях № 1—6 (см. выше) свидетельствует об изготовлении их в одной среде. Отличия обусловлены некоторым хронологическим разрывом в изготовлении бляшек, наличием различных образцов для копирования и различной степенью умелости мастеров.

Композиция на бляшке № 7, за исключением полумесяца и солнца, копирует композицию на бляшке № 1.

Бляшки № 8, 10 и 11 отличаются рядом особенностей в изображении всадников. Это прежде всего крайняя стилизация: на бляшках № 8 и 10 сцена отлита в жгутовом рельефе, на № 11 — техникой жгутовой филиграни. Для этой группы характерно упрощение композиции, но связь с вышеописанными изделиями сохраняется. Композиция бляшки № 8 очень близка бляшке № 5: в обоих случаях изображен всадник и одно животное ниже коня и, что особенно важно,— наличие полумесяца и солнца по сторонам головы всадников. Причины отличий группы блях № 8, 10 и 11 от прочих заключается, как мы увидим ниже, в изготовлении их на другой территории, в другой среде.

а *б* *в*

Рис. 13.

а — орнамент на бляхе № 12, б — орнамент на ручке серебряного кувшина, в — орнамент на керамической чаше

Бронзовая матрица (рис. 9) предназначалась для изготовления массовой продукции. Она близка по ряду признаков к группе блях № 1—6 (табл. II), но отличается от них составом изображенных животных. Кроме четырех птиц на матрице изображена белка (между задней ногой и хвостом коня), две рыбы и, возможно, две собаки, судя по характерно поднятым вверх хвостам, как на бляхе № 6. А. П. Смирнов считает, что животное, на котором сидит всадник, должно изображать волка [9]. Доказательством этого, по его мнению, служит острая морда животного, длинный свисающий хвост и когтистые лапы. Но такой же длинный хвост и в той же манере, как и на матрице, выполненные ноги мы видим у коней на бляшках № 1—5. Морда животного на матрице массивнее, чем у коней на бляшках № 1—5. Это делает очевидным, что всадник на матрице сидит не на волке, а на коне, что и вводит ее в круг блях с охотничьими сценами. В целом сцена на матрице отличается грубостью исполнения.

На бляшке № 12 в отличие от всех других изображен всадник, стоящий на спине коня. Вся сцена выполнена в манере обводки рисунка контуром. Позолоченность изображений сближает бляшку с группой блях № 1—6.

Для определения взаимосвязей между бляшками была выделена группа иконографических, композиционных и технических признаков (табл. II). Основное значение среди них придается иконографическим признакам, которые более устойчивы и в ряде случаев сохраняются независимо от различий в технике изделий (например, признак *б* на бляшках № 4 и 9 — табл. II, признак *б*). Выбор иконографических признаков был определен наличием на всех рассматриваемых изделиях необходимых для сравнения изображений — всадника и коня. Отсутствие материала для анализа состава животных из-за их стилизации на бляхах № 8, 10 и 11 заставило отказаться от выделения этого признака и для остальных изделий. Признаки, приведенные в табл. II, имеют буквенные обозначения от а до р включительно, которыми мы будем в дальнейшем пользоваться в тексте.

Наиболее совершенными по полноте сцен являются бляшки № 1, 2, 3, дающие исходный тип для большинства других изделий. Сходство большинства выделенных признаков (табл. II) позволяет считать бляхи № 1, 2, 3 одновременными. В то же время они дают две линии развития: всадник на бегущем коне (рис. 1) и всадник на шагающем коне (рис. 2, 3) (табл. II, III).

Бляшка № 5 по признакам, а, г, д, з ближе к бляшке № 1, отличаясь от нее признаками е, к, л (табл. II). Это позволяет поместить бляшку № 5 выше и левее № 1 (табл. III).

Признаки г, е, ж, з, й сближают бляшку № 4 с № 2, а признак ё — с № 5 (табл. II, III).

---

[9] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 63—64.

Таблица II

Распределение на бляхах признаков

Тип признака	Название признака	Номера блях											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
А	Голова всадника	+	+	+		+	+	+	+				
б	То же				+					+			
в	То же										+	+	
г	Лицо всадника	+	+	+	+	+							
д	Передние ноги бегущего коня	+				+	+	+	+		+		+
е	Передние ноги шагающего коня		+	+	+								
е	Ошейник на шее коня				+	+	+	+					
ж	Грива коня	+	+	+	+								
з	Хвост коня	+	+	+	+	+				+			+
и	Нога всадника									+	+	+	
и	Полумесяц и солнце	+	+	+	+								
к	То же					+			+				
л	Композиция: всадник и одно животное ниже коня					+			+		+		
м	Композиция: всадник и четыре животных ниже коня	+											
н	Плоская чеканка, позолота изображений, чернение фона	+	+	+	+	+	+						
о	Литье									+	+	+	
п	Филигрань											+	
р	Гравировка							+					

Бляха № 6 по признакам а, д близка к № 1, а по признаку ё № 4 и 5 (табл. II, III).

Бляха № 7 по признакам а, д, м, близка к № 1, признак ё сближает ее с № 4—6 (табл. II, III).

Признаки а, д сближают бляшку № 8 с № 1, 5, 6, признак к — с № 5, признак о — с № 9, 10 (табл. II, III).

Матрица (рис. 9) по признакам б, з близка к № 4, по признаку и — к № 10, 11 (табл. II). С помощью матрицы должны были изготовляться тисненые бляхи, хотя они, насколько известно, не найдены. Выше отмечалось отличие изображенной на матрице фауны от других изделий. Это дает право считать сцену на матрице самостоятельной линией развития общего сюжета (табл. III), связанную по ряду признаков с другими образцами (табл. II).

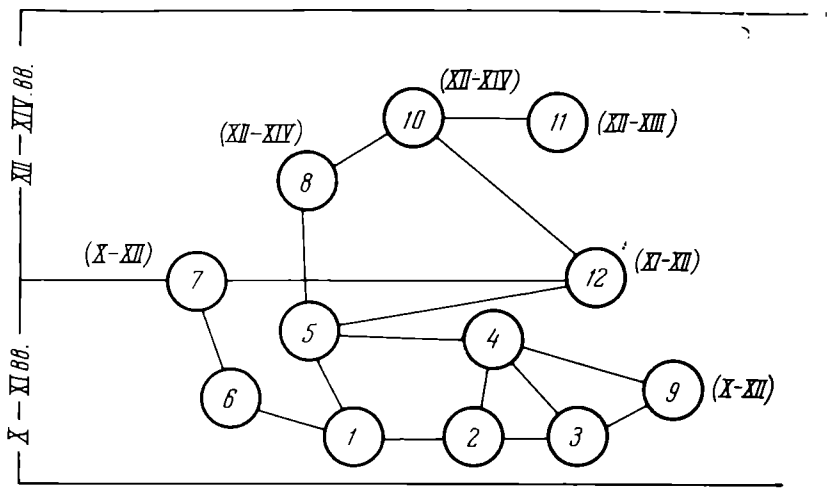
Бляшку № 10 признаки д, л сближают с № 5, а признак и — с № 9,11 (табл. II, III).

Бляшка № 12 по признакам д, з, близка № 1, 5, по признаку в — № 10 (табл. II, III).

Совершенно очевидно, что приведенное в табл. III расположение блях в зависимости от распределения признаков (табл. II) во многом условно, так как неизвестны опосредственные звенья отмеченных связей, неизвестны узко и бесспорно точно датированные памятники, которые помогли бы уточнить датировку отдельных изделий группы блях № 1—6 и т. п. Но даже в приведенном виде (табл. III) схема показывает существование нескольких линий развития общего сюжета и разновременность описанных изделий.

Таблица 111

Расположение блях в соответствии с распределением признаков



Ни одна из рассматриваемых блях не зафиксирована в определенном археологическом комплексе, поэтому их датировка возможна в основном по технике выделки изделий. Группа блях № 1—6 выполнена техникой плоской чеканки, с позолотой изображений, чернением фона и катушечной филигранью по краю (последняя отсутствует только на № 5) (рис. 1—6). Следов местного златокузнечного ремесла в археологических культурах Верхнего Прикамья и Нижнего Приобья, на территории которых найдены бляхи № 1—6, не обнаружено. Техника плоской чеканки была распространена среди орнаментальных приемов на Руси с X до XII—XIII вв.[10] Этой техникой выполнены обкладки турьих рогов из Черной Могилы под Черниговом, датирующейся по монетам 960-ми годами[11], и многочисленные серебряные браслеты («наручи») домонгольского времени. Особенно близок к бляшкам № 1—5 по технике выполнения (плоская чеканка, чернь, катушечная филигрань) серебряный браслет («наруч») из клада домонгольского времени, найденного при раскопках 1966 г. в Старой Рязани[12]. Но содержание сцен на наших бляхах № 1—6 не позволяет отнести их к древнерусским изделиям. Большинство исследователей считает, что ювелирное искусство Волжской Болгарии, в которой найдены многие клады русских украшений, создавалось под воздействием древней Руси[13]. Рубчатой проволокой (катушечной фили-

[10] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 283, 289, 290; его же. Ремесло. В кн. «История культуры древней Руси», 1, М.—Л., 1951, стр. 124, 125.

[11] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, 11, М., 1949, стр. 29.

[12] А. Л. Монгайт. Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967, стр. 12, 13, табл. 20, 21.

[13] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.—Л., 1936, табл. XXXII, XXXIII; А. П. Смирнов. Волжские Булгары. Тр. ГИМ, XIX, М., 1951, стр. 156 сл.; Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. В кн. «История культуры древней Руси», 1, стр. 324; А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955, стр. 153.

гранью) украшались в Волжской Болгарии арочные шумящие подвески, бывшие характерным женским украшением родановского времени в Верхнем Прикамье. Богато украшенная серебряная арочная подвеска приведена в работе А. А. Спицына [14]. Она украшена вставками янтаря, зернью и рубчатой проволокой, окаймляющей арочку подвески. К основе подвески прикреплены шесть цепочек из несомкнутых колец. Нижней датой подвески является конец IX в., так как в это время восьмеркообразные звенья сменяются на основах подвесок цепочками [15]. Арочные подвески были наиболее распространенным видом украшений в Верхнем Прикамье в X — XI вв. [16]. На других видах болгарских серебряных украшений, кроме рассматриваемых серебряных блях с охотничьими сценами (рис. 1—4, 6), подобная катушечная филигрань нам не известна. Следовательно, в Волжской Болгарии этот технический прием не выходит за рамки XI в., и верхней датой наших блях с рубчатой проволокой является XI век. Техника плоской чеканки была позаимствована из древней Руси в X в., который является нижней датой блях. Таким образом, бляхи № 1—6 датируются X—XI вв. Кроме того, болгарское происхождение указанных блях подтверждается не только находкой на городище Великие Болгары матрицы (рис. 9), близкой по многим признакам бляхам № 1—6, но и изображением на них животных в стиле верхнекамских и западносибирских украшений (см. выше). Нельзя не отметить мнение ряда исследователей, что древнеудмуртское и древнепермское население играло значительную роль в сложении государственности Волжской Болгарии [17].

Сцена на бляшке № 7 выполнена гравировкой, точнее, прочерчиванием, широко известным как в Прикамье, так и у зауральских народов — хантов и манси. По сходству с композицией на № 1, 2 бляшка № 6 датируется X—XI вв., возможно, X—XII вв.

Бронзовую матрицу (рис. 9) А. П. Смирнов датирует по жгутовому орнаменту с точечными вставками, расположенному по окружности матрицы, X — XII вв. [18]

Бляшки № 8 и 10 являются изделиями мастеров родановской культуры в Верхнем Прикамье. Техника литья рельефом в виде жгутов характерна для позднего этапа родановской культуры (XII—XIV вв.). Изображение коня на бляшках № 8 и 10 совершенно такое же, как на груди птицевидного идола из Кудымкара, который датируется А. А. Спицыным XII—XIV вв. [19]

Бляшку № 11 А. П. Смирнов датирует X — XII вв. [20] Аргументами в пользу этой датировки являются «условия находки и филигранная техника изображения» [21]. Но условия залегания бляшки в культурном слое неизвестны, и поэтому «условия находки» в данном случае не могут быть решающим аргументом. Филигранная техника изделий была особенно развита в Верхнем Прикамье в XII—XIII вв. [22]

Отмеченное выше соотношение признаков на бляхах (табл. III) не позволяет относить бляшку № 11 раньше чем к XII в., она может быть датирована XII—XIII вв.

---

[14] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. XII, *4*.

[15] Л. А. Голубева. Коньковые подвески Верхнего Прикамья. СА, 1966, 3, стр. 98.

[16] М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, 22, 1951, стр. 57, 59.

[17] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 72, 73, 76.

[18] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 64.

[19] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. XXII, 7.

[20] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 214.

[21] Там же, стр. 214.

[22] М. В. Талицкий. Ук. соч., стр. 57.

Для датировки бляшки № 12 основное значение имеет изображение пальметки между ногами всадника (рис. 12, 13—а) [23]. Рисунок обведен контуром путем глубокой гравировки. Манера обводки рисунка контуром имеет широкие аналогии в орнаменте памятников мусульманского Востока: на ручке серебряного кувшина с куфическими надписями (рис. 13—б) [24], на самаркандской поливной керамике XI—XII вв [25]. (рис. 13—в). О. Г. Большаков относит появление этой манеры исполнения на поливной керамике Средней Азии не раньше чем к XI—XII вв. [26] На этом основании бляшка № 12 должна датироваться XI—XII вв.

Размещение сцены в круге не характерно для местного прикамского искусства и заставляет обратиться к поискам образцов. Так же не характерно и помещение ловчей птицы на локте всадника (рис. 1 — 6), хотя известно, что перед напуском на дичь она обычно сидит на указательном пальце руки охотника. Естественно предположить, что мастер не был знаком с реальным обычаем соколиной охоты и, выполняя бляшки под воздействием привозных образцов, не придавал значения правильному размещению ловчей птицы. Удивительное постоянство в изображении одних и тех же образцов животных, одной и той же позы всадника с опущенной на круп правой рукой [27] на бляшках № 1—6 ярче всего подтверждает копирование с каких-то образцов, а не изображение сцены из реальной жизни. Но в руках болгарского мастера приспособление сцены к вкусам и привычкам прикамского населения пошло так далеко (типы местных зверей, остроголовый всадник и т. п.), что о заимствовании с привозных образцов говорит лишь форма круга для размещения сцены и сам сюжет соколиной охоты. Об известной условности сцен говорит то, что на большинстве из них изображена фауна лесной полосы (лось, медведь, соболь), а не степной, где чаще всего охотятся с ловчими птицами. Затем то, что охота с соколом и даже беркутом на крупных хищников и больших копытных невозможна [28].

Заимствование сюжета соколиной охоты из древнерусского искусства исключается, так как в нем неизвестны изображения всадников с ловчими птицами в руках. Зато в Иране и Средней Азии X—XII вв. изображения соколиной охоты на металле, стекле, керамике и настенной росписи известны довольно широко [29]. Для болгарских блях могли быть образцами близкие к ним по размерам диски IX—X вв. из Ирана с сюжетом соколиной охоты. Например, серебряный диск (диаметр 6,3 *см*), на реверсе которого изображен всадник с двумя ловчими птицами в руках [30]. М. Бахрами датирует этот диск второй половиной IX в. по саманидской полихромной керамике, вместе с которой она найдена в Нишапуре [31]. Но для американских ученых, работавших в Нишапуре, характерно завышение датировок керамики [32]. Следовательно, диск может датироваться IX—X вв. Описанному диску близок золотой диск (диаметр 4,3 *см*)

[23] На эту деталь мое внимание обратил Б. И. Маршак, которому я приношу глубокую благодарность также за ряд ценных советов.

[24] Кувшин хранится в собрании Чердынского музея. Найден в д. Аниковской Чердынского р-на Пермской обл.

[25] О. Г. Большаков. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. ЭВ, XII, М.— Л., 1958, табл. IV, *б*.

[26] Там же, стр. 32, примеч. 25.

[27] Прототип данной позы дает поза всадницы из д. Златиной (Верхнее Прикамье). А. А. Спицын. Ук. соч., табл. V, *14*.

[28] А. Э. Брэм. Жизнь животных. II, Птицы, СПб., 1902, стр. 244.

[29] Обширная библиография о памятниках с изображением соколиной охоты на Востоке приведена в статье Клемента Бенды. Klement Benda. Stříbrny terč se socolnicem ze Starého Města u Uherského Hradiště. «Památky archeologické», ročnik LIV, 1963, číslo I.

[30] Mehdi Bahrami. A Gold Medal in the Freer Gallery of Art. В кн. Archaeologica orientalia in memoriam Ernst Herzfeld. New York, 1952, табл. 1, *4b*.

[31] Там же, стр. 19.

[32] О. Г. Большаков. Поливная керамика Мавераннахра VIII—XII вв. как историко-культурный памятник. Автореф. Л., 1954, стр. 5.

с изображением на аверсе буидского правителя Адуд ад-Даула, на реверсе — его же в образе всадника с двумя ловчими птицами в руках [33].

Зная о широком характере связей Болгара со Средней Азией, а последней с Ираном, можно считать вполне вероятным, что изделия со сценами соколиной охоты, подобные иранским дискам, попадали в Волжскую Болгарию, став образцами для описанных болгарских блях. О такой возможности свидетельствует и находка в Прикамье серебряного блюда с реальным изображением всадника с соколом [34]. На среднеазиатские связи указывает изображение пальметки между ногами всадника на нашей бляшке № 12.

Несмотря на отсутствие в Волжской Болгарии памятников с реальным изображением соколиной охоты, ее существование в среде Болгарской знати вполне возможно. Примером является древнерусское искусство, которое не оставило изображений всадников с соколами, но охота с ловчими птицами, как известно из судебников, летописей и былин, была популярна в княжеско-боярской среде [35].

Определяя религиозный смысл сюжета и способ применения блях, мы приходим к следующим выводам. Остроголовость всадников на бляхах № 1 — 9 является не изображением шлемов, а данью религиозным представлениям уральских народов. Следует отметить, что на антропоморфных изображениях из Верхнего Прикамья и Западной Сибири головной убор почти всегда отделяется от лба горизонтальной чертой, которая отсутствует на рассматриваемых бляхах. Остроголовость являлась характерным признаком антропоморфных божеств [36]. Фигурки с островерхними головами обычны среди шаманских изображений на серебряной посуде [37] А. П. Окладников отметил широкую распространенность остроголовых изображений у большинства местных племен Сибири, начиная с Дальнего Востока и вплоть до Белого моря, и их большую древность — еще с конца неолита по находкам деревянных идолов в уральских торфяниках [38]. Вслед за Д. К. Зелениным [39] он считает, что остроголовость является не подражанием реальному головному убору древнего населения, а техникой простейшей скульптурной обработки дерева нанесением широких сколов, которыми оформлялась самая главная часть изображения — голова [40]. Эту точку зрения подтверждает исследование С. А. Семеновым [41] следов работы на топорах. В дальнейшем остроголовая манера изображения деревянных идолов была перенесена на изделия из металла. Поскольку техникой обработки металла это перенесение объяснить невозможно, его следует связывать со сложившейся во взглядах традицией на облик антропоморфного божества.

А. В. Збруева высказала мнение о существовании в III—IV вв. в Прикамье представления о верховном божестве, как о мужчине-охотнике в виде всадника, окруженного зверями (изображение охотника из Подчеремского клада) [42]. Но на современном уровне знаний атрибуция верховного божества в Прикамье неизвестна, и А. П. Смирнов справедливо полагает, что привлеченные А. В. Збруевой материалы не позволяют прий-

---

[33] Mehdi Bahrami. Ук. соч., табл. I, *1*.

[34] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. LXXXLII, *157*.

[35] Николай Сементовский. Сказание о ловах великих князей киевских. СПб., 1857, стр. 6; Н. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 10, примеч. 24; «Правда Русская». М.— Л., 1940, стр. 15; ПСРЛ, 1, М., 1962, стр. 251.

[36] А. В. Збруева. Пермский всадник. ВДИ, 1950, 1, стр. 210.

[37] А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА РАО, VIII, 1, СПб., 1906, рис. 7, 11, 15, 16.

[38] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 43, 1955, стр. 293.

[39] Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. М.— Л., 1936, стр. 152.

[40] А. П. Окладников. Ук. соч., 293, 294.

[41] С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, 54, 1957, стр. 162.

[42] А. В. Збруева. Ук. соч., стр. 210.

ти к изложенным выводам и считает фигурку охотника из Подчеремского клада изображением покровителей охотников, какого-нибудь божества леса [43].

Религиозная символика сцен на рассматриваемых бляхах подчеркивается наличием по бокам головы всадников астральных символов — луны и солнца. Все изложенное позволяет считать всадника на бляхах не простым охотником, а антропоморфным божеством в образе охотника, покровителем лесного мира зверей.

Ни одна из блях не была найдена в определенном археологическом комплексе, поэтому место их в костюме определяется по аналогии с другими украшениями. Отверстия в верхней части бляшек № 5, 7, 10 и ушки для подвешивания на № 7 и 8 указывают, что их носили в качестве подвесок. В Хантыйском могильнике Халас-Погор на Оби круглые бляхи с изображением всадников часто находились в мужских погребениях на груди, в области сердца; они прикреплялись ремешками с нанизанными на них пронизками трубочками [44]. Бляшки № 1 и 4 имеют на обратной стороне следы припая (рис. 1—б), совпадающие с вертикальной осью, проведенной от головы всадника вниз. Осмотр в Чердынском музее болгарских серебряных изделий из Вильгортского клада [45] показал, что они имеют аналогичные следы припая с оборотной стороны. К квадратным бляхам из Вильгортского клада в диагональном направлении были припаяны пластинки, загибавшиеся к бляхе свободным концом. Как бляхи из Вильгортского клада, так и бляхи № 1 и 4 служили для украшения поясного набора в его передней части [46].

Рассмотренная группа блях с сюжетом охоты дает интересный пример влияния культуры древней Руси и Востока в X—XII вв. на культуру Волжской Болгарии, в которой заимствованные элементы получили своеобразное толкование в соответствии с вкусами верхнекамского населения начала II тысячелетия н. э.

Появление в Прикамье и Западной Сибири значительной серии болгарских блях подтверждает вывод Т. А. Хлебниковой о существовании в Волжской Болгарии производств, которые уже в начале домонгольского периода находились на уровне ремесел, работающих не только по заказу, но и на неизвестного потребителя, на рынок [47].

V. Yu. Léchtchenko

LES PLAQUES AUX SCÈNES DE CHASSE DE PROVENANCE DES RÉGIONS DE LA VOLGA

Résumé

L'article donne l'analyse d'une série de plaques rondes de bronze et d'argent munies de décorations sur un sujet de chasse. La plupart de ces plaques proviennent des régions de la Volga. L'auteur les rapporte au XIe—XIIe siècles et désigne le Royaume bulgare comme lieu de leur production.

L'auteur suppose que ce sujet fut emprunté à L'Asie Centrale et adapté par les maîtres bulgares au marché local.

---

[43] А. П. Смирнов. Ук. соч., 1952, стр. 267, 271.

[44] В. А. Могильников. Элементы древних угорских культур в материале Хантыйского могильника Халас-Погор на Оби. АЭБ, II, Уфа, 1964, стр. 268.

[45] Клад издан в рисунках с лицевой стороны. М. В. Талицкий. Ук. соч., стр. 60, рис. 27.

[46] С бляхами № 2, 3, 6 я знаком по воспроизведениям только лицевой стороны.

[47] Т. А. Хлебникова. Основные производства волжских болгар периода X — начала XIII вв. Автореф. Казань, 1964, стр. 26.

А. Г. МУХАМАДИЕВ, Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

РАСКОПКИ БОГАТОЙ УСАДЬБЫ В НОВОМ САРАЕ

Одним из объектов археологических раскопок на Царевском городище (развалины Нового Сарая) является большая усадьба со сложной строительной историей. Усадьба расположена в восточных аристократических кварталах города [1]. Центром ее является большой холм, полностью сейчас раскопанный (раскопы I—67, I—68 г.), где обнаружено интересное здание — дом золотоордынского богатого горожанина, переживший два строительных периода, отражающих эволюцию строительного дела в золотоордынской столице и, косвенно в какой-то мере эволюцию самой городской верхушки населения.

I строительный период

К этому периоду относится большой дом (рис. 1). Его северная, западная и восточная стены были сложены в четыре ряда кирпичей, причем внешний ряд северной и западной стены был сложен из жженых кирпичей. От этой внешней облицовки стены сохранились фрагменты на уч. 24 и 53. В других местах сохранились отпечатки жженых кирпичей внешнего ряда на материке. Ширина этих стен — 80—85 *см*, они стоят на глинистом темном материке (уровень материка колеблется в пределах —25—30 *см* от 0). В высоту стены сохранились на 50—70 *см*. Северо-восточный угол дома почти полностью разрушен стенами II периода. Южная стена шириной в 60 *см* сложена в три ряда сырцовых кирпичей.

На уч. 48 к южной стене дома примыкает стена меридионального направления (идущая во внутрь дома) шириной 62 *см*, сложенная из трех рядов сырцовых кирпичей.

В кладке всех описанных стен встречаются отдельные жженые кирпичи. Внутренняя поверхность южной стены была покрыта глинистой обмазкой в 3 *см* толщиной со следами белой извести. Восточную поверхность меридиональной стены покрывала такая же обмазка.

На уч. 48 обнаружен один кирпич, выходящий за восточную поверхность меридиональной стены и являющийся кирпичом, связывавшим южную стену дома с этой стеной. Весь же остальной угол разрушен стеной II строительного периода.

Линия описанной выше меридиональной стены и южной части восточной стены образует пространство, которое в древности было забутовано, но таким образом, что к стенам были присыпаны мелкие обломки жженых кирпичей, а остальное пространство было забутовано твердой черной землей, положенной на материк (рис. 2). Эта забутовка была обмазана слоем белой штукатурки, на которую был положен слой песка мощностью 10 *см*.

[1] О топографии Нового Сарая см. Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964; его же. Новый Сарай по раскопкам 1963—1964 гг. СА, 1966, 2.

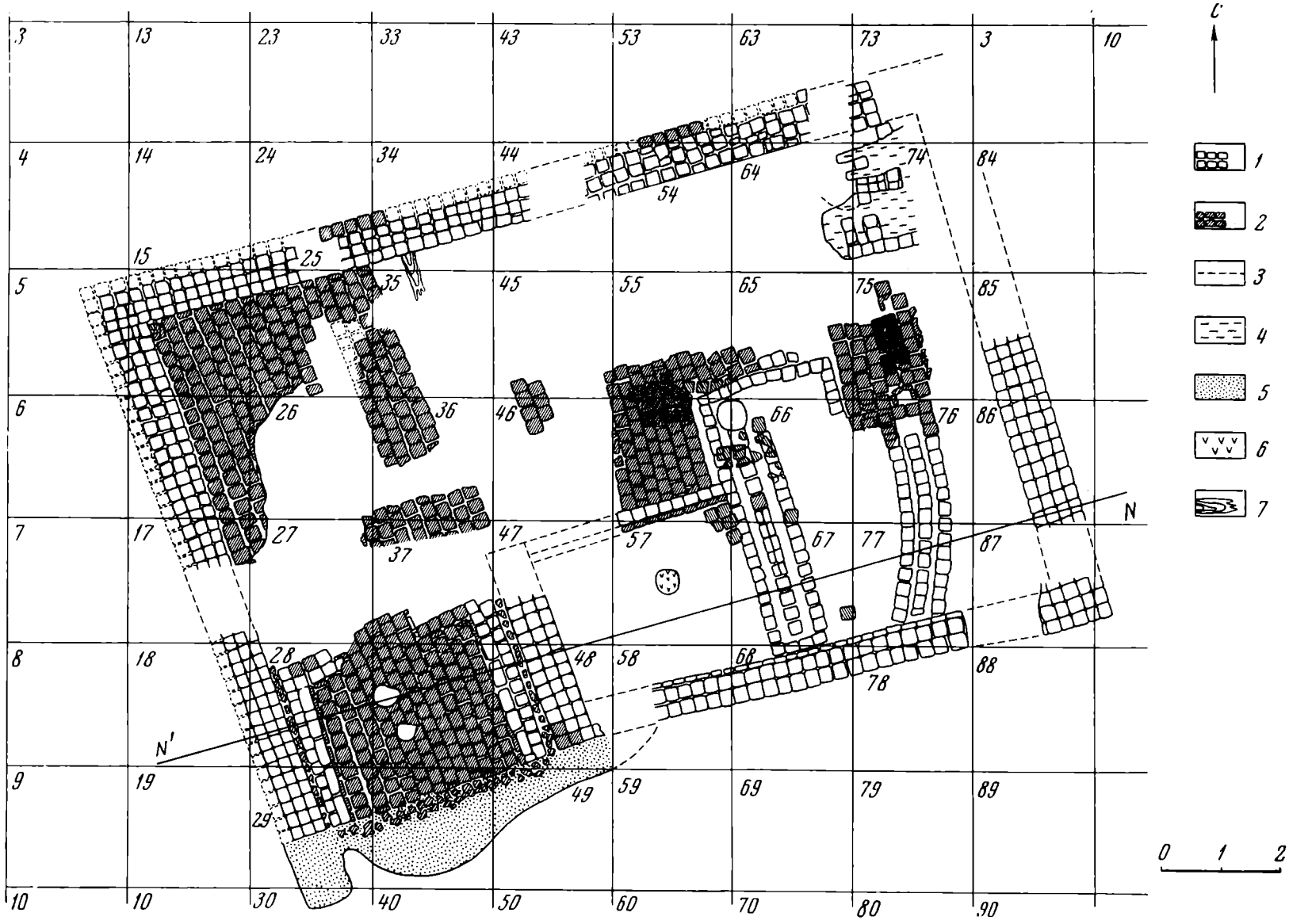


Рис. 1. План дома I строительного периода

1 — сырцовая кладка, *2* — кладка из жженых кирпичей, *3* — предполагаемые линии разрушенных стен, *4* — зола, *5* — песок, *6* — уголь, кострище, *7* — деревянная доска

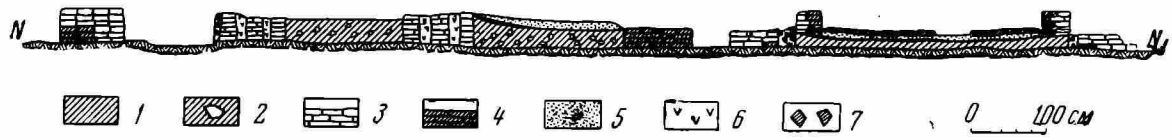


Рис. 2. Разрез по линии *N—N'*

1 — культурный слой, *2* — забутовка, *3* — сырцовые кирпичи, *4* — жженые кирпичи, *5* — песок, *6* — уголь и зола, *7* — обломки жженых кирпичей

На песок был настлан пол из обожженных кирпичей (глубинная отметка —0). На этот пол были поставлены сырцовые стенки в два ряда кирпичей, параллельно описанной выше внутренней меридиональной и западной внешней стене дома. Внутренние ряды этих стенок сложены из длинных (20×40 *см*) сырцовых кирпичей. Так был устроен вход в дом в виде открытого на юг айвана с кирпичным полом. Перед этим айваном с юга прослеживался мощный завал обломков жженых кирпичей, лежавших на слое песка, толщиной 10 *см*, залегавшего на материке. Ширина слоя песка перед домом 60—120 *см*. Учитывая, что в доме все полы лежали на подстилке из песка, можно считать, что перед айваном была ступенька-вымостка из обожженного кирпича, лежавшая на слое песка.

Западная часть внутреннего помещения дома была вымощена жженым кирпичом на известковом растворе, положенном на слой песка толщиной в 10 *см* (слой лежит на материке). В северо-западном углу пола была обнаружена куча лошадиных костей. С востока этот пол был ограничен бревном шириной 30 *см*, обнаруженным на уч. 34, 35, лежавшим перпендикулярно северной стене дома. К востоку от этого бревна пол помещения был

Рис. 3. Суфа дома I периода

выстлан жженными кирпичами, положенными также на слой песка мощностью в 10 *см*, который, в свою очередь, лежал на слое известковой облицовки материка. Глубинные отметки верхней поверхности пола в западной части дома —16, в восточной —16—23[2].

К южной стене дома примыкала большая суфа (рис. 3), разрушенная в двух местах стенами II строительного периода. Суфа была ограничена

[2] Здесь и далее глубинные отметки даются в *см*.

с севера ломаной линией стены в один ряд сырцовых кирпичей. Северная стенка этой суфы имела облицовку известковой штукатуркой. В суфу были встроены два кана, каждый из которых имел два канала, стенка между каналами сложена из сырцового кирпича в один ряд. В южной части каналы доходили до южной стенки суфы и соединялись поперечным каналом, стенки каналов закопчены. Каналы заполнял завал обломков сырцовых кирпичей и углей с золой. В северной части каналы восточного кана соединялись с прямоугольной печью (размеры ее 60×45 *см*), выложенной целыми жженными кирпичами по верху. Под печи, прожженный на 2—3 *см*, и дно каналов находились на уровне —23. Устье печи шириной в 23 *см* и высотой в 12 *см* было перекрыто жженными кирпичами. Перед устьем с севера было углубление, выложенное половинками жженых кирпичей и забитое золой.

Западный кан сохранил на уч. 66 на уровне +15 остатки сырцовых кирпичей от перекрытия. На севере каналы этого кана соединялись с тандыром, имевшим вид круглого сосуда без дна, поставленного на обгорелый и прожженный на 3 *см* под печи. С внутренней стороны тандыр имел насечку в виде вертикальных прямых и волнистых линий. Внутренний диаметр тандыра по низу — 50 *см*. Толщина стенок 7 *см*. Устье тандыра было обращено на север и имело в ширину 20 *см* и в высоту 10 *см*. К западу от западного кана на уч. 68, 58, 57 была обнаружена углубленная поверхность суфы, прямоугольная в плане, размерами 195×270 *см*. Поверхность понижается к западу, где она обрывается, так как суфа в этом месте разрушена стеной II строительного периода. В этой части отметка углубленной части суфы +9. Поверхность представляет собой заглаженную обмазку саманной глины с круглым следом от кострища на уч. 67. Обмазка толщиной до 15 *см* лежит на слое известковой обмазки, выходящей на севере на ряд половинок жженых кирпичей, лежащий на отметке +9 в высоту в один ряд и примыкающий на севере к сырцовой сложенной в один ряд северной стене суфы.

Остальная часть суфы была облицована каким-то покрытием, нижний слой которого (на уровне +8) состоял из слоя белой известки. Ниже была обнаружена забутовка из обломков жженых и сырцовых кирпичей, без включения белой штукатурки. Над известковым слоем в северо-восточной части суфы сохранилась вымостка из обломков жженых кирпичей.

К северу от суфы сохранился пол из жженых кирпичей на глинистом растворе. Пол на уч. 75 имел кладку из красных кирпичей с бирюзовой поливой (их размер 10×22×5 *см*). Кирпичи пола лежали на слое песка мощностью 5 *см*, насыпанного на материк, покрытый слоем белой штукатурки. На уч. 75 пол был перекрыт слоем золистого культурного слоя мощностью 3—5 *см*.

К северо-восточному углу дома изнутри на материке была пристроена печь. От нее сохранилась прямоугольная камера с ровным хорошо прокаленным на 3—5 *см* подом, заполненная слоем золы и углей (мощностью 20 *см*), а сверху завалом сырцовых кирпичей со следами огня. Печь топилась с востока. Размеры топки 60×70 *см*. Перед топкой с востока сохранилось овальное углубление в материке глубиной 10 *см*. Углубление было заполнено золой. На запад от печи два кана сохранились на протяжении 60 *см*. Между каналами шириной по 15—16 *см* сохранилась сырцовая перемычка шириной 15—17 *см*. Стенки каналов обожжены и имеют следы огня, дно каналов находится на материке. В высоту стенки и печи каналов сохранились до уровня +12. На запад от печи каны разрушены стеной II строительного периода.

Печь подвергалась перестройке. К югу от нее была обнаружена прямоугольная камера, заполненная золой и обломками обгорелых кирпичей, ее стенки, сложенные в один сырцовый кирпич, были поставлены на золистый слой мощностью 5 *см*. Размеры камеры 60×75 *см*. Эта южная, более поздняя камера печи имела в западной стенке устье шириной 35 *см*,

в котором лежал один сырцовый кирпич. Прокаленный на 2 *см* под находился на уровне материка. Стенка печи сохранилась в высоту до уровня —15. Южная печь соединялась с северной камерой печи (хронологически более ранней) каналом.

II строительный период (рис. 4)

Дом первого строительного периода был разрушен, остатки стен были включены внутрь нового более обширного дома и скрыты внутри забутовки, которая находилась под полом этого нового дома. Стены дома II строительного периода все были сложены из жженого кирпича, но, видимо, еще в древности (очевидно, после разгрома города и прекращения в нем жизни) они были разобраны, но кирпичи, сложенные на глинистом материке, хорошо на нем отпечатались. Таким образом, по отпечаткам удалось проследить всю планировку дома II строительного периода, хотя от стен иногда сохранилось только по нескольку кирпичей.

Так как внутреннее пространство дома II строительного периода было забутовано таким образом, что забутовка скрыла руины стен I строительного периода, внутренние стены II строительного периода оказались углубленными в эту забутовку, содержавшую много кирпичей, жженых и сырцовых, строительный мусор и обломки белой штукатурки от дома I строительного периода. Среди фрагментов алебастровой штукатурки обнаружено несколько фрагментов с росписью черной и красной краской (I—67, 4/36, 4/37[3]), несколько фрагментов резной штукатурки и штукатурки с графитти (знаки в виде крестов и беспорядочных линий). Отпечатки боковых сторон кирпичей от разобранных стен II строительного периода можно было проследить и на боковых поверхностях траншей, оставшихся от углубленных в забутовку стен дома II строительного периода.

Пол дома II строительного периода также подстилался слоем известки, фрагментарно прослеженном на уч. 16, 38, 39, 49 р. 1—67 г. Уровень пола дома II строительного периода, обнаруженный на уч. 56, 66, 67 р. I—67 г., колеблется в пределах +40 — +42. Внешние стены дома были сложены в четыре ряда кирпичей на глинистом растворе и в ширину имели 95—98 *см*.

В середине южной стены оказался разрыв шириной 415 *см*. Торцы стен в месте этого разрыва сохранили обломки кирпичей нижнего ряда. На уч. 90 стена имеет дополнительно с южной стороны ряд кирпичей. В этом месте был вход в дом, оформленный в виде довольно глубокого айвана.

У юго-восточного и юго-западного углов дома были построены круглые башни, от которых сохранились отпечатки обломков жженых кирпичей на материке и несколько фрагментов кирпичей. Диаметр башен 170 *см* (рис. 5). В развале кирпичей от обеих угловых башенок были обнаружены стесанные с боков на клин кирпичи (некоторые с дугообразной внешней поверхностью) и облицовочные кирпичи с белой и ультрамариновой поливой, а также квадратные, стесанные на клин, облицовочные кирпичи с отшлифованной терракотовой поверхностью.

Дом II строительного периода был разделен на комнаты тремя меридиональными и несколькими широтными стенами, сложенными то в три, то в четыре ряда кирпичей.

Особенность представляет только меридиональная внутренняя стенка шириной 60 *см*, обнаруженная на уч. 5, 6 (. I — 68 г.). Отпечатки кирпичей здесь прослежены были только на боковых стенках траншеи, оставшейся после выборки кирпича. Под кладкой находился слой песка мощностью в 5 *см*, на котором отпечатки кирпичей этой стены не сохранились.

В северо-западном угловом помещении были обнаружены три канала горизонтальных дымоходов, забитые углем и золой. Каналы ограничены

[3] Здесь и далее для указания места находки приводится номер раскопа и дробь, в которой числитель обозначает номер штыка, знаменатель — участка.

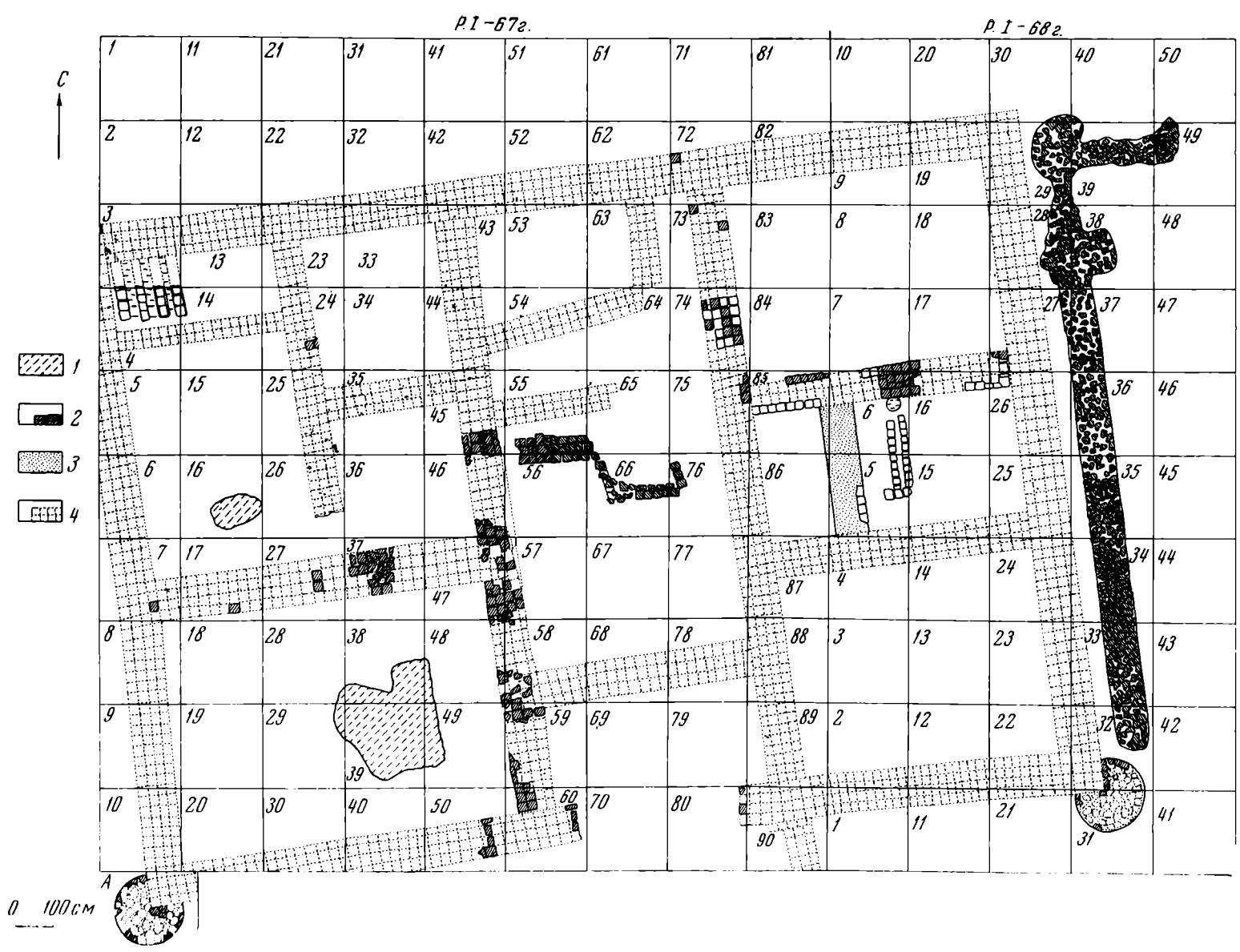


Рис. 4. План дома II строительного периода

1 — алебастровая обмазка пола, *2* — жженые кирпичи, *3* — песок, *4* — сырцовые кирпичи

четырьмя стенками, сложенными в один ряд сырцовых кирпичей каждая, стоящими на уровне пола дома II строительного периода (+42) и сохранившимися в высоту на 20 *см*.

В другом помещении на уч. 5, 6, 15, 16, р. 1—68 г. был обнаружен кан и тандыр. Стенки кана длиной 170 *см* были сложены из одного ряда сырцовых кирпичей. Западная стена не сохранилась. Ширина стенок 20 *см*. Они стояли на уровне +36, в высоту сохранились на 10 *см*. С юга к канам примыкал тандыр с обожженным подом.

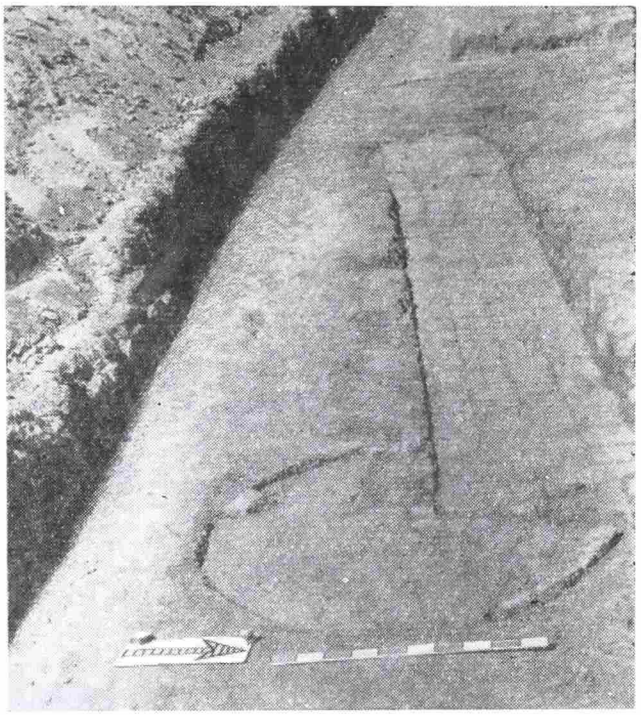


Рис. 5. Вид на башню и отпечатки стен в юго-западном углу дома II строительного периода

К востоку от дома II строительного периода на материке была обнаружена полоса битых кирпичей в виде вымостки, шириной 90 *см* и толщиной 15 *см*. Кирпичи лежали в слегка углубленной в материк канаве. На уч. 28—38 прослежена небольшая чашеобразная яма, дно которой доходило до глубины —50. Вторая такая же чашеобразная яма с дном на уровне —50 обнаружена на уч. 29—39. Ямы были забиты боем жженых кирпичей.

Уровень материка понижается к восточной стене раскопа, так как к востоку от раскопа 1—68 г. находилась большая яма водоема.

Изучая случаи совпадения и несовпадения швов кладки различных стен дома II строительного периода, можно высказать предположение, что вначале были поставлены четыре внешние стены дома, затем все внутреннее пространство было забутовано и выровнено, так что пол всех комнат получился на одном уровне, а затем в забутовке были прорублены траншеи и в них сложены внутренние стены. Только при такой очередности строительства дома II периода можно понять, почему под забутовкой, как раз до уровня пола II строительного периода, сохранились остатки стен I строительного периода, разрушенные только в тех местах, где они пересекаются траншеями стен II периода.

Небезынтересны результаты обмера квадратных жженых кирпичей. При стороне квадрата в 21—22 *см*. одинаковой и для I и для II периодов, кирпичи II периода несколько толще. 133 обмеренных кирпича I строительного периода дали среднюю толщину 3,9 *см* (при среднеквадратическом отклонении 0,35 *см*); 130 обмеренных кирпича II строительного периода дали среднюю толщину 4,85 *см* (при среднеквадратическом отклонении 0,52 *см*).

В раскопах I — 1967 г. и I — 1968 г. находок было мало, так как копалась главным образом забутовка, расположенная ниже пола дома II периода, а над этим полом культурный слой был почти полностью разрушен и развеян. Но все же даже небольшой комплекс находок говорит о богатом аристократическом быте.

Изделия из кости представлены резной ажурной накладкой на колчан (рис. 6, *6*, I — 67, 4/75), проколкой (рис. 6, *4*, I — 67, 3/68), рукояткой ножа (рис. 6, *5*, I — 68, при зачистке материка уч. 45), астрагалом (I — 68, 1/22), пронизкой (I — 68, под забутовкой II строительного периода),

обкладкой лука (I — 68, 5/20), костяной бусиной (рис. 7, *3*, I — 68, 1/14), неопределенной поделкой (I — 68, 4/49).

Из этих вещей наиболее интересен фрагмент ажурной костяной обкладки колчана. Они хорошо известны в богатых кочевнических захоронениях XIV в. в степях Причерноморья [4]. Особенно их много в погребениях Нижнего Поволжья, в районе золотоордынских столиц. Быть может, их изготавливали для степных воинов в золотоордынских городских центрах.

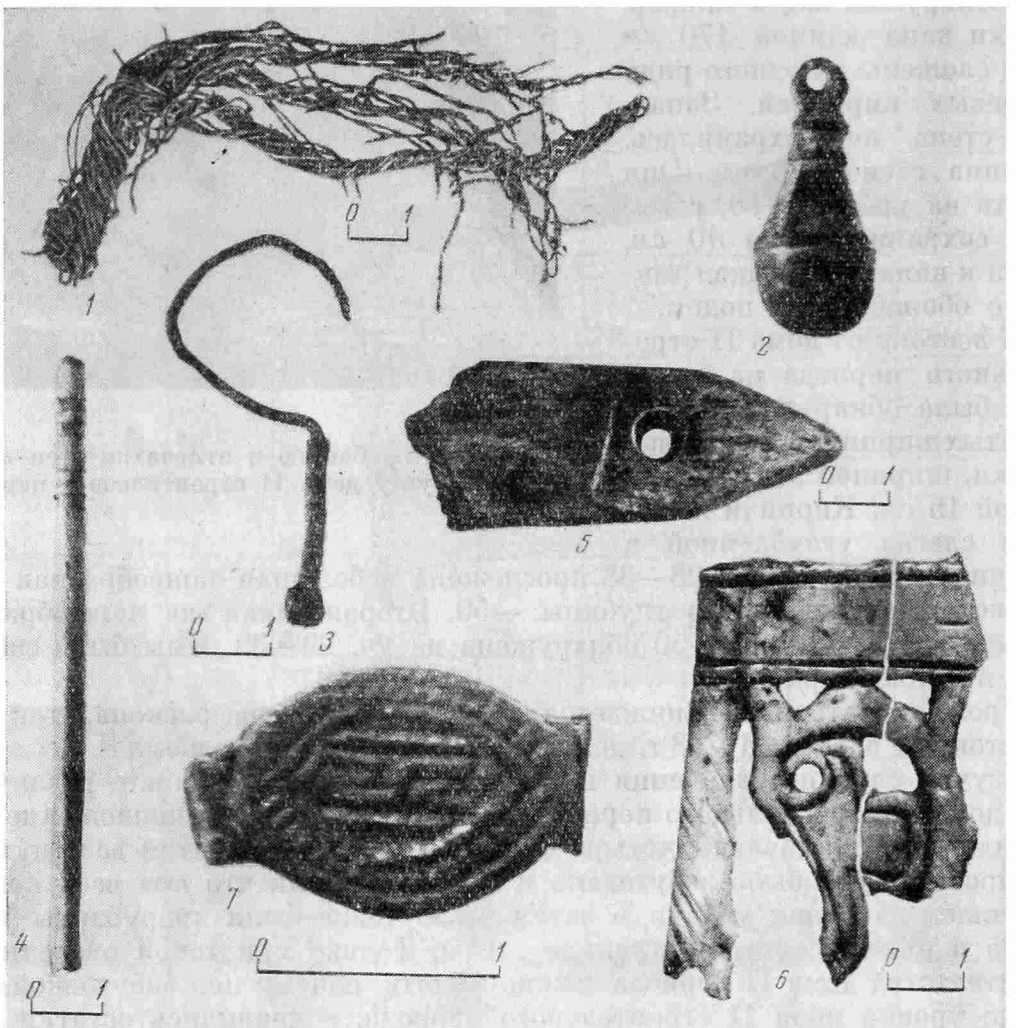


Рис. 6. Вещи

1 — обрывок шнура, *2* — бронзовый колокольчик, *3* — бронзовая серьга, *4* — костяная проколка, *5* — костяная накладка, *6* — ажурная костяная накладка на колчан (фрагмент), *7* — бронзовый перстень

Бронзовые изделия представлены серьгой в виде знака вопроса (рис. 6, *3*, I — 67, 5/81), половиной бубенчика (рис. 6, *2*, I — 67, 2/59), онгоном в виде фигурки человечка, вырезанного из бронзовой пластины (рис. 7, *1*, I — 67, 4/25) [5], несколькими бронзовыми пластинами и поделками неопределенного назначения (I — 67, 4/9, 3/23, 5/71, 5/61, рис. 7, *4* — яма № 1) и перстнем с овальным орнаментированным щитком (рис. 6, *7*, I — 67, от-

[4] Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 31.

[5] Его же. Бронзовые фигурки человека из средневековых памятников Поволжья. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965.

вал). Железные изделия представлены гвоздями, пробоями и клиньями (I—67, 4/38, материк уч. 74, 4/35, 5/62, 1/89; I—68, 1/12, 2/3, 2/23, суфа I строительного периода), ножами (I — 67, материк, уч. 84), фрагментом копья (I — 68, суфа I строительного периода), обломком удил (рис. 7, *5*, I — 67, 4/74), обломками железных стержней с петлей (рис. 7, *7*, I — 67, 4/34, рис. 5, *6*, р. I — 67, материк, уч. 67), фрагментами замка с бронзовой отделкой (I — 67, на полу I строительного периода уч. 64), пластинами неопределенного назначения (I — 67, 3/73, 4/89, 5/62).

Изделия из стекла представлены фрагментами оконного бесцветного, желтоватого и синего стекла (I — 67, 4/40, 4/6, 5/54, 4/5, 5/71, 5/82) и бесцветных стеклянных сосудов (I — 67, 4/30, 1/50).

Найден типичный золотоордынский орнаментированный свинцовый грузик (рис. 7, *2*, I — 68, в полу I строительного периода), каменный осколок (I — 67, 1/89), три подпятника от дверей из обломков обожженных кирпичей (I — 67, 3/66, I — 68, материк под забутовкой II строительного периода).

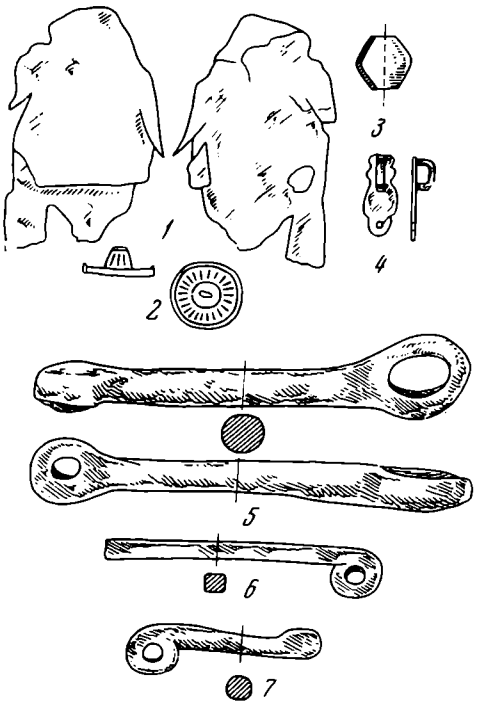


Рис. 7. Вещи

1 — бронзовая фигурка человечка, *2* — свинцовый грузик, *3* — костяная пронизка, *4* — бронзовый предмет, *5* — обломок удил, *6*, *7* — железные предметы

Найденный плетеный шнур (рис. 6, *1*, I—67, 4/38) и крупный фрагмент золототканой парчи (I—67, 3/49). Парча была хорошо известна и по находкам в золотоордынских городах и по материалам погребений в Дешт-и-Кыпчаке в XI—XIV вв. Найдены также небольшой фрагмент золотой пластины с тисненым орнаментом (I—67, материк, уч. 64), два глиняных обожженных шарика: детская игрушка или шарик от пращи (I—67, 3/69, 1/65), фрагменты керамических водопроводных труб (I—67, 1/89, 3/66, 3/67), сопла (подставка для обжига сосуда) (1—68, 1/42).

От архитектурного декора сохранились фрагменты обычных кашинных мозаик и майолик (I — 67, 3/38, I — 68, 3/А).

Поливная керамика типична для золотоордынского слоя XIV в. Следует отметить несколько фрагментов редкой и дорогой полихромной кашинной керамики с надглазурной росписью по опаковой белой поливе (I — 67, 5/71, 5/81, 5/61, 3/47, материк уч. 81). Найдено несколько фрагментов русской керамики (I — 67, 1/60).

При раскопках описанного дома были найдены монеты (см. таблицу).

Наиболее важны для датировки монеты, найденные в полу дома I периода и в забутовке II периода. Из того факта, что в щели пола дома I периода найдена монета 1350-х годов, а в забутовке II строительного периода тоже монеты этих же годов чеканки, следует, что разрушение дома I периода и строительство дома II периода имело место после 1350-х годов, т. е. во второй половине XIV в. Можно предположить, что эта перестройка была одновременна со строительством городского вала и рва, которые также относятся к 1360-м годам [6].

Отсутствие монет 1360—1390-х годов объясняется, видимо, тем, что культурные отложения II периода почти не сохранились, так как уровень

[6] Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. стр. 250.

Раскоп	Штык	Участок	Имя хана	Город	Дата	Металл	Количество
1—68	Под кирпичным полом дома I периода		?	?	?	Медь	1
1—68	В щели кирпичного пола I периода		Анонимная	Сарай-ал-Джедид	1350-е годы	»	1
1—67	Материк	70	»	»	1340-е годы	»	1
1—67	На полу дома I периода		»	»	»	»	1
1—67	На следе от стены дома II периода	64	»	»	»	»	1
1—67	То же	64	»	»	1350-е годы	»	1
1—67	В забутовке II строительного периода	77	Джанибек	Гюлистан	756 г.	Серебро	1
1—67	То же	76	?	?	?	Медь	1
1—68	В забутовке II строит. периода пом. 10		?	?	?	»	1
1—68	В забутовке II строит. периода, в Ю-З части дома		?	?	?	»	1
1—67	5	81	?	?	?	»	1
1—67	4	Зачистка	Анонимная	Сарай-ал-Джедид	1350-е годы	»	1
1—67	3	65	»	»	1340-е годы	»	1
1—67	3	Зачистка	»	»	»	»	1
1—67	3	17	»	»	1350-е годы	»	1
1—68	3	А	Жан I	Бейрут	Конец XII в.	»	1
1—68	3	49	Анонимная	Сарай-ал-Джедид	?	»	1
1—68	2	7	?	?	?	»	1
1—68	1	8	Анонимная	Сарай-ал-Джедид	1350-е годы	»	1

пола дома этого периода находится очень высоко и слой, залегающий выше его, смыт и выветрен почти полностью. Это обстоятельство объясняет также скудость вещевого материала.

Особое внимание привлекает монета сеньора Бейрута Жана I, чеканенная в конце XII в. Сохранилась только половина этой монеты, являющейся денарием [7].

Эта находка — одно из свидетельств тесных дипломатических и торговых связей Золотой Орды с Передним Востоком, с мамлюкскими Египтом и Сирией.

---

[7] Пользуемся случаем поблагодарить В. М. Потина за определение этой монеты. Подобная опубликована. См.: G. Schlumberger. Numismatique de l'orient latin. Paris, 1878, стр. 118, табл. V, *10*.

* * *

Описанный дом составляет центр большой усадьбы, расположенной в юго-восточной части городища, там, где еще в 1960 г. мы определили район аристократических усадеб и где наша экспедиция в 1961 г. раскопала почти полностью одну небольшую усадьбу. Исследуемый дом относится к соседней, значительно большей усадьбе, раскрыть которую пока удалось только частично (рис. 8).

Усадьба имела второй дом, который представлял собой комплекс комнат, построенных вокруг небольшого квадратного двора (раскоп V—1965). Сначала, в первый строительный период, были построены два дома по углам, лежавшим по диагонали. Затем были построены еще два дома, симметрично первым. Таким образом, дом принял вид постройки, замкнутой вокруг внутреннего двора. Дома так же, как и в других местах, имели П-образные суфы и печи с канами. Характерное для этих домов явление — топки печей были обмазаны глиной с насечками такими же, которые обычны для среднеазиатских тандыров (печей для изготовления лепешек).

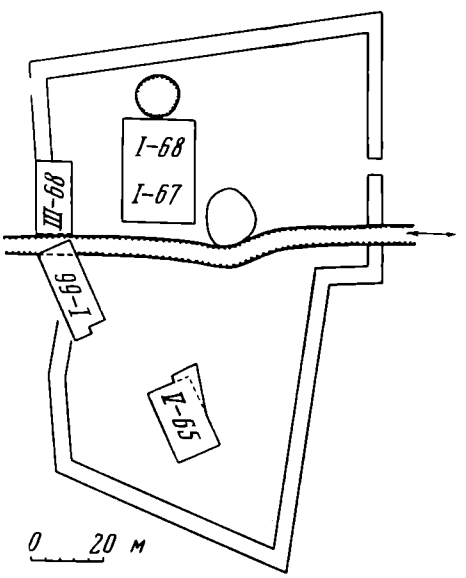


Рис. 8. План исследуемой усадьбы

Наконец частично была раскопана застройка вдоль ограды (раскоп I—1966). Здесь прослежено также несколько строительных периодов. Вначале здесь были землянки, а затем был построен ряд мелких домов с глиняными или деревянными стенами, однотипных по своей планировке, с кирпичными полами, суфами — лежанками вдоль стен и печами с горизонтальными канами.

Видимо, эта усадьба являет собой пример того, как аристократические усадьбы, будучи вначале укрепленными замками, обрастают по периметру жилищами разного рода клиентов, рабов, вольноотпущенников, усадебных ремесленников и прочего зависимого люда. Эти дома резко отличаются своей бедностью от дома своих хозяев.

Линия бедняцких домов на востоке продолжалась рядом удлиненных массивных домов из сырцового кирпича. Были исследованы (раскоп III — 1968 г.) два таких больших многокомнатных сырцовых дома, включенных в эти ряды построек по периметру усадьбы. Дома имели стены в 3—4 ряда сырцовых кирпичей и представляли собой несколько помещений одинаковой планировки с отдельными входами, открывавшимися во двор усадьбы. Можно сделать предварительное предположение, что это — дома усадебной администрации или воинов-нукеров, живших при усадьбе и составлявших дружину ее владельца. Но эта трансформация аристократической усадьбы, заключавшаяся в «обрастании» ее домами зависимых усадебных людей той или иной категории, сопровождалась существенными изменениями в самом центральном доме — жилище хозяина усадьбы.

I строительный этап дает нам типичный богатый дом монгольского горожанина, вытянутый с запада на восток, асимметричный и имеющий вход, оформленный Г-образными стенками, так что образуется небольшой вестибюль-айван — прием, известный в домостроительстве XIII в. в собственно Монголии. Дом такой же планировки был обнаружен в южных пригородах города Нового Сарая [8], где он относился к самому началу строительства в том месте.

[8] Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая, стр. 257.

В 1360-х годах дом I периода был заменен домом II периода, имеющим совсем другой облик. В нем ярко сказались среднеазиатские черты, в первую очередь в манере оформления углов фасада дома цилиндрическими башнями. Многокомнатный обширный дом заменил более раннее скромное и тесное жилище. Если раньше дом был сложен из сырцового кирпича (лишь в некоторых местах облицовка была выполнена из обломков жженого), то новый дом весь был сооружен из жженого кирпича.

Это отражает, на наш взгляд, процесс трансформации золотоордынской знати. Бывшая когда-то кочевой, она в некоторой своей части оседает в городах и в середине XIV в. прочно связывает себя с двором хана и в значительной мере превращается в вельможное, чиновное его окружение. Монгольские имена часто заменяются мусульманскими, многие представители этой знати породнились с мусульманским торговым патрициатом и выступают как носители его интересов. Естественно, что такой знати нужны были построенные на среднеазиатский манер большие кирпичные дома, каким и был дом II строительного периода, открытый нами в раскопах 1 — 1967 и 1968 г. на Царевском городище.

В 1360-х годах в эпоху смуты Новый Сарай был окружен рвом и валом. Для нас очень интересно, что ров и вал проведены через исследуемую усадьбу, разрушив край одного из открытых домов, расположенных вдоль границ усадьбы. Это говорит о том, что власти города (вероятно, ханская власть), проводившие фортификационные работы, были во враждебных отношениях с владельцем этой богатой аристократической усадьбы.

Известно, что в 60—70-х годах Новый Сарай как столица империи стал объектом вожделения нескольких враждующих группировок ханов. Одной из них были ханы левого крыла (Кок-Орды), центр которого находился в низовьях Сырдарьи, где были города Сыгнак, Янгикент, Дженд и др. Ханы левого крыла захватывали неоднократно и на довольно значительный срок Новый Сарай. Быть может, именно они возвели стены и ров вокруг города, который до этого стен не имел. Ведь города низовьев Сырдарьи имели стены, были укреплены. Неукрепленные кварталы Нового Сарая должны были казаться чем-то неестественным ханам именно левого крыла, особенно в эпоху смут и усобиц.

Но в Новом Сарае имелась сильная партия старой вельможной аристократии, противников ханов из левого крыла. Уже давно в столице эта вельможно-чиновная аристократия свергала и назначала ханов по своему усмотрению, а ханы, используя любые удобные случаи, обрушивали репрессии на головы этих вельмож-эмиров. Была в Новом Сарае и партия сторонников ханов из левого крыла. Еще в начале 1360-х годов в самом Сарае образовалась эмирская партия, которая приглашала ханов из Кок-Орды. Известно, что эмиры пригласили Чимтая. Под влиянием этой партии «эмиры (Сарая) соглашались на царство Орда-Шейха». Однако при Орда-Шейхе победила враждебная левому крылу партия эмиров. Победой этой партии и свержением Орда-Шейха закончились события в Сарае, приведшие затем к новой победе сторонников левого крыла и вступлению Хызра, а затем несколько других ханов левого крыла, вплоть до Уруса. При них эмиры, видимо, постоянно организовывали перевороты, хотя окончательной победы ни сторонники левого крыла, ни противники его не одержали. Так получалось, что посаженный на сарайский престол хан левого крыла погибал от рук заговорщиков, но партия сторонников левого крыла все же сажала на престол нового хана из того же крыла. Мюрид тоже пал от руки своего старшего эмира Ильяса, который происходил из ак-ордынской эмирской династии Могул-Буки (Ильяс — сын Могул-Буки, старшего эмира Бирдибека и Джанибека)[9]. Следующий хан из левого

[9] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л., 1941, стр. 130, 131.

крыла был по сообщению «Анонима Искандера» Азиз, сын Тимур-Ходжи. Азиз чем-то не понравился своему окружению (какое-то время он находился под влиянием сарайского духовенства, в частности, последователя Есави и мистика Сейд-Ата) и был убит. Видимо, дворцовая партия в Сарае, партия противников левого крыла опять сыграла свою роль. Преемником Азиза «Аноним», пропуская всех ханов из правого крыла, называет Хаджи-хана (Тука-Ходжа), сына Эрзена. Этот хан левого крыла возбудил недовольство эмиров, и они также его убили.

Такова картина взаимоотношений ханов левого крыла с сарайскими эмирами; побеждала то партия противников, то партия сторонников ханов левого крыла.

Если теперь вспомнить археологические данные, полученные при исследовании усадьбы, центральный дом которой описан нами в этой статье, можно найти в них отражение именно этих взаимоотношений различных группировок в Новом Сарае.

Исследуя топографию юго-восточной части городища, можно заметить, что вал и ров проведены так, что некоторые усадьбы, уже к этому времени существовавшие, он обходит, или включая их в черту города или оставляя их за пределами городской фортификации. Но описываемую усадьбу ров и вал разрезают «по живому телу», расчленяют на две части, причем таким образом, что часть фундаментальных построек этой усадьбы оказывается разрушенной.

Если предположить, что фортификационную линию вокруг золотоордынской столицы построили ханы левого крыла, то усадьба, вероятнее всего, принадлежала представителю той вельможной группировки, которая была противником ханов из левого крыла (Кок-Орды).

A. G. Moukhamadiev, G. A. Fiodorov-Davydov

LES FOUILLES D'UNE RICHE PROPRIÉTÉ À NOVY-SARAI

Résumé

Un des objets des fouilles archéologique à la gorodichtché de Tsarievskoié (les ruines de Novy — Saraï) est une propriété aristocratique du XIVe siècle dont la maison centrale est entièrement mise au jour. Le bâtiment en question eut deux périodes de construction. Initialement, ce fut une petite maison en briques brutes, aux murs couverts de morceaux de briques cuites. La maison avait deux pièces. Ensuite, à sa place, on édifia un grand édifice en briques cuites, à plusieurs pièces et aux tours d'angle. Cette reconstruction reflète le processus de transformation de la noblesse de la Horde d'or en une aristocratie de ville composée de hauts dignitaires d'Etat. La reconstruction de la maison est liée à la replanification de toute la propriété. En 1360, la ville fut entourée d'une ligne de fortifications. Le fossé et le rempart avaient été construits de la sorte que la propriété fut coupée en deux. Cela donne lieu à croire que le khan fut en relations hostiles avec le propriétaire de la propriété mise au jour. Ladite propriété sert d'un bon exemple montrant comment un château d'aristocrates mongols s'entoure successivement de maisons d'artisans, d'administration, de la garde et autres.

В. А. ЛЕКВИНАДЗЕ

ГАНТИАДСКАЯ БАЗИЛИКА

Гантиадская (или Цандрипшская) базилика уже неоднократно упоминалась в литературе краеведческого и справочного характера с указанием времени ее сооружения, которое определялось по-разному: началом VIII, VI—VII вв. и, наконец, VI—VIII вв [1]. Однако какой-либо характеристики или документации (обмеров, фотографий) этого памятника, а также аргументации его датировки в названной литературе не производилось.

Настоящая работа ставит своей целью более подробную публикацию этого памятника, имеющего важное научное значение с точки зрения изучения такой малоисследованной области, как раннесредневековая церковная архитектура Западной Грузии.

Гантиадская базилика расположена на территории Абхазской АССР, на берегу моря в с. Гантиади, отстоящем от г. Гагра приблизительно на 14 км к северо-западу.

Рассматриваемый памятник (рис. 1—4) представляет собой трехнефную трехабсидную базилику, у которой первоначально имелся и нартекс. Здание сильно разрушено, хорошо сохранились только центральная абсида с конхой, бема со своим сводом, западная торцовая стена центрального нефа, а также южная стена и аркада южного нефа. У северного же нефа и у боковых абсид можно определить лишь абрис плана; стены нартекса прослеживаются еще хуже. Своды базилики (за исключением свода бемы) почти целиком обрушены, однако переходы стен к сводам, а также щипец западной стены сохранились и это дает возможность судить приблизительно о первоначальной высоте сводов во всех трех нефах — разница между высотой среднего и боковых нефов была незначительной.

Стены базилики сложены из небольших квадров (в среднем 30 × 20—15 *см*) правильной формы, плоскости которых, однако, отесаны не очень тщательно. Именно такие квадры были использованы при постройке трех других раннесредневековых базилик Западной Грузии (Нокалакевской, Вашнарской и Цихисдзирской), а также при постройке в этом районе почти всех фортификационных сооружений этого же времени [2]. Однако в стенах некоторых из указанных памятников, наряду с описанными квадрами, были применены также и кирпичи, образующие в кладке правильные слои, характерные для смешанной кладки (opus mixtum). Эта кладка с использованными в ней квадрами описанного типа была вообще характерной для византийских построек на Балканах

[1] А. Н. Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности. Записки Кавказского отдела РГО. XXIV, 1—3, Тифлис, 1904, стр. 41; И. Е. Адзинба. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958, стр. 9 сл.; В. П. Пачулиа. По историческим местам Абхазии. Сухуми, 1958, стр. 90 сл.; Памятники культуры ГрузССР, взятые под охрану. Тбилиси, 1959, стр. 280.

[2] В. А. Леквинадзе. Материалы по монументальному строительству в Лазике. ВГМГ, XXII-В, 1961, стр. 137 сл.

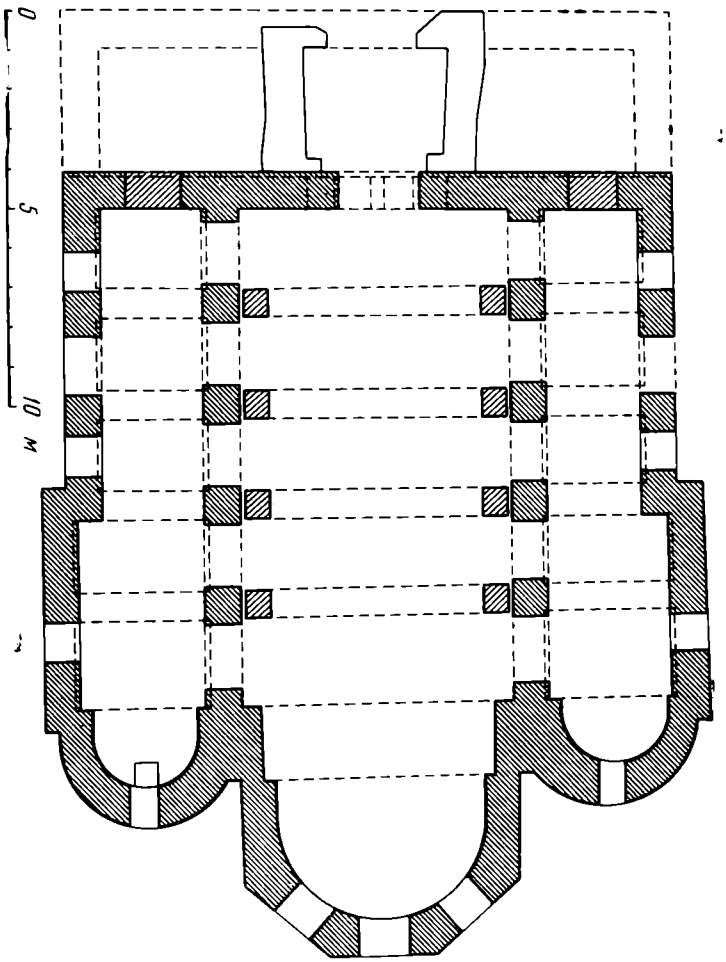


Рис. 1. План Гантиадской базилики

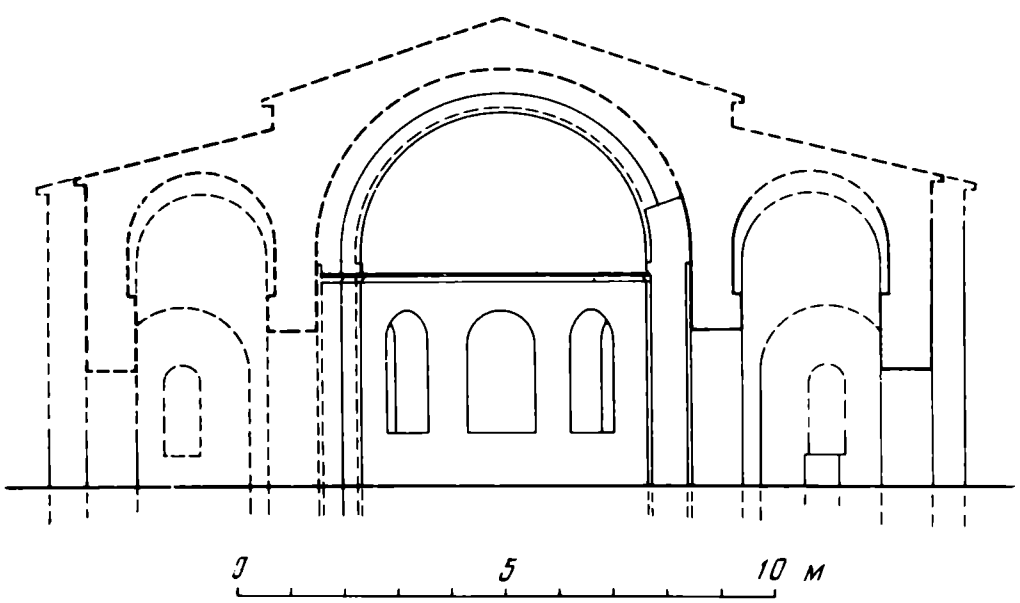


Рис. 2. Поперечный разрез Гантиадской базилики

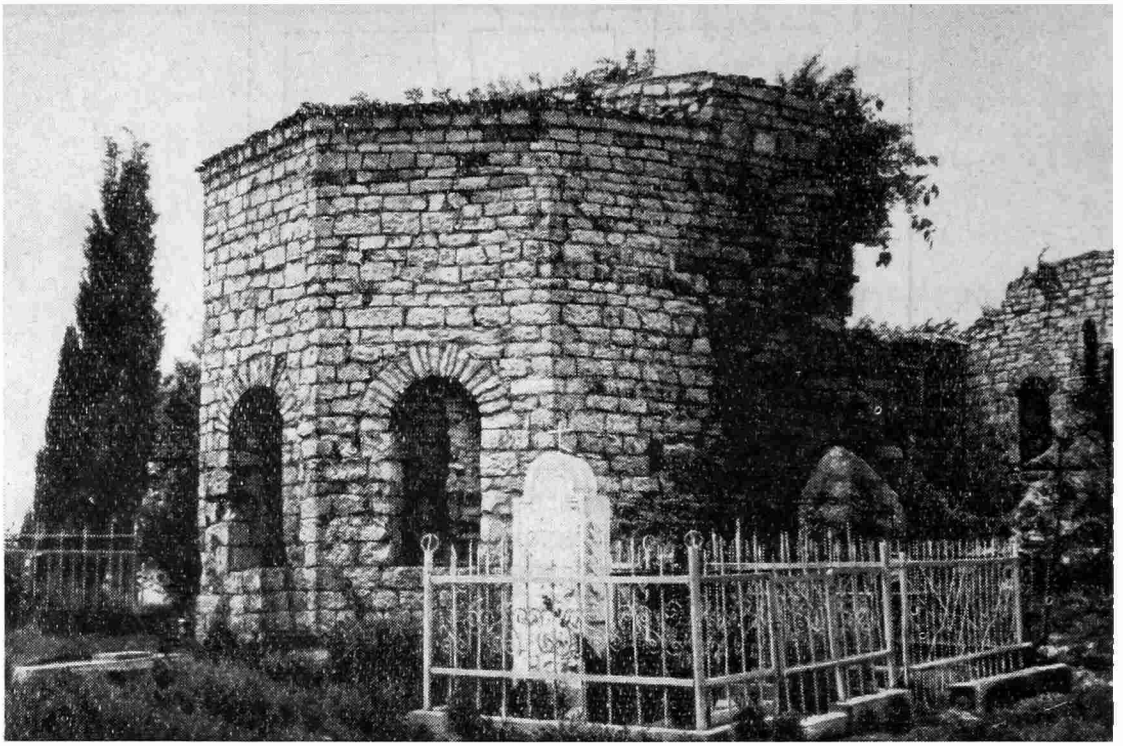


Рис. 3. Гантиадская базилика (наружный вид)

и в Причерноморье [3], в то время как постройки внутренних районов Малой Азии, Восточной Грузии и Армении характеризуются, как известно, применением более крупных и намного лучше отесанных квадров [4].

В конхе абсиды квадры образуют характерную для древних церквей систему рядов — полукругов, у которых вместе с повышением увеличивается наклон. В связи с упрочнением конструкции высшая точка таких полукуполов представляет собой не один замковый камень, а как бы замковый ряд, удаляющий, таким образом, центр конструкции от края конхи.

При постройке базилики употреблялся и плоский кирпич различных размеров, его применили здесь в подпружных, междунефных, дверных и оконных арках, а, возможно, также и в сводах.

В Гантиадской базилике были произведены переделки, выполненные, в основном, той же кладкой, какая была применена и в первоначальных стенах, в связи с чем эти разновременные кладки здесь очень трудно отличить друг от друга. Наиболее хорошо устанавливающимися здесь переделками являются: ликвидация нартекса (с закладкой дверей, связывавших его с боковыми нефами); пристройка к западным центральным дверям базилики притвора (самая поздняя переделка), а также (самое главное), сооружение в базилике сводов. В центральном нефе свод был сооружен с помощью пристройки здесь к первоначальным столбам новых дополнительных столбов. До высоты 3,5 *м* от современного нам уровня земли между первоначальными и пристроенными столбами осталась широкая щель; выше же — после перехода этих столбов в арки — кладка последних перевязывается с кладкой свода, так что более поздние столбы являются здесь, фактически, по своему назначению пилястрами, переходящими наверху в подпружные арки.

[3] С. Н. Бобчев. Смесената зидария в римските и рановизантийските строежи. София, 1952; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Л.— М., 1959, рис. 61, 63, 64, 69, 74 и т. д.

[4] Кладки церквей внутренних районов М. Азии см. в работе: W. M. Ramsay and G. L. Bell. The Thousand anl One Churches. London, MCMIX.

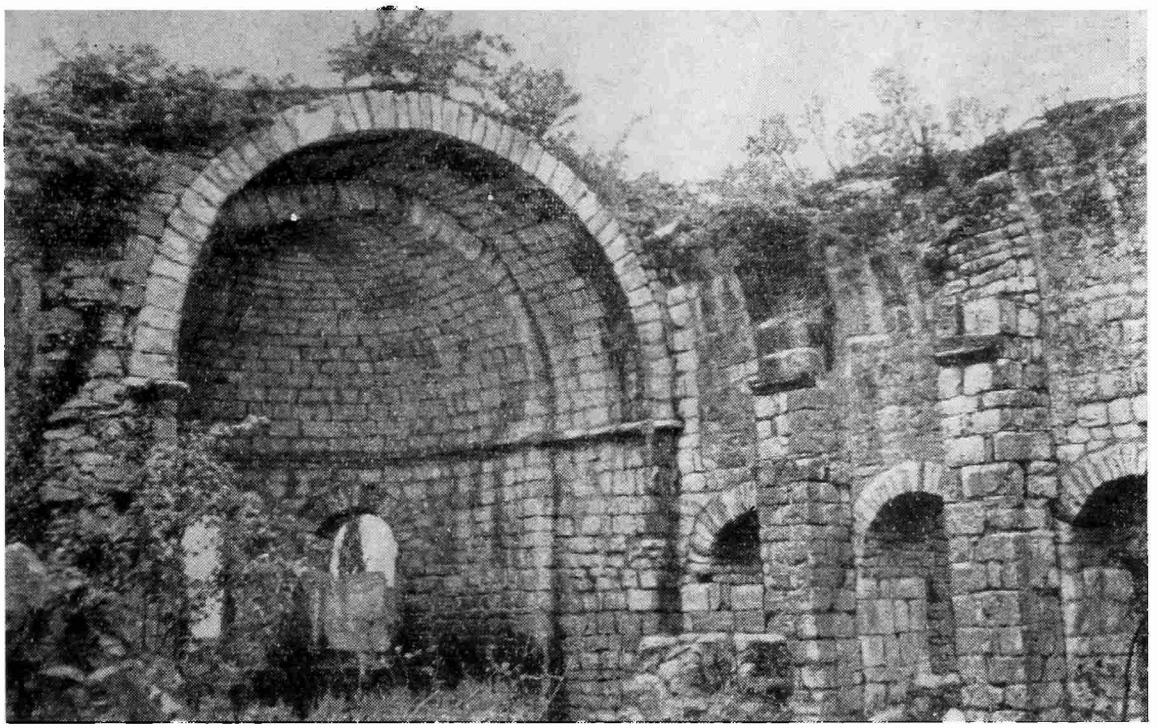


Рис. 4. Гантиадская базилика (внутренний вид)

Слева и справа от свода над бемой внутри базилики очень хорошо видна облицовка, которую раньше скрывал свод. Эта облицовка могла быть необходимой или при первоначальном деревянном перекрытии базилики, горизонтальный характер которого открыл бы у бемы указанные места, или же при более высоком своде, нежели имеющийся.

Первоначально нефы базилики разделялись, несомненно, и двухъярусной междунефной аркадой, где верхние арочные проемы при переделке заменили сплошной стеной. Аркада же нижнего яруса первоначальна и очень низка, что свидетельствует о прежней двухъярусности аркад. В южном нефе — на уровне прежней аркады второго яруса — хорошо виден шов, являющийся стыком между остатками восточного пилястра прежней аркады и позднейшей ремонтной кладкой. Кроме того, о первоначальной двухъярусности аркад говорит и четкая конструктивная двухъярусность самого южного нефа (рис. 5), где второй ярус выражен изнутри более тонкими стенками и пилястрами, несущими подпружные арки боковых нефов. Полученный здесь в результате утоньшения стен уступ служил упором для деревянной междуэтажной перегородки боковых нефов до переделок в базилике, а с последними была связана ликвидация хоров, обусловленная сооружением в базилике сводов, почти полностью занявших место арочных проемов во втором ярусе.

Такое же утоньшение стены с целью получения уступа имеется в базилике снаружи у ее западной стены. Здесь этот уступ проходил под окнами и над дверью. В данном случае указанная деталь должна была служить упором для деревянного односкатного перекрытия ликвидированного впоследствии нартекса. Указанные признаки наличия деревянных перекрытий над первыми этажами боковых нефов и над нартексом дают основание считать, что первоначально вообще вся базилика была перекрыта деревянным стропильным перекрытием, ибо нам пока не известны случаи, когда в базиликах одна часть перекрытий была бы деревянной, а другая — каменной, сводчатой. Наличие деревянного первоначального перекрытия у базилики подтверждается также и сооружением в центральном нефе более поздних дополнительных столбов, свидетельствующих о том, что сооружение не было рассчитано вначале на сводчатые

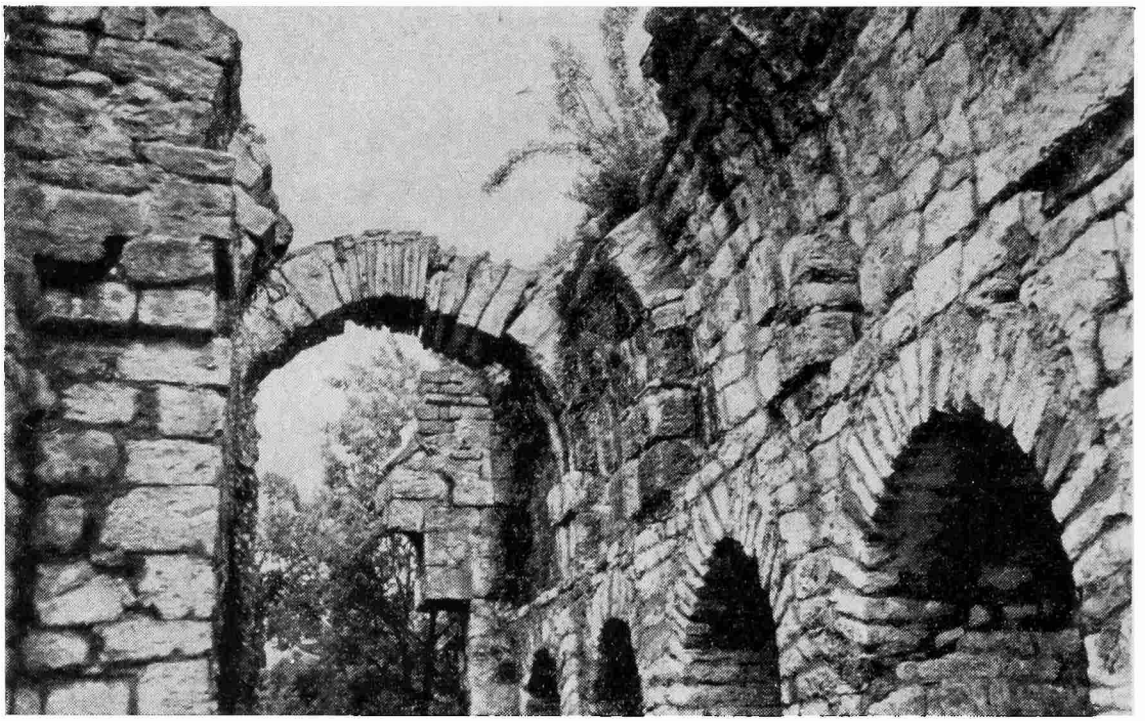


Рис. 5. Южный неф Гантиадской базилики (внутренний вид)

перекрытия. Здесь мы часто будем сопоставлять рассматриваемый памятник с другой базиликой из Западной Грузии — Сепиетской (в Абашском районе) [5], свод у которой также более позднего происхождения. Однако в данном случае этот свод заменил не деревянное перекрытие, а другой, более древний свод, восстановление которого не потребовало сооружения никаких дополнительных столбов, ибо эта базилика сначала была рассчитана на перекрытие указаного рода (рис. 6).

Не первоначальной деталью в Гантиадской базилике являлись и пилястры второго яруса боковых нефов, ибо они были обусловлены только лишь сооружением здесь сводов. Таким образом, в боковых нефах мы имеем совершенно ту же, в принципе, каркасную систему сводов, какая имеется и в центральном нефе, где более позднее происхождение этой системы уже не вызывает никаких сомнений. Во всех трех нефах более поздние столбы-пилястры, соответствующие каждой паре первоначальных столбов, служили опорами подпружных арок поддерживавших своды. Одна такая подпружная арка сохранилась в южном нефе (рис. 5).

Переделанной должна быть у Гантиадской базилики и верхняя часть западной стены, ибо расположенные здесь в пирамидальном порядке три окна имеют различную форму и различные арки. Арки двух нижних окон сложены из кирпича, а арка третьего — верхнего — окна вырезана в двух квадрах, что является, конечно, более поздним явлением. Верхнее окно более узкое (видно на рис. 3). О том, что первоначально на месте этого окна должно было быть окно такое же, как и нижние, свидетельствуют и аналогичные окна упомянутой Сепиетской базилики (рис. 6), где верхнее окно западной стены полностью сохранилось. Здесь его лишь уменьшили, заложив частично более поздней кладкой, не разрушая при этом старого проема.

В продольных стенах Гантиадской базилики окна и двери были расположены таким образом, что их не заслоняли от центрального нефа внутренние столбы. Окна здесь были размещены двумя ярусами, причем из окон верхнего яруса сохранилось только одно. Наличие в базилике

[5] В. А. Лекviнадзе. Ук. соч., стр. 165, рис. 16.

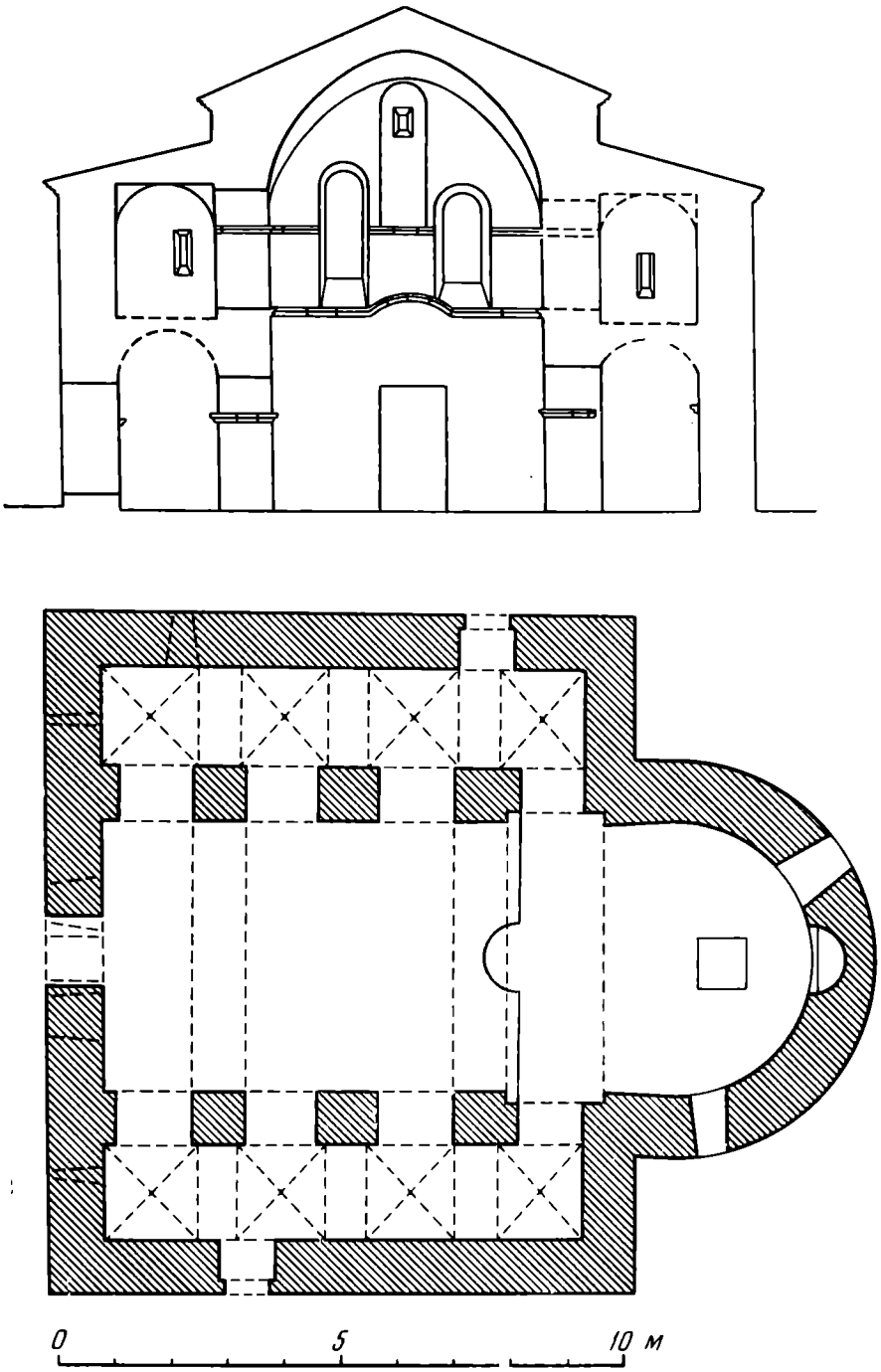


Рис. 6. Сепиетская базилика

двух ярусов окон также свидетельствует о том, что в боковых нефах раньше были два этажа, которым в точности соответствовало расположение верхних и нижних окон.

Говоря об окнах Гантиадской базилики, особо следует отметить параллельность их сторон, их сравнительно большие размеры и многочисленность, что сильно отличает рассматриваемый памятник от базилик Восточной Грузии, Армении и внутренних районов Малой Азии, имевших сужающиеся, небольшие и малочисленные окна. Таким образом, указанной особенностью Гантиадская базилика связана скорее с византийскими столичными сооружениями, среди которых, в первую очередь, здесь следует назвать константинопольскую базилику Студия, выстроенную в V в.[6] и

[6] Н. И. Брунов. Архитектура Византии. ВИА, 3, Л.— М., 1966, стр. 23, рис. 15.

имеющую с рассматриваемым памятником ряд других точек соприкосновения.

Наиболее бросающейся в глаза особенностью Гантиадской базилики является ее укороченность, что, как известно, свидетельствует об ослаблении направленности к абсиде и алтарю и о зарождении нового — второго — культового центра в середине среднего нефа. Эта особенность была уже более характерна для сводчатых базилик христианского Востока, например, для базилики в Маден-Даге и для базилик № 2, 4, 15 и 16 в Бинбиркилисе (внутренние районы М. Азии) [7]. Однако и среди эллинистических базилик Запада это явление также встречается, примером чему может служить та же базилика Студия. Тем не менее, в Гантиадской базилике укороченность пропорций выражена в большей степени, чем у всех перечисленных аналогичных ей в этом отношении базилик, ибо у нее ширина нефов заметно преобладает над их длиной. Столь сильная укороченность известна нам только лишь в упрощенной базилике в Пампук-Кая (Крым) [8] и в базилике из Сепиети, являющейся для рассматриваемого памятника в самой Западной части Грузии наиболее близкой параллелью.

Сепиетскую базилику мы теперь без колебаний датируем первой половиной VI в.[9] в связи с тем, что именно она упоминается Агафием недалеко к западу от Археополиса (современный Нокалакеви) [10] в местности Оногурис [11] под именем храма св. Стефана [12], к которому и обращена имеющаяся в базилике греческая надпись, изданная и датированная VI—VII вв. Т. С. Каучхишвили [13].

Сходство Гантиадской базилики с Сепиетской заключается не только в сильно укороченных пропорциях обоих храмов, но и в двухъярусности междунефных аркад; в одинаковых, как уже отмечалось, окнах; отчасти в характере переделок (в Сепиетской базилике боковые нефы также были переделаны из двухэтажных в одноэтажные) и в одинаковых промежуточных опорах, представляющих собой прямоугольные в сечении столбы, применявшиеся почти во всех известных до сих пор западногрузинских базиликах даже явно эллинистического характера [14]. В отношении применения столбов (вместо колонн) западногрузинские базилики опять-таки обнаруживают сходство с такими Причерноморскими базиликами, как Старая Митрополия в Месемврии (Болгария) [15], Пампук-Кая [16], Партениты и Планерское [17], от которых базилики Восточной Грузии и Армении отличаются, например, более усложненной формой сечения столбов и наличием в стенах внутренних пилястров, соответствующих этим столбам.

В Гантиадской базилике, так же как и в Сепиетской центральный неф очень незначительно выступал над боковыми нефами, о чем свидетельствует здесь сохранившаяся часть облицованной снаружи продольной стены центрального нефа, прослеживающаяся над южным нефом.

[7] W. M. Ramsay and G. L. Bell. Ук. соч., рис. 19, 92, 101, 216.

[8] Н. Мавродинов. Византийската архитектура. София, 1955, рис. 25; А. Л. Якобсон. Новый памятник раннесредневековой архитектуры в Крыму. КСИА АН СССР, 99, М., 1964, стр. 65 сл., рис. 25.

[9] О невозможности более раннего происхождения западногрузинских церквей подробнее будет идти речь ниже.

[10] Сепиетская базилика расположена всего в 6 *км* к юго-востоку от Археополиса.

[11] Оногурис следует сопоставлять с сегодняшним селом Оногия, находящимся в 5 *км* к северо-востоку от Сепиети.

[12] Агафий. О царствовании Юстиниана, М.— Л., 1953, II — 22; III — 3, 4, 5, 7; IV — 9.

[13] Т. С. Каухчишвили. Греческие надписи в Грузии. Тбилиси, 1951, стр. 110 сл. (на груз. яз.).

[14] В. А. Лекванадзе. О некоторых сооружениях древнего Питиунта. КСИА АН СССР, 113, 1969, стр. 56 сл.

[15] Кр. Мияев. Архитетурата в средновековна България. София, 1965, рис. 4—6.

[16] А. Л. Якобсон. Ук. соч., рис. 25.

[17] А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.— Л., 1964, рис. 11 и 16.

По-видимому, центральный неф выступал здесь слегка над боковыми и до того, как в нем были сооружены своды, ибо это явление следует связывать именно с укороченными пропорциями базилик подобного рода, примером чему, кроме Сепиетской базилики, служат базилика Студия и так же укороченная базилика в Эски-Андавале (V в.) [18]. Дело в том, что обычное — сильное — повышение центрального нефа над боковыми было необходимо «удлиненным» эллинистическим базиликам в связи с необходимостью устройства окон в продольных стенах центрального нефа. В Гантиадской же и подобных ей базиликах укороченные пропорции позволяли обеспечивать достаточное освещение центрального нефа с помощью окон абсиды и западной торцовой стены. Таким образом, незначительное выделение у укороченных базилик центрального нефа никакого утилитарного значения не имело, так как здесь не было места для окон. Это выделение можно объяснить, по-видимому, только стремлением придать сооружению обычный базиликальный разрез, от которого облик сооружения мог только выиграть. В частности, внешние объемы рассматриваемого памятника путем сочетания укороченных пропорций с базиликальным разрезом выделяли в нем с юга и с севера повышенный центр, который с восточной и западной сторон соответственно выделялся с помощью более низких абсид и нартекса. Тем не менее, и это незначительное выделение центрального нефа, так же как и укороченные пропорции базилики, по-видимому, связывают ее в какой-то степени и с так называемыми базиликами «восточного» типа, именуемыми еще «Hallenkirche» и «barn church», центральный неф которых вообще не выступал над боковыми, а перекрытие было сводчатым [19]. Таким образом, сооружение сводов в рассматриваемом памятнике как бы окончательно изменило его тип, «превратив» эллинистическую, в основном, базилику в «восточную» сводчатую. Интересно отметить, что это «превращение» было осуществлено с помощью приема, известного нам лишь в памятниках внутренних районов Малой Азии. Здесь имеется в виду пристройка к первоначальным промежуточным опорам более поздних — дополнительных — столбов в упомянутой базилике Эски-Андаваля и в ряде базилик Бинбиркилисе [20].

Как уже отмечалось, Гантиадская базилика имела три абсида. Центральная абсида Гантиадской базилики, снабженная изнутри бемой, имела снаружи пятигранную полуоктогональную форму; боковые же абсиды были полукруглыми. Аналогичные по форме и сочетанию абсиды известны нам в некоторых средневековых церквах Абхазии и Мингрелии (храм Симона, Канонита в Новом Афоне, Мокви, Мсыгхуа, Цаленджиха и т. д.) [21], а также почти во всех средневековых церквах Трапезунда, где именно указанные абсиды считаются самой характерной чертой местной средневековой церковной архитектуры [22]. Что же касается существования здесь церквей с тремя абсидами в раннее средневековье, то по этому поводу, к сожалению, пока ничего нельзя сказать ввиду абсолютной невыявленности здесь памятников указанного времени. А между тем именно с раннесредневековой архитектурой Трапезунда и Понта интересно было бы сравнить древнейшие церкви Западной Грузии, не только в силу географической близости обоих районов, но и в силу того, что восточнопричерноморская церковь в указанное время входила в состав Понтийской эпар-

[18] H. Rott. Kleinasiatische Denkmäler. Leipzig, 1908, стр. 105 сл.

[19] G. Millet. L'ecole dans l'architecture byzantine. Paris, 1916, стр. 16 сл; J. G. Davies. The Origin and Development of Early Christian Church Architecture. New York, 1953, стр. 48 сл.

[20] W. M. Ramsay and G. L. Bell. Ук. соч., рис. 2, 46, 80, 117.

[21] П. С. Уварова. Христианские памятники. Абхазия, МАК, IV, М., 1894, рис. 1; Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Грузии. ВИА, 3. Л.—М., 1966. рис. 261; А. К. Кация. Памятники архитектуры в долине Цкуара. Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967, табл. I.

[22] S. Ballance. The Byzantine Chruches of Trabizond. AS. X, 1960, стр. 167.

хии, о чем свидетельствуют списки участников Никейского собора [23]. Во всяком случае, отраженная в той или иной степени Гантиадской и Сепиетской базиликами, связь с памятниками центральных районов Малой Азии могла быть осуществлена, разумеется, только через Понт.

Известные нам пока только поздние аналогии для алтарной части рассматриваемого памятника не могут противоречить его раннесредневековому происхождению хотя бы потому, что все аналогичные в указанном отношении средневековые церкви Западной Грузии и Трапезунда являлись купольными церквями, а не базиликами, строившимися, в основном, в раннесредневековую эпоху. Среди же раннесредневековых базилик — в особенности причерноморских — три абсиды Гантиадской базилики следует сопоставить в количественном отношении с тремя полукруглыми абсидами таких памятников рассматриваемого круга, как упомянутые базилики Пампук-Кая и в Партенитах, также имевшими и укороченные пропорции, и деревянные перекрытия, и прямоугольные столбы. Отмеченное сходство опять-таки свидетельствует об архитектурных связях Северного и Восточного Причерноморья. Что же касается хронологической связи Гантиадской базилики с названными крымскими базиликами, датируемыми VIII в., то она также не может устанавливаться лишь на основании наличия в обоих случаях трех абсид, характерных и для многих базилик VI в. Примером этому служат базилики в Голямо Белово и в Пирдопе (Болгария) [24], или в Эски-Кермене (Крым) [25]. Таким образом, мы видим, что все основные особенности Гантиадской базилики встречаются в памятниках V—VIII вв., поэтому более важное значение для датировки рассматриваемого памятника с помощью сравнительного анализа приобретают, хоть и менее бросающиеся в глаза, но зато не обычные детали.

Такой деталью в первую очередь является очень незначительное — «трансептообразное» — расширение боковых нефов базилики в восточной предалтарной части. Во всех известных нам раннесредневековых базиликах такое же, в принципе, явление наблюдается только в большой базилике в Царицыном Граде (Югославия) [26]. Сопоставление с ней приобретает здесь, как мы увидим ниже, особое значение, ибо эта базилика была выстроена императором Юстинианом (527—565 гг.). Царицын Град (в древности Iustiniana Prima) был родиной Юстиниана, он превратил его из деревни в город, основал здесь кафедру епископа и целиком отстроил, в связи с чем архитектура этого города особенно ярко отражала юстиниановское провинциальное строительство.

Базилики в Гантиади и в Царицыном Граде похожи друг на друга не только одинаковым, еле заметным, расширением предалтарных частей, но и наличием в обоих случаях трех абсид, из которых центральные снабжены были и там и здесь сравнительно редкой в базиликах деталью — бемой. Обе базилики имеют также одинаковые соотношения размеров расширенной предалтарной части с абсидами. Следует, наконец, отметить, что в обоих сравниваемых памятниках расширение предалтарной части, обусловленное, по-видимому, влиянием чисто внешнего выражения трансептов латинских базилик, конструктивно не было оправдано, что особенно бросается в глаза в Царицыном Граде, где с северной стороны пред-

[23] А. Г. Гамкрелидзе, С. Г. Каухчишвили. Георгика (сведения византийских писателей о Грузии), I, Тбилиси, 1961, стр. 3 сл. (на груз. яз. с параллельным греческим текстом). Судя же по «Notita episcopatuum» в VII в. в Западной Грузии существует уже самостоятельная Лазская эпархия (С. Г. Каухчишвили. Георгика, IV, 2, 1952, стр. 186 сл.). Реорганизация здесь церкви произошла, по-видимому, в начале VI в., после официального принятия христианства в Лазском царстве и в Абазгии.

[24] Кр. Миятев. Ук. соч., рис. 7 и 9, стр. 16 сл.

[25] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. стр. 196 сл., рис. 99, *2*.

[26] Аналогичное явление наблюдается и в Большой базилике в Плиске (Болгария). Эту датируемую IX в. церковь считают, тем не менее, воспроизведением базилик VI в. (Кр. Миятев. Ук. соч., рис. 70, стр. 79).

алтарная часть, совпадающая по своей ширине с боковыми нефами, специально была выделена утоньшением небольшого отрезка стены у этого нефа (рис. 7) [27].

В Царицыном Граде предалтарные части базилики, определенные здесь в качестве пастофорий, выделены были не только с помощью расширения, но и внутренними стенами, каковых нет в Гантиади, хотя возможно, что здесь пастофории отделялись некогда от остального помещения занавесями или барьером. Так или иначе, отсутствие внутренних стен в рассматриваемом памятнике, нам кажется, было обусловлено его укороченными пропорциями, в связи с чем пастофории, выделенные здесь, кстати сказать, и меньшим количеством окон, занимали в базилике почти половину длины боковых нефов. Таким образом, сооружение здесь внутренних стенок фактически бы лишило базилику ее боковых нефов, чего не произошло с базиликой из Царицыного Града ввиду ее удлиненных пропорций.

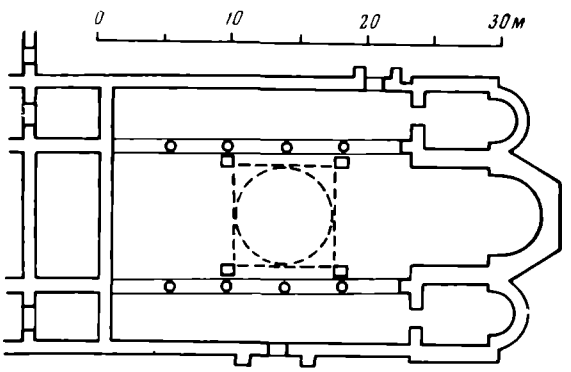


Рис. 7. Базилика в Царицыном Граде

Базилика из Царицыного Града отличается от рассматриваемого памятника и формой центральной абсиды — она трехгранна. Указанное различие следует объяснять тем, что для базилик Балканского полуострова трехгранные абсиды вообще характерны [28], в то время как почти все базилики Восточного Причерноморья имеют пятигранные абсиды [29]. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с локальной особенностью.

Гантиадская базилика отличается от базилики в Царицыном Граде тем, что центральная абсида у нее сильно выдвинута вперед по отношению к боковым абсидам. Эта особенность известна нам еще только в упомянутой трехабсидной базилике из Эски-Кермена, которая, тем не менее, также датируется VI в.

Наконец, упоминавшаяся базилика из Царицыного Града отличается от рассматриваемого памятника удлиненными пропорциями и колоннами, примененными там в качестве промежуточных опор. Однако в Царицыном Граде известна также еще одна выстроенная Юстинианом базилика, которую характеризуют уже и весьма укороченные пропорции и столбы [30], благодаря чему эта базилика также очень похожа на рассматриваемый памятник. Таким образом, Гантиадская базилика, связанная, с одной стороны, с Причерноморской церковной архитектурой, как бы объединяет в себе и целый ряд особенностей, характерных именно для юстиниановского строительства.

В трех неразрушенных более поздних, пристроенных, столбах-пилястрах центрального нефа Гантиадской базилики сохранились орнаментированные камни вторичного использования. Это два профилированных фрагмента одного и того же карниза и одна алтарная плита. Теперь эти

---

[27] Vl. R. Petkovič. Les fouilles de Tsaritchin Grad. «Cahiers archeologiques», III, Paris, MCMXLVIII, рис. 1, стр. 41 сл.

[28] W. Zas-Salozicky. Die byzantinische Baukunst in den Balkanländern. München. 1955, табл. I.

[29] См. базилику в Нокалакеви (Г. Н. Чубинашвили. К вопросу о Нокалакеви. Вестник Гос. тбилисского университета, XI, 1931, рис. 5), базилику в Питиунте (В. А. Лекванадзе. Ук. соч., рис. 11*а*), базилику в Вашнари (В. А. Лекванадзе. Материалы по монументальному строительству..., рис. 10) и неопубликованную пока базилику в Петре.

[30] Б. Мано-Зиси. Нова базилика у Царичином Граду. «Сатринар», нов. сер. IX—X, 1958—1959, Београд, 1959, стр. 295 сл., рис. 22.

камни выполняют роль пилястровых капителей, причем алтарная плита заложена в пилястр таким образом, что у нее видны только края; лицевая же плоскость, на которой должно быть основное изображение, к сожалению, не видна, на конце верхнего края у нее имеется круглое углубление, куда вставлялась колонка. На боковом крае находится орнамент в виде концентрически расположенных прямоугольников, часто встречающихся на византийских алтарных преградах и амвонах V—VI вв.[31]. Упомянутые выше карнизные камни, имеющие довольно дробную, классическую профилировку, по-видимому, также относятся к указанному времени.

Сложнее решить вопрос о том, являлись ли все эти три камня деталями первоначальной Гантиадской базилики? Фрагменты карниза имеют намного более сложную профилировку, чем сохранившийся in situ внутри базилики (в абсиде и в беме) первоначальный простейший карниз в виде полочки с выкружкой. В связи с этим возникают сомнения в возможности первоначального применения здесь вторично использованных карнизов, которые, разумеется, не могли быть помещены ниже, чем карниз абсиды. Не могли фрагменты карниза принадлежать и алтарной преграде, для которой они слишком велики.

Таким образом, кроме возможного происхождения описанных орнаментированных камней из первоначальной Гантиадской базилики, следует допускать также и возможность происхождения этих деталей совсем из другой церкви. В грузинских церквах, например, часто можно встретить византийские орнаментированные камни, попавшие сюда из других памятников, примером чему можно назвать церкви в Хоби, Цаиши (Мингрелия) и даже Мцхетский Джвари (Восточная Грузия). В Хоби, в частности, имеются орнаментированные плиты с совершенно таким же орнаментом, какой мы видели на вторично использованной алтарной плите в Гантиади. И здесь и там прямоугольный узор занимает именно половину края. Возникает даже вопрос, не происходят ли орнаментированные камни из Хоби и Гантиади из одного памятника? В имеющейся в Хоби надписи XIV в. прямо указывается, что привезены были сюда названные детали из района Гагра[32], от которого Гантиади удалено всего на 14 *км*.

Вопрос о датировке и происхождении Гантиадской базилики коренным образом связан с данными письменных источников. С одной стороны, эти данные свидетельствуют о невозможности ее сооружения до начала VI в., ибо, судя по конкретному указанию Прокопия Кесарийского, христианство в Абазгии, т. е. в Абхазии было принято лишь при Юстиниане: «При ныне царствующем императоре Юстиниане все отношения у абазгов облеклись в более мягкие формы. Они приняли христианскую веру... Тогда же Юстиниан воздвиг у абазгов храм богородицы и, назначив к ним священников, добился того, чтобы они приняли весь христианский образ жизни»[33]. С этим указанием Прокопия вполне согласуется и содержащиеся у Иоанна Малалы, Феофана Исповедника и в «Пасхальной хронике» сведения о времени принятия христианства в Лазском царстве[34], вассалом которого являлась, как известно Абазгия. Судя по этим трем источникам, христианство стало здесь официальной религией лишь в 20-х годах VI в. Таким образом, церкви не могли сооружаться до указанного времени не только в Абхазии, но и во всей Западной Грузии, под которой в данном случае мы, конечно, не подразумеваем такие оккупированные здесь римлянами, а затем унаследованные византийцами пункты, как, например,

---

[31] А. Ὀρλάνδον. Αἱ παλαιοχριστιανικαὶ βαγιλικαὶ τῆς Δέσβον «Αρχαιολογικον Δέλτιον» 12, 1929, Афины, 1932, рис. 18, 19, 21, 52, 59, 60; A. C. Orlandos. Delos chrétienne. BCH, LX, Paris, 1936, рис. 7, 8, 12; W. Kleis. Grabungen im Bereich der Chalkopratenkirche in Istanbul 1965. «Istanbuler Mitteilungen», 16, Tübingen, 1966, рис. 10.

[32] Т. Жордания. Хроники..., II, Тбилиси, 1897, стр. 199 сл. (на груз. яз.).

[33] Прокопий. Война с готами. VIII — 3, М., 1950.

[34] С. Г. Каухчишвили. Георгика, III, 1937, стр. 264; IV. 1, 1941, стр. 11 и 77.

Питиунт или Себастополь, где христианские храмы могли существовать с момента принятия христианства в Римской империи, т. е. с начала IV в.

Как мы видели, Прокопий сообщает не только о времени принятия христианства абазгами, но и о том, что Юстиниан построил для них храм. Вопрос о местонахождении этого храма является в специальной литературе, несомненно, одним из самых популярных, о чем свидетельствуют имена и число тех исследователей, которые в той или иной степени его касались: Ф. Дюбуа де Монпере, Н. П. Кондаков, П. С. Уварова, Ю. А. Кулаковский, Л. Н. Меликсет-Беков, Г. Н. Чубинашвили, К. С. Кекелидзе, С. Г. Каухчишвили, З. В. Анчабадзе и т. д.

Ф. Дюбуа де Монпере, вслед за ним Н. П. Кондаков и П. С. Уварова, считали, что Юстиниановский храм для абазгов был выстроен в Питиунте[35]. Ю. А. Кулаковский, посвятивший этому вопросу специальную статью, считал, что названный храм был выстроен в Севастополе, так как Прокопием здесь засвидетельствовано строительство Юстиниана, а позднее находилась кафедра архиепископа[36]. З. В. Анчабадзе же считает, что этот храм был выстроен в Анакопии (современный Н. Афон), с которой он идентифицирует прокопиевскую Трахею. Как это отмечает и сам З. В. Анчабадзе, существует и другая — более распространенная — точка зрения о местонахождении Трахеи[37]. Из довольно противоречивого описания Прокопием этого пункта все-таки можно заключить, что Трахея находилась не только у южных границ Абазгии, но и в таком месте, где горы вплотную подходят к морю, благодаря чему дорогу по побережью здесь легче всего было контролировать[38]. Таким пунктом здесь, как это указал впервые С. Н. Джанашиа, является только Гагра[39], где у самого моря под крутой горой находятся остатки позднеантичных и раннесредневековых фортификационных сооружений[40]. В Анакопии современная Прокопию крепость вообще не могла быть серьезным препятствием потому, что она удалена от берега на 2—3 *км* и незначительна по своим размерам (30×90 *м*)[41]; горы же здесь отступают от берега намного дальше, чем в Гагре, где только и могло быть задержано абазгами продвижение византийцев.

Исходя из того предположения, что Трахеей могла быть только Гагра, область расселения абазгов, не смешиваемых Прокопием с апсилами (другим абхазским племенем), нужно искать к северу от Гагры, с чем согласуется указание другого источника о границах расселения абазгов. Здесь имеется в виду указание Константина Багрянородного о том, что абазги жили между Никопсией и Сотирополем[42], которым называли иногда расположенный возле Гагра Питиунт[43]. Таким образом, к северу от Гагра и нужно искать юстиниановский храм для абазгов, а не в Питиунте, Анакопии и Себастополе, расположенных к югу от границ Абазгии Прокопия. Если бы Юстиниан и выстроил храм для абазгов в Питиунте, «Трахее — Анакопии» или Себастополе, то Прокопий, говоря об этом храме, скорее

---

[35] F. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase, I, Paris, 1839 стр. 231.

[36] Ю. Кулаковский. Где был построен Юстинианом храм для абазгов? АИЗ, V, 2, М., 1897, стр. 33.

[37] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. стр. 10 сл.

[38] Прокопий. Ук. соч., VIII — 3, 9.

[39] С. Джанашиа. Труды, I, Тбилиси, 1949, прим. 3 на стр. 73 сл. (на груз. яз.).

[40] Н. Е. Адзинба. Ук. соч., стр. 13; В. А. Леквинадзе. Понтийский лимес. ВДИ. 1969, 2, стр. 88.

[41] В. А. Леквинадзе. По поводу Анакопийской крепости. ВГМГ, XXV-В, Тбилиси, 1968, стр. 89 сл.

[42] Константин Багрянородный. Об управлении государством, 42. ИГАИМК, 91, М.— Л., 1934, стр. 21.

[43] G. Parthey. Hieroclis Synecdemus et notitiae graecae episcopatuum. Berolini, 1866, стр. 315.

всего прямо должен был указать название одного из этих хорошо известных ему пунктов, как это он делает почти в отношении всех других монументальных построек Юстиниана в Западной Грузии.

На территории Абазгии Прокопия нам известен только один рассмотренный здесь храм в Гантиади, который может быть отнесен к раннесредневековому времени. Только это обстоятельство уже говорит о том, что именно Гантиадская базилика и являлась храмом, построенным для абазгов Юстинианом. Сходство этого памятника с базиликами в Царицыном Граде лишь подтверждает указанное обстоятельство. Таким образом, рассмотренный памятник, представлявший собой первоначально сильно укороченную эллинистическую базилику с некоторыми элементами «восточных» и, по-видимому, латинских базилик, отражает в себе те культурно-политические, в частности, архитектурные связи, максимальное развитие которых могло наблюдаться в христианском мире в эпоху Юстиниана, попытавшегося подчинить себе весь этот мир.

Характерно, что окрестности Гантиадской базилики представляют собой сравнительно большую для этого района долину, которой нет, например, в Анакопии. В этой долине могло быть сконцентрировано население древней Абазгии, так что здесь вполне реально и местонахождение ее древнего центра. В 7 км к северу от Гантиади в море впадает река Псоу, с которой исследователи идентифицируют упомянутую Аррианом и Псевдоаррианом реку Абаск [44]. Древнее название этой реки уже несомненно свидетельствует о местонахождении в указанной долине древнего этнического центра Абазгии, сохранявшего свое значение и в средневековую эпоху, ибо на месте Гантиади, или возле него, на итальянских картах XIV в. помещен пункт Abcasia [45]. Интересно, что и арабский писатель начала XIV в. Шихаб-еддин Элькакманди сообщает о существовании во владениях Дадиани двух городов — «Цхума» (совр. Сухуми) и Абхаза [46], который следует локализировать, исходя из данных итальянских карт, на месте, или возле, Гантиади.

V. A. Lekvinadzé

LA BASILIQUE DE GANTIADI

Résumé

Des travaux de réfection avaient été effectués dans la basilique de Gantiadi. En particulier, la couverture initiale des fermes en bois de tout le monument a dû probablement être remplacée par la voûte en pierre. Plus tard, dans la nef centralt on a ajouté aux premiers piliers des arcs de renforcement de cette voute des piliers — pilastres supplémentaires. Les details qui servaient à soutenir justement les couvertures en bois du narthex anéanti et des premiers niveaux des nefs latérales laissent deviner le caractère de la première couverture du monument.

Le faible élargissement dit transeptiforme des nefs latérales de la partie orientale devant l'autel est la plus intéressante particularité de la basilique de Gantiadi. Cette particularité qui s'harmonise aves la présence de trois absides dans la basilique n'est comparable qu'aux details analogues de la basilique justinienne de Tzaritzin Grad (Yougoslavie).

Compte tenu de ce fait ainsi que de l'attribution de ce monument au VI-e siècle et de son emplacement sur le territoire de l'Abazghie de Prokop situé au nord de Trachée (altuellement la ville de Gagra) on peut le considérer comme une basilique construite par Justinien pour les abazgs et dont on trouve des renseignements chez Prokop (Bell. Goth., VIII, 3).

---

[44] Арриан. Перипл, 27, ВДИ, 1948, 7; Безыменный автор. Перипл, 56, ВДИ, 1948, 4; О идентификации р. Псоу с р. Абаском, см. Ф. Брун. Черноморье. II. Одесса, 1880, стр. 257.

[45] Там же, табл. III.

[46] В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, II, М., 1889, стр. 47.

Заметки

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

МАЙДАНСКАЯ СТОЯНКА ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по раскопкам 1966 г.)

Поселения волосовской культуры относятся к одним из наиболее интересных памятников эпохи финального неолита — раннего металла на территории лесной полосы Европейской части СССР. Уже в течение десятилетий внимание археологов привлечено к материалам данной культуры. Ей посвятили свои работы В. А. Городцов, А. Я. Брюсов, Н. К. Цветкова, О. Н. Бадер, в последние годы А. Х. Халиков и др. Этот интерес вызван тем, что волосовская культура относится к числу наиболее ярких и динамичных культур охотников и рыболовов лесной зоны.

Исследованию поселений волосовской культуры в настоящее время придается большое значение. В среднем Поволжье в течение ряда лет работает Марийская археологическая экспедиция (руководитель А. Х. Халиков), усилиями которой были исследованы несколько волосовских стоянок на территории Марийской АССР — Токаревская, Руткинская, Луговой Борок, III Удельно-Шумецкая и др. Среди них особенный интерес вызывает Майданская стоянка.

Майданская стоянка расположена на участке надпойменной террасы, отсеченной старицей от поймы левого берега Волги, недалеко от с. Майдан Юринского района Марийской АССР. Территория стоянки представляет собой более или менее ровную площадку с двумя рядами овальных западин (всего их, по-видимому, десять), которые являются остатками жилых сооружений. В 1958 г. А. Х. Халиковым здесь были заложены два шурфа и собран материал, включающий каменные орудия и обломки керамики [1]. В 1961 г. было изучено одно из жилищ.

В 1966 г. мы продолжили исследование Майданской стоянки. В начале работ для уточнения границ поселения в юго-западной его оконечности была заложена траншея шириной 2 и длиной 18 *м*. Один конец траншеи находится вблизи раскопа 1961 г. Перпендикулярно к первой была заложена вторая траншея таких же размеров. За исключением незначительных скоплений угольков под слоем дерна обе траншеи находок не дали. Поэтому работы в этой части террасы были прекращены. По соседству с раскопом 1961 г. был заложен новый раскоп площадью 236 $м^2$, в контурах которого умещалась западина на месте предполагаемого жилища (рис. 1). Стратиграфия в этой части стоянки следующая: сверху лежит дерновый слой мощностью 10—15 *см*, под ним темно-желтый песок, который на участках, примыкающих к западине, на глубине 50—60 *см* постепенно переходит в более светлый материковый песок. Этот слой (темно-желтый песок), видимо, был нанесен в западину с более высоких участков, примыкающих к жилищу. На месте западины мощность темно-желтого песка

[1] А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения среднего Поволжья и нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ, I, Йошкар-Ола. 1960, стр. 55—58.

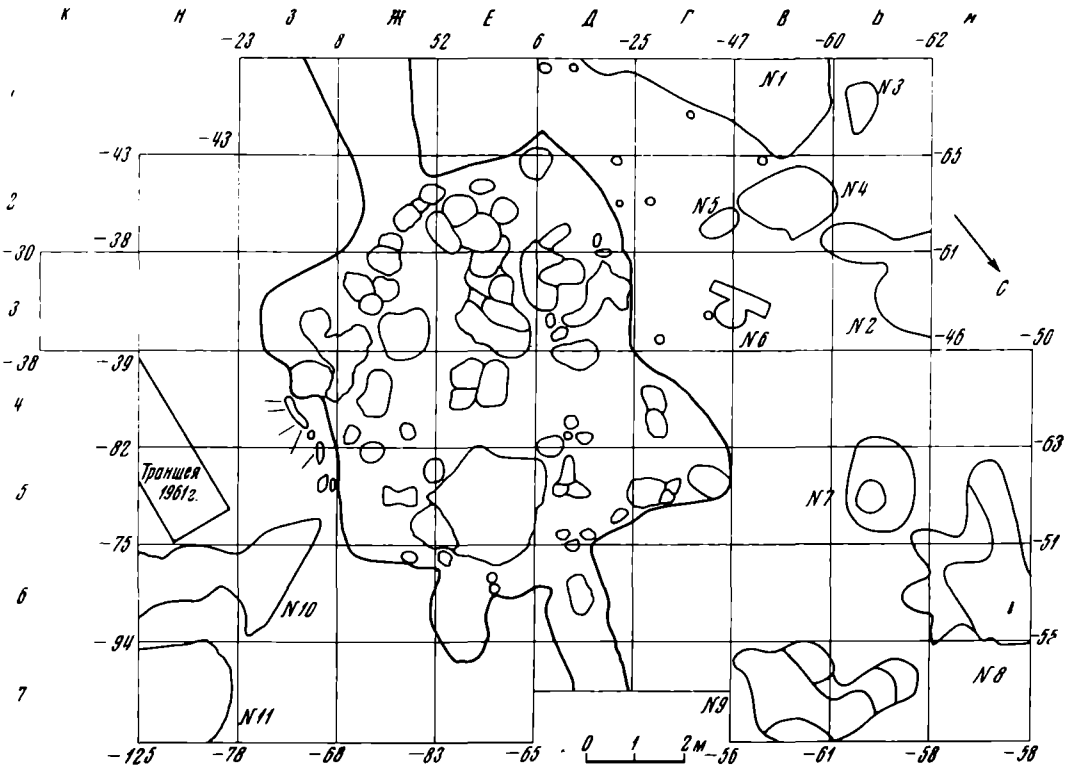


Рис. 1. Майданская стоянка, раскопки 1966 г. Общий план

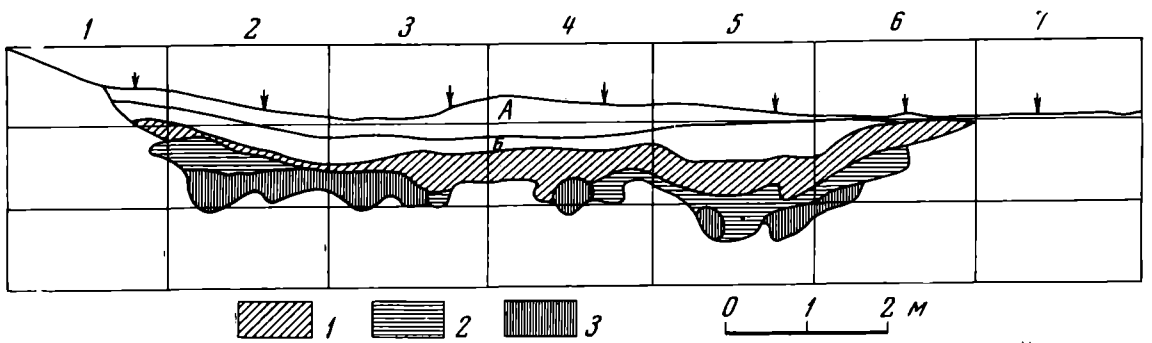


Рис. 2. Майданская стоянка, раскопки 1966 г. Разрез жилища

колеблется от 20 до 50 *см*. Ниже лежит слой погребенной почвы и светло-серый подзол (в среднем 25—30 *см*). Под ними обнаружен песок кирпичного цвета (20—40 *см*) и линзы песка темно-серого и черного цвета, лежащие на материке. Песок кирпичного, темно-серого, интенсивно-серого и черного цветов и представляет собой заполнение жилища (рис. 2).

Исследованное жилище имело подпрямоугольную форму (7×8 *м*; рис. 1). На квадратах Д-2, Г-2, Г-3, З-4 и З-5 вдоль стенок жилища с внешней его стороны прослежены ряды небольших ям диаметром не более 20 *см*, при глубине от 10 до 45 *см*. По-видимому, в этих ямах когда-то были столбы, укрепляющие стенки постройки. С двух противоположных сторон жилища открыты полуподземные переходы в соседние помещения (одно из них было раскопано в 1961 г.). Высота стенок переходов колеблется от 30 до 90 *см*. Недалеко от одного из переходов (квадраты Е-6, Е-7, Ж-6) с внешней стороны жилища открыто углубление, заполненное гумусом, перемешанным с чистым песком. Его размеры приблизительно равны 1 ×1,5 *м*. Глубина от краев 30—40 *см*. Не исключено что это углубление служило выходом. Интересно, что внутри жилища у предполагаемого вы-

хода обнаружены расположенные попарно четыре ямки от столбов (диаметр не превышает 25, глубина — 13—17 *см*), которые служили, по-видимому, опорой для плах-ступеней. Пол жилища неровный, в центре он имеет бо́льшую глубину, чем у краев. На полу (в плане) на фоне светлого материкового песка прослеживалось значительное число пятен темного гумуса, выборка которого показала, что эти пятна — остатки ям. В диаметре они не превышали 50 *см*, глубина колебалась от 0,1 до 0,5 *м*. Ямы были округлыми или овальными в плане и нередко примыкали друг к другу. На квадратах Е-2, Е-3, Ж-2 и Ж-3 они, соприкасаясь, образовали почти правильную окружность. Приблизительно в 0,7 *м* от входа в жилище (внутри его) на квадратах Д-5, Е-5, Е-6, Ж-5 располагалась глубокая (1 *м*) яма диаметром до 2 *м*. Назначение ям остается неясным. Естественным было бы предположить, что они имели какое-то хозяйственное значение, но при этом не следует забывать, что в данных ямах, а их более 50, найдено всего 79 предметов (включая отщепы и осколки кремня.)

С внешней стороны жилище было окружено кольцом западин овальной или неправильной формы с неровным полом. Их глубина колебалась от нескольких сантиметров до 1 *м*, в поперечнике от 0,5 до 4 *м*. Четыре таких западины (глубиной в несколько сантиметров) — квадраты Б-1, В-2, Г-2, В-3 и Г-3 (№ 3—6) — находок не имели. В остальных семи было обнаружено 128 предметов (вместе с отщепами и осколками кремня). Интересно, что вдоль одной из этих ям, расположенной в квадратах Д-1, Г-1, В-1, с одного края (с внешней стороны) прослежены следы от столбов глубиной от 16 до 46 *см* и диаметром 15—18 *см*. Не исключено, что эти семь западин служили в древности хозяйственными ямами.

При исследовании Майданской стоянки в 1966 г. было найдено 68 костей лося от четырех особей. Основная масса костей представлена отдельными зубами, принадлежащими в большинстве случаев старым особям в возрасте 6—10 лет. Они найдены внутри жилища. Зубы лосей из верхней части культурного слоя (2 экз.) принадлежали животным в возрасте 2—3 лет [2].

Остальной вещественный материал из раскопок (всего 2259 предметов, включая отщепы и осколки) располагался следующим образом: 1 штык — 920 предметов; 2 — 687; 3 — 170; 4 — 157; 5 — 99; ямы в полу жилища — 79; 1 переход — 63; 2 переход — 29; ямы вне жилища: 1 яма — 35; 2 яма — 2; 7 яма — 19; 8 яма — 46; 9 яма — 12; 10 яма — 5; 11 яма — 9. При этом следует учитывать, что если первые два штыка снимались по всей площади раскопа (236 $м^2$), то четвертый и пятый представляют собою заполнение жилища (56 $м^2$), третий штык снимался с площади жилища и на некоторых квадратах, примыкающих к жилищу (с площади, приблизительно 65—70 $м^2$). На один квадратный метр, таким образом, приходилось: 1 штык — 3,9; 2 штык — 2,9; 3 штык — 2,4; 4 штык — 2,8; 5 штык — 1,76 предмета. Как видно из этих подсчетов, количество находок в верхних горизонтах было несколько большим по сравнению с нижними.

Как показывает анализ керамики и каменных орудий, на стоянке собран однородный материал (за исключением нескольких фрагментов ямочно-гребенчатой керамики), который мы будем описывать по типологическим группам.

При исследовании стоянки было найдено около 1,5 тыс. фрагментов волосовской керамики. К сожалению, почти половина из них представлена мельчайшими обломками. Анализ остальных — их около 800— позволяет прийти к определенным выводам. Это была керамика, изготовленная из глины с добавлением растительных примесей. Форму сосудов можно представить себе лишь по обломкам венчиков и найденному на стоянке в единственном экземпляре донышку. По-видимому, обитатели Майданской

---

[2] Определение А. Г. Петренко.

стоянки изготовляли плоскодонные горшки с прямыми, а чаще ярко выраженными Г-образными венчиками. Лишь в одном случае был найден венчик, загибающийся внутрь сосуда (рис. 3). Стенки сосудов были слегка выпуклыми. Толщина их от 0,8 до 1,5 *см*.

По орнаментальным мотивам керамику Майданского поселения можно разделить на пять групп. Первая из них (32 фрагмента) украшена композициями, получившими в литературе название «елочки со стеблем». Этот орнамент выполнялся оттисками гребенки, мелкими ямками, гусеничным штампом (рис. 4, *3*, *4*). Вторая группа (176 фрагментов) украшена короткими наклонно нанесенными оттисками гребенчатого штампа, которые, как правило, образуют ряды (рис. 4, *9*, *17*). На 118 фрагментах (третья группа) мы видим композиции из горизонтально расположенных поясков, оттиснутых гребенчатым или гусеничным штампом (рис. 4, *2*). Четвертая группа, состоящая из 23 фрагментов, украшена ямочными вдавлениями. Ямки располагались рядами, в шахматном порядке, иногда беспорядочно. На трех черепках этой группы ямки располагались в два ряда под венчиком, а остальные фестонами опускались вниз (рис. 4, *1*, *14*). Пятая группа фрагментов (15 экз.)

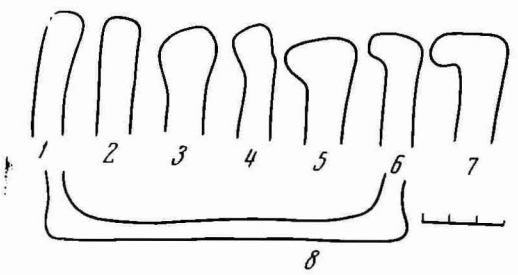


Рис. 3. Фрагмент донышка и венчики сосудов

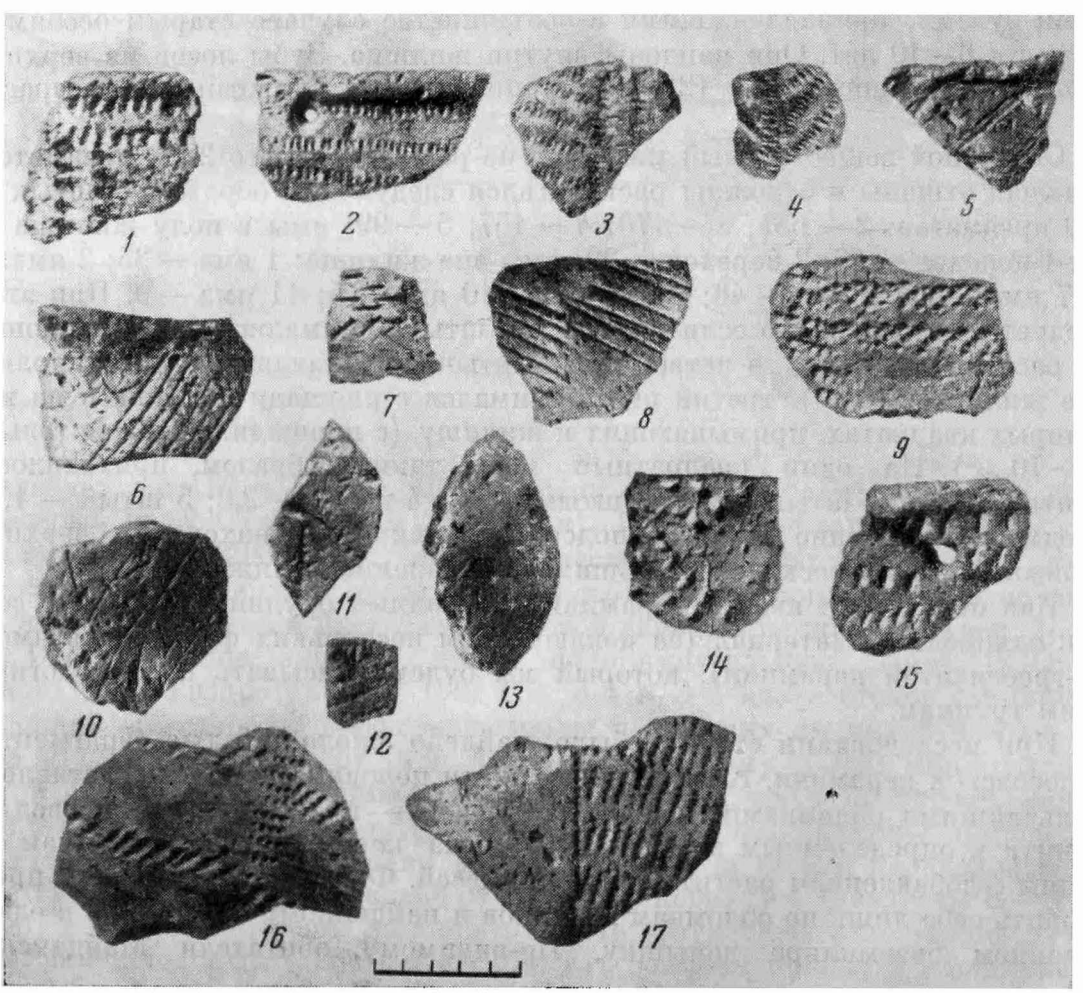


Рис. 4. Керамика

украшена нарезными линиями, расположенными в различных композициях. Мы видим сетку, состоящую из перекрещивающихся линий, узоры из рядов нарезок, расположенных наклонно по отношению к венчику, горизонтальные линии, треугольники и ромбы (рис. 4, *5*, *6*, *8*, *10*). Шестая, последняя группа фрагментов (399 экз.) состоит из неорнаментированных обломков сосудов (рис. 4, *13*). Пять фрагментов, которые мы не

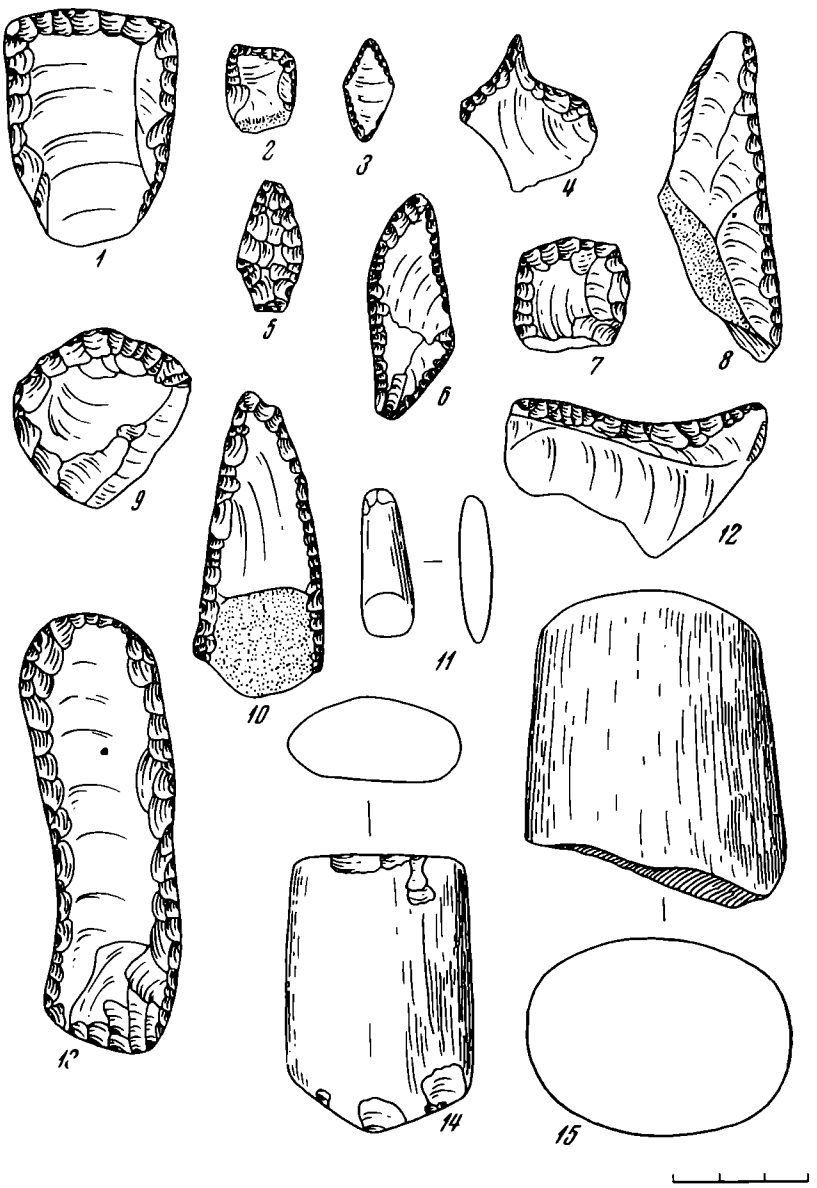


Рис. 5. Орудия труда

включили ни в одну из вышеназванных групп, орнаментированы в иной манере: «отступающей лопаточкой» (рис. 4, *7*), оттисками гребенчатого штампа, расположенными под углом друг к другу (рис. 4, *11*), насечками (рис. 4, *12*), четырьмя оттисками гребенки, расходящимися из одной точки (рис. 4, *15*), отпечатками «рамчатого» штампа (рис. 4, *16*). Как мы уже отмечали, в керамическом материале Майданской стоянки есть 13 фрагментов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, найденных при исследовании первого, второго, третьего и пятого штыков (в последнем случае керамика залегала внутри жилища), а также в ямах в полу жилища.

Найдено около 1000 предметов из камня. Приблизительно половина из них не имеет следов обработки. Остальные делятся на три группы: отщепы, ножевидные пластины, а также орудия труда или их заготовки. Из общего числа отщепов (404) 225 из кремня, 160 из доломита, 18 кварцитовых и один сланцевый. Обнаружено 18 экз. ножевидных пластин. Они

небольшие по величине, как правило, поломаны. Все пластины изготовлены из кремня.

Орудий труда и их заготовок на Майданской стоянке 134. Самую большую группу (37 экз.) составляют скребки и скребла, изготовленные, за исключением одного изделия, из кремня (рис. 5, *1, 2, 9, 12, 13*). Интересны 11 скребков, у которых ретушь нанесена не только по рабочему краю, ею обработан и угол, что дает возможность выполнять этим орудием не только функции скобления, но и резания. Эти орудия принято называть скребками-резчиками (по определению М. Е. Фосс) [3]. Остальные скребки и скребла различаются по форме рабочего края и в ряде случаев по его расположению на отщепе или пластине. Так, пять скребков имеют скошенный рабочий край на конце отщепа; три скребка и два скребла — округлый рабочий край на стороне, противоположной ударной площадке; четыре скребка характеризуются тем, что у них ретушь нанесена на одном из узких концов подпрямоугольных плоских отщепов или широких пластин; в шести случаях эти орудия изготовлялись из аналогичных отщепов или пластин, но ретушь наносилась по одной из больших сторон. Кроме того, на Майданской стоянке найдены четыре скобеля с вогнутым рабочим краем, одно скребло из кварцитовой пластины и один скребок из массивной ножевидной пластины.

Следующую группу находок составляют проколки (рис. 5, *4*), изготовленные из кремня. Исключение представляет проколка из доломита с отшлифованным рабочим концом. Остальные проколки делятся на два вида, в зависимости от степени их законченности. Первый вид — проколки с тщательно оформленным рабочим концом (3 экз. из кремня, 1 экз. из кварцита), второй (10 экз. из кремня) — проколки, у которых изготовление рабочего конца еще не закончено.

Наконечников стрел и копий (рис. 5, *3*, *5*) найдено 15. К сожалению, девять из них представлены обломками или заготовками, не позволяющими судить об их форме. Три наконечника имеют ромбовидную форму, один — намечающийся черешок. Два наконечника стрел миндалевидной формы. Из отмеченных 15 наконечников 12 изготовлены из кремня, три (один обломок и два миндалевидных) — из кварцита.

Следующую группу находок составляют ножи (14 экз.), изготовленные из плоских кремневых отщепов, а в двух случаях — из пластин кварцита и сланца (рис. 5, *8*, *10*). Восемь орудий этой категории имеют двусторонне обработанный рабочий край, в шести случаях ретушь наносилась лишь с одной стороны. К этой группе предметов примыкают восемь резчиков. Резчиками мы называем орудия с несколько вытянутой или выступающей углом рабочей частью [4]. Все они изготовлены из кремня (рис. 5, *6*).

Встречено 17 уплощенных долот и их заготовок. Из них шесть сделаны из кремня, остальные — из доломита (рис. 5, *14*). К этой же группе орудий мы относим небольшую стамеску из доломита с вогнутой рабочей частью. Величина стамески 6 *см* (рис. 5, *11*). Кроме того, сюда же следует отнести два орудия, напоминающие pieces eonlles. Одно из них изготовлено из кремня, второе — из доломита. Размеры 3,5 × 2,8 *см* (рис. 5, *7*). К рубящим орудиям относятся два обломка валикообразных топоров (рис. 5, *15*). Один из них сделан из сланца, другой — из какой-то зернистой породы.

Остальные изделия из камня представлены кремневыми нуклеусами, отбойниками и полировальными плитами. Нуклеусы (17 экз.) в основном небольшого размера (величина ударной площадки 2—2,5 × 3—3,5 *см*). Лишь один имеет величину 8,5×2 *см*. Обнаружен, кроме того, экземпляр,

---

[3] М. Е. Фосс. К методике определения каменных орудий. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 15, 16.

[4] Там же, стр. 16.

изготовленный из доломита, с диаметром ударной площадки 7—8 *см*. Отбойники, найденные в количестве трех экземпляров, сделаны из кварцита (2 экз.) и какой-то зернистой породы (1 экз.). Обнаруженные на Майданской стоянке два обломка шлифовальных плит изготовлены из песчаника.

Таковы материалы, полученные в результате полевых работ 1966 г. Сравнительные данные, прежде всего керамика и тип постройки, позволяют сопоставить Майданскую стоянку с такими волосовскими поселениями, как Займище III, Панфилово (комплекс керамики с примесью травы), Холомониха[5]. Общие здесь форма жилища с углубленными в землю переходами; форма сосудов—Г-образные венчики и плоское дно; орнаментация керамики — наличие узоров в виде «елочки со стеблем», двурядных ямчатых вдавлений под венчиком и опускающихся вниз фестонов, сочетаний коротких оттисков гребенки, образующих ряды, горизонтальных полос, выполненных оттисками штампа, сетки, «рамчатого» штампа, различных композиций из прочерченных линий и т. д. Эти сопоставления позволяют наметить и датировку Майданской стоянки — отнести ее ко времени упомянутых поселений (Займище III, Панфилово, Холомониха), т. е. ко второй четверти — середине II тысячелетия до н. э.

Анализ каменных орудий с Майданской стоянки приводит к мысли об их отличии от волго-окских волосовских изделий из камня. Напомним, что для Волго-Окского междуречья характерны желобчатые долота, удлиненные листовидные наконечники стрел, орудия с выемкой у одного из концов для привязи, фигурные кремни и т. п.[6]. Эти вещи не обнаружены при раскопках Майданской стоянки. Орудия Майданского поселения отличаются и от изделий, которыми пользовались обитатели северных волосовских стоянок (Кончанское, Бологое, Модлона)[7]. На Майданской стоянке нет макролитических типов орудий, топоров русско-карельского типа и т. п. В свое время мы отмечали, что изучение каменных орудий волосовских поселений Среднего Поволжья дает возможность говорить об их специфике в данном районе[8]. Материалы Майданской стоянки подтверждают наше предположение.

---

[5] В. П. Третьяков. Волосовская керамика Панфиловской стоянки. СА, 1967, 1, стр. 233—235; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 19; O. Bahder. Zur Erforschung der neolithischen Wohnplatze im Okatale. ESA, IV, 1929.

[6] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 82.

[7] В. П. Третьяков. К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья. МИА, 131, 1965, стр. 221, 222; С. В. Ошибкина. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре. СА, 1966, 4, стр. 27—37.

[8] В. П. Третьяков. К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья, стр. 222.

Я. И. СУНЧУГАШЕВ

О ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ МЕДИ В ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ

Сведения о древней металлургии меди в Хакасско-Минусинской котловине стали известны еще со времен путешествий П. С. Палласа[1]. В статье ставится цель — показать на примере новых археологических и геологических материалов технику добычи медной руды и выплавки меди в древности.

---

[1] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. III. СПб., 1788.

Наиболее ценные данные о добыче медной руды и выплавки меди в Минусинском крае содержатся в записке Г. И. Савенкова «Древние чудские выработки меди в Минусинском уезде», представленной в 1915 г. и хранящейся сейчас в Музее антропологии и этнографии (Ленинград) [2]. Эти материалы позднее были опубликованы Д. Н. Левом [3]. В своей записке Савенков (со слов маркшейдера Г. Г. Тихонова) передал весьма интересные наблюдения о технике проходки древних выработок на медь в Глафиринском руднике на р. Улень. В ней говорится, что «чудские выработки идут обыкновенно несколько наклонно по залеганию рудных масс, внутри сильно обожжены, находились в них угли, головешки, попадался один раз кусок кожаного мешка... Глубина этих выработок, имевших самую неправильную форму, до 10 сажен» [4]. К сожалению, Савенков не говорит о качестве добываемой медной руды в древних выработках. Впоследствии это дало исследователям почву для неверного построения технологической схемы плавки меди древнейшими металлургами.

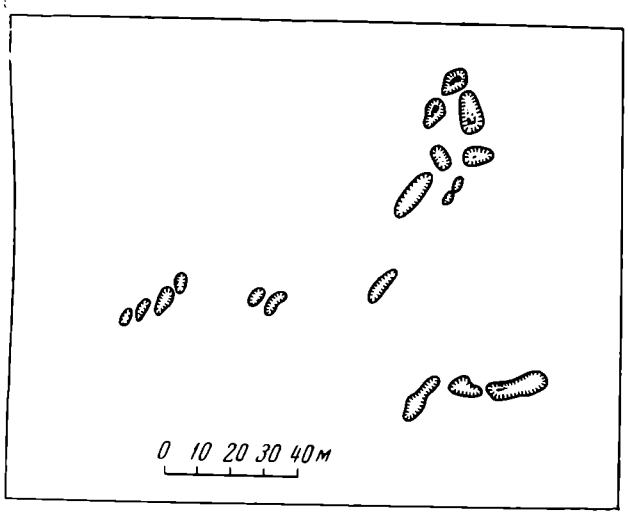


Рис. 1. Расположение древних горных выработок на медь на Глафиринском руднике

Дополнительные сведения о Глафиринских древних горных работах получены геологами 30-х годов. В 1935 г. Л. И. Шаманский, давая обзор медных месторождений Хакассии, указал на Глафиринском месторождении 18 древних горных выработок на медь (рис. 1) [5]. Здесь древние рудокопы добывали поверхностные окисленные руды. Л. И. Шаманский отмечает, что «Медные минералы, характерные для зоны окисного обогащения, скапливались у самой поверхности земли, где их нетрудно было открыть наиболее древним рудокопам — «чуди», следы работ которой сохранились во многих месторождениях. По следам «чудских» работ месторождение было вновь обнаружено в наше время» [6].

В 1966 г. нами обнаружена еще одна древняя выработка на медь в логу «Мокрый Тарбан», расположенном в 7 *км* к югу от пос. Улень. Выработка представлена на современной поверхности воронкообразной ямой длиной 15 *м*, шириной 10 *м*, при глубине 2,4 *м*. По-видимому, это был открытый карьер с наклонным подбоем на глубине. Таким образом, древние рудокопы на р. Улень добывали руду разносом и путем заложения шахт глубиной не более 20 *м*. Предметом добычи были малахит и азурит. Древние рудокопы Улени в горном деле широко пользовались деревянными лопатами [7], кожаными мешками-тулунками (для выноса руды) и каменными молотами [8]. Вскрытие коренных пород, как и в других древнейших рудниках, осуществлялось огневым методом.

Если наблюдения по древним горным выработкам, сделанные как геологами, так и археологами, не вызывают никаких разногласий, то техника

---

[2] МАЭ, дело № 3937.

[3] Д. Н. Лев. К истории горного дела. Л., 1934.

[4] Г. И. Савенков. Ук. соч. (см. текст).

[5] Л. И. Шаманский. Меднорудные районы Хакасии. «Материалы по геологии Западно-Сибирского края», 27, Томск, 1935, стр. 19.

[6] Там же, стр. 19.

[7] Лопаты хранятся в МАЭ, инв. 3937—1, 2.

[8] Я. И. Сунчугашев. Древние горные выработки в Хову-Аксы. Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, IX. Кызыл, 1961, стр. 232.

выплавки меди из руды в свете археологических исследований последних лет представляется в ином плане, чем считалось до сего времени.

Савенков писал, что «для плавки складывался костер сажени 2—3 в диаметре, в котором слой руды чередовался с дровами. Под костром находился приемник, куда стекала расплавленная руда. Штейн, т. е. серная медь, более тяжелый по удельному весу располагался на дне ямы... Когда около ямы образовывались два навала, шлаки затрудняли доступ к костру, тогда это место оставляли и переходили на другое» [9]. Затем из получившегося штейна удаляли серу простым обжиганием, что практикуется и сейчас на некоторых заводах (обжигание кучами), а получившуюся черновую медь очищали в обыкновенных горнах наподобие кузнечного [10]. Таким образом, процесс древней плавки меди по записке Савенкова, выглядел так: 1. Плавка руды в кострах с получением штейна и шлака; 2. Обжиг штейна в кучах для удаления серы, с получением черновой меди; 3. Очистка черновой меди в горнах. А. А. Иессен совершенно справедливо заметил тогда же, что «такая схема технологического процесса вряд ли могла иметь место» [11]. По воспоминаниям горнового А. Г. Ананьева, работавшего в начале текущего столетия, ход плавки меди на медеплавильных заводах рудников «Улень» и «Юлия» протекал следующим образом: 1. Плавка руды в ватержакетных печах с получением штейна; 2. Обжиг штейна в кучах; 3. Плавка обожженного штейна в шахтных печах с получением черновой меди; 4. Очистка черновой меди в простейших печах типа русской печи [12]. Очевидно, что схема Савенкова заимствована из существовавшего в его время способа плавки меди.

Указанные авторы при построении технологической схемы плавки меди исходили также из того, что в плавку якобы шли первичные руды. Здесь уместно еще раз заметить, что сырьем для плавки меди как на р. Улень, так и в «Юлии» служили окисленные руды (малахит, азурит) [13], которые не нуждались в предварительном обжиге. А. А. Иессен, возражая Д. Н. Леву, писал, что «из этих руд (окисленных руд.— *Я. С.)* медь выплавляется значительно легче: обжига их не требуется и сама плавка, вероятно, производилась однажды» [14]. Рассмотрим результаты полевых исследований.

Нашей археологической экспедицией 1966 г. в районе рудника «Юлия» Боградского района Хакасской автономной области обнаружен древний медный рудник из 24 больших выработок (глубина одной из них достигает 7,5 *м*), который находится в «чудском» логу, расположенном в 3 *км* севернее поселка Юлия. Здесь, как и на р. Улень, добывались только поверхностные окисленные руды с содержанием меди в среднем 2,8% [15]. Благоприятствующее значение для древней металлургии имело и качество местной руды, которая не требует при плавке флюсов [16]. В районе рудника зафиксировано двенадцать древних медных шлаковых отвалов. Некоторые из них сложены, как и в Глафиринском месторождении, дугообразными возвышениями.

Частично исследован медный шлаковый отвал № 5, расположенный в 3 *км* к востоку от рудника «Юлия». Отвал состоит из двух слившихся шлаковых насыпей (рис. 2).

[9] В рисунке Савенкова масштабы не указаны.

[10] Д. Н. Лев. Ук. соч., стр. 5; С. В. Киселёв. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 163, 164.

[11] А. А. Иессен, Д. Н. Лев. К истории горного дела. СА, 1936, 1, стр. 305.

[12] А. Г. Ананьев. Воспоминания бывшего горнового ватержакетной печи Юлинского медеплавильного завода. Хранятся в фондах Абаканского музея краеведения, инвентарного номера нет.

[13] Л. И. Шаманский. Ук. соч., стр. 19, 20.

[14] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 305.

[15] Б. А. Давидович. Обогащение минусинских руд. «Цветные металлы», 1934, 4, стр. 467.

[16] В. Н. Томилин. Рудник «Юлия» акционерного общества «Сибирская медь». Записки Горного института, V, 1, 1914, СПб., стр. 53.

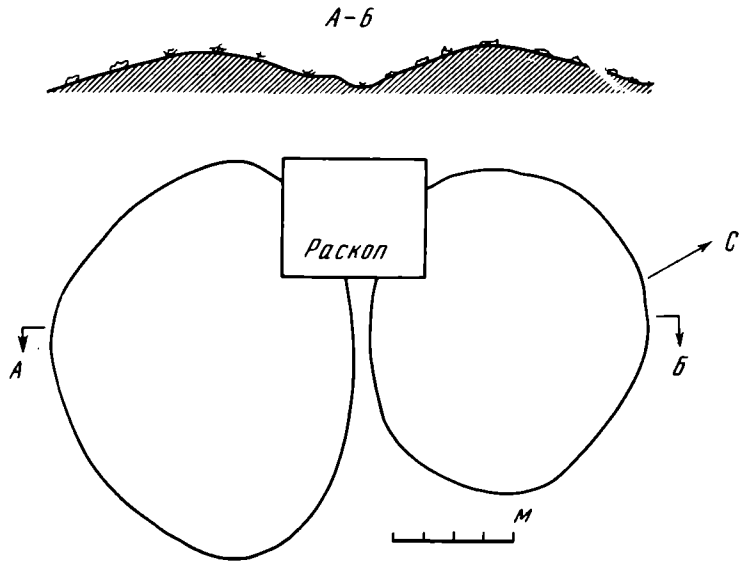


Рис. 2. Древний медный шлаковый отвал № 5. Планы отвалов, раскопа и профили

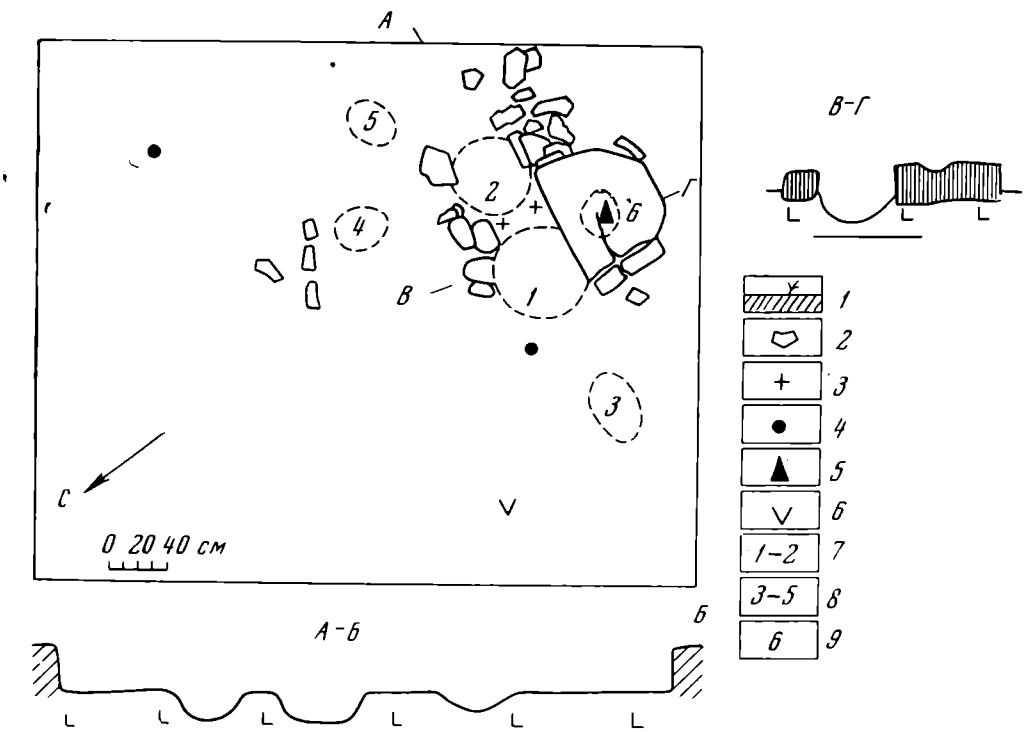


Рис. 3. Медеплавильня

1 — дерн; *2* — плиты каменные; *3* — обломки глиняного сосуда; *4* — обломки глиняного воздуходувного сопла; *5* — слиток меди; *6* — кость домашнего животного; *7* — очаги медеплавилен; *8* — ямки для слива шлака; *9* — чашевидная выемка для слива меди

Разведочный раскоп был заложен на стыке шлаковых насыпей на площади 20 *м*^{2}. Выбор места раскопа оказался весьма удачным. Уже по снятию дернового слоя стали появляться среди множества шлаков и незначительного количества древесного угля отдельные обгорелые камни. На глубине 0,3—0,4 *м* от современной почвы были обнаружены каменные плиты, лежавшие в нетронутом состоянии, которые образуют два очага с ямами для костра. Очаговые камни ориентированы с запада на восток. Судя по расположению шлаковых отвалов, можно предполагать, что правильщик, находясь лицом на восток, откидывал куски шлаков на правую и левую стороны.

С правой стороны медеплавильного очага лежала розоватая гранитовая (сиенит) плита (ее размеры: длина 0,9 *м*, ширина 0,8 *м*, толщина

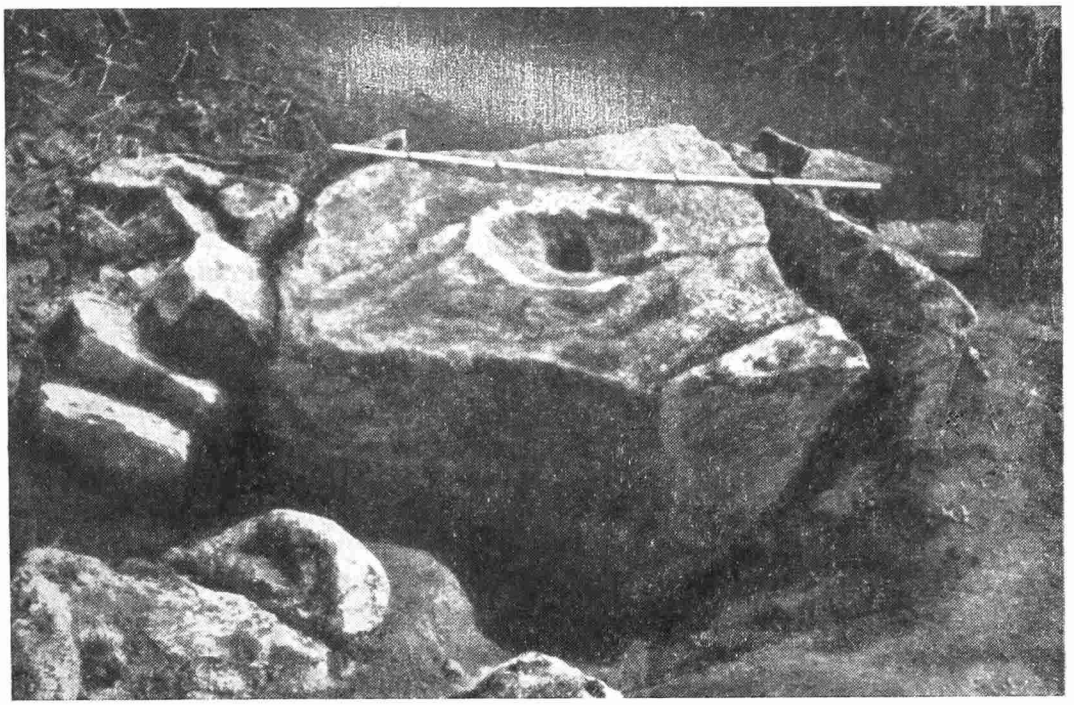


Рис. 4. Плита каменная с чашевидной выемкой (деталь)

0,35 *м*), на поверхности которой выдолблена чашевидная выемка длиной 0,35 *м*, шириной 0.27 *м* при глубине 0,08 *м* (рис. 3, *6*; 4). Выемка имеет трещину на 2/3 длины, в которой оказались два небольших медных слитка. Последние дают основание считать, что чашевидное углубление было сделано нарочно для слива расплавленной меди из тигеля. С западной, восточной и северной сторон медеплавильных очагов, на древней поверхности обнаружены три ямки (размеры ямы № 3: длина 0,35 *м*, ширина 0,70—0,30 *м*, глубина 0,12 *м*), которые, вероятно, служили для слива шлака из тигля (рис. 3, *3, 4, 5*). Интересно отметить, что шлаковые куски (рис. 5) имеют форму, соответствующую размерам и форме указанных ямок. По поводу шлаковых отвалов следует заметить, что отвалы Улени и «Юлии» сложены не из разбитых на куски шлаков, как, например, в Он-Кажаа или в Хову-Аксы (Тувинская АССР), а из отдельных целых кусков [17].

На уровне медеплавильного сооружения найдены мелкие обломки окисливших медных руд, необожженные обломки толстостенного глиняного сосуда, кость животного (возможно, коровы) и обломки глиняных воздуходувных сопел. Концы сопел покрыты черным стекловидным шлаком. Такова картина сохранившихся фрагментов древнейшей медеплавильни. Из приведенных данных технологический процесс плавки меди представляется следующим образом: 1. Для плавки меди шли только окисленные руды, не требующие предварительной обработки; 2. Глиняный тигель, заполненный измельченной рудой, устанавливался над ямой между очаговыми камнями;

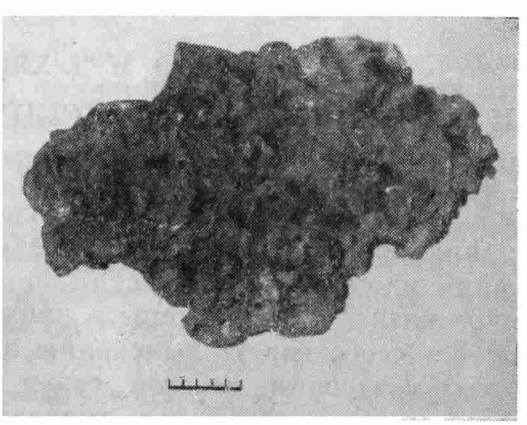


Рис. 5. Образец медного шлака (отвал № 5)

[17] Я. И. Сунчугашев. Памятники древней металлургии меди в Хову-Аксы. КСИА АН СССР, 107, 1966. стр. 54, 55.

3. Топливом служил древесный уголь; 4. Отделение шлака от меди осуществлялось путем слива шлака в специальные ямки и меди в чашевидное углубление на плите [18]. Судя по сообщению проф. В. А. Пазухина, такая же техника плавки меди бытовала в древности и на Урале [19]. Говоря о шлаковых отвалах, следует заметить, что такие насыпи шлаков могли образоваться лишь в условиях весьма продолжительной работы плавильщиков, занимавшихся специально плавильным делом. Складывание больших шлаковых куч, вероятно, было вызвано «культурой» медеплавильного производства. Если древний плавильщик беспорядочно разбрасывал бы шлаки после каждой плавки, то ему пришлось бы очень часто менять место плавки, что было не всегда выгодно.

К сожалению, на исследованной площади не найдено материала для определения даты памятника. Предположительно медеплавильня может быть датирована подъемными материалами, найденными в огородах сотрудников рудника «Юлия» в Медведковском логу, расположенном в 1 *км* к западу от медеплавильни. Здесь вместе с медными шлаками и обломками азурита и малахита нами обнаружены обломки горшков баночного типа, которые датируются тагарским временем. Принадлежность древних медных отвалов рудника «Юлия» к тагарской эпохе подтверждается также наличием многочисленных курганов того времени в 1 *км* к югу от поселка «Юлия» и на левом берегу р. Малая Ерба, протекающей в 3 *км* южнее того же поселка. Древние горные выработки по добыче меди и шлаковые отвалы, если они относятся к тагарскому времени, подтверждают утверждение С. В. Киселева о том, что «уже в раннетагарское время металлургия начинает складываться в специальную отрасль производства, возникают основы второго великого общественного разделения труда» [20].

Памятники района рудника «Юлия», исследование которых только начинается, свидетельствуют о том, что юлинское медное месторождение являлось крупной сырьевой базой древней металлургии меди, обеспечивающей степные районы Хакасско-Минусинской котловины. Для всестороннего изучения памятников металлургического производства района рудника «Юлия» необходимо продолжить начатые исследования.

[18] Медный слиток чашевидной формы («козел»), похожий по форме и размерам на указанное углубление на плите, хранится в Минусинском музее им. Н. М. Мартьянова. О химическом составе медных слитков музея см. И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов. «Новые методы в археологич. исследованиях». М.— Л., 1963, стр. 156.

[19] В. А. Пазухин. «Медные чаши» Карагузского клада и их место в древней металлургии Лесного Зауралья. Тезисы докл. прочитан. 22 февраля 1964 г. на заседании сектора неолита и бронзы Ин-та археологии АН СССР.

[20] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 259.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

К ИЗУЧЕНИЮ МИНУСИНСКИХ КУЛЬТОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ

Своеобразие культуры Южной Сибири конца II тысячелетия до н. э. наиболее полно проявляется в разнообразных сериях бронзовых изделий: орудиях труда, украшениях, предметах культа, принадлежавших пастушеским племенам карасукской эпохи. Предметы, имевшие культово-магическое назначение, изучены в наименьшей степени, хотя их исследование может способствовать выяснению любопытных сторон истории ранних тотемных воззрений. В этой связи чрезвычайный интерес представляют бронзовые предметы в виде трехчастной дуги, известные в числе около 30 экземпляров из находок в Хакасско-Минусинской котловине [1]. Оригиналь-

[1] Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова, инв. № 9370, 9371, 9374—9376, 12060, 43246, Хакасский краеведческий музей, инв. № 305, 9373; ГИМ, предмет без инв. №; Гос. Эрмитаж, инв. № 1123—45, 1293—26, 27, 149, 3975—350, 5531—1409, 1410, 1411.

ная форма этих изделий, состоящих из центральной массивной пластины, соединяющей дугообразные прутья с фигурным окончанием, способствовала разноречивым предположениям относительно их назначения (рис. 1, *1—9*). Первоначально их культурная принадлежность оставалась под сомнением. А. Тальгрен, первый подробно остановившийся на местах нахождения, конструкции и возможном способе употребления этих изделий (при-

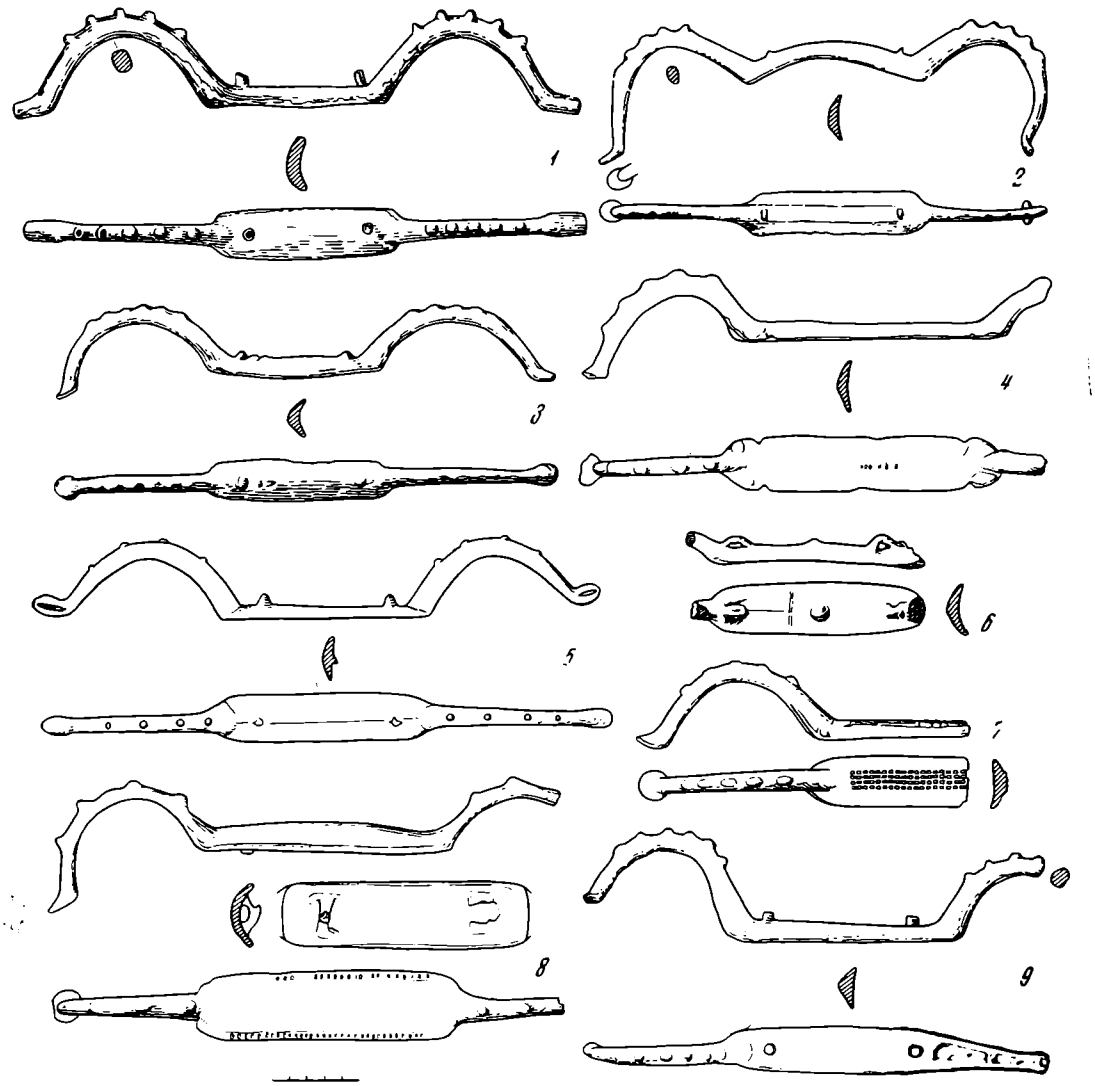


Рис. 1. Модели рогов из случайных находок в Хакасско-Минусинской котловине (*1—9*). Собрание Гос. Эрмитажа

надлежность шлема, сбруи, колчана?), а также заявивший об их вероятном восточноазиатском происхождении, уклонился, однако, от категорической их оценки. С. А. Теплоухов воздержался от включения их в свою сводную таблицу карасукского инвентаря, а из-за нахождения подобных предметов в тагарских погребениях все они причислялись в некоторых музейных коллекциях к тагарской культуре [2] С. В. Киселев впервые уверенно отнес эти «предметы неизвестного назначения» к карасукской культуре на основе сопоставления с аналогичными изделиями эпохи Чжоу. Обосновывая свое предположение о наличии у племен карасукской культуры колесных средств передвижения, С. В. Киселев применил к ним

1412; Иркутский областной краеведческий музей, инв. № 1157—3; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XII, 67; F. Martin. L'age du bronze au musée de Minoussinsk. Stockholm, 1893, табл. 24, *8—11*; A. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, табл. VI, *1;* B. Karlgren. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty. BMFEA, XVII, 1945, табл. 39, рис. *245—247*.

[2] A. Tallgren. Ук. соч., стр. 52, сл.; С. Н. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, 2, Л., 1929.

наименование «модели ярма», введя в советскую археологию термин, употребленный на Международной выставке в Лондоне в 1935—1936 гг.[3].

Принадлежа к одному типу изделий, восточноазиатские модели резко отличаются от южносибирских своим оформлением: центральная планка сильно изогнута, покрыта специфическим, часто вычурным орнаментом, инкрустацией или даже объемными фигурками животных, боковые части также круто загнуты, рельефные шишки, столь типичные для карасукских экземпляров, на них отсутствуют, окончания делаются в виде головок лошадей, фантастических животных или бубенцов. Несколько раз модели из восточных областей встречены в погребальных комплексах, причем относящихся исключительно к иньскому времени. Так, в погребении Ташкунцзун близ Аньяна два подобных предмета найдены в кузове колесницы. Еще несколько моделей происходят из Сяотуна, также вблизи древней иньской столицы, и находятся в непосредственной близости с ножами. Совместное нахождение ножей и моделей зафиксировано еще в ряде случаев[4]. Имеется значительное количество случайных находок, причем вполне вероятно, что какая-то их часть происходит из Внутренней Монголии, Забайкалья и прочих близких территорий, заселенных раннескотоводческими племенами, близкими карасукским.

Если Г. Чайлд, Б. Карлгрен, М. Лер воздерживаются от подробной интерпретации моделей, а К. Йеттмар придерживается упоминавшегося толкования С. В. Киселева, то в восточноазиатской археологии их принято рассматривать как накладки на лук. Однако У. Уайтом были высказаны справедливые, по-видимому, сомнения относительно подобной интерпретации[5]. Он отмечает, что подробное рассмотрение положения моделей относительно обломков луков в сяотунских гробницах показывает на отсутствие непосредственной связи между ними: «загадочные предметы» находят либо изолированно, либо в тесной связи с ножами. Использованию моделей в качестве накладок на лук препятствуют хрупкость и миниатюрность многих из них, а также рельефные украшения центральной планки, мешавшие бы руке стрелка. Недавняя находка в Ташкунцзуне возродила высказанное еще в 1917 г. предположение о связи моделей с погребениями колесничих. По последнему мнению С. В. Киселева, эти изделия крепились в колеснице как держатели различного оружия и в итоге стали атрибутом колесничего, отмечающим его высокое положение[6]. Нахождение этих предметов в колеснице не подтверждает, однако, их конструктивной связи с ней. Столь же реально было бы считать их частями луков, положенных в колесницу. Такое предположение прекрасно ассоциировалось бы с переднеазиатскими изображениями царей и фараонов, с колесниц поражающих стрелами врагов.

В Южной Сибири модели были найдены в содержащих обширный инвентарь погребениях карасукского времени, раскопанных А. Н. Липским. Одно такое изделие происходит из погребения могильника у Бейской шахты, в бассейне р. Абакан. Модель находилась у верхних тазовых костей мужчины, погребенного головой на юго-запад, вытянуто на спине, в яме, обложенной булыжником и перекрытой плитами, в сопровождении двух сосудов, стоявших слева от черепа, и бронзового коленчатого ножа у пояса. В могиле много мелких бронзовых поделок. Центральная планка модели орнаментирована рядами рельефных шашек, дуги завершаются «копытцем». Находившийся с моделью нож принадлежит к группе коленчатых ножей с шипом; керамика погребения яйцевидных форм, а также сферическая с геометрическим узором. Вторая модель найдена в погребении могильника у Енисейского моста, на шоссе Абакан-Минусинск. Модель

---

[3] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 161.

[4] С. В. Киселев. К изучению минусинских каменных изваяний. Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского, М., 1962, стр. 59—61.

[5] W. White. Bronze Culture of Ancient China. Toronto, 1956.

[6] С. В. Киселев. К изучению минусинских каменных изваяний..., стр. 60, рис. 4.

была положена в нижней части груди мужчины, погребенного головой на юго-запад, вытянуто на спине, в яме, обложенной и перекрытой булыжником и деревом, с камнем-«подушкой» у изголовья, в сопровождении двух сосудов, поставленных слева от черепа, и бронзового ножа на поясе. Модель не орнаментирована. Нож принадлежит к группе карасукских ножей с кольцевым навершием. Резкая изогнутость формы, а также дополнительное, практически неоправданное колечко под кольцевым навершием сближают его с коленчатым типом ножей. Керамика — сферический горшок классического карасукского облика и крупный яйцевидный сосуд с изображением ряда козлов у венчика. Рассмотренные погребения сходны по своей культурной принадлежности: могилы, оформленные булыжником и деревом, юго-западная ориентировка погребенных на спине людей, яйцевидно-эллипсоидная керамика, коленчатый нож — все это характерные признаки группы памятников южносибирской развитой бронзы, представляющих сугубо местную, так называемую бейскую, линию развития культуры карасукского времени Хакасско-Минусинской котловины. Поскольку одним из вероятных и наиболее отчетливо прослеживаемых истоков бейских памятников является окуневская культура, мы вправе предполагать возможность нахождения в окуневских памятниках того, что явилось предшественником моделей, достаточно сложная форма которых наводит на мысль об имитации в бронзе первоначального простейшего предмета.

Действительно, способ изготовления и качество обработки минусинских моделей свидетельствуют о высоком уровне художественного литья. Швы, сохранившиеся на некоторых экземплярах, позволяют с полной определенностью проследить места соединения створок литейных форм. Подавляющее большинство моделей отлито в двухсоставных формах, каждая из половинок которых содержала верхнюю или нижнюю часть изделия. Создается впечатление, что боковые дуги и шипы на центральной планке иногда отливались предварительно. Гораздо меньшее число экземпляров было отлито в форме, обе части которой включали продольные половины модели. В этом случае шов особенно ясно прослеживается на оборотной стороне центральной планки. Поверхность отлитых моделей тщательно обрабатывалась, причем особенно хорошо заглаживались швы боковых дуг. Небрежно отлитые образцы с плохо отделанной поверхностью представляют редкость, такая отделка обычно связана с наличием многочисленных газовых каверн. Тип моделей, однако, не удается пока поставить в зависимость от их отливки в поперечной или продольной форме. Центральные планки имеют различную степень изогнутости, но плоские либо круто изогнутые планки редки. Если центральная планка орнаментирована, то это всегда линейный узор из рельефных шашечек, помещаемых обычно в две линии посередине и по одной по краям. Боковые дуги содержат, как правило, равное число выпуклин и оканчиваются на подавляющем числе образцов «копытцем». Несколько моделей имеют завершения боковин в виде полого или ложного бубенца, наименьшее число оканчивается просто утолщением (рис. 1, *1—9*).

О креплении моделей к одежде, либо к отдельным ее частям свидетельствуют приспособления на некоторых экземплярах. Так, на одном изделии на внутренней стороне центральной планки отлита пара петель (рис. 1, *8*). На некоторых планках, как и на планке бейского погребения, на краях сделаны противолежащие углубления для более прочного крепления перевязи (рис. 1, *4*). Еще на одном экземпляре шипы, так часто встречаемые на концах планок, имеют сквозные отверстия, тем самым выполняя роль петель, служивших для крепления (рис. 1, *6*). Парные шипы на центральных планках также, видимо, служили этим целям. Звериные фигурки на планках некоторых аньянских экземпляров можно рассматривать как вычурно выполненные варианты все тех же петель. Все эти предположения подкрепляются нахождением моделей в минусинских погребальных комплексах как карасукского, так и последующего времени у пояса погребен-

ных, рядом с ножом, вместе с которым они и могли прикрепляться к кушаку. Изогнутость центральной планки модели оказывается удобной при наложении ее на грудь или пояс, однако, возвращаясь к гипотезе об употреблении моделей в качестве накладок на лук, следует отметить, что такая изогнутость оказывалась бы помехой. Кроме того, при сгибании лука его ветви упирались бы в дуги моделей, что, при наличии в последних упругости, увеличивало бы силу лука, но должно было бы оставить следы в виде смятостей на концах дуг, которых не наблюдается.

С точки зрения семантической значимости и генезиса формы южносибирских моделей, представляет интерес их явственное сходство с рогами некоторых видов азиатских козлов, в частности с рогами сибирского козерога, а особенно с рогами джейрана и дзерена. Так, и у джейрана и у дзерена рога дугообразно загибаются назад, причем их кончики вытянуты вверх (дзерен) или даже вперед (джейран), что принципиально напоминает изгиб некоторых минусинских моделей. Ряды выпуклин на дугах бронзовых «рогов» находят сопоставление с поперечными, сильно развитыми на передней стороне кольцами, составляющими поверхность роговых чехлов. Дуги других моделей аналогичны по своему изгибу рогам сибирского козерога, у которого рога, саблеобразно или дугообразно загнутые назад, своими концами свисают иногда ниже основания, причем изгиб их, пологий у начала и более крутой к вершинам, сделан чаще всего в одной плоскости. Почти вся поверхность рога несет ряд рельефных круговых борозд (колец), являющихся участками годичного прироста. Они также ассоциируются с выпуклинами на дугах моделей. Наконец, даже пропорции дуг на моделях совпадают с пропорциями рогов перечисленных выше животных. Близкое сходство моделей и рогов некоторых видов азиатских козлов делает недостаточно обоснованным предположение о тождестве моделей с рогами северного оленя[7]. Не говоря уже о совершенном несходстве моделей и рогов оленя, следует подчеркнуть, что изображения оленя не характерны для искусства южносибирского бронзового века, для которого типичны именно изображения козлов и в меньшей степени баранов и лосей, известные в бронзе и наскальных изображениях. Вряд ли случайным выглядит в этой связи совместное нахождение в погребении у Енисейского моста модели и сосуда с орнаментом из цепочки стоящих козлов. Наконец, интересно и то, что ареал распространения джейрана, дзерена, сибирского козерога совпадает с областями распространения культур развитой бронзы Тувы, Внутренней Монголии — Ордоса, Забайкалья и самой Хакасско-Минусинской котловины, близкими по типу бронзового инвентаря[8].

Если модели действительно являются имитациями рогов перечисленных выше животных, то какие функции могли они выполнять в таком случае? Многочисленные этнографические примеры показывают, что шаманы, современные и древние, носят на своей ритуальной одежде изображения или символы, олицетворяющие наиболее почитаемых данным племенем зверей или птиц. Это или целые фигурки, или изображения отдельных частей их тела и являются они, как правило, символами матери-зверя и духов-покровителей[9]. Среди них имеются и изображения духов животных, на которых шаман при камлании совершает «поездки в иные миры». В связи с этим обратим особое внимание на характерные окончания дуг моделей: копыто, голову лошади, бубенец. Например, лошадиная голова появляется на них именно в эпоху ранних кочевников, в скифо-тагарское время, когда конь становится главнейшим средством передвижения. Да-

---

[7] А. Н. Липский. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов. МИАЭИКК, Красноярск, 1963, стр. 81.

[8] И. И. Соколов. Копытные звери. М.— Л., 1959, стр. 308—342.

[9] А. Ф. Анисимов. Религия эвенков. М.— Л.. 1958, стр. 166—179; Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

лее, сопоставление может быть проведено между моделями и медными рогами на головных уборах, характерных для центральной и западной ветвей тувинского шаманства [10]. Учитывая присутствие рельефных рогатых голов на раннебронзовых минусинских антропоморфных стелах, а также то, что тувинские шаманистские представления сближаются с аналогичными представлениями самодийских народов, несущих в своем этносе и материальной культуре древнейшие южносибирские реминисценции, можно сделать особый акцент на приведенном сравнении [11].

Сопоставляя модели с символами зверей-покровителей, мы можем прийти к выводу об их аналогичном назначении и о тотемистическом почитании этих животных южносибирскими племенами в эпоху развитой бронзы, а также в позднебронзовое, тагарское время. Это подтверждается многочисленными изображениями козлов и дзеренов на ножах карасукской и тагарской эпох, на навершиях «штандартов», некоторых видах оружия, наконец, на наскальных изображениях. Нас не должна смущать в приводимых сопоставлениях большая доля абстракции, характеризующая вид моделей рогов, поскольку само мышление эпохи бронзы отходит в религиозной сфере от реалистических представлений, зачастую на первое место выступает символ, а некоторые добавочные детали сакральных предметов, казалось бы, увеличивающие несходство, призваны усугублять мистическую силу предмета.

Эволюция моделей проходила по линии упрощения и схематизации, но в то же время особое внимание уделялось разработке окончаний дуг. Упрощалась форма, терялась первоначальная идейная значимость, из принадлежности избранных модель превращалась в бытовой амулет. В архаических тагарских погребениях модели отличаются от карасукских лишь скупостью узора. Так, в погребении Райкова улуса встречена небольшая модель с сильной изогнутостью дуг и пиковидным выступом в середине центральной планки [12]. Еще более примитивна модель, найденная в могильнике Минусинск I [13]. Дальнейшее развитие таких экземпляров можно увидеть в пластинчатых образцах тагарской эпохи, еще более схематичных, чем, например, модель из кургана № 33 могильника на Тагарском озере [14]. На этих экземплярах исчезают какие бы то ни было рельефные детали. В тагарское время распространяются бронзовые поделки в виде коленчатого стержня, иногда с отверстием посередине, имеющие пару конских головок на концах. Мы видим, таким образом, что, несмотря на отход от массивной формы моделей, крепившихся на груди или поясе, и переход к облегченным коромыслообразным либо коленчатым образцам, лишенным всякой орнаментики, прочно входит в быт украшение их по концам конскими головками, что отражает характер среды их бытования (рис. 2). В таштыкскую эпоху наблюдается дальнейшая эволюция моделей: они принимают вид коромыслообразных пластин с одним или несколькими отверстиями по центру и силуэтными головками лошадей с обеих сторон. Находим в это время и наиболее лаконичный вариант — пару повернутых в противоположные стороны конских головок [15] (рис. 2, *5*). В центральных отверстиях некоторых изделий сохранились шерстяные шнурки для подвешивания, причем удалось проследить, что висели они «вниз головой» [16]. Если рассматривать эти таштыкские амулеты именно в таком положении, то особенно ясно выступает их преемственная связь с древними прототипами — моделями карасукской эпохи.

---

[10] С. И. Вайнштейн. Тувинское шаманство. Доклады МКАЭН, М., 1964.

[11] А. А. Попов. Нганасаны. Тр. ИЭ, нов. сер. III, М.— Л., 1948, стр. 11, 122

[12] Л. Н. Липский. Археологические раскопки в Хакассии. КСИИМК, 64, 1956, рис. 53, *8*.

[13] Упомянута в докладе Р. Я. Николаева на Пленуме ИА в 1962 г.

[14] С. А. Теплоухов. Опыт классификации... табл. 1, *64*; G. Merhart. Die Betrage sur Jenissei Gubernie. SMYA, 35, 2, 1924, рис. 9.

[15] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, М., 1960, рис. 32, *11*.

[16] Там же, стр. 91, рис. 32, *2—7*, *9*, *10*, *12*

Идею возникновения амулетов-рогов следует, по-видимому, искать в древнейших культово-мистических представлениях минусинских племен, но отнюдь не в культуре областей юго-востока. Изображения частей тела животных — головы, рогов, копыт,— вероятно, было связано с тотемными представлениями, культом предков-прародителей, что нашло широкое распространение как в бронзах карасукской эпохи, так и в изделиях тагарского звериного стиля. Вспомним, что именно к одной из культур энеолитического или раннебронзового облика рубежа — начала II тысяче-

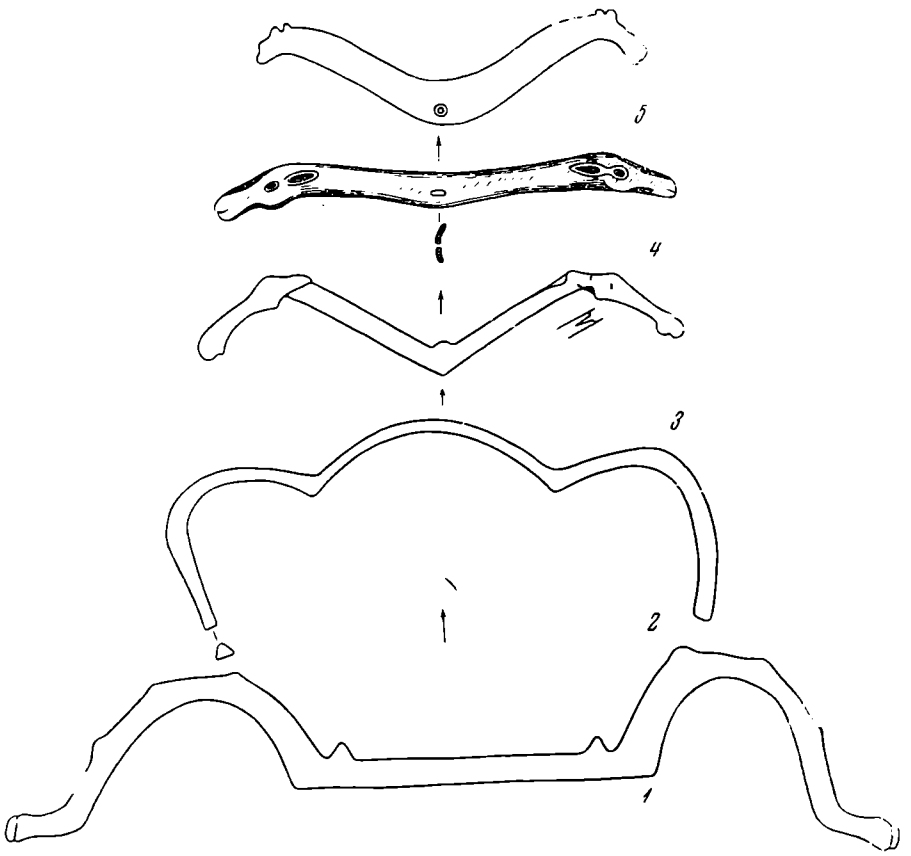


Рис. 2. Эволюция формы моделей рогов (*1—5*)

1 — модель карасукского времени, *2—4* — модель и амулеты тагарского времени; *5* — амулет таштыкского времени

летия до н. э. относятся стелы культового назначения с антропоморфными личинами, имеющими одну или две пары рогов, в одних случаях бычьих, в других козлиных [17]. Рога, имевшие на этих рисунках определенный ритуальный смысл (поскольку сами изображения антропоморфны и не являются изображениями животных), могли послужить идейным прототипом появления в эпоху бронзы бронзовых моделей рогов, являвшихся, возможно, атрибутами раннего сибирского шаманства. Это тем более вероятно, что все очевиднее выступают уже упоминавшиеся выше древние генетические связи бейских памятников карасукского времени с культурой ранней бронзы Среднего Енисея, а именно в погребениях бейского типа находим бронзовые имитации рогов. Выделение из среды украшений карасукской эпохи предметов, имевших магическое значение (моделей рогов, а также лапчатых антропоморфных подвесок и подвесок в виде раковин каури), показывает существование в эпоху развитой бронзы Южной Сибири своеобразных верований. Раковины каури и лапчатые подвески, носившиеся женщинами, иллюстрируют широкое бытование культа плодородия

[17] М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, IV, 2, рис. 4, 10, 11, 24, 26, 30, 35, 41.

в среде племен ранней стадии развития патриархальных отношений. Модели рогов отражают, по-видимому, какую-то часть воззрений этого времени, связанных непосредственно с почитанием тотема. Появление в среде пастушеских племен Минусинского края почитания диких животных было наследием более ранней эпохи, когда охота еще составляла основу хозяйства. Южносибирские бронзовые модели рогов могут, таким образом, быть причислены к одним из наиболее ранних предметов древних сибирских скотоводческих культов. Однако требуется дополнительное изучение и пополнение комплексного материала, чтобы утверждать, в какой мере их можно считать атрибутами древнего шаманства, значительно усложнившего древние тотемные представления.

В. С. СТОКОЛОС

О СТРАТИГРАФИИ ПОСЕЛЕНИЯ КИПЕЛЬ

Наблюдения, произведенные К. В. Сальниковым во время раскопок поселения Кипель, легли в основу его периодизации зауральских памятников эпохи бронзы, относимых им же к андроновской культуре. На материалах Кипели был сделан вывод о последовательности двух первых хронологических этапов — федоровского (раннего) и алакульского, следующего за первым. Самый поздний этап выделен по материалам Замараевского поселения [1].

По аналогии с андроновскими памятниками Минусинской котловины ранний (федоровский) этап датировался серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э., второй (алакульский) этап по аналогии с карасуком — XI—IX вв. до н. э. и третий (замараевский) этап по аналогии с раннескифскими, ананьинскими и хорезмийскими (амирабадскими) комплексами — VIII—VII вв. до н. э. [2]. Периодизацией К. В. Сальникова, первоначально разработанной для зауральской территории, стали постепенно руководствоваться в исследованиях памятников эпохи бронзы на громадной территории от Урала до Енисея включительно.

В последние годы взгляд на универсальность периодизации К. В. Сальникова встречает растущее число возражений. Мысль о тяготении определенного типа памятников к ограниченной территории впервые была высказана С. С. Черниковым. Алакульские памятники, например, известны на западе и в Центральном Казахстане, но их нет в Восточном Казахстане, где историческое развитие шло своим путем. Наблюдение С. С. Черникова в равной мере касается этапов андроновской культуры, что приводит его к выводу о хронологических, территориальных и этнографических различиях отдельных андроновских территорий [3].

Были пересмотрены и хронологические рамки отдельных этапов. В 1959 г. К. В. Сальников обосновал новую дату алакульских комплексов, подняв их нижнюю хронологическую границу вплоть до XIV в. до н. э. [4]. Алакульский могильник был датирован К. Ф. Смирновым в пределах

---

[1] К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. Первое Уральское археологическое совещание (Пермь), 1948, стр. 21—26; его же. Кипельское селище. СА, XXVII, 1957, стр. 193—208.

[2] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, 1951, стр. 119, 120.

[3] С. С. Черников. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 30.

[4] К. В. Сальников. О датировке культур эпохи бронзы в Юго-Западной Башкирии. Свердловск, 1959; его же. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, стр. 32.

XIV—XII вв. до н. э.[5]. В пределах XV—XIII вв. до н. э. датирует алакульский этап Э. А. Федорова-Давыдова[6]. В 1961 г. новая дата алакульской керамики получена радиоуглеродным способом по материалам с поселения Бабарыкино II, раскопанного К. В. Сальниковым[7]. Она удревняет алакульский этап (3420±65) до XVI—XV вв. до н. э.[8]. В соответствии с этим подверглись удревнению федоровские комплексы[9], так как по схеме К. В. Сальникова они должны предшествовать алакулю. Новые датировки нарушили устойчивость периодизации К. В. Сальникова.

Реминисцентные явления на федоровской посуде зауральской лесостепи, указывающие на местную энеолитическую традицию, искать тщетно. Керамика ни одного из энеолитических комплексов, датирующихся началом II тысячелетия до н. э. (Кысы-Куль, Бабарыкино II, Чебаркуль), не несет на себе ни одного орнаментального признака, который доказывал бы хронологическую или культурную близость к федоровской традиции гончарства[10].

Различается и технология приготовления посуды: рецептура глины, обработка и цвет поверхности. Вся известная мне зауральская энеолитическая посуда содержит в глине тальк, глина федоровской посуды данную примесь содержит лишь в редких исключениях. Энеолитическое население ограничивалось простым сглаживанием поверхности сосудов, федоровцы же, как правило, тщательно лощили ее. Цвет поверхности, характер обжига также различаются. Таким образом, для ранней датировки федоровских памятников Зауралья оснований нет, но результаты наблюдений К. В. Сальникова на Кипели требуют такого удревнения. Создавшаяся коллизия, а также другие факты, о чем будет сказано ниже, заставили вновь обратиться к материалам с поселения Кипель.

К. В. Сальников считал, что древнейший слой на этом поселении отложился на площадке между двумя грунтовыми жилищами позднего, алакульского времени. Здесь, на междуземляночной площадке, он видел преобладание ранней керамики, которая аналогична посуде, найденной в раннем, по его мнению, жилище наземного типа. Поскольку и в этом случае стратиграфии не было, К. В. Сальников обратил внимание на находки с очагов, справедливо полагая, что они отражают объективную картину жизни поселения в последний его момент. Автор сообщает о находке на сложенном из кирпичиков очаге жилища сразу несколько раздавленных сосудов (всего четырех), по форме и орнаментации типично федоровских[11].

Повторное изучение материалов Кипели позволило установить, что на очаге из кирпичиков было не четыре, а шесть сосудов. Опись находок, а также закопченность и прокаленность (порой до растрескивания и деформации) стенок горшков не оставляет сомнения в их местонахождении, а также исключает возможный вариант более позднего попадания хотя бы некоторых из них в развал очага.

---

[5] К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1, стр. 63.

[6] Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 56—59.

[7] На этом памятнике в заполнении хозяйственных ям (погребов) открыт весьма важный комплекс вещей: алакульская керамика и части деревянной конструкции погребов (настил пола, колья). Дерево использовано для анализа.

[8] Абсолютная геохронология четвертичного периода. Комиссия по изучению четвертичного периода. М., 1963, стр. 147.

[9] К. В. Сальников. История Южного Урала в эпоху бронзы. Автореф. докт. дис., М., 1965, стр. 30.

[10] На поселении Бабарыкино II наряду с «бабарыкинской» найдена и федоровская керамика. Однако вопреки хронологической близости, по К. В. Сальникову, этих групп керамики, следов смешения или наследования каких-либо черт здесь не наблюдается.

[11] К. В. Сальников. Кипельское селище, стр. 208.

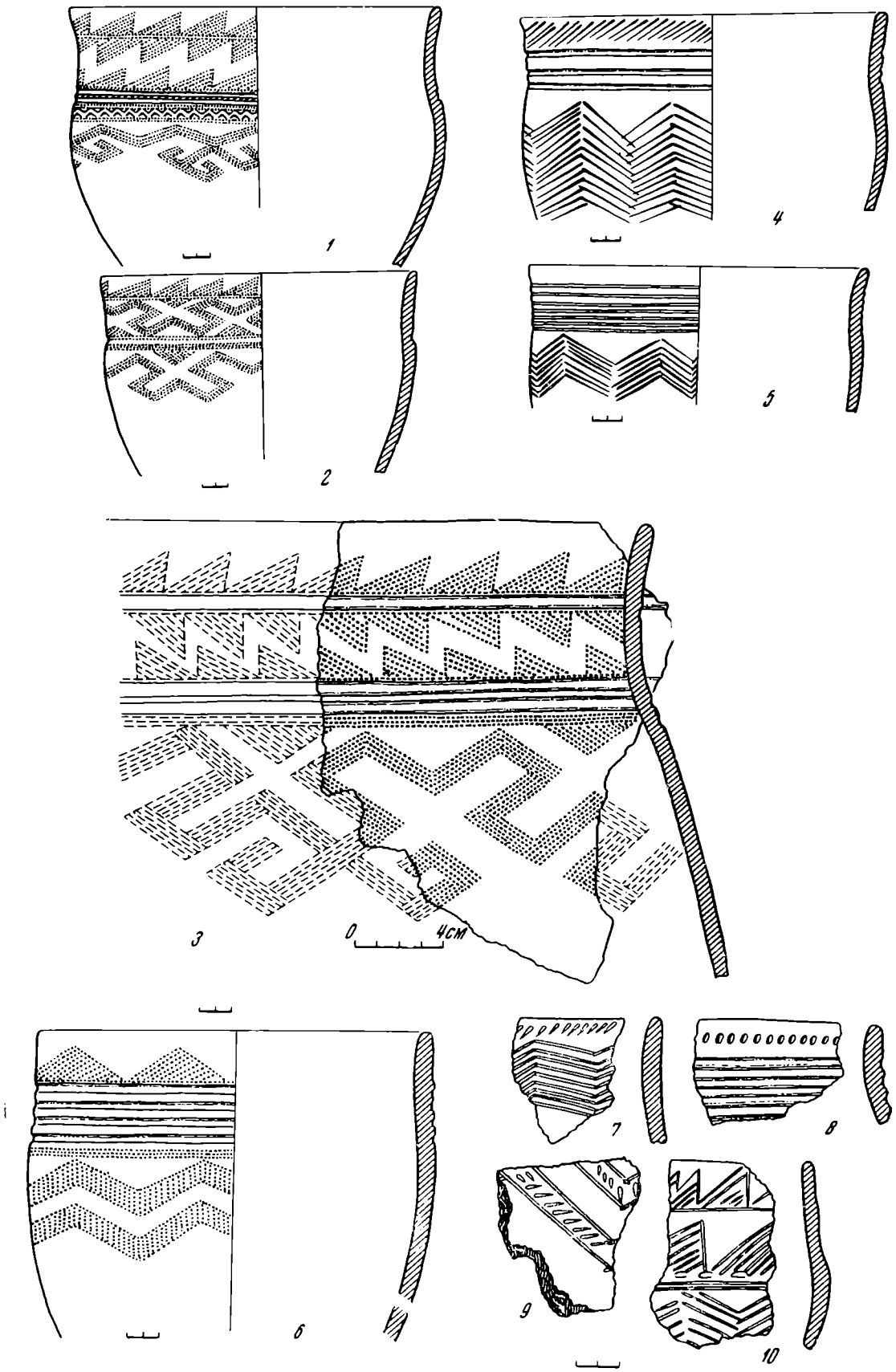


Рис. 1. Поселение Кипель. Керамика

1—6 — с очага из кирпичиков; *7—10* — со дна землянки № 2

Крупные обломки позволили произвести частичную реконструкцию всех очажных сосудов (рис. 1, *1—6*). Они плоскодонны и имеют горшечно-баночную форму. Три сосуда из прочной глины с примесью песка принадлежат к типично федоровским образцам. Орнаментация их сложна, изящна, выполнена мелкозубым штампом. Поверхность от желтого до бурого цвета, залощена. Обломки краев двух из этих сосудов помещены в работе В. К. Сальникова [12]. Реконструкцию всех трех федоровских сосудов,

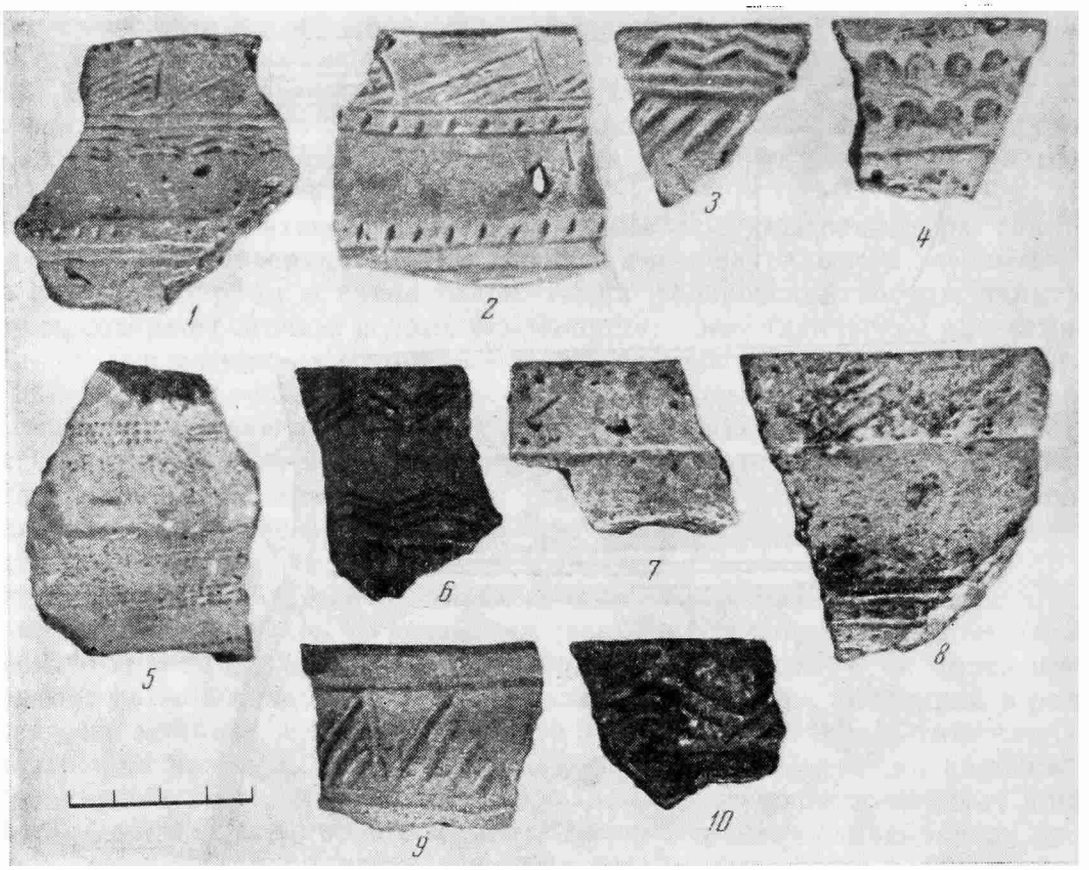


Рис. 2. Поселение Кипель. Керамика

1—5 — со дна землянки № 2; *6—10* — из культурного слоя

в том числе одного ранее неизвестного, мы приводим (рис. 1, *1—3*). Два сосуда с резным и желобчатым орнаментом (рис. 1, *4*, *5*) выделяются, по типологии К. В. Сальникова, в особую группу керамики алакульской стадии. Третий сосуд (рис. 1, *6*) с гребенчатыми заштрихованными треугольниками, ломаными полосами с поперечной штриховкой, желобками стоит особняком, но ближе примыкает к последней группе. Считая, по неизвестной нам причине, всю керамику с очага федоровской, К. В. Сальников писал: «Несомненна большая древность гребенчатой керамики в сравнении с другими видами» [13]. В действительности же посуда с очага не однородна и, согласно схеме К. В. Сальникова, принадлежит двум этапам.

Черепки с желобчатой, резной и гребенчатой орнаментацией лежали на дне «позднего» жилища № 2 (рис. 1, *7—10*; 2, *1—5*). Один из них (обломок стенки горшка) (рис. 1, *9*) по орнаменту в виде ломаных полос с поперечной штриховкой аналогичен сосуду с очага (рис. 1, *6*). Правда, на дне землянки был всего один фрагмент от типично федоровского горшка

[12] К. В. Сальников. Кипельское селище, стр. 208, рис. 3.
[13] Там же, стр. 200.

(рис. 2, *5*), но такое соотношение (исключая очаг) характерно для всего памятника в целом: федоровских черепков от общей численности прочих типов всего около 10%. Отсюда следует что резная и желобчатая керамика алакульского этапа, была известна и на «раннем» федоровском этапе, когда на Кипельском поселении, по мнению К. В. Сальникова, существовало жилище с очагом из кирпичиков.

Кипель — памятник со смешанным, разнородным материалом, отложившимся одновременно, следствием чего являются отдельные примеры смешения разнокультурных признаков: алакульские зигзаги или треугольники иногда сопровождаются желобками или рядами косых насечек (рис. 1, *4—6*), весьма характерными для черкаскульской посуды и неизвестными на чистой алакульской керамике. Федоровская орнаментация отличается устойчивостью. Но что касается некоторых технологических приемов (песок в глине, лощение), которые обычно связываются с федоровской посудой, то они нередко свойственны для фрагментов с резной и желобчатой орнаментацией. Традиционная примесь в глине алакульских сосудов — тальк свойственна на Кипели всем типам керамики [14].

Если сосуществование различных типов кипельской керамики представляется нам очевидным, то датировка самого памятника возможна лишь при рассмотрении некоторых поселений из Зауралья и смежных районов. На этой территории исследован ряд памятников, в культурном слое которых, как правило, в незначительном количестве совместно с другими типами залегает и федоровская керамика. Обязательной принадлежностью этих памятников является валиковая и воротничковая посуда. Таково поселение у Спасского моста [15], Нижне-Спасское [16] и Алексеевское, которое О. А. Кривцова-Гракова считает однослойным [17]. В эту группу входят поселения Замараевское, Ново-Буринское, Черкаскуль II и Новая III. Все они в основном одновременны, однослойны и содержат в культурном слое фрагменты федоровских горшков. Аналогичная картина фиксируется на некоторых поздних поселениях Центрального Казахстана — Атасуском, Бугулы II, Каркаралинском, Улутау, датированных I тысячелетием до н. э. [18]. В Восточном Казахстане андроновская (федоровская) керамика датируется концом II тысячелетия до н. э. [19]. Северо-восточнее, в Приобье, федоровская керамика фиксируется в еловских комплексах XII—X вв. до н. э., а в более ранних самусьских памятниках ее нет [20]. В Приуралье федоровская керамика известна также из однослойного позднего памятника (Луговская стоянка), датированного рубежом II и I тысячелетий до н. э. [21].

Таким образом, в Зауралье и прилегающих районах известна большая группа поздних поселений, в культурном слое которых в той или иной степени фиксируется федоровская керамика. Те же памятники, которые уве-

---

[14] К. В. Сальников. Кипельское селище, стр. 200.

[15] В. И. Фомина. Селище у Спасского моста. АЭБ, II, Уфа, 1964.

[16] К. В. Сальников. История Южного Урала в эпоху бронзы, стр. 30, 31; его же. Отчет о результатах раскопок Нижне-Спасского селища. Архив ИА АН СССР, № 2273, стр. 7, 14, 15.

[17] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, М., стр. 132, 144, 145, рис. 55, *1—5*. Она, правда, не выделяет федоровскую керамику, хотя и отмечает наличие богато орнаментированных сосудов, обычно мелкозубым штампом с лощеной поверхностью. В орнаментацию их входят «косые» треугольники, сложный меандр, пирамидки из треугольников и пр., т. е. то, что считается федоровским орнаментом.

[18] А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, табл. XXVI, XXVIII, XXIX, стр. 238, 256.

[19] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960. стр. 271.

[20] М. Ф. Косарев. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. СА, 1965, 2. стр. 244.

[21] А. В. Збруев. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, 80, стр. 33.

ренно датируются ранним временем (Алакульский могильник, хозяйственные ямы поселения Бабарыкино II и некоторые другие), федоровской посуды не содержат. Показательны в интересующем нас плане материалы раскопок Нижне-Спасского поселения. Из раскопанных здесь на противоположных концах поселка двух жилищ был получен материал, различающийся по времени и культурной принадлежности, поселение было обитаемо дважды. В одном из этих жилищ обнаружена керамика исключительно алакульского типа без валиков, в другом — алакульские, федоровские, замараевские (валиковые в том числе) фрагменты посуды, залегавшие совместно[22] в одном слое. Хронологический интервал между обоими жилищами здесь очевиден, как очевидно и то, что федоровская керамика появляется параллельно с поздней, замараевской.

Распространяя существующую дату валиковой керамики в южных степях[23] на Зауралье, мы придем к выводу, что появление федоровской керамики в Зауралье относится не ранее чем к последней четверти II тысячелетия до н. э. Примерно в это время возникает и поселение Кипель. Находки здесь нескольких фрагментов сосудов (рис. 2, *6—10*) с утолщениями (воротничками) в свете изложенного не выглядят случайностью, а указывают на поздний возраст этого памятника.

В Зауралье и прилегающих районах федоровская керамика обнаруживается на памятниках почти повсеместно в небольших количествах, что отражало, по всей вероятности, реальное соотношение сил, сложившееся здесь в эпоху поздней бронзы. Таким образом, ранними памятниками эпохи бронзы Зауралья должны по праву считаться алакульские поселения и могильники (в рамках установленных дат), а федоровские комплексы, в том числе Федоровский могильник, необходимо значительно омолодить и относить только их к кругу андроновских, а также не выделять последние в особый этап. Ранний этап эпохи бронзы в Зауралье правомерно назвать алакульским, а поздний (с начала появления валиковой и воротничковой посуды) — замараевским и синхронизировать их с первым и вторым этапами срубной культуры.

---

[22] К. В. Сальников. История Южного Урала в эпоху бронзы, стр. 30; его же. Отчет о результатах раскопок Нижне-Спасского селища, стр. 14, 15.

[23] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, стр. 7.

Л. В. КОПЕЙКИНА

ФРАГМЕНТ РОДОССКО-ИОНИЙСКОЙ ТАРЕЛКИ ИЗ РАСКОПОК 1966 г. НА ОСТРОВЕ БЕРЕЗАНЬ

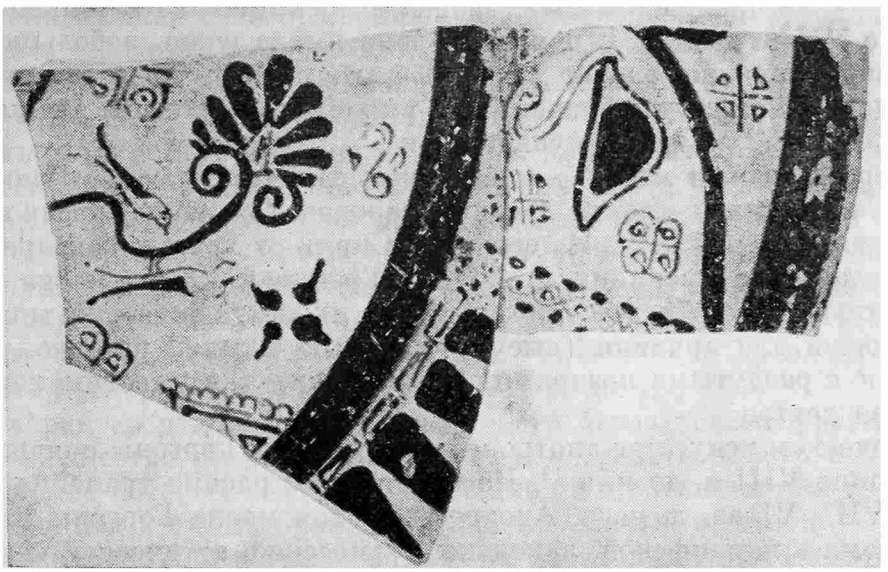
Раскопки античного поселения на острове Березань в 1966 г., как и в прошлые годы, дали большое количество фрагментов архаической керамики. Среди них привлекает внимание интересный фрагмент родосско-ионийской тарелки[1], в форме блюда на высокой ножке[2]. Черепок тарелки — плотный, желтоватый с большим количеством мелких блесток. Тонкий, но густой слой обмазки покрывает фрагмент внутри и снаружи. Роспись исполнена темным лаком с коричневым оттенком.

---

[1] К вопросу о наименовании и локализации этой группы керамики см. В. М. Скуднова. Родосская керамика с о. Березани. СА, 1960, 2, стр. 153; W. Schiering. Werkstätte orientalisierender Keramik auf Rhodos. Berlin, 1957, стр. 9; A. Rumpf. Zu den Klasomenischen Denkmäler. JDAI, 48, 1933, стр. 61.

[2] Фрагмент найден на участке Г в глинистом слое на глубине 1,12—1,75 *м*. Он склеен из двух обломков. Диаметр тарелки 0,27 *м*. В 1969 г. на том же участке, в колодце, найден второй фрагмент этой тарелки с изображением сидящего сфинкса.

Композиция росписи тарелки проста и вместе с тем необычна. На фрагменте видна часть фриза, идущего по краю тарелки и обрамленного сверху и снизу широкими полосами темного лака. Во фризе сохранилось изображение глаза миндалевидной формы с огромным черным зрачком, бровь над ним и часть широкого носа. Слева от глаза, сверху вниз, проходит тонкая полоска мелкой плетенки с темными точками в центре каждого звена и по бокам от нее. За ней располагается орнамент из лучей, острыми концами направленных к краю тарелки.



От изображения в центральной части ее сохранилась только пальметка на длинном, причудливо изогнутом стебле. На изгибе его с двух сторон, почти напротив друг друга, сидят две ласточки. От третьей, обращенной спинкой вниз, к центру тарелки, видны только ножки. Фигурки ласточек легки и изящны.

Заполнительный орнамент как во фризе, так и в центральной части, крупный, но редкий, он органично вписывается в общий декор. Контуры глаза, носа, фигурки ласточек, отдельные элементы заполнительного орнамента прописаны очень тщательно тонкими линиями разбавленного с золотистым оттенком лака. С обратной стороны тарелка расписана лучами, идущими от центра к краю.

Мы, к сожалению, не можем полностью восстановить композицию росписи всей тарелки, так как сохранившийся фрагмент составляет только незначительную часть ее. Например, трудно с точностью сказать, как выглядел декор в центральной части тарелки. Никаких достаточно близких аналогий такой росписи мы не находим в родосско-ионийской керамике. Все же общая схема росписи тарелки вполне ясна.

По краю ее шел так называемый метопо-триглифный фриз, где триглифы образованы орнаментом из лучей, а в метопах, быть может, чередуясь с каким-либо орнаментальным мотивом, было помещено изображение апотропеической маски, состоящей из глаз, бровей и носа. Центральную же часть, вероятно, украшал живописный орнамент.

В родосско-ионийской керамике известна небольшая группа сосудов с изображением такой же апотропеической маски — девять тарелок[3] и две небольшие ойнохои[4]. Многие относятся к классу Кампр[5]. Тарелки, как

[3] H. Besig. Gorgo und Gorgoneion in archaischer griechischen Kunts. Berlin, 1937, стр. 94.

[4] BSA. XXIX, 1927/28, табл. X, 7; JHS. 60, 1940, табл. 1g.

[5] W. Schiering. Ук. соч., стр. 104.

и березанская, украшены метопо-триглифным фризом. Подобная же маска встречается еще на ряде килик ов, производство которых также приписывается родосским мастерским [6].

Наряду с такой маской, на сосудах родосско-ионийской и других групп архаической керамики в качестве апотропеев часто изображаются один или два глаза. Мы видим их на венчиках и ротеллях родосских ойнохой, под ручками мелосских кратеров, на самосских сосудах [7] и т. д. Эта традиция очень древняя и, по мнению Фуртвенглера [8], идет из Египта. В греческой керамике глаза-апотропеи появляются уже в геометрический период [9]. Маска же с изображением глаз, бровей и носа появилась только во второй половине VII в. до н. э. и первоначально имела очень небольшое распространение. Очевидно, она не связана в своем развитии с глазами-апотропеями, хотя по смыслу и значению, а также стилистически эти два апотропеических знака во многом совпадают.

Апотропеическая маска, маска чудовища, отпугивающего злых духов и демонов, известна у многих древних народов. Особенное распространение она получила на Востоке. Из северной Сирии от хеттов, как предполагает Фуртвенглер, эта традиция пришла в Грецию [10]. Здесь маска чудовища отождествляется с образом Горгоны [11], но иконографический тип ее, столь характерный для архаики (высунутый язык, клыки, широко раскрытые глаза, нос с раздутыми ноздрями) [12], был также заимствован, вероятно, из искусства хеттов.

В греческом искусстве апотропеическая маска Горгоны появилась впервые в конце VIII в. до н. э. [13]. Но наибольшее распространение она получила в VII—VI вв. до н. э. Апотропеическая маска Горгоны встречается в это время в коринфской, лаконской, самосской, аттической керамике, на различных терракотовых архитектурных украшениях, в торевтике [14]. на монетах [15]. Стилистическое развитие ее идет по пути гротескного увеличения глаз, носа, бровей. Наряду с обычной маской со второй половины VII в. до н. э. существует как бы сокращенная ее разновидность, состоящая только из глаз, бровей и носа. Именно такая стилизованная маска и встречается в родосско-ионийской керамике [16]. Правда, и здесь появляются иногда добавочные детали, как бы напоминающие о ее прототипе. Например, на одном фрагменте тарелки из Al Mina мы видим кроме глаз, бровей и носа схематичное изображение двух торчащих снизу клыков [17]. Почти все известные нам родосские тарелки с изображением маски относятся уже к началу VI в. до н. э. Более ранним временем, вероятно, последней четвертью VII в. до н. э., датируются тарелка из Бостонского музея [18] и фрагменты тарелок, найденных на Самосе и в Милете [19].

---

[6] E. Pfhul. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1928, 1, стр. 148. E. R. Price. Pottery of Naucratis. JHS, XLIV, 1924, стр. 166; F. Lambrino. Les Vases Archaiques d'Histiria. Bucuresti, 1938, стр. 65. Много таких обломков килик ов найдено и на Березани.

[7] W. Schiering. Ук. соч., стр. 23; G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquite. Paris, IX, 1911, рис. 238, E. Pottier. Vases antiques du Louvre. Paris, 1897, табл. 13, A *321*.

[8] A. Furtwängler, K. Reichold. Griechische Vasenmalerei. München, 1909, I, стр. 218.

[9] J. Boehlau. Die Ionischen Augenschalen. AM, 25, 1900, стр. 77.

[10] RL, 1, 2, Leipzig, 1886, стр. 1706.

[11] H. Besig. Ук. соч., стр. 16; K. Regling. Die antike Münze als Kunstwerk. Berlin, 1924, стр. 57.

[12] AM, 33, 1908, табл. X.

[13] H. Besig. Ук. соч., стр. 16.

[14] Там же, стр. 90.

[15] K. Regling. Ук. соч., табл. 1, *6*.

[16] W. Schiering. Ук. соч., стр. 104.

[17] M. Robertson. The Excavation at Al Mina. JHS, 60, 1940, табл. 11g.

[18] K. Schiering. Ук. соч., стр. 30.

[19] W. Technau. Griechische Keramik im Samischen Heraion, AM, 54, 1929, стр. 21 A 66. 15, 1; Jstanbuler Mitteilungen, 9—10, 1959—60, табл. 82, *3*.

По типу маски (форма носа, глаз, бровей) наблюдается сходство с двумя фрагментами из Al Mina, относящимися примерно к 600 г. до н. э.[20]. Однако даже поверхностное сравнение показывает значительную разницу в манере исполнения их росписи. На фрагментах из Al Mina рисунок маски выполнен очень схематично, эскизно, выглядит значительно более упрощенно по сравнению с тонкой и тщательной прорисовкой форм носа и глаз на нашей тарелке. В то время как на фрагментах из Al Mina глаза нарисованы очень небрежно (форма смазана, зрачок сузился до точки), на березанском фрагменте изображение глаза с его огромным черным зрачком очень близко к изображению глаз-апотропеев на ротеллях ранних родосских ойнохой группы Камир, датируемых 40—30 годами VII в. до н. э.[21]. Все это заставляет предполагать, что березанский фрагмент значительно древнее тарелки из Al Mina.

Уточнить дату помогает художественный анализ изображения в центральной части тарелки и заполнительного орнамента. Пальметка, сохранившаяся от декора центральной части, к сожалению, не находит точных аналогий в известных нам примерах родосско-ионийской керамики. Однако этот орнаментальный мотив очень распространен в ориентализирующий период античной вазописи; близкие по типу пальметки мы встречаем на родосских сосудах класса Власта конца VII — начала VI в. до н. э.[22], на мелосских кратерах второй половины VII в. до н. э.[23].

Общий характер декора центральной части березанского фрагмента — тонкость и изящество рисунка пальметки, непосредственность и жизненность, ощущение которых создают присевшие на стебель ласточки, кружевом вплетающийся в это изображение заполнительный орнамент — все это особенно характерно для росписи родосских сосудов группы Камир в ранний период ее развития (третья четверть VII в. до н. э.)[24]. Именно для 40—20-х годов VII в. до н. э. характерно изображение ласточек на сосудах класса Камир. Их фигурки встречаются в самых неожиданных местах: на цветке-розетке, на хвосте сфинкса, на роге козла, на завитке орнамента и т. д.[25]. Эти птички вносят оживление, движение в застывшие орнаментальные изображения. Березанскому фрагменту наиболее близко изображение ласточек на фрагментах тарелок из Эфеса, которые датируются 40—30 годами VII в. до н. э.[26]. Характер заполнительного орнамента не противоречит такому сопоставлению. Некоторые мотивы его особенно характерны для сосудов класса Камир третьей четверти VII в. до н. э. Например, треугольник, обрамленный петельчатым орнаментом, встречается только в орнаментации класса Камир этого времени[27]; полоска мелкой плетенки с ромбообразной формой звеньев очень близка по характеру изображения плетенке на ранне-ориентализирующих ойнохоях 50-х годов VII в. до н. э.[28].

Техническая обработка фрагмента — плотная светлая глина, густая белая обмазка, темный с коричневым оттенком лак, применение разбавленного лака, отсутствие белой накладной краски и пурпура — все это подтверждает предполагаемую дату. Березанский фрагмент можно отнести к третьей четверти VII в. до н. э. Это, пожалуй, наиболее раннее изображение апотропеической маски, позволяющее проследить эволюцию этого мотива.

---

[20] M. Robertson. Ук. соч.; JHS, 60, 1940, табл., 11*g, j, i*. стр. 19.

[21] K. J. Kinch. Fouilles de Vroulia. Berlin, 1914, рис. 96, 97, 99.

[22] CVA Gr. Brit. Oxford, Fasc. II. табл. IV, *22, 26, 27*; Monumenti Antichi, XXXII, 1927, табл. 84, *2;* С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации нижнего Побужья. МИА. 50, 1956, стр. 224, рис. 2.

[23] G. Perrot eh Ch. Chipiez. Ук. соч., рис. 235, 238.

[24] W. Schiering. Ук. соч., стр. 108.

[25] CR, VI/VII, табл. 6, 7; CVA USA, 8, Gallatin Coll., табл. 33, *3*; G. Perrotet Ch. Chipiez. Ук. соч., стр. 439 рис. 223; D. G. Hogart. Excavations at Ephesus. London, 1908, табл. XLX I*a, b*.

[26] W. Schiering. Ук. соч., стр. 92.

[27] Там же, стр. 1, табл. VII, *1, 2, 3*.

[28] Там же, табл. 3, *1*; 12, *1*.

Таким образом, вновь найденный фрагмент представляет большой интерес для изучения процесса развития родосско-ионийской керамики.

Многочисленные остатки родосско-ионийской керамики на острове Березань в большинстве своем относятся к последнему периоду ее развития, т. е. к первой половине VI в. до н. э. Даже раскопки некрополя дают нам преимущественно керамический материал конца VII — начала VI в. до н. э.[29]. Поэтому столь ранний и столь интересный по своему художественному значению фрагмент, найденный при раскопках жилых кварталов, несомненно, представляет большую ценность.

[29] С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации нижнего Побужья, стр. 225; фотоальбом Скадовского хранится в фотоархиве ЛОИА.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

НОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Наши сведения о редких памятниках раннежелезного века в предгорной полосе Восточного Предкавказья пополнились летом 1967 г. двумя новыми интересными комплексами.

Западнее селения Майюртуп, на месте недавно открытого могильника VII-V вв. до н. э.[1] учитель местной школы Р. Ибаев обнаружил клад бронзовых вещей (рис. 1). 10 браслетов, очковидная подвеска, колечко, мелкие обломки спиралек лежали в глиняном сосуде типа корчаги на глубине 0,43 *м* от дневной поверхности. Сильные дожди размыли крутой склон могильного поля, и разбившийся на куски сосуд вместе со своим содержимым оказался на дне глубокой канавы[2].

Среди предметов клада представлены браслеты трех типов.

Четыре широких пластинчатых браслета с несомкнутыми концами и ребристой поверхностью (рис. 1, *7—10*). Находят близкие аналогии во многих памятниках кобанской и колхидской культур IX—VII вв. до н. э.[3] в том числе и среди материалов могильников Чечни[4]. Пять других тонких браслетов имеют в сечении форму, приближающуюся к треугольной (рис. 1, *1—5*); они несколько напоминают известные позднекобанские браслеты VI—V вв. до н. э.[5], отличаясь от них угловатостью наружной стороны. Представляется вполне вероятным, что тут мы имеем дело с редким случаем фиксации выработки той формы наручного украшения, которая стала впоследствии излюбленной в памятниках типа Лугового и Нестеровского могильников.

Не находит прямых аналогий десятый, самый крупный и красивый браслет (рис. 1, *6*). У него несомкнутые концы, ажурная поверхность. Отсутствие параллелей ему, очевидно, объясняется еще слабой изученностью местных памятников.

Довольно крупная очковидная подвеска (рис. 1, *11*) — наиболее типичней-

[1] В. Б. Виноградов. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 году. Археолого-этнографический сборник. II, Грозный, 1968.

[2] Материал передан в Чечено-Ингушский музей краеведения, за исключением сосуда, о типе которого можно судить лишь приблизительно по рассказу Р. Ибаева.

[3] Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ, XIII-в, Тбилиси, 1944, табл. XIV, *2*; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, табл. 38, 16 и др.

[4] Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии КСИА АН СССР, 84, 1961, стр. 60, рис. 18, *2*; В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, рис. 3, *2*; В. И. Козенкова. Исследование памятников раннего железного века у сел. Сержень-Юрт. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 85 рис. 27, *8—9*.

[5] Е. И. Крупнов, Ук. соч., табл. 46; 67, *2—3*; 68 и др.

шая вещь в древностях Северного Кавказа кобанского времени[6]. Небольшое пластинчатое колечко (рис. 1, *12*) и фрагменты спиралек не поддаются точному хронологическому определению: они бытуют на протяжении всего I тысячелетия до н. э.

Сочетание всех названных предметов в одном комплексе указывает на дату скорее всего в пределах IX—VII вв. до н. э. Возможно, что клад

Рис. 1. Майюртупский клад

был зарыт в тревожное время скифских военных походов через Кавказ[7] или в предшествующий период, знаменующийся активизацией контактов с номадами и проникновением их в степи Предкавказья[8]. Захоронения ценностей на местах родо-племенных кладбищ вполне естественны и известны кавказоведам (Казбек, Кумбулта и др.).

Остается вопрос о происхождении клада.

Все майюртупские браслеты не только не были в употреблении, но и еще не окончательно обработаны. Они не отшлифованы, поверхность

[6] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 136 (таблица).

[7] Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. ВССА, М., 1954, стр. 186—194; В. Б. Виноградов. О скифских походах через Кавказ. Тр. ЧИНИИ, IX, Грозный, 1964, стр. 21—48.

[8] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА, стр. 112—131.

их покрыта заусенцами (следы литейного брака), грани шероховаты, концы остры и неотделаны. Браслеты только что вынуты из литейных форм (к слову сказать, украшения каждого типа отлиты в одной форме). Это позволяет считать их скорее всего собственностью местного кобанского мастера-металлурга, который в минуту опасности спрятал их на территории могильника. Такие клады литейщиков нередки на Кавказе, особенно в VIII—VII вв. до н. э.[9]. В Чечено-Ингушетии же это первый комплекс такого рода.

К несколько более позднему времени относятся материалы, найденные в июне 1967 г. на территории уже известного археологам могильника близ селения Шали.

Памятник известен еще с 1961 г., когда руководителю Северокавказской археологической экспедиции Е. И. Крупнову и автору данной публикации были переданы вещи из его разрушенных погребений. Среди них: лепная миска пестрого обжига с почти вертикальными стенками, резко суживающимися ко дну (высота — 12, диаметр устья — 28, диаметр дна 10,3 *см*) и два железных листовидных наконечника копий с втулками, составляющими половину длины наконечника. Находки, тождественные предметам из могильников Лугового, Нестеровского, Исти-Су и других, позволили датировать новый памятник VI—V вв. до н. э.

Осмотр места, где были разрушены захоронения, показал, что стационарные раскопки здесь крайне затруднены: могилы находятся на глубине свыше 3 *м* и перекрыты мощным слоем галечных наносов[10]. Тем не менее, администрация завода была предупреждена о недопустимости разрушения интересного памятника старины. Учитывая это, карьер для добычи местного кирпичного завода расширялся в сторону, где не отмечалось наличия древних погребений. Нынешний сигнал свидетельствует, что карьер вновь затронул могильное поле.

По словам очевидцев находки (начальника Шалинского кирпичного завода А. Мингаева и учителя-историка А. Гапаева), скорченный костяк лежал на глубине около 3,5 *м* от дневной поверхности на левом боку, головою к северо-востоку. Вблизи него и был найден богатый набор вещей[11]. Следует отметить, что свидетельства очевидцев не во всем совпадают. Так А. Мингаев, пропустивший начало «раскопок», склонен считать, что собранный вещевой материал происходит из нескольких могил. Однако А. Гапаев настаивает, что все предметы найдены компактно, в одном захоронении, тогда как два других погребения, разрушенные по соседству, якобы не имели могильного инвентаря. По-видимому, этот вопрос так и остается открытым, что впрочем вовсе не может опровергнуть главного: особой научной значимости материалов из Шалинского могильника.

Лепные сосуды (рис. 2, *1—3*) пестрого (серо-желтого) обжига входят в круг керамики восточной половины Предкавказья скифского времени[12]. Особенно интересна неглубокая кружечка, украшенная по венчику густым «мелкощипковым» орнаментом. Она использовалась в качестве светильника, о чем свидетельствует сильная закопченность верхней части ее внутренних стенок.

Массивные литые из бронзы фибула с группами рифлений на внешней и глубоким желобком на тыльной сторонах (рис. 2, *4*) и браслет с концами в виде схематических змеиных головок (рис. 2, *5*) являются отличными образцами позднекобанской бронзовой металлургии[13]. Ожерелье

[9] Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952; А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. МИА, 23, 1951, стр. 75—124; его же. Некоторые памятники..., стр. 118.

[10] В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 90, № 485.

[11] Материал экспонируется в Чечено-Ингушском музее краеведения.

[12] Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 273, табл. 42 сл., В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. СА, 1964, 1, стр. 161.

[13] Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 213 сл.

бус (30 темно-синих овальных бусин из стекла, около 15 плоских сурьмяных, 2 черных пастовых с желтыми глазками) тождественно находкам в одновременных могильниках соседних районов (Луговая, Нестеровский и др.) [14].

Подлинным украшением комплекса нужно признать набор предметов вооружения. Железный меч (длина около 50 *см*) с прямым брусковидным навершием и почковидным перекрестием (рис. 3, *1*) относится к достаточно представительной группе скифского вооружения (1 отдел

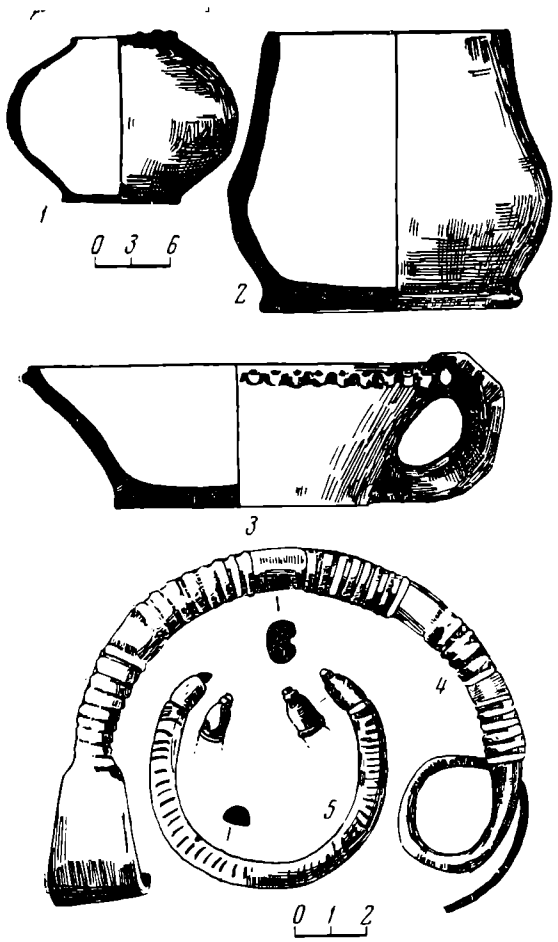


Рис. 2. Керамика и бронзовые украшения из Шалинского могильника

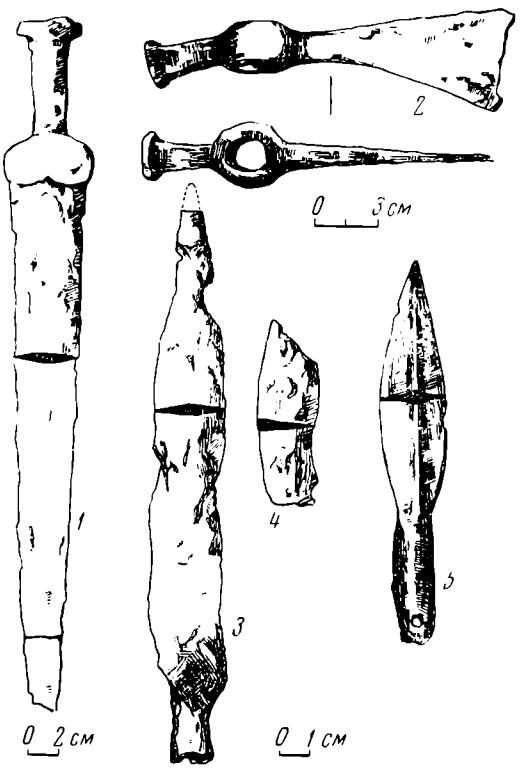


Рис. 3. Железное оружие из Шалинского могильника

1-й тип по А. И. Мелюковой), датируемой в основном второй половиной VI в. до н. э. [15]. На Кавказе находки подобных мечей сравнительно редки [16], и это еще более увеличивает ценность шалинского акинака.

Весьма выразителен железный боевой топор (рис. 3, *2*). Он имеет сходство с некоторыми типами секир из памятников Северного Причерноморья и Предкавказья VI—V вв. до н. э. [17]. Ближайшая аналогия — топоры из могильника VI в. до н. э. у селения Нижний Чегем в Кабардино-Балкарии [18].

Не менее интересны и наконечники копья (рис. 3, *3*) и дротика (рис. 3, *5*). Первый из них (узкий ланцетовидный, круто переходящий в короткую втулку) тяготеет, пожалуй, к прикубанским образцам [19]. Второй

[14] Там же, стр. 293; Р. М. Мунчаев. Луговый могильник. ДЧИ, т. 1, М., 1963, рис. 8, 12, 18.

[15] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д-1, 4, М., 1964, стр. 47—48, табл. 15.

[16] Там же, стр. 48.

[17] Там же табл. 21, *10, 16, 19*; Е. И. Крупнов. Древняя история..., табл. 10, *4*.

[18] П. Г. Акритас. Археологические работы в Кабардино-Балкарии в 1959—1960 годах. Уч. зап. КБНИИ, XX, Нальчик, 1962, табл. III.

[19] К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, 64, 1958, стр. 306—307.

(лавролистный с ребром посредине пера) хорошо представлен в комплексах VI в. до н. э. на территории собственной Скифии [20].

Меч и секира, очевидно, висели на кожаном поясе. Он не сохранился. Зато уцелела роскошная поясная пряжка из бронзы, поистине венчающая пышный набор находок в Шалинском могильнике (рис. 4).

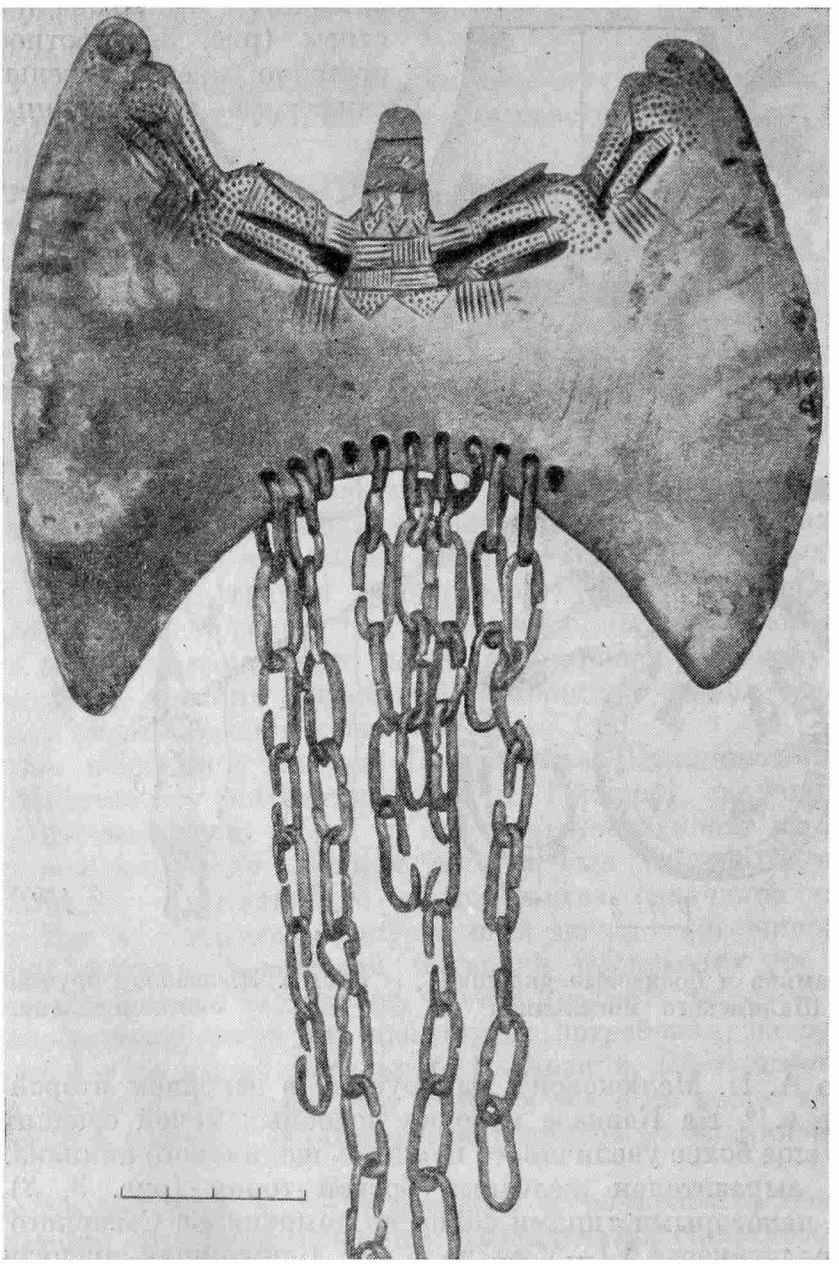


Рис. 4. Бронзовая поясная пряжка из Шалинского могильника

Подобные пряжки — не частая добыча в памятниках Восточного Предкавказья. О. А. Артамонова-Полтавцева, специально исследовавшая их в 1950 г., располагала всего лишь семью экземплярами [21]. За минувшие с тех пор годы интенсивных археологических работ число пряжек увеличилось немного: обломки одной были найдены при раскопках Лугового

[20] А. И. Мелюкова. Ук. соч., табл. 12.
[21] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 69—101.

могильника [22], другая — в разрушенном погребении у селения Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) [23], третья публикуется ныне.

Статья О. А. Артамоновой-Полтавцевой до сих пор является единственным исследованием, посвященным этим шедеврам местного искусства. Ее выводы о датировке пряжек (VI—V вв. до н. э.), об их местном производстве, о смысловом содержании изображений на пряжках, о сочетании в их зооморфном оформлении исконных и привносных («скифских») черт представляются безукоризненными. Но вполне естественно, что время, прошедшее с момента написания этой отличной статьи, позволяет выступить с некоторыми дополнениями и расшифровкой отдельных деталей данных поясных пряжек.

Вне всяких сомнений, права О. А. Артамонова-Полтавцева, трактуя полный поясной набор, центральной частью которого являются эти пряжки, как изображение парящей хищной птицы (скорее всего орла). Умбовидная бляха (не представленный в шалинском наборе атрибут таких поясов) — символ солнца над головою орла [24]. Здесь не лишним будет заметить, что орел и другие хищники породы ястребиных — почитаемые птицы у всех кавказских народов, причем у вайнахов (чеченцев и ингушей), с чьей исторической территории происходят почти все данные пряжки, культ хищной птицы (орла, коршуна, ястреба) тесно переплетается с почитанием небесного светила [25]. С другой стороны, археологические находки в Северном Прикаспии позволили недавно К. Ф. Смирнову выдвинуть весьма основательный тезис о том, что у савроматов «образ орла... соединялся с древними космогоническими представлениями, особенно с культом солнца». Это объясняется, по его мнению, «почитанием орла у савроматов как солярного символа» [26].

Разносторонние и весьма активные взаимосвязи савроматов и кавказцев с каждым годом находят все более многочисленные подтверждения [27]. Поэтому подобная «перекличка» в религиозных верованиях и символах, отразившаяся в бронзовых деталях ременной лошадиной сбруи (у савроматов) и парадных поясов (у племен Северо-Восточного Кавказа), не противоречит исторической обстановке тех веков.

Это подтверждается и анализом рисунков фигур зверей на верхней части «крыльев орла». О. А. Артамонова-Полтавцева справедливо разъясняет их как изображения пантер (барсов) — излюбленного образа в «скифском искусстве». Однако у исследователя вызвали недоумение некоторые детали, не свойственные хорошо известным ей типично скифским образцам (утрированно длинные уши и когти, длинные морды). Между тем, недоумения исчезнут, если трактовать изображения на пряжках как фигуры барсов-волков. Волк и барс — весьма почитаемые хищники у горцев, но предпочтение отдается все-таки волку [28]. Именно поэтому местные мастера, заимствовав для декорировки пряжек схему и образы скифского звериного стиля (дополнительное усиление крыльев птицы изображениями пантеры), видоизменили первоначальный образ хищника кошачьей породы, придав

[22] Р. М. Мунчаев. Луговой могильник, стр. 180, рис. 26, *1*.

[23] Е. И. Крупнов. Новое в изучении древней истории Северного Кавказа. Сб. «Археологические открытия 1965 года», М., 1965, стр. 35, рис. 3.

[24] Реконструкция всего поясного набора см. в статье: О. А. Артамонова-Полтавцева. Ук. соч., рис. 39.

[25] Сб. «Чеченский фольклор», II, Грозный, 1964.

[26] К. Ф. Смирнов. Савроматы, М., 1964, стр. 244—245.

[27] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 265—269.

[28] П. К. Услар. Кое-что о словесных произведениях горцев. Этнография Кавказа. II, Тифлис, 1888, стр. 81—84.

В одной из героических чеченских песен поется:

Мы родились той ночью,
Когда щенилась волчица,
А имя нам дали утром
Под барса рев заревой...

ему волкообразные черты. И вновь поиски параллелей такому явлению приводят нас в мир савроматского искусства, для которого подобное перевоплощение составляет одну из наиболее характерных черт [29].

Нет оснований говорить о восприятии кавказцами этих художественно-магических принципов от северных соседей-савроматов или наоборот. Независимое возникновение и развитие сюжетов и в том и другом случае бесспорно. И все-таки нельзя пройти мимо бросающегося в глаза сходства в религиозно-эстетических представлениях и вкусах соседей, ибо это еще один аргумент в пользу глубины и интимности их взаимоотношений, которые еще далеко не поняты нами до конца.

И если оценивать новый и уникальный по своему составу шалинский набор вещей конца VI — начала V в. до н. э., то следует признать, что в его выразительных компонентах отразилось тесное переплетение позднекобанских и степных (скифо-савроматских) элементов культуры. Принадлежность же памятника в целом к местному этносу не вызывает сомнений, так как убедительно подтверждается особенностями погребального ритуала (грунтовые погребения, скорченное положение костяков и т. д.).

[29] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 224—244.

О. Г. ШАПОШНИКОВА

ПОГРЕБЕНИЕ СКИФСКОГО ВОИНА НА р. ИНГУЛ

(предварительная публикация)

Ингульская экспедиция Института археологии АН УССР совместно с Николаевским краеведческим музеем с 1966 г. ведет стационарные раскопки в районе среднего течения р. Ингул [1].

Экспедицией открыто и исследовано значительное число разновременных археологических памятников.

Одним из важных итогов работ экспедиции является исследование погребения скифского воина в полном защитном снаряжении у с. Новая Розановка Новобугского района Николаевской области [2].

Здесь, недалеко от южной окраины села, на распаханном колхозном поле, в 1,5 *км* от русла Ингула, расположены два кургана. Один из них, высотой до 2 *м*, содержал погребения эпохи бронзы. Другой, меньший по размеру, с едва заметной насыпью. Диаметр этого кургана 18 *м*, высота насыпи 0,8 *м*. На поверхности в разных местах встречались камни от обкладки насыпи кургана и фрагменты стенок античных амфор. Облицовка насыпи кургана лучше сохранилась в южной и северной части кургана.

На глубине 0,3 *м* от поверхности, в южном поле кургана обнаружены два кострища диаметром 0,7 *м*.

Под насыпью, на глубине 1,75 *м* от поверхности, четко обозначились контуры погребальной ямы. Она имела овальную форму. Длина ямы 2,18, ширина 1,85 *м*. Яма была заполнена черноземом. В заполнении ямы встречались отдельные камни. В восточной стенке ямы имелся едва заметный подбой.

Камни перекрывали часть погребения и жертвоприношение. На дне могилы лежал скелет взрослого человека на спине, головой на восток. Руки вытянуты вдоль тела, правая нога согнута в колене, левая вытянута.

[1] В работе экспедиции принимали участие: В. Н. Станко, В. И. Неприна, И. Н. Шарафутдинова — сотрудники ИА АН УССР, В. И. Никитин — научный сотрудник Николаевского краеведческого музея, Г. П. Ребедайло — лаборант Ингульской экспедиции.

[2] В раскопках кургана принимали участие Г. Т. Ковпаненко и С. Д. Крыжицкий.

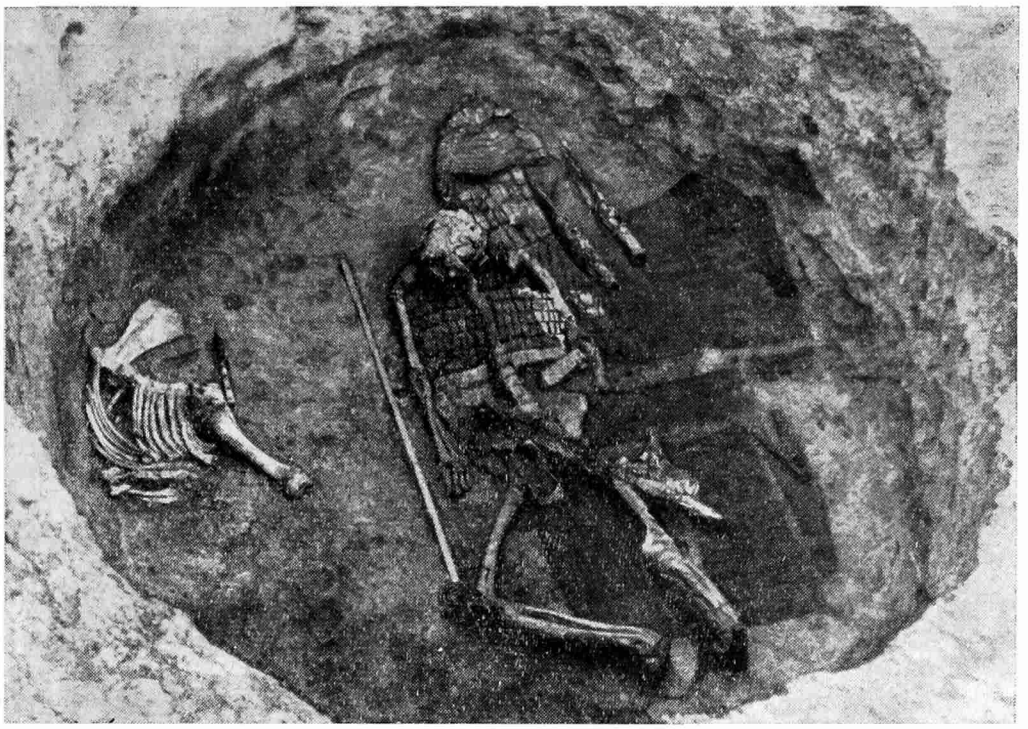


Рис. 1. Погребение скифского воина

Погребенный лежал на развернутом железном чешуйчатом панцире и таких же штанах (рис. 1). В изголовье находился шлем. Панцирь был разостлан так, что часть его заходила на южную стенку ямы. Длина его 70, ширина 86 *см*. Панцирь составлен из 15 горизонтальных рядов прямоугольных пластин. В каждом ряду (за исключением тринадцатого) по 50 пластин. Размеры их разные. 11 рядов составляют пластины длиной 5, шириной 2,5—3 *см*. В двенадцатом ряду длина пластин 7 *см*, в тринадцатом — 6, в четырнадцатом и пятнадцатом — 5,5 *см*. Тринадцатый ряд на 17 *см* короче других. В верхней части пластин имеются по два отверстия. Посредством продетых через эти отверстия ремешков пластины пришивались к кожаной основе. Каждая чешуйка на $^1/_3$ закрывалась следующей. На краях пластин иногда заметны следы зубил или ножниц.

Между двенадцатым и тринадцатым рядами имеется разрыв шириной в 10 *см* — место, отвечающее боевому поясу. Именно здесь были обнаружены пуговицы-шарики, нашитые на кожаную основу. Они лежали на расстоянии 40 *см* одна от другой. Диаметр пуговиц 1,5 *см*. На седьмом ряду панциря имеется полукруглой формы пряжка. Еще в полевых условиях удалось установить, что на груди пластины были нашиты в два слоя [3].

Панцирь состоял из одного развернутого полотнища. Он имел вид длинной рубашки, спускающейся на бедра, покрытой железным пластинчатым набором.

За последние годы вышел ряд работ, посвященных скифскому вооружению. Среди них следует назвать монографии А. И. Мелюковой [4] и Е. В. Черненко [5], в которых не только дана сводка и классификация панцирных доспехов, но и рассмотрены вопросы их устройства, происхождения и распространения на территории Северного Причерноморья.

По подсчетам Е. В. Черненко, в настоящее время известно около 200 находок панцирей [6]. Однако в большинстве случаев в курганах встреча-

[3] Некоторые детали устройства панциря и штанов будут описаны после тщательной расчистки и изучения монолита.

[4] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1-4, М., 1964.

[5] Е. В. Черненко. Скифский доспех, Киев, 1968.

[6] Там же.

Рис. 2. Погребение скифского воина. Детали защитного доспеха

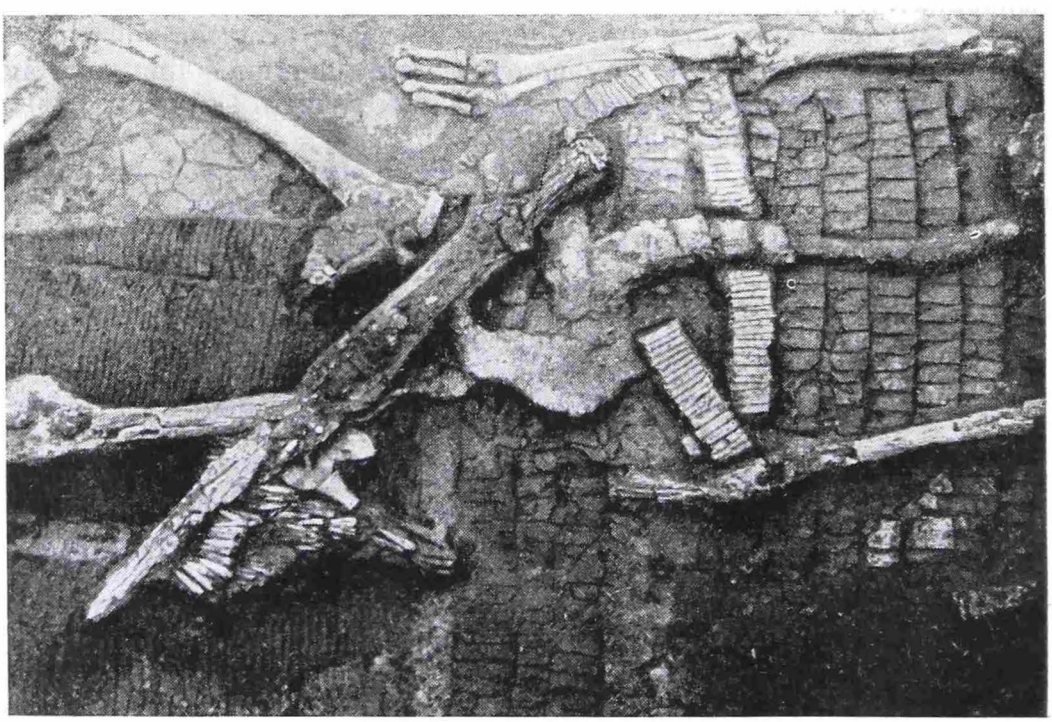


Рис. 3. Погребение скифского воина. Детали защитного доспеха и оружие

Рис. 4. Погребение скифского воина. Железный наборный шлем

лись лишь части панцирного доспеха. В этом отношении панцирь, обнаруженный при погребении у с. Новая Розановка, представляет собой исключительное явление.

Несколько ниже панциря лежали кожаные штаны, покрытые мелкими железными пластинами-чешуйками (рис. 2). Они состояли из двух полотнищ и клиньев. Длина каждого полотнища 50, а ширина 25 *см*. Длина клиньев 40, ширина 7 *см*. На правом полотнище нашиты пластинки размером 0,7 *см*, а на левом — более крупные — 1 *см*. Этот доспех отличается от поножей, широко известного в античном мире вида защитного оружия, как конструкцией, так и размерами. При погребении у с. Ново-Розановка был обнаружен доспех, объединяющий в себе поножи и набедренники. Еще важна одна деталь: край левого полотнища штанов вплотную подходил к

панцирю (рис. 3). Это свидетельствует о том, что панцирь и штаны были соединены между собой, составляя единый комплекс достаточно развитого защитного вооружения.

Выше частично на панцире лежал железный наборный шлем (рис. 4). Он сделан из чешуек, разных по размеру. В верхней части чешуйки больше, на лбу — меньше. На теменной части чешуйки более крупные. Сам принцип набора такой же, как и у панцирей. Пластина нашивалась на кожаную основу. Ширина шлема в лобной части 30 *см*. Высота шлема от лобной части до затылка 19 *см*. К шлему прикреплены нащечники. Они сделаны из таких же крупных пластин, как и панцирь, но имеют несколько вогнутую форму. К теменной части прикреплялся назатыльник. Он состоял из восьми лент и сделан из крупных прямоугольных пластин.

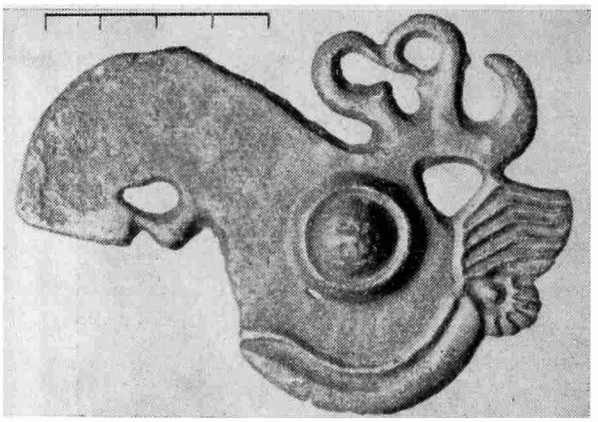


Рис. 5. Погребение скифского воина. Бронзовая бляха

Близкие аналогии нашему шлему найти не удается.

Погребенный был опоясан боевым поясом длиной 1 *м*. Пояс состоял из тонких бронзовых пластин, плотно подогнанных друг к другу, длиной до 5 *см*. Под поясом и сверху прослеживаются остатки кожи. К кожаной основе пластинки крепились посредством продетых через отверстия ремешков. Каждая пластина имеет две дырочки сверху и две снизу. Описанный выше боевой пояс следует отнести к типу портупейных поясов, широко распространенных у скифов [7].

К поясу справа был привязан меч, а слева колчан со стрелами (рис. 3). Меч железный, имеет рукоять с навершием в виде волюты с загнутыми внутрь концами и бабочковидное перекрестие, отделяющее рукоятку от клинка. Длина рукоятки 13, длина клинка 48 *см*. Судя по остаткам дерева на клинке меча, ножны были деревянными. Сохранились они плохо. Но очевидно, форма ножен определялась формой клинка меча.

От колчана остались лишь кусочки дерева. Колчан украшала бронзовая бляха в виде стилизованной головы лося с большим круглым глазом (рис. 5). В колчане лежало около 200 стрел, наконечники стрел трехлопастные со втулками и без них. Древки сохранились лишь во втулках наконечников. Рядом с колчаном лежала ворварка.

Слева от шлема на развернутом панцире лежали два наконечника копий. Наконечники лавролистной формы с небольшим расширением в нижней части. Длина одного наконечника копья 44, другого — 46,5 *см*. Втулки на конце имеют валикообразное утолщение. С правой стороны каждого наконечника копья (у основания пера) лежало по одной ворварке. На штанах в 57 *см* от наконечников копий находилось два цилиндрических подтока. У северной стенки ямы обнаружена часть скелета молодой лошади (левая лопатка, плечевая, локтевая, лучевая кости и ребра), по определению В. И. Бибиковой — остатки жертвенной пищи.

Рядом с костями лежал нож с костяной рукояткой.

Судя по инвентарю, погребение может быть датировано V в. до н. э. Полный набор защитного доспеха свидетельствует о том, что оно не могло принадлежать рядовому скифскому воину. Скорее всего погребение принадлежало военачальнику, очевидно коннику, так как носить такой тяжелый доспех пехотинцу было не под силу.

[7] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов..., стр. 75.

Т. Н. ТРОИЦКАЯ

КУРГАН БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На левом берегу Обского моря между селами Н. Шарап и Ордынское расположен курганный могильник Н. Шарап-1, разрушаемый течением Оби. С 1959 г. археологическая экспедиция Новосибирского пединститута регулярно проводит здесь охранные раскопки. Под каждой насыпью обычно находилось от 2 до 16 могил, перекрытых бревенчатым накатом. Скелеты лежали на спине, головой на ЮВ. Сопровождающий инвентарь датируется V—IV вв. до н. э. и относится к бийскому этапу большереченской культуры.

В 1965 г. нами была раскопана половина разрушающегося кургана № 19 высотой в 75 *см* и диаметром 13 *м*. В насыпи найдены обломки крупного баночного сосуда бийского типа с пояском из двух рядов ямок (рис. 1, *9*). Под насыпью выявлена грабительская яма, уничтожившая центральное захоронение, и одно непотревоженное погребение. Могила (2,10×0,90 *м*) углублялась в материк на 48 *см* и была перекрыта деревянным накатом, состоявшим из 2—3 рядов продольно лежащих бревен. Детали перекрытия из-за плохой сохранности дерева не могли быть прослежены. Мужской скелет лежал на спине головой на ЮВ. Обряд захоронения несколько отличался от других погребений этого могильника. Скелет лежал не в вытянутом положении, а с согнутыми в коленях ногами, распавшимися затем по сторонам. Сосуд в могиле отсутствовал. Находки были сосредоточены вдоль северо-восточной стенки в двух кучках: одна с уздечным и поясными наборами, другая с железным чеканом и крупными железными бляхами. У правой руки лежал железный меч; отдельно, между ног найдена одна круглая бронзовая бляшка.

Остановимся на инвентаре погребения.

К уздечному набору относятся следующие бронзовые бляхи: пять круглых (для перекрещивающихся ремней), три небольшие «пуговицы» с изображением свернувшихся зверей, две подковообразные, две восьмеркообразные и одна в виде стилизованной головы птицы.

Все три бляшки-«пуговицы» с изображением двух свернувшихся зверей (рис. 2, *9*) выполнены в одинаковой форме. Они имеют незамкнутый выпуклый ободок и дужку с обратной стороны. Бляшки настолько повреждены, что нельзя детально разобраться в их рисунке. Пуговицы с подобными изображениями широко распространены в скифо-сибирском искусстве [1].

Они известны в курганах первой и второй стадии тагарской культуры, причем, как указывает С. В. Киселев, именно во второй стадии появляются пуговицы с ободком [2].

Бронзовая бляха в виде стилизованной головы хищной птицы (рис. 2, *2*), приближающаяся по своей форме к запятой, видимо, была налобной [3]. Мотив головы грифона или орла является одним из излюбленных в скифо-сарматском искусстве. Удлиненные бляхи, близкие нашей, известны в ряде комплексов Приуралья: в могильнике на Алебастровой горе (V—IV вв. до н. э.) [4], в Мачетсайском кургане (VI—V вв.) [5]; к этому же типу относится бляшка из VI Туэктинского кургана [6]. Наша бляшка отличается от них

---

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, табл. XX, *8—10*; XXII, *2*; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, рис. 5, *2б* и др.

[2] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 155.

[3] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, рис. 44.

[4] Его же. Савроматы, рис. 40, *1г*.

[5] Там же, рис. 21, *1з*.

[6] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXVIII, *11*.

более сильной стилизацией: клюв превратился в запятую, голова — в пальметку. Подобная стилизация является характерной для Южной Сибири [7]. Уздечные бляшки в форме запятых, но не столь удлиненных пропорций, найдены нами в могильнике у с. Н. Шарап еще в 1960 г. (Н. Шарап-2, курган 2, могила 5).

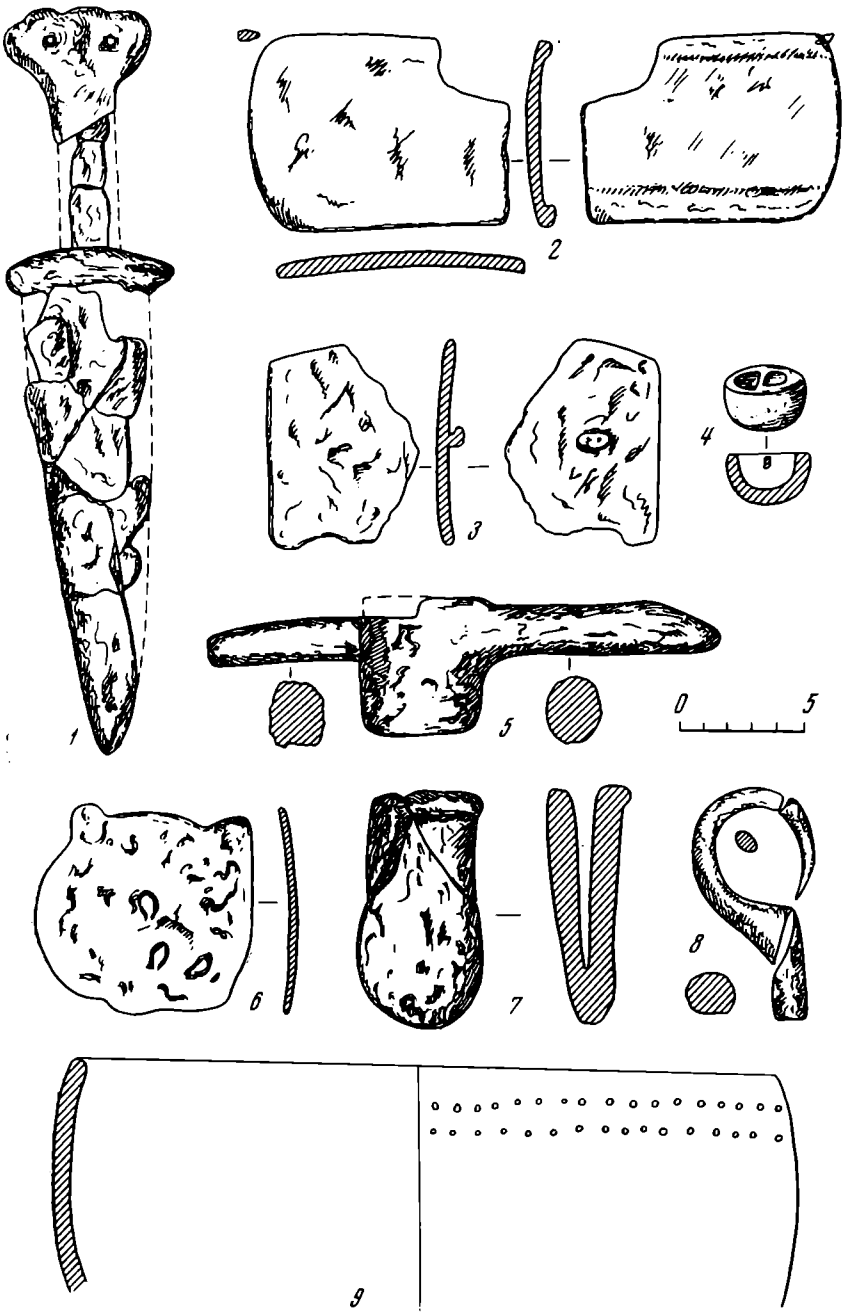


Рис. 1. Находки из кургана № 19 у с. Н. Шарап

1—8 — железо, *9* — глина

В уздечном наборе нашего кургана имеется пять круглых гладких блях для перекрещивающихся ремней (рис. 2, 7). Четыре из них найдены вместе, пятая отдельно, между ног скелета. Обычно в конской узде употребля-

[7] К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 219; С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, рис. 129.

ются четыре бляхи, поэтому наличие пятой непонятно, быть может, она относилась к сбруе.

Интересны две подковообразные бляшки с неясным растительным орнаментом (рис. 2, *1*). В центре их видны следы пригоревшего железа и небольшая потертость с выпуклой стороны. Они имели по две дужки для про-

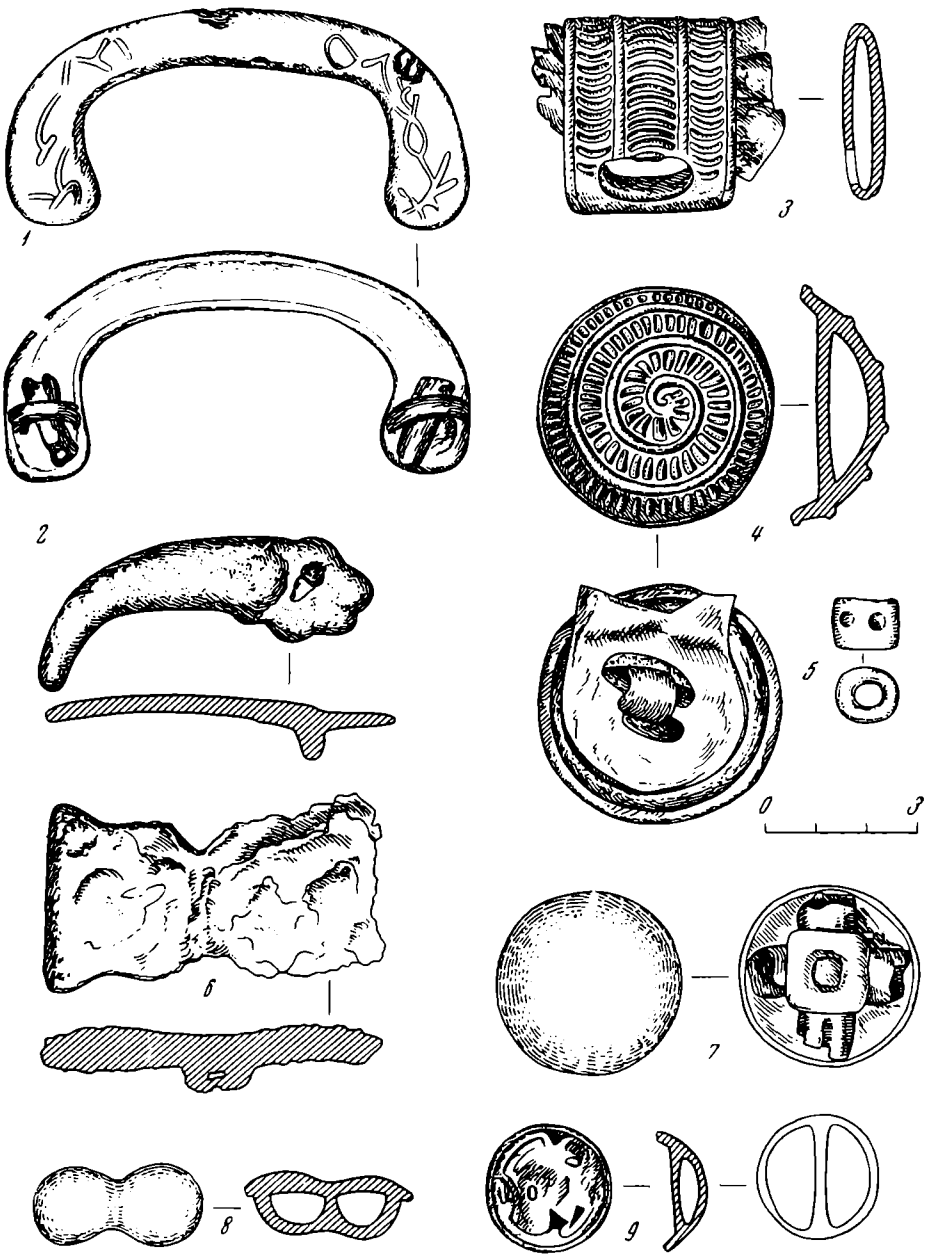


Рис. 2. Находки из кургана № 19 у с. Н. Шарап

1—4, 7—9 — бронза; *5* — кость, *6* — железо

дергивания двух узких ремешков, идущих, судя по потертости, с обратной стороны изделия, под острым углом друг к другу. Аналогии подобным бляхам нам неизвестны.

К уздечному набору относятся и две восьмеркообразные бляшки с двумя дужками каждая (рис. 2, *8*). При их помощи сближались два ремня, идущие от псалия. Две такие же бляшки были найдены в том же могильнике (Н. Шарап-1). Близкие двойные бляшки известны в ряде курганов, в том числе и в VI Туэктинском[8].

[8] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXVIII, *7, 18*.

Остальные бронзовые бляхи были предназначены для широкого ремня и относились к поясу. В первую очередь, это бронзовая четырехугольная обойма с отверстием для подвешивания ремешка (рис. 2, *3*). Она орнаментирована тремя рядами выгнутых параллельных линий, отделенных друг от друга невысокими валиками. Обоймы подобных форм часты в Южной Сибири, они встречены в I Туэктинском кургане [9], в кургане № 3 у Бийска [10], у с. Вавилонки под Семипалатинском [11] и др. На конце ремешка, отходящего от обоймы, висела бронзовая бляха. Она имела круглую выпуклую форму и была покрыта тем же орнаментом, что и обойма: рядами вогнутых черточек, отделенных друг от друга валиком (рис. 2, *4*). Но на бляхе они располагались не параллельными рядами, а спиралью. На обратной стороне бляхи сохранились остатки широкого ремня, прикрепленного к дужке бляхи узким ремешком, проходящим через дужку и два разреза в ремне. Между ремнем и бляхой сохранились остатки войлока.

Вероятно, к поясному набору относились девять железных двухлопастных блях с перемычкой посередине (рис. 2, *6*). Судя по размерам дужек, они прикреплялись или к шнуру или к прорези в широком ремне. На обратной стороне некоторых блях сохранились отпечатки ткани. Такие же бронзовые и железные бляхи найдены в комплексах V в. до н. э. в могильнике Березовка-1 [12]. Таким образом, все аналогии поясным и уздечным украшениям восходят к V—IV вв. до н. э., точнее — к V в.

Оружие в могиле было железным, оно представлено чеканом и кинжалом. Кинжал сохранился очень плохо, длина его 31 *см* (рис. 1, *1*). Массивный клинок, шириною в 6—7 *см* у перекрестия, резко сужается книзу. Перекрестие узкое, бабочковидное. Навершие зооморфное, на нем изображены две обращенные клювами друг к другу орлиные головы. Подобные навершия являются характерными для районов Сибири [13]. В Скифии этот мотив встречается в акинаках V в. до н. э. [14]. По форме клинка и перекрестия ему близки савроматские мечи с антенным навершием: из с. Осьмушкина и курганной группы Кара-Оба [15]. Близкий меч из Исикая [16] отличается от нашего перекрестием и сечением рукояти. Аналогии датируют меч V—IV вв. до н. э. Судя по сохранившимся остаткам дерева, он находился в ножнах, к которым, возможно, относился небольшой железный предмет в форме полушария со следами дерева и железной перегородкой внутри (рис. 1, *4*).

Другой предмет вооружения — железный чекан, характерное сибирское оружие. Обух его в сечении прямоугольный, ударная часть овальная, половина втулки разрушилась (рис. 1, *5*). Сохранился железный вток топорика (рис. 1, *7*); диаметр его совпадает с диаметром втулки. Железные и бронзовые топорики близких форм известны в погребениях Тувы, Минусинской котловины, Алтая, Верхнего Приобья и др. В том же могильнике у с. Н. Шарап в комплексах V—IV вв. найдено еще два чекана: железный, такой же формы, и бронзовый, с четырьмя фигурками медведей на обухе.

Среди обломков железа найден стержень, круглый в сечении, диаметром в 1,5 *см* с кольцевидным навершием (рис. 1, *8*). Назначение его неясно. Обнаружено несколько крупных поломанных железных блях. Одна бляха целая, круглая, диаметром 9 *см*, слегка выпуклая, ажурная (рис. 1, *6*). Она

---

[9] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXVIII, *12*.

[10] М. П. Завитухина. Могильник времени ранних кочевников. АСГЭ, 3. Л., 1961, рис. 4, *7*.

[11] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXIV, *7*.

[12] В. Н. Полторацкая. Могильник Березовка-1. АСГЭ, 3, рис. 6, *2*, *7*, *8*.

[13] МАР, 5, СПб., 1891, табл. XI; XII.

[14] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д, 1—4, М., 1964, табл. XX, *12—14*.

[15] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 103, рис. 3, *4*; стр. 104, рис. 4, *3*.

[16] Там же, стр. 104, рис. 4, *4*.

имеет два небольших выступа. Скобок для прикрепления нет, видимо, она была нашивной. Остальные три большие, почти плоские прямоугольные бляхи обломаны, ширина их 7—8 *см* (рис. 1, *2*, *3*). Вероятно, они были обкладкой какого-то предмета, быть может ремня, толщина которого, судя по сохранившейся скобке и следам на обратной стороне блях, достигала 2—3 *мм*, а ширина — 6 *см*. На внутренней стороне обкладки видны отпечатки ткани, такой же, как и на двухлопастных бляхах. Один из обломков имел закругленный край.

Помимо перечисленных предметов, найдено много мелких обломков железных изделий и одна костяная боченкообразная буса, орнаментированная круглыми ямками (рис. 2, *5*).

Данный курган помогает уточнить время распространения железа в Новосибирском Приобье. Первые железные изделия в Южной и Западной Сибири появляются примерно в одно время — в V в. до н. э. [17], но интенсивность их распространения в разных районах, в зависимости от местных условий, была различной. В Новосибирском Приобье, ближе стоящем к западу и не имеющем собственных источников бронзы, население уже в V в. широко использовало железные предметы вооружения и украшения. Наряду с этим употреблялись бронзовые изделия (топорики, ножи), о чем говорят другие погребения V—IV вв. до н. э. этого же могильника. Но если в Южной Сибири в этот период еще доминировали бронзовые изделия, то здесь железо, особенно в вооружении, уже преобладает над бронзой.

---

[17] С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая, М.—Л., 1953, стр. 250; М. П. Грязнов. Древняя история племен Верхнего Приобья. МИА, 48, 1956, стр. 92—94; Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху. МИА, 90, 1960, стр. 180, 181.

Б. А. ВАСИЛЕНКО

ЗАМЕТКИ О ГЕРАКЛЕЙСКИХ КЛЕЙМАХ

I

На городище Никония (у с. Роксоланы под Одессой) в 1961 г. было найдено необычное гераклейское клеймо ЕΥΚ ΛΕΙΩΝ|ΘΕΟΜΑΡΙΣΤ|ΟΚΛΕΟΣ, не встречавшееся до сих пор в литературе (рис. 1, *1*). Легенда его содержит три имени — Эвклейона, Теомена и Аристокла, достаточно известных по гераклейской керамической эпиграфике. Аристокл известен нам и как фабрикант [1], и как магистрат [2]. В данном случае он, несомненно, магистрат, о чем свидетельствует родительный падеж его имени. Эвклейон вне всякого сомнения фабрикант, что подтверждается как именительным падежом его имени и наличием в клейме имени магистрата Аристокла, так и другими данными [3]. Гораздо сложнее обстоит дело с именем Теомена, помещенным в сокращенном виде. Имеем ли мы здесь дело с «двойной фирмой», т. е. объединением двух фабрикантов, или же с именем и отчеством одного владельца мастерской?

Гипотеза о «двойных фирмах» была выдвинута Б. Н. Граковым более 40

---

[1] И. Б. Брашинский. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. НЭ, V, 1965, стр. 23.

[2] Там же, стр. 14.

[3] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 120, № 30, В. Н. Юргевич. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. ЗООИД, XVIII. Одесса, 1895, стр. 113, № 51, где Эвклейон явно фабрикант.

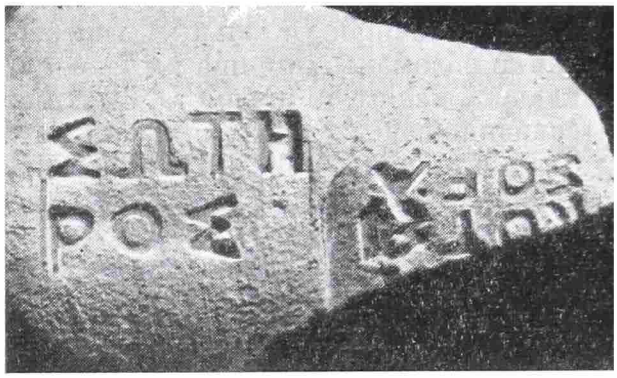


Рис. 1. Гераклейские клейма

1 — клеймо с отчеством фабриканта, *2—3* — клейма магистрата Аристокла

лет назад [4], но позднее автор отказался от нее; наличие таких «фирм» отрицается теперь всеми исследователями. Но речь шла о клеймах, содержащих два имени в одном падеже без предлога ἐπί , клейма с тремя именами не были известны. В нашем клейме имя Теомена помещено в сокращенном виде, и его можно толковать также как имя фабриканта, объединившегося с Эвклейоном и занимавшего по отношению к нему подчиненное положение. Тем более, что нам известны другие клейма той же хронологической группы, в которых это же имя стоит в именительном падеже. У нас имеются все основания считать Теомена этих клейм фабрикантом [5]. Однако нет никаких доказательств в пользу объединения двух владельцев мастерских. Скорее всего, публикуемое клеймо с тремя именами содержит имя и отчество фабриканта и имя магистрата. Некоторым подтверждением этому служит найденное в Никонии в том же году рельефное клеймо А|РΙΣΤΟΚΛΗ|Σ]ΕΥΚ[ΛΕΙ]ΩΝ (инв. № ОГАМ-74897). Как видно, оба имени стоят в именительном падеже, но нет никаких оснований видеть здесь «двойную фирму» (хотя оба лица известны среди фабрикантов). Вне сомнения, перед нами имена магистрата Аристокла и фабриканта Эвклейона. Таким образом, имеются два клейма, очень близкие друг к другу по времени (что в некоторой степени подтверждается принадлежностью их к одной хронологической группе и одновременной находкой в области части городища), содержащие одинаковые имена магистратов и фабрикантов.

По всей вероятности, оба клейма принадлежат одним и тем же лицам, только в одном случае в клейме фигурирует и третье имя. Если это так, то предположение о «двойной фирме» абсолютно отпадает: в один год (при магистрате Аристокле) Эвклейон не мог выпустить совместные с Теоменом и самостоятельные клейма. Единственно верным остается признать Эвклейо-

[4] Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. ГИМ, 1, 1926, стр. 192.

[5] Клейма ΞΕΝΟΣ|ΘΕΟ|ΜΕΝ (ОГАМ = 80381) и ΞΕΝΟΣ|ΜΕΝΗΣ|ΘΕΟ с керикеем между именами в круглом поле (ОГАМ=74774, 72026, 74930 и без номера), а также клеймо ΘΕΟΜΕ в удлиненном поле (ОГАМ=80403).

на сыном Теомена (сокращение ΘΕΟΜ можно рассматривать как сокращенную форму родительного падежа), известного как фабриканта по другим клеймам, и тогда легенда приведенного нами клейма восстанавливается в виде «Эвклейон Теоменов (при магистрате) Аристокле». Употребление в одном случае отчества фабриканта объясняется скорее всего наличием свободного места на заготовке для штемпеля.

Если же оба рассмотренных клейма не принадлежат одному и тому же фабриканту, то употребление отчества одного из них становится еще понятнее: чтобы не внести путаницу, они применили различные по виду клейма (одно рельефное, другое с отчеством). Во всяком случае нет никакого сомнения, что указанное клеймо содержит имя и отчество фабриканта.

II

Гераклейские клейма III хронологической группы (содержащие имена фабриканта и магистрата, причем имя последнего предварено предлогом ἐπὶ) , датируются И. Б. Брашинским последней четвертью IV в. до н. э. (около 330—300 гг.) [6]. Таким образом, этот тип оказывается довольно кратковременным и охватывает всего около 25—30 лет. Между тем в настоящее время известно уже более 80 имен магистратов, которые встречаются в клеймах с предлогом ἐπὶ, что должно сответствовать отрезку времени не менее 80 лет. Такое резкое несоответствие объясняется автором указанной работы тем, что в Гераклее за выпуском тары наблюдала целая коллегия магистратов, из которых каждый имел право клеймить амфоры своим именем [7].

Мы же считаем, что это предположение не убедительно, так как в этом случае употребление указанного предлога теряет всякий смысл. Во всех известных случаях (в клеймах, на монетах) наличие этого предлога указывает на эпонимный характер магистратской должности, отправлявшейся в течение одного года. Имя магистрата, имевшего право на употребление предлога ἐπὶ перед своим именем, служило датой, и в течение каждого года право это являлось привилегией только одного человека (даже в случае его смерти, ибо в противном случае получилась бы путаница в исчислении лет). Совершенно беспрецедентное в Древней Греции употребление указания на магистратскую должность одновременно несколькими лицами внесло бы полнейшую анархию и неразбериху в дело клеймения керамической тары (а также и в другие сферы), которому древние придавали большое значение и выполняли его с особой тщательностью. Следовательно, имя магистрата с предлогом в гераклейских клеймах, так же как и в клеймах других центров, следует рассматривать как имя эпонима, меняющегося каждый год. Несоответствие между сравнительно кратким периодом бытования клейм III группы (по И. Б. Брашинскому) и довольно большим числом эпонимов требует объяснения.

На наш взгляд, имеются основания относить появление предлога ἐπὶ перед именем магистрата в керамических клеймах Гераклеи Понтийской не к началу последней четверти IV в. до н. э., а к первой четверти столетия. На этом раннем этапе гераклейского клеймения наряду с фабрикантскими появляются и магистратские клейма, причем иногда оба клейма оттискивались на амфоре одновременно [8].

Мы считаем, что на первом этапе клеймения в Гераклее наряду с магистратскими клеймами без указания должности появляются и магистратские клейма, снабженные таким указанием. Нам известно несколько экземпляров подобных клейм, все они принадлежат магистрату Аристоклу и представлены тремя различными штемпелями:

---

[6] И. Б. Брашинский. Керамические клейма..., стр. 24—26.
[7] Там же, стр. 26.
[8] Там же, стр. 21 и табл. *1, 4* и *5*.

1. ΕΠΑΡΙ ΣΤΟΚΛΕ ΟΣ	Встречаются в сочетании с клеймами Архелая и Аргея [9].
2. [ΡΑΠΕ] ΚΟΤΣΙ ΣΟΕΛ	Известно в сочетании с клеймом Сотера (из Никония, ОГАМ- 72811) (рис. 1, *2*).
3. ΕΠΑΡΙΣΤ Ο]ΚΛΕΟΣ (читается справа налево)	Известно без сопровождающего клейма (возможно, отбито; из Никония, ОГАМ-76331) (рис. 1, *3*).

Наше предположение об отнесении этих клейм к первому этапу клеймения подтверждается не только сходством указанных пар с парами, где магистратское клеймо не имеет указания должности, но и характером фабрикантских клейм, сопровождающих клейма Аристокла. Клейма Архелая, Аргея и Сотера засвидетельствованы неоднократно и встречаются в основном без стоящего рядом магистратского клейма (в ряде случаев они оттиснуты теми же штемпелями, что и в парах с клеймами Аристокла) [10]. Эти клейма по всем признакам относятся к концу первого этапа гераклейского клеймения: известны сочетание клейма Аргея (тот же штемпель, что и в сочетании с клеймом Аристокла) с клеймом магистрата Даматрия (без предлога) [11] и сердцевидные клейма Архелая (вследствие редкости имени нет сомнения, что перед нами одно и то же лицо), относящиеся уже ко II группе [12].

Таким образом, на основании изложенного мы считаем, что появление предлога ἐπί перед именем магистрата в гераклейских клеймах следует относить к концу первой четверти IV в. до н. э. (первый этап гераклейского клеймения).

На втором этапе клеймения (по И. Б. Брашинскому) имена владельца гончарной мастерской и магистрата объединяются в одном штемпеле, причем имя последнего не сопровождается указанием его магистратского достоинства. Однако сопоставление некоторых клейм II и III хронологических групп заставляет нас изменить точку зрения на этот вопрос.

клейма II группы	клейма III группы
ΑΡΙΣΤΙΠΠΟΣ ΑΡΙΣΤΩΝΟΣ Придик, № 66.	ΑΡΙΣΤΙΠΠΟ серп ΕΠΙΑΡΙΣΤΩΝΟ Юргевич. ЗООИД, XVIII, стр. 109, № 25
ΑΡΙΣΤΩΝ ΛΥΚΩΝ Граков, № 17, 18.	ΑΡΙΣΤΩΝ ΕΠΙΛΥΚΩΝ (читается справа налево) Юргевич, ЗООИД, XVIII, стр. 155, № 16.
ΔΑΜΟΦΩΝ ΚΕΡΚΙΝΟ (читается справа налево) ридик, № 82 (клеймо листовидное).	ΔΑΜΟΦΩΝ ΕΠΙΚΕΡΚΙΝΟ Беккер, ЗООИД, VII, стр. 30, № 46.
ΔΙΟΝΥΣ	ΔΙΟΝΥΣΙΟ ΕΠΙΑΙ

[9] Е. М. Придик Ук. соч., стр. 120, № 13; Е. М. Штаерман. Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 390, табл. 1, *6*; И. Б. Брашинский. Ук. соч., стр. 15, рис. 2. Неопубликованные штемпели на горле амфоры из собрания Одесского музея (ОГАМ=25058) и из Никонпя (ОГАМ=74932).

[10] В. Н. Юргевич. Ук. соч., стр. 120, без номера и стр. 165, № 88; Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 123, №№ 71—73 и стр. 124, № 97; Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 202, № 13, 19, 20.

[11] Э. Р. Штерн. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России. ЗООИД, XXIII, 1, 1901, стр. 32, № 49.

[12] П. В. Беккер. Новая коллекция надписей на ручках древних сосудов, найденных в Южной России. ЗООИД, VII, 1868, табл. 1, *12*; Б. Н. Граков, Ук. соч., стр. 202, № 21; И. Б. Брашинский. Ук. соч., стр. 24, табл. II, *6*.

ΙΟΑΙΘΕ
Из Никония (инв. № ОГУ-1316).

ΘΕ

Придик, № 3. Юргевич, ЗООИД, XVIII, стр. 125, № 16.
(клеймо ромбовидное)

ΗΡΑΚΛΕΙΤ
Σ]ΑΤΥΡ...
Юргевич, ЗООИД, XVIII, стр. 158, № 39.

ΗΡΑΚΛΕ
тирс
ΕΠΙΣΑΤΥ
Шкорпил, ИАК, 11, стр. 152, № 683-б.

ΗΡΟ
ΑΛΚ
Придик, № 116.

ΗΡΟΔΩΡΟ
ΕΠΑΛΚΕΤΑ
Из Тиры (инв. № БД-63/290).

ΝΟΣΣΟ
ΔΕΙΝΟ
Придик, № 140. Юргевич, ЗООИД, XVIII, стр. 162, № 70.

ΝΟΣΟΣΕΠΙ (Sic!)
ΔΕΝΟΜΑΧΟ
Придик, № 19, 20. Граков, № 6.

Мы видим, что каждая пара клейм содержит абсолютно одинаковые имена магистрата и фабриканта. Вряд ли здесь просто длинный ряд случайных совпадений, скорее всего мы имеет дело с одними и теми же лицами (хотя не исключена возможность наличия в ряде случаев омонимов). Следовательно, перед нами еще одно подтверждение нашего предположения о появлении предлога перед именем магистрата в гераклейских клеймах ранее последней четверти IV в. до н. э.

Аналогичные выводы получаются и после анализа ряда клейм II и III групп (по И. Б. Брашинскому) с одинаковыми именами магистратов и различными именами фабрикантов (для сопоставления взяты только те клейма II группы, где не приходится сомневаться в принадлежности имен; кроме того, рассматриваются только клейма со сравнительно редкими именами для максимального уменьшения возможности совпадений.

II группа	**III группа**
магистрат Амфит:	
ΑΠΟΛΛΩ ΑΜΦΙΤΑ Граков, МИА, 36, 1954, стр. 88, № 8.	ΑΜΦΙΣΤΡΑ ΕΠΙΑΜΦΙΤ Из Надлиманского (инв. № ОГУ-1355).
ΜΙΚΚΟΣ ΑΜΦΙΤΑ Юргевич, ЗООИД, XXI, стр. 30, № 4.	Β]ΑΚΧΟΥ Ε]ΠΙΑΜΦΙ Из Никония (инв. № ОГАМ-74906).
магистрат Андр:	
ΤΙΜΑΣ ΑΝΔΡΟ Из Никония (инв. № ОГАМ-72850).	ΕΥΚΛΕΙΩΝ тирс ΕΠΙΑΝΔΡΟ Юргевич, ЗООИД, XVIII, стр. 113, № 51.
магистрат Антаг:	
ΛΥΣΙΟ ΑΝΤΑΓΟ Сальников, МАСП, 5, стр. 210, рис. 11, *2*	ΒΟΑΘΟΥ палица ΕΠΙΑΝΤΑΓ Придик, № 10, 11.
магистрат Даматрий:	
ΜΥΣ ΔΑΜΑ ΤΡΙΟΣ (читается справа налево) Марти-Шкорпил, стр. 151, № 267.	ΕΠΙΔΑΜΑΤΡΙ ΗΡΑΚΛΕΙΔΑΣ Шкорпил, ИАК, 11, СПб., 1904, стр. 150, № 676-а,б.
магистрат Лакон:	
ΧΙΩΝ кольцо ΛΑΚΩΝ Придик, № 168.	ΕΥΡΥΦΩΝ кольцо ΕΠΙΛΑΚΩΝ Из Никония (инв. № ОГАМ-74224).

магистрат Лисптей:

ΑΤΤΗΣ
гроздь
ΛΥΣΙΘΕ
Брашинский, СА, 1961, 3, стр. 183, рис. 6, *2*.

ΚΟΚΚΟΣ
гроздь
ΛΥΣΙΘΕΟΣ
Граков, № 47.

ΣΤΑΣΙΧΟΡΟ
гроздь
ΛΥΣΙΘΕΟ
Брашинский, СА, 1961, 3, стр. 183, рис. 6, *2*

ΕΠΙΛΥΣΙΘΕΟ
ΒΛΑΣΘΟΣ гроздь
Придик, № 39.

магистрат Скиф:

ΣΚΥΘΑΣ гроздь
ΜΑΛΑΚΩΝ
Придик, № 153. Граков, № 56.

ΜΥΣ
ΣΚΥΘΑΣ
Граков, № 53.

ΒΟΤΑΧΟ
ΣΚΥΘΑ
Граков, МИА, 36, стр. 88, № 9.

ΗΡΑΚΛΕΙΔΑ
гроздь ΕΠΙΣΚΥΘΑ
Из Никония (инв. № ОГАМ-74381).

ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟ
ΕΠΙΣΚΥΘΑ
Граков, № 8.

Здесь нет стопроцентной уверенности, что перед нами не совпадения, однако в примерах с одинаковой эмблемой можно почти не сомневаться, что мы имеем дело с одним и тем же лицом. Рассмотрим теперь некоторые клейма II и III групп (по И. Б. Брашинскому) с одинаковыми именами фабрикантов и различными именами магистратов. Как и в предыдущих примерах, привлекаются только те клейма II группы, где принадлежность имен не вызывает сомнений. Имена фабрикантов для максимального уменьшения вероятности совпадений выбраны по тому же принципу, что и имена магистратов в предыдущих примерах.

II группа

фабрикант Агафон:

ΑΓΑΘΩΝ
ΓΝΑΘΩΝΟΣ
Юргевич, ЗООИД, XVIII, стр. 152, № 1.

фабрикант Дпокл:

ΔΙΟΚΛ
ΕΟΥ
Σ
Из Никония (инв. № ОГАМ-74904). (клеймо сердцевидное).

фабрикант Эвклейон:

Α]ΡΙΣΤΟΚΛΗ
Σ]ΕΥΚ[ΛΕΙ]ΩΝ
Из Никония (инв. № ОГАМ-74897).

ΕΥΚΛΕΙΩΝ
ΘΕΟΜΑΡΙΣΤ
ΟΚΛΕΟΣ
Из Никония (инв. № ОГАМ-74821).

III группа

фабрикант Агафон:

ΑΓΑΘΩΝ
ΕΠΙΔΙΟΝΥΣΙΟ
Юргевич, ЗООИД, XVIII, стр. 133, № 1.

фабрикант Дпокл:

ΔΙΟΚ...
ΕΠΙ...
Из Никония (инв. № ОГАМ-76311).

фабрикант Эвклейон:

ΕΥΚΛΕΙΩΝ
тирс
ΕΠΙΑΝΔΡΟ
Юргевич, ЗООИД, XVIII, стр. 113, № 51.

ΕΠΙΚΑ[ΡΑΚΥ]ΔΕΟΣ
Ε[ΥΚΛ]Ε[Ι]ΩΝ
Придик, № 30 (клеймо в форме гроздя с гроздью в центре).

фабрикант Мюс:

ΜΥΣ
ΔΑΜΑ
ΤΡΙΟΣ
(читается справа налево)
Марти-Шкорпил, стр. 151, № 267.

ΜΥΣΔΙΟ
ΝΥΣΙΟΣ
Беккер, ЗООИД, VII, стр. 31, № 55.
Юргевич, ЗООИД, XI, стр. 64, № 16.

ΜΥΣ
ΣΚΥΘΑΣ
Граков, № 53.

ΜΥΣΕΠ
ΑΛΚ]ΕΤ[Α
(читается справа налево)
Придик, МИА, 4, 1941, стр. 192, № 175.

ΕΠΕΥΠ[Α
ΜΥΣ
Из Надлиманского (без номера).

ΜΥΣ гроздь
ΕΠΙΣΙΛΑ
Из Никония (без номера).

фабрикант Пасиад:

ΠΑΣΙΑ[ΔΑΣ
ΜΟΛΟΣΣΟΣ
Юргевич, ЗООИД, XVIII, стр. 163, № 73.

ΠΑΣΙΑΔΑ
ΕΠΑΕΘΕΡΟΣ
Придик, № 4.

ΕΠΙΛΥΚΩΝ
ΠΑΣΙΑ[ΔΑ
Из Тиры (инв. № БД-49/453).

Мы видим, что и в этом случае получаются аналогичные выводы: одинаковые имена фабрикантов встречаются в клеймах обеих групп, что приводит к мысли о хронологической близости этих клейм. Однако здесь следует учитывать тот факт, что каждый фабрикант клеймил амфоры в течение ряда лет. Поэтому не исключена возможность, что в некоторых случаях мы имеет дело с клеймами переходного периода от II ко III группе (не исключены и случайные совпадения). Во всяком случае наше предположение о появлении предлога ἐπί перед именем магистрата ранее последней четверти IV в. до н. э. подкрепляется многими примерами (мы не можем во всех без исключения случаях видеть случайные совпадения). В пользу нашего мнения свидетельствуют и находки в комплексе конца V — начала IV в. до н. э. гераклейских клейм I—III групп и находки клейм III группы в одновременных этому комплексу слоях [13]. Кроме того, наше предположение подтверждается и чрезвычайно интересным клеймом, ускользнувшим почему-то от внимания И. Б. Брашинского. Это треугольное клеймо с легендой, содержащей только имя магистрата с предлогом — ΕΠΙΑΝΔΡΟΝΙΚΟΥ [14]. Фигурные клейма с одним именем, как будет показано в специальной статье, мы считаем фабрикантскими и относим к самому началу второго периода гераклейского клеймения (по И. Б. Брашинскому). Данное же клеймо, по всем признакам относящееся к этому типу, является магистратским и тем самым лишний раз подтверждает нашу точку зрения.

На основании изложенного выше мы представляем себе картину гераклейского клеймения (в основном следуя классификации И. Б. Брашинского) следующим образом. На первом этапе (конец V — первая четверть IV в. до н. э.) наряду с фабрикантскими появляются и магистратские клейма, причем, в конце этого периода оба клейма ставились одновременно

---

[13] В. М. Скуднова. Комплекс находок из раскопок святилища Кабиров в Нимфее. КСИИМК, 63, 1956, стр. 133, 136, 137.

[14] В. Н. Юргевич. Ук. соч., стр. 107, № 15; Э. Р. Штерн. По поводу вновь приобретенных музеем древностей, особенно нового эпиграфического материала. ЗООИД, XXII, V, 1900, стр. 111, № 9.

на одной амфоре. В это время впервые появляются магистратские клейма с четким указанием на эпонимный характер должности (предлог ἐπί), Второй этап гераклейского клеймения характеризуется уже объединением имен магистрата и фабриканта в одном штемпеле (промежуточные формы будут рассмотрены специально, но и среди них также встречаются магистратские клейма с характерным предлогом, см. упомянутое выше треугольное клеймо с именем Андроника). В это время имя магистрата уже довольно часто предваряется указанным предлогом, хотя основная масса клейм его еще не содержит. На всем протяжении этого этапа (вторая-третья четверти IV в. до н. э.) предлог ἐπί употребляется спорадически перед именами отдельных магистратов, причем иногда встречаются клейма одних и тех же магистратов как с предлогом, так и без него. Постепенно этот процесс становится все более упорядоченным, и к началу следующего этапа клеймения (последняя четверть IV в. до н. э.) употребление предлога ἐπί в клеймах становится обязательным, т. е. окончательно устанавливается формула клейма.

При таком взгляде на характер гераклейского клеймения устраняется несоответствие между числом магистратов, имена которых снабжены указанием должности, и периодом бытования клейм III хронологической группы. Высказанное нами предположение ни в коей мере не претендует на окончательное решение вопроса о характере клеймения тары в Гераклее Понтийской и нисколько не умаляет достоинств гипотезы И. Б. Брашинского. Высказав свое мнение, мы попытались уточнить некоторые детали его хронологической схемы, опирающейся на достаточно надежные факты. К сожалению, в настоящее время мы не располагаем необходимым количеством данных для составления более или менее полного списка имен гераклейских магистратов, который бы подтвердил правильность нашего мнения, — это дело будущего.

Н. З. КУНИНА

ГРУППА ПОЛИХРОМНЫХ СТЕКЛЯННЫХ СОСУДОВ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ

В богатом собрании античного стекла Государственного Эрмитажа особую группу составляют четыре небольших сосуда из разноцветного стекла.

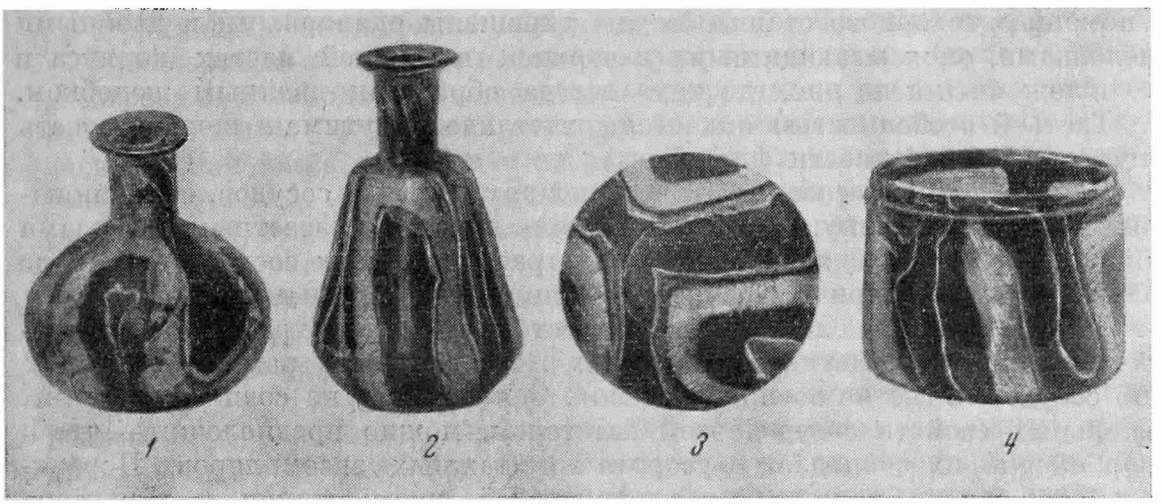
1. Флакончик (инв. Е 698, рис. *1*) с узким коротким горлышком, отогнутым венчиком, округлым, расширяющимся в нижней части туловом и плоским дном. Горлышко искривлено. Высота 6 *см*, наибольший диаметр тулова 5 *см*, толщина стенок 2—3 *мм*. На тулове трещины. Поступил в Эрмитаж из коллекции А. В. Новикова, по описи коллекции место его находки — керченское Глинище.

2. Флакончик (инв. Е 1044, рис. *2*) имеет короткое горлышко с отогнутым венчиком и грушевидное тулово с четкими гранями, отделяющими покатые плечики и нижнюю часть, скошенную к плоскому дну. Высота 7,4 *см*, наибольший диаметр тулова 4,4 *см*, диаметр дна 2,4 *см*, толщина стенок 2—2,5 *мм*. Поступил в Эрмитаж из коллекции Д. И. Толстого. Место находки неизвестно.

3. Нижняя часть флакончика (инв. № П. 1843. 38), по форме аналогичного предыдущему, но несколько больших размеров (рис. *3*). Сохранившаяся высота 3,1 *см*, наибольший диаметр тулова 5,4 *см*, толщина стенок 2,5—3,5 *мм*. Найден в 1843 г. в одном из керченских курганов, по левую сторону дороги в Карантин. Вместе с ним в гробнице были найдены ре-

берчатая чашечка из непрозрачного белого стекла с голубыми разводами и миниатюрный флакончик из непрозрачного голубоватого стекла [1].

4. Пиксида без крышки (инв. II. 1883. 6) цилиндрической формы (рис. 4). По верхнему краю проходит закраина для крышки. Книзу пиксида едва заметно расширяется. Переход ко дну округлый. Дно плоское. Высота 4,3 *см*, верхний диаметр 5,5 *см*, диаметр дна 4,7 *см*, толщина стенок 2,5 *мм*. В нижней части сосуда трещина. Найдена в 1883 г. в окрестностях Керчи, в подкурганной плитовой гробнице № 6, в саду странноприимного дома Золотаревых.



Полихромные стеклянные сосуды из Эрмитажа

1 — флакон, инв. № Е.698; *2* — флакон, инв. № Е.1044; *3* — фрагмент флакона, инв. № П.1843.38 (наружная сторона дна); *4* — пиксида, инв. № П.1883.6

В той же гробнице вместе с остатками богато украшенного деревянного саркофага были обнаружены две корзины с орехами, шесть глиняных флаконов, большая кружка синего стекла с желтыми и белыми пятнышками, флакон бесцветного стекла с резным орнаментом, еще один стеклянный сосуд, бронзовый светильник и лигнитовый набалдашник трости [2].

Публикуемые сосуды имеют ряд характерных особенностей, объединяющих их в одну группу. Первая особенность — это разноцветные полосы стекла, образующие на поверхности сосудов петлеобразный узор. Сочетание цветов у всех сосудов повторяется: темно-синий, белый, изумрудно-зеленый, золотой и, кроме того, пурпурный (последнего цвета нет лишь у пиксиды). Основные цвета — синий, зеленый и золотой — образуют широкие полосы, пурпурный же и, особенно, белый — узкие прожилки. Полоса золотого цвета выполнена в сложной технике: золотая фольга заключена между двумя слоями бесцветного прозрачного стекла; обращает внимание то, что фольга покрыта трещинками, отдельные ее частички местами значительно удалены друг от друга.

Общий характер узора и расположение цветных полос совершенно сходны у всех экземпляров. Приблизительно от центра дна синие полосы расходятся в три стороны, а рядом и между ними расположены остальные цветные полосы (варианты в чередовании цветов различны). Прихотливо

[1] Архив ГЭ, Оп. 1, 1848 г., д. № 35, л. 26; ДБК, 1, стр. LXVI, II, табл. LXXVII, *16* и *16а*; III, стр. XXVII; М. Бларамберг. Археологические разыскания в Керчи, ЗООИД, II, 1850, стр. 818, 819.

[2] Рукописный архив ЛОИА АН СССР, д. 1883 г., № 3, лл. 16, 33 и 34; ОАК за 1882—1888 гг., стр. XXV—XXVI. Из перечисленных находок в Гос. Эрмитаж поступили, кроме пиксиды, кружка синего стекла, стеклянный флакон с резным орнаментом, бронзовый светильник, набалдашник и части саркофага.

изгибаясь, цветные ленты поднимаются по стенкам сосуда. Местами они как бы наползают друг на друга, но цвета при этом никогда не смешиваются. В целом узор растянут по вертикали. В поперечном сечении стенок (которое особенно хорошо прослеживается на фрагменте третьего флакона) видно, что хотя полоса одного цвета, как правило, составляет всю толщину стенки сосуда, местами стенка двуслойная, так как одна из соседних полос частично перекрывает другую.

Второй особенностью наших сосудов является то, что все они с внешней стороны обработаны на токарном станке. Поверхность пиксиды, поскольку это открытый сосуд, отшлифована не только снаружи, но и внутри. Следы полировки хорошо видны на поверхности сосудов. Кроме того, с помощью токарного станка сосуды украшены одинарными и двойными желобками, опоясывающими их в верхней и нижней частях корпуса и расположенными на дне, где круг всегда образован двойным желобком.

Третьей особенностью является отчетливо ощутимая шероховатость внутренней поверхности флаконов.

Перечисленные особенности четырех эрмитажных сосудов, объединяющие их в одну группу, позволяют связать их с уже известными сосудами той же категории, для которой формы рассмотренных сосудов (оба вида флаконов и цилиндрическая пиксида) являются обычными.

Опубликовано около семи десятков таких сосудов, хранящихся в различных музеях и частных коллекциях [3]. В известных нам публикациях дно сосудов нигде не воспроизведено [4]. Основываясь на совпадении отличительных свойств сосудов этой категории, можно предположить, что и узор на дне их совпадает с узором эрмитажных экземпляров. Поразительная близость форм, расцветок [5], деталей орнаментации и характера обработки эрмитажных и аналогичных им сосудов заставляет думать, что все они вышли из одной мастерской и изготовлялись с помощью одних и тех же технических приемов.

Относительно техники их изготовления мнения расходятся. Так Р. Цан, публикуя флакон, аналогичный нашему второму флакону, говорит, что сосуд выдут [6]. Ф. Фремерсдорф, наоборот, утверждает, что такие сосуды не были выдувными, а изготовлялись с помощью наливания массы из соединенных между собой цветных полос на глиняное ядро [7]. К. Эйзингс кратко замечает, что флаконы изготовлялись на песчаном ядре, а пиксиды прессовались в форме [8]. В каталоге коллекции Смита высказано предположение о комплексном методе изготовления этих сосудов, включающем литье на песчаную поверхность, формовку и дутье. Именно дутьем объясняет он растрескивание золотой фольги [9]. Однако странным кажется сочетание таких, казалось бы исключающих друг друга приемов, какими являются литье на песчаную поверхность (ядра?) и дутье.

---

[3] Сводку материала и литературу вопроса см. в след. работах: F. Fremersdorf. Alexandrinisches Buntglas aus einer Grabummauerung in Köln. «Germania Anzeiger», 16, 1932, стр. 282 сл.; Die Denkmäler des Römischen Köhn. III, Köln. 1958, стр. 23, табл. 8; Glass From the Ancient World. Corning, New York. 1957, стр. 87—89, № 143—145; A. von Saldern. Ancient Glass in Split. JGS, VI, Corning, New York, 1964, стр. 42, рис. 1; A. J. Oliver. Zate Hellenistic Glass in the Metropolitan Museum. JGS, IX, New York, 1967, стр. 20—25.

[4] Если не считать нашего фрагмента, инв. П 1843, 38, дно которого показано в ДБК, II, табл. XXII. *16а*.

[5] Иногда вместо пурпурной полосы издатели этих сосудов называют красную или коричневую; в ряде случаев, как и у эрмитажной пиксиды, этот цвет отсутствует.

[6] R. Zahn. Sammlung Baurat Schiller. Berlin, 1929, № 190.

[7] F. Fremerslorf. Alexandrinisches Buntglas..., стр. 284—285; Die Denkmäler..., стр. 23.

[8] C. Jsings. Roman Glass From Dated Finds. Groningen.— Djakarta. 1957, стр. 23—24.

[9] Glass from the Ancient World, стр. 89.

Нам представляется убедительным мнение Фремерсдорфа, что эти сосуды не выдувались. Сравнительно большая толщина стенок эрмитажных сосудов (2—3,5 *мм*) и шероховатость внутренней поверхности говорят сами за себя. На нашем третьем фрагменте особенно хорошо заметна не только отмеченная шероховатость, но также и коричневатый налет, проникший во все поры стекла и даже застрявшие в массе стекла отдельные комочки. Очистить сосуд от этого налета не удалось; он, вероятно, возник в процессе изготовления флакона и является следом глиняно-песчаного ядра, а не почвенным налетом.

Конечно, вопрос о технике изготовления наших сосудов можно будет окончательно решить лишь после экспериментального исследования. А пока ограничимся некоторыми соображениями об изготовлении флаконов.

Предварительно заготовленное стекло разного цвета (кроме золотого) разогревали и наливали последовательно друг на друга в несколько слоев разной толщины (пурпурный и белый были самыми тонкими). Получалась слоеная масса, состоящая из разноцветных полос стекла. От нее отрезали отдельные куски и укладывали плашмя на разогретый металлический лист. В нужные места помещали заранее заготовленные двуслойные полосы прозрачного стекла с золотой фольгой внутри. Так получали нужную комбинацию цветных полос [10]. Изогнув особым образом разноцветно-полосатую массу, формовали флакон, обволакивая ею глиняно-песчаное ядро заданной формы. Разогретое разноцветное стекло медленно расползалось, узор растягивался по вертикали, а тонкая золотая фольга при этом разрывалась и отдельные ее частицы более или менее отдалялись друг от друга. В процессе формовки сосуда поверхность его, вероятно, прессовали, в результате чего цветные полосы местами наползали друг на друга. После остывания сосуд шлифовали, а ядро извлекали. Изготовление пиксид происходило, вероятно, путем прессования в форме массы из разноцветных полос, приготовленной описанным способом.

Если относительно техники изготовления существуют разногласия, то по вопросу о времени и центре производства полихромных сосудов с золочением исследователи более единодушны. Р. Цан, А. Сальдерн и автор каталога коллекции Смита датируют эти изделия I в. н. э.; Ф. Фремерсдорф уточняет дату, относя их к концу I в. до н. э.— началу I в. н. э. [11]

Археологический материал, сопровождавший два наших сосуда в некрополе близ Керчи (реберчатая чашечка вместе с нашим третьим фрагментом и кружка пестрого стекла вместе с нашей пиксидой), также указывает на I в. н. э. Возможно, что сосуды были сделаны в первой половине I в. н. э. и как дорогостоящие вещи долго сохранялись, пока не были помещены в гробницу.

Центром производства стекла этого типа названные авторы считают Александрию. А. Сальдерн полагает, что наряду с Александрией его делали и в Италии [12]. Вопрос этот в настоящее время, конечно, не может быть решен окончательно, поскольку места находок подавляющего большинства опубликованных образцов неизвестны. Все же некоторые соображения могут быть высказаны.

Выше отмечалась исключительная близость этих сосудов по формам, орнаментации и технике исполнения; весьма вероятно, поэтому, происхождение их из одного центра, может быть даже из одной мастерской. Вместе с большинством исследователей мы предполагаем, что этим центром была скорее всего Александрия. Техника соединения разноцветных стекол в один узор, сочетание ярких локальных красок, подражание узору

---

[10] Предположение о процессе предварительной подготовки стекломассы высказано Б. А. Шелковниковым.

[11] R Zahn. Ук. соч., стр. 81; A. von Saldern. Ук. соч., стр. 42; Glass From the Ancient World, стр. 87—89; F. Fremersdorf. Alexandrinisches Buntglas..., стр. 286; Die Denkmäler..., стр. 23.

[12] A. von Säldern. Ук. соч., стр. 42.

цветного камня, шлифование стекла (в подражание обработке камня) — все это характерно для египетского стеклоделия. В пользу александрийского происхождения рассматриваемых сосудов косвенно свидетельствует и введение в орнамент сосудов двуслойной полосы прозрачного бесцветного стекла с прокладкой золотой фольги. Известен целый ряд чаш III—II вв. до н. э., украшенных орнаментом из золотой фольги, заключенной между двумя слоями бесцветного стекла. Большинство исследователей придерживается мнения об их александрийском происхождении [13]. Следовательно, можно думать, что в Александрии в эллинистическое время научились и обесцвечивать стекло и помещать между двумя слоями стекла орнамент из золотой фольги. Именно эти два достижения были использованы в раннеримское время при изготовлении полихромных сосудов с золочением. Хотя золочение эллинистических чаш производилось холодным способом, а полос в наших сосудах — горячим, тем не менее сама идея межстеклянного золочения могла быть заимствована мастерами александрийцами у своих александрийских предшественников. Таким образом, вероятнее всего, именно Александрия была центром производства полихромных стеклянных сосудов с золотой полосой [14].

Наши сосуды являются характерными продуктами античного стеклоделия времени начала римской империи, когда наряду с появившейся техникой выдувания, существовали, совершенствовались, видоизменялись и комбинировались старые технические приемы изготовления стеклянных изделий, пришедшие еще из эллинистической эпохи. Техническая сложность изготовления сосудов, высокое качество их внешней отделки, яркость цветного узора, подражающего узору цветного камня и обогащенного блеском золота, — все говорит о том, что перед нами безусловно шедевры античного стеклоделия, высоко ценившиеся в древности.

Находки в некрополе Пантикапея этих прекрасных косметических стеклянных сосудов, привезенных, возможно, из далекой Александрии Египетской, дополняют красноречивым штрихом картину материальной культуры Боспора I в. н. э.

---

[13] A. von Säldern. Glass Finds at Gordion. JGS. I, Corning, New York. 1959, стр. 48.

[14] Если справедливо предположение о том, что эти сосуды формовались по глиняно-песчаной основе, т. е. делались в традиционной древней технике, свойственной стеклоделию стран Двуречья, Передней Азии и Египта, то это также может косвенно свидетельствовать в пользу их александрийского происхождения, как и в пользу их сравнительно ранней датировки (конец I в. до н. э.— начало I в. н. э.).

М. П. ВАУЛИНА

ФРАГМЕНТЫ ДЕРЕВЯННОГО САРКОФАГА С РЕЗНЫМ КАРНИЗОМ ИЗ КЕРЧИ

В 1905 г. в Эрмитаж были доставлены фрагменты деревянных саркофагов, отобранных Г. Е. Кизерицким в Керченском музее из числа найденных в различное время в окрестностях Керчи. Точное происхождение их, однако, неизвестно [1].

Из этих фрагментов я выделяю три части, принадлежавшие одному саркофагу [2]. Это две доски от продольных стенок и карниз с резным ор-

---

[1] Опись Археологической Комиссии 1905 г. от 7 марта за № 411, книга поступлений № 1391.

[2] Инв. ГЭ, ПАН, 1657.

наментом, непосредственно примыкавший к верхней части одной из досок, на что указывает расположение шипов (нагалей), соединяющих эти части (рис. 1).

Доски тонкие, длина их 1,73 *м*, ширина — 0,33 *м*. Толщина досок колеблется от 1,1 до 1,8 *см*. Плоскость наружной стороны досок правильная, но поверхность ее не сглажена, заметны следы обработки в виде желобков, идущих преимущественно в одном направлении. С внутренней сто-

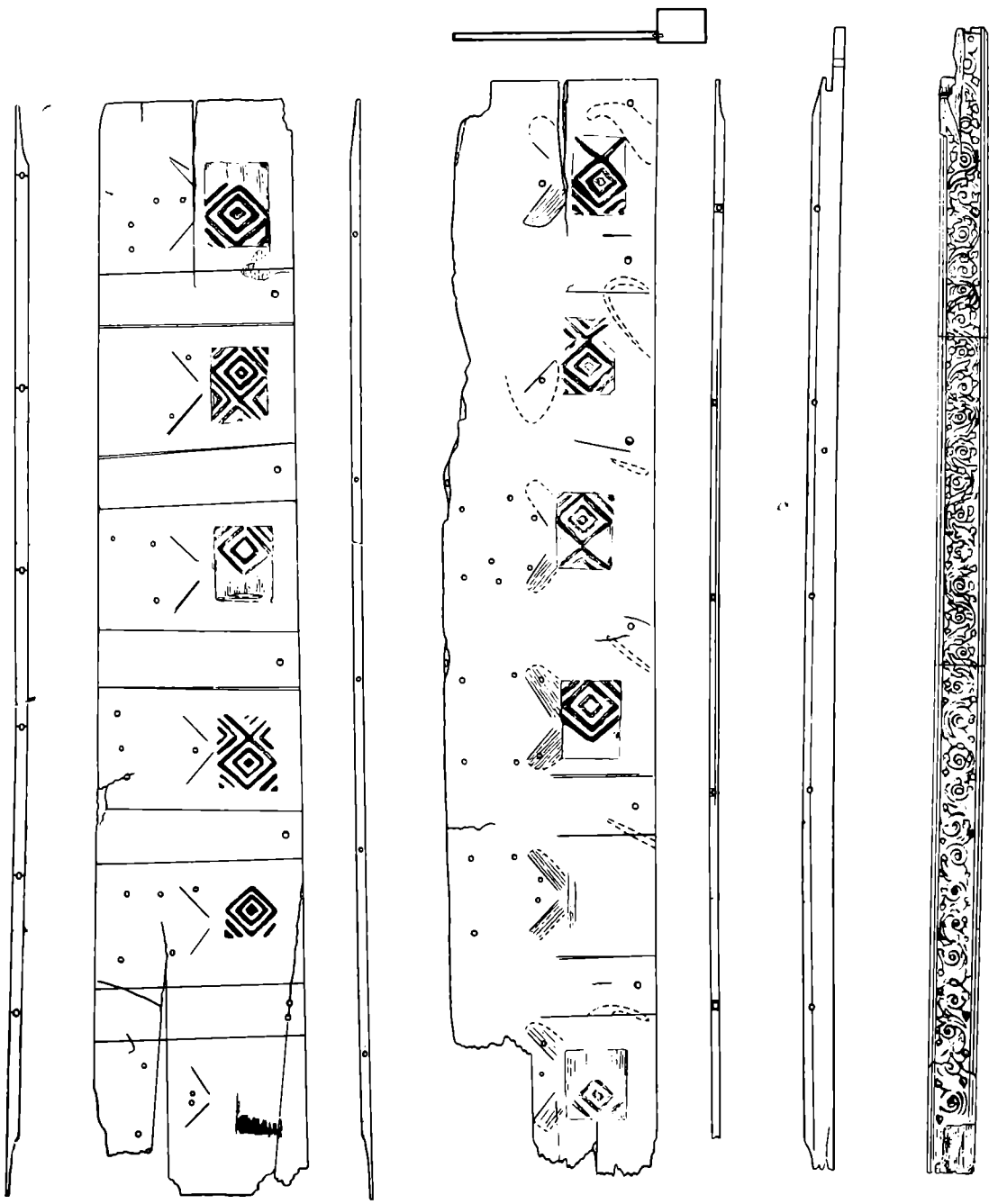


Рис. 1. Детали саркофага из Керчи

роны распиловка досок грубая. Следы пилы прерывчаты и идут в разных направлениях. На одной из досок распиловка не была закончена, а недопиленная часть паспех стесана топором. Для крепления досок в угловых частях саркофага концы их стесаны топором. Верхние и нижние срезы досок обработаны очень тщательно. Вдоль краев тонкими врезами намечены места сверления гнезд для шипов, соединяющих доски.

На лицевой стороне досок было укреплено, вероятно, по пять вертикальных дощечек-пилястров, места размещения которых были обозначены мастером врезанными линиями; сами пилястры не сохранились. На одной из досок эти линии прорезаны по границам крепления пилястров во всю их высоту. Неудачно проведенные линии мастер выравнивал. На другой доске разметка была произведена еще небрежнее: линии намечены только в верхней части доски, места же для двух пилястров не были обозначены. Пилястры укреплялись при помощи шипов, для которых были просверлены гнезда в верхней части досок. О наличии пилястров свидетельствует и изменившийся цвет дерева в этих местах.

Вверху между пилястрами находилась орнаментальная роспись, исполненная бурой краской, но плохо сохранившаяся. Узор, состоящий из ромбов, вписанных друг в друга и несимметрично расположенных, имеет прямоугольные очертания.

Схема росписи в виде ромбов, вписанных в прямоугольники, встречается в росписи склепов на Боспоре. Примером может служить склеп, вскрытый в 1875 г. [3]. Здесь пестрые мраморовидные ромбы и прямоугольники заполняют пространство между живописными пилястрами. Однако этот тяжеловесный пояс является обрамлением композиции, выполненной в легком «ковровом» стиле. М. И. Ростовцев датирует склеп первой половиной II в. [4]. Те же черты носит и роспись склепа, описанного В. В. Стасовым. Исходя из нагромождения украшений и отсутствия строгой композиции, М. И. Ростовцев датирует склеп серединой II в. [5].

Схему вписанных друг в друга уменьшающихся ромбов мы находим на деталях росписи склепа, открытого в усадьбе нотариуса Фельдштейна в 1905 г. Здесь на западной стене главной комнаты помещены два ромба с линиарно-геометрическим орнаментом, выполненным коричневой краской по желтому фону. Комплекс погребения в склепе датирует роспись первой половиной II в. [6]. Иная роспись в склепе Сабазиастов, открытом в 1901 г. [7]. Роспись исполнена почти графически красной краской непосредственно по скале. На одной из стен склепа по бокам сосуда с виноградной лозой помещены, как их называет М. И. Ростовцев, различного рода «решетки». Правая из них напоминает заполнение прямоугольников на наших деревянных фрагментах. Нижняя часть росписи склепа не сохранилась, но М. И. Ростовцев считает, что утрачены лишь незначительная ее часть, так как роспись, по его мнению, едва ли доходила до самого пола [8]. Поэтому возможно, что геометрический мотив завершал не целый ромб, а только часть ромба, как на эрмитажных фрагментах.

Можно думать, что штриховая ромбовидная сетка в росписи склепа, открытого в 1901 г., как и на наших фрагментах, имитирует ткань или ковер. Изображение ковра с узором в виде шахматной доски со стрельчатой бахромой по краям мы видим в росписи склепа Неаполя Скифского [9].

Применение ткани для отделки саркофагов известно по памятникам V—IV вв. до н. э., примером чего может служить деревянный саркофаг из VI Семибратнего кургана, крышка которого, по свидетельству В. Г. Тизенгаузена, была обита шерстяной узорчатой тканью [10]. Характерный при-

---

[3] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. XXIV—XXV.

[4] Там же, стр. 291.

[5] Там же, табл. XXIX, стр. 344—345.

[6] Там же, табл. XIX, *2*, стр. 264

[7] Там же, табл. XCVII.

[8] Там же, стр. 212—216.

[9] П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция в 1946 г. «Советский Крым», 13. Симферополь, 1947; В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья. М., 1947, стр. 111, рис. 71.

[10] Инв. ГЭ. С. Бр. VI, 16; ОАК за 1875 г., стр. XI.

мер декорировки тканью стенок саркофага — грандиозный саркофаг из Юз-Обы [11]. Его внутренний грубо отесанный ящик был обтянут шерстяной тканью с белыми и пурпурными полосами. Наружные стенки деревянного саркофага, найденного в 5-й могиле склепа № 2 некрополя Тиритаки (раскопки 1934 г.) [12] были украшены гипсовыми рельефами, а внутренние — росписью в виде сетки ромбов, исполненных черной краской по белому фону. По находкам в склепе М. М. Кобылина датирует погребение I—II вв. н. э. По-видимому, роспись здесь имитировала ткань, которой иногда обтягивались и внутренние стенки гроба.

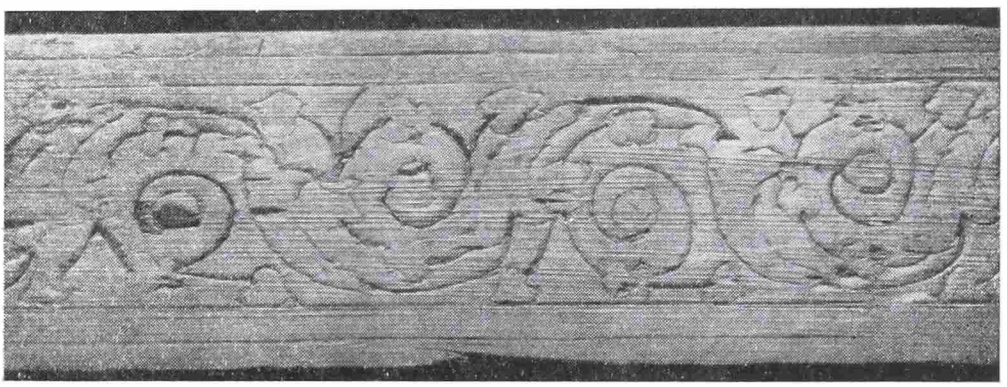


Рис. 2. Резной карниз саркофага

Приведенный материал позволяет утверждать, что мотив росписи и асимметричный узор на наших фрагментах саркофага также является имитацией ткани.

Под росписью, между пилястрами, помещались рельефные украшения. На это указывают пометки мастера в виде врезанных линий, расположенных под углом. Кроме того, на одной из сторон саркофага над ними видны светлые дугообразные очертания — следы прикрепления деревянных украшений (крепились они небольшими деревянными шипами — нагелями, которые, возможно, были окрашены). В нижней части досок, между пилястрами, расположены гнезда с остатками круглых деревянных шипов, от одного до семи в каждом пролете. Шипы нагеля группируются различно, без симметрии, не повторяясь. Это обстоятельство говорит о размещении здесь сложных рельефных композиций в виде групп или отдельных фигур в различных позах. Они могли быть выполнены только из дерева, так как украшения из гипса требовали иных креплений. Фигуры эти, вероятно, были раскрашены и заполняли все свободное пространство. Весьма вероятно, что композиции представляли собой изображения культовых сцен, характерных для склепов «геометрического стиля» [13].

Непосредственно к верхнему краю доски примыкал прямоугольный карниз, выступающий над стенкой почти на 3 *см*. Длина его 1,8 *м*, высота 7,4 *см*, ширина 4,3—4,6 *см* (рис. 2). Вдоль лицевой стороны карниза помещен резной растительный орнамент в виде спиралевидных завитков, пересеченных в трех местах цветами и заканчивающихся кружочками. От наружного витка стебля отходят по два сердцевидных листа аканфа, обращенных вершиной поочередно вверх и вниз и соединенных стеблями, инкрустированными деревом более светлой породы.

---

[11] А. П. Иванова. Художественные изделия из дерева и кости. АГСП, I, М.—Л., 1955, стр. 414.

[12] М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиратаки в 1934 г. МИА, 4, 1941, стр. 77. Воспроизведение отсутствует.

[13] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 426—428.

Инкрустацией предполагалось выполнить сердцевидные листики, цветы и кружочки внутри спиралевидных завитков. На карнизе, главным образом в правом его конце, эти детали орнамента в некоторых местах немного углублены с целью приготовить гнезда для инкрустации, но работа осталась незаконченной.

Карниз позволяет проследить технику резьбы орнамента. Завитки растения на всем протяжении карниза не были вырезаны. Рисунок их лишь эскизно был намечен тиснением способом насечки. На следующем этапе работы рисунок должен был быть углублен, а затем инкрустирован другой породой дерева, что было выполнено мастером только в некоторых местах карниза.

Саркофаг относится к типу саркофагов в виде храмика с колонками или пилястрами; тип этот имел широкое распространение на Боспоре в римское время [14]. Однако на рассматриваемом саркофаге не было арочек между пилястрами и поддерживающих их колонок, которые украшали два саркофага из Керчи — из раскопок 1910 [15] и 1875 гг. [16]. Колонки, поддерживающие арочки, должны были быть раза в два у́же пилястров, но в таком случае они прикрыли бы часть шипов и линейных разметок мастера, сделанных в расчете на прикрепление других украшений. Поэтому правильнее отнести наш саркофаг к типу без соединяющих арочек и представить его аналогичным керченскому саркофагу из раскопок Д. Карейши в 1842 г., известному нам по акварельному рисунку [17] и саркофагу в берлинском музее [18]. Крепление углов эрмитажного саркофага было выполнено, по-видимому, так же, как в берлинском [19]. Кроме того, в обоих случаях использовались тонкие доски.

Близким является и саркофаг из собрания Эрмитажа, отнесенный А. П. Ивановой к числу саркофагов, найденных И. Бларамбергом в 1843 г. при раскопках гробниц влево от Карантинного шоссе [20]. А. П. Иванова датирует его по общему типу и стилю росписи I—II в.

Издаваемые фрагменты саркофагов следует датировать не ранее второй половины II в. В пользу такой даты говорит схема росписи, перегрузка украшениями, отсутствие грунта для росписи, скупое применение красок, что связывает саркофаг с росписью склепа Сабазиастов.

Таким образом, рассмотренные фрагменты из Керчи неизвестного происхождения с полностью утраченными рельефами представляют немалый интерес, они позволяют проследить различные этапы работы мастера и технику изготовления деталей. Можно установить, что первоначально работа велась тщательно, но затем в силу каких-то причин кончилась наспех. Карниз же укреплен в незаконченном виде. Издаваемые фрагменты дают представление об интересном образце боспорской группы саркофагов с пилястрами и фигурками между ними.

---

[14] А. П. Иванова. Черты местного стиля в деревянной резьбе Боспора римского времени. Тр. ОАМ ГЭ. I, 1945, стр. 170—171.

[15] ГЭ, Инв. II. 1910. 18 и II. 1910, 21; М. И. Ростовцев. Ук. соч.

[16] ОАК за 1874 г., стр. IX; ОАК за 1875 г., стр. 5 (виньетка).

[17] C. Watzinger. Griechische Holzsarkophage. Leipzig, 1905, стр. 47, рис. 86.

[18] Там же, стр. 48, рис. 89.

[19] Там же, стр. 48, рис. 91.

[20] А. П. Иванова. Черты местного стиля..., стр. 174, табл. XI. Этот саркофаг также нами собран из отдельных частей неизвестного происхождения в 1936 г. и укреплен на каркасе в реставрационной мастерской ГЭ реставратором Г. Мироновым.

В. ГЕНСЕЛЬ, У. И А. ДЫМАЧЕВСКИ, С. ГИЛЬЧЕРУВНА

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЬСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ГОРОДИЩЕ СТЫРМЕН, ОКРУГ РУСЕ В БОЛГАРИИ (1962—1968)

Предварительное ознакомление с археологическими источниками древней культуры славян, найденными на территории Болгарии, позволило предположить, что расширение фронта исследований позволит более тщательно изучить целый ряд проблем, по своему значению значительно выходящих за пределы этой страны. Необходимость проведения исследований в широком масштабе признали как польские, так и болгарские исследователи.

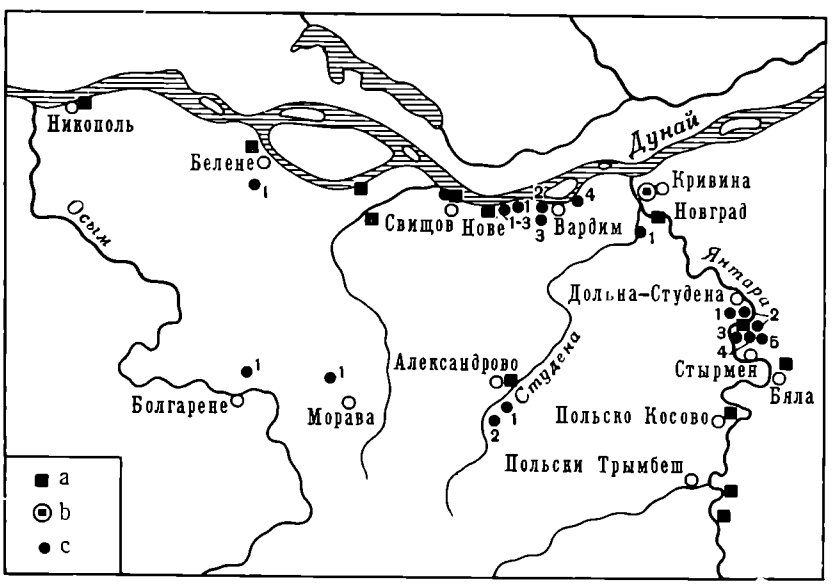


Рис. 1. Территория, обследованная польской экспедицией в 1961 г.

а — городище, *в* — городище с наслоениями периода раннего средневековья, *с* — поселение

Запланированные исследования должны были в основном дать материал для изучения периода начала заселения славянами территории Болгарии, при этом особенное внимание обращено было на проблему формирования городов в период раннего средневековья и на их связь с местной позднеантичной городской культурой. С этой целью были начаты работы на территории между реками Янтра и Осым (рис. 1).

Исследования, проведенные в 1961 г., носили предварительный характер. Задачей этих исследований была археологическая разведка намеченного района и выбор объектов для проведения стационарных исследований [1].

Для раскопок было выбрано городище Стырмен на р. Янтара, неподалеку от города Бяла. Этот объект расположен на краю надпойменной террасы незначительно поднимающейся над уровнем заливной террасы реки, омывающей городище с севера и северо-востока. Городище имеет форму неправильного пятиугольника, размерами 290 × 260, площадью свыше 4 *га* (рис. 2).

[1] W. Hensel. Recherches archéologiques polonaises sur le Haut Moyen Age en Bulgarie en 1961. «Archaeologia Polona», VI, 1964, стр. 185—202; A. Dymaczewski. Z. Hilczerówna. T. Wiślański. Materialy z badań archeologicznych w Bulgarii w 1961 r. SA, XII, 1965, стр. 235—287.

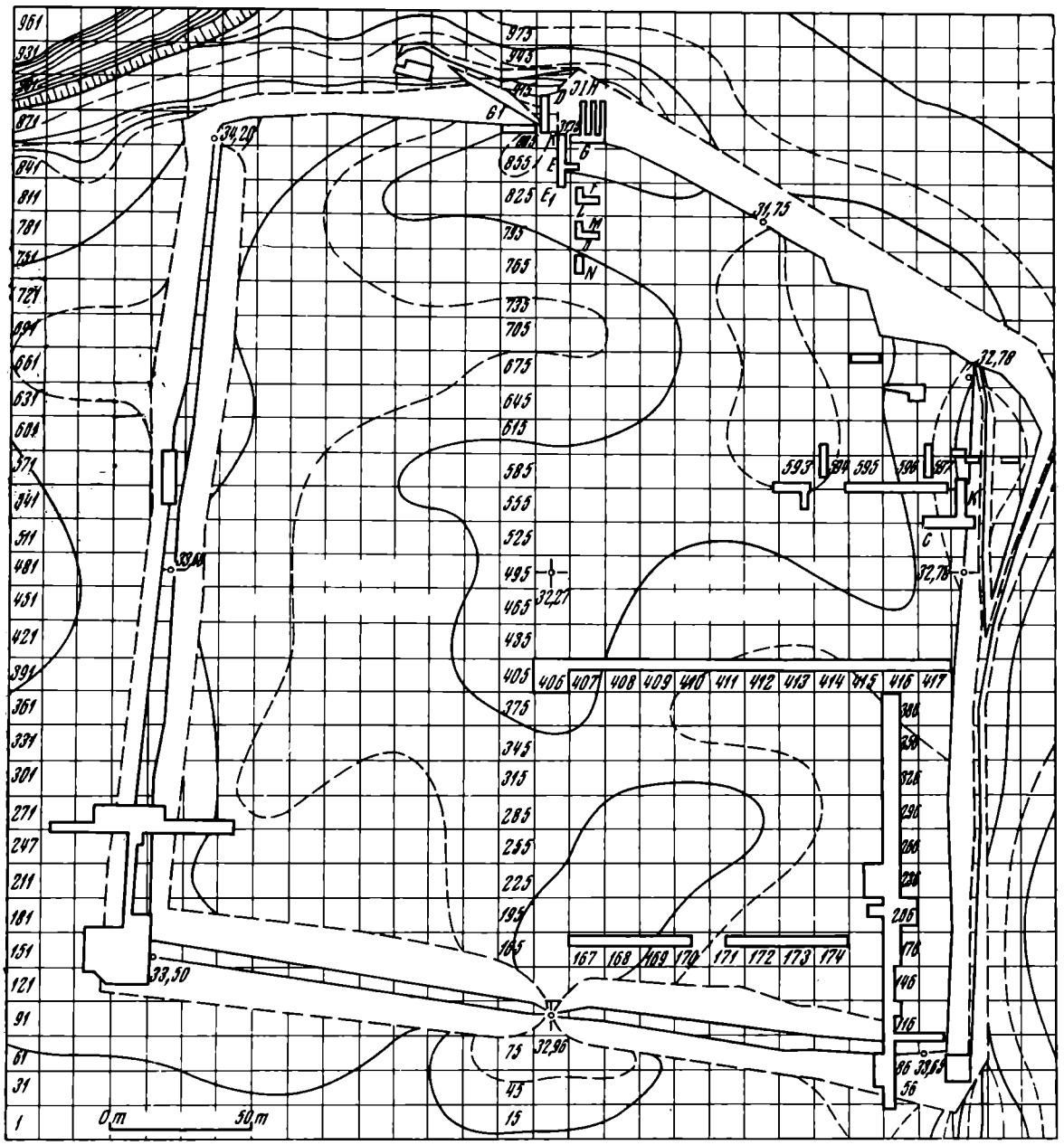


Рис. 2. План городища Стырмен (округ Русе) с расположением раскопов, заложенных в 1962—1968 гг.

Этот объект стал предметом совместных польско-болгарских исследований, осуществляемых по поручению Института истории материальной культуры Польской академии наук под руководством проф. д-ра В. Хенселя в 1962—1964 и 1967—1968 гг. [2].

Исследованиями, проводимыми болгарской группой, руководил проф. Ст. Михайлов.

Цель настоящей статьи — подвести предварительные итоги наиболее существенных результатов исследований.

Наши раскопки показали, что исследуемый памятник многослойный и разновременный, что еще до начала строительства фортификации здесь существовало, по крайней мере, семь хронологических горизонтов, а с

[2] Por. U. Dymaczewska, A. Dymaczewski, Z. Hilczerówna. Wyniki badań wykopaliskowych na grodzisku w Styrmen, okreg Ruse (Bulgaria). SA, XIII, 1966, стр. 271—323. Rezultaty uzyskane przez kolegów bulgarskich w Styrmen przedstawili St. Michajlow. Das Befestigungssystem und din Konstruktion der Burgwalles bei Styrmen (Nordostbulgarien). «Zeitschrift für Archaologie», I, 1967, стр. 182—199; а также Г. Джингов. Городище эпох и раннего средневековья у с. Стырмен в Болгарии. СА, 1968, 2, стр. 277—288.

момента постройки укрепленного города еще четыре. Таким образом, мы встретились со следами заселения этого места на протяжении одиннадцати разных периодов. В течение первых семи периодов здесь существовало типичное сельское поселение. Самые первые его следы относятся к периоду балканского энеолита (т. е. ранее 3000 г. до н. э.). Нам удалось найти следы культуры Боян, известной на территории Румынии и Болгарии. Следующий этап заселения этой территории относится к 550—500 гг. до н. э., к периоду расцвета культуры траков. Нам удалось найти остатки построек этого времени и два погребения. Одно — трупоположение в каменном ящике, а второе — трупосожжение в глиняной урне.

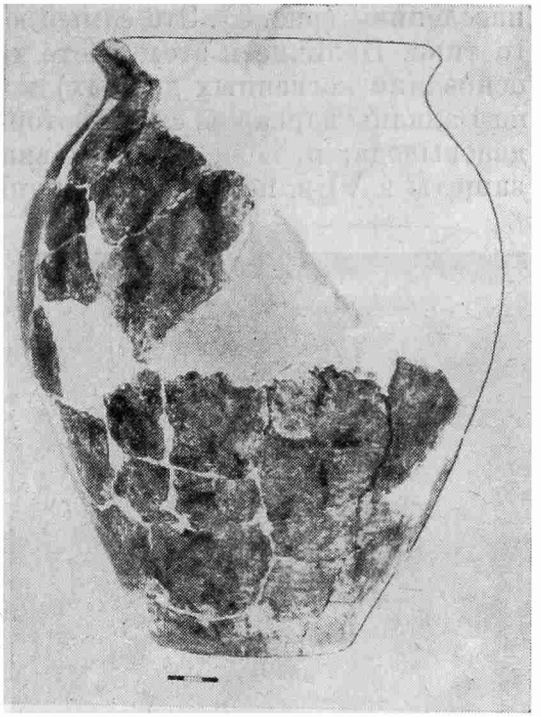


Рис. 3. Городище Стырмен, Славянский лепной сосуд

Территория городища была заселена сельским населением также и в римский период. Сравнительно немногочисленные памятники этого времени исследованы в той части, где проводила раскопки польская группа, несколько больше их было открыто в южной части. Особое внимание следует обратить на находку нескольких римских монет IV в.

Первостепенное значение имеет тот факт, что удалось выявить следы поселения с лепной керамикой, которую можно связать со славянским

Рис. 4. Одна из полуземлянок (№ 39) с поселения сельского типа VIII—IX в.

населением (рис. 3). Это самый южный пункт Болгарии с керамикой такого типа. Наличие в этом месте такого вида керамики можно отнести (на основании косвенных данных) к 540 и 599 гг., т. е. к периоду нашествия на Балканы варваров, среди которых были также и славяне. Можно сделать два вывода: первый — что славяне проникали через византийские линии защиты в VI в. небольшими группами и, второй — что постоянное заселение славянами территории, расположенной к югу от Дуная, началось задолго до конца VI в. Вполне возможно, что часть славянского населения после нападения на византийские позиции оставалась в местах, покинутых или незаселенных византийским населением; возможно даже, что славяне селились в селах, в которых оставалось старое местное население — трацкое. На то, что Балканский полуостров был заселен именно таким образом, указывает также наличие славянских памятников на территории некоторых старых древневизантийских городов начиная лишь с VII в., причем на этих объектах совсем не встречается славянская керамика раннего типа [3].

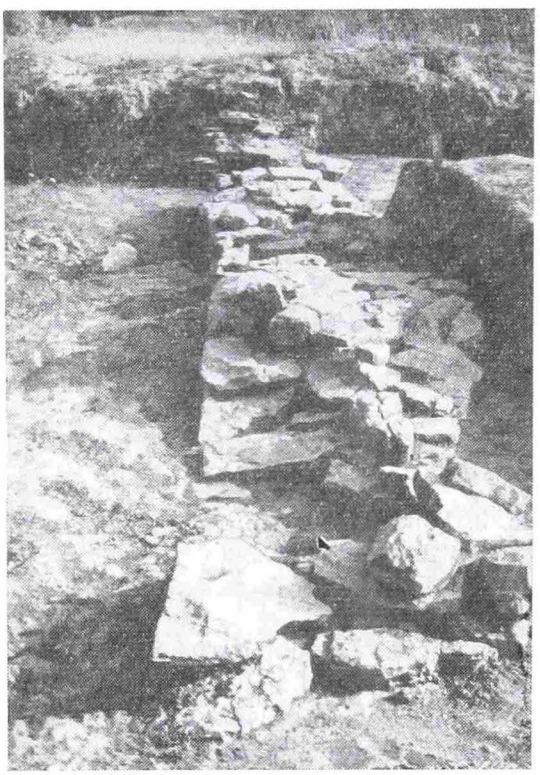


Рис. 5. Часть каменной кладки оборонительного вала городища Стырмен.

Памятники с признаками синкретической культуры можно связывать самое позднее с VII в. (особенно посуду наддунайского типа, обточенную сверху).

Село, основанное в VIII — начале IX в., не совпадало с территорией настоящего городища и выходило за его пределы в южном и юго-восточном направлениях. Судя по стратиграфии, территория села дважды заселялась за это время. В первых столетиях существования Болгарского государства Стырмен являлся селом. Типичной жилой постройкой была четырехугольная полуземлянка с каменной печью (рис. 4) или же в виде ямы с костром в углу. Размеры полуземлянок колебались от 7,5 до 17,75 $м^2$. К этому хронологическому периоду относятся также сооруженные вне жилых помещений глиняные круглые купольные печи, предназначенные для выпечки хлеба.

Принципиальное изменение в жизни Стырмена произошло между 2-ой четвертью IX века и X веком, т. е. в период особенно бурного развития Болгарского государства. Город должен был удовлетворять потребностям местного населения, а также выполнять определенные административные и религиозные функции. Основанию города предшествовала ликвидация старого сельского поселения. Выбранное новое место, площадью около 4 *га*, было окружено оборонительным каменно-земляным валом (рис. 5).

Сохранились конструкции оборонительных валов, установлено, что они перестраивались в X в. (что удалось выяснить раскопками в болгарском секторе). Мы же открыли остатки нескольких десятков жилых и производственных объектов, а также остатки фундамента небольшой церкви с

[3] Szerzej na ten temat zob. W. Hensel. Polskie badania archeologiczne w Styrmen (okreg Ruse) w Bulgarii (1962—1968).

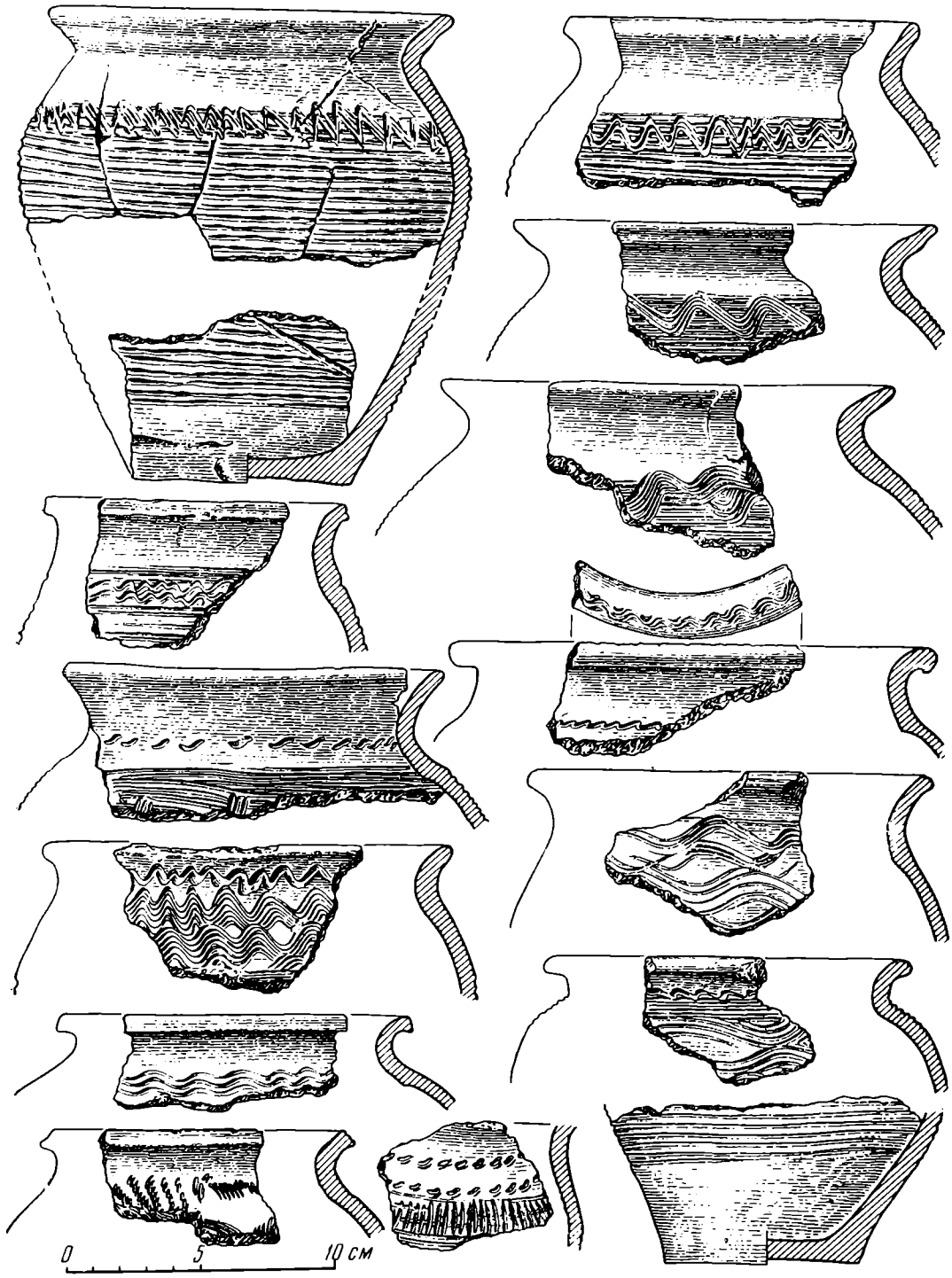


Рис. 6. Фрагменты сосудов из полуземлянки № 15

полукруглой апсидой. Преобладал тип жилища в виде полуземлянки небольших размеров (около 8,5 $м^2$), с каменной печью в углу (рис. 6). Были найдены и печи, сооруженные вне домов. В северо-восточной части городища открыты остатки большого здания с каменными стенами и со сравнительно богатым инвентарем.

Среди жителей городища отчетливо выделялась группа населения, на которой лежали обязанности военной службы и которая одновременно занималась торговлей и ремеслом. Возможно, что к этой группе принадлежали собственники небольших поместий. Воины были как конные, так и пешие, вооруженные луками, топорами и копьями. Некоторые из них несомненно имели сабли или мечи. Были в употреблении также железные кольчуги. Детали всех этих элементов вооружения довольно часто встре-

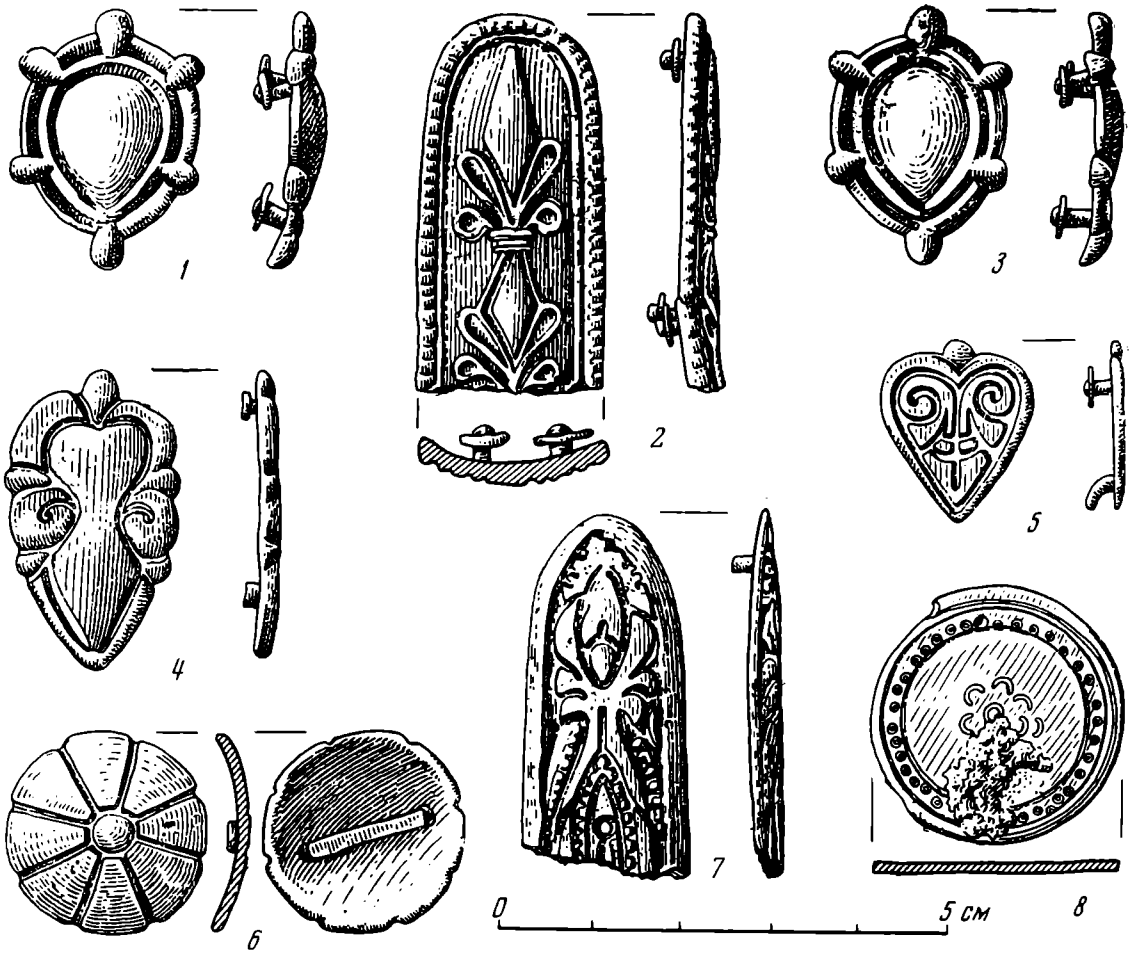


Рис. 7. Городище Стырмен. Накладные бляшки, украшавшие пояс

чаются среди находок в Стырмене. Некоторые воины носили пояса, украшенные бронзовыми, а иногда и позолоченными, накладками (рис. 7). В этой же части городища найдено значительное количество находок женских украшений в виде различных сережек, колец и т. п. (рис. 8). В одном случае по находкам крестика-энколпиона, бронзового штихеля и жбана покрытого глазурью, открытым в постройке с каменными стенами, можно предполагать, что там жили представители духовенства.

Из ремесел особое место занимали кузнечное и металлургическое, о чем свидетельствуют многочисленные отходы производства, остатки печей, а также кузнечные инструменты; клещи и напильники.

Металлографический анализ показал, что здесь применялась местная техника обработки металлов времен римского периода. На основании найденного сырья и полуфабрикатов из бронзы и олова можно предполагать, что различные предметы изготовлялись на месте [4].

Об объеме торгового обмена мы имеем ограниченные данные. Стырмен принадлежал к малым центрам, не принимавшим большого участия в торговле с отдаленными районами. Однако среди находок имеются предметы, происходящие из далеких стран, например, ряд изделий из стекла, а также некоторые позолоченные металлические изделия.

Привозными являются также глиняные жбаны со стекловидной глазурью.

О хождении мелкой византийской монеты свидетельствуют находки монет X в. (рис. 9,*а*).

[4] Szerzej na temat ozdób por. B. Danielczyk. Wyroby z miedzi i jej stopów z wczesnosredniowiecznego grodziska w Styrmen (Bulgaria). SA, XVII (w. druku).

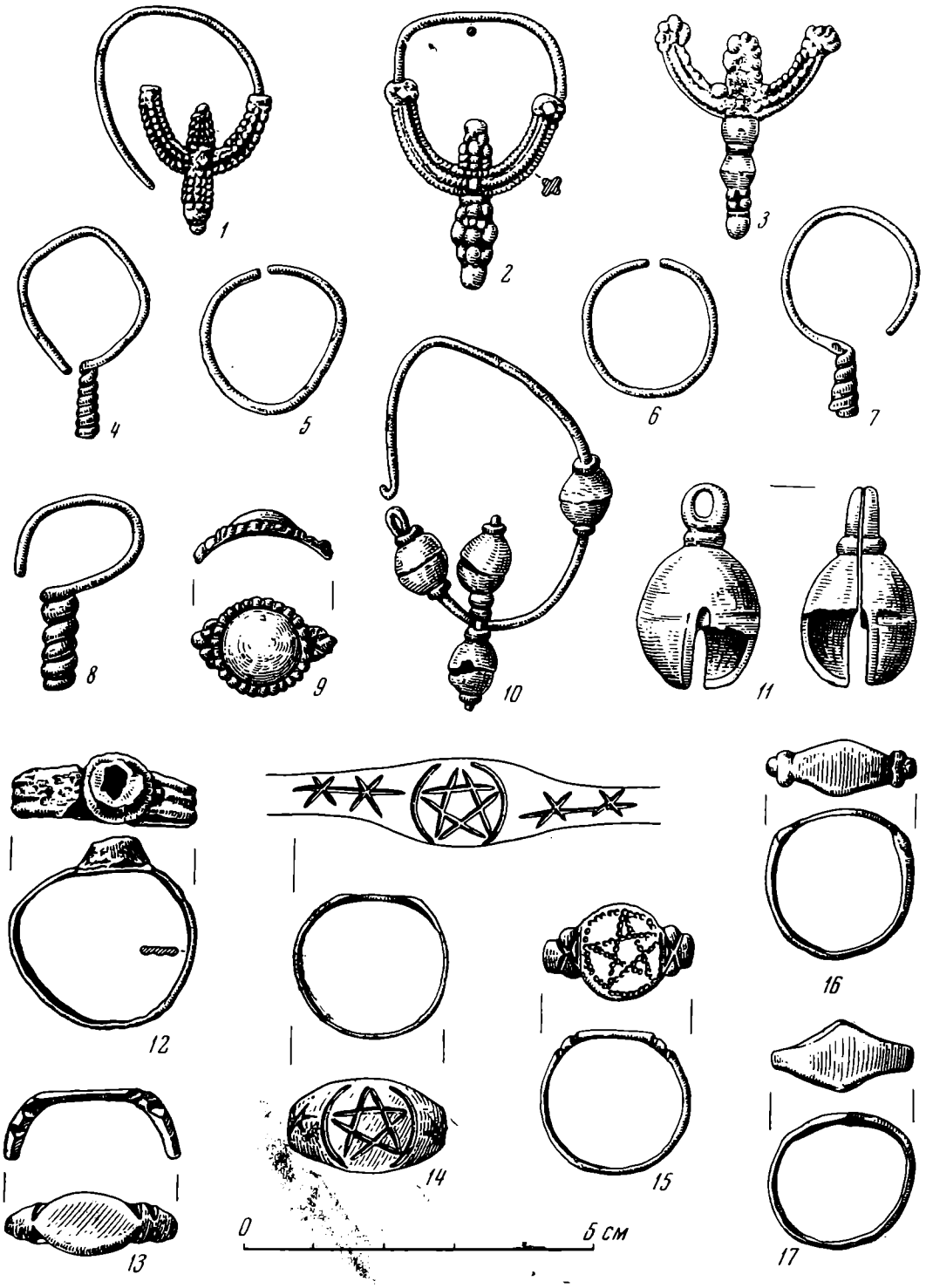


Рис. 8. Бронзовые украшения из городища Стырмен

Жители Стырмена занимались земледелием, садоводством и животноводством.

При раскопках были найдены железные части различных земледельческих орудий, различные виды лемехов. Что касается зерновых культур, то установлено, что там жители Стырмена сеяли просо, ячмень, пшеницу и чечевицу. Однако необходимо заметить, что в культурном слое Стырмена органические остатки сохраняются плохо. Поэтому на основании имеющихся данных нельзя утверждать, что там не выращивали и других злаков. Основное место среди домашних животных занимала корова; кроме того, разводили свиней, овец и коз. Процент костей диких животных очень мал, и это наводит на мысль, что поблизости не было лесов.

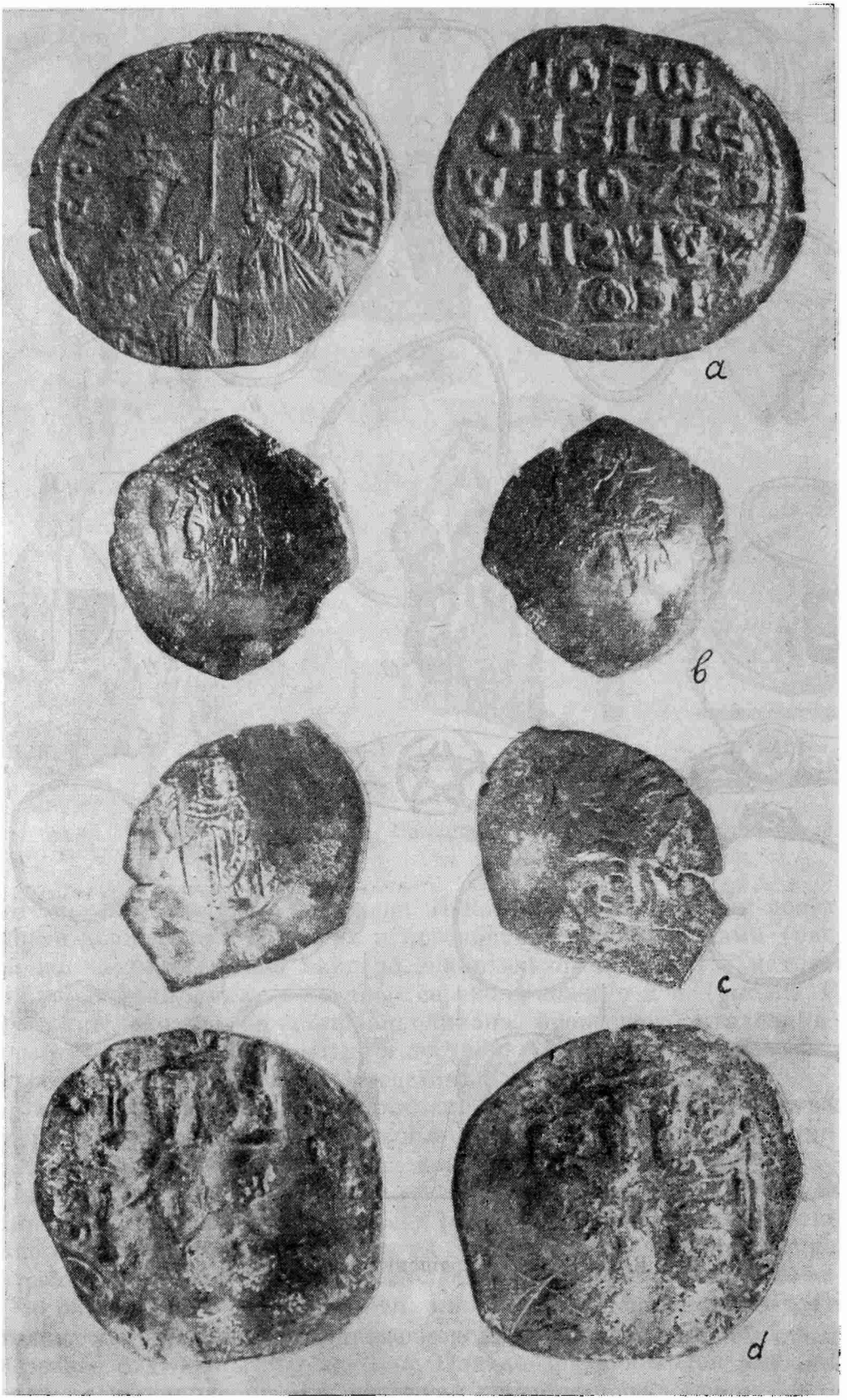


Рис. 9. Монеты из различных слоев городища Стырмен

а — монета Константина VII и Зоэ (913—919), *в*, *с* — монеты Эмануила I Комнена (1143—1180), *d* — монета Константина Асена (1257—1277)

Упадок городка наступил к концу X в. или к началу XI в.; причиной этого были, очевидно, события, происходившие на болгарской политической арене.

В настоящее время трудно определить, был ли «перерыв» в заселении этого места после разрушения городка. Однако можно предполагать, что в XII в., т. е. в период, когда большая часть территории Болгарии была подвластна Византии, на некоторых участках старого города существовали отдельные поселения. От этого периода, кроме остатков построек, различных орудий труда и большого количества керамики, происходит и много византийских монет (свыше сорока экземпляров) (рис. 9,*в,с*).

Во второй период Болгарского царства в Стырмене так же существовало сельское поселение, от которого остались следы жилых построек. Найдены монеты, среди которых четыре — чеканенные болгарскими властителями во второй половине и в конце XII в. (Константина Асеня (рис. 9, *д*) и Георгия Тертера), уникальная монета Константина Ангела властителя Мегаловлакии (1926—1303).

Среди прочих находок интересны шпоры с зубчатым колечком.

Село, как и в годы византийского ига, имело разбросанную планировку. Заметны следы большого разрушения, не исключено, что это было сделано турками. Следом их кратковременного пребывания на этой территории является предмет с турецкими эмблемами в виде полумесяца и звезды. Этим заканчивается последний период существования городища как населенного пункта. В более поздний период это место было использовано под пахоту, только в турецком названии «кале», обозначающем «городище», сохранилась память о его прежнем назначении.

Выше описаны результаты исследовательских работ, относящиеся, прежде всего, к периоду существования городища в Стырмене в раннем средневековье. Этот период был основной целью наших исследований. Наши исследования дали возможность определить уровень культуры Болгарии в период существования первого Болгарского государства, ознакомиться с попыткой организации мелких поселений и с их жизнью. Выяснилось, например, что причины упадка отдельных поселений были различны. Поселения VIII — IX вв. были ликвидированы в результате стремления к организации на этой территории новой хозяйственной структуры, более приспособленной к существующей в то время ситуации. Все остальные, более молодые селения пришли в упадок в результате политических событий. До сих пор на территории Болгарии не проводилось исследования мелких поселений, но полученные теперь сведения о повседневной культурной жизни больших и малых селений дают возможность правильно оценить ситуацию, существовавшую во всей стране.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

НУ-ГУМБЕД В БАЛХЕ
(Афганистан)

Архитектурные памятники средневекового Балха в своем большинстве еще ждут специального исследования. Значительная часть из них не освещена в научной литературе, как они того заслуживают, многие не имеют ни обмеров, ни обстоятельных описаний, а некоторые вообще выпали из поля зрения исследователей, хотя историко-архитектурная значимость их весьма велика. К числу таких построек, обойденных вниманием ученых, относится руина в окрестностях Балха. Жители именуют ее Масджиди Ходжа-Парда или Кааб-ул Ахбар, или просто — Ну-Гумбед, т. е. «Девятикупольная», что соответствует основной архитектурной ком-

Рис. 1. Ну-Гумбед. Общий вид руин

позиции здания, хотя ни одного из куполов до наших дней и не сохранилось. Ну-Гумбед лежит вне пределов древней внешней стены Балха и современных усадеб, среди возделанных полей; рядом находится бассейн, затененный кронами вековых деревьев. Памятник не был отмечен ни О. Нидермайером, фотографировавшим еще в 1918 г. архитектурные достопримечательности Балха[1], ни членами Французской Археологической Делегации, проводившими изучение и раскопки этого древнего города в 1924—1925 гг. (А. Фуше с супругой)[2], в 1947—1948 гг. (Д. Шлюмберже и Ж. С. Гарден)[3] и в 1955—1956 гг. (М. Лебер, Ж. П. Тристрам и А. Марик)[4].

В 1967 г., во время командировки, организованной Министерством информации и культуры Афганистана и ставившей целью обследование состояния памятников средневековой архитектуры на предмет их будущей реставрации, автору довелось посвятить несколько часов изучению руин Ну-Гумбеда. Знакомству с этим памятником мы обязаны любезности директора Балхского отдела информации и культуры г. Навоба, большого знатока своего края и его достопримечательностей.

От древнего здания сохранилось немногое — отдельные участки замыкающих его с трех сторон стен, четыре несущих столба (из шести) и лишь частично — массивы переброшенных между ними арок (рис. 1 и 2). Весь интерьер загроможден завалами глины и обломков кирпича. Тем не менее его архитектурная композиция восстанавливается во всех основных чертах (рис. 3). С северной стороны к руинам примыкает поздняя глинобитная постройка со скромным надгробием некоего Ходжа-Парда и дворик, в котором сохранилось несколько разновременных резных камен-

---

[1] O. von Niedermayer. Afghanistan. Leipzig, 1924.
[2] A. Foucher. La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila. MDAFA. I, Paris, 1942—1947, стр. 64 сл.
[3] D. Schlumberger. La prospection archéologique de Bactres. Syria, XXVI, 1949; J. C. Gardin. Céramiques de Bactres. MDAFA, XV, Paris, 1957.
[4] M. Le Berre et D. Schlumberger. Observations sur les remparts de Bactres. MDAFA, XIX. Paris, 1964.

Рис. 2. Общий вид руин

ных надгробий; судя по стилю, некоторые из них относятся к XI, XV и XVII вв.

Сама мечеть Ну-Гумбед почти квадратна в плане, наружные размеры ее 19,50×20 *м*, внутренние 18,30×15,50 *м*. Главная ось ориентирована со склонением 38° к направлению север—юг, главный фасад обращен на северо-восток. Основная конструктивная система определяет и общую композицию интерьера. Это был П-образный зал, открытый с северо-восточной стороны, пространственно расчлененный на девять квадратов. Девять куполов диаметром 4,10 *м* покоились на арках, переброшенных между шестью массивными столбами (диаметр 1,56 *м*) и десятью пристенными устоями, оформленными спаренными трехчетвертными колонками (диаметр 74 *см*); между устоями были устроены настенные арочные ниши, в центре юго-западной стены — ниша михраба.

Материал постройки комбинированный. Пристенные устои, арки (по-видимому, и купола) выведены из жженого кирпича 21×21×3,5 *см*. Раствор розоватый, ганчевый, по определению Н. С. Гражданкиной, из категории «глиногипсов», с небольшой естественной примесью леса и травянистого топлива, использовавшегося при обжиге гипса. На том же растворе выполнены и кладки круглых столбов, но здесь применены особые кирпичики размером 9×4,5 *см* в тычке на 10—15 *см* радиально уложенные так, что по внешнему периметру они образуют широкие (4—5 *см*) углубленные швы. Этот прием придает стволам колонн отчетливую фактурную разработку.

В ограждающих стенах между устоями устроены ниши, выложенные так же, как и перекрывающие их настенные арки, из сырца 30×30×6 *см*. Сами же стены выполнены из пахсы нарезными блоками размером 65—67 *см* при высоте 73—75 *см*, перемежающимися с одним—тремя рядами

сырца. Строительство осуществлялось в последовательности, определяемой характером конструкций: вначале возводились кирпичные столбы и устои с трехчетвертными колонками; затем арки, выложенные радиальной кладкой, т. е. с применением кружал; далее сооружались междуарочные забутовки, паруса и купола и, наконец, выкладывались сырцово-пахсовые ограждения стен. Арки просторные, стрельчатые, с очень легким заострением в замке. Как осуществлялся переход от них к ку-

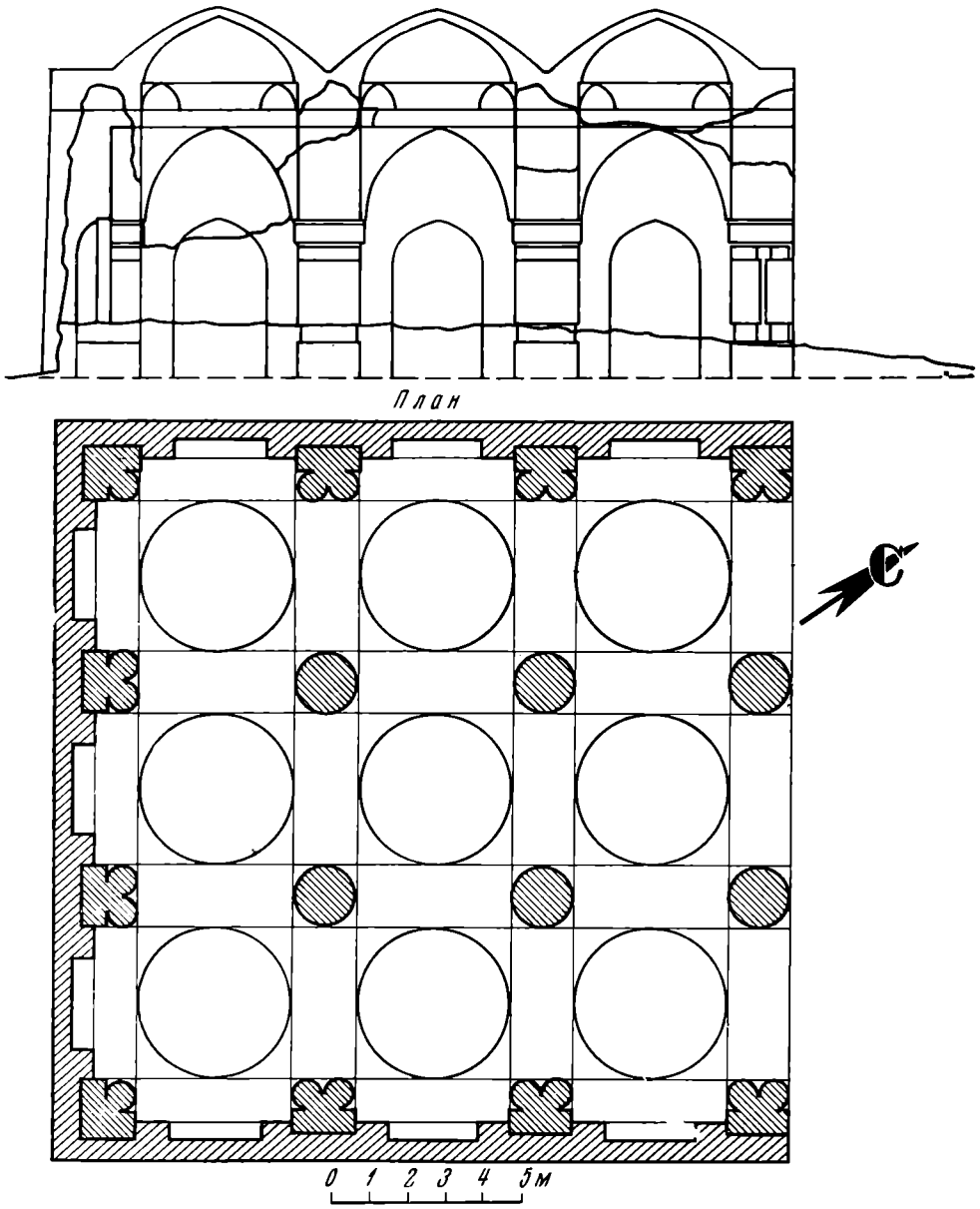


Рис. 3. Ну-Гумбед. Разрез и план древней постройки (с реконструкцией разрушенных частей)

полам — обычными ли тромпами или парусами иного типа — неизвестно; может быть, будущие раскопки выявят части этих конструктивных деталей, скрытых в завале.

Столбы и пристенные колонки увенчаны капителями, выделенными широкой полосою с выкружкой. Выше — массивная абака, на которой покоятся пяты арок. В нижней трети ствола — отступ; по-видимому, в основании имеются какие-то базы, но низ их утоплен в завалах.

Весь интерьер и частично сохранившийся северный пилон главного фасада покрыты ганчем. В простенках он гладкий, на стволах колонн фактурный, на капителях, абаках и арках — покрытый сплошь резьбой. Резьба глубокая, сочная, в углублениях ее сохранилась окраска в ярко-

синий цвет. Мотивы орнаментации в основном стилизованно-растительные, но распределение их строго соподчинено основным архитектурным полям, оконтуренным полоской меандра или сосочков с вписанными крупными геометрическими фигурами.

За исключением капителей, орнаментация нигде не повторяется — в софитах и в тимпанах каждой арки она дает особый вариант, между тем круг исходных орнаментальных элементов ограничен. Преобладают среди них стилизованный виноградный лист, заостренно-продолговатый лист, изображенный фронтально или в профиль, пара крупных изогнутых миндалевидных фигур с овалом между ними: изредка — шестилепестковая розетка. Орнаментальное богатство достигается исключительным разнообразием в комбинировании этих мотивов. В тимпанах арок они образуют сплошное узорное поле завитков, побегов и листвы, на фоне которых выступает рельефный диск, оформленный наподобие чашечки многолепесткового цветка. В софитах арок осуществлена геометрическая разбивка в виде кругов и полукружий, плетенки, больших и маленьких кружков, четырехлопастных фигур, пересекающихся восьмигранников, с квадратами в центре, диагонально поставленных квадратов и вписанных в них кругов. Эти фигуры включают небольшие, целостные композиции в виде отходящих от гибких стеблей листов, подчиненных либо центральной оси симметрии, либо спиральному движению завитка. На абаках те же листья даны в строго вертикальном расположении. На капителях же повторяется мотив спаренных миндалевидных фигур, а в основании их проходит полоса сосочков.

Мечеть была, несомненно, очень эффектна. Несмотря на небольшие размеры, она оставляла впечатление монументальности благодаря контрасту массивных столбов и просторных арок, замкнутого плана и открытого главного фасада, глухих плоскостей стен и пространственной легкости сводчато-купольных конструкций. Общий художественный эффект создавал также резной декор — сочетание изысканной орнаментации арочно-купольных оболочек с гладью стен и со строго конструктивной, выявляющей приемы кирпичной кладки фактурной разработкой стволов колонн.

Архитектурные формы, конструкции и декор не оставляют сомнений в ранней датировке мечети Ну-Гумбед. В целом она вполне своеобразна, но для ее деталей есть ряд параллелей, уточняющих время ее сооружения и круг стилистических связей.

Мелкоформатный жженый кирпич $21 \times 21 \times 3{,}5$ *см* почти совпадает с размерами кирпича ряда среднеазиатских памятников IX—X вв.: таков он в древнейшей части мечети Магоки-Аттари в Бухаре, в мавзолее Мир-Сеид-Бахром в Кермине, в Кургоне на Термезском городище [5]. Строительный раствор здесь наиболее близок к глино-гипсовым растворам мавзолея Саманидов в Бухаре (рубеж IX—X вв.) и к зданию той же эпохи на Афрасиабе [6].

Планировка Ну-Гумбеда сопоставляется с памятником арабско-египетской архитектуры — четырехарочной, с портиком мечетью Бу-Фатата в Сусе (831—841 гг.) и мечетью Махмед-Шарифа Табатаба в виде девятикупольного навеса, основанного на столбах [7]. Однако характер конструкций и в силу этого общей композиции их отличны.

Наиболее близка по типу к балхскому памятнику мечеть Чар-Сутун на городище Старого Термезма, датировка которой определяется надписью на минарете 1032 г. (хотя предполагают, что собственно мечеть возведена

---

[5] Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. «Искусство зодчих Узбекистана», II, Ташкент, 1963, стр. 30.

[6] Данные лабораторных исследований Н. С. Гражданкиной.

[7] K. A. S. Creswell. A Short Account of Early Muslim Architecture. Baltimore, 1958, стр. 267—268; его же. The Muslim Architecture of Egypt. I. Oxford, 1952, стр. 11, рис. 5.

была ранее). Она имела подквадратный план и была перекрыта девятью куполами, основанными на девяти круглых кирпичных столбах и на двух ограждающих ее с угла стенах, в одной из которых, ориентированной на юго-запад, устроена глубокая ниша михраба [8].

По-видимому, столпные мечети этого рода были характерны на определенном этапе для Тохаристана. Помимо Чар-Сутуна в Термезе и Ну-Гумбеда в Балхе заслуживают внимания другие балхские руины, находившиеся в западном районе города, ныне несохранившиеся, но сфотографированные полвека тому назад О. Нидермайером и относящиеся, по мнению Э. Дица, «к домонгольскому времени» [9]. На снимке видны мощные круглые столбы со следами штукатурки и начальные кладки поддерживавшихся ими аркад.

Сохранившиеся до наших дней ранние иранские мечети дают иную планировку — либо арабского типа, с обводящими двор навесами (Тарихана в Дамгане, VIII—IX вв. [10], мечеть в Найине, X в. [11]) либо в виде глубокого сводчатого айвана, генезис которого восходит к айванам сасанидской архитектуры (мечеть в Ниризе, IX в. [12]). Однако и Тари-хана и Найинская мечеть имеют общие с Ну-Гумбедом черты. Сходна в них конструкция мощных круглых столбов, несущих слегка заостренные арки (с XI в. арки в архитектуре Ирана и Средней Азии приобретают более резко выраженную стрельчатость). Штуковый декор мечети в Найине — с крупными розеттами в софитах арок и орнаментальным заполнением этих розетт, а также декор михрабной ниши гибкими побегами и стилизованной листвой, сходны с резным штуком балхской мечети. Однако полного совпадения орнаментации нет. Между тем резной штук Ну-Гумбеда тем и характерен, что принципы композиции орнамента и отдельные орнаментальные мотивы его имеют ряд аналогий, но не имеют прямых повторов (рис. 4, 5, *1, 2*). Сходные принципы распределения узоров в крупных, геометрического построения фигурах, основанных на круге, квадрате, простых многогранниках или звездах, сходные мотивы виноградных или стилизованных удлиненных листов на гибких стеблях и в системе спиралеобразных завитков, миндалевидных спаренных фигур и розеток — можно видеть в резном штуке домов Самарры (IX в.) так называемого 2-го, но, особенно, 3-го стиля [13], в панелях Саманидского дворца X в. в Самарканде (городище Афрасиаб) [14], в резном штуке зданий X в. в Нишапуре [15] и даже в сирийском монастыре Дейр-ас-Сурджани [16]. Но хотя приемы построений, основные орнаментальные мотивы и многие детали в орнаментике названных памятников почти идентичны

---

[8] В. А. Шишкин. Кургон и мечеть Чоар-Сутун в развалинах Старого Термеза В кн.: «Термезская археологическая экспедиция», II, Ташкент, 1945, стр. 99 сл.; Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата, стр. 52, 110, прим. 73.

[9] O. Niedermayer. Afghanistan, стр. 64, 206.

[10] A. Godard. Les anciennes mosquées de l'Iran. Athar-é Iran. I, 2, Paris, 1936, стр. 186, рис. 128, 129; E. Schroeder. Islamic Archietecture. SPA, II, стр. 933 сл.; IV. 258.

[11] A. Godard. Les anciennes mosquées, стр. 192, рис. 130, 131; E. Schroeder. Islamic Architecture, стр. 934 сл.; A. U. Pope. Architectural Ornament. SPA, II, стр. 1270 сл.; SPA, IV, 265—269.

[12] A. Godard. Le Masdjid-é Djum'a de Niriz. Athar-é Iran. I, 1, Paris, 1936, стр. 163 сл.

[13] E. Herzfeld. Der Wandschmuck von Bauten von Samarra und seine Ornamentik. Berlin, 1923, стр. 183 сл.

[14] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.— Л., 1939, стр. 39 сл.; Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, стр. 137 сл.

[15] W. Hauser. The Plaster Dado from Sabz Pushan. MMAB. The Iranian Expedition, 1936, New York, 1937, стр. 23 сл., рис. 31—33, 35, 36, 40—43, 45; W. Hauser and Ch. K. Wilkinson. The Museums Excavations at Nushapur. MMAB, XXXVII, 1942, стр. 96 сл., рис. 13, 24.

[16] J. Strzygowski. Asiens Bildende Kunst. Ausburg, 1930, стр. 670, рис. 595, 596, 646.

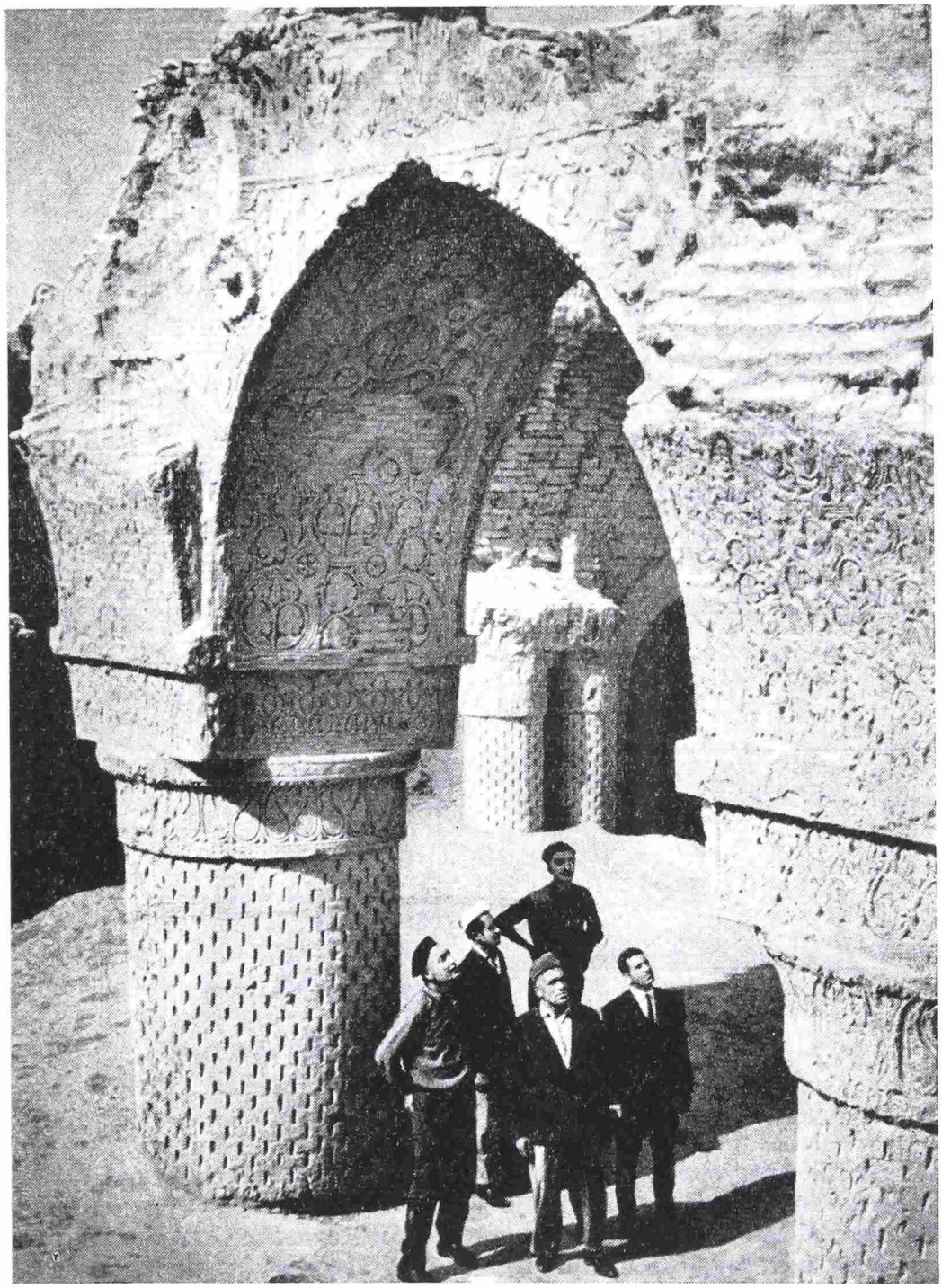


Рис. 4. Ну-Гумбед. Резной штук

ну-гумбедским, в целом совпадений нет. И это — характерная черта художественного ремесла эпохи Аббасидов и Саманидов: умение придавать бесконечное разнообразие орнаментальным композициям при ограниченности исходных декорообразующих элементов. Датировка Ну-Гумбеда не выходит за грань X в. и даже точнее — первой половины этого столетия, так как уже во второй половине X в. появляется геометрический архитектурный орнамент-гитрих [17], которому суждено будет сыграть такую важную роль в архитектурной декоре следующей эпохи. Более того, весь ар-

[17] Например, в мавзолее Араб-ата 978 г. (Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата, стр. 89 сл.)

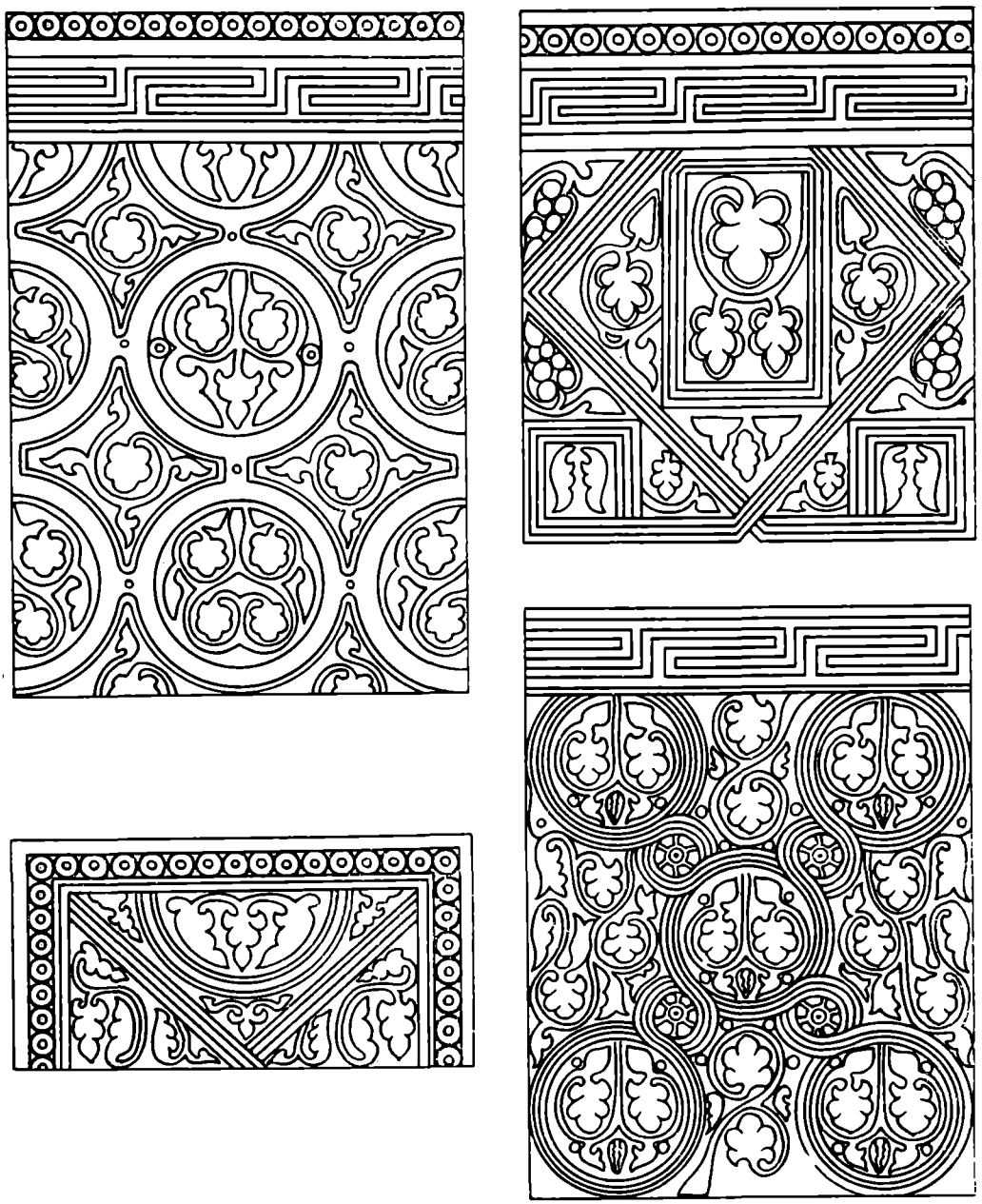


Рис. 5. Детали резного штука

хитектурный блик балхской мечети и ее стиль позволяют предположить еще более раннюю дату.

В планировке балхской мечети ничто не связано с традициями раннеарабских мечетей, с их навесами вокруг замкнутого пространства двора. Но прямое предвозвестие балхского памятника дают приемные залы сасанидских дворцов. В Сарвистане (V в.) залы продолговаты и подразделены на три продольных нефа спаренными, массивными колонками, между которыми переброшены арки [18],— явный праобраз спаренных пристенных колонок Ну-Гумбеда. Планировочная организация залов с двумя рядами круглых столбов характерна для дворца Шапура II в Кише (IV в.) [19] и церкви сасанидского времени в Хире [20]. Особенно близка его композиция главному залу дворца на холме Тепе-Хисар близ Дамгана, подразделенного на девять отсеков шестью мощными круглыми стол-

[18] J. Strzygowski. Ук. соч., рис. 16, 175; O. Reuther. Sasanian Architecture. SPA, I, стр. 504, рис. 133, 134, 151.

[19] L. C. Waterlin. The Sasanian Buildings near Kish. SPA, I, стр. 584 сл., рис. 169.

[20] O. Reuther. Sasanian Architecture, рис. 162.

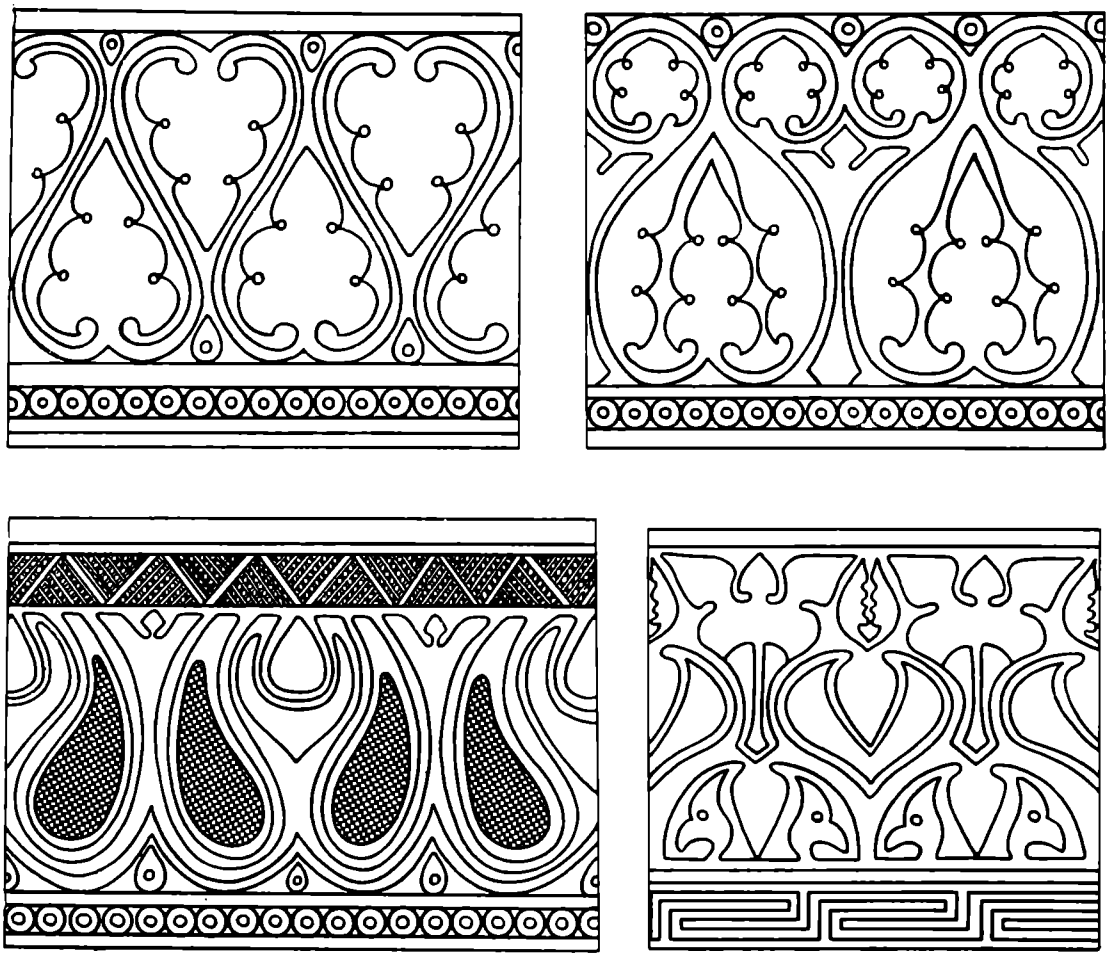


Рис. 5. Детали резного штука

бами (одни исследователи относят дворец к III, другие к VI в.) [21]. Существенное отличие заключаются в том, что перекрытия сасанидского дворца были сводчатыми, в то время как в Ну-Гумбеде они купольные, в чем проявляются новые конструктивные завоевания архитектуры IX—X вв. В остальном многое совпадает. Столбы тепе-хисарского дворца также выведены радиальными рядами жженого кирпича на гипсовом растворе, а поверхности их покрывает богатый резной штук, которым были оформлены также и стены [22]. Приемы композиции и орнаментальные элементы сасанидского резного штука из Тепе-Хисара и из Ктесифона [23] (листы в завитках, меандры и др.) предстают с известной переработкой в балхском памятнике. Мотив виноградных листьев и побегов имел широкое распространение в архитектурной орнаментации VI—VIII вв., начиная от дворца Хунук-Худдатов в Варахше [24] и кончая омейядскими памятниками Ближнего Востока, какова, например, мечеть Ал-Ахса в Иерусалиме [25]. Однако в этих памятниках он почти натуралистичен. В резном же штуке Ну-Гумбеда он более орнаментализован и занимает промежуточное положение между его передачей в сасанидском, согдийском, омейядском декоре названных памятников VI—VIII вв. и в резном штуке Самарканда и Нишапура X в. Это определенный этап

[21] E. F. Schmidt. Tepe Hissar Excavations, 1931. «The Museum Journal», XXIII, 1933, 4, стр. 455 сл.; F. Kimbal. The Sasanian Building at Damghan (Tepe Hisar). SPA, I. стр. 579 сл.

[22] E. Schmidt. Tepe Hissar, табл. CLIX—CLXII.

[23] SPA, IV, стр. 172.

[24] В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, рис. 97, 98, стр. 178.

[25] H. Stern. Recherches sur la mosquée al- Aqsa et sur ses mosaiques. AO, V, рис. 9, 13; ср. те же мотивы в искусстве омейядских косторезов — H. Stern. Quelques ceuvres sculptées en bois, os et ivoire de style Omeyade. AO, I, 1954, стр. 125 сл., рис. 6. 7.

в эволюции стиля, который дает основание к датировке мечети Ну-Гумбед скорее IX нежели X в.

В X в. ал-Макдиси, характеризуя Балх, отметил: «По площади он подобен Бухаре, но дома в нем обширные, вроде домов Данданкана; в них делаются стенные украшения из гипса» [26]. Резной штук в ту эпоху был распространен почти по всему Среднему Востоку, и если автор «Наилучшего распределения для познания стран» счел нужным подчеркнуть это в отношении Балха, то, видимо, потому, что был поражен красотою и разнообразием штукового декора в зданиях этого города. Мечеть Ну-Гумбед с ее прекрасной орнаментальной резьбой подтверждает исключительно высокое качество этого вида декора в архитектуре средневекового Балха. Следует учесть, что перед нами небольшая загородная мечеть. Какова же была та огромная, «всегда многолюдная» (по Истахри [27]) соборная мечеть Балха, располагавшаяся в его внутреннем отделе («мадина»), о которой Макдиси пишет как «искусно построенной на красивом месте» и которая, по словам того же автора, «стоит среди рынков, к ней спускаются по лестницам, она благоустроена, красива, украшена деревянной резьбой» [28]. Сравнение балхских домов с данданканскими у ал-Макдиси неслучайно: в развалинах Данданкана (Южный Туркменистан) археологами были вскрыты остатки соборной мечети IX—X вв. (реставрированной в конце XI в.), покрытой прекрасным резным штуком в два слоя, соответствующим этим двум периодам [29].

Ну-Гумбед принадлежит к той переходной эпохе средневекового зодчества, когда оно еще всеми корнями связано с доисламской архитектурной традицией, но когда уже формируются новые четры предвозвещающие становление нового архитектурного стиля, наиболее блестящая фаза которого наступит в X—XII вв. Для Афганистана этот памятник уникален и потому заслуживает как специального археологического исследования, так и тщательной технической консервации сохранившихся руин.

---

[26] Ал-Макдиси. Извлечения из «Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим». МИТТ, 1, М.— Л., 1939, стр. 193, прим. 2.

[27] Ал-Истахри. Извлечения из «Китаб месалик ал-мемалик». МИТТ, I, стр. 176.

[28] Ал-Макдиси, стр. 193, прим. 2.

[29] С. А. Ершов. Данданекан. КСИИМК, XV, 1947, стр. 126 сл.; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, VI, М., 1958, стр. 256 сл.

Г. И. МАТЮШКИНА

КРЕСТ МАСТЕРА СЕРАПИОНА

Каменный крест, которому посвящена настоящая заметка, находится в стене церкви Рождества Богородицы бывшего Михалицкого женского монастыря на Молоткове в Новгороде. Он был перенесен туда из Спасской церкви (1378) на Красном поле, упраздненной в начале XIX в. в связи со строительством на том месте холерного кладбища. Сам крест был заложен в стену западного придела церкви Рождества Богородицы около 1810 г.

Спасский крест — восьмиконечный, сделан из гранита. Высота креста 133 *см*, ширина средней поперечины 104, нижней — 58 *см* (рис. 1, 2). В верхней части его искусно высечена икона Спаса Нерукотворенного. Над нею монограмма Христа ІС, а по сторонам высечено ЦРЬ СЛЯВ. Пониже этой строки изображение восьмиконечного креста, а внизу изобра-

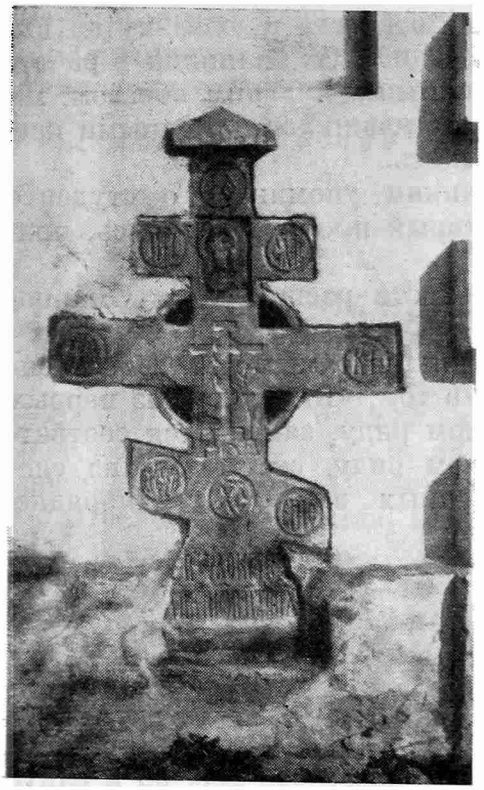


Рис. 1. Новгородский крест мастера Серапиона

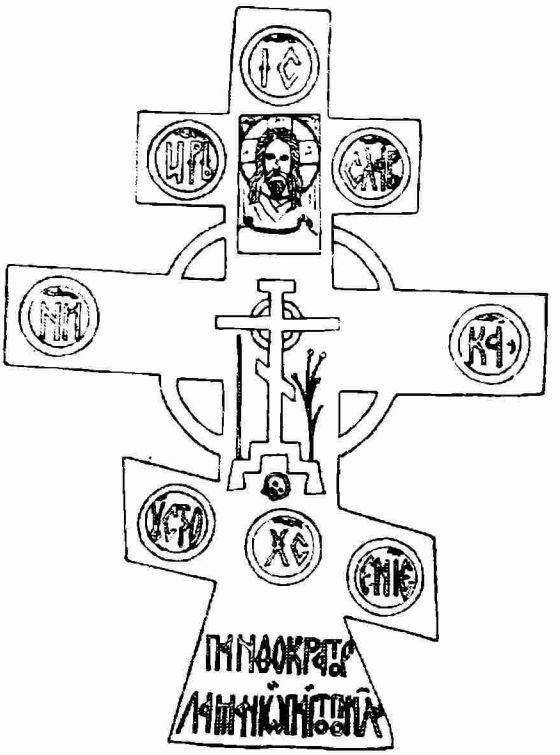


Рис. 2. Новгородский крест мастера Серапиона (прорись)

жение Адамовой главы. По средней поперечине НИ КА, под Адамовой главою ХС; по сторонам этих букв на нижней поперечине ѸСТРО ЄНІЄ[1].

Особое внимание привлекала надпись в нижней части креста. Один из первых исследователей пишет следующее: «Внизу креста греческая надпись в двух строках, из коих на одной ПАНДОКРАТОРІ, а на другой:

ЛАМАНІѠ ПАНТОПОНИЛ

Из греческих слов первые два слова τὸ ἅγιον μαντίλιον (святой убрус) и слово παντοκρατορι Вседержителю) понятны, а последние слова: λαμανιω πάντο πονῆλ требуют некоторого пояснения для их уразумения. Вероятно, они по производству своему означают истощание и тугу или утруждение Спасителя над крестом»[2–3]. Макарий считал, что этот крест делал Феофан Грек, который в год построения Спасской церкви расписывал церковь Спаса Преображения на Ильине улице. Что же касается некоторых ошибок в надписях, то они могли произойти или «от неопытности грека выражать свой природный язык на славянском наречии», или же от неопытности того лица, которому было поручено по сделанному рисунку высекать надписи на камне и который отдельные слова целой речи слил в одно. А. А. Спицын также считал, что греческая надпись, но она не прочитана. А. С. Орлов в работе «Библиография руских надписей» пишет,

[1] К сожалению, надписи почти стерлись, а в последние годы кто-то испортил и сам лик святого.

[2] Макарий. Древние кресты, поставленные на поклонение. ИРАО, II, 2, 1861, стр. 96—97.

[3] Производство словам (по Макарию) можно представить следующее: а) λιμοζ — голод, от λιμάνω — алчу; б) πάντο — всячески, совершенно, также πάντοθι — везде и πάντοτε — всегда от πάζ — весь; в) πόνοζ — труд, от πονέω — тружусь.

что это греческие слова πανδοκρατρ λαμανιωο παιτο˙ πονηλομ[4]. Следует отметить, что, указывая библиографию Спасского креста в упомянутой выше книге, автор упускает из виду тот факт, что И. А. Шляпкин в работе о новгородских крестах называет его Серапионовым[5]. Таким образом, мы видим, что большая часть исследователей, занимавшихся каменными крестами, склонна считать, что это греческая надпись.

Однако в одной из лекций И. А. Шляпкин упоминает о студенте Смирнове[6] (в то время уже покойном), который прочитал надпись, применив «премудрую литорею»[7].

Цель данной работы — проверка правильности расшифровки Смирновым надписи в нижней части креста.

Литорея, или «тарабарская грамота», один из самых распространенных видов старорусской тайнописи, состоит в том, что каждая из первых десяти согласных букв, поставленных в одном ряду, заменяется соответственной ей буквой во втором параллельном ряду, состоящим из следующих десяти согласных, также размещенных в азбучном порядке, только справа налево. Ряды эти следующие:

б в г д ж з к л м н
щ ш ч ц х ф т с р п[8].

На Спасском каменном кресте в нижней его части славянская надпись, написанная в два ряда. Первый ряд — слово ПАНДОКРАТОР — не зашифрован. Второй ряд — два слова, написанные вязью. Автор этой надписи вынужден был не только соединить в одно слово два, но и слить некоторые буквы, а конец первого слова использовать во втором. Думается, что это было вынужденное сокращение, вызванное недостатком свободного места для полного написания. Применив простую литорею, мы читаем надпись «ПАНДОКРАТОРА САРАПИОН[9] НАИКОНОПСАЛ». Отсюда ясно, что Спасский крест сделан был Серапионом, а не Феофаном Греком, как это предполагал Макарий.

Важен вопрос и о датировке этого креста. Макарий относит его к XIV в., поскольку крест находился в капитальной стене упраздненной Спасской церкви. К его мнению присоединился А. С. Орлов, назвав дату — конец XIV в. На наш взгляд, такой вывод не убедителен, так как в стену крест мог попасть и значительно позднее. Близость по форме его к новгородскому Чудному кресту, поставленному в 1548 г., при наличии некоторых архаизмов дает основание А. Спицыну относить его к XV в.

Мы полагаем, что будет правильнее датировать его серединой XV в., так как, во-первых, восьмиконечный крест получил широкое распространение именно в XV в., а во-вторых, в центре креста под иконой Спаса Нерукотворенного высечен «крест на Голгофе со страстями», что характерно для 30—40-х годов XV в.[10].

Расшифровка надписи Спасского креста дает нам еще один образец тайнописи XV в. Если к XVII в. относится довольно много памятников «тарабарского» письма и немало его образцов встречается и в XVI в. (хотя они ограничиваются лишь несколькими словами), то на XV в. приходится

---

[4] А. С. Орлов. Библиография русских надписей. М., 1952, стр. 107.
[5] И. А. Шляпкин. Древние русские кресты. СПб., 1906, стр. 35.
[6] И. А. Шляпкин. Конспекты лекций по истории и древностям Великого Новгорода. Новгород, 1910, 1, стр. 17.
[7] И. А. Шляпкин ошибся, Смирнов для расшифровки применил простую литорею.
[8] П. А. Лавровский. Старорусская тайнопись. М., 1870, стр. 13.
[9] Огласовка САРАПИОН естественна в древней Руси. Основу слова всегда составляли согласные, а гласные могли изменяться.
[10] П. А. Шорин. Анонимные печати новгородских посадников. СА, 1964, 3, стр. 259.

всего лишь два примера тайнописи, причем одно не датировано, а другое относится к 1492 г.[11].

Серапионов крест можно считать новым доказательством применения тайнописи еще в середине XV в.

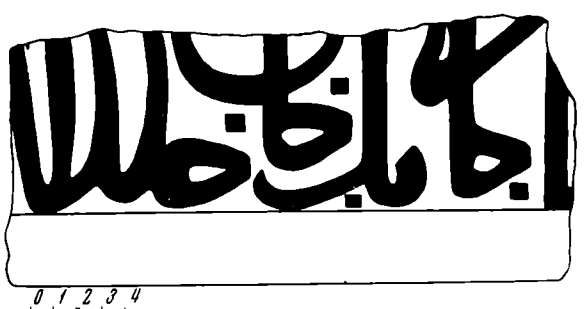
[11] П. А. Лавровский. Ук. соч., стр. 17.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

НАДПИСЬ ДЖАНИБЕК-ХАНА НА ПЛИТЕ ИЗ МАДЖАР

В 1966 г. А. П. Рунич, проводя рекогносцировку той части городища Маджар, которая прежде именовалась «Кирками», на правом берегу р. Кумы, в 600 *м* к с-в от артезианского колодца совхоза «Прикумский», поднял фрагмент мраморной плиты.

Прежде плита была, по-видимому, значительных размеров, в настоящее время сохранилась только часть ее, длиной в 23 *см*, шириной в 11 *см*,



толщиной в 3,75 *см*. С трех сторон она отбита и лишь с четвертой, по-видимому нижней, сохранилась целая кромка. На поверхность плиты нанесена частично уцелевшая надпись, состоящая из нескольких слов, выполненных четкими арабскими буквами, почерком близким к «несху», рельеф букв довольно высокий. Диакретические точки расставлены правильно, в соответствии с их истинным положением (рисунок). Несмотря на то что верхушки букв в некоторых случаях не сохранились, уцелевшая надпись восстанавливается легко:

... ماجانی بک خان خلد الله [ملکه]

...Джанибек-хан да продлит аллах (царствие его). Расшифровке не поддается лишь переднее слово, от которого осталась лишь последняя буква — ا. Надпись представляет собой несомненный интерес, так как впервые на подобного рода памятниках встречено имя Джанибек-хана (1339—1357), одного из самых могущественных золотоордынских правителей. Вероятнее всего, эта надпись была строительной, извещавшей о постройке от имени или в правление Джанибека мечети или медресе. В пользу того, что надпись не может быть эпитафией, говорит фраза... да продлит аллах (царствие его) ..., ставившаяся обычно при жизни; подтверждением этого служат и надписи Джанибека на монетах, с той же благожелательной фразой. Большинство арабских и персидских авторов, давая характеристику Джанибеку, говорят, что он был «благочестивым и богобоязненным правителем, строгим ревнителем мусульманской веры» [1]. Следуя политике своего отца Узбек-хана, Джанибек продолжал широко насаждать среди населения Золотой Орды мусульманскую религию. Как сообщал автор «Анонима Искандера» Мунн ад дин Натанзи...

[1] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. 2. М.— Л., 1941, стр. 211.

«Весь улус Узбека он обратил в ислам, разрушил капища идолов (бутхана), воздвиг и устроил много мечетей и медресе. Все свое внимание он обратил на благополучие людей ислама» [2]. Однако до сих пор на территории Золотой Орды не было еще найдено строительных надписей Джанибека, Маджарская плита с его именем при всей своей неполноте является, таким образом, первой такой надписью и, следовательно, представляет собой довольно интересный источник по истории не только г. Маджар, но и всей Золотой Орды.

О наличии в г. Маджар соборной мечети уже в 30-х годах XIV в. было известно из описания Ибн-Батуты [3]. По Книге «Большому Чертежу» в начале XVIII в. в «Мажаровом Юрте» имелось семь мечетей татарских на правой стороне р. Кумы, да еще одна мечеть Арак-Кешень по другую сторону [4]. Побывавший в 1773 г. на городище Маджар Иоганн Антон Гильденштедт отметил на берегу р. Кумы находившиеся друг от друга на расстоянии не более пятисот саженей две мечети с минаретами [5]. Все это показывает, что в г. Маджаре существовало немало мечетей, к одной из которых и относится, вероятно, найденная плита с именем Джанибека.

Теперешнее русло р. Кумы не является древним, а прокопано более 100 лет тому назад крестьянами с. Покойного. Прежнее же русло р. Кумы проходило несколько восточнее места, где была найдена плита. Следовательно, по отношению к древнему руслу р. Кумы плита найдена на ее левом берегу [6].

---

[2] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. 2. М.— Л., 1941, стр. 128.

[3] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. 1, СПб., 1884, стр. 287, 288.

[4] Книга Большому Чертежу, М.— Л., 1950, стр. 91.

[5] J. Güldenstädt. Reise durch Russland und im caucasichnen Geburge. II, S— Petersburg, 1791, стр. 27.

[6] Приношу самую искреннюю благодарность А. П. Руничу за присланную прорисовку надписи.

Р. А. СИМОНОВ

О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Историко-математические исследования строятся в основном на сложившихся к данному времени взглядах о математической реальности. При этом не остаются ли некоторые черты историко-математических фактов неучтенными потому, что для их понимания и правильной оценки нужен иной уровень математического знания? Очевидно, нет оснований для категорического отрицания последнего.

Можно полагать, что в этом вопросе важное значение имеет общее состояние уровня «математизации» жизни человечества. С эпохи Возрождения и по настоящее время математика является основной формой выражения закономерностей естественнонаучных теорий физического цикла: с помощью математики формируются важнейшие положения, составляющие их ядро.

Положение К. Маркса о том, «что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой» [1], является одним из изумительнейших образцов опережающей свое время мысли, определяющей сущность общего направления развития науки будущего. В наше время «математизация» проникает все глубже в биологические науки — генетику, эволюционную теорию, медицину, а также в вопросы

[1] Сб. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», М., 1956, стр. 66.

научной организации производства и народного хозяйства — экономику, средства связи и др. Причем для «математизации» новых ступеней науки (биологии, в частности) недостаточно классических математических методов, ее более удовлетворяют новые направления в современной математике, охватываемые теоретической кибернетикой: теория информации, теория программирования, теория автоматов и теория игр.

Сегодняшний историк математики, изучая памятники древности, стремится найти в них особенности, которые отражают алгебраическо-числовые и тополого-геометрические представления. Историк завтрашнего дня, воспитанный также и на идеях неклассических структур, будет обращать внимание на уровень состояния категорий: упорядоченности, сложности, организации и других фундаментально важных для математического моделирования понятий, которому, вероятно, будет принадлежать важная роль в процессах формирования знаний в будущем. И такой подход, возможно, обеспечит более адекватное исторической действительности познание фактов истории математики.

Не дожидаясь наступления новой математической «атмосферы» в связи с изменением уровня «математизации» науки и хозяйственной жизни (что, очевидно, приведет и к соответствующему преобразованию методологии историко-математических исследований), следует начать анализировать источники эволюции математической культуры с целью выявления новых связей и отношений изучаемых явлений, которые нельзя ни выделить, ни познать с помощью классических методов. Такой подход представляется уже сейчас особенно перспективным для случаев, когда отсутствуют или очень скудны данные, отражающие алгебраическо-числовые и тополого-геометрические представления.

Например, для древнейшего периода истории Руси X—XV вв. отсутствуют памятники, по которым с достаточной определенностью можно было бы заключить, каков был характер геометрических зависимостей и арифметических операций, составлявших объем математических знаний того времени. Вместе с тем сомневаться в известной математической грамотности древнерусских зодчих, хронологов, летописцев, книгописцев и других не приходится, так как об этом свидетельствуют: 1) сохранившиеся архитектурные сооружения, отличающиеся удивительной красотой пропорций, прочностью и рациональностью конструкций, соответствующих культовой цели их предназначения; 2) содержание хронологического «Учения им же ведати человеку числа всех лет» Кирика Новгородца, написанного в 1136 г. (дошедшего в списках с XVI в.), показывающего, что в XII в. на Руси умели производить сложные календарные вычисления с числами порядка 30 млн. (как производились соответствующие подсчеты, неизвестно; в «Учении» приводились конечные числовые результаты); 3) существование на Руси до распространения индо-арабской (современной) нумерации «кириллической» цифровой системы, успешно обеспечивавшей более половины тысячелетия все многообразные нужды в записи чисел (современная нумерация находится у нас в употреблении вдвое меньший срок).

О природе математических структур, лежащих в основе древнерусской архитектуры, важнейший результат получен акад. Б. А. Рыбаковым [2]. Информация о соотношениях размеров ряда элементов сооружений оказалась «записанной» на графическом языке так называемых «вавилонов» — чертежей, состоящих из концентрических квадратов и прямоугольников. Они были найдены вычерченными на плитках среди строительного материала при археологических раскопках старинных храмов. В графике «вавилонов» закодированы данные, обеспечивающие надежность в отношении: 1) определенного воздействия на сознание человека внеш-

[2] Б. А. Рыбаков. Архитектурная математика древнерусских зодчих, СА, 1957, № 1, стр. 83—112.

него облика и интерьера (монументальность, известное совершенство форм и линий) «божьего дома»; 2) прочности архитектурной конструкции; 3) достаточной безотказности их употребления в строительной практике. Видимо, «вавилоны» были удобным и простым средством в руках древнерусских зодчих, избавлявших их от многих хлопот, выпадающих на долю современных строителей, вынужденных предварительно производить (причем не всегда удачно) большой объем работ по теоретическому обоснованию конструкций на основе знаний из области высшей математики, теоретической механики, сопротивления материалов и других наук.

По аналогии с бионикой можно предположить, что не только живые системы, но и системы типа «вавилона», использовавшиеся в древности людьми в своей деятельности, должны изучаться с целью выявления в них рациональных зерен, которые окажутся полезными в науке и практике сегодняшнего дня. Основное предназначение систем типа «вавилона» — обеспечение реализации закодированной в них программы (этот принцип воплощается в завоевывающем все большую популярность методе математического моделирования). Очевидно, что для познания и объяснения таких систем недостаточно только методов классической математики. Поэтому в основу изучения систем типа «вавилона», возможно, ляжет более глубокое осмысливание неклассических принципов в современной математике, на которых разрабатывается, в частности, метод математического моделирования.

Как уже отмечалось, неизвестен характер древнерусских арифметических алгоритмов в деталях. Более того, неясно, какими были они хотя бы в принципе: 1) сводились ли к определенным правилам с записью промежуточных или только конечных результатов; 2) выполнялись ли посредством механических средств типа абака; 3) осуществлялись ли как-то еще иначе. Обнаружение новых источников, которые решили бы исчерпывающим образом эту сложную проблему, маловероятно. Между прочим, среди нескольких сот берестяных грамот, найденных археологами за последние годы в Новгороде и других городах, нет таких, на которых приводились бы арифметические алгоритмы или содержались следы арифметических вычислений (известны лишь три грамоты с неполными перечнями цифр [3]

Существует тесная связь между нумерацией и арифметическими алгоритмами для чисел, выраженных в этой нумерации. Современные простые и надежные арифметические алгоритмы, которые сейчас усваиваются в начальной школе (арифметические операции «столбиком» и «углом» — для действия деления), сложились не сразу. Острую, например, конкуренцию в «борьбе за существование» пришлось выдержать теперешним алгоритмам умножения и деления. Эти алгоритмы и их конкуренты не применялись в средневековой древнерусской математике (X—XV вв.), а разрабатывались в западноевропейских странах в связи с распространением индо-арабской нумерации, которая на Руси ранее XVI в. не была в употреблении. Последнее заключение основано на факте неизбежного изменения порядка записи чисел 2-го десятка в средневековой древнерусской цифровой системе (условимся ее называть кириллической), если начать хотя бы складывать «столбиком» записанные в ней числа [4]. Такого преобразования не произошло в древнерусской нумерации; значит, тогда не складывали чисел «столбиком» и, очевидно, не употребляли трех остальных алгоритмов. Указанный вывод очень важен, так как устанавлива-

---

[3] Р. А. Симонов. Числовые грамоты на бересте XIII—XIV вв. и некоторые вопросы истории кирилловской нумерации. «Хиляда и сто години славянска писменост. 863—1963. Сборник в чест на Кирил и Методий», София, 1963, стр. 287—294.

[4] Р. А. Симонов. Математическата култура в България преди появата на печатни ръководства на български език и руските учебни източници от 18 век, «Математика и физика», 2, София, 1967, стр. 36—37.

ет независимость древнерусских вычислительных приемов от развивавшихся на основе индо-арабской нумерации западноевропейских алгоритмов. Какими были древнерусские арифметические алгоритмы, есть ли возможность приоткрыть завесу тайны в этом вопросе?

Не исключено, что такая возможность обнаружится при изучении неклассических структур, не рассматривавшихся в качестве историко-математических источников. В частности, решение указанного вопроса можно поставить в зависимость от изучения роли обратных связей в регулировании и управлении системами типа «цифровая система» и «арифметический алгоритм[5]». Такое заключение находит аналогию в том, что характер современных арифметических алгоритмов исторически обусловлен в значительной степени нашей (индо-арабской) нумерацией.

Итак, мы лишены источников классического типа, характеризующих с достаточной полнотой содержание математических знаний в Древней Руси в духе привычных нам арифметико-геометрических представлений. Имеющихся данных недостаточно для реконструкции общего облика древнерусской математической культуры по образу и подобию арифметико-геометрических взглядов, которые сформировались у современного человека в связи с «математизацией» жизни, определяемой в основном потребностями развития физики и сложившихся простейших практических (бытовых) математических навыков. Допустимо ли предположение, что общий характер математической культуры Древней Руси складывался в соответствии какой-то начальной формой «математизации» жизни типа, аналогичного в определенной степени развивающемуся сейчас бурному процессу, ведущему к новому уровню «математизации» жизни, обусловленному потребностями развития биологии и других наук? Соответственно, можно ли в качестве объектов древнерусской математики рассматривать системы типа «вавилонов», «цифровой системы» и квалифицировать их как объекты, аналогичные формам математического моделирования? Это покажет будущее.

Возвращаясь к вопросу об уточнении методологии историко-математических исследований, можно прийти к предположению, что с развитием науки и изменений «профиля» теперешней математической «атмосферы» придется произвести переоценку историко-математических ценностей. При этом может оказаться, что культуры, казавшиеся бедными и маловыразительными с точки зрения классических математических категорий (величина, пространство, функция и пр.), достаточно глубоки и содержательны в свете новых математических категорий (информация, алгоритм, структура и т. д.). Не исключено, что именно такая судьба ожидает историю математики Древней Руси.

---

[5] Частичное исследование в указанном направлении, проведенное автором настоящей статьи применительно к древнерусской тайнописной системе, привело к предварительному выводу о существовании следов архаичных арифметических операций раздвоения и удвоения, которые, возможно, применялись в вычислительной практике Древней Руси. Об этом автор докладывал на одном из заседаний научного семинара по истории математики при МГУ (руководители — профессора И. Г. Башмакова и А. П. Юшкевич), см. С. С. Демидов и Х. Ондар. О работе научно-исследовательского семинара по истории математики и механики МГУ (1966—1967 гг), «Успехи математических наук», XXII, 6 (138), 1967, стр. 265.

Критика и библиография

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

ПОНЯТИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП» И «АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В «АНАЛИТИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ» ДЭВИДА КЛАРКА

Во введении к книге «Аналитическая археология»[1] ее автор определяет предмет своего исследования. Отмечая, что природа археологии как науки сейчас широко обсуждается и дискутируется, Д. Кларк утверждает, что археология есть самостоятельная наука со своей собственной системой методов, объектов («сущностей» — entity) исследования и процесса исследования. Историческая интерпретация этих данных необходима, но историк, непосредственно берущий археологические объекты для своих построений, вступает на весьма рискованный путь. Потому необходима собственно археологическая обработка этого материала, т. е. обработка его самостоятельной научной дисциплиной. Выработать общие принципы этой дисциплины, независимые от частного характера объекта и годные для археологических данных всех эпох и стран,— задача «Аналитической археологии», по словам ее автора. Автор предлагает три вида модели.

1. Модель археологической «процедуры», т. е. схема взаимодействия разных стадий и приемов изучения археологических объектов.

2. Модель археологического процесса — специального рода динамической системы, в которой археологический объект (тип, культура, группа культур и т. д.) изменяется во времени и пространстве.

3. Модель археологического объекта как определенного статистически устойчивого узла слагающих элементов, признаков с разной степенью устойчивости этого соединения слагающих его элементов.

Автор стремится быть предельно строгим в терминологии, подчеркивая, что многие беды теоретической археологии проистекают от разнобоя именно в этой области. «Признак» (attribute), по Кларку,— это логически несократимая, нерасчленимая характеристика или свойство системы, всегда данное нам для наблюдения, имеющее два (наличие и отсутствие) или более состояний, которые являются для автора как бы значениями признака. Например, признак «цвет» имеет много значений: белый, черный, желтый и т. п. Признак «длина» имеет множество значений, измеряемых мерами длины.

Для Кларка орудие и вообще предмет, изделие (artefact) — окаменевшее, овеществленное действие. То, что в трудовой деятельности находит выражение в отдельном акте, группе актов и в повторяющейся группе актов, то в археологии воплощается соответственно в признаке, изделии или в группе сходных изделий (тип).

Человеческое общество Д. Кларк рассматривает как информационную систему с разными каналами передачи информации. Тип предмета — тоже один из каналов передачи этой информации. Для всякой передачи информации свойственны помехи — шум. А в археологии это выражается в соотношении существенных типообразующих признаков и несущественных.

Информация входит в культурную систему, систему признаков как внешнее воздействие. Для обозначения воздействия внешней среды, в которой находится и развивается археологический объект, и воздействия на него других объектов, с ко-

---

[1] David L. Clarke. Analytical Archaeology. London, 1968, 684 стр.

До выхода в свет этого обобщающего труда мы знали о работах Д. Кларка по следующим статьям и книгам: Matrix Analysis and Archaeology with Particular reference to British Beaker Pottery. VI International Congress of the Prehistoric and Protohistoric Sciences, 1965, II, Rome, 1965; то же, PPS, нов. сер., XXVIII, 1962; A Tentative Reclassification of British Beaker Pottery in the Light of Recent Research. 2-nd Atlantic Symposium. Groningen, April. 1964; The Origin and Development of British Beaker Pottery. Cambridge, 1968; Seriation of Quantitative Feotures in Late Pleistocene Stone Technology. «Natura», 1965, 205.

торыми он связан, Д. Кларк применяет заимствованный из биологии термин «экология» (заимствование терминов из области биологии вообще характерно для Д. Кларка). В этом аспекте рассматривается диффузия. Строятся различные модели для описания ее различных видов. Но по Д. Кларку, имеет место два вида информации: внешняя информация из окружающей среды или других объектов и внутренняя информация — «изобретение», т. е. новая расстановка, новая комбинация имевшихся в объекте (как системе) элементов.

Конечно, в жизни имеет место всегда та или иная комбинация обоих типов информации.

Новая информация может быть отвергнута или принята системой. Д. Кларк подвергает рассмотрению разные варианты «ответа» системы на информационное вторжение.

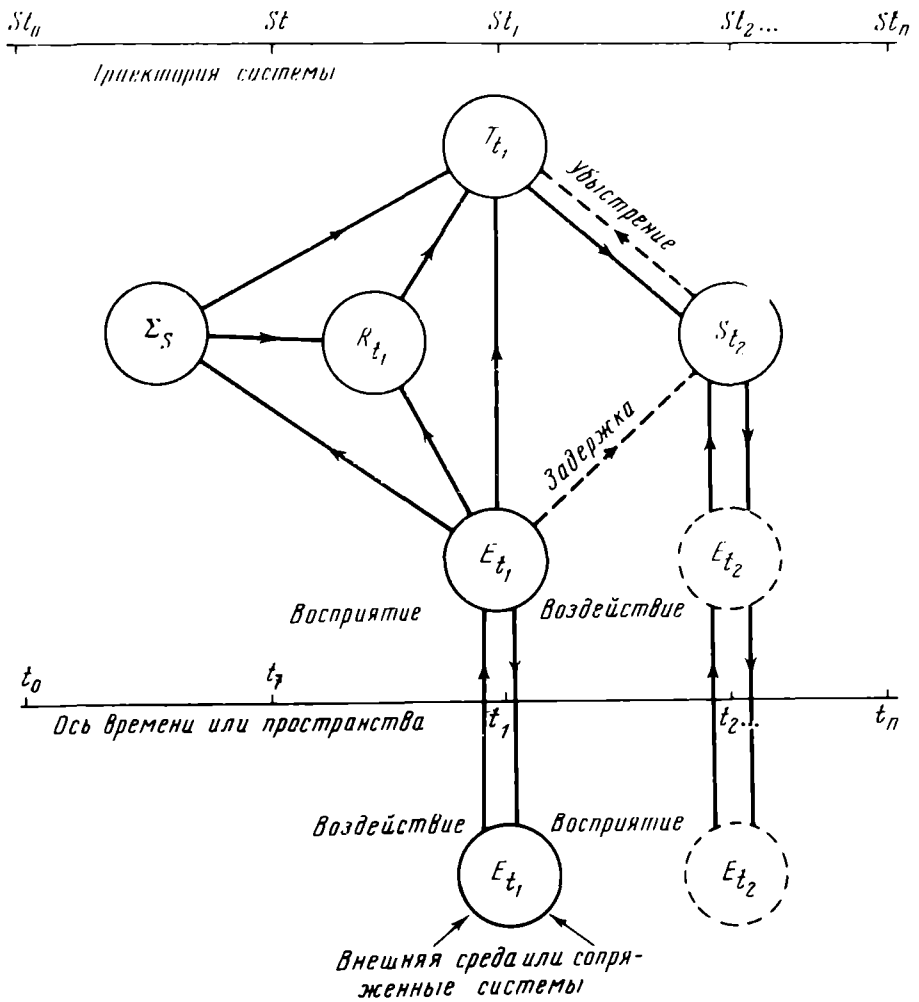


Рис. 1. Модель археологического «процесса» (по Д. Кларку)

Система может ее принять и тем самым обогатиться. Новая информация может повторить имевшиеся ранее комбинации элементов системы, но может и противостоять старому и расшатывать этим всю систему. Иногда принятие новой информации делает системы более сложными, увеличивает их способность противостоять внешней среде, увеличивает в них аппарат саморегулирования. Культурные системы в археологии отличаются, в частности, обилием типов вещей. Д. Кларк приводит сравнение между 500 тысячами типов орудий, которыми обладали высадившиеся в Касабланке американцы в первую мировую войну, и 3—6 тысячами типов орудий, производимых индейцами Калифорнии.

Для исследования всех этих общих теоретических вопросов Д. Кларк привлекает понятие теории информации, теории марковских и стохастических процессов, теории игр и общие понятия кибернетики («большой черный ящик» и т. д.). В результате он дает общую модель взаимоотношения какой-либо культурной системы, археологического объекта с внешней средой или другими объектами в его развитии, т. е. дает модель «археологического процесса» (рис. 1).

Система (S) рассматривается в ее движении (во времени или пространстве (t_1; $t_2 \ldots t_n$)) и в постоянном взаимодействии с внешней средой и со связанными с ней системами, которые также изменяются. Импульсы, новая информация из окружающей среды и соседних систем (E) воздействует на систему в данном ее состоянии

(S_{t_1}) через определенный механизм саморегулировки (R). Кроме того, есть «память», т. е. как бы накопленный у системы опыт предшествующей ее истории, через который также проходят эти импульсы (Σ_S). В свою очередь эта «память» влияет на работу «регулятора». Кроме того, в каждом моменте имеется определенная вероятность для системы того, что каждый из ее элементов в данный момент может перейти в то или иное состояние — матрица вероятностей (T). На эти вероятности, на эту матрицу воздействуют «регулятор» (R) и «память» (Σ_S), усиливая те или иные вероятности для определенных исходов. Наконец, по этой матрице под воздействием факторов «регулятора» и «памяти» система дает под воздействием E какой-то «выход» — новое свое состояние (S_{t_2}). При этом обратное воздействие нового состояния на старую матрицу вероятностей (T) рассматривается как некий убыстряющий фактор (lead) для всего этого процесса перехода от состояния систем S_{t_1} к состоянию S_{t_2}, а воздействие старой среды E_t на новое образующееся состояние системы S_{t_2} — как задерживающий фактор (lag).

Д. Кларк для пояснения узла (T) своей модели приводит такие таблицы.

R		a	b	c	d	R		a	b	c	d
R_1	a	0,0	0,1	0,0	1,0	R_3	c	0,9	0,1	0,0	0,3
	b	0,3	0,4	0,2	0,0		d	0,0	0,4	0,2	0,7
	c	0,6	0,2	0,1	0,0		e	0,1	0,4	0,7	0,0
	d	0,1	0,3	0,7	0,0		f	0,0	0,1	0,1	0,0
R_2	b	0,5	0,1	1,0	0,1	R_4	d	0,0	0,0	0,0	0,0
	l	0,3	0,3	0,0	0,5		e	0,2	0,3	0,4	0,0
	d	0,1	0,4	0,0	0,4		f	0,3	0,4	0,5	0,6
	e	0,1	0,2	0,0	0,0		g	0,5	0,3	0,1	0,4

Эта таблица показывает вероятности каждого из элементов системы (элементы a, b, c, d) перехода (преобразования) в другой элемент или другое состояние (a, b, c, d, e, f, g) при различных условиях (R_1, R_2, R_3, R_4 — различные воздействия окружавшей среды и соседних систем). Затем берутся наиболее вероятные переходы, т. е. максимальные значения вероятности. «Траектория» системы, описываемой четырьмя элементами, будет следующей:

R	a	b	c	d
R_1	c	b	d	a
R_2	b	d	c	b
R_3	d	d	e	d
R_4	f	f	e	f

Другими словами, элемент a, по всей вероятности, сначала трансформируется в элемент c, затем в b, d, f, соответственно смене внешних воздействий R_1, R_2, R_3, R_4; элемент b пройдет другой путь, другую траекторию и т. п.

Но при вмешательстве регулирующего фактора траектория в различных вариантах приводит к тому, что все элементы оказываются одинаковыми (g).

Варианты траектории

R	$abcd$	$abcd$	$abcd$
R_1	*daca*	*cbda*	*baba*
R_2	*dcbc*	*bdbb*	*dcdb*
R_3	*cddd*	*dddd*	*cdcd*
R_4	*gggg*	*gggg*	*gggg*

Строя модель археологического объекта, автор рассматривает его как систему признаков, которую он называет «политетической» (polythetic). Это такая система, такое соединение признаков или комплексов, в которой каждый представитель не имеет полного набора признаков, но имеет большую часть «ключевых», существенных признаков или систем, причем в разных сочетаниях, при этом в большом числе индивидуальных представителей, но не во всех, и потому не является необходимым для каждого представителя этого объединения. По справедливому мнению Д. Кларка, все археологические объекты являются именно такими «политетическими» системами признаков и противопоставляются монотетическим (monothetic) системам, где

каждый признак системы обязателен для каждого представителя этой системы. В пояснение к своей модели Д. Кларк приводит такую схему.

Признаки	Объекты												
	A	*B*	*C*	*D*	*E*	*f*	*g*	*H*	*I*	*J*	*K*	*l*	группа
1	×	×	×	×	×								Монотетическая
2	×	×	×	×	×								
3	×	×	×	×	×								
4	×	×	×	×	×								
5	×	×	×	×	×								
6							—	×	×	—	×	—	Политетическая
7							—	—	×	×	—	×	
8							×	—	×	×	×	×	
9							—	×	—	×	×	—	
10							×	—	×	—	×	×	

Примечание. × — присутствует признак; — отсутствует признак.

Это приводит к статистическому пониманию сущности археологического объекта. Тип предмета характеризуется некоторым набором признаков. Совокупность предметов данного типа — «популяция». Но не каждый член этой популяции обладает полным набором признаков. Поэтому члены данной популяции, т. е. однотипные предметы, при общем сходстве несколько отличны друг от друга. Если мы будем рассматривать такие популяции с точки зрения уровня сходства между собой ее представителей, то, по мнению Д. Кларка, сможем выделить три уровня — низкий, средний и высокий, которым соответствуют группа типов, тип и субтип (подтип). Если взять признаки в их различных значениях и исследовать их взаимовстречаемость на предметах одной категории, мы получим группу, ядро весьма тесно связанных значений признаков, окруженное признаками, связь которых между собой и признаками, составляющими это ядро, более слаба. Так, например, для железных топоров такие значения признаков, как железо в качестве материала, наличие проуха, острое лезвие и т. п., обязательны и имеются на всех топорах. Без них топор не является топором. В этом отношении категория предметов является почти монотетической системой нескольких определяющих их категорию (функциональную принадлежность вещи) признаков. Без одного хотя бы этого признака вещь не может выполнить предназначенные ей функции. Но тесная связь нескольких немногих признаков, определяющих категорию, сопровождается тем явлением, что в остальных многочисленных значениях признаков предметы расходятся между собой. Но и среди этих вторичных признаков есть узлы сосредоточения значений признаков, часто встречающихся вместе на вещах данной категории. Они определяют тип как политетическую систему признаков. Теснейшим образом связанные между собой признаки категории (функциональные), присутствующие на всех предметах данной категории, дополненные некоторым количеством признаков, менее тесно связанных между собой, но все же достаточно тесно, чтобы выделиться в качестве определенного ядра признаков, образуют тип предмета. Для каждого представителя этого типа обязательно наличие всех функциональных признаков, но не обязательно наличие всех типообразующих признаков, однако некоторая и достаточно большая часть их должна быть. Другими словами, между представителями популяции типа есть некоторый уровень внутреннего сходства, который Д. Кларк определяет в процентах в среднем для всей популяции, введя соответствующий математико-статистический аппарат для определения этого уровня. Так, для внутреннего сходства представителей одного типа, т. е. для внутренней однородности популяции, соответствующей типу, этот уровень должен колебаться в пределах 30—60%. Далее, внутри популяции типа признаки также образуют несколько групп тесно связанных между собой признаков. Каждая такая группа вместе с типообразующими признаками и признаками функциональными образует более широкую группу признаков, определяющих подтип предмета. При этом уровень внутреннего сходства внутри популяции такого подтипа должен быть в пределах 60—90% (по индексу Д. Кларка).

Таким образом, получается, что в зависимости от того, какие признаки берутся для определения популяции, мы получаем разные степени внутренней однородности популяции, сходства между собой представителей этой популяции. Если мы возьмем тесно связанные, встречающиеся почти всегда вместе на вещах признаки, определяющие категорию, они оказываются малочисленными, и сходство внутри популяции предметов, обладающих этими признаками или большей частью их, оказывается очень низким. Такая популяция соответствует группе типов (по Д. Кларку) или категории (по нашей терминологии). Если мы возьмем более широкую группу

признаков, но связанных между собой менее тесно, то получим популяцию, соответствующую типу. Сходство, внутренняя однородность представителей этой популяции, т. е. предметов, обладающих всеми или большей частью этих типообразующих признаков, определяется в 30—60%. Если, наконец, возьмем еще более широкую группу признаков, но еще менее тесно связанных между собой, то получим популяцию, соответствующую подтипу. Представители этой популяции, которые обладают этими признаками или большей частью их, имеют очень большой уровень сходства между собой, и внутренняя однородность этой популяции определяется по индексам Д. Кларка цифрами в 60—90%.

Таков статистический подход Кларка к понятиям «группа типов», «тип» и «подтип». Каждый тип имеет какой-то период своего бытования. Он живет во времени. Д. Кларк рассматривает временные траектории каждого признака. Он рисует нам образ полилинейной траектории типа, пучка нитей, своего рода шнура, где каждая нить — это путь признака во времени. Если этот шнур траекторий разрезать поперечной плоскостью, то на этой плоскости точками будут обозначены пересечения траекторий каждого признака с плоскостью, которая соответствует какой-то отдельной хронологической фазе развития. В зависимости от того, связаны или не связаны признаки на данной фазе на этой плоскости, точки пересечения будут стоять друг к другу ближе или дальше. Таким образом, нити-траектории то сближаются, то отдаляются, и каждый поперечный разрез дает ту или иную комбинацию тесно связанных между собой признаков, а следовательно, тот или иной тип. Сами признаки могут оставаться прежними или же в этот пучок траекторий включаются траектории новых признаков. На пересечении мы имеем точки, и их расположение определяет тот узел, ядро признаков, которые образуют тип. Таким образом, один тип или одна устойчивая политетическая система признаков с течением времени переходит в другой тип, другое устойчивое сочетание признаков. Этот процесс, по Д. Кларку, выражается в различных количественных изменениях, которые происходят внутри типа как системы признаков.

1. Изменения числа признаков, определяющих тип как политетическую систему. Из общей массы признаков различное их число может оказаться скоррелированными в тот узел, ядро, которое и определяет тип. Есть типы, определяемые малым, а есть типы, определяемые большим числом таких скоррелированных признаков. Один и тот же тип на разных стадиях может быть определяем большим или меньшим количеством «ключевых», собранных в пучок, тесно скоррелированных типообразующих признаков.

2. Изменения в числе типообразующих признаков на каждый предмет, исчисляемое в среднем для всей популяции данного типа. Д. Кларк имеет в виду то среднее число признаков, которое оказывается общим для каждых двух представителей популяции вещей, соответствующей типу. Поскольку тип — политетическая система, каждый из его представителей обладает не обязательно всеми типообразующими признаками, но каким-то достаточно большим числом их. Это среднее число признаков, общих для каждой пары предметов данного типа, колеблется у разных типов и у одного и того же типа, взятого в разные хронологические фазы его истории.

3. Изменение количества предметов на каждый признак. Так как тип — политетическая система, то даже типообразующие признаки не встречаются на всех предметах, составляющих популяцию, соответствующую этому типу, а только на какой-то доле этих предметов, достаточно большой, чтобы все эти вещи можно было объединить в один тип. Эта доля меняется. Есть типы, в которых типообразующий признак встречается почти на всех предметах (такие типы приближаются к монотетической системе). Есть типы, в которых каждый типообразующий признак встречается только на какой-то доле предметов, входящих в популяцию. Более того, тип как политетическая система может в разные периоды своей жизни определяться большим числом признаков, каждый из которых представлен на сравнительно малой доле предметов этого типа, и малым числом признаков, каждый из которых представлен на сравнительно большой части всех предметов этого типа, или же, наоборот, обладать малым количеством признаков первого сорта и большим количеством признаков второго сорта.

4. Изменения в уровне коррелированности между ключевыми признаками.

5. Изменение скорости эволюции признака от одного его значения к другому при смене хронологических фаз развития типа.

Рассматривая эти аспекты в эволюции типа вещей, Д. Кларк выделяет следующие фазы развития типа:

0. Порог (смерть старого — рождение нового типа):

а) увеличение числа признаков, определяющих тип;

б) малое число типообразующих признаков на каждый предмет;

в) малое число предметов на каждый признак;

г) низкий уровень коррелированности между типообразующими признаками;

д) увеличение скорости изменения значений признака.

Д. Кларк рисует начальную, нулевую, исходную стадию образования типа. Популяция этого рождающегося типа состоит из предметов, которые объединены в систему еще по малому количеству признаков, но оно имеет тенденцию увеличиваться. Это увеличивает степень внутренней однородности популяции, сходность между собой

ее членов, т. е. увеличивает количество типообразующих признаков, приходящихся на каждый предмет в среднем для всей популяции, но это увеличение на этой фазе еще не проявляется. Количество типообразующих признаков на каждый предмет в среднем для всей популяции еще мало. Мало также еще количество предметов на каждый признак, мала также корреляция между типообразующими признаками, но уже чувствуется увеличение темпа изменения признака от одного состояния к другому. Вся популяция типа рисуется как неустойчивая, склонная к изменениям, структурно рыхлая.

1. Формирование (рост):

а) уменьшение числа признаков, определяющих тип;

б) увеличение числа типообразующих признаков на каждый предмет;

в) увеличение числа предметов на каждый признак;

г) подъем уровня коррелированности между типообразующими признаками;

д) малая скорость изменения значений признака.

Первая стадия (рост) рисуется следующим образом. При некотором уменьшении числа типообразующих признаков, соединенных в узел тесно скоррелированных между собой признаков, происходит все же рост степени внутренней схожести, внутренней однородности популяции типа за счет заметного на этой стадии увеличения количества типообразующих признаков, в среднем приходящихся на предмет. При этом увеличивается количество предметов на каждый признак; внутренняя корреляция между признаками, образующими тип, возрастает, а темп изменений в состояниях признака снижается. На этой стадии вся популяция рисуется как более устойчивая, стабилизирующаяся система со сформировавшимся внутренним устойчивым ядром, но ядро это пока включает в себя еще мало признаков.

2. Связанное состояние (зрелость):

а) увеличение числа признаков, определяющих тип;

б) увеличение числа типообразующих признаков на каждый предмет;

в) максимум числа предметов на каждый признак;

г) наиболее высокий уровень коррелированности между типообразующими признаками;

д) наиболее низкая скорость изменения значений признака.

Эта стадия (зрелость) рисуется как стадия устойчивости типа. Достигается максимум внутренней однородности популяции, максимум схожести между ее представителями за счет того, что в ядро типообразующих признаков входит большее, чем на предшествующих стадиях, количество признаков, причем в среднем на каждый предмет этой популяции приходится большее количество этих типообразующих ключевых признаков, чем раньше, а каждый из признаков представлен на весьма большом количестве предметов, входящих в популяцию. Внутренняя коррелированность между типообразующими признаками достигает вершины. При этом тип приобретает устойчивость, и темп его эволюции резко тормозится.

3. Период после «связанного состояния» (деградация):

а) уменьшение числа признаков, определяющих тип;

б) уменьшение числа типообразующих признаков на каждый предмет;

в) уменьшение числа предметов на каждый признак;

г) снижение уровня коррелированности между типообразующими признаками;

д) увеличение темпа изменения значений признака.

Эта стадия (деградация) характеризуется уменьшением всех тех показателей, которые определяют внутреннюю однородность популяции типа, обеспечивают схожесть ее представителей между собой. Ядро типообразующих признаков сужается. Малочисленными и менее тесно, чем раньше, коррелированными становятся входящие в него признаки. Система признаков, приближавшаяся на предшествующей стадии расцвета, зрелости, к монотетической, вновь становится рыхлой политетической системой. При этом она теряет свою устойчивость, и вновь убыстряются процессы эволюции отдельных признаков, увеличивается тенденция к разного рода изменениям. Но тип продолжает еще оставаться типом, так как внутренние связи между типообразующими признаками еще не разорваны.

0. Порог (смерть старого — рождение нового типа):

а) увеличение числа признаков, определяющих тип;

б) малое число типообразующих признаков на каждый предмет;

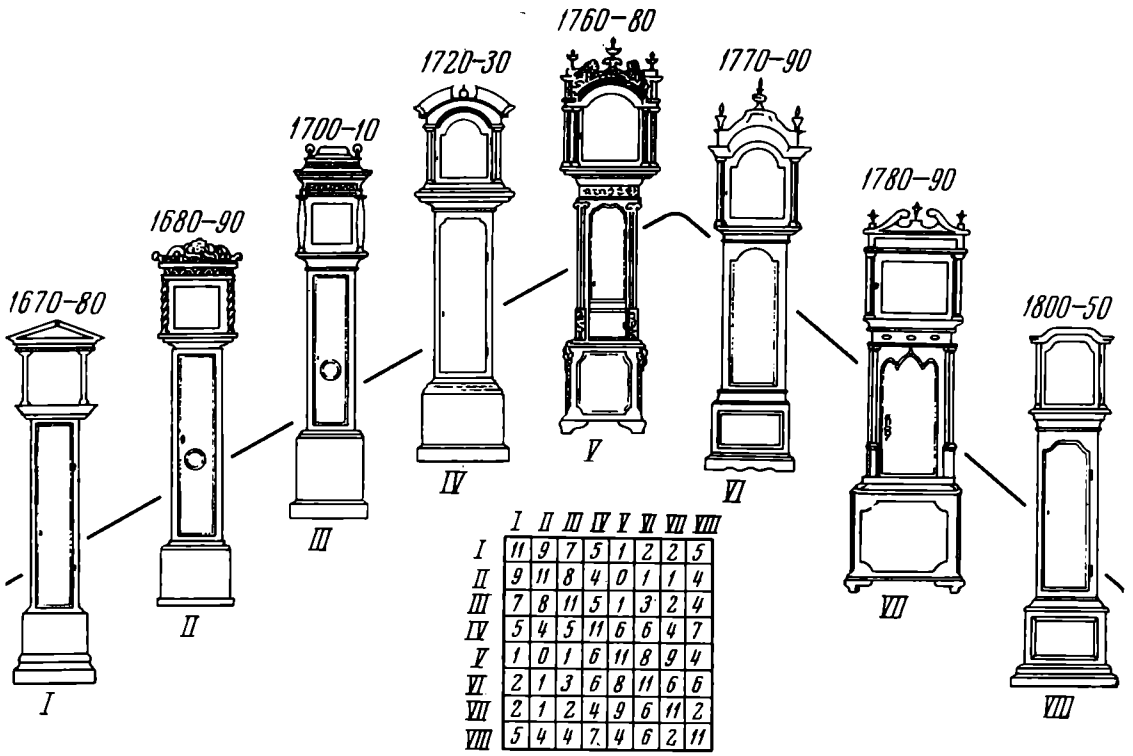
в) малое число предметов на каждый признак;

г) низкий уровень коррелированности между ключевыми признаками;

д) увеличение темпа изменения значений признака.

Таким образом, цикл фаз завершается, и развитие типа приводит к той же самой нулевой стадии, с которой оно начиналось. В сократившееся на предшествующей стадии число типообразующих признаков, входящих в ядро, вливаются новые признаки. Но они еще мало между собой связаны, мало скоррелированы, и потому популяция структурно рыхла, степень схожести ее представителей между собой низка. Вся популяция типа на этой стадии очень далека от монотетической системы и представляет собой малостабильную, склонную к изменениям ярко выраженную политетическую систему, в которой в среднем на популяцию каждые два ее представителя имеют меньшее, чем на зрелом этапе, количество общих признаков, а каждый типообразующий признак представлен меньшим числом предметов.

Таким образом, каждый тип проходит ряд фаз, которые дают нам эволюционный ряд. Он имеет две ветви: восходящую, когда происходит становление, формирование типа, и нисходящую, когда тип деградирует. Имеется так называемое «связанное состояние» — вершина развития типа. По мере развития типов происходит, как считает Д. Кларк, усложнение типа, т. е. возрастает количество типообразующих признаков. На нисходящей ветви происходит снова некоторое упрощение. Этот процесс схематически показан Д. Кларком на примере эволюции одного типа английских стенных часов за период с 1670 по 1850 г. (рис. 2). Кроме того, Д. Кларк в этом примере рассматривает 11 отобранных признаков, входящих в различных своих значениях наряду



	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
I	11	9	7	5	1	2	2	5
II	9	11	8	4	0	1	1	4
III	7	8	11	5	1	3	2	4
IV	5	4	5	11	6	6	4	7
V	1	0	1	6	11	8	9	4
VI	2	1	3	6	8	11	6	6
VII	2	1	2	4	9	6	11	2
VIII	5	4	4	7	4	6	2	11

Рис. 2. Пример развития типа (по Д. Кларку)

с другими во все фазы типа как типообразующие, и сравнивает каждую пару по числу общих для этой пары значений каждого из этих 11 признаков. Приложенная к рисунку таблица (типа турнирной) показывает, сколько у каждой пары фазовых состояний имеется общих по своим значениям признаков. Таким образом, таблица показывает степень схожести каждой пары фазовых состояний типа. Если мы возьмем первые три полосы этой таблицы, то увидим, что количество общих признаков по своим значениям уменьшается к середине, а затем снова возрастает. Это происходит от того, что крайние слева, простейшие звенья ряда резко отличаются от центральных звеньев, но снова приобретают общие черты с крайними упрощенными звеньями справа. Другими словами, деградирующие звенья эволюционного ряда приобретают снова сходство с формирующимися звеньями эволюционного ряда, т. е. некоторые черты, характерные для ветви эволюционного ряда на стадиях формирования, повторяются в звеньях ряда на стадии его деградации. Между крайними правыми и левыми звеньями больше сходства, чем между правыми и центральными или между левыми и центральными звеньями.

Если мы будем рассматривать очередность цифр в полосах, соответствующих IV—V фазам, мы увидим нарастание цифр к центру. Это означает, что центральные усложненные фазы имеют друг с другом больше общих значений признаков, больше общих черт, чем с крайними, как слева, так и справа. Для полос, соответствующих VI—VII фазам, максимальные цифры оказываются ближе к правому краю, т. е.: у начальных фаз деградирующей ветви (когда тип постепенно теряет сложность своей структуры) число общих по значению признаков больше всего между самими этими фазами, велико, но все же меньше — между этими фазами, с одной стороны, и центральными — с другой, и минимально — между этими фазами и крайними левыми. Только с самой крайней левой фазой сходство у фаз, стоящих в начале деградирующей ветви эволюционного ряда, снова возрастает. Это резко выявляется в полосе, соответствующей VIII фазе.

Интересно рассматривать эту таблицу по диагонали, идущей параллельно главной диагонали, помеченной цифрами 11. Цифры в этой диагонали дают число общих черт между I и II, II и III, III и IV и т. д. фазовыми состояниями. Мы видим, что эти числа сначала значительны, потом убывают, затем снова возрастают и затем снова убывают, т. е. в начале процесса каждое состояние сохраняет связь с предшествующим,

а в середине его, на стадии «связанного состояния», эти связи с предшествующими состояниями ослабевают. Это происходит за счет того, что скорость изменения такого признака вначале очень мала, и только на подступах к «связанному состоянию», на стадии «роста», этот темп убыстряется, и в этот момент признаки сильно изменяются при переходе от одного состояния к другому (стадии III и IV). Затем наступает «связанное состояние», при котором темп замедляется, наступает устойчивый период для типа (фазы V—VI), и, наконец, в период деградации темп убыстряется (фазы VII—VIII).

Таким образом, в понимании Д. Кларка, тип сводится к динамической системе взаимосвязанных признаков, причем связь эта не абсолютная, а подвержена колебаниям и выражается статистически. Даже среди самых стандартизованных типов предметов необходимо наличие колебаний и вариантов. Эти неизбежные вариации, изменчивость являются базисом развития, основой того механизма, посредством которого один тип предметов переходит в другой тип. В идеальном случае можно пред-

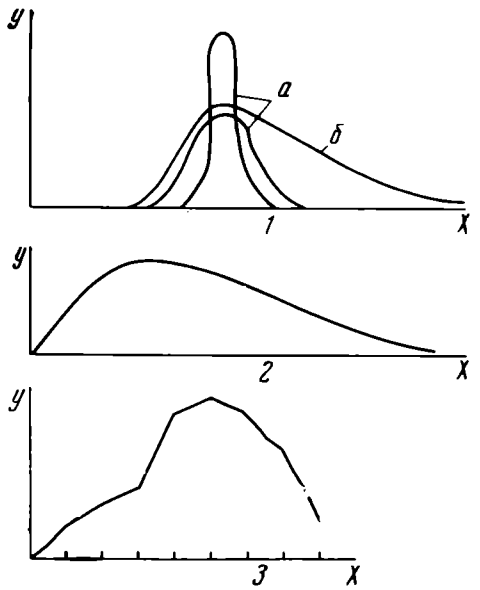


Рис. 3

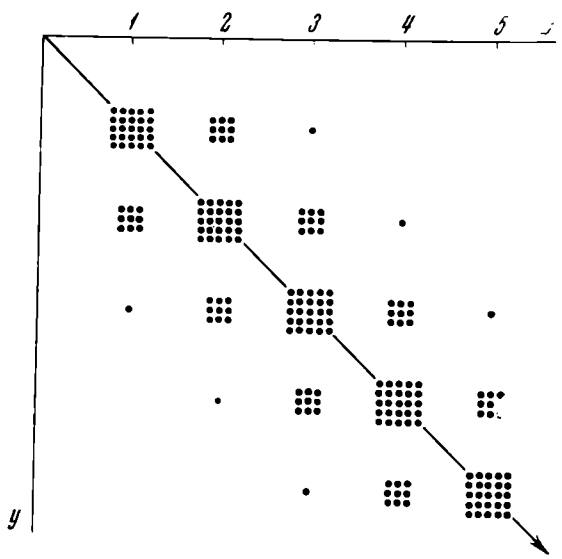


Рис. 4

Рис. 3. *1* — распределение популяции типа по значениям непрерывного признака (разные варианты распределения); на оси *X* отложена длина детали типа, на оси *Y* — частота или абсолютное количество предметов из популяции данного типа: *а* — нормальное распределение, *б* — скошенное распределение; *2* — распределение предметов, обладающих данным значением признака по времени; на оси *X* — время, на оси *Y* — частота или абсолютное количество предметов данного типа с определенным значением признака; *3* — распределение популяции, взятой в определенный хронологический момент по значениям признака; на оси *X* — значения признака, на оси *Y* — частота или абсолютное количество предметов из популяции данного типа в определенный хронологический момент

Рис. 4. «Идеальная» модель распределения признака во времени по Д. Кларку

На оси *X* — значения признака, на оси *Y* — время; точки обозначают количество предметов или частоту, стрелкой указана тенденция развития признака

ставить себе, что в какой-то отдельно взятый момент в популяции типа признак представлен таким образом, что частота каждого его значения распределена по унимодальному закону, который выражается графиком с одной вершиной, показывающей наиболее частое значение признака. Эта кривая варьирует от симметричной кривой плотности вероятности нормального распределения к скошенной кривой. Это относится к непрерывным признакам, выраженным количественно (длина какой-либо детали, вес и т. п.) (рис. 3, *1*).

Если взять признаки с дискретными значениями (цвет: черный, белый и т. п.) или непрерывные признаки, значения которых разбиты на какие-то интервалы (длина 0—5, 5—10 *см* и т. д.), то с течением времени меняется частота каждого признака в популяции данного типа. Если расположить значения этих признаков в той последовательности, в какой они входят «в моду», то получим также унимодальное распределение частот значений признака в каждой хронологической фазе. Другими словами, если на оси *X* через равные промежутки обозначить временные моменты, а на оси *Y* откладывать частоту данного значения признака для каждого момента времени, т. е. для каждой фазы долю данного значения признака популяции данного типа, то в идеальном случае мы должны получить унимодальное распределение, т. е. кривую с одной вершиной, показывающей момент максимального распределения (рис. 3, *2*) [2]. С другой стороны, если рассматривать популяцию не целиком, а в каж-

[2] Д. Кларк считает, что это распределение должно приближаться к нормальному. Д. В. Деопик показывает на ряде примеров, что это распределение всегда асимметрично и приближается к биномиальному.

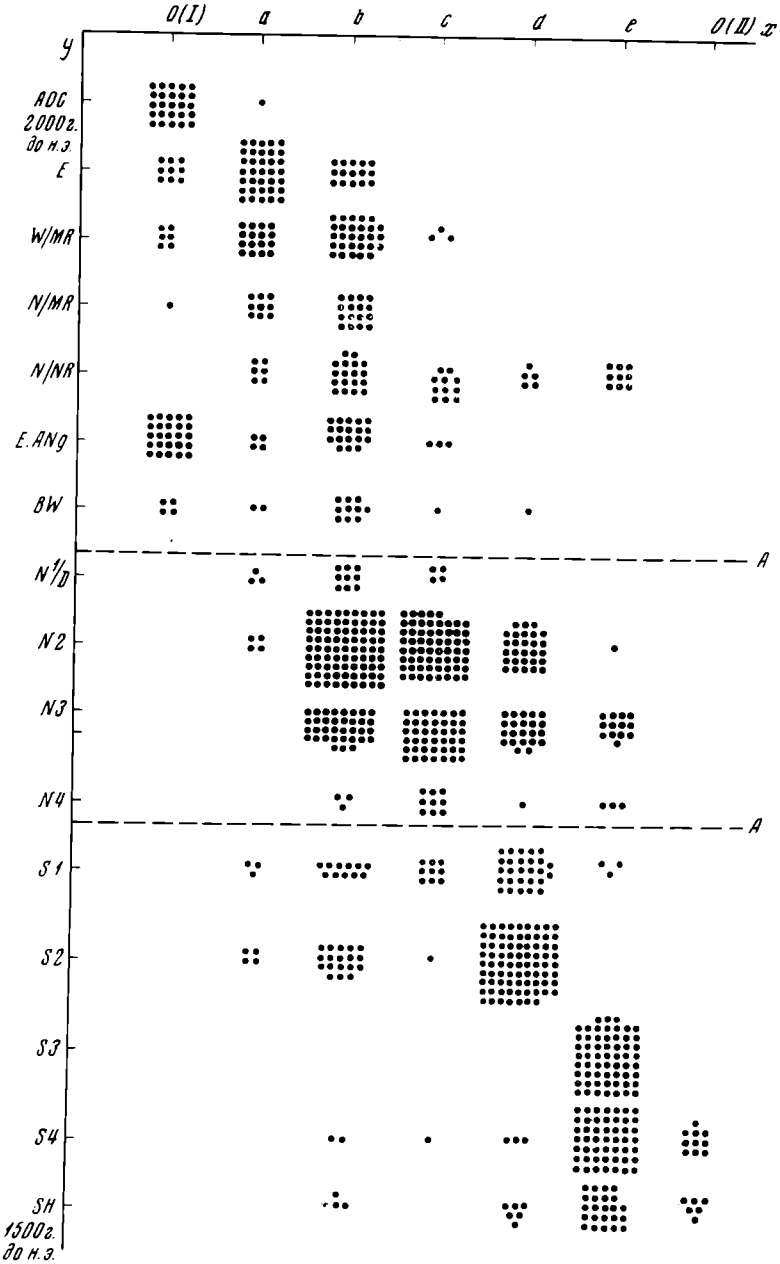


Рис. 5. Развитие орнаментальных стилей на керамике британского неолита.

На оси *X* — орнаментальные стили, на оси *Y* — хронологические периоды. *A* — периоды несоответствия «идеальной» модели; точки обозначают количество предметов (или частоту)

дый момент времени, то, отложив на оси *X* через равные промежутки длины значения признака, а на оси *Y* частоты, получим также унимодальное распределение (рис. 3, *3*). Соединив два этих графика, Д. Кларк получает комбинированный график (в трехмерном пространстве) — некую идеальную модель распределения значений одного признака во времени (рис. 4).

Распределение каждого значения признака может разделяться на три стадии: архаическое состояние, модальное и прототипическое. В каждом типе на данной фазе есть какое-то количество архаических значений признака, которые были когда-то модальными, но вышли из «моды». Эти значения присутствуют на малом числе предметов, составляющих популяцию типа на данной фазе; есть какое-то количество значений модальных, которые присутствуют на большей части представителей популяции на данной фазе, и есть некоторое количество «экзотических», пока еще «протомодальных», прототипических значений, которые станут сами в будущем типическими, «модальными», но которые пока еще присутствуют только на небольшом числе предметов популяции данного типа.

В идеальной модели Д. Кларка мы имеем «вертикальное» распределение числа предметов данной популяции для одного значения признака во времени и горизонтальное распределение числа предметов популяции на одном данном этапе по значениям признака. В обоих случаях перед нами в этой модели унимодальные симметрические кривые. Но Д. Кларк подчеркивает, что в жизни такие унимодальные кри-

вые, близкие к симметричным, часто заменяются сильно скошенными кривыми или кривыми с несколькими вершинами. Это вносит разнобой в идеальную модель Д. Кларка и обусловливает всю сложность развития типа в его сложнейшем взаимодействии с внешней средой.

В качестве примера такого нарушения идеальной модели Д. Кларк приводит схему развития поздних неолитических кубков в Британии (рис. 5). Сверху даются фазы развития признака — орнаментальные стили (основные два стиля — 0 (I) и 0 (II) и переходные — *a*, *b*, *c*, *d*, *e*), сбоку по вертикали даны хронологические фазы, принятые для периодизации британского неолита. В этой схеме наблюдается период несоответствия идеальной модели, когда все состояния признака представлены малым числом предметов в популяции типа. Эти периоды несоответствия идеальной модели обозначают образование региональных вариантов типа (стадии N_1, N_2, N_3... для северного локального варианта неолита соответствуют по времени стадиям S_1, S_2... южного неолита). Но все эти модели распределения построены Д. Кларком только для одного какого-либо признака (орнаментальные схемы для кубков, например). Модель развития всего типа будет выражаться графиком, построенным в четырехмерном пространстве, где на одной оси будут отложены хронологические моменты, на другой — признаки, на третьей — значения признаков, на четвертой — частоты или количество предметов в популяции. В какой-то хронологический момент признаки (цвет, длина, вес и т. д.) достигают максимума по количеству предметов популяции, причем каждый в каком-то определенном своем значении (скажем, цвет — в значении черный, длина — в значении 0—5 *см*, вес — в значении 0,3—0,5 *г* и т. д.). Очевидно, что именно эти, ставшие «модальными» значения признаков будут типообразующими в данный момент развития типа. В следующий момент какой-то из этих признаков изменит свое модальное значение. Тип несколько изменится, но пока перенос модального значения на другие значения охватывает только некоторую, сравнительно малую часть признаков тип продолжает существовать.

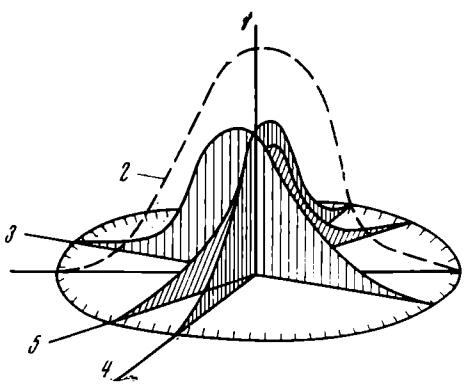


Рис. 6. Модель типа (по Д. Кларку)

1 — максимальное развитие типа; *2* — кривая распределения популяции типа во времени; *3—5* — кривые распределения предметов популяции, обладающих каким-либо одним значением какого-либо признака

Для того чтобы проиллюстрировать свое понимание типа как связанного ядра «ключевых» типообразующих признаков, достигающих в данный момент своей «моды», Д. Кларк рисует такую схему (рис. 6). Каждая кривая в этой объемной модели есть кривая распределения признака во времени. В данный период несколько достигших максимума своего распределения, своеобразные «моды», признаков коррелируются между собой достаточно тесно и образуют устойчивое сочетание признаков, т. е. тип.

Изменение скорости перехода от одного состояния признака к другому и связи этого перехода с процессом эволюции типа Д. Кларк рисует следующей схемой (рис. 7). Вертикальными линиями представлены временные траектории нескольких компонентов (признаков системы, типа): от *A* до *J*. Крестики обозначают границы между одним состоянием компонента и другим его состоянием. Когда на траектории крестики стоят близко друг к другу, это означает ускорение темпа эволюции данного компонента (увеличение скорости перехода от одного значения признака к другому), когда далеко — замедление. Выделяются две полосы в траекториях, на которые падают изменения, почти единовременные для всех компонентов. Эти две полосы — периоды одновременного ускорения эволюции каждого компонента, одновременного их перехода от одного состояния в другое. Эти полосы обозначают как раз те пороги «рождения» и «смерти» системы, на которые указывает Д. Кларк. Система может быть типом (тогда ее компоненты — эти признаки) или может быть каким-то культурным комплексом более высокого класса.

После глав, посвященных археологическим типам, Д. Кларк переходит к археологическим культурам. Он выделяет понятие комплекса (assemblage) — единовременной ассоциации типов не только вещей, но и явлений (т. е. типов погребальных обрядов, домостроительства и т. п.). Каждый памятник археологии — один или несколько комплексов (жилище, курган и т. п.). Подобно тому, как тип есть популяция предметов, изделий с системой связанных между собой признаков, так и культура есть популяция комплексов с системой связанных между собой типов. Популяция, составленная из таких комплексов, имеет ту или иную степень внутреннего единства, каждая пара комплексов, входящих в популяцию данной культуры, имеет некоторое число сходных, одинаковых типов. По уровню сходства между собой каждых двух представителей популяции культуры можно выделить: культурную группу с низким уровнем сходства, культуру со средним уровнем сходства; субкультуру с высоким уровнем сходства. Это соответствует группе типов, типу и подтипу. Субкультура рассматривается как внутреннее деление культуры, которое может по разным показа-

телям отражать разного рода деления того общества, которое оформлено в археологическую культуру (этнические, региональные, социальные, половые субкультуры, субкультуры, связанные с оккупацией одной территории другими культурами, и т. п.).

Очевидно, понимание Д. Кларком археологической культуры сводится к пониманию ее как динамической и политетической системы компонентов, аналогичной системе типов. В типе Д. Кларк рассматривает признак (цвет), его значения (черный, белый и т. д.) и совокупность признаков в их модальном в данный момент значении (тип). Индивидуальным носителем типа является предмет, изделие, рассматриваемое как объект приложения человеческой деятельности, каждый акт которой соответствует значению признака. Эти изделия в своей совокупности образуют популяцию типа с определенным средним показателем для этой популяции степени схожести каждых ее двух представителей.

Для культуры Д. Кларк рассматривает категорию (ножи, погребальные сооружения, жилища), их типы (ножи: тип *A*, *B* и т. д.; погребальные сооружения: курганы, каменные выкладки и т. д.; жилища: землянки, срубные дома и т. д.) и совокупность категорий в их модальном в данный момент значении, являющуюся культурой. Индивидуальным носителем культуры являются комплексы, т. е. единовременные соединения нескольких категорий в различных их значениях (ножи типа *A*, погребальные сооружения — курганы, жилища — землянки). Такие комплексы открываются при исследовании археологических памятников, во время которых устанавливается, что одни и те же люди пользовались ножами типа *A*, хоронили под курганами и жили в землянках. Эти комплексы в совокупности образуют популяцию культуры с определенным средним показателем для этой популяции степени схожести каждой пары ее представителей. Таким образом, устанавливаются аналогии:

признак	—категория типов
значение признака	—тип
изделие, предмет	—комплекс
группа типов	—культурная группа
тип	—культура
подтип	—субкультура

Эволюция культуры связана с теми изменениями в ней, которые приводят к «количественным изменениям» числа образующих культуру типов, числа комплексов, степени сходства этих комплексов и в изменениях культуры как структуры, т. е. к изменению степени скорелированности составляющих ее типов и изменению темпов перехода от одного типа к другому. В результате выделяются три стадии (рост, расцвет и деградация) и тот же порог (смерть старой — рождение новой культуры), с которого начинается и которым заканчивается развитие культуры. Развитие культуры протекает, по мнению Д. Кларка, аналогично развитию типа с некоторыми особенностями, усложняющими процесс развития археологической культуры.

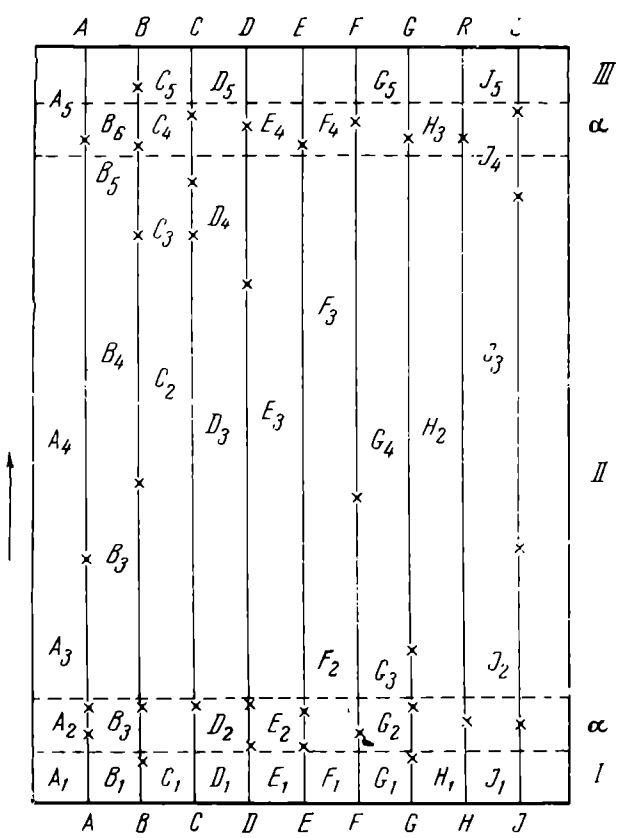


Рис. 7. Схема изменения скорости в эволюции признаков

I—III — хронологические стадии в развитии типа; α — периоды ускоренной эволюции всех признаков. Стрелкой обозначено направление временных траекторий

В особо благоприятных природных и экономических условиях возможно особо бурное развитие культуры, достигавшее состояния апогея (climax), соответствующего вершине развития культуры. Примером такого состояния культуры являются, по мнению Д. Кларка, культуры городского типа.

Не может обойти Д. Кларк молчанием и труднейший вопрос о соотношении археологической культуры и этноса. Для решения этого вопроса он привлекает богатейшие данные этнографии индейцев Северной Америки. Исследуя их комплексы, зафиксированные в мельчайших деталях, Д. Кларк приходит к тому, что, принимая для культуры уровень взаимного сходства комплексов в 65—95%, можно выделить эти куль-

туры. Они в целом с некоторыми отклонениями совпадают с мелкими племенными членениями индейцев и отражают диалектные отличия. Но Д. Кларк предостерегает от абсолютизирования этого вывода. Из того, что большинство *A* есть *B*, не следует, что все *A* есть *B*, заявляет он в связи с этим вопросом. Соотношение культуры, диалекта и племени справедливо лишь для некоторого, пусть достаточно большого, числа случаев, но не всегда и не для всех эпох.

Культурная группа объединяет комплексы со средним уровнем сходства в пределах 30—65%. Это большие объединения культур, которые в большинстве случаев соответствуют или племенной группе, или союзу племен, или языку или группе сходных диалектов, или национальной конфедерации, или, наконец, политической державе, империи.

Чтобы проиллюстрировать соотношение между культурой и культурной группой, Д. Кларк рисует следующую упрощенную модель (рис. 8). Он дает ареалы различных типов, которые перекрывают друг друга. Образуется четыре зоны, где несколько типов оказываются особо тесно связанными между собой, и потому комплексы, входящие в эти зоны, сходны между собой весьма сильно (степень сходства 65—90%). Но так как все ареалы типов как-то друг на друга находят, то все комплексы в какой-то степени сходны, но степень этого сходства ниже (30—65%). Вся группа этих ареалов составляет культурную группу.

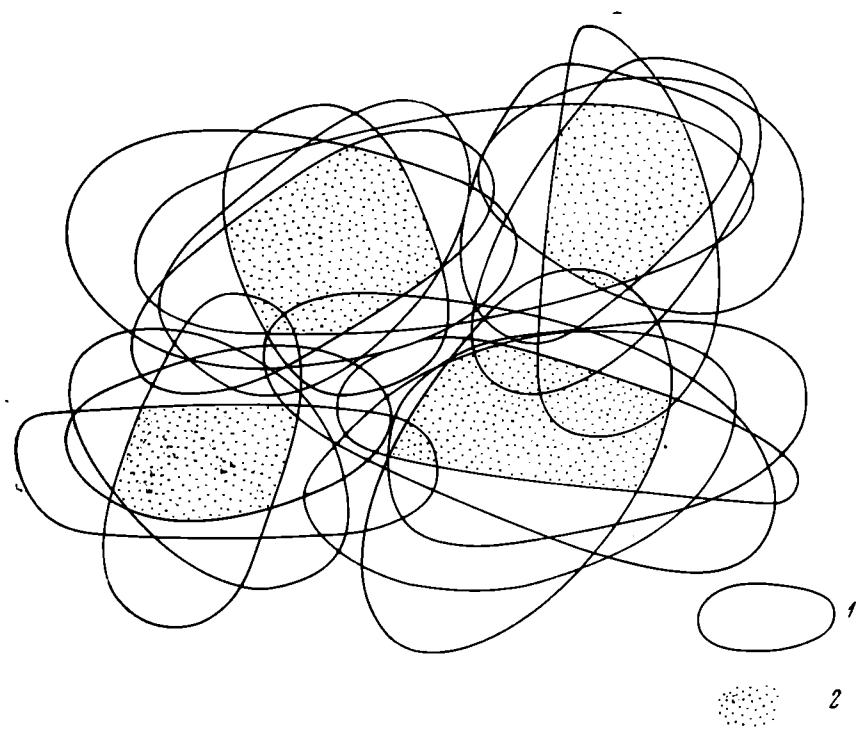


Рис. 8. Схема соотношения ареалов типов и культур с культурной группой (по Д. Кларку)

1 — ареал типа; *2* — ареал культуры

Появление культурной группы (порог: смерть — рождение) связано с объединением культур в культурную группу. Происходит конвергенция, т. е. сближение и совместная аккультурация независимых до этих пор культур под воздействием сходных факторов внешней среды. Но вместе с тем возникновение культурной группы может произойти и вследствие дивергенции, т. е. раздробления единой культуры. Далее Д. Кларк рисует три варианта траектории культурной группы (оформление, состояние максимальной устойчивости, деградация). Первый вариант связан с происхождением культурной группы в результате конвергенции, т. е. после образования культурной группы из сблизившихся, независимых в прошлом отдельных культур происходит еще большее сближение, в результате которого образуется большая культура (финальная конвергенция) с рядом делений на субкультуры, которые соответствуют этим, в прошлом самостоятельным, отдельным культурам. Второй вариант связан с возникновением культурной группы в результате дивергенции одной культуры. Дивергенция наращивается, культуры увеличивают различия между собой, и этот процесс приводит в конце концов к образованию независимых, несходных между собой отдельных культур (финальная дивергенция). Но может происходить и параллельная трансформация культур, составляющих группу, в другие культуры, при этом определенная степень сходства между комплексами этих культур сохраняется.

Наиболее обширным объединением людей по сходству различных проявлений их материальной культуры являются так называемые технокомплексы (technocomplex).

Их Д. Кларк рассматривает как группу культур, у которых комплексы одной похожи на комплексы другой не сходством типов, а тем, что типы принадлежат к одной и той же группе или категории типов. Например, несколько культур объединены в один технокомплекс не потому, что носители их пользуются ножами именно типа *A*, а потому, что они вообще пользуются ножами, не потому, что пользуются стрелами именно типа *A*, а потому, что вообще пользуются стрелами. Другими словами, культуры объединяются в технокомплекс потому, что для них характерны те или иные виды технической оснащенности труда и быта независимо от того, в каких реальных конкретных формах эта оснащенность проявляется. Использование одних и тех же функциональных категорий вещей проистекает от сходства форм быта и экономики. Таким образом, технокомплекс рассматривается как группа культур, достигшая в результате диффузии и конвергентного развития определенного сходства в функциональном использовании вещей. Технокомплекс — это как бы ответ ряда соседствующих и взаимосвязанных культур на общие социально-экономические и природно-демографические условия существования.

Комплексы, объединенные в технокомплекс, должны, по Д. Кларку, обладать средней схожестью, выражающейся в 5—30%.

На конкретных примерах исследует Д. Кларк следующие технокомплексы: охотники — рыболовы — собиратели, кочевники, земледельцы и их взаимоотношения друг с другом.

При оценке книги Д. Кларка следует выделить две стороны этого выдающегося теоретического труда. С одной стороны, это типичный труд позитивиста. Его враждебность марксизму выступает особенно четко в тех главах, где освещаются более высокие и сложные объединения и структуры: археологические культуры, культурные группы и технокомплексы. Здесь нет попыток выделить главное в движении общества носителя этих структур. И хотя автор уделяет большое место экономике и социальному строю общества, он рассматривает их как субсистемы, как системы равноценные и развивающиеся параллельно религиозным, нравственным и т. п. субсистемам. Например, Д. Кларк строит такую схему взаимоотношений субсистем, составляющих общественную систему (рис. 9). Как равноценные субсистемы, включенные без какой-либо их иерархии, рисует он экономику, религию, социальный строй, материальную культуру, допуская только взаимовлияния и взаимодействие между экономикой и материальной культурой, с одной стороны, и окружающей средой через технологию, с другой. Деление общественных явлений на базисные и надстроечные совершенно чуждо книге Д. Кларка.

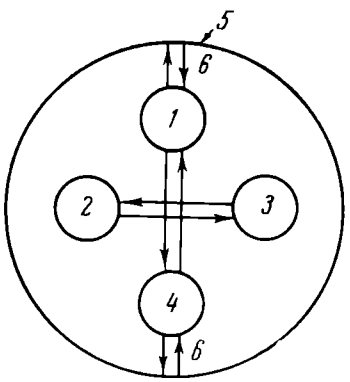


Рис. 9. Соотношение субсистем и общей социальной системы (по Д. Кларку)

1 — экономическая субсистема; *2* — религиозная субсистема; *3* — социальный строй; *4* — материальная культура; *5* — внешняя среда; *6* — технология

Неприемлемо для нас и стремление автора всю сложность исторического процесса рассматривать как борьбу технокомплексов, его отказ выделить общие социальные закономерности для всех технокомплексов. Не это нам интересно в трудах Д. Кларка, не этим важна для нас книга Д. Кларка. Для нас книга важна своими, так сказать, «низовыми» главами, посвященными самым основам археологических явлений — выделению признаков, типов и культур. Здесь большинство положений Д. Кларка приемлемо и полезно для нас. Они-то больше всего смыкаются с теми общетеоретическими концепциями археологического типа и культуры, которые вырабатываются сейчас в нашей литературе.

И особенно интересна для нас вторая часть книги Кларка «Метод», в которой дается конкретный аппарат исследования, главным образом таксонометрический и статистический. Излагать его нет возможности в рамках настоящей рецензии. Здесь Д. Кларк проявил большую эрудицию и собрал весь опыт в применении этих методов, который накоплен в мировой археологической практике. Жаль, что знакомство с советскими работами в этой области у Д. Кларка ограничилось только статьей автора этих строк.

И. С. КАМЕНЕЦКИЙ

О ПОКАЗАТЕЛЕ МАССИВНОСТИ ОТЩЕПОВ

В последнее время в советской археологической литературе можно отметить появление ряда статей, посвященных статистическим методам исследования материала. Естественно, что на новом пути возможны и даже неизбежны ошибки. Часть ошибок объясняется, как я думаю, излишней поспешностью в этом серьезном деле. Особенно это касается разработки новых критериев, т. е. работы в области теории. Трудно от археолога требовать хорошей математической подготовки, но какой-то минимум все же обязателен для тех, кто хочет предложить в этой области что-то новое.

Я не стал бы излагать эти очевидные истины, если бы мне в руки не попала статья Н. К. Анисюткина [1], в которой автор пытается усовершенствовать предложенную М. Бургоном методику сравнения палеолитических памятников. Суть дела сводится к следующему. М. Бургон предложил характеризовать серии отщепов двумя показателями [2]: $A=\frac{100l}{b}$ и $S=\frac{100a}{b}$, где a означает среднюю (арифметическую среднюю) толщины пластин данной серии, b — среднюю их ширину, l — среднюю их длину [3]. Так как сравнение двух показателей представляет некоторые затруднения, Н. К. Анисюткин предлагает объединить их, предложив «показатель массивности»: $M=\frac{100S}{A}$. Новый показатель является соотношением двух показателей М. Бургона. Это соотношение умножается на 100, так как, по мнению автора, «массивность выражается в процентах».

Нетрудно убедиться, что такой показатель не имеет никаких преимуществ перед старыми, ибо характеризует лишь соотношение толщины и длины отщепов и совсем не учитывает их ширины. Для доказательства этого достаточно в предложенное отношение поставить первоначальные значения. $M=\frac{100S}{A}=\left(100\frac{100a}{b}\right):\left(\frac{100l}{b}\right)=$ $=\frac{10000ab}{100bl}=\frac{100a}{l}$. Если бы Н. К. Анисюткин проделал со своим показателем приведенные элементарные преобразования, то он намного сократил бы объем вычислительных работ [4], да и вообще, по-видимому, отказался бы от его публикации. Я не специалист по палеолиту и не берусь судить, представляет ли соотношение a/l какое-нибудь преимущество по сравнению с соотношениями М. Бургона, вариацией которых оно является, но совершенно очевидно, что заменить их оно не может.

Вторая ошибка столь же элементарна, хотя и не существенна. Массивность, вопреки мнению автора, отнюдь не выражается в процентах, ибо в данном случае не существует той величины, от которой эти проценты могли бы исчисляться [5]. Получаемое при вычислении «массивности» число — просто цифровой показатель. Такими же цифрами, а не процентами являются и показатели М. Бургона, которые, по-видимому, и ввели Н. К. Анисюткина в заблуждение. Умножение на 100 понадобилось здесь только для того, чтобы иметь дело с целыми числами, а не с дробями. Это чисто формальный прием, не имеющий отношения к сути изучаемого явления.

Используя свой «показатель массивности», Н. К. Анисюткин произвел расчеты для значительного числа памятников и получил определенные результаты, которые, как я охотно допускаю, вполне совпадают с данными, полученными другими методами. Не противоречит ли это моему утверждению, что при составлении соотношения автором допущена ошибка? Расчеты Н. К. Анисюткина лишь показывают, что для получения результатов той точности, которые были достигнуты, достаточно использовать один, а не два показателя, как это предлагает М. Бургон. По-видимому, те же результаты можно было получить, использовав любой из индексов последнего. Соотношение Н. К. Анисюткина в конечном итоге $\left(M=\frac{100a}{l}\right)$ верно, но дает более грубый, приближенный результат, чем два индекса М. Бургона. Поэтому его нельзя рассматривать как усовершенствование предложенной ранее методики.

Только в том случае, если бы Н. К. Анисюткин доказал, что метод М. Бургона дает неоправданно высокую точность, в которой исследователи не нуждаются, можно было бы рассматривать его статью как определенный прогресс в этом деле. Пока же из приведенных результатов, если считать их полностью удовлетворительными, с неизбежностью следует лишь один вывод: ширина отщепа (или пластины) является признаком несущественным, которым можно пренебречь [6]. Думаю, что специалистам по камню трудно будет с таким выводом согласиться.

---

[1] Н. К. Анисюткин. Дополнение к методике обработки ниж.непалеолитических комплексов. АСГЭ, 10, Л., 1968, стр. 5—8.

[2] Точнее тремя, но третий (учитывающий форму отщепов) в статье Н. К. Анисюткина не обсуждается.

[3] Н. К. Анисюткин. Ук. соч., стр. 6.

[4] Там же, стр. 7.

[5] Это касается выражения $M=\frac{100S}{A}$. В выражении $M=\frac{100a}{l}$ за 100% при желании можно принять длину отщепа.

[6] Напомню, что точно так же обстоит дело и с третьим показателем М. Бургона, который не был использован автором обсуждаемой статьи.

Я. Я. Граудонис. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Изд-во «Знатне», Рига, 1967, 164 стр.+ XLII табл. Тираж 1000 экз.

Небольшой, но весьма работоспособный коллектив латышских археологов параллельно с объемными и результативными экспедиционными исследованиями ведет большую работу по изданию и научно-историческому обобщению археологического материала. За сравнительно короткий срок латышские археологи выпустили в свет четыре большие монографии и совместно с этнографами восемь сборников «Археология и этнография», получивших высокую оценку в научной литературе.

Новая книга латышского исследователя Я. Я. Граудониса посвящена анализу археологических материалов периода от 1500 г. до н. э. до первых столетий н. э. и истории населения, занимавшего территорию Латвии в это время. В истории древней Латвии период поздней бронзы и раннего железного века — эпоха больших перемен в экономике. Вместе с тем, этот период является весьма существенным в изучении этнической истории Северо-Восточной Европы. В древности на территории Латвии в течение длительного времени осуществлялся контакт между балтскими и финно-угорскими племенами. Поэтому исследование Я. Я. Граудониса, кроме археологов, привлечет внимание специалистов, работающих в области балтского и финно-угорского этногенеза. Для истории Латвии этот период весьма существен в том отношении, что в это время закладывались основы латышской народности, известной как по средневековым письменным документам, так и по археологическим данным I и начала II тысячелетия н. э.

Работа Я. Я. Граудониса состоит из историографической главы и двух больших разделов — источниковедческого (глава II) и исследовательского (главы III—V). Книга иллюстрирована большим количеством рисунков вещей и полевыми фотографиями, создающими отчетливое представление о памятниках и материальной культуре территории Латвии в изучаемую эпоху.

В первой главе дается историографический очерк и оценивается состояние археологического материала. Можно приветствовать попытку объективно оценить работу, проделанную археологами буржуазной Латвии. Некоторые исторические выводы, сделанные исследователями в конце XIX и в первые четыре десятилетия XX в., ныне действительно устарели. Но на этом основании не стоит, как это делалось до недавнего времени, принижать роль и значение исследований немецких и особенно латышских буржуазных археологов в изучении древностей Латвии. Достаточно отметить, что в 20—30 годах XX в. были раскопаны 21 и 35 могильников, упоминаемых в монографии Я. Я. Граудониса. Латышские археологи этого периода — Ф. Балодис, Э. Штурмс, Р. Шноре, В. Гинтер — вместе с эстонским ученым Х. А. Моора, посвятившим часть своих работ древностям Латвии, внесли существеннейший вклад в археологию Восточной Европы. Бесспорной заслугой латышских буржуазных археологов является то, что они не ограничились сбором и накоплением археологических материалов, а использовали их для решения исторических и этнических проблем. Значительные раскопки, работы по регистрации и охране археологических памятников, внимание к музейным коллекциям, публикации и исследования по древнейшей истории этого края свидетельствуют о расцвете археологической науки в Латвии в период 1920—1940 гг. В этом нельзя не видеть значения Великой Октябрьской революции. Революция в октябре 1917 г., сбросив гнет царского самодержавия, русской и иностранной буржуазии, побудила у всех народов чувство национального самосознания, что привело к возрождению и развитию национальных культур и собственной интеллигенции.

Развитие и многие успехи советской латышской археологии зависят от того, что было сделано латышскими археологами в 1920—1940 гг. Поэтому необходимо по достоинству оценить тот вклад, который внесли прежние исследователи в археологию Латвии. Положительная оценка деятельности латышских археологов в 1920—1940 гг. не имеет ничего общего с «восхвалением буржуазного строя». Мне кажется, что необходимо пересмотреть отношение и к историко-этническим построениям латышских археологов. Во всяком случае, в распоряжении исследователей нет оснований для полного отказа от миграционистских объяснений ряда изменений в развитии культуры древнего населения Латвии. Движение населения, притоки новых племенных групп, смешение разноэтнического населения, наблюдаемые в других областях Европы, бесспорно, имели место и на латышской территории.

Во второй главе рецензируемой книги сделана исчерпывающая сводка по всем памятникам, относящимся к анализируемому периоду,— поселениям, разнотипным могильникам, случайным находкам и кладам. Для каждого памятника приведены исчерпывающие сведения — общая характеристика, информация о раскопках и находках, литература, место хранения коллекции. Описано около 130 памятников, в том числе 23 городища, 15 открытых поселений, 53 курганных и 32 грунтовых могильника, 3 клада. Эта информационная сводка дает ясное представление о материалах, на которых покоятся выводы Я. Я. Граудониса.

Относительно этого раздела рецензируемой работы можно сделать несколько замечаний. При характеристике укрепленных поселений автор в ряде случаев уделяет недостаточное внимание их описанию. Во многих случаях не отмечены форма городищенских площадок, их размеры, характер и обмеры укреплений. Из 19 городищ, опи-

санных во второй главе, ситуационные планы приведены только для трех (Асоте, Кланьгюкалнс, Мукукалнс). Отсутствие планов не позволяет сравнивать латвийские городища с синхронными городищами соседних двинских и днепровских территорий, а самое главное, выявить присутствие или отсутствие каких-либо локальных особенностей в устройстве укрепленных поселений в зависимости от этнических и племенных различий, намечаемых по погребальным памятникам. Форма городищ имеет значение и для хронологической классификации укрепленных поселений.

Заканчивая описание поселений, Я. Я. Граудонис приходит к выводу, что в I тысячелетии до н. э. на всей территории Латвии господствовали поселения на городищах, возникшие, по мнению автора, в связи с господством земледелия и скотоводства. В конце I тысячелетия до н. э. имел место переход населения на селища, а в начале нашей эры появляются городища-убежища. Эта схема развития поселений в целом не вызывает возражений. Однако не исключено, что часть поселений, отнесенных к типу городищ, в I тысячелетии до н. э. могла быть не укреплена валами (укрепления на них могли быть построены позднее). В связи с этим возможно, что в отдельных местах Латвии в I тысячелетии до н. э. неукрепленным поселениям принадлежала бóльшая роль, чем это кажется исследователю.

Читателю остается непонятным, на основании каких критериев зачислены в группу курганных могильников с каменными конструкциями такие памятники, как курган у Вангажского кладбища (стр. 47), могильника у хут. Вилцини (стр. 47), «Батариньш» у Кримулдского кладбища (стр. 49), хут. Лайвини (стр. 50), хут. Лиелгауймалас (стр. 50), хут. Лиелпейвес (стр. 50), хут. Пурвмали (стр. 52), хут. Яункаули (стр. 58) и некоторые другие. Видимо, все эти предположительные курганы с каменными конструкциями лучше было бы рассмотреть отдельно после описания достоверных древностей, дав им отдельную нумерацию. Общая нумерация не позволяет видеть на картах, помещенных в книге, какие памятники являются достоверными курганными могильниками с каменными конструкциями и какие из них отнесены к этой группе предположительно.

Самой высокой оценки заслуживает третья и четвертая главы книги Я. Я. Граудониса, написанные квалифицированно и интересно. Автор обстоятельно характеризует все стороны и детали материальной культуры населения Латвии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. В третьей главе описываются изделия из камня и янтаря, орудия труда, предметы вооружения и украшения из кости и металлов, определяются их типы, ареалы и хронологические границы. В четвертой главе дается развернутый анализ и реконструкция хозяйственной жизни, экономики и социальных отношений древнего населения Латвии.

Много внимания уделяется анализу керамического материала. В рассматриваемое время на территории Латвии встречается разнотипная керамика (штрихованная, шероховатая, текстильная, гладкостенная, лощеная и др.), свидетельствуя о сложном этническом составе древнего населения. Я. Я. Граудонис подробно останавливается на характеристике всех типов глиняной посуды. При описании штрихованной керамики, наиболее распространенной на территории Латвии и типичной, по мнению исследователя, для балтских племен, исследователь намечает шесть локальных групп, для каждой из которых свойственны своеобразные формы сосудов. Такое членение в археологической литературе предлагается впервые. Приходится лишь сожалеть, что Я. Я. Граудонис не дал развернутой характеристики каждой из выделенных локальных групп, а главное, не попытался объяснить их своеобразие. Между тем, это обстоятельство является весьма существенным в определении этнической принадлежности памятников со штрихованной посудой. Штрихованную керамику на территории Эстонии и Финляндии нельзя рассматривать этнически определяющей для балтов. Принесенная балтской миграцией штрихованная керамика, видимо, распространилась здесь и среди местного населения, о чем можно судить по находкам штрихованной посуды в каменных могильниках с оградками — погребальных памятниках, типичных для древних финских племен Эстонии, Латвии и Финляндии. К тому же балты на этой территории оказались ассимилированными местным населением. Штрихованную керамику всех латвийских памятников нельзя считать безусловно балтской, не приведя в пользу этого каких-либо доказательств.

Выделяемая вслед за А. Г. Митрофановым восточнобелорусская группа штрихованной керамики, по всей вероятности, не является самостоятельной группой, отражающей племенное членение древних балтов. Посуда со штрихованной поверхностью на поселениях, расположенных к северо-востоку, востоку и юго-востоку от белорусско-литовского ареала культуры штрихованной керамики [1], по своим формам идентична сосудам соседних днепро-двинской и милоградской культур. Поэтому поселения с восточнобелорусской штрихованной керамикой нельзя считать самостоятельной локальной группой древних балтов, отражающей их племенную дифференциацию. Ареал этих поселений — не локальный вариант культуры штрихованной керамики,

[1] Я. Я. Граудонис называет этот ареал восточнолитовско-западнобелорусским. Такое усложнение названия представляется не оправданным. К тому же оно не точно. Этот ареал охватывает не западнобелорусские области, а центральную Белоруссию (Минская область с прилегающими к ней районами Витебской и Гродненской областей).

а переходная зона от белорусско-литовской культуры штрихованной керамики, с одной стороны, к днепро-двинской (на северо-западе) и милоградской (на юго-востоке) культурам, с другой [2].

Такая же картина наблюдается и на западной окраине белорусско-литовского ареала культуры штрихованной керамики — в литовском Занеманье, где носители этой культуры соприкасались с ятвягами. На занеманских городищах, с самого начала возникновения жизни на них, распространена шероховатая керамика. В меньшем количестве встречается штрихованная посуда [3]. Последняя по своим формам и орнаментации (нечетко выраженное ребро, слабо профилированные плечики, узкая нижняя часть) является промежуточной между белорусско-литовской штрихованной и прусско-ятвяжской шероховатой керамикой.

В этой связи возникает предположение, не является ли латышская область штрихованной керамики подобной переходной полосой между ареалом собственно культуры штрихованной керамики и ареалом гладкостенной посуды Латвии. Ведь в отличие от белорусско-литовского ареала, где штрихованная керамика является преобладающей, в Латвии наиболее распространенным видом керамики в I тысячелетии до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. являются гладкостенные неорнаментированные сосуды. Интересно, что штрихованные сосуды на территории Латвии имеют в основном формы, совершенно одинаковые с гладкостенной керамикой. В I тысячелетии до н. э. это, главным образом, простые ведрообразные сосуды — с небольшим и равномерным расширением верхней части. Как и у гладкостенных, на сосудах со штрихованным орнаментом в конце I тысячелетия до н. э. появляется легкая профилировка верхнего края, а в начале нашей эры получает распространение выраженный профилированный венчик.

Думаю, что не является самостоятельным локальным вариантом штрихованной керамики и выделяемая Я. Я. Граудонисом западнолатвийско-литовская. Впрочем, памятники этой группы представлены пока слишком малыми материалами, так что о ней невозможно пока говорить что-либо определенное.

Заканчивая характеристику штрихованной керамики, Я. Я. Граудонис высказывает предположение, что отдельную шестую группу составляет штрихованная керамика в сопредельных с Латвийской ССР областях РСФСР. Конечно, штрихованная керамика этих областей своеобразна, однако ее специфика, может быть, объясняется не племенным различием носителей этой керамики, а иным окружением. Ведь штрихованная керамика встречается здесь на поселениях, наряду с иными типами глиняной посуды — текстильной, своеобразной гладкостенной, днепро-двинской. Северная граница распространения городищ, на которых встречается штрихованная керамика, проводится Я. Я. Граудонисом примерно по линии Смоленск — Белый — Торопец — Великие Луки — Себеж. Однако Смоленщина и окрестности города Белого полностью исключаются из ареала керамики со штрихованной поверхностью. Эти области принадлежат городищам днепро-двинской культуры, только на немногих из которых найдены единичные фрагменты штрихованной посуды [4]. Городища Себежского поозерья принадлежат к той же культуре, и на большинстве из них не встречено штрихованной керамики вовсе. Зато по Ловати и восточнее поселения с находками глиняной посуды со штрихованной поверхностью встречаются далеко за линией Великие Луки — Торопец. Такие городища известны в Старорусском районе и на Валдайской возвышенности [5]. Впрочем, как и в верховьях Западной Двины, здесь штрихованная посуда составляет незначительную долю керамических коллекций.

Шероховатая или, по терминологии латышских археологов, облитая керамика начинает изготавливаться на территории Латвии около II—III вв. н. э. и широко распространяется около середины I тысячелетия, вытесняя штрихованную посуду. Появляется крупношероховатая керамика раньше в юго-западных районах Латвии и постепенно распространяется в северном и восточном направлениях.

Невозможно согласиться с утверждением Я. Я. Граудониса, что распространение шероховатой керамики в Латвии обусловлено исключительно дальнейшим развитием производительных сил. Это мнение не иллюстрируется какими-либо конкретными данными. Факт сосуществования в середине I тысячелетия на латышской территории штрихованной и шероховатой керамики ни о чем не говорит. Я. Я. Граудонис обращает внимание также на то обстоятельство, что в Литве на некоторых памятниках найдены сосуды, совмещающие в себе штриховку с шероховатой поверхностью. Однако и этот факт вовсе не свидетельствует в пользу распространения глиняной посу-

---

[2] В. В. Седов. Поселения культуры штрихованной керамики. Acta Universitatis Wratislaviensis, 56, Wroclaw, 1967, стр. 177—194.

[3] П. Куликаускас. Исследования городищ Занеманья — юго-западной части Литвы. Сб. «От эпохи бронзы до раннего феодализма». Таллин, 1966, стр. 72—84; Е. Данплайте. Штрихованная керамика в Литве. Автореф. канд. дис., Вильнюс, 1967, стр. 20.

[4] Исключением является городище Церковище (В. В. Седов. Городище Церковище. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 70—74).

[5] П. Н. Третьяков. Бологовское городище. КСИА АН СССР, 87, 1962, стр. 36—41; С. Н. Орлов. Городище эпохи раннего железа в низовьях реки Ловати. Там же, стр. 42—45.

ды с шероховатой поверхностью в связи с «развитием производительных сил». Между тем, обстоятельства распространения шероховатой керамики на территории Латвии, как и в Литве, нуждаются в обстоятельном анализе.

Литовские материалы как будто свидетельствуют, что в процессе появления и распространения шероховатой керамики имело место проникновение на территорию культуры штрихованной посуды нового населения. Исследователю литовской штрихованной керамики Е. Данилайте удалось убедительно показать, что процесс смены штрихованной керамики шероховатой происходил постепенно[6]. Но постепенность этого процесса и присутствие на ряде памятников переходных элементов отнюдь не доказывают, что в это время не было притока нового населения. В пользу притока новых групп населения в период распространения шероховатой керамики свидетельствует следующее:

1. Если бы распространение шероховатой керамики в Литве не было связано с диффузией новых групп населения, шероховатая керамика Литвы не отличалась бы так существенно от штрихованной. Между тем, распространение шероховатой посуды сопровождается: а) появлением более плотного глиняного теста, содержащего небольшое число дресвы; б) улучшением обжига сосудов; в) существенными изменениями форм посуды (ослабляется ребристость горшков, нижняя часть их делается конусообразной, широко распространяются баночные сосуды); г) упрощением и исчезновением орнаментации.

2. В I тысячелетии до н. э. и в самом начале нашей эры штрихованная и шероховатая керамика имела различные ареалы. Шероховатая керамика была распространена в западнобалтских (прусо-ятвяжских) и некоторых иных областях, штрихованная характерна для части восточных балтов. Во второй четверти I тысячелетия н. э. шероховатая керамика (по-видимому, эволюционно связанная с предшествующей шероховатой) распространяется только в западных районах ареала штрихованной керамики. То обстоятельство, что шероховатая керамика приходит в восточную Литву и в Латвию из соседних областей и распространяется только в западных районах территории штрихованной керамики, свидетельствует не в пользу эволюции штрихованной посуды в шероховатую. Генезис единой культуры, если этому не мешают какие-либо обстоятельства, обычно протекает более или менее равномерно на всей территории. Этого здесь не было. В обширной восточной части ареала культуры штрихованной керамики шероховатая посуда почти не известна. Немногочисленные фрагменты сосудов с шероховатой поверхностью, найденные А. Г. Митрофановым на белорусских городищах Лабенщина и Вязынки, не отражают эволюции штрихованной керамики в шероховатую, а являются здесь явно заносными.

3. В то время, когда в междуречье Немана и Нериса распространяется шероховатая керамика, здесь появляются погребальные памятники явно неместного происхождения — каменные курганы ятвяжского типа[7]. В связи с этим, представляется, что распространение шероховатой керамики и исчезновение обычая покрывать посуду штриховкой в восточной Литве обусловлены проникновением в среду восточных балтов отдельных групп западнобалтского населения. Западнобалтские элементы в последнее время выявляются здесь также по материалам топонимики и диалектологии[8].

Если это так, то распространение шероховатой (облитой) керамики на территории Латвии нужно объяснять подобными же факторами. Отсутствие здесь переходных форм от штрихованной к шероховатой керамике и распространение последней в направлении от юго-запада на север и восток говорят в пользу ее западнобалтского происхождения.

В последней, пятой, главе книги Я. Я. Граудонис кратко останавливается на этнических вопросах. Автор следует общепризнанной в археологической литературе точке зрения, согласно которой носители культуры боевых топоров или шнуровой керамики были первыми индоевропейцами в лесной полосе Восточной Европы. Их расселение и ассимиляция местного населения привели к сложению на территории от юго-восточного побережья Балтийского моря на западе до верхнеокского бассейна на востоке и от Западной Двины на севере до Среднего Поднепровья на юге балтской, этноязыковой единицы. В южной Латвии, где, по мнению Я. Я. Граудониса, носители культуры шнуровой керамики были более многочисленны и климатические условия благоприятны для их хозяйственной деятельности, сформировались балты. В северных районах Латвии носители культуры шнуровой керамики оказались ассимилированными местным населением — древними финскими племенами.

Вопрос о соотношении балтского и финно-угорского населения в эпоху бронзы и раннего железа на территории Латвии занимал многих исследователей. До недавнего времени в научной литературе господствовало положение о том, что пограничной линией между финскими и балтскими племенами была Даугава. К северу от этой реки длительное время жило финское население, к югу — балтское. Только в

---

[6] E. Danilaitė. Brūkšniuotosios keramikos išnykimo Lietuvoje klausimu. Труды АН Литовской ССР, 1, 1967, стр. 35—48.

[7] В. В. Седов. Курганы ятвягов. СА, 1964, 4, стр. 36—51.

[8] В. В. Седов. Заселяли ли ятвяги Южную Литву? СА, 1968, 2, стр. 92.

начале нашей эры балты пересекли Даугаву и постепенно заняли области северной Латвии, ассимилировав местное финское население.

Я. Я. Граудонис не соглашается с этим положением и утверждает, что уже в первой половине I тысячелетия до н. э. балтские племена населяли оба берега Даугавы, а во второй половине этого тысячелетия балтская территория простиралась в Курземе до линии Вента — Абава — Лепмежциемс, а в Видземе — до среднего течения Гауи и оз. Лубанас. В целом с этим положением можно согласиться, заметив, что оно нуждается еще в новых дополнительных доказательствах. Вряд ли справедливо проводить границу между балтскими и финно-угорскими племенами в виде пунктирной линии, как это сделано на рис. 61 рецензируемой книги. В I тысячелетии до н. э. между балтами и финно-уграми, по всей вероятности, имелась широкая область, где они жили чересполосно. Текстильная керамика встречается не только в северных, собственно финских районах Латвии, но и в памятниках, прилегающих к Даугаве. Поэтому собственно балтскими, видимо были лишь области южнее Даугавы, а севернее этой реки располагалась территория, где балты и финны жили чересполосно.

В изучении истории этнических и племенных группировок весьма существенным является наличие или отсутствие эволюционного (генетического) развития всех сторон материальной культуры. Если археология обнаруживает перерыв в развитии материальной культуры или резкую смену погребальной обрядности и других культурных элементов, неизбежен вывод о смене населения или наслоении одной этнической группы населения на другую. Нет сомнения в том, что в связи с развитием экономики и общественных отношений имели место изменения и в области материальной и духовной культуры древнего населения. Но последние протекали постепенно, а главное новые черты культуры обычно генетически восходят к прежним. К сожалению, в книге Я. Я. Граудониса этот тезис не нашел отражения. Автор не делает какой-либо попытки генетически связать поздние древности с более ранними, а разрыв в эволюции между таковыми пытается объяснить развитием экономики и общественных отношений.

Так, Я. Я. Граудонис уделяет значительное внимание доказательствам в пользу балтской атрибуции Калниешского I и Резнесского курганных могильников с многоярусными погребениями. По всей вероятности, они действительно оставлены одной из племенных группировок балтов. Однако курганы с многоярусными погребениями не обнаруживают какой-либо преемственности с позднейшими земгальско-латгальскими погребальными памятниками. Поэтому нет каких-либо оснований рассматривать такие курганные могильники как памятники непосредственных предков земгалов или латгалов. Курганы с многоярусными погребениями исчезают к середине I тысячелетия до н. э. По-видимому, население, оставившее эти памятники, растворилось в среде иного балтского племени.

Курганы с трупосожжениями в урнах (Башки, Дарзниеки, Пукули) появляются в юго-западной Латвии только во второй половине I тысячелетия до н. э. Они сходны с погребальными памятниками западнобалтских племен, населявших Восточную Пруссию и Литву. Поэтому не исключено, что распространение подобных курганов в юго-западной Латвии обусловлено притоком сюда населения с юго-запада. Курганы с трупосожжениями в урнах Я. Я. Граудонис, вслед за другими исследователями, связывает с предками куршей. Однако куршскими памятниками I тысячелетия н. э. были групповые могильники с трупоположениями. К сожалению, в работе Я. Я. Граудониса нет ответа на вопрос о взаимосвязи куршских погребальных памятников I тысячелетия н. э. с предшествовавшими им курганными захоронениями.

Также без внимания остался в книге Я. Я. Граудониса и вопрос о преемственности между земгальско-латгальскими курганными захоронениями II—VI вв. и групповыми могильниками с каменными конструкциями I тысячелетия до н. э., известными на той же территории. Представляется, что без анализа этих деталей вопросы этнической истории древнего населения Латвии остаются весьма проблематичными.

В заключение необходимо отметить, что изложенные замечания не мешают весьма высоко оценить исследование Я. Я. Граудониса. Бесспорно эта книга является серьезным исследованием и вносит существенный вклад в европейскую археологию.

В. В. Седов

Hans Georg Bandi. Urgeschichte der Eskimo. Stuttgart, 1965, 171 S.

В последние два-три десятилетия археологические раскопки в зоне расселения эскимосов, т. е. от восточной оконечности Сибири по Гренландии, приобрели широкий размах. Почти каждый год на севере обнаруживаются новые находки остатков различных древнеэскимосских или преэскимосских культур. В то же время соотношение между отдельными группами находок во многом остается неясным. Это находит отражение в наблюдающейся у некоторых зарубежных исследователей тенденции чуть ли не каждую новую находку классифицировать как отдельную культуру или

комплекс. Несколько лет назад эта практика была подвергнута критике де Лагуной, но с тех пор положение не изменилось [1].

Как справедливо отмечал Д. Андерсон, многие исследователи слишком заняты анализом своих собственных материалов и недостаточно уделяют внимания находкам своих коллег [2]. Ощущается все возрастающая потребность в обобщении накопленных материалов. Как известно, в 50-х годах такие обобщения были опубликованы Г. Коллинзом, К. Биркет-Смитом и некоторыми другими исследователями [3]. Но, пожалуй, ни в одной книге мы не найдем столь полного обобщения результатов исследования древней истории эскимосов учеными разных стран, как в небольшой по объему книге Г. Банди. Даже если бы автор ограничился тем, что свел воедино основные результаты работ по древней истории эскимосов, его книга была бы очень ценной. Но Банди не только суммирует эти результаты, но и знакомит читателей со своей концепцией развития эскимосской культуры.

И все это делается в научно строгой и в то же время доходчивой форме, делающей книгу «Древняя история эскимосов» доступной не только специалистам, но и широким кругам людей, интересующихся далеким прошлым крайнего севера.

Книга Г. Банди состоит из трех частей, приложения и обширной библиографии.

В первой части, имеющей характер введения, Банди рассказывает о старых гипотезах происхождения эскимосов, начиная со взглядов Бойд-Даукинса, считавшего эскимосов потомками верхнепалеолитического населения Западной Европы, а именно мадленских охотников за диким северным оленем. Автор останавливается и на взглядах других сторонников этой гипотезы — Л. Тестута, В. Солласа. Далее Банди характеризует взгляды наиболее видного выразителя теории циркумполярной культуры Г. Гьессинга, затем автор дает краткую, но содержательную характеристику расселения, антропологического типа, языка и материальной культуры эскимосов «сегодня», хотя надо заметить, что фактически роль идет не о современной, а о традиционной культуре эскимосов на конец XIX — начало XX в.

После этого Банди возвращается к вопросу о происхождении эскимосов и кратко знакомит читателя со взглядами Г. Стинсби и К. Биркет-Смита, считавших, что родина эскимосов — внутренние районы канадского севера.

Следующий раздел озаглавлен «Первые открыватели Америки». В нем рассказывается о заселении Северной Америки, о самых ранних следах деятельности человека здесь, о древних культурах этого континента, таких как сандия, кловис, фолсом, льяно и др. Значительное внимание автор уделяет верхнепалеолитическим культурам Сибири, таким как Мальта, Буреть, Верхнеленская. Вслед за Чардом Банди подразделяет верхний палеолит Сибири на палеолит I (15—13 тыс. лет до н. э.), палеолит II (8—7 тыс. лет до н. э.) и палеолит III (6—4 тыс. лет до н. э.) и поочередно рассматривает каждый из этих этапов. Касается Банди и таких стоянок с мустьерскими традициями, как Усть-Кашкайя и Каракорум. Выявляя соотношение между культурами Сибири и Америки, Банди находит, например, преемственность между мустьерскими листовидными наконечниками Сибири и наконечниками таких американских культур, как сандиа, фолсом и поздней когрук.

Наряду с сохранением в древних культурах Америки традиции сибирского палеолита, Банди рассматривает и влияние на них другой традиции, так называемого комплекса нуклеусов, ведущего свое начало от культуры чопперов Юго-Восточной Азии. И сибирское, и юго-восточное влияние достигли Америки через берингоморский сухопутный мост, существовавший, по мнению американского геолога Д. Хопкинса, которое Банди разделяет, до IX или VIII тысячелетия до н. э. На основе проникновения на Американский Север носителей сибирской микролитической индустрии здесь возникает та традиция, которую Банди называет «американским эпи-граветтиен», объединяя этим термином арктическую микролитическую традицию и северо-западную традицию микролезвий, различие между которыми, по его мнению, невелико. Носители этой культурной традиции, двигаясь с побережья Берингова пролива, распространяются сначала во внутренние районы Аляски, а затем и в другие области Американской Арктики и Субарктики. Характерными представителями этой традиции являются комплекс денби на Аляске и ранний этап культуры индепенденс на северо-востоке Гренландии. И, по мнению Банди, именно эта традиция положила начало развитию и распространению эскимосской культуры, т. е. древняя история эскимосов начинается с таких культур, как денби, индепенденс и предшествовавших им.

В последнем разделе первой части книги рассказывается об истории открытия древних эскимосских культур, начиная с находок М. Порсильда и О. Солберга в Гренландии в начале XX в. и кончая раскопками последних лет как на американском севере, так и в меньшей степени на территории нашей страны. К сожалению, правда, автор знаком с работами советских эскимосоведов значительно хуже, чем с рас-

---

[1] Frederica de Laguna. Intemperate Reflections on Arctic and Subarctic Archaeology. «Prehistoric Cultural Relations between the Arctic and Temperate Zones of North America». Toronto, 1962, стр. 169.

[2] «American Antiquity», 31, 1966, 6, стр. 881.

[3] H. Collins. Arctic Area. Program of the History of America 2, Mexico, 1954; K. Birket-Smith. The Eskimos. London, 1959.

копками их американских коллег. Так он, по-видимому, не знает о весьма результативных полевых исследованиях Д. А. Сергеева. Не знаком он также с работами Н. Н. Дикова.

Весьма содержательна вторая часть книги. В ней кратко описаны важнейшие древнеэскимосские культуры и кратко, но точно изложено, как исследователи, открывшие эти культуры, интерпретируют их. Г. Банди также рассказывает о разногласиях, существующих между археологами в интерпретации отдельных находок. Изложить на нескольких страницах содержание этой части книги невозможно, да и не нужно. Заметим лишь, что вряд ли можно согласиться с содержащейся здесь трактовкой культуры оквик как более древней, чем древнеберингоморская (стр. 57). Нам думается, что Д. А. Сергеев убедительно доказал, что оквик — культура, появившаяся немного позднее, чем древнеберингоморская, и на значительном отрезке времени развивавшаяся одновременно с ней [4]. Нам кажется также необоснованным сомнение Г. Банди в том, что оквик развился на азиатской стороне Берингова пролива.

В третьей, заключительной части книги автор подводит итоги всему, что нам известно об эскимосских культурах, и намечает основные линии их развития. Нарисованная им картина, конечно, неполна из-за недостатка имеющегося фактического материала, и сам Банди образно называет ее «мозаикой с пробелами». Несмотря на это, «мозаика» Банди, на наш взгляд, много дает для лучшего понимания древней истории эскимосов. По мнению Банди, которое мы разделяем, формирование эскимосской культуры начинается с того времени, отстоящего от н. э. на 8—12 тыс. лет, когда носители сибирской микролитической традиции, двигаясь на восток, проникают на берингоморский мост. Уже здесь у них начинает развиваться морская охота. На Аляске они распространяются на юго-запад и на Алеутские острова, где создают такую микролитическую культуру, как анангула, датируемую 6500 г. до н. э. Эта культура на Алеутских островах постепенно преобразуется в палеоалеутскую культуру, известную нам по стоянке Чалука (2000 лет до н. э.), а затем, постепенно развиваясь, дает неоалеутскую культуру (1000 г. н. э.). Вместе с тем Банди не упускает из вида те значительные параллели, которые имеются между алеутской культурой и ранними культурами Хоккайдо, Сахалина и тихоокеанского побережья Сибири. Он подчеркивает, что, может быть, алеуты распространялись по островам не с востока на запад, т. е. с Аляски, а с запада на восток (т. е., очевидно, с Камчатки).

Основным центром развития и распространения формирующейся эскимосской культуры после того, как она проникла в Америку из Азии, Банди считает Юго-Западную Аляску. Как известно, эта точка зрения в настоящее время преобладает в зарубежной литературе (Ч. Чард, В. Лофлин, Г. Коллинз и др.). Обычно она аргументируется данными лингвистики, а также ссылкой на благоприятные природные условия в этом районе, могущие способствовать развитию культуры морских зверобоев. Аргументы Банди несколько иные. Он обращает внимание читателей на то, что юго-запад — наиболее слабо изученная в археологическом отношении часть Аляски и что поэтому именно там скорее всего можно надеяться найти ранние формы собственно эскимосской культуры, предшествовавшие оквику, древнеберингоморью и другим специализированным формам эскимосской культуры. Нам кажется, что позиция автора по этому вопросу не вполне последовательна. Так, в той же III части книги, но немного ранее, на стр. 142, 143, Банди пишет, что предшествовавшие оквику этапы развития эскимосов могли существовать и на азиатском побережье пролива, и коль скоро их там не было, то значит предки оквикцев пришли на Чукотку из Аляски. В дальнейшем же изложении автор исходит именно из этого последнего допущения.

Неизвестная нам начальная преэскимосская культура юго-запада Аляски существовала, по мнению Банди, около 7 тыс. лет до н. э. Позднее, примерно ко II тысячелетию до н. э., она сформировалась в этом же районе в культуру, развивавшуюся в направлении оквика, около-ипиутака, ипиутака, чориса, нортона и др.

Распространяясь же на север Аляски и также через ее центральные районы на восток, она привела к созданию таких культур, как комплекс денби на Аляске и индепенденс I в Гренландии, для носителей которых существенную роль играла охота на морских животных.

Рассматривая формирование отдельных древнеэскимосских культур, Банди не забывает ни про влияние на них продвинувшихся на север палеоиндейских культур, ни про влияния, шедшие с тихоокеанского побережья Азии.

Но, в конечном счете, все эскимосские культуры, по мнению Банди, развились из пришедшей из Азии микролитической традиции. Уже в ней имелись зародыши такой поздней культуры, как туле.

Таким образом, Банди считает возможным, что линия развития шла непосредственно от «эпи-граветтиен», т. е. микролитической традиции, к туле, типичной эскимосской береговой культуре. Развитие это не было вполне прямым, в результате чего появились такие своеобразные специализированные формы, как оквик и ипиутак.

Книга заканчивается приложением, цель которого с помощью таблиц познакомить читателя с основными существующими в зарубежной литературе концепциями

[4] Д. А. Сергеев. Развитие древних культур эскимосов Западного Берингоморья. М., 1966, стр. 83—84.

развития эскимосской культуры. Здесь же автор дает и составленную им самим таблицу хронологической последовательности и взаимозависимости эскимосских культур.

Из всего вышесказанного видно, что книга Г. Банди заслуживает высокой оценки, и есть все основания полагать, что она станет настольной книгой каждого американиста-североведа.

А. П. Окладников,
Л. А. Файнберг

С. А. ПЛЕТНЕВА

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Л. Н. ГУМИЛЕВА И И. ЭРДЕЙИ «ЕДИНСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ СТЕПНОЙ КУЛЬТУРЫ ЕВРАЗИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА»

Ж. Народы Азии и Африки, № 3, 1969, стр. 78—87 [1]

Дискуссионная статья Л. Н. Гумилева и И. Эрдейи направлена против концепции, являющейся стержнем моей книги «От кочевий к городам» (М., 1967). Согласно этой концепции, пишут авторы, «кочевники, беднея, превращались в земледельцев и тем самым приобщались к цивилизации» (стр. 78). Несомненно, что это довольно упрощенное изложение концепции. Оно ни в коей мере не отражает всю сложность процессов, протекавших в кочевническом обществе в период становления у них классов и государственности. Поскольку подробное изложение этой концепции дано в книге «От кочевий к городам», не буду повторять его здесь в целях экономии места. Разберемся в гипотезах, которые предлагают авторы взамен непонравившейся им точки зрения. Надо сказать, что высказываются эти гипотезы не очень четко и очень декларативно, поэтому какую-то часть их приходится опустить, никак на них не откликнувшись.

В начале статьи авторы категорически утверждают, что для степей Евразии характерен издревле «кочевой быт» и, что все конно-кочевые культуры связаны между собой (скифская, хуннская, древнетюркская и монгольская). Что в них общее, что их связывает между собой, кроме способа производства — неясно, так как авторы просто ограничиваются тем, что, мол, связаны они так же, как «эллинско-римская культура Западной Европы связана с романо-германской культурой или с предшествовавшей ей крито-микенской» (стр. 79).

После того как авторы установили факт заселения степей кочевниками, они сообщают читателю, что кочевники очень сильно отличаются от остальных народов и прежде всего, что у них не было ни замков, ни городов, как у народов Западной Европы, а были иные формы, а именно — орда и племя. Племя они определяют как территориально-хозяйственную единицу, состоящую из экзогенных родов. Племена были объединены в союзы племен и несли на себе все функции бюргерства. В отличие от них орда несла функции европейского рыцарства и определяется она как дружина эпохи военной демократии. И если феодализм Западной Европы развивался при соревновании города и замка, то и в степи тоже шло развитие, основанное на борьбе орды и племени. В тех случаях, когда орда подчиняла себе племя, возникал эль (империя) — система сосуществования орды и племени. Это и есть, по мнению авторов, «основная линия истории кочевников», а отдельные случаи рабовладения или возникновения феодализма именуются явлениями «преходящими». Феодализма у кочевников не могло, оказывается, быть потому, что всякое дело у них было «общественной работой», а ханы были должностными лицами, питавшимися добычей или «даяниями соплеменников». Приходится констатировать невероятную для историков путаницу понятий. Что такое рыцарство? Разве могло оно быть в период военной демократии? Если орда возникает только в период военной демократии, то что же с ней было потом, на следующем этапе развития? Да и был ли этот следующий этап? Может, кочевники так и жили все время в период военной демократии? Что это такое — «общественная работа кочевников»? Наконец, разве феодалы всех народов жили не на «даяния»? Только определять дань или подать словом «даяние» вряд ли стоит. Думается, что свое «даяние» кочевники, как и земледельцы, отдавали своему сюзерену безо всякой охоты. Очевидно, и здесь имело место, как обычно при феодализме, «внеэкономическое принуждение». Ни на один из поставленных вопросов невозможно ответить, исходя из данных статьи, так как ни одно определение не подкрепляется фактами. Единственно, в чем можно согласиться с авторами, это в том, что эли действительно возникали тогда, когда весь народ становился ордой («когда орда целиком подчиняла себе племя» — пишут они), т. е. народ становился войском и шел на завоевание новых земель. Это характерно для периода военной демократии. Тогда и возникали эли, а поскольку период войны и вместе с тем период военной демократии не мог длиться вечно, то эти эли, или империи, как их называли западные современники, быстро распадались и исчезали с лица земли. Однако никакой общей закономерности в развитии кочевнических обществ, по мнению авторов, видимо, не было.

[1] Эта же статья A Nomád világ egysége es sokrétüsege напечатана на венгерском языке. A. E.; I, Budapest, 1969.

Кочевники, начиная с древнейших времен жили, согласно их построениям, в родоплеменном строе и время от времени доходили в своем развитии до военной демократии. Впрочем, оказывается, что были у них и «своего рода племенные республики», дожившие у монголов до середины XVIII в. Впрочем этот не слишком удачный термин использован авторами всего один раз, поэтому не стоит разбираться, что же они под ним понимают. Судя по приведенным примерам, только отсутствие центральной ханской власти позволило им употребить это оригинальное определение.

Не знаю, что имели в виду авторы, заключая весь этот раздел статьи фразой: «прогресс и классообразование в Серединной Азии были связаны с всемирно-историческим процессом истории, а не с локальными особенностями кочевой культуры». Фраза эта абсолютно верна, но она так же абсолютно противоречит всему, сказанному ими выше, поскольку они говорили о самобытности развития кочевого общества.

В полугеографических-полуисторических работах Л. Н. Гумилева есть очень интересная и плодотворная мысль, а именно — изменение влажности климата приводило к изменению степных границ, а это, в свою очередь, влекло за собой серьезные исторические события — гибель или тотальное переселение огромных масс кочевого населения. Если бы эта гипотеза была развита и обоснована, то она стала бы одним из замечательных исторических открытий нашего времени. Сделать же это можно было только при скрупулезном коррелировании изменений климата с историческими событиями, а также при внимательном обследовании районов, где гибли от засухи культуры или расцветали под влиянием увлажнения новые народы и государства. Однако этого пока не сделано ни в одной из работ Л. Н. Гумилева [2], да к тому же он не ведет серьезных археологических работ по обследованию интересующих его районов. Авторы и в рецензируемой статье предпочитают привести два-три примера и ограничиться несколькими парадоксами. Например, они заявляют, что «кочевник больше привязан к своему региону, чем земледелец... его пища — овцы — передвигаются медленно» (стр. 81). Далее они сравнивают раннесредневековых кочевников Евразии с... бурами, переселившимися из Капской земли в Трансвааль. Сравнение несомненно впечатляющее, но вряд ли историк может позволить себе противопоставлять народы, оторванные друг от друга тысячами километров и тысячами лет. Ретроспективный метод заключается не в таких «лихих» сопоставлениях, он предусматривает какую-то историческую, этническую, культурную и, пожалуй, географическую связь. Вообще в этой статье авторы почему-то не считают нужным сравнивать между собой народы сосуществующие, события — синхронные, страны — соседние. Так, в подтверждение своего тезиса о том, что в степях всегда жили и кочевники, и земледельцы (отрицать это никто не возьмется), они пишут, что в речных долинах Дона, Терека, Волги жили земледельцы — хазары, которых тут же сравнивают с астраханскими татарами и гребенскими казаками. Разница во времени здесь, конечно, их не смущает, да после буров и на читателя она не производит особого впечатления. В водоразделах упомянутых рек,— пишут они,— пасли стада гунны, болгары, печенеги, куманы [3] и ногайцы. Все эти народы по-разному прошли через южнорусские степи, у всех у них своя история, своя культура и, наконец, все они оставили (или не оставили вовсе) различные археологические следы на нашей территории. На водоразделах рек, в степях вообще нет никаких следов жизни, так что мы только можем логически заключать что стада кочевников все же паслись там. А где же жили сами кочевники? Авторы признают, что зимовки были на берегах рек. Очевидно предполагается, что все эти народы по очереди мирно сосуществовали с оседлыми хазарами? Авторы, по-видимому, не согласны с М. И. Артамоновым, И. И. Ляпушкиным, Н. Я. Мерпертом, С. А. Плетневой и рядом других археологов в том, что памятники на степных и лесостепных реках принадлежали аланам и болгарам. Они считают их хазарскими. Но это же необходимо доказать! Ведь все исследователи до них доказывали свои выводы и, кстати, очень обстоятельно использовали при этом антропологические материалы (авторы в начале статьи упрекнули всех нас в том, что мы игнорировали в своих работах данные географии и антропологии). Кроме того, следует помнить, что в пойме и дельте Волги пока неизвестны следы оседлых поселений (ведь и Итиль не найден), и поэтому, думаю, не следует говорить об «оседлом быте» населения дельты этой реки. Еще более странно говорить о существовании хазарских поселений во времена господства в степях печенегов и половцев. Их же просто **нет** в степях. Нет их культуры там в X—XIII вв. Поселения погибли в самом начале X в. (может быть, даже в конце IX в.). Это не декларация. Мною пройдено по берегам степных рек не менее 10 000 *км* и можно вполне обоснованно утверждать, что поселения X—XIII вв. попадаются на территории бывшей салтовской культуры крайне редко — буквально единицами и связывать их с хазарами невозможно.

В конце этой части статьи Л. Н. Гумилев и И. Эрдейи подводят итог: «население степной и лесостепной зон Евразии представляло собой совокупность этнических групп, разнообразных не только по языкам (монголы, тюрки, иранцы, угры, славяне), но и по хозяйственному устройству, антропологическим признакам и духовной куль-

[2] Ссылки на них см. в рецензируемой статье.

[3] Если один народ — печенеги — назван в соответствии с русским произношением, то почему нужно было в этом списке половцев называть куманами, как именовали их в западных источниках?

туре». Это не вызывает ни у кого сомнений. Все правильно, только не следовало бы смешивать все перечисленные ими народы в одну кучу, так как в результате этого смешения теряется четкость вывода. Дело в том, что народы эти постоянно передвигались по степи и в каждую эпоху занимали разные степные районы. При этом в одни эпохи их судьбы тесно переплетались, в другие — они были отделены 1000 *км* и не слыхали о существовании друг друга. Поэтому непонятен и смысл процитированной фразы: или авторы хотели сказать, что определенный участок степи в одну какую-то определенную эпоху был заселен разноэтничными народами или же в разные эпохи эту территорию занимали сменяющие друг друга народы.

Впрочем, я уже говорила, что в любом толковании фраза эта не может вызвать возражений. Только археологу, привыкшему работать с конкретным материалом, хотелось бы, естественно, уточнить, какие именно народы считают авторы сосуществующими и соседящими в разные века I тыс. н. э. Впрочем, археологии вообще «не везет» в работах Л. Н. Гумилева. В данной статье ей тоже досталось. Великолепна, в частности, классификация керамики. Повторять ее здесь не имеет смысла, читатели могут ознакомиться с подлинником (стр. 83). Во всяком случае эта классификация может быть образцом самой краткой классификации самого сложного и разнообразного материала, с которым сталкиваются археологи — керамикой. Десятки археологов работают специально, чтобы разобраться в этом громадном материале, заставить его стать полноценным историческим источником, а авторы рецензируемой статьи даже не удосужились, видимо, ознакомиться с работами этих археологов или же дочитать их до конца. Так, делая ссылку на работу Б. А. Шрамко о салтовской керамике, они даже не заметили, что он пишет о керамике так называемого «аланского варианта» этой культуры. Керамику других районов он освещает попутно и очень поверхностно. К сведению авторов должна все же сказать, что горшки разных народов вовсе «не похожи». Они имеют обычно только одно общее — функциональное назначение. Остальное — пропорции, тесто, обжиг, орнаментация обычно бывают различными. Поэтому нельзя в одну группу объединять всю лепную керамику от Байкала до Дона и нельзя говорить, что авары, хазары, готы и венгры пользовались похожими горшками. Да это ведь и не так; И. Эрдейи — специалист по венгерской культуре и он прекрасно знает, что в Венгрии (ни в аварских, ни в венгерских могильниках) нет кухонных горшков салтовского типа, а в Болгарии, кстати, они есть и в большом количестве.

Начиная с раздела о керамике, т. е. с раздела о материальной культуре, авторы уже постоянно ссылаются на мою книгу. До этого критиковалась концепция в целом, хотя моя книга оказалась и там в центре их внимания (стр. 78, сноска 3). Я, как видит читатель, не пытаюсь здесь защитить свою точку зрения, так как это сделано было в книге, а новых доказательств у меня за последние два года не появилось. Если бы они появились, то, вероятно, стали бы темой большой работы, так как конспективно, тезисами обычно ничего доказать нельзя, что, как мне кажется, заметно и в рецензируемой статье. На последний же раздел о материальной культуре я должна обратить особое внимание, поскольку он нередко касается исключительно моей книги, опубликованных в ней материалов и наблюдений.

Итак, абсолютно неверно, на мой взгляд, положение авторов о каких-то абстрактных, вне народов и времен существовавших гончарных центрах, расположенных в степях от Дуная до Волги. Эти «центры», когда их находят, всегда довольно четко датируются (Канцирка и Пастырское — VII—VIII вв., крымское и таманские мастерские — VIII—IX вв., Саркел — IX—X вв.). Какие же еще «центры» имеют в виду авторы и как их датируют?

Что они имеют в виду, когда пишут о неучтенных мною наземных погребениях в дельте Волги? Если бы они были наземные, они бы не дошли до наших дней — это ясно каждому археологу. Это просто развеянные сильными ветрами погребения, причем далеко не обо всех можно сказать, к какому времени они относятся, так как большинство этих погребений без вещей, а на костях (между прочим, довольно хорошей сохранности) даты нет. Обряд трупоположения, заявляют авторы, не доказывает единства культуры — мысль безусловно ценная, но причем тут мой вывод о принадлежности эливкинских могил болгарам? Всюду, где я говорю об этнической принадлежности, я учитываю антропологические данные, а они подтверждают тождество черепов донских болгар с волжскими и дунайскими. Хоронили болгары своих мертвых в простых могилах — «ямах», а не катакомбах, поэтому, естественно, что катакомб нет в Дунайской Болгарии, и вряд ли они там будут найдены. Так что зря авторы берут отсутствие катакомб на Дунае в качестве основного аргумента об отсутствии «салтовской» культуры в Болгарии.

В большинстве изученных мною жилищ жили не кочевники,— пишут авторы. А разве в моей книге говорится что-то иное? К сожалению, жилища действительно принадлежали уже осевшим кочевникам. Но на Правобережном Цимлянском городище (это указано на рис. 11 в моей книге) есть и совершенно наземные юрты. Просто их пол был подчищен для чистоты до песчаного материка. Надо сказать, что такие юрты очень легко было бы просто «счистить» и не заметить, если бы они были поставлены прямо на культурный слой. Границы их невозможно обнаружить. На Дмитровском городище в 1967 г. я, например, нашла очаг, но не могла проследить вокруг

него следов жилища, то же произошло с А. В. Гадло при раскопках одного степного кочевья и с В. К. Михеевым на городище Маяки.

Саркел авторы не признают городом. Они полагают, что это только пограничная крепость, выстроенная для хазар византийцами. Когда читаешь подобное, становится обидно за археологию, за муки добровольно жарящихся на солнце в пыльных раскопах людей, добывающих истину. Ведь после работ М. И. Артамонова о Саркеле — хазарском городе, раскопанном археологами почти полностью, невозможно уже кажется написать, что Саркел выстроен византийцами и что эта хазарская крепость, заселенная трехстами наемниками. Тем не менее два его ученика пишут это!

Решительно отрицая путь кочевников «от кочевий к городам», авторы подытоживают это отрицание следующей фразой: «Во всех случаях мы наблюдаем не оседание кочевников, а специализацию этносов, адаптирующихся в тех или иных условиях ландшафта» (стр. 85). Что они хотят сказать этой фразой? Ведь и я говорю по существу о том же, а именно, что кочевники (этносы — если угодно!) в известных экономических условиях (в том числе и ландшафтных) оседали (т. е. можно сказать и адаптировались, приспособлялись к новым условиям). Нельзя же так — путем введения в небольшую фразу четырех слов с латино-греческими корнями заниматься тавтологией! Вопрос, оказывается, заключается в том, что я считаю возможной «адаптацию» одного «этноса» (хазар, болгар, алан), а Л. Н. Гумилев и И. Эрдейи — другого (только хазар, очевидно).

Не кажется им убедительной и составленная мною карта распространения различных вариантов салтово-маяцкой культуры. Они полагают, во-первых, что мною по недосмотру не учтены памятники салтовского типа на нижней Волге, Тереке, Сулаке и могильники Башкирии. Однако дагестанский (хазарский) вариант (Терек — Сулак) нанесен на мою карту, хотя он еще очень слабо изучен, на нижней же Волге находки вообще единичны (отдельные черепки и два-три погребения), а могильники Башкирии просто не относятся к салтовской культуре. То обстоятельство, что между салтово-маяцкой культурой и башкирскими синхронными памятниками есть сходство — вполне естественно, так как ведь и памятники далеких алтайских тюрок в какой-то мере похожи на салтовские. Это же одна эпоха, одни социально-экономические условия, отчасти один этнос!

Во-вторых, на нескольких моих картах авторы заметили поразившее их явление — скопления керамики на берегах Дона, Донца и предгорьях Крыма. Отсюда и вывод — керамика эта не могла принадлежать кочевникам, она оставлена бродниками, которые потом стали называться казаками. Этот тезис настолько неожидан, так как выше авторы говорили, что в долинах рек жили хазары, что его даже трудно комментировать. Напомню только, что бродники известны в степях с середины XII в. (первое упоминание в летописи 1146 г.), а казачьи хутора датируются очень четко — XVII в. Остатки поселений бродников на среднем Дону, т. е. примерно там, где их локализует русский летописец, и остатки множества казачьих поселков на Дону и его притоках я обнаружила во время своих разведок в период между 1955—1965 гг. Общего материала оседлые и полуоседлые поселки жителей Хазарского каганата с этими памятниками, конечно, не имеют.

В заключение следует отметить, что в конце каждого раздела статьи авторы помещают фразы, с которыми в общем можно и согласиться. С некоторыми я уже познакомила читателей. В конце статьи тоже попалась фраза, частично, на мой взгляд, противоречащая высказанному ими же: «растущие кочевые орды или племенные союзы (в начале статьи они их противопоставляют.— *С. П.*) подчиняли себе соседние оседлые народы, либо инкорпорировали, не ассимилируя, группы земледельцев, либо на основе симбиоза создавали мощные державы, иногда на основе военной демократии, иногда феодальных отношений (феодализм тоже в начале статьи отрицался.— *С. П.*)». Разница между моими выводами и этим тезисом не велика, особенно если мы вспомним фразу об «адаптации этноса». Однако здесь они не упоминают никакой адаптации, а говорят о подчинении каких-то оседлых народов. Вот эти-то таинственные земледельцы и должны быть указаны в каждом конкретном случае. Их следует проследить и во времени, и в пространстве. Отдельными, вырванными из общего хода истории примерами здесь обойтись нельзя. Тем более, если они будут так экстравагантны, как, например, следующий: «Кочевые скифы, ворвавшись в Причерноморье, покорили много оседлых племен трипольской культуры...» (86). Все-таки не стоило бы отмахиваться от промежутка времени, равного более 1000 лет!

Археолог, как и историк, должен исходить только из вполне проверенных фактов. Без них его выводы просто фразы.

Можно со всей ответственностью заявить, что в Подонье не было оседлости до VIII, может быть, конца VII в. (я говорю о I тыс. н. э.). Столь же пока незыблемо и то, что в Подонье жили болгары и аланы. Под воздействием различных, главным образом экономических причин они начали оседать на землю в VIII в. Итак, в двух вариантах салтово-маяцкой культуры (донском-аланском и донском-болгарском) мы наблюдаем идеальный случай создания культуры осевшими кочевниками. Что касается влияния оседлых народов, то его я не отрицаю, а, наоборот, всячески подчеркиваю и где возможно выявляю с предельной тщательностью (например, в главе о жилищах). В сложении дагестанского варианта этой культуры самое активное участие принимали хазары, в крымском — местное (вот здесь действительно оседлое!) население, в волжском — тоже оседлое поволжское население и пр. В сложении каждого

отдельного варианта этой культуры играли роль какие-то характерные только для этого района факторы, вносившие разнообразие в целом единую культуру. Единство же ее обусловлено тем обстоятельством, что в сложении каждого варианта в большей или меньшей степени принимали участие «многочисленные, как песок в море» оседающие на землю кочевники-болгары, а также сильные своей накопленной веками культурой аланские племена. Так и сложилась в VIII в. единая и в то же время разнообразная яркая и самобытная салтовская культура — культура народов Хазарского каганата и других государств, в сложении которых принимали участие аланы и болгары (Волжская и Дунайская Болгарии, Алания).

Н. И. ГАГЕН-ТОРН

О ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Сб. «Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла». М.— Л., 1966, «Наука»

I

Цель сборника — показать связь «Слова о полку Игореве» с памятниками Куликовского цикла и установить его первичность во времени. «Авторы настоящей книги поставили себе задачей изучение, в первую очередь, тех вопросов, которые позволяют решить основной вопрос — о подлинности «Слова»: создано ли оно до XIV—XV века, до произведений о Куликовской битве, или после»,— пишут редакторы [1].

В сборнике два раздела: 1) вопросы лексики и грамматики «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». 2) «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла (смысловой разбор). В приложениях — тексты «Задонщины», библиография и указатели.

Первая статья В. П. Адриановой-Перетц «Фразеология и лексика Слова о полку Игореве» дает стилистический комментарий к «Слову». Для каждого выражения этого произведения она указывает аналогии, существующие в других литературных памятниках той эпохи: «При всей индивидуальности памятника, его лексическое выражение не противоречит законам развития и художественным возможностям литературного языка Киевской Руси»,— пишет В. П. Адрианова-Перетц (стр. 15), показывая, как свободно владел автор «Слова» древнерусской речью, умело пользуясь ее богатствами: «высоким» стилем, деловой речью, традициями устно-поэтического творчества. «Элементы «высокого», книжного стиля, в органическом соединении с устно-поэтическим обнаруживаются в тех эпизодах «Слова», которые связаны с воспоминаниями о Бояне. Описание «замышления»— поэтической фантазии Бояна, его способы изложения,— построено на образцах, известных в XI—XII в., в высоких жанрах литературы— житейных похвалах, в торжественном ораторстве, в гимнографии. И это закономерно вытекает из представления автора «Слова» о том, что Боян пел славу князьям не по «былинам», а следуя за полетом своей фантазии» (стр. 20),— указывает В. П. Адрианова-Перетц, отмечая, что связь с фольклором в то же время является и связью с образами литературы. Статья неопровержимо убеждает: фразеология и лексика «Слова» бытует в памятниках литературы той эпохи.

Слова, не встреченные в известных нам памятниках эпохи, отыскиваются при сопоставлении с западнославянскими языками и архаизмами, бытующими в живых диалектах — в языке лемков, например, сохраняются архаизмы и среди них слова, вошедшие в «Слово»: пополома, комонь, болонье, шелом, текти (в значении «идти»), рца (в значении молвлят) (стр. 22).

Методическое замечание В. П. Адриановой-Перетц о сличении с живыми диалектами очень ценно и справедливо; использованный ею огромный материал древних памятников целиком охватывает лексику «Слова», подтверждая принадлежность к древнерусскому языку.

Статья А. Н. Котляренко «Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» дает детальный разбор морфологии и синтаксиса обоих произведений и приходит к важным, тщательно аргументированным выводам.

1. Следует согласиться с выводом С. П. Обнорского, что язык «Слова о полку Игореве» — цельный в своей системе — архаичен по строю. «Совокупность общих особенностей оригинала «Слова» дает основание утверждать, что в памятнике отражается нормальный русский литературный язык старшей поры» (стр. 193).

2. Сравнительное изучение грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» подтверждает подлинность «Слова» как памятника XII в. Более того, можно с уверенностью утверждать, что «Задонщина» возникла не без влияния «Слова

[1] Сб. «Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла». М.— Л., 1966, стр. 5. В дальнейшем страницы цитат этого сборника указываю в тексте.

о полку Игореве», что вполне убедительно подтверждается целым рядом случаев употребления архаических грамматических форм, не свойственных времени «Задонщины». Такие случаи встречаются обычно в текстах памятника, восходящих к «Слову».

3. «Задонщина» может помочь при выяснении и исправлении темных мест «Слова».

4. С большой долей вероятности можно предположить, что автор «Задонщины» пользовался каким-то другим списком (может быть оригиналом) «Слова о полку Игореве», а не списком, который лег в основу первого издания памятника в 1800 г. (стр. 196).

Следующий раздел посвящен не грамматическому, а смысловому сравнению «Слова» с памятниками Куликовского цикла. В статье «Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» Р. П. Дмитриева, сделав обзор разных точек зрения на «Задонщину», дает схему двух изводов от основного авторского текста. В извод, условно названный Сш, входят списки С и К — Б; в извод Унд — списки $И_1$, Ж, У и $И_2$. Сличая изменения их, автор приходит к выводу, что ни один из известных текстов не может считаться первоначальным. Список К — Б во многом ближе к «Слову», чем другие, но в нем утеряна вторая часть, текст значительно сокращен. На нем можно ясно проследить работу переписчика и редактора монаха Ефросина. В Кирилло-Белозерском монастыре есть и другие рукописи его работы. Анализу его стиля Р. П. Дмитриева посвятила специальную статью «Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»)».

Рассмотрение разных произведений, писанных рукой Ефросина, позволяет определить его стиль: он лапидарен, четок, оставляя конкретные факты, сокращает сентенции и отступления. Ясны и изменения, внесенные Ефросином в заимствования из «Слова о полку Игореве». Основной вывод работ Р. П. Дмитриевой тот, что сравнительное рассмотрение всех списков «Задонщины» делает несомненным, что существовал авторский список, не дошедший до нас, наиболее полно использовавший образы «Слова о полку Игореве», приспособляя их к описанию Куликовской битвы.

О. В. Творогов в статье «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» присоединяется к выводу Р. П. Дмитриевой, что наиболее близок к «Слову» был авторский текст «Задонщины». О. В. Творогов приводит схему соотношения списков, в основном совпадающую со схемой Р. П. Дмитриевой. Примеры убедительно показывают, как текст «Слова» был использован в авторском списке «Задонщины», и приводят к выводам:

1) параллели к «Слову» свидетельствуют о том, что списки К — Б и С восходят к иному исходу, чем остальные списки.

2) можно обоснованно утверждать, что «Слово» не могло быть создано на основе любого, даже более исправного, чем дошедшие до нас, списка, так как всю сумму параллелей к «Слову» содержали лишь списки, восходящие к авторскому тексту.

3) список К — Б содержит наибольшее число параллелей к «Слову». Его отличия могут быть объяснены индивидуальными изменениями Ефросина, редактора, переделавшего и сократившего архетип.

Способ редактирования Ефросина и вносимые им сокращения были показаны в статье Р. П. Дмитриевой. Ефросин делал то, что до сих пор продолжают делать с текстами некоторые ученые, меняя их согласно своему разумению и пониманию. Благодаря творческому отношению и пристальному вниманию к тексту, в его рукописях не встречается бессмысленно переписанных и искаженных слов. Он сохраняет смысл текста, думая над ним, но в то же время сокращая то, что казалось ему излишним.

Этот процесс очень ясен при сличении упоминания о Бояне в разных списках. В списке У: «Не проразимся мыслию, но землями, помянем первых лѣт времена, похвалим вящанного боярина, горазна гудца в Кіеве. Тот боярин воскладоше горазная своя персты на живыя струны, пояша руским князем славу: первому князю Киевскому Игорю Бяриковичу и великому князю Владимеру Всеславичу Киевскому и великому князю Ярославу Владимировичу».

В списке $И_1$: «Начаша повѣдати по дѣлом по гыбьл/ь/ю, но потрезвимся мысльми и землями и помянем первых лѣт времена и похвалим вѣша боянаго гораздаго гдца в Киевѣ. Тот боюн воскладаша гораздныя своя персты на живыя струны и пояша князем руским славы: первую славу великому князю Киевскому Игорю Рюриковичу; 2 — великому кн(я)зю Владимеру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Володимеровичу...».

В списке С: «не поразимся мысленными землями, помянем первых лет времена, похвал вещего горазда гудца. Тот бо ден похвалы вещи буиный, накладает свои белыя руцы на золотыя струны, пояше руским князем похвалу: первому князю рускому на земи Киевской Рурику, великому князю Володимеру Светославичу, великому князю Ерославу Володимеровичу...».

При автоматической записи непонятного текста теряется смысл. Лишь сличая списки и зная «Слово о полку Игореве», можно догадаться, о чем идет речь. В списке К — Б смысл совершенно ясен. Вероятно, прав О. В. Творогов, предполагая, что Ефросин читал «Слово». Он понимает текст, знает, для чего он приведен. Он пишет: «Первее всех вшед восхвалим вѣщего го Бояна в городе Киеве горазда гудца. Тот бо

вѣщий Боян воскладал свои златые персты на живые струны, пояше славу руским князем, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу и Святославу Ярославичу, Ярославу Володимеровичу, восхваляя их пѣсми гусляными словеса».

Тут ясно показана роль Бояна, певца, прославлявшего первых князей, что было важно Ефросину. О. В. Творогов пишет: «Сопоставим сведения о Бояне в «Слове» и «Задонщине», что известно нам из текста «Слова»? Боян пел славы «старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю пред пълкы Косожьскыми, красному Романову Светославичу», ибо он «помнил первых времен усобицъ». Это замечание, на наш взгляд, очень существенно: так мог сказать лишь человек, для которого, как и для его современников, Боян не аллегория, а живой человек, связанный с определенным временем. В «Задонщине» характеристика Бояна, как певца определенного времени, отсутствует...» (стр. 316).

Варианты разных списков лишены понимания образов и стройной композиции. В статье «О композиции вступления к «Задонщине» О. В. Творогов показывает очень убедительно: во всех списках есть пропуски, но сличая их, можно восстановить первоначальную, авторскую композицию «Задонщины». Она начиналась обращением к слушателям «взвеселить и восхвалить русскую землю и великого князя Дмитрия Ивановича».

Предположительно восстанавливая авторский текст, О. В. Творогов показывает, как он искажался переписчиками. Об этих процессах изменения текста при многократном переписывании говорят и остальные статьи сборника. Запись, как и фольклор, создает варианты основного текста. Автоматическая переписка малограмотных списков иногда обессмысливает его. Точный филологический анализ может отделить позднейшие наслоения от первоначального авторского текста.

II

Рассматриваемый нами сборник необычайно монолитен: одна статья блестяще дополняет другую, доказывая вторичность «Задонщины» и принадлежность «Слова о полку Игореве» к литературе XII в. Единая направленность статей действует, как таран, разбивающий скептицизм сомневающихся в принадлежности «Слова» XII в. Ценность детального разбора произведений Куликовского цикла еще в том, что, как правильно писала А. К. Котляренко, на основе «Задонщины» мы можем исправить известный нам текст «Слова о полку Игореве».

Детальный разбор показывает: подражание нарушает органичность и художественность произведения; тем яснее становится цельность и яркость образов, эмоциональная напряженность и лиричность «Слова», указывающие, что это сохранный авторский текст.

При этом встают вопросы:

1) какие же причины позволили «Слову» сохраниться в такой прекрасной и девственной неприкосновенности? Чем объяснить, что руки переписчиков так мало испортили текст, в то время как мы видим результаты слепой порчи и редакторского произвола в других произведениях древнерусской литературы?

2) каково отношение автора «Задонщины» к «Слову»?

Как понимать слова: «того лутче бо ес брате, нача поведати и н ы м и с л о в е с ы (разрядка моя.— *Н. Г.*) о похвальных, о нынешних повестях от полку князя Дмитрея Ивановича»? Не полемика ли здесь с автором «Слова», предупреждавшим, что он не будет словословить князей, как Боян? Быть может, здесь стремление возвратиться к прославителю побед Бояну от певца «трудных повестей» о поражении?

«Слово» возродилось к участию в русской культуре, как «Ироическая песнь о походе» — так в 1800 г. было названо первое издание найденной рукописи. Хотя автор «Слова» начинает с того, что он создает «трудную», а не прославляющую песнь, ему не поверили, не обратили на него внимание. Первые исследователи подменили автора Бояном. Потребовались длительные десятилетия изучения текста, чтобы на первый план выступила фигура автора произведения и был оценен его призыв к единению Руси.

Советские исследователи много сделали, раскрыв значимость «Слова» как художественного и политического произведения. В сборнике статей и исследований, вышедшем под редакцией В. П. Адриановой-Перетц к 150-летию первого издания «Слова», Д. С. Лихачев писал: «В своих исторических воззрениях автор «Слова» зависит от летописи и от фольклора, но его исторические воззрения выше и летописных, и фольклорных. От летописцев автора «Слова» отделяет огромная сила исторического обобщения: он обобщает историю в конкретных поэтических образах. От «песнопевцев» его отделяет критическая оценка прошлого и настоящего. Однако он берет свои сведения и из летописи, и из фольклора; он развивает отдельные места летописца и проникается духом народного поэтического творчества» [2]. И далее: «Все «Слово» проникнуто единой патриотической идеей — идеей единства Русской земли» [3].

---

[2] Д. С. Лихачев. Исторический и поэтический кругозор автора «Слова о полку Игореве». Сборник исслед. и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1950, стр. 50.

[3] Там же, стр. 50, 51.

И. П. Еремин высоко оценил творца «Слова»: «Он действительно заполняет собою все произведение, от начала до конца. Голос его отчетливо слышен везде: в каждом эпизоде, едва ли не в каждой фразе. Именно он, «автор», вносит в «Слово» ту лирическую стихию и тот горячий общественно-политический пафос, которые так характерны для этого произведения» [4].

Другие исследователи также оценивают автора «Слова» как патриота, призывавшего к единению Руси, сумевшего понять сложную государственную жизнь своей эпохи. Это стало общепринятым мнением. Но возникает вопрос: как мог такой человек, широкого кругозора, ясного ума и глубокой любви к Родине, назвать солнцем Руси мелкого удельного князя, нарушившего единство, навлекшего неудачным походом великие бедствия на страну? Мог ли такой автор, потеряв всякую объективность, утверждать, что об этом походе пели девицы на Дунае и голоса их неслись через море до Киева? Признав, что эти слова относятся к Игорю Северскому, мы оказываемся в тупике противоречия с образом патриота и борца за единение Руси. Автор «Слова» не мог сказать и не говорил слов, прославляющих Игоря Северского.

Недоразумение возникло в силу того, что «Слово» было воспринято как «Ироическая песня», прославляющая героев. Убеждение это, в силу монументальной традиции, продолжало существовать. Анализ «Задонщины» поможет откинуть эту традицию, прояснив наиболее «темное» место в «Слове» — его концовку. Во всех списках «Задонщины» мы находим упоминание о Бояне, певце, прославлявшем князей — Игоря Рюриковича, Владимира, Ярослава. В. П. Адрианова-Перетц объясняет: «взамен неизвестных ему героев песен Бояна Софоний, в соответствии со своими историческими представлениями, назвал имена трех крупнейших киевских князей, от которых вели свой род в XIV веке московские великие князья (Игоря Рюриковича, Владимира Святославича, Ярослава Владимировича)» [5].

Но эти исторические воззрения, т. е. традиция славить предков воспеваемого героя, существовали не только в XIV в. Связь человека со славой предков ясна в «Слове»: воины Ярослава побеждают «звоняче в прадедню славу»; о Всеславичах говорится: «выскочитѣ из дедней славы»; о Мстиславичах «не худа гнѣзда шестокрылцы» и т. д.— слава внуков растет на славе дедов. Придворный певец, воспевавший князей — Боян, поэтому должен был сложить песнь о родоначальнике династии. Софоний понимал это и возможно знал самую песнь об Игоре Рюриковиче, поэтому он упомянул об этом, намереваясь вернуться к Боянову стилю прославления великого князя и его побед.

Бояну было что сказать об Игоре Рюриковиче: он собирал восточно-славянские племена в единое государство, он со славой прошел до Цареграда и там, в 944 г., заключил договор с греками. Об этом, несомненно, пели девицы на Дунае, так как это событие весьма интересовало Болгарию.

Если мы примем эту гипотезу — темное место концовки прояснится и противоречие в образе автора «Слова» отпадет.

Автор «Слова» приводит цитату из Бояна: «Рек Боян и ходы на Святославля, пѣстворца старого времени яро славля Олѣгова коганя хоти: тяжко ти головы кромѣ плечу, зло ти телу без головы — руской земли без Игоря. Солнце светит ся на небеси Игорь-князь в Руской земли. Дьвици поют на Дунаи, вьются голоси через море до Киева». Принято считать цитатой из Бояна первую половину фразы «тяжко ти головы кромѣ плечу, зло ти телу без головы», откидывая вторую половину фразы — «руской земле без Игоря», потому де, что не мог же Боян, живший до рождения Игоря Северского, сказать о нем. Эту половину фразы приписывают автору «Слова», хотя самый строй предложения говорит о единой мысли.

Боян говорил не об Игоре Северском, а об Игоре Рюриковиче, воспевая родоначальника династии и объединителя Руси. Автор поэмы привел цитату из песни Бояна, чтобы противопоставить двух Игорей — деда (т. е. предка) и внука (потомка). Первый со славой прошел до Цареграда, второй, Игорь Северский, нарушил единение Руси, пошел в неудачный поход, навлек «Карну», т. е. скорбь и горе на русскую землю. Поэтому автор «Слова» в начале поэмы спрашивал: «О Бояне, соловью старого времени. Абы ты сна плъкы ущекотал, скача, славию, по мыслену древу. Пѣти было пѣснь Игореви того внуку...»

Ученые, подобно Софонию, не понимая текста, считали возможным вставлять от себя пояснения. Находя фразу непонятной — какого «того Игореви»? решили: тут допустили пропуск слова «того (Ольга) внуку», т. е. деда Игоря Северского, Олега Гориславича, как назвал его автор «Слова». Один этот эпитет может служить доказательством, что автор вовсе не был «приверженк дому Ольговичей Черниговских».

Но необходимо объяснить первую, вводную часть к цитате из Бояна. В. П. Адрианова-Перетц в рассматриваемом сборнике придерживается написания: «Рек Боян и Ходына пѣснотворца старого времени», поясняя: «Ходына — исправление «ходы на». Среди многих исправлений этого места данное наиболее согласуется с дальнейшим двойственным числом «пѣснотворца» (см. свод таких исправлений, Перетц, стр. 326—

---

[4] И. П. Еремин. «„Слово о полку Игореве“ как памятник политического красноречия». Сб. исслед. и статей..., стр. 117.

[5] В. П. Андрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». Сб. «Слово о полку Игореве» как памятник XII в. М.— Л., 1962, стр. 136.

327). Собственное имя «Ходыныч Останко» от имени отца «Ходына» отмечено Н. Тупиковым (стр. 123).

Написания «Ходына» придерживается и Д. С. Лихачев и многие другие ученые, мотивируя грамматически правильным сочетанием двойственного числа — «пѣснотворца» и «хоти». «Пѣснотворцы» и «хоти» — это два певца, изрекшие одну и ту же припевку: «тяжко ти головы кромѣ плечу...». Но попытка читать «Ходына», считая это слово именем второго певца времен Бояна, кажется мне недостаточно обоснованной — автор «Слова» нигде не упоминает о двух певцах. Вся поэма построена на его обращении к Бояну, цитатах из Бояна, противопоставлении своего стиля Боянову.

Зачем бы автору вне композиционного замысла, неожиданно упоминать Ходыну? Исследователям давно стало ясно, что в этом произведении нет лишних слов. Оно продумано, лапидарно, полно смысла, каждый образ органически связан со всей композицией.

Слово «хоть» (жена, возлюбленная, но и «любимец», «воспитанник», как переводит это слово И. И. Срезневский [6]), очевидно, склоняется по четвертому склонению, как «зять», «тесть», «путь». В винительном падеже единственного числа должно бы дать «хоть». Но в «Слове о полку Игореве», как писал академик С. П. Обнорский: «Прямой объект одушевленных имен существительных в единственном числе выдержанно выражается в памятнике не винительным, а родительным падежом» [7]. Тогда предложение будет иметь форму «Ярославля Ольга коганя хоти».

Титул когана, т. е. владыки хозар, лишь с натяжкой может быть отнесен к Олегу Гориславичу, но вполне понятен для победителя хозар «вѣщего Олега», у которого был «хоть» — любимец, воспитанник, Игорь Рюрикович, «яро», т. е. неистово, горячо прославляемый Бояном. Эпитет «яро», «ярый» мы встречали в «Слове»: «Яр туре Всеволод стоиши на борони», «посклепаны саблями каленымн, шеломы Оварскыя отъ тебя яръ туре Всеволоде», «славля», «славлят», «люблят» — старые формы до сих пор бытующие в украинском языке и его старых наречиях.

В. П. Адрианова-Перетц безусловно права, указывая на важность сравнения лексики «Слова» с архаическими словами, живущими в таких говорах, как у лемков и гуцулов [8].

Но вернемся к первым словам всего предложения, вводящего в цитату из Бояна. Написание «Ходы на Святославля» кажется мне более связанным с общим смыслом концовки, чем появившийся неведомо зачем второй певец. В словаре И. И. Срезневского слово «ход» значит «движение», «путь» [9]. Это же значение сохраняет слово «ход» в живом русском языке (Даль, т. IV, стр. 556). Святослав посылал врагам предупреждение иду на вас», не с этим ли связано и выражение «ходы на Святославля»? Это намек на какие-то непонятные современникам события. Лучше оставить намек неясным, чем домышлять нового певца Ходыну. Слово «Пѣснотворца» С. П. Обнорский объясняет не как двойственное число, а как родительный падеж одушевленного лица [10].

Таким образом, мне представляется, что грамматически вполне приемлемо объяснить фразу «Ходы на Святославля пестворца старого времени яро славля Ольгова каганя хоти» как пояснение к цитате из Бояна, прославляющей Игоря Рюриковича. Было предложено толковать слова «Ольгова каганя хоти» как обращение двух певцов Бояна и Ходыны к жене (хоти) Олега Гориславича [11]. Но это грамматически правильное объяснение не проясняет, почему именно обратились к жене Олега Гориславича певцы? Приняв это объяснение, мы не снимем недоумения: как мог автор «Слова» прославлять дом Ольговичей (назвав при этом Олега Гориславичем и Игоря Северского)?

Гипотеза, что цитата из Бояна прославляет Игоря Рюриковича не только проясняет темное место концовки и делает ненужной произвольную вставку слова во фразе «пѣти было пѣснь Игореви того внуку», но и проясняет весь замысел поэмы и взаимоотношение «Слова» с «Задонщиной». Автор «Слова» противопоставляет двух Игорей. Во имя единства Руси направляет он (вопреки летописи) Игоря Северского по возвращении из плена в Киев к богородице Пирогощей. Ехать туда — значит признать свою ошибку, покаяться в походе, нарушившем общие действия князей против половцев. Именно тем, что он поехал в Киев «страны ради и грады весели», он признал необходимость единения. Автор поэмы указывает то, что должен был бы сделать Игорь во имя единения. Он смело требует единения от князей. Не славословит, а критикует и самостоятельно рассматривает исторические задачи Руси. Это цель поэмы.

Ю. М. Лотман указал разницу идеологии феодальных XI—XII вв. и Московского централизованного государства. В «Слове», как и в «поучении Владимира Мономаха», принятый идеал — это князь-рыцарь, обладающий рыцарскими добродетелями, до-

---

[6] Материалы для словаря древнерусского языка, III, СПб., 1903.

[7] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.— Л., 1946, стр. 164.

[8] В. П. Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика «Слова»..., Сб. «Слово о полку Игореве»..., стр. 22.

[9] И. И. Срезневский. Материалы для словаря..., стр. 1382.

[10] С. П. Обнорский. Ук. соч., стр. 164.

[11] В. П. Адрианова-Перетц. Ук. соч., стр. 123.

бровольно идущий на единение с «братьями»-князьями для совместной защиты Руси. В идеологии Московского государства идеалом стал самодержавный государь, которому должны служить все. «В таких условиях сюжет, аналогичный «Слову о полку Игореве», не может стать предметом поэтизации»,— писал Ю. М. Лотман [12], указывая, что неудачный поход не мог войти в каноническую литературу Москвы. Автор «Задонщины» Софоний, воспевая поход великого князя, мне представляется, должен был вернуться к стилю славословий Бояна. Он говорит: «лудчи бо нам, брате, начати повѣдати инѣми словесы от похваленых сил о нынешних повѣстях похвалу великого князя Дмитрея Ивановича». Поэтому Софоний ссылается на Бояна и не упоминает об авторе «Слова», используя его произведение в приспособлении для хвалы державной власти как антитезу.

Д. Н. Альшиц уже указывал на полемическое отношение к «Слову» у книжников XVI в. в Степенной книге, прославляющей великого князя Всеволода Суздальского как «самодержца» и главу всея Руси. «Появление в официальном памятнике XVI в. вымышленного рассказа об исторических событиях XII в., являющегося прямой контроверсией «Слову о полку Игореве», рассказа совершенно невероятного и немыслимого независимо от этого памятника, доказывает, что «Слово» было хорошо известно составителям Степенной книги»,— писал Д. Н. Альшиц [13]. Не только было известно, но требовало опровержения изображенных им событий.

Растущее самодержавие требует прославления побед владыки, как это делает «Задонщина», перефразируя «Слово» и меняя его смысл. Идеологии Московского самодержавия не подходило произведение, указывающее, что должны делать князья. Усердные писцы XIV—XV вв. обязаны были переписывать хвалу великому князю Дмитрию Ивановичу. Чем многочисленнее и малограмотнее были переписчики, тем больше вносили они искажений в плохо понятный им текст.

«Слово о полку Игореве» переписывали реже,— писали его те, кого поражала высокая сила образов, страстная напряженность страдания за Родину, мощь творца-новатора, создавшего свой стиль, отступившего от канона славословий. Переписывали «Слово» сознательно, по любви, а не по приказу сверху. Этим можно объяснить меньшее количество искажений в тексте, его сохранность. Вероятно не случайно, что единственный дошедший экземпляр переписчика XV в. хранил черты Новгородско-Псковского говора, т. е. говора одной из северных республик, противоборствовавших Москве. Там мог найтись переписчик, который, вопреки Софонию и его возврату к Бояновым славословиям, сохранил это великое произведение, живой голос, идущий сквозь века.

Наши беглые гипотезы, разумеется, требуют дальнейшего обоснования и доказательств, которым нет места в краткой рецензии на связь «Слова» и «Задонщины». Задача этой рецензии — лишь наметить вопросы, требующие исследования. Указать, что противоречие между образом поэта, призывающего к единению, и пониманием поэмы как славословия князю, нарушившему единение, требует объяснения. Но разрешение этих вопросов уходит из области филологии в область историко-этнографических исследований.

---

[12] Ю. М. Лотман. «Слово» и литературная традиция XVIII — начала XIX в. Сб. «Слово о полку Игореве» памятник XII в. М.— Л., 1962, стр. 347.

[13] Д. Н. Альшиц. Легенды о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве». Тр. ОДРЛ, XVI, Л., 1958, стр. 70.

Friedrich Möbius. Westwerkstudien. Jena, 1968. S. 186. Taff. 20.

Каролингская архитектура занимает краеугольное место в истории средневекового зодчества. В ней как в фокусе сходятся все те художественно-архитектурные идеи и концепции, из которых в конце концов развился романский, а за ним и готический стиль. Позднеримская прямоугольная базилика, двубашенные базилики Сирии, меровингские крестовые базилики — все эти архитектонические достижения в VIII в., при Карле Великом, еще раз были брошены в котел архитектурного творчества. В результате появились каролингские базилики не только с восточным, но и с западным поперечным трансептом, усложненным мощной башней в месте связи и двумя меньшими башнями по бокам главного входа. Приобретшие крепостной характер, эти западные трансепты с тремя башнями получили название «вестверков».

Проведенные археологические исследования показали, что во вполне развитом виде, такой вестверк имелся у знаменитой церкви св. Рихария (ныне Saint-Riquier) в аббатстве Центула близ Амьена (конец VIII в.). Позднее церковь получила готический облик.

Реконструкции вестверка этого известного каролингского сооружения, исследованию его генезиса и функции посвящена недавно вышедшая интересная работа профессора Иенского университета Фридриха Мёбиуса, с которой я имел возможность подробно ознакомиться благодаря любезности А. А. Быкова.

Интерес работы Мёбиуса состоит не только в том, что автор дает исчерпывающую и разностороннюю характеристику вестверка, но и в применении им ясного социологического метода исследования, выгодно отличающего рецензируемую работу от бесконечного потока чисто формальных штудий.

В первой главе «Основы и проблема исследования о вестверке» Ф. Мёбиус анализирует имеющиеся точки зрения на сущность вестверка. Поскольку во втором ярусе его, над боковыми частями, находились хоры, некоторые авторы идентифицировали вестверк с западным хором, благодаря чему архитектурные памятники подобного рода получили название «церквей с двойным хором» [1]. Мёбиус показывает, что хорами далеко не исчерпывается функция вестверка.

Другие авторы считали, что назначение вестверка состояло в том, чтобы предоставлять место некрещенным (оглашенным) во время литургии. Здесь вестверк идентифицируется с нартексом. Мёбиус отмечает однобокость подобного взгляда. В вестверках действительно производилось крещение, но этой «приходской» функцией назначение его тоже не исчерпывается.

Ограниченным оказывается и то мнение, согласно которому вестверк толкуется как собственно королевская капелла внутри монастырского храма. Вестверк церкви св. Рихария действительно основан Карлом Великим. Последний действительно имел здесь свою королевскую «ложу». Здесь же имелся особый алтарь, перед которым производилось особое богослужение. Но отдельно стоящая королевская капелла была бы гораздо удобнее для личного богослужения. И такие капеллы имели место уже в Каролингское время (Корвей, Фарфа и та же Центула). Следовательно, вестверк — нечто гораздо более широкое, нежели королевская капелла.

Наконец, автор касается оборонных функций вестверка. Они несомненны конечно, но, как и рассмотренные выше, являются придаточными.

Проанализировав во второй главе «сведения источников о ктиторе и об истории постройки вестверка в Центуле» так называется эта глава, уточнив далее дату постройки (790—799 гг.), Мёбиус переходит к самой интересной третьей главе «Вестверк и общественная практика», в которой полностью и раскрывает содержание вестверка.

Используя данные предшествующих исследователей о характере литургии в вестверке (К. Хейтц, 1963 г.), об особом культе короля (Э. Леман), а также свидетельство аббата Центулы Ангильберта о порядке торжественной процессии, Мёбиус восстанавливает яркую и широкую картину использования вестверка в целях укрепления центральной королевской власти. Он утверждает, что производившаяся в вестверке месса хотя и обращалась к Спасителю, но в сущности была направлена на укрепление в сознании народа величия короля. Литургической мобилизации народа соответствовала мобилизация государственная политическая. Мы видим здесь блестящее подтверждение хорошо известного тезиса Ф. Энгельса, что королевская власть в средние века была представительницей национального единства.

Вместе с тем, Ф. Мёбиус подчеркивает строгую социальную дифференциацию вестверка. Для широких масс «смешанного народа» был доступен только нижний ярус. Во втором ярусе находился король, его приближенные и «знатные мужи». Этой социальной дифференциацией и обуславливалась архитектурная дифференцированность вестверка как по вертикали, так и по горизонтали. Вестверк, по Мёбиусу, является прекрасным выражением феодальной структуры общества того времени. С этим следует полностью согласиться.

Развивая свою главную мысль, Мёбиус показывает, что вестверк служил не только возвеличению короля в глазах народа. Он был местом собрания знатных людей округи, решавших здесь под председательством аббата вопросы управления и судопроизводства. Вестверк вмещал и крещальню, и был своего рода крепостным щитом всего храма. Таким образом, он действительно служил централизующим началом всех слоев общества.

Но Мёбиус далек от идеализации. Он отмечает, что это видимое, внешнее единство было внутренне противоречивым. Вестверк был своего рода «всеобъемлющим художественным образом» этого единства.

Работа Ф. Мёбиуса служит примером того, каких больших результатов можно достигнуть при умелом соединении археологического, искусствоведческого и социологического подходов к сложным историческим вопросам. Громадная библиография (около 500 названий!) и ссылочный аппарат (более 800 ссылок) свидетельствуют об исключительно широком и серьезном взгляде автора на предмет своего исследования. Жаль только, что он не привлек материал по древнерусской архитектуре, в которой в XI—XIV вв. тоже были такие явно феодальные элементы, как хоры над западным нартексом. Они отнюдь не равнозначны хорам западноевропейских базилик и подчас выполняли довольно широкие социальные функции. Например, на хорах Софии Киевской (XI в.) митрополит произносил славу киевскому князю, государство которого еще Карл Маркс сравнивал с империей Карла Великого. В начале XIII в. верхний ярус западных притворов русских храмов тоже вмещал в себя «королевскую ложу».

[1] K. Woermann. Geschichte der Kunst aller Zeiten und Volker. Leipzig-Wien, 2, 105, стр. 91.

Проблема хоров в древнерусском зодчестве хорошо изучена [2]. Но, прочитав книгу Ф. Мёбиуса, исследователи древнерусского зодчества, несомненно, найдут новые оттенки в соотношении между древнерусскими хорами и западноевропейским вестверкомом. Следует также задуматься и над генезисом тех западных башен, которые в ряде памятников древнерусской архитектуры фланкировали хоры, чрезвычайно напоминая в этом отношении башни вестверкa. Какую роль здесь сыграли сирийские базилики, базилики армянские и каролингские? [3] Работа Мёбиуса заставляет вновь задуматься над этими интересными вопросами. Более того, она намечает и тот путь, по которому нужно идти в их решении. Поэтому она вдвойне интересна.

Г. К. Вагнер

---

[2] Н. И. Брунов. О хорах в древнерусском зодчестве. «Труды секции теории и методологии (социологической) РАНИОН», II, М., 1928, стр. 93—97.

[3] С другой стороны снова встает вопрос: какой вклад в формирование вестверкoв европейской архитектуры внесла Византия? Вопрос этот ставился в свое время А. Н. Грабаром (А. Н. Грабар. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве».— «Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы», т. XVIII, М.— Л., 1962, стр. 248), но, к сожалению, еще не получил ответа.

Хроника

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГРУЗИИ В 1968 г.

С 10 по 13 июня 1969 г. в Тбилиси состоялась XVIII научная сессия Института истории, археологии и этнографии имени И. А. Джавахишвили АН ГрузССР, посвященная итогам полевых археологических исследований по Грузии в 1968 г. В работе сессии приняли участие научные сотрудники Института истории, археологии и этнографии имени И. А. Джавахишвили, Государственного музея Грузии имени С. Н. Джанашиа АН ГрузССР, Тбилисского государственного университета, Государственного музея искусств ГрузССР, Батумского научно-исследовательского института АН ГрузССР, Абхазского института языка, литературы и истории АН ГрузССР и Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГрузССР.

Исследованиям памятников каменного века в Квирильском ущелье был посвящен доклад Д. Ш. Тушабрамишвили. Он сообщил, что в пещере Самгле-клде вскрыты культурные слои, относящиеся к эпохе мустье, а в пещере Дзудзуана зафиксированы слои раннебронзовой эпохи и верхнего палеолита. Выявлены нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Орбали IV и навес Тогон-клде с материалами верхнепалеолитической эпохи.

Сообщение Л. Д. Небиеридзе касалось исследования скального навеса в Даркветн, на левом берегу р. Квирила, где установлены слои мезолита, раннего неолита и энеолита.

Уже несколько лет в Болнисском районе экспедицией Института истории, археологии и этнографии под руководством Т. Н. Чубинишвили изучаются поселения оседлоземледельческой энеолитической культуры. На холме Арухло I вскрыто два слоя. Первый — античного периода. Второй слой относится к поселению V—IV тысячелетий до н. э.; обнаружены остатки круглоплановых сырцовых зданий, многообразные керамические изделия, каменный инвентарь, две скульптурки из красных галек, изображающие человеческие головы. Особо нужно отметить наличие вокруг холма рвов. Один из них на дне содержит заиловапный слой, указывающий на наличие в далеком прошлом проточной воды. Это, возможно, связано с существованием поливного земледелия.

Доклад О. М. Джапаридзе и А. И. Джавахишвили был посвящен раскопкам ранне-земледельческого поселения V—IV тысячелетий до н. э. на Имирисгора, которые ведет экспедиция Гос. музея Грузии и Тбилисского государственного университета. В отчетном году на восточном склоне холма вскрыт четвертый строительный горизонт, потревоженный впускными погребениями поздних времен. В этом горизонте выявлен жилой комплекс, состоящий из двух круглоплановых купольных сооружений (жилого и хозяйственного) из сырцевого кирпича, расположенных внутри кругообразного огороженного стеной дворика с хозяйственной печью. Кроме того, около с. Квемо-Сарали раскопано курганное погребение конца эпохи ранней бронзы, где обнаружены чернолощеная керамика и комплект бронзовых предметов.

Г. И. Мирцхулава доложил о раскопках могильника близ с. Самшвилде, где выявлено 5 погребений феодального периода и 33 — эпохи раннего металла. Погребения раннего периода представляют собой коллективные гробницы, сооруженные из необработанных каменных плит. Могильник (33 ранних погребения) входит в сферу «куро-аракской» культуры и относится к ее ранней ступени.

З. Г. Шатберашвили доложил о раскопках недалеко от города Каспи на территории глиняного карьера трех курганов с погребальными камерами четырехугольной формы. Они представляют ингумационные погребения, входящие в круг триалетской культуры. Исключение составляет кург. № 2, по образу относящийся к типу, характерному пока только для памятников Ашурианской долины.

Коллективный доклад Г. К. Григолиа, М. В. Барамидзе, Н. И. Окропиридзе, Л. Г. Цитланадзе, А. Т. Рамишвили, В. М. Джапаридзе, Д. К. Джгамаиа и Ш. Г. Чартолани был посвящен исследованиям экспедицией Института истории, археологии и этнографии на территории строительства Ингури ГЭС. В с. Палури раскопаны производственный участок и культовый памятник VIII—V вв. до н. э. В с. Лиа изучены башня феодальной эпохи, остатки каменного сооружения первой половины I тысячелетия до н. э. и грунтовые погребения римской эпохи (I и II вв.). Экспедиция провела и разведочные работы.

Результатам раскопок могильника у с. Тли был посвящен доклад Б. В. Техова (Юго-Осетинский научно-исследовательский институт). Выявлены расположенные в три яруса грунтовые и каменноящичные погребения, в которых обнаружены богато орнаментированные бронзовые топоры, железные наконечники копий, четыре привески в виде изображения бараньей головки, бронзовые фигурки собак, бронзовые сосуды типа ведер, пояс из листовой бронзы, украшенный в «урартском стиле» и т. д., относящиеся к периоду от середины XIV в. и до начала V в. до н. э.

В докладе Л. С. Сахаровой, Р. М. Абрамишвили, А. Т. Рамишвили и Дж. М. Сонгулашвили освещались исследования холмов Трели-горееби и Чалиболос-горееби на Дигомской равнине (окраина г. Тбилиси). Выявлены остатки 14 сооружений, которые относятся к эпохе поздней бронзы и раннего железа. Они представляют собой однокомнатные полуземлянки с глинобитным полом и плоским перекрытием. Верхние слои раскапываемых холмов дали материал античной эпохи. У подножья восточного склона Трели-горееби зафиксированы могильники эпохи поздней бронзы и раннего железа, а также позднеантичного времени (III в.).

Экспедиция Института истории, археологии и этнографии (Г. К. Григолиа, М. В. Барамидзе, Г. А. Лордкипанидзе, Г. Г. Пхакадзе, В. М. Джапаридзе, Н. Ш. Кигурадзе и Д. К. Джгамаиа) вела поисковые археологические исследования в Абашском, Гегечкорском и Цхакаевском районах. Обнаружены разновременные памятники от раннебронзовой эпохи до феодального периода включительно.

Кахетская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии (Т. В. Бугианишвили, Ш. Ш. Дедабришвили, К. Н. Пицхелаури, Р. М. Рамишвили, Ц. Н. Чикоидзе и М. А. Узунашвили) в 1968 г. продолжала раскопки и разведки в зоне строительства Верхне-Алазанской оросительной системы. Были исследованы мастерская открытого типа мустьерской эпохи (с. Зиари, Гурджаанского р-на); поселение «Илто» возрастом от раннебронзовой эпохи до позднефеодального времени (Ахметский р-н); грунтовые погребения второй половины II тысячелетия до н. э., а также рубежа II и I тысячелетий до н. э. около с. Гулгула (Телавский р-н); церковь и могильник IX—XIII вв. (с. Матани); позднесредневековое марани (винохранилище) (с. Руиспири); могильник конца II тысячелетия до н. э. (с. Бакурцихе).

В докладе Д. Л. Коридзе и Э. М. Гогадзе рассказывалось о работе экспедиции Музея Грузии в с. Носири, исследовавшей холм с поселением, где прослежена непрерывная жизнь от среднебронзовой до эллинистической эпохи включительно.

Исследованиям памятников бронзового периода на территории Месхети-Джавахети было посвящено сообщение О. С. Гамбашидзе. На основании выявленных памятников можно предположить существование во второй половине II тысячелетия до н. э. и в начале I тысячелетия до н. э. различных отраслей высокоразвитого хозяйства (земледелие «лесного типа», скотоводство, металлургия, обработка дерева и т. д.), а также получен материал о межплеменных взаимоотношениях и духовной жизни местных племен.

В докладе О. Д. Лордкипанидзе и Р. В. Путуридзе излагались результаты раскопок на городище в Вани. К востоку от городских ворот выявлены крепостная стена и остатки довольно обширного здания, разрушенного в I в. до н. э., каменный цоколь которого был сложен из хорошо обработанных квадров. Раскопаны также остатки огромного сооружения с контрфорсами II—I вв. до н. э. На центральной террасе городища изучены оборонительные стены I в. до н. э., круглое здание III—II вв. до н. э., возведенное на прямоугольном фундаменте и т. д. Начались раскопки средневековой крепости с. Цихесулори.

Н. Ш. Кигурадзе доложила о результатах раскопок могильника с кувшинными погребениями в с. Дапнари (Самтредский р-н), датируемого V—III вв. до н. э. Обнаружены бронзовые и серебряные украшения, керамические изделия, серебряные монеты «колхидки» и серебряная синопская полудрахма начала III в. до н. э. и т. д.

Экспедиция Музея искусств (Д. Ш. Надирадзе) продолжала работы в Сачхерском районе, где она раскопала погребения на южном склоне крепости Модинахе, датируемые VI—IV вв. до н. э. и позднеантичным периодом. В с. Саирхе изучены остатки мастерской, где производилось литье бронзовых и железо-стальных предметов, относящиеся к ранне-античному и эллинистическому периодам.

Ю. М. Гагошидзе рассказал об очередном этапе раскопок экспедицией Музея Грузии поселения эллинистического периода в Самадло, на правом берегу Куры, где изучено жилище с сырцовыми стенами и глинобитным полом, а также часть помещения монументального сооружения. Среди разнообразного керамического материала привлекают внимание фрагменты больших красноглиняных сосудов с сюжетной росписью (ритуальный танец-хоровод, битва всадников и др., исполненные красной краской).

Раскопкам экспедиции Абхазского института языка, литературы и истории в с. Нижняя Эшера был посвящен доклад Г. К. Шамба. Начато исследование городища и могильника античного периода. Заслуживает внимания обнаруженный в одном из погребений бронзовый предмет — скульптурная группа, состоящая из фигурок всадника, собаки и баранов.

Экспедицией Батумского научно-исследовательского института (С. И. Гогитидзе, Н. В. Вашакидзе, А. К. Инаишвили и А. Ю. Кахидзе) исследованы неолитические стоянки в селах Махвилаури и Чаисубани (Батумский р-н), селах Сахалваше и Квирике (Кобулетский р-н); кувшинные погребения эллинистического периода в с. Земопарцхма (Чохатаурский р-н); территория Батумской крепости и погребения античного периода городища Пичвнари (Кобулетский р-н).

Доклад Г. А. Ломтатидзе, Г. Г. Цкитишвили и В. М. Джапаридзе был посвящен первым итогам раскопок города-крепости Вард-цихе (Маяковский р-н), отождествляемого с городом «Родополис» византийских источников. Расчищены остатки башни и ограда раннефеодального периода, часть сооружения IV—VIII вв., состоящего из нескольких помещений. Начались раскопки у церкви св. Варвары («Барбале»). Установлено, что древнейший слой городища Вард-цихе относится к позднеантичному периоду. Наиболее богат слой позднеантичного периода. В позднефеодальную эпоху жизнь продолжалась менее интенсивно.

Мцхетской экспедицией Института истории, археологии и этнографии (А. Н. Каландадзе и А. В. Бохочадзе), работавшей на новостройках района, исследованы: комплекс жилых и хозяйственных построек, возведенных из песчаника и булыжника и относящихся к позднеантичному — раннефеодальному периодам; остатки раннесредневекового сооружения с пятью помещениями с террасообразной планировкой. В окрестностях Цицамури исследованы помещения IV—VI вв., остатки фортификационных сооружений, каменные винодавильни среднефеодальной эпохи.

Коллективное сообщение Р. М. Рамишвили, В. А. Джорбенадзе, Л. В. Асатиани и Л. Н. Кобаидзе освещало итоги продолжающихся раскопок в долине Эрцо, у с. Магранети, на холме Кушанаант. В погребениях, датируемых III—IV вв., обнаружены глиняные и стеклянные сосуды, золотой перстень с изображением богини Афины, золотая монета (местное подражание статеру Александра Македонского), драхмы Готарза Парфянского и денарии Августа. Вскрыто несколько помещений большого сооружения. В одном из помещений обнаружен клад серебряных монет, состоящий из 12 сасанидских монет Хосроя II и 4 монет византийского императора Ираклия, что позволяет датировать здание V—VII вв. н. э.

Доклад Л. А. Шарвашидзе был посвящен исследованию церкви зального типа, развалины которой расположены около с. Хуап (Гудаутский р-н). Сооружение состояло из первоначальной церковки, к которой впоследствии пристроили церковь зального типа, а прежнюю превратили в глубокий алтарь. Первоначальная церковь относится к раннему средневековью, а пристроенная — к X—XI вв.

Результаты начавшихся раскопок города-крепости Кветера (Ахметский р-н) излагались в докладе Г. А. Ломтатидзе и Р. М. Рамишвили. Раскопки велись у ворот и внутри цитадели (развалины двухэтажного дворца эристава, купольная церковь, цистерна, стена цитадели, под которой выявлены остатки ранней церкви, восьмигранная башня и т. д.). Прослеживаются материалы ранних периодов. Большинство находок составляют неполивная и поливная посуда и черепица. Есть и фаянс (иранский и китайский). Поливная керамика, имеющая датирующее значение, относится к IX—XIII вв. Керамика производилась в самой Кветера. Кветера являлась важным административным и стратегическим центром, резиденцией эристава к исходу раннефеодальной эпохи.

Экспедиция Музея Грузии (Г. М. Гаприндашвили) продолжала раскопки пещерного монастыря среднефеодального периода Ванис-кваби (Аспиндзский р-н). Производилась расчистка стен около купольного храма, раскопаны погребения XIV—XV вв. Велись поиски трассы водопровода монастыря.

Доклад П. П. Закараиа и В. А. Леквинадзе был посвящен раскопкам на Чаквинджской крепости (Зугдидский р-н), которые были начаты в 1968 г. экспедицией Музея Грузии. Чаквинджская крепость — многослойный памятник, где прослеживаются строительные горизонты разных этапов феодального периода. Выявлены остатки церкви и палат эпохи развитого феодализма.

Л. А. Чилашвили (Музей Грузии) свое выступление посвятил разведочным раскопкам на Самшвильдском городище. Среди обнаруженных на городище материалов наиболее древняя — керамика раннебронзового периода. Прослеживаются слои позднебронзового и раннежелезного периодов. Основной керамический материал относится к феодальному периоду — X—XIII вв.

В. В. Джапаридзе и В. Е. Артилаква (Музей Грузии) доложили о раскопках на Дманисском городище, где изучались трехслойное жилое сооружение XII—XV вв. и могильник феодального периода. Недалеко от Дманисского городища расчищена церковь, датируемая V—VI вв., где обнаружено свыше 50 фрагментов каменных мемориальных памятников, в том числе базы стел с древнегрузинскими надписями.

Археологическим разведкам и раскопкам в Боржомском районе посвящено сообщение Г. М. Насидзе. Раскопаны жилые комплексы в селищах феодального периода.

Ц. Н. Чикоидзе внутри ограды древнейшей цитадели г. Телави обнаружила многослойные остатки сооружений, которые указывают на непрерывность жизни, начиная с X и кончая XIX в. Выявлена часть капитального дворцового сооружения царей ранней Кахетии.

Е. Г. Джандиери доложила о раскопках на территории городища и цитадели Ахалкалаки. Изучены двухслойные остатки жилых и хозяйственных сооружений IX—XIII вв., комплекс караван-сарая XII века и система водоснабжения города-крепости. Становится еще более явным, что город Ахалкалаки был основан в XI в. на базе крупного села.

Экспедиция Института истории, археологии и этнографии и Тбилисского историко-этнографического музея (Г. А. Ломтатидзе, И. А. Гзелишвили и О. В. Ткешелашвили) продолжила в 1967 году раскопки средневековой цитадели г. Тбилиси. Работы велись внутри одного крупного сооружения между воротами с башней и храмом. Раскапываемое сооружение было хозяйственным, вспомогательным в дворцовом ансамбле, описываемом Вахушти Багратиони в середине XVIII столетия. Различаются два строительных периода — среднефеодальный и позднефеодальный. Обнаружено много поливной черепицы и посуды среднефеодального периода, но большинство находок особенно стекло и фаянс, относятся к более позднему времени.

* * *

В мае 1969 г. состоялась XVII научная сессия Государственного музея Грузии имени акад. С. Н. Джанашиа, на которой широко была представлена археологическая тематика.

Г. М. Немсадзе доложил о раскопках грунтового погребения II—III вв. около с. Сакунаат-убани Карельского района, где обнаружены бронзовая поясная ажурная бляха, двучленная дугообразная фибула и т. д.

Э. М. Гогадзе выступил с докладом «К вопросу о генезисе и периодизации курганной культуры Триалети». По заключению докладчика группа ранних (раннебронзовых) курганов представляет собой переходную ступень от Закавказской «Куро-аракской» к триалетской среднебронзовой культуре. Триалетскую курганную керамику он генетически связывает с керамикой «куро-аракской» культуры. При наличии генетической связи триалетской культуры с «куро-аракской», допускается появление в Триалети некоторых новых этнических элементов. Раннебронзовые триалетские курганы датируются приблизительно 2300—2000 гг. до н. э. Для трех групп среднебронзовых курганов предлагается следующая хронологическая последовательность: I группа курганов (III группа по классификации Б. Куфтина) датируется приблизительно 2000—1800 гг. до н. э., II группа — 1800—1600 гг. до н. э., III группа (I группа по Б. Куфтину) — 1600—1450 гг. до н. э.

Доклад Т. Б. Кигурадзе посвящен изучению каменной индустрии древнейшего земледельческого поселения (конец неолита — начало энеолита) Шулаверисгора (Марнеульский р-н). Изучение каменного инвентаря по пяти строительным горизонтам показывает, что несмотря на незначительные различия, здесь не происходило смены в культуре, и жизнь на поселении, по-видимому, не прерывалась.

Изучению костных остатков домашних животных (I тысячелетие до н. э.) из раскопок в Носири (Колхидская низменность) посвящено сообщение А. Л. Цицишвили. Н. Н. Гамрекели доложил об изучении костных остатков домашней лошади позднеантичной и феодальной эпох, раскопанных на городищах Урбниси, Дманиси и Руставской крепости.

* * *

На ежегодной научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников Института истории, археологии и этнографии имени И. А. Джавахишвили был заслушан ряд докладов по археологии.

В. А. Джорбенадзе прочел доклад, посвященный исследованиям раннефеодальных каменноящичных погребений, обнаруженных в с. с. Трани и Симониат-хеви (Тианетский р-н).

Доклад Г. П. Хубутиа касался раскопок пещерной стоянки в Окумском ущелье, где обнаружены многочисленные орудия, изготовленные из кремня и костей животных, а также остатки производства, относящиеся к верхнепалеолитическому периоду.

Изучению позднеантичных погребальных венцов, обнаруженных в Мцхета, Руиси и Гурзеули, посвящено сообщение А. М. Чкониа. Они связаны с погребальным ритуалом и указывают на привилегированность усопшего.

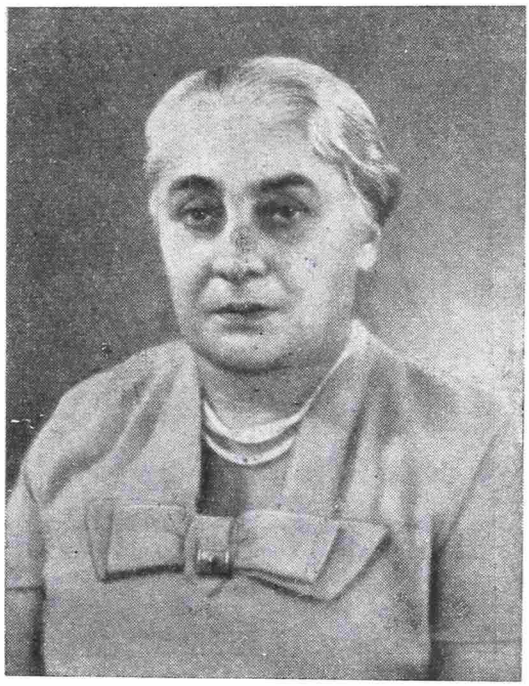
Ш. Г. Чартолани доложил об исследовании трассы и головного сооружения керамического водопровода, выявленном в Местиа (районном центре Сванетии) и датируемом XII—XIV вв.

Н. Н. Матиашвили рассказала о торгово-экономических связях Колхиды с эллинистическим миром. В своих выводах она опиралась на находки импортной столовой посуды из Вани, Очамчире и Сухуми.

* * *

Состоявшиеся в Тбилиси сессии показали, что археологические исследования в Грузии за последнее время еще больше расширились. К сессии были выпущены сборники аннотаций докладов. Заседания вызывали оживленный интерес и широкий обмен мнениями.

В. А. Джорбенадзе



Н. В. ХОШТАРИА

2 сентября 1969 г. в Тбилиси скончалась Нина Виссарионовна Хоштария — старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР. Оборвалась жизнь человека больших творческих поисков, активного строителя археологической науки в Грузии.

Н. В. Хоштария родилась в 1901 г. в Сочи, в семье служащего. В 1918 г. окончила гимназию в Сухуми, а в 1924 г.— Тбилисский политехнический институт (экономический факультет). Окончив в 1939 г. аспирантуру ИЯИМК Грузинского филиала АН СССР, Н. В. Хоштария оказалась первой грузинской женщиной, получившей специальное археологическое образование. Защищенная ею в 1941 г. кандидатская диссертация «Древнее поселение в Даблагоми» явилась одной из первых диссертаций в области грузинской археологии вообще.

Много труда и энергии отдала Н. В. Хоштария исследованию памятников III—II тысячелетий до н. э. и древних поселений с «текстильной» керамикой. Эти работы позволили Н. В. Хоштария сделать весьма важный вывод, что своеобразная «текстильная» керамика причерноморской полосы Грузии использовалась местным населением при добыче железной руды из магнетита, в изобилии встречающегося и поныне в приустьевых отложениях западногрузинских рек. Столь же важны выводы Н. В. Хоштария о древнем возникновении в Колхиде культуры винограда, льна, риса. Эти заключения были основаны на специальном изучении ею весьма своеобразных бронзовых орудий типа мотыги и заступа, входивших в состав инвентаря культуры колхов в эпоху поздней бронзы и раннего железа (XIV—VI вв. до н. э.). Все это дало основу для более глубокого изучения ценнейших памятников античной Колхиды, которым Н. В. Хоштария посвятила более 30 лет плодотворного исследовательского труда, нашедшего отражение как в ее многочисленных печатных работах, так и в докладах на грузинских и всесоюзных археологических сессиях, постоянным участником которых она была. Н. В. Хоштария проводила разведочные работы и раскопки целого ряда памятников Западной Грузии: в Кулеви, Поти, Чхороцку, Уреки, Пичвнари, Цихисдзири, Даблагоми, Вани и др. Особое ее внимание привлекло Ванское городище, начало изучению которого было положено в конце прошлого века Е. С. Такайшвили. Работы, организованные Н. В. Хоштария, дали уже в 1961 г. блестящие результаты. В последующие годы научные интересы исследователя были сосредоточены на изучении Ванского городища — одного из важнейших административно-политических и культурно-религиозных центров древней Колхиды. Наша наука обязана Нине Виссарионовне Хоштария открытием первоклассных памятников архитектуры античной эпохи — дворцовых, храмовых, фортификационных и иных сооружений, открытием множества шедевров ювелирного искусства — великолепных золотых украшений, высокохудожественной декоративной посуды из благородных металлов и мн. др.

Память о первом руководителе Ванской экспедиции, ученом богатой эрудиции и высокой культуры, о прекрасном человеке и гражданине, первой женщине-археологе Грузии Нино Хоштария сохранится так долго, как долго будут блистать ванские древности в истории культуры нашей Родины.

А. Н. Каландадзе

ДИБИР МУСЛИМОВИЧ АТАЕВ

13 февраля 1970 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался один из крупных археологов Дагестана, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, кандидат исторических наук Дибир Муслимович Атаев.

Он ушел из жизни в самом расцвете творческих сил, ему еще не исполнилось 44 лет. За свою короткую жизнь Д. М. Атаев очень многое сделал в деле изучения истории и археологии родного ему Дагестана, а собирался он сделать еще больше. Трудно поверить, что нет в живых этого жизнерадостного, энергичного человека, полного творческих замыслов!

Д. М. Атаев родился 26 апреля 1926 г. в горах Дагестана, в известном ауле Хунзах, в семье прославленного красного командира Муслима Атаева. В 1941 г. он окончил Хунзахскую семилетнюю школу и поступил в аварское педучилище. Работая учителем русского языка в начальной школе, Дибир Муслимович продолжал учиться заочно в педучилище, а затем с 1944 г. в Дагестанском педагогическом институте им. С. Стальского. В 1948 г. он успешно оканчивает исторический факультет пединститута и до 1954 г. работает в системе народного просвещения — он и рядовой учитель, и завуч школы, и инспектор районного отдела народного образования. Д. М. Атаев очень любил школу и детей. Его деятельность школьного учителя и инспектора школ протекала в Хунзахском и соседних с ним районах горного Дагестана. Будучи учителем истории, он активно занимался краеведческой работой, изучал родной край. Результатом такой работы явился его первый печатный труд, опубликованной в 1953 г. и посвященный опыту использования краеведческого материала на уроках истории СССР в VIII—X классах. А значительно позже, уже в 1967 г., Д. М. Атаевым совместно с М. З. Османовым было опубликовано отдельной брошюрой специальное методическое пособие для учителей по использованию краеведческого материала на уроках истории в V—X классах. Поэтому нетрудно понять, как и почему Дибир Муслимович стал археологом. Попав в 1949 г. в Дагестанскую экспедицию ИА АН СССР, руководимую К. Ф. Смирновым, он с тех пор почти ежегодно принимал участие в полевых исследованиях в Дагестане, особенно в его горных и высокогорных районах.

В 1956 г. Д. М. Атаев переходит на работу в Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР и до конца своей жизни трудится в этом учреждении. Он проходит здесь аспирантуру (1959—1962 гг.) под руководством известного советского кавказоведа Е. И. Крупнова, работает сначала в должности младшего, а затем старшего научного сотрудника. Его талант, упорство и настойчивость очень скоро приносят хорошие результаты. Он вырос в ведущего археолога-дагестановеда и крупного специалиста по средневековой культуре Кавказа.

Д. М. Атаев является автором более 30 научных работ. В основу его исследований легли материалы, добытые главным образом экспедициями под его непосредственным руководством. Им был открыт и исследован целый ряд древних и особенно средневековых памятников нагорного Дагестана. Их публикации и культурно-исторической интерпретации посвящена серия работ Дибира Муслимовича, вышедших как в местных изданиях, так и на страницах журнала «Советская археология».

Среди трудов покойного следует выделить его монографическое исследование «Нагорный Дагестан в раннем средневековье» (Махачкала, 1963 г.). Эта работа успешно была защищена им в качестве кандидатской диссертации на ученом совете ИА АН СССР в 1962 г.

В последние годы Д. М. Атаев возглавлял крупные экспедиции Дагестанского филиала АН СССР, которые исследовали средневековый город Аркас (Буйнакский район) и раннесредневековое городище близ Андрей-аула (Хасав-Юртовский район). На основании этих больших и интересных раскопок он собирался создать сводный труд по средневековой истории и культуре равнинного и предгорного Дагестана. Но этому его замыслу, к глубочайшему сожалению, не суждено было сбыться.

Научная деятельность Д. М. Атаева не ограничивалась только археологией. Он занимался изучением истории искусства и фольклора народов Дагестана, написал (в соавторстве с А. Р. Шихсаидовым) «Историю Дагестана» (учебное пособие) и большой «Путеводитель по Дагестану» (соавтор К. Гаджиев). Талантливый и разносторонний ученый, он был хорошим публицистом, о чем красноречиво свидетельствуют его многочисленные статьи, опубликованные в газетах и журналах Дагестана.

Д. М. Атаев принимал активное участие в работе Дагестанского отделения Всероссийского общества охраны памятников; не раз выступал с трибуны и на страницах массовой печати против фактов разрушения исторических памятников, за бережное отношение к ним как к народному достоянию.

Дибир Муслимович вел большую педагогическую работу — в течение нескольких лет он читал курс археологии на историческом факультете Дагестанского университета им. В. И. Ленина.

Серьезный исследователь, большой жизнелюб, человек отзывчивой души и широкой натуры — таким был и останется навсегда в нашей памяти безвременно ушедший от нас Дибир Атаев.

Р. М. Мунчаев

Д. Н. ЛЕВ

10 октября 1969 г. в Самарканде скончался один из ведущих исследователей каменного века Средней Азии, доцент Самаркандского Государственного университета имени Алишера Навои, кандидат исторических наук Давид Натанович Лев.

Д. Н. Лев родился 2 мая 1905 г. в г. Могилеве (Белоруссия) в семье служащего. В 1931 г. он окончил Ленинградский университет со специальностью археолога. С 1931 г. по 1942 г. Д. Н. Лев работал в отделе археологии Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде в качестве научного сотрудника, а затем в качестве заведующего отделом. В этот период им было опубликовано 2 путеводителя по отделу археологии МАЭ, а также ряд хранящихся там коллекций, относящихся, главным образом, к древнему горному делу (К истории горного дела, Л., 1934; К вопросу о происхождении древнейших кремневых шахт. СЭ, 1934, № 1—2 и др.).

Вопросам истории древнего горного дела была посвящена и кандидатская диссертация Д. Н. Лева, защищенная им в 1945 г.

Д. Н. Лев был близким учеником Петра Петровича Ефименко, участвовал в его раскопках в Костенках. В то же время судьба свела Д. Н. Лева с другим крупнейшим археологом — Василием Алексеевичем Городцовым. Обстоятельства сложились так, что в 30-х годах, когда В. А. Городцов еще был полон сил и энергии и стремился к организации больших археологических экспедиций, у него из тогдашней научной молодежи были только два верных, самоотверженных помощника: Д. А. Крайнов, без чьей помощи В. А. Городцов едва ли смог бы провести раскопки Тимоновской палеолитической стоянки, и Д. Н. Лев, который вместе с С. А. Городцовым вел раскопки Елизаветинского городища на Кубани и Ильской палеолитической стоянки. В. А. Городцов сердечно относился к Д. Н. Леву, свидетельством чего являются 59 подробных писем В. А. Городцова, хранящихся в архиве Д. Н. Лева; эти письма несомненно будут важным источником для каждого историка отечественной археологии. Показательно с другой стороны и то, что из четырех статей, опубликованных в советской научной печати в 1938—1940 гг., в связи с 80-летием В. А. Городцова и 50-летием его научной деятельности, две принадлежат перу Д. Н. Лева.

В 1943 г. началась работа Д. Н. Лева на историческом факультете Самаркандского университета, где он возглавил подготовку археологов и развернул широкие полевые работы по исследованию палеолита Узбекистана. Эти исследования дали блестящие результаты, в первую очередь в виде систематически раскопанных и введенных в науку Д. Н. Левом пещеры Аман-Кутан близ Самарканда и Самаркандской позднепалеолитической стоянки. Аман-Кутан получила широкую известность среди археологов как в Советском Союзе, так и за рубежом, и представляет собой в настоящее время, вслед за Тешик-Таш и Обирахмат, одно из наиболее богатых и выразительных мустьерских пещерных поселений Средней Азии. Первые исследования Самаркандской стоянки в 1939 г. связаны с именами П. Г. Харламова, М. В. Воеводского и В. В. Шумова. Но только большие раскопки, которые производил здесь в 1958—1968 гг. Д. Н. Лев и которые были прерваны его кончиной, позволили всесторонне оценить значение этого памятника, являющегося единственным хорошо выраженным позднепалеолитическим поселением на всей территории Средней Азии. Материалы Самаркандской стоянки, опубликованные в ряде работ Д. Н. Лева, несомненно позволят разрешить многие важные вопросы развития каменного века не только Средней Азии, но и Ирана, Пакистана, Индии и других стран. Исключительный интерес представляют найденные Д. Н. Левом при раскоп-

ках Самаркандской стоянки две нижних челюсти с зубами и ряд других костей кроманьонского человека.

Д. Н. Лев был очень общительным дружелюбным человеком. Как никто он умел заинтересовать археологией, раскопками, грубыми каменными орудиями людей никогда до того с археологией не сталкивавшихся, только начинавших свою учебную подготовку. Д. Н. Лев пользовался большой популярностью, любовью, уважением среди многих сотен своих учеников — студентов и выпускников Самаркандского университета, для многообразной подготовки которых он не жалел сил и энергии. Широко известен он и среди археологов, высоко ценивших его вклад в изучение каменного века Узбекистана.

Светлая память о Д. Н. Леве навсегда сохранится среди его учеников и его коллег.

П. И. Борисковский, А. П. Окладников

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГПИ — Ашхабадский гос. педагогический институт
АГСП — Античные города Северного Причерноморья
АЖ — Антропологический журнал
АИЗ — Археологические известия и заметки
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический сборник
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
ВГМГ — «Вестник Гос. музея Грузии»
ВДИ — «Востник древней истории»
ВИ — «Вопросы истории»
ВИА — Всеобщая история архитектуры
ВССА — Сб. Вопросы скифо-сарматской археологии
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ДЧИ — Древности Чечено-Ингушетии
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИМКУ — Сб. История материальной культуры Узбекистана
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИЭ — Институт этнографии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МДАПВ — Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА ю-з СССР и РНР — Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики
МИАЭИКК — Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
МКАЭН — VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МЭ — Материалы по этнографии
НС — Нумизматика и сфрагистика
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский гос. археологический музей
ПАИЭА — Сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии»
Працы — Працы археологічнай камісіі
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СЭ — «Советская этнография»
Тр. ГИМ — Труды Гос. исторического музея
Тр. ГМИИ — Труды Гос. музея изобразительных искусств
Тр. ГЭ — Труды Гос. Эрмитажа
Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Акад. наук Турменской ССР
Тр. МАЭ — Труды Марийской археологической экпедиции
Тр. ОАМГЭ — Труды Отдела истории культуры античного мира Гос. Эрмитажа
Тр. ОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
Тр. ОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского гос. университета
Тр. ТАКЭ — Труды Термезской археологической комплексной экспедиции
Тр. УОЛЕ — Труды Уральского общества любителей естествознания
Тр. ЧИНИИ — Труды Чечено-Ингушского научно-исслед. института
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исслед. института
Уч. зап. ТувНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исслед. института
ХС — Херсонесский сборник
ЭВ — Эпиграфика Востока
AAH — Acta archaeologica hungaricae

AB-S — Acta Baltico-Slavica
AÉ — Archaeologiai Értesitö
AH — Archaeologica hungarica
AHOME — A Herman Otto Muzuem Evkönyve
AJA — American Journal of Archaeology
AM — Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Institut
AO — Ars Orientalis
AP — Archeologia Polski
AR — Archeologicke Rozhledy
ARV — Attic Red Figured Vase-Painters
AS — Anatolian Studies
AZR — Arid Zone Research
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities in Stockholm
BSA — The Annual of the British School Athens
CR — Clara Rhodos
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
DAGR — Dictionaire des antiquités grecques et romaines — Ch. Daremberg et M. Ed. Saglio
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)
Fr — Furtwängler und Reichhold. Griehiesche Vasenmalerei
YDAI — Yahrbuch des deutschen archäologische Instituts
IEJ — Israel Exploration Journal
JHS — Journal of Hellenic Studies
JGS — Journal of Glass Studies
JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute
MCA — Materiale şi cercetări archeologica
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan
MKAS — I Международ. Конгресс славянской археологии
Mon Piot — Monuments et mémoires publ. par l'Academie des inscriptions et belle lettres. Fondation Piot
MS — Materialy Starożythe
PEQ — Palestine exploration quarterly
PMMAE — Prace i Materialy Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Lodzi
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society (Cambridge)
PWK — Pauly-Wissowa-Kroll. Real Encyclopödia der klassischen Altertumswissenschaft
RL — W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der greichischen und römischen Mythologie
RM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung
SA — Slawie Antiqua
SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilization. The Oriental Institute University of Chicago
SC — Scythica et Caucasica.— В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche
SitzP — Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia zu Königsberg i Pr.
SMYA — Suomen muianais-muisto-yhdistysen aikakauskirja
SPA — A Survey of Persian Art
SPÖG — Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gessellschaft zu Königsberg
SPRA — Sprawozdania Archeologiczne
WA — Wiadomosci Archeologiczne
ZOW — Z Otchłani Wiekow

СОДЕРЖАНИЕ

П. И. Борисковский (Ленинград). Памяти Фридриха Энгельса 3

Статьи

А. А. Формозов (Москва). О термине «мезолит» и его эквивалентах . . . 6
В. П. Алексеев (Москва). Популяционная структура человечества и историческая антропология 12
В. Б. Ковалевская, И. Б. Погожев, А. П. Погожева (Кусургашева) (Москва). Количественные методы оценки степени близости памятников по процентному содержанию массового материала 26
И. М. Тюрина (Москва). Неолит верхнего Поднепровья 40
Г. Н. Лисицына (Москва). Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тыс. до н. э. 53
И. Л. Станкевич (Москва). Сопоставление керамических комплексов иранских памятников III—II тыс. до н. э. 67
Ян Домбровский (Варшава). Проблемы восточных связей лужицкой культуры 76
Д. С. Раевский (Москва). Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея 90
Е. А. Шмидт (Смоленск). Об этническом составе населения Гнездова . . 102

Публикации

К. И. Зайцева (Ленинград). Расписная курильница-урна из Ольвии . . 109
М. А. Тиханова, И. Т. Черняков (Ленинград, Одесса). Новая находка погребения с диадемой в северо-западном Причерноморье 117
З. А. Билимович (Ленинград). Два бронзовых таза из Семибратных курганов 128
В. Ю. Лещенко (Пермь). Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья . . 136
А. Г. Мухамадиев, Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае 149
В. А. Лекванадзе (Тбилиси). Гантиадская базилика 162

Заметки

В. П. Третьяков (Ленинград). Майданская стоянка волосовской культуры (по раскопкам 1966 г.) 175
Я. И. Сунчугашев (Абакан). О древней металлургии меди в Хакасско-Минусинской котловине 181
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). К изучению минусинских культовых древностей 186
В. С. Стоколос (Уфа). О стратиграфии поселения Кипель 193
Л. В. Копейкина (Ленинград). Фрагмент родосско-понийской тарелки из раскопок 1966 г. на о. Березань 198
В. Б. Виноградов (Грозный). Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии 202
О. Шапошникова (Киев). Погребение скифского воина на Ингуле 208
Т. Н. Троицкая (Новосибирск). Курган большеречекской культуры . . 213
Б. А. Василенко (Иван-Франковск). Заметки о гераклейских клеймах 217
Н. З. Кунина (Ленинград). Группа полихромных стеклянных сосудов из некрополя Пантикапея 224
М. П. Ваулина (Ленинград). Фрагменты деревянного саркофага с резным карнизом из Керчи 228
В. Генсель, У. Дымачевский, А. Дымачевский, С. Гильчерувна (Польша). Результаты польских археологических исследований на городище Стырмен, округ Русе в Болгарии (1962—1968) 233
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Мечеть Ну-Гумбед в Балхе 241
Г. И. Матюшкина (Москва). Крест мастера Серапиона 250
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). Надпись Джанибек-хана на плите из Маджар 253
Р. А. Симонов (Москва). О методологии изучения математики Древней Руси 254

Библиография

Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Д. Кларка 258
И. С. Каменецкий (Москва). О показателе массивности отщепов 270
В. В. Седов (Москва). Я. Я. Граудонис. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа 272
А. П. Окладников, Л. А. Файнберг (Новосибирск, Москва). Hans Georg Bandi. Urgeschichte der Eskimo 276

С. А. Плетнева (Москва). По поводу статьи Л. Н. Гумилева и И. Эрдейи «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века» . . 279
Н. И. Гаген-Торн (Ленинград). О филологическом и историческом анализе «Слова о полку Игореве» 283
Г. К. Вагнер (Москва). Fridrich Möbius Westwerkstudien 288

Хроника

В. А. Джорбенадзе (Тбилиси). Археологические исследования в Грузии в 1968 г. 291
Н. В. Хоштария 295
Д. М. Атаев 296
Д. Н. Лев 298

SOMMAIRE

P. J. Boriskovski (Léningrad). En mémorire de Friedrich Engels 3

Articles

A. A. Formosov (Moscou). A propos du terme «le mésolithique» et de ses équivalents 6
V. P. Alexéev (Moscou). Structure de populations de l'humanité et anthropologie historique 12
V. B. Kovaleskaïa, I. B. Pogogev, A. P. Pogogéva (Koussourgachéva) (Moscou). Méthodes quantitatives de l'estimation du degré d'affinité des monuments d'aprés le pourcentage des matériaux en masse 26
I. M. Turina (Moscou). Le Néolithique des régions situées dans le cours supérieur du Dniepr 40
G. N. Lissitsina (Moscou). Plantes satives du Proche-Orient et du sud de l'Asie Centrale aux VIII—V^es millénaires avant notre ère 53
I. L. Stankévitch (Moscou). Caractéristique comparative des ensembles céramiques de certains monuments iraniens des II—IIes millénaires avant notre ère 67
Jan Dombrowski (Varsovie). Problèmes des relations orientales de la culture de Luzyce 76
D. S. Raievsky (Moscou). Théme mythologique scythe dans l'art el l'idéologie du royaume d'Atéas 90
E. A. Schmidt (Smolensk). Sur la composition ethnique de la population de Gnezdovo 102

Publication

K. I. Zaitséva (Léningrad). Use cassolette-urne courverte de peinture de provenance d'Olbia 109
M. A. Tikhanova, I. T. Tcherniakov (Léningrad, Odessa). Trouvaille d'un diadème dans une sépulture(région nord-ouest de la mer Noire) 117
Z. A. Bilimovitch (Léningrad). Deux cuvettes de bronze de provenance des tumulus dits «Sémibratniyé» 128
V. Yu. Léchtchenko (Perm). Les plaques représentant des scènes de chasse de provenance des régions de la Volga 136
A. G. Moukhammadiev, G. A. Fiodorov-Davydov (Moscou). Les fouilles d'une riche propriété à Novy-Sarai 149
V. A. Lekvinadzé (Tbilissi). La basilique de Gantiadi 162

Notes

V. P. Trétiakov (Léningrad). Station de Maïdan de la culture de Volossovo (d'aprés les fouilles de 1966) 175
Ya. I. Sountchougachev (Abakan). Sur la métallurgie ancienne du cuivre dans la dépression de Khakassie-Minoussinsk 181
M. D. Khlobystina (Léningrad). A propos de l'étude des objets de culte anciens de Minoussinsk 186
V. S. Stokolosse (Oufa). Sur la stratigraphie du site de Kipel 193
L. V. Kopéikina (Léningrad). Un fragment de l'assiette de Rhodes-Ionie découvert au cours des fouilles effectuées en 1966 sur l'île de Bérésan 198
V. B. Vinogradov (Grozny). De nouveaux ensembles datant de l'époque des scythes trouvés en Tchétchéno-Ingouchétie 202

O. Chapochnikova (Kiev). La sépulture d'un guerrier scythe dans la région de l'Ingoul 208
T. N. Troïtskaïa (Novossibirsk). Un tumulus de culture de Bolchaïa retchka 213
B. A. Vassilénko (Ivan-Frankovsk). Les notes concernant les timbres d'Héraclée 217
N. Z. Kounina (Léningrad). Un groupe de récipients polychromes en verre de provenance de la nécropole de Panticapée 224
M. P. Vaoulina (Léningrad). Les fragments d'un sarcophage de bois à la corniche ciselée (de Kertch) 228
W. Genzel, U. Dymaczewski, A. Dymaczewski, S. Gilczerówna (Pologne). Les résultats des recherches archéologiques effectuées sur la gorodichtché de Strymen, district de Roussé en Bularie (1962—1968) 233
G. A. Pougatchenkova (Tachkent). La mosquée Nou-Goumbed à Balkh . . . 241
G. I. Matiouchkina (Moscou). La croix du maître Sérapion 250
E. V. Rtvéladzé (Tachkent). L'inscription de Djanibek-Khan sur une dalle provenant de Madjary 253
R. A. Simonov (Moscou). Sur la méthodologie de l'étude des mathématiques en Ancienne Russie 254

Bibliographie

G. A. Fiodorov-Davydov (Moscou). Les notions «type archéologique» et «culture archéologique» dans «L'Archéologiee analytique» 258
I. S. Kaménetsky (Moscou). Sur l'indice de solidité des éclats 270
V. V. Sédov (Moscou). Ya. Ya. Graudonis. La Lettonie à l'époque du Bronze tardif et du Fer Ancien 272
A. P. Okladnikov, L. A. Faïnberg (Novossibirsk, Moscou). Hans Georg Bandi. Urgeschichte der Eskimo 276
S. A. Plétneva (Moscou). A propos de l'arcticle de L. N. Goumilev et I. Erdéli «Unité et diversité de la culture steppique d'Eurasie au Moyen Age» . . . 279
N. I. Gaghen-Torn (Léningrad). Sur l'analyse philologique et historique du «Dit de la campagne d'Igor» 283
G. K. Vagner (Moscou). F. Möbius. Westwerkstudien 283

Chroniques

V. A. Djorbénadzé (Tbilissi). Les recherches archéologiques effectuées en Géorgie en 1968 291
N. V. Khochtariya 295
D. M. Ataev 296
D. N. Lev 298

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 15/V-1970 г. Т-10051 Подписано к печати 8/VII-1970 г. Тираж 2500 экз.
Зак. 483 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 26,6+2 вкл. Бум. л. 9¹/₂ Уч.-изд. л. 29.2

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10